

230761

БЗ.З(З)

С 13

Савин А. Н.
Лекции по истории
английской революции

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugai.ru/>

230761

Зак. 3456

Комп. № 000000. ВЛДМ

99v	04
100	04
1002	06
100	04
1011	

13

~~48~~ 22

230761

СОУНЬ ИМ. Б.Л. Белинского
http://book.uraic.ru/

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugaic.ru/>

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugai.s.ru/>

13
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ПРИ МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. Н. САВИН

9/42)
с 13

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Е. КОСМИНСКОГО

1944 г.
23076/7
АРХИВ

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1924

СОУНЬ ИМ. В. В. ШЕЛИНСКОГО
<http://book.uir.ru/>

Гиз. № 5731.

230761

3,000 SR

От Научно-исследовательского Института Истории
при I Московском Государственном Университете.

29 января 1923 года русская историческая наука понесла тяжкую потерю: в расцвете творческих сил, в разгаре ученой работы скончался Александр Николаевич Савин. Неустойчивый работник, с крайней, может быть, даже чрезмерной шепетильностью относившийся к каждой печатавшейся за его подписью строчке, Савин оставил после себя богатое литературное наследие, своими размерами значительно превосходящее то, что было напечатано при его жизни. Научно-исследовательский Институт Истории при I Московском Государственном Университете считает своим долгом перед памятью своего покойного сочлена и перед русскими читателями опубликовать все то, что осталось после Савина в виде рукописных трудов и литографированных студенческих записей (поскольку их можно было привести в годный для печати вид), и собрать разбросанные по разным изданиям его статьи по вопросам истории и текущей жизни. «Лекции по истории Английской Революции» являются началом этого издания.

Институт Истории приносит глубокую благодарность жене покойного *Е. Ф. Савиной* за всемерную помощь в работе над его рукописным наследием, а также *Д. Б. Рязанову* и *Госиздату* за содействие в деле издания.

Директор Института проф. *Д. Петрушевский*.

Москва 29 января 1924 г.

Предисловие редактора.

Лекции А. Н. Савина по истории английской революции являются важным вкладом в русскую историческую литературу, в этой области очень бедную и давно не освежавшуюся. Глубокий знаток английской жизни, А. Н. Савин дает в своих лекциях богатое по содержанию и оригинальное по системе и материалу построение, оживленное обильным подбором иллюстраций. Читатель, в первую очередь студент и учитель, найдет здесь и тщательно продуманный план, и богатый материал для живого воссоздания специфического бытового уклада тогдашней Англии.

Книжка озаглавлена «История Английской Революции». Она несколько шире своего заглавия и обнимает историю Англии от начала XVII века до 1658 года. Но история революции является тем фокусом, в котором собираются все линии изложения, основным заданием в том плане, который рисовался автору, как это ясно видно из начальной главы. Принимаясь за эту тему, автор брал на себя нелегкую и неблагодарную задачу. История английской революции принадлежит к числу трудных для изложения предметов. За сложной и шумной борьбой политических и религиозных партий нелегко наметить ясные контуры классовых противоречий, лежащих в основе этой борьбы. Отдельные социальные группы не выступают с достаточно определенными очертаниями и достаточно определенной политической физиономией. К тому же социальная история XVII века представляет едва ли не наименее освещенную страницу английской истории. Особенно английская деревня XVII века еле начинает выступать из окутывавшего ее до сих пор мрака. Здесь предстоит еще колоссальная исследовательская работа. То немногое, что мы знаем, говорит о большой сложности социальной структуры этого «переходного» времени, и предостерегает от поспешных и упрощенных

объяснений. Осторожный скептик, А. Н. Савин предпочитал оставить проблему открытой, чем дать разрешение, не поддержанное хорошо изученным документальным материалом. Он останавливается преимущественно на политической и религиозной истории английской революции — здесь он мог опереться на хорошую разработку вопроса: яркая и пестрая идейная поверхность революции виднее и легче для изучения, чем глубокие и темные ее течения. Да и историография, все еще остающаяся преимущественно «аристократической и спиритуалистической», изучила преимущественно эту сторону дела. Савин осторожно пробует нащупать социальную подпочву великого кризиса, но, не встречая прочной опоры, предостерегает от решительных обобщений и упрощенных схем. Но было бы ошибкой думать, что Савин склонен видеть в великой борьбе XVII века преимущественно борьбу идей. Центр тяжести научных интересов Савина лежал в области социально-экономической истории. Никто не сделал больше его для освещения темной и запутанной эволюции английской деревни в эпоху Тюдоров. Он был одним из первых пионеров, приступивших к разработке нетронутой целины стюартовской деревни. Смерть застала его за этой работой. Не его вина, если в этой области сделано еще слишком мало.

Проблема английской революции выступает в лекциях Савина в незавершенном виде. Но эта незавершенность не есть результат слабости метода или односторонности интересов, как у огромного большинства историков, писавших об этой эпохе; она говорит лишь о неравномерности разработки вопроса в исторической литературе.

В основу нашего издания «Лекций по истории Английской Революции» легли два литографированных курса. Первый из них («История Англии XVII века—лекции, читанные А. Н. Савиным в 1907/08 г. на Высших женских курсах и в Московском Университете») охватывает период от начала XVII века до начала гражданской войны; в последней главе дан краткий очерк главнейших явлений эпохи гражданской войны. Этот курс очень хорошо передает чтения А. Н. Савина и почти без изменений печатается в виде I части нашего издания. Второй из литографированных курсов («А. Н. Савин. История Англии в XVII веке. Курс 1909/10 года») посвящен эпохе от созыва Долгого парламента до смерти Кромуэля. Он был записан и издан настолько неудовле-

творительно, что возникало сомнение в возможности приведения его в годный для печати вид. Беспомощная запись бесследно стерла оригинальность мысли и стиля А. Н. Савина, и восстановить их уже невозможно. Легче было исправить бесчисленные фактические неточности (часто переходящие в грубые ошибки) и установить последовательность изложения, при чем пришлось вычищать тот жидкий клейстер, которым неумелые издатели пробовали склеивать отдельные факты между собою. Для этого курса сохранился зато подробный конспект самого лектора, давший возможность при переработке держаться возможно ближе к его замыслам и воззрениям. Изложенным достаточно объясняется разница между I и II частью «Лекций по истории Английской Революции» в нашем издании, а именно некоторая бесцветность, отрывочность и конспективность второй части. Ответственность за все эти недостатки ложится никак не на автора.

Курсы 1907/8 и 1909/10 г.г. отчасти покрывают друг друга, поэтому пришлось сделать некоторые пропуски в заключительной части первого курса и исключить начальные главы второго, трактующие об эпохе от созыва Долгого парламента до начала гражданской войны. Вполне избежать повторений все же не удалось: для этого пришлось бы порой жертвовать слишком ценным материалом.

«Лекции по истории Английской Революции» резко обрываются на смерти Кромуеля. Редактор следовал здесь за конспектом автора, считая себя не вправе сочинить конец от себя или воспроизвести те несвязные страницы, которыми заканчивается литографированный курс. Повидимому, в заключительных словах А. Н. Савин подводил итоги деятельности Кромуеля и говорил об отношении английской историографии к революции и к ее главному герою, возвращаясь к мыслям, уже высказанным в начальной и заключительной главах I части.

Е. Косминский.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОТ 1603 ГОДА ДО
НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

СОУНЬ ИМ. П. П. БОЛИНСКОГО
<http://book.rsl.ru/>

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

I. Обзор литературы.

Английская революция в исторической литературе. — Кларендон. — Мей. — Гаррингтон. — Юм. — Галлам. — Маколей. — Гизо. — Гнейст. — Ранке. — Годуин. — Карлайль. — Маркс. — Энгельс. — Бернштейн. — Гарднер. — Недостаточная разработанность социальной истории Англии.

Правильное понимание важнейших событий в истории Англии XVII в. установилось не сразу. Поэтому и хочу предложить вам небольшой очерк воззрений на историю Англии XVII в.

Для нас нет сомнения в том, что срединным узлом, наиболее важной частью английской истории XVII в., да и не одного XVII в., являются 40-е и 50-е годы, время гражданской войны, республики и протектората, когда политическая борьба достигла наивысшего напряжения. Историк наших дней трудно воздержаться от искушения видеть во времени Якова I и в первых 15 годах Карла I только прелюдию к гигантской борьбе середины века. Время реставрации, время Карла II и Якова II, революция 1688 г., «славная революция», в наших глазах только отдаленный отзвук палетевшей на английское общество более сильной и шумной грозы той поры, в которой Карлайль видит последний этап английского героизма. Но эта точка зрения сложилась недавно и не без труда получила распространение в английском и вообще в европейском обществе. У людей, живших вскоре после переворота, отношение к истории XVII в. было вовсе не таково. После того, как отшумели бури первой «великой» английской революции, длинный ряд поколений, напуганных ими до потери чувства перспективы, оглядывался на пережитую смуту с радостью по поводу ее конца, с тревогой перед возможностью ее повторения, оглядывался и отвертывался, закрывал глаза, старался забыть эти 20 лет, как тяжелый, но, к счастью, безвозвратно миновавший кошмар.

Реабилитация «великого мятежа» есть дело только XIX в. Она началась притом с той его стороны, которая, быть может, всего менее манит к себе историка наших дней. Ранняя попытка Годуина раскрыть величие английских республиканцев не произвела большого впечатления. Перелом в общественном мнении начинается со знаменитой книги Карлайля о Кроуэде. Не люди политической

свободы, демократических порывов и религиозного непротивления злу, а суровый герой порядка и мощной всеокрушающей силы, воскрешенный влюбленным резцом великого писателя, вызывает отклик в сердцах уважаемых англичан времени Пилля и Кобдена и заставляет их постепенно изменить свои взгляды на пору пуританского безумия. Присматриваясь к ней, англичане высших и средних классов начинают еще с новой стороны чувствовать свое кровное родство с революционерами XVII в. Долгое время 40-е и 50-е годы были вычеркнуты из официальных версий английской истории. Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутов, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората. Законодательство прерывается после разрыва короля с Долгим парламентом и возобновляется лишь вместе с реставрацией; «мятежнические» акты доселе приходится разыскивать в частных собраниях. А в самом конце века тайный советник и бывший министр королевы пишет проникнутую сочувствием биографию главного цареубийцы (Морлей, 1900), о которой самым лестным образом публично говорит настоящий министр ее величества, тогдашний идол патриотов и лоялистов (Чемберлен). И что еще соблазнительнее, за несколько лет перед тем одно неизвестное лицо приносит в дар парламенту бюст этого самого цареубийцы, который — кстати сказать — самым непочтительным образом разогнал несколько парламентов, и парламент принимает подарок, ибо ни для кого не секрет, что этот неизвестный, быть может, наиболее уважаемый и близкий ко двору человек, бывший премьер ее величества (лорд Розбери). Вместе с бюстом в официальный исторический Пантеон входит английская революция, но крайней мере часть ее, и не смущает больше ничьих робких взоров. В страшных смутянах и насилиях англичане наших дней нашли своих предков, которые проводили строгую протекционную политику, полагали основание колониальной империи, одерживали победы в разных морях и разносили славу английского имени, английской веры, английского флота, английского сукна. Недаром наиболее уравновешенный, осторожный и компетентный историк этого периода (Гардинер) объявляет наиболее выдающегося деятеля смуты «наиболее типичным англичанином нового времени».

Совсем не то было в XVII и XVIII веках. Мы должны выяснить причины отрицательного отношения к этому периоду и познакомиться с тем, как постепенно осуждение сменилось более спокойным отношением.

Причины отрицательного отношения к первой английской революции кроются в исторических традициях английского общества.

Первой английской революции предшествовал долгий период попыток установить в Англии порядки, близкие к континентальному абсолютизму. С превращением династической борьбы Роз английское общество вступило в очень длинную полосу внутреннего мира, надолго утратило способность организованного и смелого сопротивления захватам и насилиям своих деспотически настроенных правительств. На протяжении полутора веков, которые отделяют момент появления Тюдоров от начала великой борьбы середины XVII в., можно указать только одно сильное вооруженное движение, «Благодатное паломничество», при Генрихе VIII, характерное для обстановки политического смирения, в которой воспитывался длинный ряд поколений. Но и его участники полны покорности и лояльности: паломничество было успешно, но победители испугались, сложили оружие и принесли повинную верховной власти. Недовольство, конечно, существовало, зрело, накапливалось, распространялось; но люди отвыкли от мысли, что можно восстать против гнета и насилий, отвыкли от грубой борьбы и боялись безначалия. Смута налетела на англичан, ошеломила своей неожиданностью, завертела их в вихре грозных событий и надолго отняла способность дать себе ясный отчет в том, почему и что произошло. В английской истории XVII в. мы замечаем то же явление, которое повторялось после и в истории других стран: политический порядок доживает последние дни, недовольство разлилось глубоко, но в силу неорганизованности, привычки к подчинению, люди не в состоянии представить себе возможность крушения старых форм жизни. Мы видим это на пороге XIX в. во Франции, испытываем по личному опыту в начале XX в. С таким же настроением встречаемся мы и в Англии перед самым началом открытой борьбы против старого порядка. Полное ослепление овладело людьми, которые, казалось бы, всего более могли и должны были быть осведомлены о ветхости и шаткости политического порядка, о грозной опасности, его ожидающей. Государственные деятели, стоявшие у кормила правления, накануне революции всего менее ждали ее и не могли отказаться от мечты доверить абсолютистское здание. Укажу два характерные отзыва, сделанные на пороге революции. В 1638 г., за два года до созыва Долгого парламента и за четыре года до начала борьбы, один из наиболее видных дипломатов Англии на континенте, Уоттон говорил о положении своей родины. Он отрицает возможность переворота и восстания, верит в безусловную лояльность англичан и с гордостью заявляет: «Мы в Англии не знаем, что такое бунтовщик или измена. Самые эти имена устарели вместе с вещами». Около того же времени наиболее выдающийся деятель по утверждению абсолютизма в Англии, наиболее крупный государственный человек двенадцати лет деспотического

бездумья, полновластный правитель Ирландии и влиятельный советник короля по английским делам, знаменитый лорд Страффорд, в своей переписке выражает уверенность, что все обстоит благополучно, везде царит полное довольство: «Народ совершенно спокоен и, если только я не делаю очень грубой ошибки, совершенно доволен, если только не упоен, милостивым правлением и покровительством его величества».

Пелена лежала на глазах не у одних сторонников старого порядка. Не предчувствовали событий и недовольные, даже самые выдающиеся между ними, которые немедленно стали во главе оппозиционного и революционного движения. Некоторые изумляются своим успехам, почти не верят им, их быстроту и полноту приписывают не себе, а персту божию, неисповедимой благости провидения. Это настроение индепендентов объясняется не только их религиозным воодушевлением, но и неожиданностью перемен. Броммель на вершине своего могущества постоянно твердил о чудесности успеха святых людей, который (успех) не поддается земному учету и может быть объяснен лишь особым небесным покровительством.

В обстановке всеобщей растерянности и недоумения, по горячим следам событий создавалась первая крупная историческая работа об английской революции, «История мятежа». Ее автор, Эдуард Гайд, лорд Кларендон, был видным участником тех событий, о которых пишет; он пишет в значительной мере по личным воспоминаниям. Кларендон стоял в рядах побежденных, которых снова вынесла наверх волна торжествующей реакции; поэтому к растерянности перед хаосом событий у него примешивается негодование на народное ослепление, жажда раскрыть грехи деятелей первой революции. Юрист по профессии, в Долгом парламенте он первое время находился в рядах умеренной оппозиции, примыкал к группе конституционных роялистов. Но события очень скоро опередили его. В гражданской войне он с самого начала оказался на стороне короля и скоро стал одним из самых влиятельных членов королевского совета в Оксфорде, писал все сколько-нибудь важные манифесты роялистов. После военного краха роялистов в 1646 г. он должен был эмигрировать на Джерсей, где и начал писать свою историю, а потом во Францию, вместе с наследником престола. Он вернулся назад вместе с реставрацией и стал лордом-канцлером и главным руководителем всей реакционной внутренней политики в первые годы реставрации. Он пал в 1667 г., несправедливо обвиненный в измене, и опять эмигрировал во Францию, где и умер в 1674 г. Во Франции после 20 лет перерыва он возвращается к своей «истории» и сверх того пишет еще важную автобиографию.

Этот человек, находившийся в чрезвычайно благоприятной обстановке, чтобы видеть все нити революционного процесса, ровно ничего не понимает в нем. Он разделяет вполне точку зрения своего современника, незамысловатого роялиста, который, недоумевая по поводу причин переворота, писал про дореволюционные годы Карла I: «Каждый сидел тогда спокойно под своей смоковницей, и источники справедливости текли ясной и быстрой струей». Это писал Уорик (sig Ph. Warwick), личный секретарь короля в его последние месяцы.

Кларендон заверяет, что 12 лет бездумья были самым счастливым временем английской истории. Жилось будто бы лучше, чем при Елизавете и Якове. Король был безбидный, милостивый, целомудренный, трезвый, благочестивый человек. Двор жил в полном довольстве, церковь цвела необычайными дарованиями, страна богатела, торговля росла, королевский флот внушал страх врагам. *Imperium* и *libertas* были примирены. Отчего же пришла беда? Кларендон теряется в догадках; он старается найти какие-нибудь причины. Король слишком милостиво принимал папских послов. Необдуманно и стремительно распустил свои первые три парламента и долго не созывал новых; надо было чаще созывать их, чтобы рассеять страх перед ними и обратить их в покорное орудие правительства. Король слишком мало ценил свой Тайный совет, допустил публичные прения по судебным делам, допустил парламент до расспросов о закрытых заседаниях Тайного совета; злоупотреблял юрисдикцией Звездной палаты и Тайного совета; неправильно взимал без парламентского разрешения весовые (*tonnage and poundage*) и корабельные деньги. Но сам же Кларендон чувствует недостаточность подобных объяснений и готов объяснить революцию психической заразой, непонятным образом обуявшей английское общество. У народа точно помутился разум, все точно взбесились, раздували ничтожные нарушения отдельных законов и не замечали, что здание конституции стоит незыблемо, что ему не угрожает ни малейшей опасности со стороны правительства. Произшла всеобщая измена вере, долгу и присяге. Перемена была так внезапна и повсеместна, что в ней приходится видеть чудо.

Растерянность до такой степени овладевает сознанием этого историка первой революции, что он склонен объяснять события, как хитрое насилие ничтожного меньшинства над заблуждавшимся близоруким большинством. Здесь Кларендон предвосхищает объяснение, которое Ишполит Тэн давал некоторым периодам французской революции — «*conquête jacobine*». Не король, а Долгий парламент низверг старую конституцию. Между монархией и господством права нет никакого противоречия. Король и право в случае своего союза будут настолько сильны, что преодолеют всякое

сопротивление. Следствия победы революционеров были ужасны: в Англии на время утверждается атеизм, нарушаются всякие обязательства, падают все основы права и свободы. Огромное большинство дает обмануть себя кучке людей, проявивших необычайное искусство в злой политической интриге, в сочинении массовых петиций, в разнузданных уличных демонстрациях, в застрачивании противников, в печатной клевете, в застрачивании парламента лондонской чернью. Все притворно в этих интриганах: религиозное воодушевление, любовь к свободе, привязанность к народным правам. Они не брезгают никакими средствами. Кларендон разоблачает злые уловки и фокусы, к которым прибегают вожди революции. Одним из видных моментов был судебный процесс над лордом Страффордом, сбившийся на политическое преследование. Одно из главных обвинений, предъявленных к Страффорду, было обвинение в нарушении конституции, когда он был наместником Ирландии и подготавливал армию для короля. Кларендон рассказывает, что вождь парламента, знаменитый Пим, прибегал к недостойным манерам: он приказывал разыскивать самых оборванных, самых потеранных ирландцев, одевал их на свой счет в дорогие костюмы, в течение нескольких недель обучал их хорошим манерам и заставлял фигурировать на суде в качестве почтенных людей, свидетельствовавших о дьявольских замыслах наместника Ирландии.

Смута ушла так же быстро, так же необъяснимо, как и пришла. «Реставрация была таким дивным актом провидения, какого бог не оказывал ни одному народу с той самой поры, как провел свой избранный народ через Черное море». Остается преклониться перед высшей волей и стряхнуть с себя все следы революционного кошмара.

Не все современники английской революции удовлетворялись объяснениями, подобными объяснениям Кларендона. Некоторым были видны религиозные корни смуты. Историк Долгого парламента Мей (Th. May) связывает смуту XVII в. с религиозным переворотом XVI в. Еще в XVI в. произошли глубокие перемены в религиозном сознании народа. В связи с ними английское правительство разорвало с Римом; но установившиеся в английской церкви порядки совершенно не удовлетворяли людей с новыми религиозными запросами. На требование церковных реформ упрямое правительство отвечало решительным отказом и суровыми преследованиями. Чтобы провести ту форму церковного строя, которую они считали необходимой для спасения, они были вынуждены свергнуть английское правительство и занять его место.

От наиболее проникательных современников не укрылись даже социально-экономические корни смуты; к числу их принадлежал едва ли не самый выдающийся из английских политических теоре-

тиков XVII в. Джеймс Гаррингтон (James Harrington), автор трактата об «Океании». Этот трактат есть утопия, но Гаррингтон должен был из цензурных соображений скрывать свои взгляды на прошлые, настоящие и ближайшие политические цели туманом утопии, так как тогда над Англией лежала тяжелая рука диктатора Кромвеля. В одном отделе своей книги он касается истории Англии и с чрезвычайной ясностью указывает на хозяйственные и общественные причины политического переворота. Хозяйственным явлениям он приписывает определяющую роль в развитии английского и вообще всякого общества. Здесь он прямо таки предвосхищает историческую философию того направления, которое получило столь широкое распространение с конца XIX в. под именем исторического материализма. Бернштейн в своей книге говорит, что в Гаррингтоне надо видеть предшественника современного материализма.

Для Гаррингтона политический строй общества определяется хозяйственным строем. Политически господствующим слоем является тот общественный класс, в руках которого сосредоточена наибольшая часть наиболее важного вида частной собственности. «Политическое господство следует за равновесием собственности». Так как Англия оставалась тогда страной земледельческой, то в глазах Гаррингтона перемены в распределении землевладения служат ключом к объяснению важнейших явлений английской истории.

Долговременное существование монархии, по его мнению, объясняется тем, что долгое время земельная собственность и власть распределялись между королем и дворянством. Монархия была прочна, ибо между ней и поземельной аристократией нет принципиального различия интересов, и дворяне восставали против отдельных монархов, но не против монархии. Династия Тюдоров проявила крайнюю близорукость: она увидела в крупных землевладельцах своих врагов и употребила все силы, чтобы сломить их. Генрих VII решил сломить силу знати опалами, преследованиями ливрей, защитой крестьянского землевладения. Генрих VIII продолжал политику своего отца, и отнятые у монахов земли в большей своей части достались общинам, народу. Они в значительной мере достигли цели; перы ослабели, но с ними пошатнулся и трон. Баланс собственности переместился к разбогатевшим общинам, — отсюда смута. Она произошла не от деспотических наклонностей короля, не от политического упрямства подданных, не от партийных козней, а от перемен в распределении собственности. Средние классы стали хозяйственно сильнее высших. Правда, эти средние классы долгое время не сознавали происшедшей перемены, не замечали своей мощи, но когда при Стюартах они сознали ее, они низвергли монархию, которая сама отняла у себя поддержку дворянства. У ослабевшего

правительства оставалась только одна надежда, надежда на армию. Монархия схватилась за это средство, чтобы вернуть прежнее положение, и познала всю тщету усилий идти против неумолимого хода хозяйственного развития. Не гражданская война обессилила и погубила королевское правительство, а ослабление королевского правительства породило гражданскую войну.

Эти пропитательные голоса не привлекли к себе внимания и остались голосами вопиющих в пустыне. Реставрация повлекла за собой резко отрицательное и близорукое отношение к революции. Казалось бы, революция 1688 года с последовавшим за ней господством вигов могла изменить взгляды на свою предшественницу, внести известную широту и терпимость хотя бы только в суждение об ее политической стороне. переворот 1688 года был совершен во имя народного верховенства, под знаменем защиты народных прав и верований, попранных королевским деспотизмом, и привел к прочному ограничению королевской власти. Казалось бы, победители 1688 г. легко могли усмотреть в победителях середины века своих духовных предков. Один знаменитый историк 2-й половины XVIII в., Юм, действительно, жаловался, что долгое господство вигов распространило в английском обществе превратные и вредные взгляды на историю первой революции, которая из партийных соображений подверглась полному искажению у ряда сочувствовавших вигам писателей. Карла I изображали тираном, папистом, виновником гражданской войны; английской церкви приписывали твердое намерение вернуться к римскому идолопоклонству, в пуританстве видели единственно истинную религию.

Эти обвинения нужно признать сильно преувеличенными. Деятели 1688 г. не имели никакого желания реабилитировать деятелей «великого мятежа». Наоборот, они всячески старались провести резкую грань между бескровной и «законной» революцией, которую совершили они сами, и кровавой беспорядочной борьбой середины века. Старания вигов увенчались успехом: в сознании англичан переворот 1688 г. надолго окружился ореолом, как наиболее светлый, лучезарный факт английской истории, и закрепил за собой имя «славной» революции, которую было бы преступно сопоставлять с мрачными событиями недоброй памяти 40-х и 50 г.г. И для такого мнения имелись некоторые основания. Переворот 1688 г., действительно, отличался от первой революции. Он был несравненно уже ее по своим целям, причинам, участникам. В существе дела он был совершен небольшим кружком вигских лидеров, к которым в последнюю минуту пристало и большинство торийских вождей для того, чтобы устранить католическую и абсолютистскую опасность, почти одинаково ненавистную обеим партиям. Большая часть населения сочувствовала перевороту, но держалась пассивно; с начала

до конца переворот носит резко аристократическую окраску. Он не влил новой струи в социальную историю Англии, а только закрепил и оформил сложившееся много раньше его преобладание аристократических элементов. Две политические партии, ожесточенно и шумно боровшиеся за власть в XVIII в., опирались на разные слои общества. С некоторыми оговорками можно утверждать, что за вигами стояли более широкие, более демократические слои населения, чем за тори. Но подлинная власть и у вигов принадлежала незначительному, строго аристократическому меньшинству. Большую часть XVIII в. власть в государстве принадлежала вигам. Но никогда влияние породистых крупных и средних землевладельцев не было так сильно в английской деревне, как в XVIII веке. XVIII в. есть классическая пора скуайрархии. Аристократы и скептики, стоявшие во главе вигов XVIII в., не могли чувствовать симпатии к победителям первой революции с их политическим радикализмом, демократическими порывами, религиозным энтузиазмом. Временами, особенно при Георге III, когда виги надолго попали в оппозицию, отдельные вожди позволяли себе резкий отзыв о том или другом эпизоде мятежа. Так Фокс в своей «Истории Якова II» позволил себе предположить, что казнь короля должна была поднять уважение к английскому народу к континентальной Европе. Но в общем отношение вигов к первой революции могло быть только отрицательным. Здесь между ними и тори разница была только в оценках деталей, но не в существе дела.

Лучшим образчиком распространенных в английском обществе XVIII в. взглядов на историю предыдущего столетия является «История Англии» Д. Юма. Ее знаменитый автор, бестрепетный скептик в религии и философии, в политике был консерватором и принадлежал к тори. Но если вы станете сравнивать его взгляды на XVII в. с соответствующими взглядами таких типичных вигов, как Галлам или Маколей, вы не усмотрите между ними очень существенной разницы. Второстепенные различия, конечно, есть. Виги настаивали на том, что традиция политической свободы никогда не обрывалась в Англии, что английская конституция сложилась в незапамятной древности. Когда революционеры XVII в. вступили в борьбу с правительством, они не требовали ничего нового, не отирались от представления о политическом идеале, а требовали возврата к старине, были истинными консерваторами. Юм считает такого рода построение наивным заблуждением. Он возражает, что при Тюдорах королевская прерогатива чрезвычайно усилилась, и в Англии не только фактически, но и юридически прочно установились порядки, довольно близкие к континентальному абсолютизму. Оттого, по его мнению, совершенно несправедливо обвинять двух первых Стюартов в нарушении бесспорных прав народа. Таких прав не было, ибо

Стюарты унаследовали от Тюдоров самую широкую прерогативу. Они не выступали с новыми притязаниями, а были хранителями исторической традиции и только защищались. Захватчиками и насильниками были парламенты, которые каждый год пытались ограничить или уничтожить ту или другую сторону королевской прерогативы. Во взглядах Юма на события XVII в. проглядывает очевидное нерасположение к первой революции, и отрицательное отношение к этому перевороту у него еще решительнее, чем у вигов. Но и Юм вовсе не безусловный защитник политики Стюартов. Границы между прерогативой и «привилегиями» (т. е. правами народа и парламента) были неясны. Правительству следовало выступать осторожнее, тем более, что оно опиралось не на реальную силу войск, а на моральную силу общественного мнения. Стюарты действовали очень неосторожно. Особенно сильное недовольство вызывал своими неуместными притязаниями Карл I. От судей и прелатов он требовал рабской покорности и тем самым подрывал в народе уважение к праву и религии, двум основным устоям общезжития. Но как ни велики были политические ошибки династии, они не в состоянии объяснить революцию. В 1641 г. победа парламента была так полна, власть короля пала так низко, что парламент мог провести какую угодно реформу, политическая революция могла кончиться. Революция продолжалась еще почти 20 лет, напичкала злобой и смутой всю Англию. Где причина этого? Ответ подсказан Юму его скептицизмом.

Религиозный фанатизм продлил и обострил смуту, отравил самые чистые народные настроения. Юм признает, что в 40-х г.г. было много людей храбрых, способных, бескорыстных, патриотичных, что даже широкие слои населения вдохновлялись высокими принципами. Он указывает, что самая смута имела отчасти хорошие следствия: гражданская война разбудила военный гений страны и создала прекрасных солдат; военная мощь Англии выросла в смуте. Среди всеобщего беспорядка хундордным талантам открылась возможность двигаться вверх, достигать самого высокого положения. И все-таки «богословская ненависть» всюду творила свое разрушительное дело. К вечному позору для Англии ее революция пошла от ничтожных, презренных вещей: расшитых облачений, широких рукавов, поклонов перед алтарем, празднования субботнего дня. Раздутые злобной печатью, эти пустые разногласия напоили непримиримым ожесточением парламент и нацию. У парламентской партии искажился даже национальный характер. Веселые, прямые и искренние англичане стали мрачными и нетерпимыми лицемерами, отметающими от себя самую мысль о развлечении. Религиозное лицемерие приводило к самоубийству: каждый хотел опередить соседей в святости и совершенстве. Здесь таилась и социально-политическая опасность. Чем

фанатичнее была секта, тем она была разрушительнее. Индепенденты взяли нотой выше пресвитериан. Пресвитериане хотели ограничить власть короля, индепенденты хотели уничтожить и монархию и аристократию, установить в республике полное равенство состояний. В индепендентах хороша была только религиозная терпимость, и приходится удивляться тому, что столь разумное учение обязано своим происхождением не разуму, но вершине неразумия и фанатизма. В индепендентском парламенте 1653 года Юм усматривает лишь безумный фанатизм простолудинов, замысливших заменить английское право Моисеевым законом. В конце концов, английское общество стало перед опасностью политического и общественного разложения. Особенно вредна была внезапность смуты. От типины, согласия, покорности, трезвости англичане мгновенно перешли в состояние партийности, фанатизма, восстания, почти помешательства. Ожесточение враждебных партий доходило до крайности, люди разных партий отказывались от всякого общения. Если бы смута продлилась еще немного, можно думать, повторились бы все ужасы древних проскрипций.

Поэтому, в глазах историка, каждый англичанин должен благоденствовать реставрацию, так как наступившее с ней даже относительное успокоение было благодетельно для страны. Правда, в политическом отношении оставалось много неопределенного: революция не провела разграничительной черты между короной и парламентом, реставрация также не решила вопроса, кому должно принадлежать верховенство, и потому политическая борьба продолжалась. Но, по крайней мере, утихло религиозное ожесточение.

Юм не любит вигов, но при всей вражде к ним он не отрицает возвышенности их политических идеалов. Он не скрывает теневых сторон торийского политического идеала. Он допускает, что политический застой может усынить людей, понизить их силы, заглушить их дарования, тем более, что такой застой обычно сочетается с отсутствием свободы. Но в погоне за свободой, за совершенствованием общежития, виги колеблют нередко самую основу общежития — уважение к сложившемуся государству. Юм упрекает своих противников и в демагогии, которая приводила их иногда к поблажкам народному безумию и озлоблению, к полной неразборчивости в политических средствах.

И тем не менее расстояние, отделяющее Юма от вигов, в существе дела невелико. Юм решительно осуждает деспотические и католические вождедения Якова II, безусловно сочувствует революции 1688 г. Царствование Якова II он считает почти сплошным нарушением народных вольностей и верований. Нация имела полное основание оказать сопротивление королю. Представление Якова о своей власти было такое возвышенное, что не оставляло поддан-

ным никаких прав на свободу. Революцию 1688 г. Юм не считает восстановлением старой свободы: она ввела новые, неизвестные дотоле порядки, открыла новую эпоху в истории конституции. Но в этом для Юма нет беды. Важно для него то, что переворот разрубил Гордиев узел: властно и твердо разрешил вековой спор между короной и парламентом, дал безусловное преобладание «народным началам». После него английский государственный корабль стал на прочный якорь, английскому обществу была обеспечена возможность спокойного развития. С той поры в Англии устанавливается, если не самая лучшая система правительства, то самая полная система свободы, какая только когда-либо была известна людям.

Взгляды на английскую революцию, державшиеся в английском обществе в XVIII в., остались в силе и в XIX в., по крайней мере, в первой половине, у наиболее выдающихся виговских историков.

Одним из крупных представителей их является Генри Галлам. Конечно, его «Конституционная история» (вышла в 1827 г.) отличается от «Истории» Юма, по их совпадения важнее их разногласий. В качестве вига Галлам выдает себя за пламенного, беззаветного поклонника свободы. Вслед за Монтескье он восклицает: «Чего бы ни стоила свобода, мы должны быть готовы уплатить небу по счету». На деле его страсть очень сильно умеряется страхом перед извращенной, насильничающей свободой, перед революцией. В принципе он резко высказывается против безусловности повиновения и за законность сопротивления в случае нарушения принципов свободы и основ конституции. Но в каждом отдельном случае он боится революции, боится по целому ряду соображений. «Те, которые сопротивляются тирану путем вооруженного восстания, стоят не только перед опасностью неудачи. Перед ними другие опасности: опасность народного разорения, опасность смуты, бесплодной мести, опасность грубых и почти неизбежных поправок частного права и личной свободы. Вот почему ненавистно самое имя революции и революционеров». Он очень сочувствует перевороту 1688 г. Но он чрезвычайно настойчиво указывает, что 1688 г. никак не может служить оправданием для других революций, что переворот, низвергнувший Стюартов, совершился при совершенно исключительной и необыкновенно благоприятной для англичан обстановке, которая вряд ли когда повторится в истории. Восхождение в сферы справедливой и почетной свободы обошлось англичанам исключительно дешево. Не было почти никаких насилий: не была пролита ничья кровь, ничье частное право не было нарушено. Даже у монархии меняется только дух, внешняя форма остается прежняя; перемена династии совершается с соблюдением всех законных форм. Чернь вовсе не выступает в этом быстром и мирном перевороте: он сделан

почти исключительно элементами аристократическими. Не только нет буйной толпы, на сцене не видно даже почти неизбежных солдат и демагогов. Даже иностранное вмешательство, высадка принца Оранского с его голландским войском, по счастливому для англичан совпадению, не было сопряжено ни с малейшей опасностью для национальной независимости. Переворот 1688 г. есть почти чудо.

Совсем не такова была первая революция. И для нее Галлам вовсе не отрицает за англичанами права сопротивления. Он признает, что опасность для свободы в 1640 г. была гораздо больше, чем в 1688 г. Уже Тюдоры и Яков I внесли много искажений в величественную храмину английской конституции. Карл I, Страффорд, Лод хотели совершенно ниспровергнуть ее и заменить политическим порядком, близким к континентальному абсолютизму. Никогда сопротивление тирании не было более законно, чем в 1640 г. Но в событиях 40-х и 50-х г.г. с несравненной ясностью раскрылись опасности, которые таит в себе самая законная революция. Благородные защитники свободы не умели остановиться на той позиции, на которой они должны были остаться, по мнению Галлама. Опьяняющий дух революции увлек их за собой, и они превратились в нетерпимых насильников. Как ни было справедливо и свято то дело, которое они защищали, стихийные насилия извратили его святость и погубили. Галлам хотел бы, чтобы революция застыла на том месте, которого она достигла в 1641 г. Парламентские акты 1640 и 1641 г.г. не отняли у монархии ни одной из ее древних прерогатив, они только вернули конституцию к ее старому равновесию. Люди обоих лагерей пошли дальше и испили до дна чашу революционных безумий и преступлений, кончили деспотизмом, в сравнении с которым все беззакония прежних королей представляются совершенно ничтожными. И в заключение вернулись как раз к тому месту, на котором должны были остановиться в 1641 г., перед началом гражданской войны. Мало того, по мнению Галлама, конституция даже в 1827 г. имеет почти такой же вид, какой она получила в 1641 г. Беды и ужасы первой революции не искупаются будто бы никакими положительными приобретениями.

За два года до выхода «Конституционной истории» Галлама, молодой литературный критик, которому суждено было стать едва ли не самым блестящим из английских историков и литературных выразителей виговской теории, в одном этюде о Мильтоне восстал как раз против подобного умаления первой революции и возвеличения второй. Он указал на огромный размер дел, совершенных пуританами 40-х и 50-х г.г., на силу и глубину их душевного склада. Когда, четверть века спустя, ставший знаменитым автор кончил два первых тома своей «Истории Англии от восшествия на престол Якова II», он сделал значительные уступки тому настрое-

нию, против которого раньше восставал. Но и в «Истории» Маколей значительно удаляется от Галлама. События 1641 — 1660 г.г. представляются Маколею не бесплодным, дурным, подлежащим забвению эпизодом, а важным и неустранимым звеном в жизни английского народа. Между первой и второй революцией нет принципиального различия. Деятели 40-х г.г. были одушевлены теми же целями, что и люди 1688 г. Кавалеры и круглоголовые суть отцы вигов и тори. В английской истории XVII в. можно проследить одну непрерывную линию. Благами свободы и порядка англичане XIX в. обязаны не только людям, призвавшим Вильгельма Оранского, но и Долгому парламенту. Вожди круглоголовых в 1642 г. и государственные люди 1688 г. стремились совершенно к одному и тому же. Те и другие хотели разрешить спор между короной и парламентом, передавши парламенту верховный контроль над исполнительной властью. Люди 1688 г. добились цели обходным путем: сменили династию. Круглоголовые 1642 г. не могли сменить династию и были вынуждены пойти прямым путем, объявить войну королю. Они были вынуждены, потому что король не внушал к себе ни малейшего доверия, оказался человеком неискренним, лицемерным; и они не могли не устранить его, раз им была дорога народная свобода. В казни короля, Маколей видит грубую политическую ошибку и преступление. Но он признает за цареубийцами возвышенность побуждений. Они хотели свободной и святой республики. Из казни короля они мечтали сделать зрелище для земли и небес, приснопамятный пример кары, ждущей тирана. Характерно, что для Маколея, совсем как для судей короля, двенадцатилетнее беспарламентское правление отличалось от французского деспотизма только отсутствием постоянной армии. Маколей полон удивления перед воинскими и нравственными доблестями республиканской армии, государственными дарованиями Кромвеля. Он выражает сочувствие тем смелым пуританам, что искали гражданской и религиозной свободы за океаном, не убоявшись ни лесных чащ, ни зверей, ни дикарей. Кажется бы, Маколей обнаруживает большое историческое беспристрастие.

И в то же время никто больше Маколея не способствовал возвеличению второй революции над первой. Похвалы людям 40-х и 50-х г.г. в его устах — вынужденная дань беспристрастию. Подлинные симпатии влекут его в другую сторону. Индепендентам Маколей приписывает намерение произвести полную политическую и социальную революцию. В религиозном энтузиазме пуритан он усматривает элементы озлобления, ожесточения, вызванного преследованиями и полусознательно помышлявшего о мщении. Скептически настроенному вигу трудно войти в религиозную жизнь сектантов, постигнуть их мистические чаяния, пробежать всю длинную

гамму их религиозных порывов. Он говорит о них с насмешкой, которая отчасти вызвана непониманием, стчасти приводит к нему. В многогранной среде сектантства, которая поражает непредубежденного наблюдателя сложностью, богатством, свободой своего душевного содержания, Маколею бросается в глаза только лицемерная нетерпимость ко всякому проявлению чувственной красоты, показная суровость, нудействующая обрядность. Что подметил Маколей в Джордже Фоксе или, по крайней мере, что он находит нужным сказать о нем? Только то, что Фокс запрещал говорить «вы» и звать один день в неделе днем Одина и один месяц в году месяцем Януса, видя в этом преступление; и забывает указать или не видит, что этот простец был одним из величайших религиозных деятелей по силе, искренности и заразительности своих религиозных переживаний. Вольно или невольно для Маколея, ему осталась закрыта религиозная история сектантов XVII в., которая составляет такую важную часть всей английской истории этого века. И если Маколей относится справедливее к Бениану (Benyan), то это происходит не от большей значительности его религиозного опыта, а от большей красоты его литературного наследства, которая пробудила в близоруком историке дальновзоркого и чуткого литературного критика.

Для Маколея его знаменитая «История» не была только целью; она была также средством возвеличить вигов, их политические заслуги, с патриотической гордостью выставить на вид превосходство английской истории над судьбами континентальных народов. Маколей написал сверкающую яркими красками и искрами неподдельного воодушевления повесть о 1688 г. Почему о 1688? Во-первых, потому, что это есть наиболее славный героический момент в истории вигов. А потом Маколею казалось, что именно в событиях «славной» революции всего сильнее выразились коренные и счастливые особенности островной истории.

Маколей писал под непосредственным живым воздействием континентальных событий 48 г., среди комедий, трагедий, страхов, надежд, разочарований, вызванных революцией и реакцией. Он сам далеко не был чужд настроений, которым теперь так часто дают кличку «*реиг bourgeoisie*». Он отнесся отрицательно к выступлению общественных низов, которое так характерно для 48 г.; он скорбел о той буре, которая пронеслась над Европой. Но его скорбь резко отличается от разочарования другого знаменитого человека, также скорбевшего о последствиях 48 г. Герцен страдал от неудачи движения, от того, что оно оказалось бессильным осуществить более справедливый общественный порядок и отбросило, как ему казалось, европейское общество далеко назад. Маколей сокрушался, что революция имела слишком большой успех; он испугался выступления пролетариев, в которых он увидел новых варваров, грозивших

ниспровергнуть многовековую культуру и вернуть Европу в дикое состояние. Свой рассказ о перевороте 1688 г. он заканчивает известными словами (писаны в 1849 г.): «Вокруг нас мир сотрясается от агонии великих народов. Правительства, казавшиеся незыблемыми, были низвергнуты единым натиском. Самые гордые столицы Западной Европы струились кровью граждан. Из-под власти законов божеских и человеческих ушли все дурные страсти: жажда корысти и жажда мести, взаимная неприязнь классов и рас. Боязнь и тревога овладели миллионами. Замерла торговля и промышленность. Богатые стали бедны, бедные стали еще беднее. Провозглашались с трибуны и отстаивались силой оружия такие доктрины, которые в случае своего осуществления в 30 лет уничтожили бы дело 30 столетий, и прекраснейшие области Франции и Германии угодились бы дебрям Конго или Патагонии. Европе грозило нашествие варваров, в сравнении с коими люди Аттилы и Альбоина кажутся просвещенными и человечными. Самые искренние друзья народа сознавали, что может настать необходимость пожертвовать самой свободой для спасения цивилизации».

Континентальным ужасам с патриотической гордостью противопоставляется островное благополучие. Среди всеобщей смуты только Англия осталась спокойной и свободной от революционного яда, ни на один день не испытала нарушения порядка. Почему? Потому что в Англии есть свобода, единственно надежная опора порядка. Эта свобода окончательно завоевана в 1688 г. В осенних событиях этого года — ключ ко всей последующей истории Англии, залог ее грядущего благоденствия. Историческое исследование о революции 1688 г. превращается в партийно-патриотический гимн героям, которые в самой революционной деятельности сумели сочетать свободу с порядком и тем устранили всякую возможность позднейших переворотов. Революция 1688 г. есть последняя английская революция и своего рода *unicum* европейской истории, самый благодетельный и самый мирный из всех переворотов, переворот чисто оборонительный, стремившийся единственно к восстановлению поправных традиционных прав и проведенный с педантичным соблюдением всех конституционных формальностей. С любовью антиквария и художника Маколей описывает сцены революции, в которых высказалось пристрастие главных деятелей к законности; рисует обстановку, в которой английский парламент объявил Якова II лишенным престола и призвал Вильгельма Оранского. Он указывает все детали события и с радостью убеждается в том, что англичане соблюли все самые старые, мелкие прецеденты. «Палаты заседали в старых покоях по старому церемониалу. Спикера отвели к его креслу между двумя членами, внесшими предложение об его избрании. Сержант с булавой при-

вел к столу общин депутацию от лордов, сделали по этикету три поклона. Когда совещались палаты, то представители лордов сидели по одну сторону стола, в шляхах, золоте и горностаях; представители общин стояли по другую сторону с непокрытой головой». Рассказ продолжается в том же духе и заключается гордым сомнением в том, чтобы к такого рода благодетельному и упорядоченному событию можно было прилагать страшное имя революции.

Вы видите, таким образом, как близки воззрения этого наиболее выдающегося английского историка первой половины XIX в. к тем взглядам, которые установились в английском обществе после реставрации.

И социально-политический наклон и совершенно исключительный литературный блеск доставили книге Маколея огромную популярность в Англии и на континенте среди высших и особенно средних классов общества, продлили обаяние вигской исторической конструкции в то самое время, как ей стало угрожать непрерывное усиление новых варваров, которые для Маколея и его единомышленников были хуже старых гуннов и лангобардов. Не нужно, однако, преувеличивать специфического английского и вигского характера тех взглядов на историю XVII в., с которыми мы встречаемся у Галлама и Маколея. К довольно близким взглядам пришли самостоятельно и крупные континентальные исследователи, отчасти, конечно, потому, что выросли в сходной умственной обстановке и принадлежали к сходным общественным кругам, но также и потому, что в вигской конструкции были элементы непреложной исторической правды. Для континентальных историков английские события XVII в. представляли, может быть, даже больше интереса, чем для англичан, не были только мертвым прошлым. Великий спор об установлении конституционного порядка, бесповоротно решенный на острове еще в XVII в., был самой подлинной действительностью для французов и немцев первой половины XIX в. Не одно антикварное любопытство влекло их к старой Англии; им хотелось войти в исторический прецедент, чтобы поискать в нем практических указаний для своего будущего, способов разобраться в перекрестных течениях своей собственной социально-политической борьбы. Едва ли можно считать случайностью то, что крупнейшая работа по истории английской революции появилась во Франции раньше, чем в Германии. Французское политическое развитие шло впереди немецкого. С 1814 г. конституционная монархия стала французской действительностью, хотя действительностью очень сомнительной прочности, насчитывавшей разнообразных и опасных врагов справа и слева. Сторонникам нового политического порядка приходилось вести на несколько фронтов тревожную и упорную политическую борьбу, средством которой становилось невольное

и историческое исследование. Это ясно видно на примере Гизо. Катастрофы революции и империи создали для французов острую потребность разобраться в калейдоскопе недавнего прошлого, уяснить себе хотя бы самые общие очертания своего настоящего и ближайшего будущего. Устаповление конституционной монархии совпало с торжеством европейской реакции, было даже одним из ее проявлений. Реакционное настроение создало неблагоприятные взгляды на французскую революцию и империю. На французское общественное развитие стали смотреть как на болезненное, уродливое, от которого должны сторониться другие европейские народы. Такого рода взгляды оскорбляли французов, особенно тех, которые были на стороне нового режима, признавали справедливым и необходимым переворот.

Исполненный веры в спасительность представительных и конституционных учреждений, Гизо следит за родословным древом представительства, доказывает его историческую древность и благонадежность в своих работах об европейском средневековье. Подавленный воспоминаниями о бедах революции и империи, он хочет снять с французов тяжелый упрек в том, что их история есть уродливое исключение, хочет ввести ее в общий круг европейской истории, хочет указать в ней черты типичности и непрерывности. С обеих точек зрения английская история XVII в. представлялась очень привлекательной для Гизо. Англия есть единственная страна, где представительные учреждения имеют непрерывную историю, и где потому с особенной ясностью раскрывается их воздействие на народную жизнь; а XVII в. есть наиболее важный период в их истории. Английская революция есть единственная революция нового времени, которая по своему размеру и значению может быть поставлена рядом с французской. Если французская история не дает очень резких отклонений от общоевропейского типа развития, то черты сходства должны быть установлены прежде всего при сопоставлении французской революции с английской. И не мудрено, что занятия английской революцией тянутся почти через всю учено-литературную деятельность Гизо. В начале последней он издает большую переводную коллекцию мемуаров времени английской революции. В 1826—1827 г.г. он выпускает первую часть своей «Истории Английской революции», обнимающую время Карла I. После июльской революции политическая деятельность надолго отвлекает Гизо от истории, и только февральская революция возвращает к ней, положив конец его политической карьере. Гизо возобновляет прерванную работу и в скором времени доводит свою работу до реставрации Стюартов. Но еще в предисловии к первой части, т.-е. в 1826 г., Гизо высказал свои общие взгляды на эпоху, очень ясно определил свою историко-политическую позицию.

В отличие от английских историков, Гизо вставляет свою работу в очень широкие рамки. Значение английской революции можно понять лишь при сопоставлении ее с французской. Обе революции вовсе не были нарушением общего хода европейской истории, вовсе не вносили в нее каких-нибудь безусловно новых, неслыханных начал. Они продвинули европейскую цивилизацию в том самом направлении, которому она следовала в течение 14 веков; они продолжали то дело, которое до них делали дворяне, священники, короли. Феодалы признавали принудительность законов и податей только в случае своего свободного согласия на них и настаивали на праве вооруженного сопротивления; революции дали только более последовательное применение этому старому феодальному правилу. Короли и клирики искони боролись против привилегий и за большее равенство в общественном порядке. Церковь открывала всем талантам свободную дорогу ко всем должностям; короли охраняли горожан и крестьян от притеснений крупных землевладельцев. Почему же произошла революция? Потому, что дворяне, клирики, короли забыли свое историческое призвание и перестали ограничивать друг друга в интересах «публики», вместо того, чтобы служить общим интересам, стали служить своекорыстным. Публика была вынуждена сама вступить за себя и потребовала зараз свободы в борьбе с монархией, равенства в борьбе с аристократией, прав научного исследования в борьбе с духовенством. В этом существо обеих революций.

Но Гизо не закрывает глаз на их различие. Он соглашается, что в Англии пропасть между старым и новым порядком значительно менее глубока, ибо старый порядок шел на значительные уступки; монархия не решалась совершенно отменить представительные учреждения, часть феодальной аристократии стала на сторону народа, церковь согласилась на известную реформу и открыла известный простор свободомыслию. Оттого борьба имела более спутанный и менее ожесточенный характер; революция была зараз и демократической, и аристократической, и религиозной, и философской. Во Франции старый порядок не шел ни на какие уступки, утратил всякую силу. Между старым и новым не было никакого моста. Оттого во французской революции царствовало самое ужасное единство, новый дух получил в ней безраздельное господство, и старый порядок был опрокинут единым натиском. Оттого и результаты и заблуждения революции вышли необычайно значительны.

Но Гизо настаивает на том, что сходство двух революций важнее различий между ними. Он подчеркивает единство цели и стремлений. Проникнутая глубоким религиозным воодушевлением,

английская революция тем не менее, подобно французской, подняла знамя религиозной свободы; несмотря на свои аристократические связи она доставила политическое преобладание общинам; несмотря на всеобщее увлечение политической борьбой, она потребовала социальных реформ и, хотя в этой области не имела решительного успеха, все же содействовала умалению чудовищного неравенства феодальной системы.

В этой широкой перспективе различия между отдельными моментами английской истории XVII в. стираются, остаются видны только самые общие линии и повороты, внимание приковывается прежде всего к основной борьбе между защитниками абсолютизма и защитниками политической свободы. Подобная точка зрения соответствовала и настроению тех кругов французского общества, от имени которых Гизо говорил в 1826 г. Они боялись возврата к абсолютной монархии, их встревоженным взорам предносилась возможность поворота к старому порядку. И когда читатели знакомились с размышлениями Гизо по поводу попытки Карла I управлять без парламента, им трудно было удержаться от сопоставления старой английской были с пугавшими их французскими замыслами Карла X. Положение резко изменилось, когда Гизо вернулся к прерванной работе в первые, самые тяжелые годы второй империи. Милый историкому порядок парламентарной монархии потерпел полное крушение, Гизо оказался самым непопулярным его представителем, его политическая карьера была разбита, его историко-политический символ веры обнаружил несостоятельность. Ему пришлось писать о смутах английской республики и временном торжестве протектората в то время, когда перед его глазами только что рассеялся так жестоко обогневший его с ним красный кошмар, уступив место торжеству гораздо менее ненавистного, во все же антипатичного демократического цезаризма. И вот Гизо при Наполеоне III сходит с той наблюдательной вышки, с которой он наблюдал английскую смуту при Карле X и, подойдя вплотную к последней, проводит резкую разграничительную черту между ее моментами: осудив первую революцию, с отрадой останавливает свой взор на второй, в которой ему хотелось бы видеть прообраз грядущих судеб французского народа. И если в 1826 г. он указывал на возможность социальных реформ, проведенных революцией, то в 1854 г. он указывает на то, что крупные социальные реформы могут быть проведены только сверху, да и то с большой осторожностью: в социальной программе независимого парламента 1653 г. он видит опасные химеры, анархические тенденции, демагогический мистицизм. К политической программе лучших республиканцев, вроде Ледло и Вена, он относится снисходительнее; но не отрицая возвышенности их стремлений, он подчеркивает близо-

рукость, партийность, беспочвенность их идей. Деспотизм Кромуэля встречает значительно более благоприятную оценку, хотя при его характеристике проскальзывают быть может навеянные наполеоновским режимом замечания о том, что деспотизм быстро изнашивается, что сожаление об отнятой свободе он думает заглушить усиленными заботами о хозяйственном благосостоянии, что даже при самых лучших намерениях, при исключительных личных дарованиях он не в состоянии создать прочного порядка. Как и для виггов, для умудренного опытом Гизо 1688 г. есть наиболее счастливый и важный момент английской истории, предмет искреннего удивления и острой зависти.

Поучительно, что и в Германии крупнейшие работы по истории английской революции появляются только после падения абсолютизма, когда английские прецеденты борьбы за политическую свободу приобрели для немцев жгучий интерес современности.

Гнейст не занимался специально XVII веком; его интересовала английская история в ее целом, по преимуществу история политических учреждений. Он отдал ей почти всю свою долгую и усидчивую ученую работу, которая тянется из 50-х г.г. XIX в. в 80-е, и стал в своей области одним из верховных авторитетов не только на родине, но и в Англии. Его работы ценны не только основательностью специальных изысканий, но и силой объединяющей, теоретической мысли; оттого важны и его взгляды на место XVII в. в общем ходе английской истории. Под перекрестным воздействием своих общих взглядов на природу государства и своих специальных наблюдений над настоящим и прошлым английского государственного порядка, Гнейст стал певцом местного самоуправления. Под влиянием Гегеля и Лоренца Штейна он резко отличает государство от общества. Общество есть стихия эгоизма, беспорядочной борьбы за материальные интересы, но в то же время стихия живого разнообразия. Государство есть стихия нравственного порядка, справедливости, но в то же время стихия неподвижного однообразия, стирающего индивидуальность. Политическим идеалом является правовое государство, *Rechtsstaat*, сочетающее порядок со свободой. Оно мыслимо лишь при наличии промежуточного звена между государством и обществом, при наличии местного самоуправления — *Selfgovernment*. В последнем эгоистические классовые и групповые союзы поступают на службу государственному началу, превращаются в органы государственного управления, не теряя жизненности и своеобразия свободных общественных соединений. Гнейст находит самоуправление только в Англии и в нем видит превосходство англичан над континентом. Он усиленно настаивал на необходимости ввести сходные порядки в Германии и оказал немалое влияние на реформу прусского местного управления

в 70-х г. г. XIX в. А его взгляды на первостепенную важность местного самоуправления в английской истории прочно утвердились в научном сознании. Но в свое толкование английской истории Гнейст внес некоторые чуждые ей немецкие черты. Он придает очень большое значение социальной монархии, стоящей над эгоистической борьбой классов и проводящей в народную жизнь нравственные начала. Он видит единственно надежную опору для самоуправления в землевладельцах-дворянах, прочно связанных с местностью, несущих службу безвозмездно, воодушевленных давними политическими традициями. Он вступает тем самым в противоречие со своим общим убеждением о неискоренимом эгоизме всякого классового союза, но зато с большой, даже преувеличенной силой подчеркивает место классовой борьбы и аристократических элементов в английском прошлом.

Эти общие взгляды последовательно применяются к явлениям XVII в. При Стюартах могучая социальная монархия Тюдоров быстро вырождается. Смелая до дерзости попытка ввести в Англию континентальный деспотизм исходит от династии, которую отличает личная бесталанность, коварство, отсутствие чувства долга, мелкость внешней политики. Основная причина крушения абсолютистических планов кроется, однако, в другом месте, в особенностях местной жизни. Стюарты не могли ни устранить местные учреждения, ни разорвать их крепкие звенья; они не могли пустить корни в стране, не имели опоры в графствах и городах, где остались в силе старые связи и учреждения. Гнейст более высокого мнения о вождях Долгого парламента, признает за ними административные, финансовые, военные способности. Еще много выше ценит он Кромуэля; в его политике он усматривает осуществление истинного королевского служения к позору для выродившейся династии. И тем не менее он находит режим республики и протектората бесплодной и вредной утопией. Победители пуритане мечтали сдвинуть с места все устой общегосударственной и местной жизни: устранить перов из парламента, юристов из судов, сквайров из деревни, священников из церкви, заменить всех праведниками. На время им удалась разрушительная работа: старый строй с шерифами, мировыми судьями, присяжными, мэрами, ольдерменами стал работать плохо. Но «великие дела нафанатизированных пуритан вызвали непримиримую ненависть правящих классов». И даже в широких кругах населения возродилась сильнейшая потребность вернуться к привычным местным мирам и союзам. Реставрация и была не столько реставрацией династии, сколько возвратом старых правящих классов на их исконные насиженные места в центральной и местной жизни. Общественная реакция была так сильна, что сквайры и священники получили возможность притеснить своих противников; и ничему не

научившаяся династия не выполняла своего главного долга: не защищала слабого, а только мечтала попрежнему о возврате к абсолютизму. Но традиционные основы английской жизни, учреждения местного самоуправления с опирающимся на них общегосударственным представительством были крепки и здоровы. Под их очищающим влиянием разные общественные классы не растеряли своего политического воспитания, сохранили способность к свободному и безвозмездному государственному служению, к совместной работе. Смуты XVII в. заканчиваются «славной» революцией, которая, в отличие от первой, отвечала глубоким общественным потребностям, имела долгие и благие последствия. В исторической конструкции Гнейста видное место принадлежит едва ли приемлемому для нас представлению, будто бы золотым веком английской истории является эпоха Ганноверской династии, полоса замкнутых городских корпораций и гнилых местечек, деревенского полновластия скуайров и священников, полоса массовых огораживаний, мучительных родов крупной машинной индустрии, высоких хлебных цен, быстрого умножения призреваемых пролетариев. Спуск к срединам английской местной жизни и классовой борьбы не помешал немецкому юристу удержать точку зрения вигов, признать 1688 г. самой светлой точкой английской истории, открывшей эру спокойного благосостояния в отличие от бесплодных смут середины века.

Самая крупная из немецких работ по английской истории XVII в., многотомная книга Ранке, написанная приблизительно в одно время с первыми трудами Гнейста, очень сильно отличается от Гнейста. Гнейст все время имеет в виду современность и хочет извлекать из истории политические уроки. Знаменитый представитель объективной школы решительно отвергает всякие сопоставления прошлого с современностью. Он считает подобные сопоставления вредными и для политика и для историка. Гнейст следит за учреждениями и прибегает к юридическим конструкциям; Ранке хочет постигнуть английскую революцию в ее религиозно-политической общности и принципиально отказывается от юридических контроверсов. Гнейст ограничивает свое поле зрения пределами острова; Ранке хочет указать всемирно-историческое значение английской революции, следит только за самыми общими ее течениями, но зато не уклоняется от сопоставления ее с историей других европейских народов. Гнейст отводит идеям и личностям скромное место в истории политической свободы, приписывает преобладающее влияние учреждениям. Не отрицая значения учреждений, Ранке думает, что даже в революционные моменты влияние личностей остается весьма ощутительным, и что всемирно-историческое значение эпохи определяется прежде всего свойствами идей, господствующих над общественным сознанием.

Ранке говорил, что он хотел бы отказаться от своей личности, от своих симпатий и предубеждений, хотел бы слиться с событиями, которые описывает, чтобы говорили они, а не личность историка. Обещание объективизма не осталось пустым словом. В своей работе Ранке должен был бороться со своими политическими пристрастиями. Решительный консерватор в политике, он не чувствовал никакой симпатии к революционному насилию. Но как историк, он считал своим долгом подчеркнуть огромное разрушительное, а отчасти и созидательное значение революционных моментов. Он признает, что столкновения элементарных сил общежития при всей своей стихийной беспорядочности и жестокости, судорожной кратковременности, при неизбежности реакции, могут определить собой направление народной истории в течение целых столетий, наложить неизгладимую печать на последующую судьбу народа. Большую важность могут иметь даже такие движения, которые на месте своего первого проявления проходят бесследно. Ранке в еще большей степени, чем Гизо, выводит английские события из тесной английской обстановки и вставляет в широкую рамку «всемирной» истории. Передко «всемирноисторическая» точка зрения выражается, к сожалению, в детальном изображении запуганных извивов и ходов европейской дипломатии. Но нужно признаться, что она же помогает ему выяснить истинный размер явлений, затененных в более ранней историографии. Ранке гораздо сильнее своих предшественников подчеркнул значение первой революции, многообразные связи ее с некоторыми основными течениями европейской истории. Он указывает на невозможность считать утопическими идеи народного суверенитета, неотъемлемых личных прав, веротерпимости, когда они в скором времени легли в основу быта американских колоний и, вернувшись оттуда на старую европейскую почву, определяли и определяют собой содержание очень многих демократических движений. Он считает невозможным видеть в жизни наиболее далеких от церковного христианства сект резкое и исключительное извращение религиозного чувства; он напоминает о несомненной близости их к немецким сектам XVI в. и о возможном сходстве или даже родстве их с более ранними ересями, о глубоком воздействии религиозного кризиса середины века на последующую историю английской и американских церквей. Он не ограничивается сопоставлением английской революции с великой французской революцией. Он отмечает большое сходство первой с французскими смутами второй половины XVI в. и этой параллелью выводит религиозную сторону английского переворота из того уединенного положения, которое ей обыкновенно отводилось.

Но если Ранке проницательнее других историков разглядел «всемирноисторическое» значение первой революции, то в оценке

ее места в английском прошлом он еще в значительной мере удерживает точку зрения вигов. Правда, он испытывает на себе влияние Карлайля: принимает с большими ограничениями мнение о разрушительных стремлениях и плебейском фанатизме Бербонского парламента; он признает время Кромуэля важным этапом в истории объединения трех королевств; глубоко ценит в протекторе соединение глубокого нравственно-религиозного энтузиазма с трезвым государственным умом. Но события середины века все еще бледнеют для него в лучах «славной» революции. Он повторяет более чем спорное положение о том, что французы стремятся к блеску внешней мощи, англичане к закономерному устройению своих внутренних порядков. Бури 40-х и 50-х г.г. веколыхнули души англичан, но оставили мало следа в их учреждениях; притом прочная победа революционеров поставила бы английское государство и общество перед опасностью глубокого разложения. Коренные особенности английского гения, вековые тенденции английской истории нашли себе выражение в событиях 1688 года, когда окончательное торжество конституционной идеи стало поворотным моментом английской истории.

Переоценка явлений XVII в. с точки зрения их положения в английской истории была делом некоторых английских историков XIX века. В этом кратком очерке я укажу только на самых важных.

Один из них снова приобрел известность как раз в наши дни, но не как историк английской республики, а как очень ранний теоретик анархизма. Это Годуин, автор вышедшего еще в 1793 г. трактата о «Политической справедливости». Свою большую книгу об «Английской республике» он написал много позже (1824—1828), почти одновременно с «Конституционной историей» Галлама. В ней отразились общие взгляды автора на природу человеческого общества. Верховной целью общежития Годуин считает общее счастье; путь к нему есть политическая справедливость, сознаваемая нами как личный долг и как объективная истина, голос разума. Право не может указывать этого пути и должно быть отвергнуто. Оно налагает мертвые оковы на вечно текучую жизнь; оно слагается под влиянием себялюбивых страстей, напр., устанавливает совершенно несправедливую систему собственности. Только свободные веления самостоятельного разума могут быть руководителем человеческих действий. Голос мудреца выше всякой статьи закона. Если падает право, то должно пасть и государство. Ежели государство возводит к насилию, то разум восстает против подчинения грубой силе. Государство не может быть утверждено и на договоре. Разум предписывает соблюдать договор, лишь пока последний ведет к общему счастью; если договор мешает общему счастью, его

связующая сила не только может, но и должна быть отвергнута разумом во имя верховной цели общежития. Разрушение государства и права вовсе не ведет к разрушению общежития. Последнее покоится на призвании разумом свободного соглашения о совместной работе, соглашения, лишенного всякой принудительной силы не только для заключающих, но и для заключивших его. В небольшом общежитии, имеющем мало сношений с другими, голос разума явится достаточно крепкой связью.

В исторической монографии Годуни обнаруживает, конечно, известную сдержанность. Впрочем и в теоретическом трактате Годуни восстает против насильственного ниспровержения права и государства. Новый строй утвердится сам собой с успехами разума, путем всеобщего просветления. Годуни поясняет свою мысль примером. В Англии переворот XVII века разбил народ на две почти равных части; в Америке и Франции почти весь народ стал на сторону разума и справедливости. Где причина? Французская и американская революция отделена от английской учениями Сидни и Локка, Монтескье и Руссо. Их доводы раскрыли народу глаза и обеспечили победу делу справедливости. Но успех последнего был омрачен насилиями. Если бы переворот произошел позднее, и разум убедил бы еще больший круг людей, перемена свершилась бы без пролития крови, без насилий над личностью и имуществом: ибо порок есть только ошибка суждения, перенесенная в практическую деятельность.

В истории революции Годуни не смотрит так оптимистически на торжество истины. Он признается, что люди суть создания страстей, что они наследуют от предков свои симпатии, антипатии, привычки, манеры мыслить. Англичанам в особенности он приписывает консервативный склад, приверженность к проторенным дорогам. Но сам Годуни не чувствует никакой слабости к английскому прошлому. В феодальном строе земледельцы были рабами, равенство и политическое влияние можно видеть только в среде лордов. Войны Роз привели ко всеобщей смуте. Тюдоры насадили деспотизм. Первые Стюарты стремились довершить его. И к конституции своего времени Годуни не питает ни малейшего сочувствия. Ему не нравится господство аристократии, политическая подкупность. Личная свобода есть в Англии; но, может быть, именно потому в Англии очень мало публичного духа, политических доблестей, очень много эгоизма.

На этом темном фоне первая революция выступает светлым пятном. Не ко всем ее течениям Годуни относится доброжелательно. Он невысоко ценит законников, людей конституционной оппозиции. Конечно, в некотором ограниченном смысле и они служили «всеобщему счастью». Законники боролись за господство права, и Годуни

соглашается, что лучше подчиняться праву, чем произволу одного. Как бы ни было право несправедливо, подчиняющийся ему, по крайней мере, знает наперед, чего право требует. Как бы ни было право несправедливо, оно говорит со всеми одним языком; Фемида слепа, на глазах у нее повязка. Только не надо преувеличивать этих достоинств правопорядка. Право не всегда ясно. Профессиональная задача практических юристов — играть словами и «разъяснять» справедливость так, чтобы от нее ничего не осталось. У права не всегда отсутствует воззрение на лица: Фемиде случается снимать повязку. Богатый и влиятельный человек часто будет иметь успех там, где бедный человек без друзей ничего не добьется.

В английском прошлом Годуин видит одно большое, яркое пятно — английскую республику, и потому пишет ее историю, пишет добросовестно и трудолюбиво. Годуин признает, что республиканцы были лишены исторического чувства. Все время они были в меньшинстве и стремились к неосуществимому; некоторые, как Лильберн, не понимали самых простых требований революционной тактики, своей прямолинейностью и законничеством вредили своему собственному делу. Время их деятельности было короткое: они явились впервые на английской почве в 40-х годах XVII века, в 1688 г. они исчезли, а политическое влияние потеряли уже в 1660 году. Отрицающий государство Годуин не может быть безусловным поклонником их политического идеала. Республика — только наименьшее из зол, хотя, конечно, это лучшая государственная форма, где всего легче может быть осуществлено подлинное равенство перед законом, где всякий гражданин может рассматриваться, как человек, и только как человек. В республиканцах, по крайней мере во многих, для Годуина всего ценнее отказ успокоиться на отрицательном начале свободы, на обеспеченности имущества и жизни, личном благосостоянии. Они хотели положительного общего счастья, построенного на общей симпатии. Своими политическими новшествами они стремились сделать людей бесстрашными, великодушными, благожелательными, разбудить в них способность общего сочувствия, готовность жертвовать собой ради свободы и справедливости. Они сознавали возможность смут и страданий, но руководились чувством, что «мятежную свободу надо предпочесть позорному спокойствию». Самые насилия революционеров Годуин находит последовательными. Казнь короля была политической ошибкой: окружила династию нимбом мученичества, ускорила реставрацию. Но у нее есть непреходящее значение: всем монархам она убедительно раскрыла возможность кары за венценосное преступление. Годуин хорошо понимает мотивы, по которым вожди Долгого парламента запрещали театральные представления. Они понимали, что для прочной замены монархии рес-

публикой нужна прочная перемена в народных нравах, создание новых общественных настроений. В сильной монархии двор широко разливает свое влияние, заражает им и театр. Время Елизаветы и Якова было порой высшего художественного расцвета английской драмы. Но политические и нравственные тенденции последней были совершенно неприемлемы для республиканцев. Театр Шекспира и Бен-Джонсона будто бы был напоен духом пассивного повиновения, смирения, легкомыслия, даже распущенностью. Республиканцы же хотели привить народу чувства мужественные, стойкие, суровые. Они должны были закрывать вход в зрительную залу не только по религиозным, но и по политическим соображениям. Годуин вообще восстает против попыток объяснять революцию условиями религиозной жизни. Как ни напряжены были тогда религиозные порывы, они не заслоняли собой всецело политических настроений. В 1640 году оппозиция, конечно, была возмущена злоупотреблениями англиканской церкви, но она равным образом боролась против политических захватов короны. Точно так же индепендентов отделяла от пресвитериан не только религия, но и политика. Пресвитериане хотели компромисса с короной, индепенденты настаивали на решительном государственном переустройстве.

Именно радикализм республиканцев привлекает к себе Годуина, заставляет «обратить внимание на обойденных, вспомнить о забытых». Он видит в них прообраз мудрецов - освободителей. Пусть первый призыв был неудачен. Важно, что указал путь, которым пойдут другие при осуществлении всеобщего счастья.

Очень высокая оценка первой революции казалась мало убедительной в устах подозрительного отрицателя всех основ исторического государства. Она приобрела несравненно больше силы в устах гораздо более консервативного и красноречивого философа и проповедника, который временами обращался к истории, чтобы и в ней раскрыть основные линии своего философского чертежа. У Карлайля есть общее с Годуином; но и это общее много крупнее. Он видит изменчивость всех или почти всех вещей в опыте, даже в соборном всечеловеческом опыте. «Ничто не пребывает». Всякий расширяет дедовское представление о мире. Какую бы мы ни взяли систему веры, наступает время, когда ей перестают верить, а потому перестают верить и той системе поведения, которая вытекает из данной веры. Но Карлайль не может успокоиться на убеждении в том, что все течет. В самом потоке изменчивости он хочет усмотреть не призрачное, пребывающее, а отблеск вечности и вездесущия невидимой святости, «божественный смысл жизни», оознать мир явлений, как «живую видимую ризу божества». Герой его главного философского произведения «Sartor resartus» профессор Тейфельсдрек из Weissnichtwo хочет научить людей изумлению, благоговению перед само-

раскрытием безусловного, истинно сущего в конечном, условном, поведать некую тайну, научить языку эмблем и символов. Вот почему существом человека и существом истории он считает религию, но не церковную религию, не вероучение, а подлинную живую веру, самые задушевные убеждения человека, убеждения относительно смысла жизни и своего отношения к внешнему и невидимому. Самый скептицизм есть только особый вид религии. Вот почему поворотами в истории он считает переломы в религиозном сознании. Новая европейская история начинается с протестантизма, с ответа Лютера Вормсскому сейму: «Я здесь стою. Я не могу иначе. Помогите мне, боже». Это был первый акт в истории протестантизма, восстание против духовного суверенитета, против идола, которому перестали верить. Английский пуританизм, восстание против земных суверенитетов, был вторым актом великой всеевропейской драмы. Французская революция, уничтожение всяких суверенитетов земных и духовных, была третьим актом. Но Карлайль плохо выдерживает свою схему и в английской революции подчеркивает религиозный аспект сильнее политического. В Германии протестантизм обмелел, омертвел, выродился в богословские распри. В Англии XVII века в форме пуританизма он возродился с новой большей силой. Можно даже сказать, что это единственная полоса, когда протестантизм стал живой настоящей верой. Непреходящее значение пуритан и Кромуэля в их серьезном, неподдельном стремлении сделать веру и библию правилом жизни, святых — господами страны, водворить на земле закон Христа, поставить христианскую Англию на место обьязычившегося Рима. Карлайль хорошо знает, что это теократия; но он не боится этого слова. Для пуритан молитва «да придет царствие твое» не была пустым словом. Она и не должна быть им. Она должна быть осуществлена, поскольку она может быть осуществлена. Карлайль не боится и нетерпимости: терпеть можно несущественное; но высшая задача не в терпимости, а в одолении лжи и несправедливости.

Горячий, почти необузданный спиритуализм странным образом уживается у Карлайля с откровенным, почти бесцеремонным преклонением перед силой. Непримируемый враг лжи, условности, лицемерия, Карлайль ищет в политике и истории сути вещей и находит ее в действительной мощи. Его не пленяет никакая риза, как бы она ни была красива. Всею свою литературную жизнь он срывает с людей и вещей обманные мертвые одежды, обнажает ту живую плоть, что таится под ними. Свою философию он зовет философией костюма, одежды (*philosophy of clothes*). Он разоблачает призрачность, внутреннюю слабость всего, что покоится на людском мнении, на условных соглашениях; он валит на землю призрачные кумиры. Они должны уступить место подлинному, живому, сильному собой.

Карлайль стоит за «реальность» против «формул», за «факт» против «фикции». «Все берется с бою в этом мире; сила есть мера всех вещей». Но как отличить силу от бессилия, реальность от декорации? «Повремените. Если дело имеет успех, это справедливое дело». Карлайль доходит до прямого предпочтения силы праву. Он полон презрения к бумажным конституциям, которые не опираются на материальную силу. Имел ли Кромуэль право разогнать (1653) Рипр — остаток Долгого парламента? Да, имел. Он справедливо презирал говорильню, ибо любил дело. Он не верил в то, чтобы Рипр согласился распустить себя и дать стране свободную конституцию. Но если бы даже Рипр действительно готовился ввести всеобщее избирательное право, равные округа и другие формулы, все равно Кромуэль должен был разогнать его. Святые опирались не на конституционные фикции, а на право сильного. Их, может быть, было меньше, чем роялистов: значительное большинство населения было равнодушно ко всяким партиям. Божье дело опиралось не на большинство голосов, а на ружья и сабли «железных боков»; оно одержало победу не среди бесконечных потоков парламентского красноречия, а в пороховом дыму, под стоны равных и умирающих. Как мелки перед этими божьими ратниками герои парламентской борьбы, Пимы, Гемплены, Элиоты, с их величественной поступью, размеренными благозвучными периодами, корабельными деньгами, с их «в седьмых и в последних».

И Карлайль уверен, что он прорывает маскарадный костюм и обнажает существо, плоть истории, когда он разоблачает ничтожество толпы и учит почитанию героев. История есть история великих людей. Они лепили, создавали все, к чему стремилась толпа; дела истории — только осуществление дум великих людей, герои — свет, озаряющий и озарявший вселенскую тьму, не возженный чужой рукой, а излучающий самородную силу. Душе героя открыт божественный смысл жизни; он проповедует другим свое откровение, либо бьется за его осуществление. Оригинальность героя не в новизне, а в искренности его души, в непоколебимости его веры. В великие века веры целые поколения бывали оригинальны и героичны. Герои нередко творили большое революционное разрушительное дело: но то была их трагедия. Истинное призвание героев — порядок, созидательная работа. Их влияние над людьми толпы опирается на подлинное божественное право; подчинение им есть высший нравственный долг. Герой — царь есть высший вид героя, совмещающий в себе жреца, учителя, повелителя. Встречаясь с самозванным царем, сильным только породой или пергаментом, он низвергает этот призрак царя и постольку есть революционер; но в то же время он являет пример истинного царства, создает подлинный суверенитет и предрекает совершение времен, когда

каждый из нас сможет быть героем, когда мир станет миром героев. Великим героем - царем был Кромвель; его время есть знаменательнейший поворот европейской истории. Изучение души лорда-протектора превращается у Карлайля в историческую задачу огромной важности. С необыкновенной горячностью Карлайль хочет снять с Кромвеля обвинение в лицемерии, тщеславии, интриганстве и убедить всех в безграничной искренности и безусловном бескорыстии этого печленораздельного, хаотичного пророка, с бездонной глубиной нежности, симпатии, бурных порывов. Это долгий молчальник, говоривший только со смертью и вечностью, грубый необделанный алмаз, неожиданно раскрывший свои душевные богатства и отдавший их без остатка на службу божьему делу. В его истории ясно видна сущность всякой революции. Душа не-героя жадно ищет подчинения, но подчинения подлинному герою. И часто обретает фальшивого, маскарадного царя, ничтожного, надутого, который на вопрос о своем праве отвечает ссылкой на свой мундир, на свое родословное древо. Растет душевный и телесный голод; злополучные миллионы протягивают руку, протягивают тщетно, и в дикой ярости обрушиваются на обманый призрак царя-героя, мнутесь, пока не найдут подлинного героя среди себя, самого способного, сердечного, справедливого, благородного. Таким был Кромвель. С ним исчез в Англии последний отблеск богоподобного. Век пуритан был последним веком английского героизма; но зато этот героизм был едва ли не самым благородным из известных историку героизмов.

Мы встречаем у Карлайля поистине бестрепетную переоценку призрачных исторических формул. Самый непопулярный, по мнению многих, самый позорный из всех периодов английского прошлого объявляется высочайшей вершиной мировой истории, лицемерный и себялюбивый царевича совершеннейшим раскрытием всех возможностей человеческой природы; вере в таинственные достоинства английской конституции, закрепленной «Славным» переворотом 1688 г., противопоставляется безграничное презрение ко всяким конституциям и борцам за конституцию, смелый призыв к всевластию царя-героя. !!

Но эти смелые вызовы оказали гораздо более глубокое воздействие на общественное мнение, нежели сдержанное изложение Годуина. Действовал, конечно, огромный литературный талант Карлайля, но не он один. Воодушевленные страницы полунемца — полушотландца задевали не мало сочувственных струн в тогдашней английской душе. Подобно своему герою-царю, Карлайль соединял бесстрашие революционера с глубокой консервативностью настроений. Свободное отношение к положительной религии не мешало петь гимны историческому протестантизму, которые льстили

национально-религиозным предрассудкам; полная свобода от предрассудков по отношению ко всякой легитимной власти не мешала выступать горячим стражем порядка и единовластия, певцом военных и дипломатических триумфов протектората. Уверившись в том, что Кромуэль был добрым англичанином и неусыпным хранителем общественного порядка, читатели Карлайля стали привыкать к его утверждениям о возвышенности религиозно-политических стремлений Кромуэля и пуритан, стали без прежнего предубеждения знакомиться с перепиской цареубийцы и перестали бояться его. Из выродка и бича божия Кромуэль постепенно превращается в наиболее типичного англичанина нового времени.

В исторической картине Карлайля поражает один пробел: за героем почти вовсе не видно толпы, немых миллионов, которые следуют за вождем. Было бы совершенно несправедливо утверждать, что Карлайль был равнодушен к ним, что он отдавал все свое внимание героям. Никто более Карлайля не способствовал пробуждению интереса к социальным проблемам; никто не указывал резче на опасности, которыми чревато обострение классового неравенства и раздражения; никто не признавался откровеннее в справедливости многих требований, исходивших от ирландского фермера и английского рабочего. Народ, рабочий народ, томившийся в непрерывной страде лишений и не находящий себе героя-царя, бешено рвущий на себе цепи в злобе отчаяния, занимает едва ли не первое место во «Французской революции» Карлайля. Теплое сочувствие к нему смягчает жестокость и вычурность этого исторического фейерверка. В насилиях санкюлотов он видит заслуженный урок лживым призрачным героям-царям, забывшим о своем долге по отношению к народу. В гневе и мести народных масс он видит одну из главных движущих сил истории. Но восставшие против мишурных вождей и несправедливого строя жизни народные массы не обрели настоящего вождя, и потому работа французской революции была работой разрушительной: за разрушением не последовало созидания. Таким образом Карлайль не был бездушным аристократом духа, брезгливо отворачивающим свой глаз от общественного дна. Но факт остается фактом. Народ, человек труда, занимающий так много места во «Французской революции» Карлайля, почти не показывается в его английской революции. Значит ли это, что демократические низы действительно остались в стороне от революционной смуты, что движение захватило только верхи и середины, что сельский батрак и городской подмастерье оставался все время великим молчаливником?

Весьма характерно, что трудовому люду не отводит места в своей схеме английской революции даже тот писатель, который видел существо истории в классовой борьбе, и в этой борьбе выступил

певцом труда, написал замечательную эпопею новоевропейского и особенно английского пролетариата. Но этот пролетариат был нового происхождения; его не существовало в XVII в. Карл Маркс, впрочем, думал, что не только пролетарские, но и вообще демократические элементы были слабы в английской революции, слабее, чем во французской. Сравнивая английскую революцию с французской, 1648 г. с 1789, Маркс утверждает, что в обеих победила буржуазия, которая и стояла во главе движения. Пролетарии и не-буржуазные горожане либо не имели еще отдельных от буржуазии интересов, либо не успели выделиться в самостоятельный класс или подкласс. В 1648 г. буржуазия соединилась с новым дворянством против монархии, феодального дворянства и государственной церкви; в 1789 г. буржуазия соединилась с народом против монархии, дворянства и государственной церкви. Таким образом «народ» вовсе не выступает в схеме Маркса для 1648 г.; Маркс не спускается ниже буржуазии. Но революция 1648 г., как и революция 1789 г., не была простой победой буржуазии; она была победой нового общественного порядка: просвещения над суеверием, народности над провинциализмом, буржуазной собственности над феодальной и т. д.

Эта схема была набросана наскоро, в разгаре революционной борьбы и журнальной работы, вскоре после Коммунистического Манифеста. Немудрено, что самые близкие к Марксу люди считали себя вправе вносить в нее значительные поправки. В 1892 г. Энгельс вводит в круг действующих лиц революции йоменов и плебейские элементы города. Начали борьбу горожане; но главные победы были одержаны йоменами. Без йоменов и городских низов парламент никогда не одержал бы полной победы, и король не взойшел бы на эшафот. И как раз йомены больше всего пострадали от своего торжества: 100 лет спустя после смерти Кромвеля их почти не осталось в Англии. Плодами победы воспользовалась буржуазия.

Начала того исторического мировоззрения, с которым тесно связали себя Маркс и Энгельс, были приложены их учеником Бернштейном к более детальному изучению общественных отношений времени первой революции и не замедлили проявить свою плодотворность (Бернштейн. Коммунистические и демократосоциалистические течения в Английской революции XVII в. — История социализма т. 2). Бернштейн в очень большой мере опирается на чужую работу и самостоятельным исследователем выступает больше в качестве литературного историка. Но Бернштейн последовательно применяет к чужим наблюдениям представление о преобладающем влиянии классовой борьбы и организации производительных сил, и оказывается в состоянии подметить в чужой работе черты, оставшиеся неясными стоявшему на иной точке зрения работнику. В одном

пункте Бернштейн увидел себя вынужденным отступить от своих учителей. Место демократических элементов в революции он признает более значительным, чем это думали Маркс и Энгельс. Бернштейн вовсе не хочет сближать тогдашние демократические элементы с пролетариатом XIX в. У земледельческих рабочих было слабо развито классовое сознание, и они почти не выступают в качестве самостоятельной силы. Бернштейн думает затем, что состояние подмастерья было тогда не вечной долей ремесленного люда, а промежуточной полосой между ученичеством и мастерством. В Англии XVII в. не может быть и речи о сознательном и людном классе наемных рабочих, резко противопоставляющих себя своим хозяевам. И тем не менее остается достаточно места для демократических движений. В отличие от Маркса и Энгельса, Бернштейн не считает возможным говорить об единой и однородной буржуазии и приводит в пример Лондон. Богачи из Сити стояли далеко от горожан предместья и от мелких мастеров. Мастера текстильных цехов чувствовали себя ближе к своим подмастерьям, чем к оптовым торговцам, которым они сбывали товар. И в деревне мелкий крестьянин - собственник, мелкий фермер, был ближе к своему батраку, чем к своему ландлорду. Мелкая буржуазия и мелкие крестьяне могли выступать против верхов тогдашней буржуазии с широкой демократической программой, которая могла объединить вокруг себя тогдашних наемных рабочих.

Такую общественную группировку Бернштейн находит в движении левеллеров. Он не хочет объяснять движение бреднями политических мечтателей и религиозных фанатиков, пытается указать его классовую и хозяйственную основу. Элементы классовой борьбы за хозяйственное преобладание Бернштейн думает усмотреть и в других перипетиях революционной драмы, как бы усердно ни облекались они в религиозный наряд. Когда в мае 1641 г. в парламенте столкнулись защитники и враги епископальной церкви, то друзья старой церкви пугали, что епископальный строй в своем падении увлечет за собой и старые аграрные порядки. Люди, которые в 1646 г. представляли петицию об отмене десятины, правда, считали грехом поддерживать церковь антихриста, но в то же время искали себе податного облегчения. Петицию отвергли в парламенте преобладавшие там сторонники государственной церкви, но страх перед свободными церквями соединялся у них со страхом за свои земельные ренты. В парламенте откровенно говорили о том, что, освободившись от десятины, держатели не захотят платить и ренты, ибо юридическое основание, в силу которого священник государственной церкви получает свою десятину, несколько не менее прочно, чем то основание, в силу которого ландлорду достаются остальные $\frac{9}{10}$.

Классовая подпочва религиозных споров тем яснее, чем дальше мы уходим от парламента, где классовая борьба осложняется и извращается примесью идеологий. Так, симпатии крупной лондонской буржуазии к пресвитерианству имели резко классовый характер. В парламенте и низших кругах общества боялись пресвитерианства за его суровую дисциплину, нетерпимость, цензорскую власть «старших». «Перечные мешки» из Сити не только не боялись пресвитерианской дисциплины, но даже желали ее, потому что видели в ней удобное средство закрепить свое классовое господство, знали, что именно они займут места «старших» и соберут в своих руках нити церковной дисциплины.

Позади многочисленных индепендентских сект нельзя указать таких определенных общественных групп. Но самую многочисленность и пестроту индепендентских религиозных направлений Бернштейн склонен объяснять неустойчивостью, неопределенностью строения в общественных низах, отсутствием резких классовых перегородок. Всего важнее было движение левеллеров, в котором приходится различать два течения: демократическое и пролетарское. Левеллеры — демократы, самым ярким представителем которых был Лильберн, выставили чисто политическую программу, которая объединяла рабочих, радикальных горожан и солдат парламентской армии. «Истинные» левеллеры представляли интересы неимущих и в памфлетах Уинстона выставили коммунистическую программу, которую пыталась осуществить кучка «скопателей».

Но как ни были пестры и разрозненны радикально-плебейские движения, в своей совокупности они представляли большую силу. Как раз радикальные элементы двигали вперед политическую революцию, вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы и заставили вождей армии испровергнуть монархию. Левеллеры более всех других способствовали окончательному крушению английского абсолютизма. Без этой поддержки демократических слоев средние классы скоро пошли бы на компромисс, который мог завершиться восстановлением Тюдоровских и Стюартовских порядков. Но, как часто бывает, демократические элементы оказались дальше равнодействующей революции, и после отлива революционной волны они менее других воспользовались плодами победы. Лильберн своей неукротимой агитацией расчищал путь полновластию Кромуэля, типичного представителя имущих. Подчеркнувши, в отличие от своих учителей, важное место демократических элементов в революции, Бернштейн вполне согласен с ними в оценке последствий переворота. Английская революция была революция буржуазная, упрочившая преобладание средних кругов в английской жизни; пора трудового люда была еще далеко впереди.

Слабая сторона построений Бернштейна заключается в том, что они опираются на недостаточный анализ действительных хозяйственных отношений той поры. Историк и теоретик, считающий наиболее важной стороной общественной жизни организацию народного труда и взаимоотношение общественных классов, должен был обратить внимание на разработку экономической истории, а между тем именно этот отдел остался у Бернштейна наименее разработанным. Объясняется это тем, что Бернштейн в значительной мере находился в зависимости от предшествующих исследователей, которые разработали историю эпохи с точки зрения хозяйственных и классовых отношений недостаточно.

Свой материал Бернштейн заимствует в большой мере у наиболее авторитетного из близких к нам историков революции, у Гардинера, отдавшего всю жизнь английской истории XVII в. Но Гардинер подписался бы, конечно, только под немногими частными положениями Бернштейна и решительно восстал бы против основ его исторического мировоззрения. Ученое значение полувекковой работы Гардинера над историей XVII в. огромно. Он впервые поставил изучение этого периода на твердую методическую почву, подверг предварительной обработке огромный материал, в значительной мере впервые им пущенный в научное обращение. Хотя главная его сила в точности и методичности специального исследования, он не уклоняется от обобщений, и некоторые его выводы меняют наши общие представления об этом периоде. Он обладает большим, может быть, чрезмерным беспристрастием в суждениях и оценках. В его выводах трудно подметить искажающее действие классовых, партийных, вероисповедных пристрастий, тем более, что он вел суровую жизнь ученого подвижника. Он не преследовал дидактических целей. Правда, он считал историю полезной, даже нужной для политического деятеля, поскольку она разъясняет настоящее; но, по его мнению, этого рода польза тем больше, чем меньше историк имеет в виду настоящее. Гардинер есть один из лучших представителей исторического объективизма. Тем поучительнее его отрицательное отношение к привнесению классовой точки зрения в объяснение английской истории XVII в.

В отличие от французской революции английская не выродилась в классовую борьбу: конечно, по большей части, джентльмены были за короля, горожане и йомены за парламент, но и в том и в другом лагере было влиятельное меньшинство. Религиозные деления тоже не совпадали с классовыми. Если Марке зовет английскую революцию буржуазной, то Гардинер зовет ее пуританской. Главной движущей силой был пуританизм, религиозный подъем нескольких поколений. Лучшие люди страны горели огнем глубокого воодушевления и сильного морально-религиозного порыва и развили

в себе великие душевные богатства. Пуританизм в XVII в. был источником национальной мощи, закалом национальной воли.

К сожалению, Гардинер не дает точного определения для понятия, которое лежит в основе его построения; читателю приходится самому выполнять эту работу, строить это понятие по отдельным утверждениям, разбросанным по многотомной истории.

В основе пуританизма лежит искание бога, смирение перед велениями высшей воли. Но отношения к богу мыслятся или, вернее, ощущаются, переживаются пуританином по преимуществу как личные, непосредственные. Уверенность в безусловной обязательности божьего приказа вносит в пуританизм черту покорности, законничества. В виду святости и высоты божьих предписаний пуритане, по крайней мере некоторые, требовали подчинения закону не только от себя, но и от других, настаивали на принудительном осуществлении своего религиозного идеала, хотели силой ввести в жизнь свои пачала. Пуританизм не исключает насилия, тирании, даже своеобразного обрядового духа. Но, по Гардинеру, гораздо характернее для пуританизма живое сознание грани между божьим и человеческим. Человеческие установления, самые сильные, самые почтенные, не подавляют пуританина. Он сопоставляет их со своим богосознанием и признает принижением, извращением божьей заповеди. Он свободен от рабства перед ними, перед мирским духом; вслед за Карлайлем Гардинер видит в лучших пуританах высшее проявление религиозного освобождения, индивидуализма, в котором лежит будто бы существо протестантизма. Сильным сознанием своей связи с безусловным, пуританин не боится человека. Если государство или церковь предъявляют требования, противные его совести, он отвечает решительным отказом и обнаруживает готовность принести своему богу самые значительные жертвы, с большой силой духа переносить самые большие лишения. Конечно, подобное настроение может обладать самыми различными степенями напряженности, и именно в этой связи Гардинер готов признать известные классовые, демократические черты в религиозном движении.

«Тогда, как и всегда, сила и выносливость всего легче вырабатывались не на лоне довольства и роскоши, самые крепкие характеры закалялись не путем умственной культуры. Религиозная и умственная борьба, через которую пуританин вступал на свой путь божественного служения, естественно, имела больше реальности у тех, кто уже закалился в тяжелой борьбе с материальными условиями бытия, чья душа не развлекалась слишком широким и многосторонним знанием. Тянувшееся кверху пламя горело ярче там, куда не проникала мирская литература с ее умом и с ее безумием. Пуританская благая весть раскрывается всего яснее не в размерен-

ных каденциях Мильтона, а в аллегориях медника из Эльстоу (Беннан)».

Но Гардинер настаивает на том, что пуританизм отнюдь не носил резкой классовой окраски. Элементы ее Гардинер находит и у английских пресвитериан, которые по преимуществу принадлежали к высшим и средним кругам городского населения. Но Гардинер настойчиво указывает на то, что пресвитерианство не могло укорениться в Англии. Англичане не могли помириться с тем властным положением церкви в государстве, которое отличает эту церковную систему. И — что главное — пресвитерианство не могло удовлетворить тогдашних религиозных запросов, ибо в нем были сильны начала внешней, принудительной организации и дисциплины. Гардинер приписывает пуританские настроения значительной части земельного дворянства в первую половину века. Горячим пуританином Гардинер считает даже такого захваченного политикой человека, как Пим. Он ссылается на слова Пима: «Величайшая вольность нашего королевства есть религия». И эта религия была пуританского цвета. Английская конституция была для него тесно связана с божественными законами, сознанными личной совестью. За эту религию боролся Пим и готов был защищать ее даже против воли народа.

Но временем наибольшей силы пуританизма Гардинер считает господство индепендентов. Наступила пора воинствующего пуританизма, религиозных энтузиастов, готовых бороться не только с вооруженным врагом, но с национальным правом, с парламентским большинством, лишь бы не дать умолкнуть божьему голосу. Гардинер не скрывает своих симпатий к этим людям. «Спасение для народа не в том уважении к власти и не в том недоверии к невежественной энергии, которым были полны роялисты, и не в том уважении к богословскому знанию, которым были полны пресвитериане. Спасение в тех, кто может далеко отойти от верного пути, но готов отдать жизнь за то, что считает высшим духовным благом». Тем более, что при всем своем воинственном пыле «святые» были полны желанием религиозной свободы. Конечно, они мечтали обратить других в свою веру; но они мечтали сделать это заразой своих пламенных воззваний. Пуританская волна поднялась всего выше при парламенте святых в 1653 г. Что же хотели эти «божьи люди»? Они думали о насилии, о принудительном уничтожении государственной церкви. Но для чего? Чтобы устранить всякое мирское давление на личную совесть, создать возможность свободного образования свободных церквей. Когда они ушли, начался непрерывный отлив пуританской революции, возврат к допуританским формам мысли, чувства и воли. В Кромвэле как протекторе еще живо религиозное воодушевление индепендентов; Гардинер указывает на его искренние намерения ввести религиозную терпи-

мость. Но, с одной стороны, мечты о перевоспитании людей привели протектора к мерам насилия, низвели его политику до уровня пресвитерианской дисциплины и принудительной организации (меры против пьянства, разврата, развлечений); с другой — во внешней политике протектора сказывается торжество старого светского духа материальной выгоды, которое предвещает собой близость реставрации. Пуританская мечта о религиозно-моральном перерождении нации осталась мечтой меньшинства и уступила первое место старой церкви, которая была сильна своими историческими традициями, просвещенностью и католической терпимостью своих лучших представителей.

Политическая борьба была в зависимости от религиозной. Гардинер подчеркивает, что торжество революционеров вынесло наверх два совершенно различных политических идеала: одним было народовластие, представление о том, что источником власти является народная воля и что народ при посредстве представителей должен принимать как можно больше участия в управлении и законодательстве. Но с этим учением часто связывается представление о неотъемлемых правах гражданина, недостижимых даже для демократической государственной власти. Эта струя выходит из тогдашнего религиозного движения, которое хотело видеть религиозные запросы верующей души свободными от всякого принудительного вмешательства; в основу неотъемлемых личных прав полагали свободу совести. Представителями демократического течения Гардинер считает левеллеров. Коммунистическому движению диггеров Гардинер придает очень мало значения и напоминает, что гораздо более скромные попытки социальной ломки, сделанные в 1653 г. индепендентским парламентом, немедленно встретились с самым решительным общественным противодействием и остались без последствий. Но взгляды Гардинера на политику левеллеров колеблются. Иногда Гардинер утверждает, что левеллеры представляли собой незначительную и маловлиятельную группу, и придает большое значение тому, что такие крупные индепенденты, как Мильтон и Вен, не были демократами. Иногда же тяготение к демократическому идеалу приписывается более широким кругам индепендентов, а левеллеры изображаются сильной политической партией, привлекавшей к себе симпатии народных масс, грозным врагом республиканского правительства и протектора. Во всяком случае Гардинер думает, что гораздо влиятельнее и распространеннее был другой политический идеал, вера в политическую миссию лучших «святых» людей. Победа божьего дела есть верховная цель общежития. Если воля народа хочет торжества этого дела, тем лучше для нее; надо править по воле народа. Но если большинство идет против святого дела, то воля бога пусть станет выше воли народа; пусть благочестивые, лучшие

люди возьмут в свои руки власть и правят народом вопреки воле народа, но согласно с волей божества, не по народному уполномочию, а по божественному праву. Свое крайнее выражение этот взгляд получил у «людей Пятой Монархии», которые прямо хотели замянуть земное государство царством Христа и его святых. Но тот же ряд представлений выступает во многих явлениях революционной поры. Когда Кромвель в 1653 г. созывал в парламент людей не по народному избранию, а по своему назначению, то это не был акт грубого насилия, а последовательное применение взгляда, который разделялся многими индепендентами: святое дело должны вести лучшие, божьи люди.

Но как ни была распространена вера в правомерность господства лучших людей, люди, ее разделявшие, составляли меньшинство английского общества. По Гардинеру, они остаются в меньшинстве и тогда, когда мы присоединим к ним людей, веривших в народо-властие. Сила духа, способность самопожертвования, напряженность религиозного порыва позволяют этому меньшинству захватить власть над большинством в надежде перевоспитать людей, осуществить свой религиозно-политический идеал. Но даже в своей среде у них нет согласия. Не говоря уже о том, что «благочестивые» редко уживаются с политическими энтузиастами, с фанатиками народо-властия и часто находят в них своих злейших врагов, сами «благочестивые» распадаются на секты, из которых некоторые приписывают себе исключительное право на святость. Победители-индепенденты все время, даже в момент наиболее решительного торжества, окружены равнодушием или враждой, явными и тайными опасностями. Когда в 1642 г. религиозно-политическая борьба приобрела революционный характер, речь шла не о низвержении старой монархии и старой церкви, а о политических и церковных реформах, которых желало огромное большинство парламента и, по всей вероятности, значительное большинство населения: об очищении церкви, об ограничении королевской прерогативы, о сочетании порядка со свободой. Только упорное нежелание короля и епископов пойти на реформы привело к разрыву. Но прежний идеал не исчез. Наоборот, для большинства населения он получил новую привлекательность с той поры, как власть досталась людям, которые шли много дальше большинства. С течением времени в ряды равнодушных или недовольных переходят и победители, отстраненные своими более благочестивыми или более народолюбивыми товарищами. «Святые» достигли власти, но они могли удержать ее только военной силой. В старой историографии республиканцев и Кромвеля часто упрекали в том, что, достигнув власти, они изменили собственным принципам и прибегали к чисто тиранническим приемам. Внимательное и точное изучение показало Гардинеру, как трудно было

положение индепендентов - победителей. Их поведение не было сознательной изменой своим убеждениям. Если они хотели сохранить власть, — а они хотели сохранить ее не только из властолюбия и самосохранения, но и потому, что считали свое господство необходимым для спасения божьего дела, — то они должны были поступить так, как поступали во многих случаях, когда к ним предъявляли обвинение в отказе от своих верований. Республиканских государственных деятелей упрекают за пренебрежение к внутренним реформам, во имя которых была начата борьба с монархией. Гардинер напоминает, до какой степени у них руки были заняты войной в Шотландии, Ирландии, Голландии. Кромвелю ставят в вину неконституционность и военный произвол его генерал-майоров. Гардинер напоминает, что 1655 г. отмечен рядом восстаний и заговоров и что установление военных командований с чрезвычайными полномочиями, по крайней мере на первых порах, было актом необходимой самообороны. Неизбежным ходом вещей армия стала господином положения, и привыкшие к преобладанию гражданских властей англичане очутились в руках военного деспотизма.

Но не только разъяснение той обстановки, в которой слагалась политика индепендентов, составляет важную историографическую заслугу Гардинера. Он много сделал и для того, чтобы установить их связь с более ранними течениями английской истории, указать традиционные элементы в их духовном складе. Карлайль много сделал для установления правильного взгляда на пуританский период английской истории. Но он достиг своей цели героическим, анти-историческим средством. Он вырвал пуритан из их исторической связи, а главного их представителя возвел на недостижимый пьедестал, изобразил одной из высочайших вершин человеческой истории. Конструкция шотландского моралиста производит впечатление своим подъемом и художественными достоинствами, но не выдерживает прикосновения исторической и философской критики. Гардинер свел пуританских героев на землю и тем оказал им не меньшую услугу, чем Карлайль: что они проиграли в героизме, то выиграли в жизненности, правдивости, понятности. И если английский читатель утратил чувство благоговения перед титанами пуританизма, то он почувствовал свое кровное родство с этими протагонистами XVII в., ибо усмотрел в них вслед за Гардинером типичных или даже наиболее типичных англичан нового времени, получил возможность облечь их в плоть и кровь. У Карлайля Кромвель несколькими головами выше окружающих, управляет людьми и событиями, властно налагает высокий пуританский идеал на присмирившее общество. У Гардинера Кромвель — добрый англичанин, множеством нитей привязанный к родной почве, полный отваги в решительную минуту, но постоянно присматривавшийся и применявшийся к обстановке. Даже при

протекторате его полномочие было только видимостью: он был серьезно ограничен своим советом; колебания политики иногда объясняются давлением этого влиятельного учреждения. В государственном строе протектората Гардинер видит возвращение к елизаветинским традициям, попытку вернуть сильную единоличную исполнительную власть, в значительной мере независимую от народного представительства и в критический момент способную пайти большие материальные средства. В колебаниях внутренней политики Кромвеля Гардинер находит большое сходство с Страффорлом, даже прямо зовет Кромвеля наследником и преемником Страффорда. Подобно Страффорду Кромвель навлекает нарекания в отступничестве; подобно Страффорду шатается в выборе путей, которыми хочет прийти к своей главной цели — к созданию сильной власти, способной обеспечить народное благосостояние. Монархия, парламент, военная диктатура, господство святых выдвигаются и отодвигаются в зависимости от того, насколько оказываются удобными по условиям момента. Гардинер очень подробно следит за международной политикой республики и протектората. Это только отчасти объясняется тяготением к внешней, военной и дипломатической истории. Ему хотелось развить ту же мысль, которую с такой яркостью провел Сорель в своей дипломатической истории французской революции, мысль о необыкновенной живучести государственных и национальных традиций, перед которыми бессильны самые бурные перевороты. И вот Гардинер следит за тем, как пуританский идеализм оказался бессилем перед вековыми стремлениями к военно-морскому и хозяйственному преобладанию на западе Европы, как передовые протестанты оставляют без поддержки французских гугенотов и ведут ожесточенную борьбу с наиболее сильным протестантским государством, в котором видят опасного торгового соперника, как слуги божьего дела оживляют традиции елизаветинского флибустьерства и выступают предтечами позднейшего хищного и завоевательного империализма, как борьба с антихристом вырождается в захват заокеанских владений у Испании.

Работа Гардинера показывает, что даже в Англии для английской революции наступила пора спокойного изучения. Люди и события отодвинулись настолько, что теперешний наблюдатель может, коли захочет, без грубых ошибок воспроизвести общие очертания и пропорции разных перипетий и разветвлений самой большой английской драмы. Эти люди XVII в. отнюдь не чужие нам, особенно англичанам. Некоторые волновавшие их вопросы перестали трогать нас, умерли. Но другие все еще живы, не решены. Третьи, конечно, все еще долго останутся нерешенными, будут разъединять и сталкивать сердца и головы. И все же равнодействующая теперешней жизни настолько уклонилась от старины

XVII в., что выводы серьезного исторического исследования стали приемлемы для людей разного философского, религиозного, политического склада.

Но та же работа свидетельствует, как далеки еще мы от равномерного, симметричного знания этой эпохи. Ученая работа нередко отстает от течения общественной мысли. Мы чувствуем теперь повышенный интерес к жизни простого трудового человека, потому что он все больше и больше выпрямляется перед нами во весь свой рост. Мы почти все верим теперь в глубокую важность хозяйственных явлений в общем обиходе общежития, отчасти потому, что живем среди быстрых и глубоких экономических перемен и чувствуем на себе их воздействие, отчасти потому, что на наших глазах все растет значение демократических элементов общества, в быту которых хозяйственные вопросы в силу печальной необходимости занимают первое место. А на историографии английской революции все еще лежит аристократическая и спиритуалистическая складка. Батрак, подмастерье, бродяга, даже йомен и мастер все еще редко показываются на страницах общих и даже специальных работ. Все еще недостаточное внимание привлекают к себе общинное поле, огороженная ферма, нарушающая цельность общинного уклада, придорожный кабаk, где собирается в сумерках подозрительный люд, скромный дом городского мастера с еще более скромными пристройками для учеников, лавка скупщика, раздающего работу этим мастерам, просторный сарай молодой мануфактуры, лондонский док, стягивающий к себе все лишнее, что вырабатывается в смятенной стране. Преподаватель может указать на эти пробелы историографии, но бессилен восполнить их. Если в последующем изложении вы найдете чрезмерным внимание к судьбам английской церкви и английского государства, я надеюсь, этот несколько затянувшийся литературный обзор покажет вам, что вина за односторонность в подборе материала ложится не на личные вкусы преподавателя.

II. Политические воззрения английского общества в начале XVII века.

Яков I и его политические взгляды. — Вопрос о королевской прерогативе. — Королевские притязания и церковь. — Бекон. — Пример континентального абсолютизма. — Противники абсолютизма. — Бьюканан. — Лейтон. — Гукер. — Антикварная оппозиция. — Элиот. — Лояльность парламентской оппозиции.

От мнений об англичанах XVII в. мы должны перейти к самим этим людям. Мы должны войти в их душу, присмотреться к их убеждениям, идеалам, настроениям, уяснить основные черты их материальной обстановки, чтобы не потеряться в шумной и сложной борьбе середины века, установить правильную перспективу ее перекрестных течений. Мы должны подойти к ней с конкретным представлением о состоянии страны в сравнительно спокойные первые четыре десятилетия века.

В середине века столкнулись разные политические партии, верившие разным политическим символам. Партии сложились поздно, в значительной мере в самой борьбе. Взгляды установились до борьбы. Нам не трудно найти отправную точку. Видным литературным выразителем одного очень важного строя политических идей был сам король, первый Стюарт. Случайность рождения поместила его не на свое место. Король, особенно английский король, из него вышел плохой: получужой англичанам и мало способный войти в английскую психологию, совершенно нецарственный по внешности и образу жизни, ленивый в политике, непоследовательный, расточительный, болтливый, малоспособный ценить людей, совсем непопулярный. Но из него вышел бы хороший шотландский, даже английский член университетского колледжа или профессор. Он неглуп, даже остроумен, жизнерадостен, любит охоту, вино, красивых людей, умную беседу, привязчив к тесному кругу близких людей, с хорошо повешенным языком, педант; он много читает и не мало знает, особенно по богословию. Он любит книгу и литературу. Ему очень тяжело входить в подробности дипломатии, администрации, судоговорения. Но, когда ему надо проверить какую-нибудь цитату, он хлопочет о том, чтобы ему доставили из Кембриджа творения отцов церкви, каноны соборов; он роется в этих фолиантах. Он пишет,

и с его политическими взглядами мы знакомимся по его собранию сочинений.

Он не англичанин, он шотландец, и шотландец с исключительной биографией: сын католички Марии Стюарт и сомнительного отца, король с детства, которому навязали в учителя монархомаха Бьюканана, выросший в чувствах обиды, в борьбе с теократическими притязаниями кальвинистских священников (ministers) и с классовыми притязаниями лэрдов, в мечтах об ожидающем его величии объединителя двух королевств. Его идеи шире английских: он стоит на великобританской точке зрения, в век религиозных войн не прочь мечтать о соединении церквей и не боится переговоров с папой. Он медленно приспособляется к английской обстановке. Вначале он прямо шокирует англичан то превышением своей прерогативы (на пути в Лондон без суда вешает карманника), то недостаточным ее применением: выросший в кальвинистской среде, он не верит в свой дар исцелять «королевскую болезнь», отказывается налагать руки на золотушных. Современем он привык к этому, и, конечно, Шекспир хотел угодить королю, когда говорит в Макбете (IV. 3) о даре Эдуарда Исповедника и его переходе к преемникам.

Когда Яков выступает с учением о монархии божьей милостью, в английскую политическую жизнь входит иностранная струя. Яков хотел бы занять такое же положение, как монархи континента. Парламенту 1610 г. он говорит с досадой: «Ведь может же брать пошлину король Франции, Дании, Испании? почему же я не могу?» Распустив строптивый парламент 1614 г., Яков жалуется испанскому послу: «Удивляюсь, как мои предки допустили такое учреждение. Я чужой здесь, я застал его здесь, когда пришел; я должен мириться с тем, от чего не могу отделаться». Один раз Яков заявил, что подданный не смеет говорить неуважительно ни о каких «помазанниках», хотя бы находящихся в войне с его собственным государем. Один свой политический трактат он написал еще до 1603 г.: «Истинный закон свободных монархий». Уроки Бьюканана не пошли впредь. Яков прямо полемизирует с монархомахами. Власть короля не от народа, не от договора. Предок шотландских королей завоевал страну. Король выше закона, может без парламента издавать статуты и указы, может отменять парламентские акты. Подданные должны повиноваться безусловно. Но власть монарха вовсе не чисто фактическая: у нее две опоры. Монарх есть монарх божьей милостью, наместник бога, исполнитель божьей воли, лицо мистическое. Подходить к нему и его власти должно с благоговением, почти трепетом. Это зеркало, которое может быть осквернено отражением нечистого созерцателя. В 1616 г. он вразумляет своих судей: прерогатива есть государ-

ственная мистерия, «трансцендентная материя», не подлежащая человеческому обсуждению. «Атеизм и богохульство обсуждать, что может сделать бог. Добрый христианин довольствуется божьей волей, раскрытой в божественном слове. Точно так же самомнение и высокое пренебрежение со стороны подданного обсуждать, что может сделать король, утверждать, что король не может сделать того и того. Надо довольствоваться королевской волей, раскрытой в его законе».

Другая опора монархии—легитимность. Право короля есть его прирожденное право. Яков настаивает на этом щекотливом пункте. Он был правнук старшей сестры Генриха VIII, а по завещанию Генриха VIII, утвержденному парламентом, престол должен был перейти раньше к потомству младшей сестры Генриха VIII. Вот почему, открывая свой первый английский парламент, он точно спорит с кем-то и заявляет: «Бог, по моему прирожденному праву, в полноте времен предназначил мне это место» (март 1604 г.). И он почти готов объявить своей собственностью два королевства, которые он объединил. «Что сочетал бог, того пусть не разлучает человек. Я муж, а весь остров—моя законная жена. Я—глава, а остров—мое тело. Я—пастырь, а остров—мое стадо». В таком же роде речь в сессии 1605 г.: «Я ваш король, я поставлен править вами, я отвечаю за ваши ошибки». Но он тут же спешит отграничить себя от тирана. Между тираном и легитимным королем—большая разница. «Гордый и честолюбивый тиран воображает, что царство и народ поставлены лишь для удовлетворения его желаний и неразумных вожделений; законный и справедливый царь признает, что он поставлен для народного благоденствия».

Яков несколько раз возвращается к этому ряду мыслей. Еще в «истинном законе» он разъясняет, что «свободная» монархия есть монархия подзаконная: монарх выше своего закона, но он свободно подчиняется ему для примера подданным. Когда в 1606 г. перепуганная пороховым заговором конвокация выступает с учением о безусловном повиновении всем предержащим властям, Яков сдерживает зарвавшихся абсолютистов, учит их уважению к праву. Он отказывается утвердить каноны и говорит об обязанности подданных сопротивляться тирану и узурпатору. Иногда он делает заявления, которые на первый взгляд означают даже отказ от абсолютистических притязаний. В 1607 г. преподаватель римского права (это характерная подробность) в Кембридже, Кауэль, под покровительством архиепископа Банкрофта издал учебник, юридический словарь, «Толкователь» (Interpreter). Под словом «Королевская прерогатива», там говорится, что английский король есть абсолютный монарх; у самого абсолютного монарха в мире нет такой регалии,

которой не было бы у английского короля, король выше общего права. Под словами «король» и «парламент» говорится, что король только по своей доброй воле созывает парламент для законодательства, что он властен изменять и отменять парламентские акты. Парламент 1610 г. обратил внимание на книгу и готовился просить об ее уничтожении. Король предупредил негодование и сам издал прокламацию об уничтожении книги. Противопоставляя прерогативу общему праву, Кауэль, по мнению Якова, нападает не только на парламент, но и на корону. Король получил корону от предков, но она принадлежит ему и по общему праву: по общему праву король без парламента не может ни издавать законов, ни собирать субсидий.

Приглядевшись к английской обстановке, Яков, действительно, стал относиться с большим уважением к парламенту и общему праву. Но до конца своих дней он остался при убеждении, что ему принадлежит та высшая форма государственного верховенства, которая стоит и над парламентом и над общим правом. Парламент приходит и уходит, король остается. В 1621 г., раздраженный парламентской оппозицией, он раз призвал коммонеров в палату лордов и рассказал им басню: «В доброе старое время, когда животные умели говорить, корова жаловалась, что хвост у нее слишком тяжел. Ей отрубили хвост. Пришло лето. Мухи снова стали кусать корову. Ей очень хотелось получить назад свой тяжелый хвост. Я и Бекингам, мы точно коровий хвост. Сессия пройдет, и вам очень захочется получить нас назад, чтобы защищать вас от обид». А в 1616 г. Яков разъясняет своим судьям, каким образом подчинение короля общему праву не исключает верховенства короля над общим правом. У короля есть прерогатива двойкого рода, частная (*private*) и абсолютная. Частная подлежит ведению судов общего права; судьи могут рассуждать о ней так же, как о притязаниях любого подданного. Не такова абсолютная прерогатива короны, о которой не могут говорить ни подданные, ни судьи; она, как вещь трансцендентная, стоит выше парламента и выше общего права.

Эта трансцендентная вещь очень похожа на *souveraineté* Бодена. Можно даже думать, что представление об абсолютной прерогативе сложилось под влиянием Бодена, «Республика» которого комментируется в Оксфорде и Кембридже с 1580 г., переведена на английский в 1606 г. Споры о *souveraineté* занимают много места в парламентских прениях 1628 г., из которых вышла Петиция о праве. Когда петиция была внесена в верхнюю палату, лорды приняли петицию, но внесли оговорку о том, что за королем остается суверенная власть. Оговорка встретила в нижней палате дружное и резкое противодействие. Старик Кок торжественно

заявил, что суверенная власть не есть парламентский термин, не есть термин английского права, что Великая Хартия не терпит над собой суверена и знает только прерогативу. Даже в палате лордов раздавались сходные голоса. Еп. Уильямс говорил, что у короля нет суверенной власти, а есть прерогатива, которая вовсе не безгранична и может быть точно определена учеными юристами. А в палате общин Ольфорд заклеил *souveraineté*, как вывезенное из Франции новшество. За разъяснением смысла *souveraineté* приходится обращаться к Бодену: суверенная власть есть власть, свободная от всяких условий. Палата решительно отказалась признать за королем такую власть и отвергла поправку. Любопытно, что ссылка на Бодена есть в речи, которую Элиот написал в тюрьме и которую мечтал сказать в будущем парламенте.

Наличие иноземных элементов в представлениях о королевском суверенитете есть, конечно, явление любопытное и важное. Но не надо забывать, что и в английских политических традициях были условия, способствовавшие распространению сходных идей.

Со времени разрыва с Римом англиканский клир попал в очень большую зависимость от светского правительства. Монарх стал «верховным правителем» государственной церкви, а первое время был даже ее «главой». Елизавета считала власть над церковью частью своей прерогативы и всячески старалась отстранить парламент от вмешательства в церковные дела. Англиканские клирики привыкли бояться правительства и получать от него наиболее видные бенефиции. Они не только боялись его, но и нуждались в нем, и чем дальше, тем больше. Они видели, что только при содействии светской власти они могут сохранить в целости свой авторитет и свои доходы, мечтать об обращении католиков, о предотвращении раскола среди англикан. Высшие слои англиканского клира тяготеют к короне не только за страх, но и за совесть. В этой среде легко распространяются возвышенные представления о королевской прерогативе, порой очень близкие к проповеди абсолютизма.

Уже при Тюдорах церковная кафедра является местом для пропаганды угодных правительству взглядов. После восстания северных графств в 1569 г. сочинена проповедь, где в пример непокорным англичанамставляется благородный отпрыск еврейской династии, дева Мария, подчинившаяся приказу иноплеменного государя идти в Вифлесс. В XVII в. восхваление безусловного повиновения становится любимой темой той части англиканского клира, которая сторонится от кальвинизма и мечтает об англо-католической церкви. Даже король осудил каноны конвокации 1606 г., которые требовали повиновения всякому государю. Попытки политического свободного мышления встречают суровый отпор в церковно-ученой среде. В 1622 г.

один молодой проповедник Найт (Knight), говорил в Оксфорде о преследовании Илии Ахавом и доказывал законность вооруженного восстания при гонении за веру. Вице-канцлер немедленно призвал смельчака к ответу, отослал в Тайный совет, который посадил его на 2 года в тюрьму, а от всех членов университета потребовали торжественной присяги в том, что они всегда будут ненавидеть учение о сопротивлении. При Карле I связь между короной с ее абсолютистическими стремлениями и англо-католическим клиром становится особенно тесна. Англо-католики точно монополизировали высшие должности государственной церкви и усердно твердят своей пастве о величии короны. Союз трона и алтаря нашел себе откровенное выражение в словах, которыми кончается одно из главных произведений англо-католической богословской литературы, Аррелло Caesarem Монтегью (1625 г.): «Ты защищай меня мечом, а я стану защищать тебя пером». И они действительно бьются пером за корону. Вождем англо-католиков был Лод. Его проповеди часто суть политические речи в защиту порядка, близкого к абсолютизму. Он смело говорит их в лицо парламенту. Лод говорит проповедь при открытии первого Карлова парламента в 1625 г. Королевская власть от бога; король — божий наместник на земле; действия короля суть королевские действия только по выполнению, по установлению (ordinance) это божьи действия. Суды, самый парламент получают влияние и власть от монарха. Лод говорит и при открытии второго парламента (февраль 1626 г.). Единством спасается государство и церковь. В государстве король — олицетворение единства; он должен быть предметом любви и почитания. А после разгона парламента он заверяет короля (июль 1626 г.), что его должность и особа священны: насилие над королем есть насилие над божеством. Но только пусть не забывает король, что его благосостояние тесно связано с церковным: враги алтаря суть враги трона.

У Лода находились и подголоски, которые шли чуть не дальше учителя. Летом 1627 г. священник Манверниг в присутствии короля разъяснил отношение верноподданнического долга к религии. Царская власть есть самая высокая и сильная из богоустановленных властей, власть сверхчеловеческая, божественная. Это не собрание сил, принадлежащих отдельным лицам; это сопричастность божьему всемогуществу, которого удостоивается только божий наместник, но не толпа обыкновенных людей. Монарху нельзя сопротивляться активно, даже когда он повелевает что-либо противоречащее закону божьему. Если такого противоречия нет, то грехом становится и пассивное сопротивление, хотя бы приказ короля противоречил «национальному и муниципальному» праву. Англичан волновал тогда принудительный заем, который собирался коро-

левской администрацией без согласия парламента. Многие отказывались платить. Манверинг обрушивается на королевских ослушников. Парламент созывается не для того, чтобы дать согласие на налог; право взимать налоги принадлежит носителю императорской короны по праву рождения; парламент только помогает королю в технике взимания, в справедливом распределении налога. Человек, противящийся королевскому требованию о займе, противится божьей заповеди и навлекает на себя опасность вечного осуждения. С пафосом проповедник распространяется о благодеяниях, разливаемых королевской властью, об ее величии. Самый гордый персклоняется к ногам государя. Самый последний бродяга ищет на себе благодать престола: черствый хлеб, которым он питается, лохмотья, которыми он прикрывает свою грязную наготу, это избыток того изобилия и довольства, что порождается мудрым и мирным управлением. Делатель не остался без награды. Правда, оппозиционный парламент 1628 г. велел сжечь проповеди и наложил на проповедника тяжелую кару; но король, сам хлопотавший о печатании проповедей, очень скоро помиловал осужденного, дал ему хороший приход, а через несколько лет (в 1636 г.) возвел его в епископы.

Но не эти абсолютистические домыслы литературных теоретиков, в значительной мере паходившихся под иностранным влиянием, не эти смиренно восторженные проповеди английских богословов, боявшихся за свой почет и за свою десятину, представляются мне наиболее важными при оценке тогдашнего политического сознания. Всего поучительнее, что к абсолютистическим взглядам тяготеют очень крупные государственные деятели дореволюционного периода. Их, конечно, нельзя ставить на одну доску со смелыми абсолютистами печатного станка, церковной и университетской кафедры. Они вводят в свои абсолютистические заявления ряд ограничений, они относятся гораздо бережнее к историческому строю страны, к парламенту, к общему праву, к местному самоуправлению. Но их симпатии лежат на стороне сильной и твердой власти, которая руководит обществом, а не исполняет его веления, которая не останавливается в робости перед мертвыми нормами права, когда они становятся ей поперек дороги при осуществлении широкой и живой политики, на знамени которой стоит государственная мощь и народное благо. И когда их противники выдвигают против них ссылку на традиционные вольности, на прирожденные права английского народа, они заявляют, что за ними стоит не менее древняя и не менее славная традиция, традиция королевской прерогативы. Они полны преклонения перед эпохой Тюдоров, когда корона и ее сильные советники освободили народ от Рима, отстаивали национальную независимость против Испании, установили твердые основы

внутреннего порядка, покровительствовали росту производительных сил народа. Они хотят следовать славным елизаветинским традициям и потому хотят обеспечить королевской прерогативе возможно больше простора. Недаром Бекон пишет воодушевленную биографию Генриха VII.

Он проставляет в нем одного из творцов того политического порядка, который и для него самого остается идеалом. Этот порядок не исключает парламента: хороший государь должен управлять вместе с парламентом. Только палата общин может полно осведомить корону о нуждах и желаниях страны. Он не раз советует Якову поддерживать хорошие отношения с парламентом: он не боится созыва парламента, наоборот, советует созывать его регулярно не только для субсидий, но для законодательства. Но только он восстает против попыток считать парламент соперником короны. Между короной и парламентом не должно быть антагонизма. Парламент-помощник, сотрудник короны; роль его больше осведомительная, законосовещательная. Мнения парламента получают связующую силу только тогда, когда утверждаются королем. Бекон не раз говорит о своем уважении к общему праву и к старине. «Лучше не производить опытов над государством, разве только по крайней необходимости и в виду очевидной пользы». Он поучает Бекингама: «Наш народ любит свое право. Ничто не может быть англичанам приятнее уверенности в том, что они могут свободно им наслаждаться. Слова, сказанные раз баронами в парламенте: «Мы не хотим изменения законов Англии», запечатлены в сердце всего народа». Бекон надеется, что при нормальном течении жизни короле не придется вмешиваться в деятельность общих судов. Но судьи должны знать свое место. Не их дело выступать в роли посредников между короной и народом. Они — слуги короля. «Трон Соломона с обеих сторон поддерживали львы. Пусть судьи будут такими львами, но под треном, пусть они не помышляют об ограничении каких бы то ни было сторон суверенитета». И в чрезвычайных случаях, когда общее право мешает осуществлению широких правительственных предначертаний, оно должно склониться перед прерогативой.

Бекон не считает возможным управлять страной без общественного содействия. Он верит в государственный смысл джентльменов, которых он зовет опорой государства. Но в основных вопросах государственной жизни они должны быть только исполнителями. Коричин государственного корабля должен быть Тайный совет, подобранный из самых способных людей в стране, умудренный правительственным опытом, сильный знанием и покорностью короле. Девиз Бекона в его отношениях к королю, который, кетати сказать, очень долго держал его в черном теле, есть «слава в повиновении».

Полный презрения к черни, Бэкон был льстив, даже раболепен перед королем, как перед носителем прерогативы, перед источником политической мощи, перед силой, способной продолжить славное дело Тюдоров и осуществить великие национальные задачи, предвосхищенные воображению политика-философа: унию с Шотландией, англизирование Ирландии, колонизацию Америки, внесение в общее право начал справедливости, замирение церкви.

Эта вера не в одну правомерность, но и в благодетельность очень широкой монархической власти, проводящей свою политику при помощи тесного королевского совета, была очень сильна у виднейших государственных деятелей предреволюционного периода, боровшихся за королевскую прерогативу. И когда они оглядывались на континент, у них усиливалось сознание своей правоты. Почти везде они видели усиление монархических правительств, расширение правительственных задач, ослабление или падение средневекового представительства. Им легко могло казаться, что будущее принадлежит им, что они представляют собой торжествующий, жизнеспособный порядок и что их противники, толкующие о старых хартиях и ископных народных вольностях, суть защитники отживающих, обреченных начал. Иногда такая уверенность переходит в открытые угрозы по адресу парламента.

В 1626 г. король во время сессии за дерзкие речи посадил в Тауэр двух коммонеров. Палата ответила резкими выражениями протеста. От имени правительства тайный советник Карльтон призывает палату к порядку. Как дипломат, он ссылается на свой континентальный опыт и советует беречь парламент. «Джентльмены, я умоляю вас, не раздражайте его величество покушениями на его прерогативу, чтобы вам не заставить его разлюбить парламент. В своем послании он предупредил вас, что он будет вынужден последовать новым советам, если не установится согласия между ним и вами. Теперь я прошу вас, подумайте, какие это новые советы, какими они могут быть. Я боюсь говорить вполне откровенно. Но ведь вы знаете, что парламенты существовали издавна во всех христианских монархиях, пока монархи не стали сознавать своей силы. Видя мятежный дух своих парламентов, они постепенно стали отстаивать свою прерогативу. И в конце концов они испровергли парламенты во всем христианском мире, за исключение нашего государства».

Англичанам XVII в. была ясна исключительность их политического положения. Сознание ее поднимало их настроение, выводило политическую борьбу за пределы национального горизонта, сообщало патетический элемент перипетиям островной драмы. Борцам за абсолютизм казалось, что они выводят Англию на ту широкую дорогу, на которую уже ступили все христианские народы. Борцы

за народные вольности видели, что только в их руках теплится потухшее в других местах пламя свободы, что они должны пронести его, как святыню, не только для себя, но и для всего христианского мира. Но даже такое исключительное положение долгое время не создавало политической теории, которая по своей решительности и всеобщности могла бы быть поставлена на ряду с учениями о монархии божьей милостью. Это является новым свидетельством глубины той опасности, которой в начале XVII в. подвергалась английская свобода.

Глубокий консерватизм англичан очень резко сказывается в нежелании или неумении противопоставить абсолютистическим теориям что-нибудь, кроме ссылки на историческую конституцию. Чтобы найти враждебную монархии теорию, нужно выйти за пределы Англии и вернуться назад ко временам Елизаветы. По разным причинам желательно указать главные положения политической доктрины шотландца Бьюканана (*De jure regni apud Scotos* — «О праве монархии у шотландцев», изд. 1579, написано значительно раньше). Он был учителем короля Якова. Он влиял на развитие политической мысли в Англии. В гражданскую войну у него берут аргументы против абсолютизма и в пользу царубийства; после реставрации со злобой говорят об его заблуждениях. Наконец, особенности английской противабсолютистической оппозиции выступают со значительно большей ясностью при сопоставлении с взглядами этого монархомаха.

В жизни и литературной деятельности Бьюканана очень сильно влияние континента. По образованию Бьюканан больше француз. Только стариком он осел на родине (1563 г.), где ему поручили воспитывать малолетнего короля; а дотоле он действует в разных странах континента: в Португалии, Италии и больше всего во Франции, в качестве домашнего воспитателя, литератора, университетского преподавателя. Его политические идеи связаны больше с Францией, чем с Шотландией. Он важен тем, что перенес на остров идеи, выработанные на континенте, особенно в среде французских монархомахов. Вместе с ними он верит в естественное, догосударственное состояние. Государство можно вывести только из договора. Первопричиной общежития является бог, вложивший в человека потребность в общении с себе подобными, как некоторый естественный закон. Но непосредственным источником правопорядка является народная воля. Народ точно отец и творец закона. Бьюканан, повидимому, связывает установление монархии с установлением гражданского общежития. Царь нужен народу, как врач, умиротворяющий волнения, нужен, чтобы держать в согласии разные части государства. Но царь поставляется для народа, и в конечном счете царская власть целиком исходит от народа. Царская

власть опирается на закон, а закон исходит от народа. Закон выше царя, народ выше закона. В цари надо ставить самого лучшего, ибо неестественно, чтобы властвовал над другими тот, кто не лучше других. Лучший человек есть царь по природе. Бьюканан очень высокого мнения о нем. Такой царь может перевоспитать народ: при Ромуле римляне были дики, свирепы, при Нуме сразу стали благочестивы. Это живое подобие божества. Но на деле царь обычно есть царь по народному голосованию, а вовсе не самый лучший; и вдобавок власть портит его. Вот почему народ не только может, но и должен ограничить царя законом. И если под влиянием обмана или страха народ отдает царю в ю полную власть над собой, то договор не имеет связующей силы, народ не в праве ограничить себя. Бьюканан предвидит ряд возражений. Он знает слова о многоголовом звере. И он вовсе не поклонник прямого народовластия. Царь должен править вместе с выборными от разных сословий. Но Бьюканан все же демократичнее многих других монархомахов. Вдохновляясь афинскими образцами, он отдает последнее слово народу. Когда у выборных состоится предварительное постановление, пусть оно будет передано на решение народа. Бьюканан знает, что в Юстиниановом своде император есть неограниченный государь, но не считает римского примера обязательным, а потом Юстиниан был великий человек, а Трибуниан был человек негодный и лстыл императору. Бьюканан предвидит также ссылку на наследственность монархии у шотландцев и других народов. Но он думает, что наследственная монархия развилась из избирательной и что при установлении наследственности народ должен был обеспечить себя существенным ограничением королевской власти. Следом такого ограничения является присяга, которую короли дают при восшествии на престол.

Всего любопытнее отношение Бьюканана к политическому смиренномудрию Нового Завета. Он сначала пытался доказать, что ап. Павел говорит только о подчинении хорошим и законным властям, но потом вообще умаляет важность политических домыслов апостола. Кто такие были первые христиане? Ремесленники, рабы, люди бедные и безвестные. Они мало понимали в политике, да и всякое притязание на власть было бы смешно с их стороны, особенно в огромной и многоплеменной империи. Бьюканан ищет политических авторитетов совсем в другой среде. Он один из виднейших гуманистов своего времени, большой поклонник древней политической свободы, и ап. Павлу в политике предпочитает Аристотеля, Цицерона, Сенеку.

Он был добрым протестантом, но ему была чужда всепроникающая религиозность позднейших пуритан. Они искали его поддержки, когда старались оправдать свое царубийство, ибо Бьюканан энер-

тично настаивал на необходимости судить царя наравне с обыкновенными гражданами. Все согласны с тем, что с царем можно судиться по гражданскому делу; тем более возможно привлечь царя к ответу, когда речь идет об интересах, гораздо более важных. Судьи, хотя и подданные, не ниже царя; они — орудие закона, который выше царя. Возможно, что царь не пожелает явиться на суд; но ведь и разбойники с отравителями не являются на суд по доброй воле, их приводят силой. Царю, ставшему тираном, граждане должны отказать в повиновении; они должны объявить его общественным врагом, которого великий может и должен убить безнаказанно.

И в некоторых других отношениях политические радикалы середины XVII в. соприкасаются с Бьюкананом, может быть, заимствуют у него, возвращаются к традициям монархомахов. Они твердят об общественном договоре, о народном суверенитете, о служебной роли монарха. Но они отказались бы от солидарности со всем строем воззрений Бьюканана. Они признали бы в нем полуязычника, не освоенного благодатью и неспособного оценить значение религиозных основ политической жизни.

Даже самые резкие проявления оппозиционного настроения в предреволюционный период проникнуты значительно более благоприятным монархическим настроением и гораздо большей религиозностью. В конце 1628 г. один шотландец, Александр Лейтон, напечатал в Голландии горячий памфлет против епископов. Епископы зовутся людьми крови, обманом антихриста, гонителями святых, виновниками всех народных бед. С епископальным строем надо покончить. Парламент был тогда распущен на долгие каникулы, и ждали его окончательного разгона. Лейтон призывает палаты очистить страну от злых министров, поразить Газаила в пятое ребро. Лейтон выступает даже с революционным предложением: он советует парламенту не подчиняться приказу о роспуске, оставаться на корабле, ибо роспуск парламента без достаточного основания противозаконен. Но Лейтон тщательно отделяет монарха от его дурных советников. К королю он относится с почтением и толкает парламент на революционный путь для возвеличения династии, для того, чтобы отделать разъедающую ржавчину с серебряного великолетия короны.

Елизаветинские теоретики умеренной конституционной монархии превосходят своих политических сыновей широтой и смелостью мысли. Одним из величайших учителей англиканской церкви был Гукер (Hooker), «Церковное Устройство» которого написано в самом конце XVI в. Гукер не только защищает англиканское вероучение и англиканский церковный строй, но и развивает политическую систему. Гукер — очень умеренный политик, но государство он

считает возможным вывести только из договора. Он протестует против мнения об естественном праве мудрых и добродетельных властвовать над людьми рабского духа. Власть может опираться лишь на всеобщее признание, законодательная власть принадлежит народу, который осуществляет ее чрез своих представителей. Противно всякой справедливости, чтобы человек терпел ущерб за несоблюдение того, на что он не давал ни посредственного ни непосредственного согласия. Гукер считает возможным со стороны народа уступку власти королю. Но узурпаторы и даже законные правители, присваивающие себе больше того, что им дает закон, не могут заявлять притязания на повиновение подданных. Власть английского короля ограничена законом. Закон создает царя. Царь может сделать только то, что он может сделать по праву.

Иным духом проникнуты даже самые выдающиеся представители политической оппозиции при Якове и Карле. В то время, как сторонники абсолютизма расширяют свои теоретические притязания, защитники народных вольностей уклоняются от теоретического состязания, думают свести спор с высот умозрения в помещение архива и суда. Они почти не говорят от разума и мало говорят от писания. Они ищут истины у ученого антиквария и практического юриста. Великую борьбу из-за политического верховенства они мечтают разрешить, точно запутанный гражданский казус, историческими справками и судебными прецедентами. Зачем искать теоретического оправдания для своего политического идеала, когда он получил живое осуществление в государственной старине, когда он проникает собой действующее общее право? Достаточно установить основы старой конституции, и мы получаем цель, к которой надо стремиться, орудие, которым можно одолеть абсолютизм. Мы не хотим никакого захвата, никакого новшества, мы хотим только вернуть наше исконное, наше прирожденное право (*biribright*). Оно опирается не на сомнительный голос совести, разума, естественного или божеского закона: оно записано чернилами на старых кожах, которые можно разыскать в архиве. Притязаниям короны на право облагать население, законодательствовать, расквартировывать солдат, заключать в тюрьмы без соглашения с парламентом, надо противопоставить победоносные ссылки на старые судебные решения, на старые парламентские протоколы, на статуты XV, XIV и даже XIII в.в.

Знатоки старины приобретают неожиданное значение. Эдуард Кок, Роберт Коттон, Джон Сельден — своего рода оракулы этого антикварного либерализма. С конца XVI в. в Англии наблюдается сильное оживление исторических интересов, появляются выдающиеся любители древней письменности, особенно старых юридических документов, вступающие в тесное научное общение. Их вовсе

не считают ушедшими от жизни любителями архивной пыли. К ним обращаются за советом политические вожди, их выбирают в парламент, их слушают с напряженным вниманием, когда они выкладывают перед палатой сокровищницу своей эрудиции. Иные парламентские прения, иные политические процессы этой поры напоминают нам историко-юридические диспуты. В парламенте 1628 г. среди горячих споров о праве короны лишать свободы без указания причин ареста представитель короны, генерал-солиситор Шильтон совершенно смутил вождей оппозиции и самого Кокка ссылкой на решение судьи Андерсона (1615 г.), будто бы признавшее за Тайным советом право такого ареста. Вожди оппозиции стараются выйти из неприятного положения. Запись о процессе хранится у наследников Андерсона. Элиот достает эту запись и отдает палате. Начинается толкование. Оказывается, что решение вовсе не так благоприятно короне, как говорил Шильтон. Кок в восторге обрушивается на прислужника короны, который вводит в заблуждение народных представителей. Палата немедленно принимает три знаменитых резолюции об ограждении свободы личности.

Представление о прогрессе чуждо даже самым смелым парламентским борцам десятых и двадцатых годов XVII в. Их взоры обращены к прошлому. Они думают, что позади них сияет солнце свободы, бьет ключ политической мудрости, из которого они должны черпать в своей борьбе. Себя они стараются представить хранителями незапамятных национальных традиций, своих противников — новаторами и революционерами. В июне 1628 г. нижняя палата возбудила обвинение против Манверинга за проповедь абсолютистических теорий. Обвинителем в палате лордов выступил Пим. Политической ереси он должен был противопоставить здравую политическую доктрину. И Пим действительно выступает со своим политическим credo. Его идеал есть неподвижность, верность первому установлению. Он скорбит о том, что время приносит с собой перемены, ибо всякая перемена есть шаг к разложению. Задача государственного деятеля по возможности залечивать приносимые временем раны и возвращать государство к первопорядку. Англичане должны глядеть назад. В англо-саксонском порядке видны явственные следы исконных свобод, полезных народу, необходимых монарху. Эти свободы пережили завоевание, ограничились завоевателя; ибо власть Вильгельма над страной стала правомерна лишь с того времени, как он обязался соблюдать вольности страны и передал это обязательство преемникам. Конечно, свободы часто нарушались, но они часто также находили себе торжественное признание, ибо с устранением их исчезает мужество, справедливость, готовность к труду.

Несомненно, эти восторженные поклонники незапамятной старины были плохими историками. Они искали в прошлом не только того, что там было, но и того, что им хотелось найти. Основные представления их прямо антиисторичны. Они легко переносили в прошлое то, что им мечталось создать в будущем. Их «саксонский» первопорядок в некоторых пунктах соприкасается с естественнопорядковыми построениями монархомахов и позднейших радикалов. Идеал не становится фактом от того, что его помещают назад. Самая безусловность преклонения пред национальной стариной таила черты теоретического увлечения. И все-таки тяготение к подлинному прошлому, стремление остаться на почве положительного права, архивной выписки, судебного решения не могло остаться бесследным: оно связывало представителей политической оппозиции, сообщало известную узорность и бледность их проповеди, вносило робость и сдержанность в их тактику. Они начали смелую, широкую, трудную борьбу. Они отказывались признать притязания короны на водительство народной жизнью, на суверенитет, они хотели утвердить верховенство парламента и тех общественных классов, которые были представлены в тогдашнем парламенте. Их победа должна была привести к решительному разрыву с политическим порядком, установившимся в Англии со времени Тюдоров, с политической гегемонией короны. По существу дела они были революционеры. Но они сами долго не сознавали всех последствий начатого ими дела, они долго старались уверить себя и других, что они суть лучшие друзья сильной монархии, широким притязаниям которой они воздвигали непереходимый барьер, что они продолжают славные тюдоровские традиции, против которых на деле они выступили с решительным отрицанием.

Едва ли не самым смелым парламентарным бойцом был Эллот. Он выступает с резкими обличениями государственного нестроения, с откровенными обвинениями самых сильных министров; он не останавливается перед призывом населения к сопротивлению, но крайней мере сопротивлению пассивному. Он в высокой степени обладает даром самопожертвования: политическому компромиссу, смирению перед тем, в чем он видит насилие, он предпочитает медленное умирание в тюрьме. Но когда в тюрьме он пишет свой этико-политический трактат «Монархия Человека» (Monarchy of Man), то он отводит большое место королевской прерогативе, готов предоставить ей простор в отражении национальной независимости, в охране внутреннего мира, в регламентации народной промышленности. Пораженный смертельным недугом, он мечтает в тюрьме о свободном парламенте, который восстановит поправные народные вольности. Он пишет речь, с которой ему хотелось бы выступить там. Она дышит любовью к свободе и народному представитель-

ству. Но Элиот все еще верит в совместимость сильного парламента с сильной монархией тюдоровского типа. Главная мысль его речи есть мысль о гармонии интересов короны и парламента. «Когда король заседает, как глава, лорды и общины — как тело и члены, то душа всего есть согласие. Соответствие частей, поддерживающих друг друга, венчает главу полнотой счастья, достоинства и чести». И Элиот старается историческими примерами разъяснить короне всю неразумность, всю невыгоду недоверия к парламентау. Корона достигала наивысшей силы и славы, когда жила в согласии с народными представителями: при Эдуарде I и Эдуарде III, при Генрихе IV, Генрихе V, Эдуарде IV, Генрихе VII, Генрихе VIII, Эдуарде VI. Время Тюдоров, отмеченное сильнейшим ростом королевской прерогативы, есть для Элиота светлая пора английской истории. Мало того: время Елизаветы есть золотой век. Ничто не может сравниться со взаимной любовью королевы и парламента, с тогдашней славой Англии, отблеск которой еще падает на следующие поколения.

Даже в самые острые моменты политической борьбы, в состоянии возбуждения, вожди парламентской оппозиции двадцатых годов никогда не позволяют себе нападать на личность монарха. В их речах и резолюциях нередко слышится мотив, напоминающий позднейшую конституционную доктрину: «король не может быть неправ» (the king can do no wrong). Все ошибки и правонарушения правительства исходят не от короля, а от его дурных советников, на которых и ложится ответственность. Но только у Кока, Фелипса, Элиота, Пима в десятых и двадцатых годах XVII в. это не простая конституционная фикция, которую поддерживают за ее полезность. Нет, это подлинная верноподданническая лояльность, искренняя вера в благость королевских намерений, которая очень медленно уступает место разочарованию в личности монарха, убеждению в неизбежности открытой борьбы с ним. Даже защищая парламентские вольности, Элиот отзывается о короне с изысканной почтительностью. В 1624 г. он горячо требует полной свободы слова для парламентских прений и жалуется на ее нарушение. Но, по его мнению, эта свобода нужна прежде всего для того, чтобы исполнить свой долг перед короной, оказаться полезными советниками монарха, ибо парламент созывается королем не для того, чтобы решать, но чтобы обсуждать и советовать. «Король — дыхание наших поздрей, связь, прикрепляющая нас друг к другу. Невозможно представить себе, чтобы мы в чем-нибудь пыгались умалить его честь». Много позднее, в 1629 г., когда отношения между парламентом и короной стали уже очень напряжены и близился окончательный разрыв, Элиот с большой силой и смелостью нападает на религиозную политику правительства. Он называет по имени

руководителей этой политики, Лода, Пиля, Монтегью, обрушивается на них со всей страстностью своего красноречия. Но король, явно потакающий этим лжепастырям, которые грозят стране панизмом и армицианством, король попрежнему выше нападков и подозрений. Это—яркое солнце, вечно себе тождественное, вечно сохраняющее свои врожденные свойства. Если его светлый лик омрачается в глазах созерцателя, то виной не оно само, а густая и гнилая атмосфера, чрез которую пробиваются его лучи.

Если предреволюционный период XVII в. отличается такой робостью и бедностью теоретической политической мысли, не окрашенной в абсолютистический цвет, то, очевидно, в другом месте лежат корни враждебных абсолютизму доктрин, которыми так богата английская политическая жизнь времени Великой гражданской войны. Этих корней нужно искать прежде всего в религиозной жизни предреволюционного общества.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКАГО
<http://book.ugraic.ru/>

III. Религиозная жизнь английского общества в начале XVII века.

Абсолютизм и англиканская церковь. — Пуританство. — Арминиаство. — Англо-католицизм. — Церковно-полицейский режим. — Высокая комиссия. — Отношение населения к господствующей церкви. — Церковь и парламент. — Пресвитериане. — Сепаратисты. — Религиозные гонения. — Эмиграция. — Континентальные корни сепаратистских учений. — Сектанты и колонизация Америки.

Деятели английского абсолютизма мечтали осуществить свою систему и в религиозной жизни общества. Их идеалом была государственная церковь, силою привлекающая все население в свою ограду. Ее верховным правителем должен быть государь, применяющий свою власть при посредстве послушного клира и устраняющий мирян от всякого руководства церковной жизнью. Но в церковной области абсолютисты встретили еще больше затруднений, нежели в светской. Они стояли между двумя основными течениями тогдашней европейской религиозной жизни и не могли увести за собой всего населения да и сами не видели ясно перед собой всех поворотов своей средней дороги.

Основы англиканства были заложены при Елизавете и перешли к Стюартам по наследству. Всего смелее был разрешен вопрос об отношении церкви к государству; Елизавета формально почти отказалась от «главенства» над церковью, но на деле в качестве «верховного правителя» сохранила все полномочия своего отца и в духовенстве государственной церкви видела служителей короны. Англиканская церковь находится в сильнейшем подчинении государству. Еще в XVI в. по имени одного гейдельбергского профессора, Любера-Эрастуса (Lüber-Erastus), этот порядок зовут эрастианством, и уже в XVI в. он возбуждает недовольство. В XVII в. недовольство усиливается. Против эрастианства поднимаются не только сторонники религиозной свободы, но и сторонники теократии, как тяготеющие к Риму, так и тяготеющие к Женеве.

Англиканская догма была установлена в «39 статьях». Они составлялись в то время, когда стране угрожала серьезная католическая опасность и когда правящие церковные круги старались

отграничиться больше от Рима, чем от Женевы или Аугсбурга. Статьи проникнуты протестантским духом, но они робки: они умышленно обходят те вопросы, которые разделяли протестантов в XVI в. и продолжали разделять их в XVII в., — вопросы о причащении и предопределении. В XVII в. даже люди, вполне принимающие 39 статей, могут быть ожесточенными богословскими противниками в вопросах, всего больше волновавших тогдашнее верующее общество. Нечего и говорить, что против официальной догмы восстают в XVII в. рационалисты, духовные христиане и люди, тяготеющие к догматическим традициям вселенской церкви.

И на регламентации культа отразился страх перед католической опасностью. Государственное богослужение, введенное актом об единообразии, далеко от католического. Но для многих людей, которые искренно хотят остаться в лоне англиканской церкви, оно недостаточно далеко от него. В англиканской церкви остается крестное знамение, церковное облачение, музыка, расписные стекла, главные праздники. И церковно-полицейский механизм требует от всех соблюдения этих остатков «римского суеверия». Уже при Елизавете есть люди, которых зовут «пуританами» за то, что они хотят «очистить» церковь от суеверия, хотят служить богу в духе и истине. Даже некоторых епископов, одного архиепископа (Гриндаля) подозревают в пуританских симпатиях. В делах англиканской церкви долго держатся религиозные собрания, которые запечатлены суровой простотой и сосредоточены на толковании писания. И в то же время в правящих кругах крепнет убеждение в необходимости требовать более строгого богослужебного единообразия, придать культу более торжественный, церемониальный характер.

Такое неустойчивое положение не может тянуться долго. Различные течения в англиканской церкви к XVII в. разошлись слишком далеко, правительству пришлось выбирать между ними. В первые дни новой династии произошел эпизод, предвещавший направление правительственной церковной политики. Когда Яков охал в 1603 г. на юг, от имени «тысячи» священников ему была подана петиция об исправлении церковного нестроения. Это были пуританские священники. Яков вырос в кальвинистской обстановке, и они думали найти в нем своего сторонника. Они заверяют в своей лояльности, в своей нежелании к расколу и «народному равенству». Они просят его отчасти отменить, отчасти сделать необязательными обряды, которые противны их совести, напр. — поклоны при имени Иисуса, крестное знамение, облачения. Они просят устранить суеверные каноны папской поры, напр., запрещение венчать в известные дни. Они просят, чтобы в церкви было единообразие вероучения. Для обсуждения спорных вопросов король

в 1604 г. созвал совещание в Гамтон-Корт, (Hampton Court) под собственным председательством. Петиция возбудила сильнейшее негодование во враждебной пуританам части англиканского клира. На совещании один из видных прелатов Англии, лондонский епископ Банкрофт, говорил о божественном праве епископов, держал себя чрезвычайно грубо с представителями петиционеров, звал их смутьянами и схизматиками, напомнил о каноническом правиле, по которому священник не смеет говорить в присутствии своего епархиального начальства. А когда пуританский лидер Рейнольдс заговорил о желательности возобновить религиозные собрания для толкования писания и поручить надзор над ними епископу и пресвитерам, то вскипел сам король. Слово пресвитер напомнило ему горькие дни подчинения шотландскому кальвинистскому духовенству. «Если вы хотите собрания пресвитеров на шотландский манер, то оно так же мало согласуется с монархией, как чорт с богом. Тогда начнут собираться Джек с Томом, Уил с Диком и будут осуждать меня, мой совет, всю нашу политику. Уил встанет и скажет:— «Это должно быть вот так», а Дик будет возражать: «Нет, это должно быть вот этак». Не будет епископа, не будет и короля («no bishop, no king»). Он гневно распустил совещание и, уходя, произнес угрозу по адресу пуритан: «Я заставлю их подчиниться. Не то вышвырну их из страны или сделаю с ними что-нибудь еще хуже».

Эти нервные слова хорошо выражают религиозную политику двух первых Стюартов. Представитель новой династии решительно отказался от движения в сторону кальвинизма. Он торжественно заявил о том, что в епископальной церкви он видит опору страны, во врагах ее — своих политических врагов, которых будет подвергать суровому преследованию. Он отверг претензии мирян, даже пресвитеров на руководство церковной жизнью. Государственная церковь должна быть церковью высших духовных сановников, которые силой своего принудительного авторитета должны вводить среди верующих подданных однообразные порядки. Эти прелаты, поставленные высоко над паствой и чувствующие ее холодность, подчас ее враждебность, должны были искать опоры в близости к короне или в дореформационных традициях вселенской церкви. Серлитый окрик короля, встреченный искренним одобрением собравшейся чиновной толпы, показывал, что официальная церковь повертывается спиной к новым религиозным запросам, которым давали тогда расплывчатую кличку пуританизма, что в ней должны развиваться родственные католицизму течения, видоизмененные подчинением церкви правительственной политике.

Конечно, перемены в англиканской теологии наступили не сразу. Яков сочувствовал некоторым положениям кальвинистской догмы, напр., — учению о предопределении. Он считал англиканскую цер-

ковь протестантской, поддерживал сношения с протестантскими учителями континента. В конце 1618 г. и начале 1619 г. состоялся международный синод реформатов в Дордрехте. Кальвинистов волновал тогда спор о предопределении. В Голландии шло движение против строгого учения о предопределении. Лейденский профессор Арминий восстал против учения о церкви предизбранных. Он думал, что Христос искупил все человечество и что для спасения нужна вера в эту искупительную жертву, вера, которая есть акт свободной воли; в силу этой свободы даже святой может отпасть от благодати. С отрицанием строгого предопределения у Арминия связывалось и отрицание безусловной независимости церкви от государства. Раз земная церковь не есть церковь предизбранных, то она не в праве претендовать на святость, исключаящую возможность государственного вмешательства в церковную жизнь. Поднятый Арминием спор привел к большой смуте в Нидерландах, особенно после того, как купеческая олигархия в Голландии ухватилась за его доктрину в борьбе с властолюбивым кальвинистским духовенством. Смута кончилась поражением арминиян и гонением на них. Для закрепления правоверного реформатского учения и был созван международный синод, который осудил арминиян. На синоде преобладали нидерландцы; но были богословы из Швейцарии, Германии, Шотландии. Язов командировал туда несколько представителей англиканского духовенства и тем торжественно подчеркнул принадлежность Англии к кальвинистскому миру. Но как раз участие на синоде привело к ослаблению англиканских связей с континентальными реформаторами. Синод в одном своем постановлении отверг епископат; английские делегаты выразили протест против такого решения. А охладевший к реформатам король запретил проповедывать о предопределении не имеющим богословской степени, да и тем разрешил говорить только с большой осторожностью. Пуритане и раньше обвиняли многих клириков государственной церкви в арминиянстве. После казенного запрета обличения с кафедры стали реже; но тем сильнее укрепилась в сердцах уверенность в еретичестве влиятельных сановников казенной церкви. Запрещенное на проповеднической кафедре обличение арминиянства переносится в залу заседаний оппозиционно настроенных парламентов. Арминиянство — жупел парламентских пуритан, потайной папизм или нечто еще худшее. Обвинения англиканских епископов в арминиянстве не прекращаются вплоть до гражданской войны и наглядно свидетельствуют о тесной связи островной религиозной истории с континентальной.

Запрет догматических споров был, между прочим, полицейской мерой. Внешнее благочиние, тишина, успокоение для обличенных духовным саном коронных слуг церковного ведомства были очень

важны, для некоторых не менее важны, чем искание истинного вероучения. Они осуждали догматическую полемику просто потому, что она вносит смуту, озлобление, беспорядок. Для этой полицейской стороны стюартовского англиканства очень характерна королевская декларация 1628 г. Король заявляет о своей обязанности, по званию защитника веры и верховного правителя церкви, блюсти церковный мир и церковное единство, пресекать ненужные споры. Истинное вероучение во всей своей полноте заключено в 39 статьях. Воспрещается малейшее отклонение от официального, казенного символа. Текст статей должно понимать буквально, грамматически. Если встретится затруднение при толковании статей, оно будет разрешено подлежащими духовными властями. Король поручит конвокации рассмотреть вопрос, и утвержденное королем толкование конвокации станет обязательно для всех верующих подданных. Запрет давать свое оригинальное толкование статьям или даже вообще подвергать их свободному публичному обсуждению распространяется не на одних проповедников, он имеет силу и для университетских преподавателей. Теология сводится к усвоению казенных объяснений к казенному вероучению. Во имя общественной тишины правительство мечтает остановить работу мысли в тех вопросах, которыми всего больше мятется душа тогдашнего верующего, заградить уста тем людям, у которых всего больше искали ответа на сомнения встревоженной совести.

Но не одни полицейские соображения внушали руководителям англиканской церкви перасположение к спорам о темных вопросах протестантского вероучения и вообще ко всяким ожесточенным догматическим препирательствам. Среди англиканских епископов при Якове I, и особенно при Карле I, все больше выдвигается течение, которое позже стали звать англо-католицизмом. Англо-католики придают второстепенное значение догме. И римский, и швейцарский, и немецкий теологический догматизм кажется им узким, вредным по своей нетерпимости, по своей претензии на непогрешимость. Они настаивают на первенстве других сторон религиозной жизни. Религиозная истина раскрывается не сразу, не в какой-нибудь одной богословской системе. Ее надо искать в многовековом росте вселенской церкви, в ее преданиях, таинствах, в живом воздействии благолепного богослужения. Англо-католики хотят возвыситься над богословскими спорами своего времени с их местным и преходящим значением, уйти от них к поре христианского единства, к святоотеческим творениям III и IV веков. Они призывают к умеренности, терпимости, широте в догматических вопросах, а один из их литературных вождей, Монтегью, проявляет такую терпимость по отношению к католикам, что возбуждает живейшее негодование пуритан. Римская церковь в течение многих

веков включала всех западных христиан, была носительницей вселенского предания. Уже потому она не может быть порождением ада, папа не может быть антихристом. Как ни велики ее заблуждения, она исторически восходит к первому христианству, она хранит непрерывную благодать священства, много древних обрядов, много верных догматов. Даже загрязненная и опороченная, она остается церковью и невестой Христа. Вожди англо-католицизма, напр., Лод, гордились своим уважением к науке, к свободному исследованию. И они действительно терпели в церкви учителей, в которых был силен дух рационализма. В англиканской церкви времени Карла I нашлось место для «латитудинарианцев», для таких людей, как Чиллингворт (Chillingworth) или Гельз (Hales). Жажда истины привела англичанина Чиллингворта (его главная работа «Религия протестантов», Religion of Protestants, 1637) в лоно католицизма и быстро увела его оттуда, убедила в сомнительности многого из того, что враждующими церквями выдается за непреложную истину. Чиллингворт предупреждает от признания простых человеческих домыслов за божественное откровение. «Необходимо верить лишь тому, что открыто с полной ясностью». Истину составляет то, в чем разные церкви сходятся, а не расходятся. Оттого Чиллингворт призывает к терпимости, к отказу от притязаний на непогрешимость. Всего ценнее стремление к истине. «Если бы даже во мне соединились все заблуждения протестантов, я могу спастись, коли я пришел к заблуждениям в искреннем искании истины». — Гельз еще решительнее настаивает на человеческой способности заблуждаться. «Если ненамеренная ошибка есть ересь, то нет после апостолов человека, который бы не был еретиком». Гельз не придает большого значения и всеобщему согласию. Он напоминает об одиночестве пророков и святых. Не доверие к авторитету, будет ли то авторитет римской церкви или протестантского проповедника, составляет нашу религиозную обязанность, а самостоятельное искание истины. «Слова апостола — не давайте себя в обман — были сказаны не одним мудрым и ученым, но людям всякого пола и положения: и тому, кто работает в книгохранилище, и тому, кто в поте лица бредет за плугом». Никто не имеет права принимать за истину то, что противоречит его разуму. — И Лод, полновластный примас казенной церкви, благосклонно слушал эти смелые речи, дружески гулял с Гельзом по архиепископскому саду, нашел ему выгодный каноникат в королевской резиденции, в Виндзоре.

Это не мешало Лоду и другим стоявшим у власти англо-католикам быть сторонниками, мало того, фанатиками церковного единства. Только они искали последнего в другой сфере, в сфере обряда, богослужения, таинства, церковного суда и управления. По их

убеждению церковь спасает людей не чистотой вероучения, а воздействием благодати через посредство клира, ведущего свои полномочия от апостолов. С колыбели до могилы церковь должна опекать человека, поражать его воображение благолепием и торжественностью своего богослужебного чина, приручать паству принудительным участием в обиходе церковной жизни. Пуритане в богослужении придавали главное значение проповеди, англо-католики — таинствам и особенно причащению. Отсюда малоповытные нам теперь споры о мелочах культа, таившие глубокую пропасть между двумя различными психологиями и страстно водноавшие людей той поры. Где быть столу, на котором совершается причащение? Для одних это простой стол, которому они торопятся выразить свое неуважение: сносят его с амвона, ставят его ниже кафедры, от востока к западу так, чтобы священник стоял с севера; кладут на него шапки, платки, палки. Для других это святое место, седалище благодати, которому они торопятся выразить свое благоговение: запрещают сдвигать стол с традиционной позиции, у восточной стены амвона, ставят его на манер жертвенника (altarwise) от севера к югу так, чтобы священник стоял с востока. Кланяться ли хлебу и вину, творить ли крестное знамение при крещении, меняться ли кольцами при обручении, носить ли стихарь при священнослужении? — вот вопросы, которые задевали самую задушевную струну, делили людей на законопослушных и неблагонадежных, англо-католиков и пуритан, верных чад церкви и строитивых, «пунконформистов». Для ревнителей чистоты богослужебные порядки, оставляемые или насаждаемые начальством в казенной церкви, суть ненавистные остатки «римского суеверия». Для англо-католиков эти самые порядки суть почтенные традиции вселенской церкви, подлежащие бережной охране. Пуритане звали папистами Лода и родных ему по духу людей.

Ежели понимать обвинение буквально, оно несправедливо. Англо-католики не хотели возврата в лоно римской церкви. Лод не искал кардинальской шапки. Но настаивая на педагогической важности обряда и благолепного обряда, подчеркивая благодатное действие таинств и превосходство клира над мирянами, вожди англо-католиков несомненно двигали казенную церковь в сторону Рима. Они обнаруживают характерную терпимость к жестам и вещам католической поры, возбуждавшим непримиримую ненависть у англикан пуританского духа. Козин советует повергаться ниц пред алтарем, на котором совершается жертва благодарения в память крестной жертвы. Монтегью порицает поклонение иконам, но считает священные изображения очень полезными в качестве напоминаний о священных лицах и действиях. Монтегью высказывается против обязательной исповеди, но думает, что клирик не в праве отказаться выслушать кающегося грешника и обещать ему прощение. Немудрено,

что пуритане приписывали англо-католикам коварные замыслы, что они считали их еще более опасными врагами, нежели откровенных католиков. Пылкий протестант, но лояльный политик Дьюз (D'Ewes) не знает, как выразить свое негодование по поводу лицемерия этих потайных слуг Рима. «И могу уважать добродетельного паписта. Но когда люди зовут себя протестантами, на словах обличают папизм, а на деле замышляют гибель истины, поддерживают грубейшие заблуждения римской синагоги, оскверняют день господень, отравляют идолопоклонством божье служение, осуждают, поносят, отставляют божьих верных слуг, моя душа приходит в ужас».

Принуждение всех подданных к участию в культе государственной церкви было очень давней традицией английского и вообще европейского быта. Уже при Елизавете суровые кары грозят не только папистам, но и сектантам. По статуту 35 г. Елизаветы лица, уклоняющиеся от посещения государственного богослужения, подвергаются тюремному заключению: их изгоняют из Англии, коли 3 месяца тюрьмы не смиряют их, и убивают, коли после этого они осмелятся вернуться в страну. При Тюдорах сложился и церковно-полицейский механизм, державший население в тисках религиозного единообразия: возобновилась деятельность традиционных церковных судов, и установилась курия Высокой комиссии с преобладанием мирян, с чрезвычайными полномочиями, со смешением светских и церковных функций. Но при Стюартах гнет церковно-бюрократического принуждения чувствуется значительной частью населения много болезненнее, отчасти потому, что старая система начинает работать усиленное, отчасти потому, что углубляется пропасть между принудительным бытом казенной церкви и сознанием наиболее религиозной части общества.

С тех пор, как в епископской среде редкуют люди с пуританскими тенденциями, и выдвигается вперед наведение богослужебного единообразия на всю страну, епископы чаще и назойливее производят «визитации», церковно-полицейские ревизии паствы; суды архидиаконов последовательнее проводят систему сыска и доносов. Священники должны следить за тем, насколько усердно ходят в церковь и маленькие люди. В Бедфордшире судят у архидиакона одного сапожника за то, что он «свалывается по воскресеньям в постели во время обедни, точно собака в конуре». Но мало ходить в церковь, надо и вести себя там хорошо, можно попасть под суд и за «насмешливое распевание молитв». К светским карам духовные суды присоединяют духовную — отлучение. Точно в католическую пору государственное духовенство требует, чтобы все чурались отлученного. В Бедфордшире в 1617 г. судят за торговые сделки с отлученными; немного позже отлучают вдову за присутствие на похоронах отлученного мужа.

Следят и за священниками. Начальство знает, кто отказывается неповедывать прихожан, кто иногда позволяет себе служить без стихаря, и не всегда принимает во внимание даже смиренные ссылки на прачку. Правда, массового смещения священников не было даже в «бездумье». Но сравнительная редкость суровых кар говорит больше о покорности клира, чем о мягкости начальства. Упорных священников и «лекторов» преследовали мстительно, шаг за шагом. Когда лектор Вэркман (Workman) вздумал учить в Глостере (1634 г.), что каждое па в танцах есть шаг к аду, что идолопоклонник каждый, у кого есть изображение Христа, его сместили и засадили. Вэркман был популярен; городские власти назначили ему пожизненную ренту. Постановление отменили, мэра и ольдерменов оптрафовали. Выйдя из тюрьмы, Вэркман открыл школу. Лод закрыл ее. Вэркман стал заниматься медицинской практикой, Лод запретил ее ему. При Карле I правительство принимает решительные меры против лекторов и капелланов. До этого богатые земельные собственники нередко держали капелланов; городские корпорации приглашали проповедников или «лекторов», как тогда говорили. Лекторы не несли священнических обязанностей и только учили народ в какой-нибудь городской церкви, где в то же время совершал богослужение казенный священник. Лекторы обычно приглашались пуританами и, конечно, из числа пуритан. Ходившие укреплять сердце на казенную службу, купцы и мастера отводили себе душу за проповедью своего единомышленника. Пасадители единообразия не могли помириться с этой лазейкой пуританизма. Королевские инструкции 1629 г. разрешают иметь капелланов только перам. Епископы должны строго следить за лекторами, и разрешать им проповедь только по утрам, ставить им другие препятствия. Но и этого мало королю и Лоду. В 1633 г. Лод во всеподданнейшем отчете заявляет о необходимости покончить с лекторами; король на полях выражает полное сочувствие этой мысли.

Главным орудием церковно-полицейского гнета была Высокая комиссия. Утвердившаяся при Елизавете, при Якове она расширяет свой состав и свои полномочия. В 1611 г. в ней около 100 членов, по большей части мирян; у нее появляется большая канцелярия; местные власти должны оказывать ей всяческое содействие. Она отбирает присягу, отнимает детей у подозрительных родителей, налагает штрафы, заключает в тюрьмы. Она разбирает всякого рода религиозные дела, цензурирует книги не только с точки зрения их правочерия, но и с точки зрения их политического направления. С 1613 г. ей предписано рассматривать жалобы жен на жестокость и неверность мужей. В своих карах комиссия не связана определенными законами. Она широко пользуется своими

полномочиями. Еще в 1610 г. палата общин горько жалуется на комиссию. Ее посыльные вламываются в дома и в поисках запрещенных книг переворачивают дом вверх дном. Из-за пустяков комиссия тащит людей с далекой окраины в Лондон и Йорк, отлучает. Она вмешивается в семейную жизнь, потакает злым женам, заставляет мужей выплачивать им большие деньги на прожитие. Даже у иностранцев господствующая церковь не терпит никакого своеобразия в культе. Для осушения болот выпясили голландских рабочих. Они попробовали молиться по-своему. Под разнес их часовенку, выслал их священника, заставил их ходить в ближайшую англиканскую церковь. Все население вгоняется в ограду государственной церкви. Строптивым грозит разорение, тюрьма, изгнание.

Англиканизм долго не встречает широкого и напряженного противодействия. И здесь дело не только в подавляющем физическом превосходстве правительства, в страхе и заботе населения. В Англии реформация введена сверху, и особенно в глуши население еще долго сохраняло привязанность к католической богослужбной традиции. Правительственная реставрация некоторых особенностей католического культа далеко не везде оскорбляла верующих. В 20—30-х гг., конечно, не были заражены пуританским духом те приходы центральной Англии, где священники, церковные старосты (churchwardens), прихожане устраивали в церкви петушиные бои, те местности запада, где весело и буйно справлялись воскресения и престольные праздники. Но недовольство религиозной политикой правительства накопилось и обострилось в довольно широких и отчасти очень влиятельных общественных кругах. Под гнетом принуждения недовольные, по большей части, оставались в церкви, но с возрастающей болью глядели на ущерб протестантских начал, на сдвиг в сторону католицизма. Англиканская церковь таит в себе много «послушных пуритан» (conformity puritans). Их, естественно, особенно много в городе; и характерно, что пуританские настроения распространяются среди городеких верхов. «Лекторов» нанимают не какие-нибудь подмастерья или мелкие мастера, а самые почтенные и зажиточные люди — ольдермены, мэры, члены «корпорации». Когда английский коммерсант вырывается из-под тяжелой руки, когда он попадает в протестантскую обстановку Нидерландов или северной Германии, его первое движение — это отряхнуть прах папистского суеверия, дать волю своим подлинным религиозным симпатиям. Они ходят в кальвинистскую или лютеранскую церковь. Иногда у них есть своя церковь, и в ней тогда не допускают никакого идолопоклонства; проповедуют иногда открытые пресвитериане или сепаратисты. В 1632 г. один англиканский священник, приехавший в Гамбург с военной эскадрой,

попробовал было служить в английской церкви по казенному молитвеннику. Возмущенные молеельщики не дали ему служить, заставили его уйти из церкви.

Неприязнь многих денежных людей к государственной церкви характерно проявилась в одном эпизоде времени Карла. Это любопытная попытка пуритан противопоставить политической мощи англиканского правительства мощь капитала. Четыре лондонских гражданина, четыре юриста, четыре пуританских священника составили общество в 1625 г. Они стали собирать добровольные пожертвования под предлогом вспомоществования бедным учителям, лекторам, священникам и стали скупать десятины и бенефиции. Уже в 1630 г. представители официальной церковности бьют тревогу. Капеллан Лода Гелин в проповеди обличает распорядителей фонда в потрясении основ: под флагом благотворительности они соберут в своих руках больше церковных бенефициев, чем все прелаты, и совершат переворот. В 1632 г. правительство возбуждает судебное преследование против распорядителей за принадлежность к неразрешенному сообществу. Суд закрывает общество и передает скупленные ими бенефиции в распоряжение короны.

Недовольство церковным режимом по временам выражается резко даже у очень смиренных и почтенных горожан. Городским судьей (recorder) в Солзбери при Карле I был некто Шерфильд. Городской судья очень почтенное лицо в городе, часто представляющий город в парламенте. Шерфильд очень смирен: сурово карает сепаратистов, становится на колени пред причастием. Но его совесть не мирится с расписными стеклами. А на одном окне его приходской церкви намалеван бог отец, старик, вынимающий Еву из ребра Адама. И вот раз Шерфильд берет ключи у сторожихи, запирается один в церкви, с палкой карабкается на спинку сиденья, падает, ушибается, но успевает разбить стекло. Судью судят в Звездной палате, приговаривают к штрафу в 500 фунт. стерл.

В декалоге есть заповедь: «Помни день субботний, еже святити его» и т. д. Английские пуритане рано стали верить, что воскресенье то же, что ветхозаветная суббота; и стали святить воскресенье. Здесь была хорошая сторона. В католической Англии работали по воскресеньям: возили кладь, отчасти торговали, даже Тайному совету случалось собираться по воскресеньям. Пуритане больше всех способствовали тому, что английское воскресенье стало днем отдыха. Зато они же способствовали исчезновению невоскресных праздников. В католической Англии воскресные религиозные обязанности кончались с обедней; потом веселились: пели, пили, гуляли, играли, плясали. Пуритане сидят дома, читают библию, предаются самоуглублению. Спор о воскресеньи и раскрывает

пуританские симпатии значительной части деревенских джентльменов. Главным органом местного управления были мировые судьи, которые в деревне все выходили из среды джентльменов. И вот уже при Якове мировые судьи некоторых графств пользуются своей властью, чтобы заставить других святить субботу, запрещают всякие воскресные развлечения. В 1605 г. за «ослушание» (non-conformity) отстранены от приходов около 300 священников. 44 джентльмена из графства Норсамтон (Northamptonshire) подали петицию об их возвращении на места. Недовольные жалуются королю в Ланкашире в 1617 г. Король проявляет заботливость о бедных людях, которые могут повеселиться только в праздник, осуждает «пуритан» (Puritans and Precisians) и разрешает воскресные развлечения в «Декларации о спорте». Сходная история повторилась при Карле I в Сомерсетшире и других графствах. Но король не довольствуется местными распоряжениями: декларацию своего отца он распространяет на всю страну, велит читать ее во всех церквях. Тогда выказали стойкость пуританские священники: они упорно отказывались читать декларацию. В Лондоне один священник прочел сначала декларацию, потом 10 заповедей. «Возлюбленные, вы слышали веление бога и веление человека, слушайте кого хотите». Чтобы водворить дисциплину, правительство должно было прибегнуть к репрессиям.

Английский парламент той поры нельзя назвать демократическим представительством. Но он хорошо отражал настроения средних и высших классов. При Якове и Карле члены нижней палаты — законопослушные англикане. Они обижаются, когда их зовут пуританами; в 1625 г. они судят за это англо-католика Монтегью. Но это не мешает им, или, вернее, их большинству, быть пуританами в смысле тяготения к континентальному протестантизму, в смысле желания очистить церковь от римской скверны, явной и тайной. Сами коммонеры требуют для себя принудительного причащения, чтобы не допустить в свою среду папистов. Но в 1614 г. они причащаются в своей приходской церкви St. Margaret, а не в Вестминстерском аббатстве, где их коробят отзывающиеся Римом ризы и облачки. В палате 1621 г. свободомыслящий смельчак Шеперт смеется над субботой, напоминает, как скакал и играл Давид. Возмущенная палата единогласно поставила его на колени и изгнала за кощунство. Парламентские прения 10-х и 20-х г.г. пестрят жалобами на правительственные потачки иезуитам, папистам, арминнианам. Грозная критика правительственной религиозной политики заполняет большую часть последней сессии последнего предреволюционного парламента 1629 г. Сессия закончилась драматической сценой разгона и принятием трех резолюций. В этом революционном трезвучии всего громче звучит пуританская

нога: «Кто принесет новшество в вере, кто будет потворствовать папизму, арминиянству или другим мнениям, противным духу истинной и православной церкви, того должно считать смертельным врагом нашему королевству и государству».

Пуритане предреволюционной поры по большей части оставались в государственной церкви, потому что мечтали очистить ее или боялись репрессий. Но в XVII в. непрерывно растут в числе и такие пуритане, которые потеряли надежду очистить государственную церковь, которые хотят очистить себя уходом от вавилонской блудницы и бесстрашно смотрят в глаза всем бичам церковно-полицейского устрашения. Диссент родился при Елизавете, но только при Стюартах получил значение крупной религиозной и политической силы. Уже при Елизавете в нем заметны две струи: пресвитерианская и сепаратистская. Пресвитериан заставило уйти из англиканской церкви ее подчинение государству. В догме они могли бы сойтись. Но они хотят церкви свободной, даже властной. Церковное управление они хотят переделать сообразно слову, монарха хотят заставить «лизывать прах с ног церкви». Они мечтают насадить в Англии порядок управления, подобный гугенотскому, с пасторами и «старшими» (elders), классами и синодами разных степеней. Но едва они стали устраивать свои «классы», как пошли суровые, потом жестокие гонения. Организация распалась. Колеблющиеся перешли в ряды «послушных пуритан», непримиримые ушли к «сепаратистам». Сам апопостол английского пресвитерианства, Картрайт, умер англиканином. Пресвитерианство не имело в Англии большого успеха. Оно напирало на постановку церковного управления; и как раз его система управления была не по сердцу англичанам: не нравились теократические замашки; плохо прививались и аристократические «эльдерс»; английские диссентеры предпочитали более демократическую форму конгрегации с выбираемыми всего на год старшинами, ответственными перед общиной. Пресвитерианство заглохло в XVII в. В предреволюционную пору только раз мы слышим смелый пресвитерианский голос, нападающий на англиканизм, и то это голос шотландца. В 1629 г. Лейтон зовет епископов слугами сатаны, обманом антихриста; в церкви не должно быть прелатов. Его судят в Звездной палате. Он не боится, не снимает шляпы перед судом. Его бьют плетью, ему отрезают ухо. Он говорит: «будь у меня сто ушей, я отдал бы их за божье дело». Его бросают в тюрьму, где он томится много лет. Но его страдания и его героизм не находят отклика: народ безмолвствует.

Сильнее и шире было движение сепаратистов. Если пресвитериане тесно связаны с континентальными кальвинистами, то сепаратисты примыкают к меннонитам, Швенкфельду и другим род-

ственным, по преимуществу немецким движениям 16 в., а через них связываются с еще более старыми евангелистическими и мистическими течениями католической поры. Их зовут «сепаратистами», потому что они много решительнее пресвитериан отделяются от государственной церкви. Их учитель и мученик Барроу (Barrow), пострадавший при Елизавете, резко обличает лжеуритан, которые отцеживают комара и проглатывают верблюда, воюют со стихарями и мирятся с епископами. Но он резко отмежевывает себя и от больших протестантских церквей континента, ибо отрицает всякое принуждение в делах веры. Основа религиозной и церковной жизни есть свобода. Никто не должен становиться между богом и верующим, никто не должен мешать свободному исанию, свободному религиозному творчеству. Уже первые сепаратисты не хотят, чтобы мертвое слово стало уздой верующей души, средоточием между человеком и богом. Тем более неприемлемы человеческие молитвы, обряды, догмы, катехизисы. Пусть молятся, но пусть молитва будет духовной жертвой, не связанной никакими обязательными словами. Не надо кафедры, проповедей, пусть звучит свободное пророчество. Пророчествовать может всякий, на кого спойдет вдохновение. Уже в своих трактатах XVI в. сепаратисты снова выдвигают вперед идею всеобщего священничества, тоже старую, в начале XVI в. сильную во всем немецком протестантском движении, но потом полузабытую с ростом ортодоксии и крепкой церковной организации. В истинной церкви все избранные, все святые. То же самое и говорили кальвинисты. Но они применяли свою святость больше к будущей жизни, связывали святость с предопределением к спасению. Внутри церкви важность учительства и правоверия возносит знающих слово над простецами; и даже из мирян для участия в церковном управлении отбираются лучшие, «старшие». Об известном аристократизме кальвинизма может быть всего яснее говорит характер среды, где он укореняется всего успешнее: городские верхи и середины, французское дворянство, привыкшие к клановому неравенству шотландцы. Первые сепаратисты, напр. — Барроу, относятся к кальвинизму почти с такой же неприязнью, как к англиканству. Кальвин для Барроу — тюремщик верующей души, внешней принудительной организацией хотевший заградить свободное течение религиозного вдохновения. Сепаратисты не думают о создании большой церкви, не только вселенской, но даже национальной. Религиозной экстенсивности они противопоставляют сосредоточенность, уход во внутрь. Оттого только маленькие общины хороши. Их зовут конгрегациями (congregations), и отсюда имя конгрегационалисты. Они сильны не техническим совершенством своей конституции, а духовным родством сочленов, одинаковостью религиозного

голода. Отдельные общины входят в общение, но не создают центральной власти; общение остается свободным, неоформленным. Жизнь сосредоточивается в небольших кружках людей, объединенных сходными и глубокими переживаниями; на их интимных собраниях не должно иссякать непосредственное откровение, не должно смолкать живое пророческое слово.

Таковы были, приблизительно, основные идеи и настроения первых сепаратистов, ставших заметными во вторую половину царствования Елизаветы. Их и их духовных потомков часто упрекали и упрекают в насаждении религиозной смуты, в религиозном анархизме. Можно принимать упрек; но только надо помнить, что это не побочное явление в движении, а его существо. Сепаратисты хотят утвердить свободу для своего искреннего чувства и протестуют против всякой мертвой системы. В первые же дни у них нет и не может быть единообразия: разные общины живут по-разному. Легко слагаются новые общины, легко распадаются старые; люди, даже вожди, легко меняют свои взгляды и переходят из одной общины в другую. Самая свобода осуществляется в разных пределах и в известных вопросах некоторые общины проявляют старую нетерпимость.

Но текучесть движения не мешает сепаратистам проявить много силы в борьбе, вернее в самозащите, против государственной церкви. Они упорнее пресвитериан отстаивают свою совесть, и недаром с обострением гонений в их ряды переходят некоторые наиболее оппозиционные элементы пресвитерианства. Не посягая в Англии на свободу других, сепаратисты хотят свободы и для себя. Они резко отделяются от государственной церковности. Уже в 80-х г.г. XVI в. Барроу и Гринвуд (Greenwood) говорят, что правительство нечестиво, что англиканский культ есть идолослужение, что государственный клир не имеет призвания и служит более антихристу, чем Христу. Они подвергаются более суровым преследованиям, чем пресвитериане: их первоучители Барроу и Гринвуд отдали жизнь за веру. Кажется, с самого начала они имеют больше успеха, чем пресвитериане, и в 1592 г. Рэли пугает парламент десятками тысяч браунистов. Конечно, сепаратисты должны прятаться в подполье. А с 90-х г.г. XVI в. гонение настолько обостряется, что становится трудно и в подполье. Сепаратисты стараются покинуть негостеприимную родину, ищут приюта в Нидерландах. И это сделать нелегко, потому что эмиграция без разрешения начальства воспрещена еще старыми статутами, а начальство не дает разрешения. Приходится уплывать тайком. От начала XVII в. дошло всего больше известий об сепаратистской общине в Скруби (Scrooby) на с.-в. Англии. Ее члены в 1607 году решили спасаться в Голландию, тайком распродали свой скарб, тайком сго-

ворились с капитаном, ночью явились на корабль. Капитан положил в карман их деньги и донес по начальству. Несчастных отвели в тюрьму, а через несколько месяцев силой вернули на родину. С большими жертвами и лишениями им удалось добраться до Голландии в 1608 г. Однако у некоторых эмигрантов появляется тоска по родине и жажда мученичества. Наиболее смелые возвращаются в Англию с 1611 г. и в памфлетах 1613 г. скорбят о падении веры от бегства лучших людей за море, говорят, что святые победят лишь кровью агнца и что не надо бояться мученического венца. В 1614 г. сепаратист Бушер подает парламенту петицию о веротерпимости. В 20-х г.г. в некоторых английских городах есть, повидимому, собрания сепаратистов. От времени до времени их накрывают, штрафуют, сажают по тюрьмам. Но они не возбуждают тревоги в хозяевах государственной церкви, твердо верящих в прочность успокоения. Лод в тридцатых годах почти шутливо отзывается о таких облавах. Он пишет в 1632 г.: «Прошлой воскресеньем мы накрыли собрание сепаратистов в Ньюингтон-Вудз (Newington Woods) в той самой чаще, где хотели поместить оленей для завтрашней королевской охоты». В 1634 г. захватили и засадили сходное собрание уже не в лесу, а под Лондоном, в Саусерке (Southwark).

Но успокоения не было. Теснмая в Англии, свободная религиозная жизнь развернулась сначала по другую сторону «канала», а потом перекинулась на другую сторону «большой воды». Общины эмигрантов в Нидерландах и на с.-в. побережье Америки в начале XVII в. были точно лабораторией, в которой производились религиозные опыты, зрела церковная и политическая мысль, которая в 40-е г.г. вернулась на остров совсем непохожей на робкую начинающую ученицу. В Нидерландах англичане столкнулись с напряженной религиозной жизнью и почувствовали на себе ее влияние. Если уже в XVI в. возможно предполагать связь между сепаратистами и меннонитами, то в XVII в. она становится несомненной. Но были и такие сепаратисты, которые поддавались воздействию нидерландских кальвинистов, приближались к пресвитерианам. Главной общиной была община в Амстердаме, куда «браунисты» спасаются в 90-х г.г. от елизаветинского гонения. В 1596 г. они выпускают свое «символическое вероучение» и в 1598 г. переводят его на латинский язык для рассылки кальвинистским университетам. Вообще английские религиозные эмигранты создают свою литературу, полемическую и просветительскую. Они печатают ее не только для себя, но и для нелегального ввоза в Англию.

До 1608 г. эмигранты дружно держались в Амстердаме, их было человек около 300. Но с этой поры начинается раскол: образовалось

несколько течений. Можно различить близкое к кальвинизму, среднее и более радикальное направления. Вопрос, разделивший английских сепаратистов, был вопрос о церковном управлении, о дарах благодати, о влиянии непосредственного вдохновения в религиозной жизни. Сторонники среднего течения, уходя от смуты и от большого богатого города, переселились в Лейден, где быстро образовали значительную общину. Во главе ее стоял Робинсон (Robinson). Он умереннее, миролюбивее первых сепаратистов. Он признает необходимость известной внешней организации, считает нужным выбирать «старших». Он признает, что благочестивая светская власть может и должна воспользоваться своими полномочиями для содействия царству Христа. Время непосредственного вдохновения миновало; теперь есть только «обычное и посредственное» откровение. Не надо преувеличивать значения этих уступок. Робинсон не верит во вселенскую церковь, которая придет лишь со страшным судом; а теперь церковь там, где два или три собраны во имя мое, и над маленькой общиной не должно быть никакой внешней власти. Пусть «старшие» творят суд в церкви и следят за порядком, но пусть спрашивают согласия у народа и пусть их приговоры подтверждаются всеми верующими. Светская власть может и должна содействовать процветанию этих небольших общин, но общины должны быть свободны, не должны подчиняться государству. Главным грехом англиканской церкви Робинсон считает ее политическое рабство. «Неужели вы думаете, что мы считаем английское королевство Вавилоном, а город Амстердам Сионом? Нет. Вавилоном мы считаем английскую церковь за то, что она есть церковно-государство (State - Ecclesiastical)». Робинсон не хочет равнять своего века с апостольским по изобилию благодатных даров. Но он стоит за полную свободу в формах богопочитания; даже «Отче наш» вовсе не обязательная формула, а пример свободного обращения к богу. Кто может пророчествовать, пусть пророчествует. Робинсон горячо верит в возможность дальнейшего раскрытия религиозной истины. Прощаясь с уплывавшими в Америку товарищами, он напутствует их словами, которые можно назвать формулой религиозного прогресса: «Следуйте за мной, лишь поскольку я следую за Христом. Если бог изберет другое орудие, будьте готовы принять его. Ибо современем бог откроет дальнейшие истины. Лютеране замерли на Лютере, кальвинисты на Кальвине. Лютер и Кальвин в свое время были яркие светочи, теперь надо идти дальше».

Правда, среди эмигрантов были люди, которые больше Робинсона приблизились к пресвитерианам. Джонсон (Johnson) в Амстердаме составил новую общину, после перебравшуюся в Эмден (Emden), в которой верующие только выбирали «старших» и не имели

контроля над их деятельностью по церковному суду и управлению. Зато другая ветвь первоначальной амстердамской общины сблизилась с меннонитами и в своей религиозной жизни развила личную свободу и свободу церкви от государства с большей последовательностью, нежели община Робинсона. Еще в 1609 г. некоторые члены амстердамской общины, с Смесом и Гельвисом во главе, ищут присоединения к меннонитской церкви. В 1615 г. совершается формальное присоединение. Возвращающиеся в Англию сепаратисты принадлежат как раз к меннонитской ветви и населяют в Англии «баптистские церкви». Через меннонитов сепаратисты связаны с радикальными религиозными течениями немецкой реформации, ибо утвердившиеся в Нидерландах меннониты тесно примыкают к «анабаптистам»; учитель Менно Симонса (1492 — 1559) был учеником известного анабаптистского вождя, Мельхиора Гофмана. Уже у сепаратистов XVI в., не покидавших Англию, не мало сходства с меннонитами, может быть, даже вследствие заимствования. В XVII в. применявшие к меннонитам эмигранты усваивают и те стороны их доктрины, которых не принимали баптисты XVI в. и которые своей смелостью должны были пугать протестантов XVI и XVII веков. Смес и Гельвис отвергли учение о предопределении, стали придавать второстепенное значение Ветхому Завету, стали признавать действительным только крещение взрослых. Английские баптисты переживают ту эволюцию, которая происходит в меннонитской среде. Менно много учил о духовном возрождении, о свете Христа, но не разграничивал ясно писания от даров св. духа. Двойственность доктрины живо почувствовалась его последователями в XVII в. Одни стали учить, что только евангелие, записанное слово, есть путь к спасению; нечего ждать нового откровения, когда совершенно достаточно и старого. Но другие утверждали, что дары св. духа важнее писания и Логос — Христос важнее слова — писания. Дух стучится в двери сердца, Логос есть семя возрождения, внутренняя жизнь души. Английские баптисты примыкают к «духовному» пониманию христианства. Сторонники писания среди меннонитов упрекали своих противников в следовании заблуждениям Швенкфельда (+ 1562 г.), который тоже ставил писание как средство спасения ниже приобщения к просветленному, обожествленному человечеству Христа. Характерно, что у английских баптистов были в 20-х гг. XVII в. сношения с «силезскими святыми», т. е. с последователями Швенкфельда. На каждом шагу в английской религиозной истории XVII в. мы наталкиваемся на прямые связи с религиозными движениями континента. Островная история не может быть рассматриваема изолированно. Длинные нити протянулись с острова на континент в каждом из основных религиозных течений стюартовской Англии. Английская религиоз-

ная история XVII в. входит крупной главой в общеевропейскую историю «реформации».

Своеобразие этой главы заключается в том, что религиозное движение сильно повлияло на политическую теорию и практику. И едва ли не всего сильнее было влияние сепаратистов. Они выдвигают вперед требование религиозной терпимости. Оно не есть их оригинальное достояние: за терпимость стоят меннониты, социниане. Фрисландский меннонит Цвиск (Zwisk) издал в 1609 г. специальный трактат о веротерпимости. Он доказывает, что разное верие не вредит государству и что еретиков можно обращать только словом Божиим, а не насилем, ибо царство Христа не от мира сего. Меннониты, может быть, идут дальше сепаратистов в требовании отделения церкви от государства. Меннониты склонны отрицать государство, ибо у них сильна вера в непротivление злу. Они сторонятся насилия. В стране, жившей морской торговлей, в век необузданного корсарства меннониты запрещают своим купцам иметь оружие на корабле. В своей среде они не допускают обращения к государственному суду с его насилиями и жестокостями; все споры должны разрешаться в пределах церкви, посредничеством. Некоторые английские баптисты, напр., Смес, усваивают себе эту идею. Но в общем отрицательное отношение к государству не получает большого распространения даже среди баптистов. В баптистском исповедании веры 1611 г. презрение к правительству зовется страшным грехом. Спустя несколько лет баптисты в адресе королю зовут себя лояльными подданными не только за страх, но и за совесть. В знаменитом памфлете 1613 г. «Осуждение религиозных гонений» (Persecution for religion judged and condemned) вернувшиеся в Англию баптисты не отрицают принудительных полномочий государства, но думают, что государственное принуждение не должно простираться на религиозную область. «Земная власть принадлежит единому духовному царю, который есть царь царей». При Якове I баптисты несколько раз обращаются к королю либо к парламенту с петицией о терпимости, о невмешательстве государственной власти в жизнь свободных религиозных общин. Но именно потому, что английские сектанты не отрицают государства, они превращают терпимость в политический клич. Твердая вера в свободное личное творчество, как в основу религиозной жизни, перестает быть только правилом церковного быта. Она переносится в политическую теорию и полагает границы государственному вмешательству в жизнь гражданина; религиозная свобода возводится на степень неотчуждаемого права личности.

Теми же сепаратистами эта вера в более благоприятной американской среде переносится в политическую практику и сочетается там с теорией и практикой народного суверенитета, которая, по

крайней мере некоторыми своими корнями, восходит также к религиозному быту сепаратистов, хотя в Америке существует также у несепаратистских общин. Не сектанты полагают начало английской колонизации в Америке. Мысль о заселении Америки популяризируют еще в конце XVI в. смелые мореходы, вроде Дрэка и Рэли и восторгавшиеся ими географы, вроде Гакльвита. Не гонимые, а торжествующие элементы английского общества первыми задумываются над устройством английских поселений по ту сторону океана. Деревенские джентльмены и лондонские купцы под покровительством короны организуют в 1606 г. Виргинскую компанию, которой было предоставлено право заселять побережье к северу от 34° с. ш. В той сотне поселенцев, которые в 1607 г. основали Джемстаун (город Якова), было около 30 джентльменов. Джентльмены и купцы тянут за собой париев своего общества, контрактуют на долгий срок рабочих и держат их в худшем юридическом положении, чем у себя на родине. Когда приезжают «вольные» рабочие, местные землевладельцы-джентльмены на пристани раскупают их с аукциона. В колонии устанавливается к середине века «обычай», по которому крепость рабочего покупателю длится 5 лет. Рабочие руки очень нужны, и в 1620 г. один голландский корабль привозит в колонию первый груз негров. Господствуют средние и крупные «плантации», хозяева которых мечтают об обогащении. С 1616 г. вводится культура табаку, первое время очень прибыльная. В Джемстауне перекапывают улицы под табак, не позволяют рабочим ремонтировать мост и церковь и забывают высеять достаточное количество хлеба. Колонии в 1617 г. грозит голод; пришлось снарядить разбойничью экспедицию на соседних индейцев, чтобы обеспечить продовольствие. Уже в 1609 г. положен конец самоуправлению колонии. Колония управляется лондонским советом и губернатором по назначению короны. Губернатор 1617 г. Арголл (Argall) вводит почти военное положение, грозит каторгой за всякий ненужный выстрел, смертной казнью за обучение индейцев обращению с огнестрельным оружием и в довершение оказывается казнокрадом. Только в 1619 г. собирается парламент Виргинии, первый на американской почве. Но в зависимости от особенностей социального строя он носит аристократический характер, и характерным образом одним из первых его дел было обсуждение кодекса, присланного колонистам из Англии.

На темном фоне этого ухудшенного переиздания «старой Англии» с особенной ясностью выступает новизна порядков, принесенных в Америку сепаратистами и пуританами. По странному совпадению начало «Новой Англии» положила тоже сотня поселенцев, те «отцы-пилигримы», которые отделились в 1620 г. от сепара-

тистской общины Робинсона в Лейдене и создали колонию Новый Плимус (New Plymouth). Несмотря на отсутствие религиозных стеснений, они чувствовали себя одинокими и чужими в Нидерландах, может быть, боялись потерять национальность и со своим религиозным подъемом, с мечтами о простой и святой жизни не умели и не хотели приспособиться к суетному и богатому быту приютившей их страны. Они мечтают установить себе на девственном американском просторе свой небольшой и замкнутый мир, где бы они могли без помехи жить по-своему и оставаться англичанами. Всего менее они думают о политической борьбе со старой Англией. Они спрашивают разрешения на поселение у Виргинской компании, зовут себя верноподданными своего грозного государя.

И все же их скромная высадка 11 дек. 1620 г. у мыса Код (Cape Cod) открывает новый раздел в истории английской политической практики и теории. Во владениях английской короны, хотя бы и за тысячи миль от носителя короны, открыто складывается церковная организация, которая по законам страны подлежит суровому преследованию; самым фактом своего существования она подрывает позицию государственной церкви, даже самый принцип полновластия государства в религиозной жизни. Новая община состоит из людей, полных единым религиозным настроением, настроением настолько сильным, что оно определит собой формы их политического бытия. Их гражданская община будет сколком с их церковной общины; а их церковная община есть община демократическая и договорная. Она построена на признании равноценности всех членов, свободно вступающих и уходящих; соглашение членов, воля всех, есть источник церковной власти. Они переносят те же черты в создаваемую ими гражданскую общину.

Случайно буря заносит их севернее пределов Виргинской компании, и прежде чем ступить на почву неведомой обетованной земли, они подписывают знаменитое «Соглашение». Они торжественно обязуются перед богом и собой соединиться в одно политическое тело (*civil body politic*) и в силу договора создавать законы и учреждения для общего блага, которым все участники договора должны повиноваться. Женщины и дети не допущены к договору; но мужчины, числом 41, подписываются все: священник и матрос, господин и слуга. Правда, вскоре сотня пассажиров «Майского цветка» растворится в тысячах переселенческой волны. (До 1640 г. в Новую Англию переселилось от религиозных гонений тысяч около 20.) Политическая жизнь колонистов должна *de jure* определяться королевскими грамотами, которые переносят в колонию строй английских торговых компаний; но не все колонии дожидаются этих грамот, а потом самые формы торговой компании по большей

части, заполняются демократическим содержанием. Собрание «фрименов» колонии-компания есть собрание демократическое, потому что их церкви построены на равенстве всех верующих. Материальные условия создадут добавочную опору для этого демократизма и сделают его незыблемым. В новой стране много земли для всех; каждый может стать хозяином. В суровом климате нет места для спекулятивного земледелия, для сахарных, табачных, кофейных плантаций, не выживают цветнокожие рабы, нет притягательной силы для денежного купца, для деревенского джентльмена. Крайне любопытна попытка пуританских перов создать аристократию в Коннектикете. Там было много земель у некоторых джентльменов-пуритан. Среди них были перы Сэй и Брук. Они способствовали заселению новой колонии и в 1634 г. сами хотели туда перебраться. Они были готовы на уступки, соглашались отказаться от титула и зваться просто «джентльменами»; но требовали, чтобы они со своими друзьями-джентльменами составили наследственную верхнюю палату, из которой бы выбирался губернатор и которая пополнялась бы с согласия обеих палат. Перам отвечали радостью по поводу их готовности прийти в «пустыню», но решительно отвергли их политические притязания. Конечно, грех обходить при выборах отрасль благородного дома, коли бог благословит ее государственными дарованиями. Но и государству и отпрыску будет стыд и вред, коли выборы состоятся, а дарований от бога не будет. Не только влиянием королевской учредительной грамоты, но также церковным и социальным демократизмом колонистов объясняется отсутствие двух равноправных собраний, соответствующих двум английским палатам. Собрание «фрименов» или их представителей стоит выше состоящего при губернаторе совета, а не рядом с ним. Когда английские радикалы 40 и 50-х г.г. говорят об одной палате, они могут думать об Америке.

Вскоре после попытки перов, в 1638 г. проповедник Гукер (Hooker), духовный вождь колонии, формулирует начала, лежащие в основе политического строя: народ выбирает магистратов и определяет границы их полномочий, ибо источник власти в свободном соглашении народа. Те же начала получили юридическую формулировку в «Основных уставах Коннектикета» (Fundamental Orders of Connecticut 1639 г.). Высшая власть в колонии принадлежит народному собранию, для участия в котором не требуется никакого ценза; оно избирает должностных лиц только на год. А в 1641 г. в соседней колонии Род-Айланде (Rhode Island) собрание прямо зовет устанавливаемый им сходный порядок народным правлением, или демократией. Правда, сейчас же делается оговорка, что демократия вводится «во славу нашего государя», что собрание вовсе не приписывает себе политического суверенитета.

И все-таки эти самочинные постановления имели большую политическую важность. Власть правительства старой Англии над поселениями Новой Англии не была очень сильна с самого начала и с течением времени должна была слабеть в силу дальности, резких различий в церковном порядке, в социальном строе и в административных учреждениях. «Основатели» колонии Коннектикут договариваются насчет своей конституции в 1632—1639 г.г. без всякого спроса; корона подтверждает эту конституцию значительно позже.

Всего через год после образования корпорации-компании, начавшей заселение Массачусетса (1628), управление колонией переносится из Англии в Америку. И когда в 1635 г. суд королевской скамьи объявляет массачусетскую партию незаконной, когда корона хочет навязать колонии губернаторов из Лондона и распространяются слухи о насаждении англиканства в Новой Англии, пуритане Массачусетса начинают готовиться к открытому сопротивлению: укрепляют побережье, обучают военному делу неопытных, отбирают присягу в верности местному правительству. В Англии уже тогда колонистов зовут крамольниками, стремящимися к политической независимости. И когда в 30-х годах правительство метрополии принимает ряд мер для ограничения эмиграции в Америку, то его тревожит не только убыль зажиточных тягловцев, но и мысль о создании революционного очага за океаном, о скоплении там «мятежных душ», главная цель которых уйти за предел начальственной досягаемости.

Если демократические учреждения с самого начала стали господствующими в Новой Англии, то этого нельзя сказать про «неотчуждаемые личные права». Даже девственная американская почва оказалась мало благоприятной для такого нежного растения, как религиозная терпимость. Гонимые на родине, переселенцы на новых местах стали господами политического и религиозного положения. Такая перемена сама по себе ослабляет потребность в терпимости. А потом и по ту сторону «большой воды» далеко не все переселенцы были поборниками терпимости. От тисков церковно-полицейского единообразия спасались за океан не только браунисты, сепаратисты, антиномiane, но и такие пуритане, которые были строгими кальвинистами и в догматической области, да и в культе проявляли по крайней мере столько же нетерпимости, сколько англикане. Среди первых засельников колонии Массачусетса, во главе которых стоял Уинсроп (Winthrop) и в числе которых было не мало зажиточных и породистых людей, наиболее влиятельными оказались пуритане такого типа. Они принимают в полноправные граждане (фримены) «компания» только

людей своей церкви, в первый год всего 120, в первые 10 лет всего 1200. Вот почему нужно внести оговорку в утверждение о демократизме американских политических учреждений. Пуритане Массачусетса устраняют многочисленных инаковерующих от политической жизни. Это не мешает им быть демократами в пределах своей церкви. Они отравили в Англию двух членов своего совета, выразивших желание ввести англиканский молитвенник. За божбу заставляют простаивать часы на позорище с вытянутым языком. И все-таки даже в Массачусетсе не всегда может быть речь о таком застраивании инакомыслящих, как в Англии. В колонии оседают люди разных сект и пытаются распространять свои верования. Одно время власти не могут помешать даже женщине Анне Гетчинсон (Hutchinson) выступить с горячей проповедью антиномианских взглядов, которая породила большую смуту. Ее защитником в 1636 г. выступил юный губернатор колонии, Генри Вен, позже один из крупных деятелей английской революции. Ревнителю правоверия повели против Вена сильную агитацию: он не прошел на следующих выборах и вскоре вернулся в Англию (1637). Перед отъездом он ведет по вопросу о терпимости знаменитую литературную полемику со своим счастливым политическим противником Уиндерпом и выступает с требованием полной религиозной свободы. Заблуждающихся надо не исключать, а жалеть и вразумлять: пусть Измаил живет вместе со своими братьями. Эта проповедь терпимости не имела успеха: Вен ушел домой, антиномиане должны были покинуть Массачусетс.

Но почти одновременно с этой религиозно-литературной распрей в Новой Англии возникает колония, которая перевела терпимость из литературы в жизнь и пыталась провести грань между государством и церковью, сделать область веры недоступной для государственного вмешательства. Роджер Уильямс (Roger Williams) с 1631 г. выступает с проповедью терпимости. Он считает источником политической власти народную волю и признает за народом право по своему усмотрению устраивать свой государственный быт. Но рука государства простирается только на светские дела. Религиозная жизнь не подлежит государственному контролю: не только у магистратов, но и у самого народа нет религиозной юрисдикции. Роджер Уильямс сам возводит свое учение к сепаратистам и гордится родством с ними: «одни сепаратисты могли бы выступить в защиту чистоты Христа, за дело которого были повешены Барроу, Гринвуд и Пенри». Требование невмешательства вытекало у Р. Уильямса не из равнодушия к религии, а из сильного религиозного воодушевления. Он полон религиозных исканий. Он присматривается к разным церквям и сектам, в 1639 г.

становится баптистом, но и там не находит удовлетворения и под конец примыкает к «искателям», мечтающим о благодатных дарах апостольского века. Он пробует внушить свои взгляды пуританам Массачусетса, но нигде не имеет успеха, даже у отцов-пилигримов в Новом Плимусе. В 1635 г. правительство Массачусетса приговорило его к высылке на родину. И ему не без труда удалось уйти и основать в 1636 г. с кучкой последователей поселение в Провиденсе (Providence), из которого выросла колония Род-Айланд. Это была первая американская колония и вообще первый политический союз нового времени, который провозгласил невмешательство государства в религиозную жизнь и распространил терпимость не только на все христианские церкви, но также на евреев и магометан. Даже та королевская грамота 1663 г., в которой после реставрации были подтверждены вольности колонии, признала, что Род-Айланд есть страна полной терпимости. В 40-х годах в колонии отменено рабство и утверждена «декларация прав человека». Род-Айланд стал убежищем религиозных и политических изгнанников Старой и Новой Англии, дает приют выгнанной из Массачусетса Анне Гетчинсон, «цареубийцам» Гоффу и Уолли, головы которых обречены в Старой Англии.

Эту раннюю американскую историю нельзя рассматривать особняком. Она тесно связана с судьбами метрополии и при всей своей скромности составляет важный противовес английскому положению 30-х годов, представление о котором вышло бы односторонним, если бы мы не обратили внимания на скромные американские отношения. Америка 30-х годов есть своего рода обетованная земля для подавленной религиозной и политической оппозиции. В глазах пуританина, скорбящего о постепенном возврате государственной церкви к римскому суеверию, последним выходом из тяжелой доли является переселение в Америку. Самые смиренные, самые бойкие люди радуются успехам божьего дела за океаном. Пуританин Дьюэ пишет в автобиографии под 1634 г.: «Изумляюсь благодати провидения, внушившего стольким божьим людям уйти в Новую Англию и насадить там одну из самых святых, правоверных, благоуправляемых христианских церквей». С крушением абсолютистического порядка в 1640 г. прилив английских переселенцев в Америку останавливается. Но наблюдается обратное течение: американские идеи, верования, учреждения, отчасти люди направляются в Англию, вливаются в революционную волну и значительно поднимают ее, особенно ее радикальные ответвления. Фанатический пресвитерианский священник Эдуарде оглядываясь в 1646 г. в своей «Гангрене» на быстрое размножение ненавистных сект, заверяет, что индепенденты научились терпимости у Роджера Уильямса (он ездил в Англию в 1643 г.). А на

самом пороге борьбы (1640) проповедник иного духа с умилением говорит о симпатиях англичан к колонистам. «Когда человек из Новой Англии возвращается в Старую, как за ним ухаживают, считают счастливым дом, где он живет! Как прислушиваются к его словам, как передают их из уст в уста после его отъезда! Нет одолжения, которое не были бы готовы оказать ему». Американское влияние во многом объясняет неожиданно быстрый расцвет политического и религиозного радикализма в метрополии в пору «гражданской войны».

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

IV. Английское общество и хозяйство в начале XVII века.

Дворянство. — Перы. — Деревенские джентльмены. — Участие джентльменов в торговле и промышленности. — Биография Джона Элиота. — Крестьянство. — Разложение общины. — Иомены. — Морская торговля. — Торговые компании. — Преобладание Лондона. — Правительственная опека. — Социальная политика. — Широта задач стюартовского государства.

Если американские и сходные с американскими идеи во многих местах Англии пали на восприимчивую почву, то они встретились и с ожесточенной оппозицией. Решительное торжество их было кратковременно. Революция не смогла провести в Англии такой глубокой борозды, как во Франции полтора века спустя. Она изменила больше государство и церковь, чем общество и организацию народного труда. «Старый порядок» протянувшийся и по другую сторону революционной грани, не исчез, а только претерпел существенные видоизменения. Социально-экономический уклад поры двух первых Стюартов многими важными сторонами перешел в страну трех первых Георгов. Это, конечно, увеличивает его исторический интерес.

Командующим классом в начале XVII в. были породистые землевладельцы, средние и крупные, соответствующие континентальным дворянам. Очень небольшая группа в этом классе по старине составляет сословие, обособленное чрезвычайно важными привилегиями, но привилегиями почти исключительно политическими. Это перы, наследственные члены верхней палаты. В 1621 г. их было 91, не считая епископов; несмотря на щедрость Стюартов, в 1713 г. английских светских перов было 178. Между остальными членами класса нет юридических перегородок. Правда, среди них издавна различаются рыцари и не-рыцари; только рыцари носят титул *sig* перед именем. Но других последствий это различие не имеет, да и титул не передается по наследству. Яков в 1611 г. учреждает наследственное звание баронета; но и баронета отличает только титул *sig* перед именем. И перов отделяет от простых «дворян» менее значительная граница, чем при Плантагенетах или даже при Тюдорах. Политическая сила старой родовой перри слов-

лена еще при Тюдорах, и в революционную пору палата лордов поражает своей пассивностью. При Стюартах исчезает и самая родовитость перии, тускнеет чистота крови. Из 91 пера 1621 года 42 либо получили перию, либо были передвинуты на высшую степень перии при Якове; да и у остальных перов перия по большей части не старше XVI в. И самый родовитый пер, какой-нибудь Скроп, барония которого восходит к Эдуарду I, сидит ниже вчерашнего кушца, ёрля Мидльсекса или «случайного» человека Баркшира, ставшего ёрлем за обещание выдать свою единственную дочь за фаворита королевского фаворита. Изредка с уст человека старой крови слетает оскорбительное слово по адресу худородного товарища; но в общем обломки родовой аристократии совсем при-смнрели. Некоторые новые перы получили перию даже не за служебные заслуги, даже не за монаршее благоволение. При Якове перию можно купить. В 1616 г. два рыцаря Ропер и Гольз заплатили по 10.000 ф. ст. и стали баронами. За деньги можно получить и высшую степень перии. В 1618 г. бароны Кавендиш и Рич (известный пират) заплатили по 10.000 ф. ст. и стали ёрлями; получка откровенно занесена в казенные книги. После этого немудрено, что продают титул баронета. Первое время его можно получить только за деньги. Якову понадобились деньги на ирландскую армию: он заготовил 200 баронетских патентов и стал продавать их богатым «дворянам» по 1.080 ф. ст. за штуку, с рассрочкой платежа на 3 года. Он обманулся в ожиданиях: спрос оказался не очень велик. В первые четыре года не раскупили и сотни патентов. Уже при Стюартах перия есть аристократия «открытая», несмотря на свою наследственность, и доступ дается монаршим фавором, успешной службой в центральных учреждениях, тугим кошечком. Семьи этих «новых» перов не боятся браков с богатыми купчихами. Всемогущий королевский фаворит («маркиз») Бёкингам, выдвигнувшийся своей красотой, своим физическим обаянием над королем, в 1619 г. мечтает женить своего придурковатого брата Кристофера на 14-летней дочери лондонского лорд-мэра; за жениха хлопочет сам король. Лорд-мэр с достоинством отказывает. Перы XVII в. не противопоставляют себя простым джентльменам, а примыкают к ним, как верхний и тонкий слой джентльменского класса; перы не уравнивают, а увеличивают собой социальную мощь общедворянского класса.

Джентльмены очень сильны и при дворе, и в парламенте, и в провинции. Их позиция в XVII и даже XVIII в. не может сравниться с положением французского дворянства. У последнего больше привилегий, но, став ненавистным окрестному населению, оно столкнулось с сильной монархической властью, которая боялась политического влияния дворянства и старалась подрезать корни его

политической силы: в деревне появились королевские чиновники, которые оттеснили дворян; они стали ненужными и даже ненавистными в деревне, как собиратели меда с цветов, которых они не сеяли. Английские джентльмены XVII в. по своим правам стоящие наравне со своими держателями, часто наравне с мужиками, являются маховым колесом в провинциальной администрации. Корона не хочет, да и не может разорвать дворянских связей с провинцией. В отличие от Бурбонов, Стюарты хлопочут не о том, чтобы собрать дворян при дворе, а о том, чтобы удержать их на местах. У короны нет бюрократической администрации и нет средств создать ее. Живущие по своим манерам скуайры необходимы государству, как «30.000 даровых полицмейстеров». Яков шутливо разъясняет своим безвозмездно служащим мировым, тяготеющим к веселой столице: «Деревенский джентльмен в столице, что корабль в море, кажется очень маленьким; деревенский джентльмен в деревне, что корабль в реке, кажется очень большим». В 1603 г. дворяне съехались в Лондон на коронацию. Только миновали торжества, как выходит королевская прокламация о разъезде. Пора по домам, особенно мировым и командирам милиции (Deputy Lieutenants). Когда дворяне в Лондоне, то в провинции «недостаток управления». А тут еще грозит мор. Дворянское место теперь в деревне, под угрозой королевской немилости. Приказ о разъезде не раз повторяется при первых Стюартах. В 1632 г. правительство жалуется, что джентльмены заживаются в Лондоне и разоряются. В Звездной палате возбуждено судебное преследование против многих ослушников, не поехавших в деревню; в их числе семь перов. Один джентльмен оправдывался тем, что у него сгорел дом в деревне; его все-таки приговорили к штрафу в 1.000 ф. стр. Богатые не только живут в деревне, но и стараются украсить свое жилище. Среди деревенских дворцов современной аристократии наиболее пышные относятся как раз ко времени Елизаветы и Якова. Джентльмены хорошо знают цену той власти, которой они пользуются в деревне, и не уклоняются от «даровых» должностей. В 1608 г. канцлер жалуется, что старых и почтенных мировых оттесняют молодые. «Молодые рыцари являются на заседание в большом числе, ведут себя бесцеремонно, сидят точно истуканы, только чтобы на них любовались, а ничего не делают; так велико стремление к месту мирового ради положения и почета».

«Рыцари» могли служить ради почета, потому что они не были оскудевающим классом, подобно своим товарищам на континенте, где в разных странах в XVI в. мы встречаем резкие проявления дворянского оскудения. В некоторых странах дворянство никогда не могло оправиться от этого экономического кризиса.

Английское дворянство также пережило этот опасный момент. Значительная, преобладающая часть его доходов состоит из платежей держателей, закрепленных обычаем и королевским судом, ставших низкими до смешного после судорожного подъема цен во второй половине XVI в; куортер (четверть) пшеницы, стоивший около 15 шиллингов при Эдуарде VI стоит около 40 ш. при Якове. Дворянские доходы, сокращаются раза в 2—2¹/₂. Жить становится трудно. Но джентльмены стараются покрыть свои потери на неподвижных платежах повышением размера платежей чрезвычайных и заменить «обычные» поземельные отношения договорными соглашениями общего права. В деревне идет легальная, но напряженная борьба: ландлорд стремится превратить невыгодные ему обычные держания в срочные или даже краткосрочные аренды общего права. Многие обычаи оспариваются ландлордами, и после судебного рассмотрения им удается часто заменить «обычное» держание арендой, в других случаях они оттягивают у крестьян общинные земли — пастбища, луга, леса и пустоши, — на которые у крестьян не было права полной собственности, а было только право пользования — сервитут. Эти права были очень неопределенны; пользуясь этим, лорд заводил спор из-за угодий и часто оказывался победителем: оттягав их, он сажал на них уже не обычного, а фермера — арендатора. А на сданных в аренду землях ландлорд не страдает от удешевления денег: арендные платы растут вместе с ценами, иногда даже быстрее их. Как бы то ни было, но значительной части дворянства удалось пережить кризис, а иногда даже упрочить свое положение, тем более, что площадь джентльменского землевладения не обнаруживает склонности к сокращению. Земли, отнятые у церкви государством в XVI в., в большей своей части перешли к джентльменам; и за большую часть этих земель рыцари и скуйары заплатили казне наличными по справедливой оценке. У них водятся деньги. В XVII в. они редко ведут большое полевое хозяйство. И все-таки продовольствие обходится им в деревне недорого. Если им не хватает продуктов своего хозяйства, они стараются пополнить недобор натуральными сборами со своих держателей или десятиной с церковного бенефеция, который они успели «апроприировать». Даже крупные лорды не любят тратить денег на провизию, плохо привыкают к мысли о покупке мяса, муки, сена. Красноречивым доказательством хозяйственного благополучия джентльменов является их выступление в роли арендаторов. Было бы ошибочно думать, что средний и крупный арендатор XVI и XVII в.в. есть всегда сельский хозяин и капиталист недворянской крови. Арендные договоры XVI и XVII в.в. пестрят «дворянскими» именами. Едва ли я ошибусь, если скажу, что большая часть секуляризованных земель, сданных короной в аренду, была разобрана дворя-

нами. Среди людей, снимавших в аренду землю оксфордских и кембриджских колледжей в начале XVII в., преобладают джентльмены, встречаются перы. Это не значит, что они сами ведут полевое хозяйство. Они работают больше, как спекулянты или посредники, собирают у себя побольше университетской земли и передают ее подлинным землеробам крестьянского типа с возможно, большей надбавкой. В своих собственных манорах они зорко блюдут за своими сенъериальными правами. Элиот из тюрьмы внимательно следит за жизнью своих корнуольских держателей. Он разъясняет своему стьюарду и бэлифу юридическую природу разных держаний, напоминает о необходимости взять «релиф» в случае наследования или отчуждения крестьянских наделов. Когда он узнает, что крестьяне стали нарушать сенъериальные права и, между прочим, часто возят хлеб не на господскую мельницу, он сердится на своих агентов и требует, чтобы порядок был немедленно восстановлен. А суровое классовое право охоты развивается как раз в XVII в. При Елизавете иностранцы удивляются тому, что мужикам разрешают охотиться с «большими собаками». При Якове джентльмены начинают жаловаться, что мелкий деревенский люд уничтожает куропаток и фазанов. И заседающие в парламенте «рыцари графств» вводят пенз для права охоты, даже на своей земле, и непрерывно повышают его. Уже при Карле II охота разрешается только фригольдерам с доходом не менее 100 ф. ст.

Отдельные джентльмены могли беднеть, разоряться, но класс не сдавал своей командующей хозяйственной позиции, сумел приспособиться к новым хозяйственным условиям. Среди перов есть очень богатые люди. В трудные минуты корона перехватывает деньги не только у банкиров и купцов из Сити, но и у перов. В 1630 г. король должен по 40.000 ф. стерл. ёрлям Карлайлю и Голланду. На высших ступенях государственной службы, особенно по финансовому ведомству, можно составить огромное состояние. В числе государственных сановников Карла I мы встречаем Уестона. В 1628 г. он был назначен лордом-казначеем (министр финансов). Он оказался очень способным человеком, поправил государственные финансы, но не забыл и себя. У него было много врагов в придворных и бюрократических кругах. В 1634 г. товарищи по Тайному совету заставили его представить ведомость своих законных доходов по должности. Уестон показал сам, что за 6 лет он получил 44.000 ф. стерл.; а, кроме того, он получал большое жалованье и брал очень много взяток, так что он за эти 6 лет перешел в разряд видных капиталистов Лондона. Мы встречаем перов и джентльменов во главе огромных осушительных предприятий, требующих большого капитала. Мысль о воз-

возможности осушить болота, которых было очень много, явилась под влиянием Нидерландов и в связи с ростом благосостояния. Составляется ряд компаний, которые задуманы на широкую ногу: мечтают осушить сотни тысяч акров, готовы вложить десятки тысяч фунтов стерлингов. При Якове пробуют осушить болота на востоке Англии, «Большую топь» (the Great Level), тысяч в триста акров. Во главе дела стоят лондонский ольдермен и один суконщик, но рядом два «барина», виднейшие судьи, главный барон казначейства и главный судья Англии. У них очень широкие замыслы, они выговорили в свою пользу более ста тысяч акров. Работы потребовали очень много денег, но подвигались плохо. Потом они перешли к местным джентльменам средней руки и тоже шле тугу. В 1631 г. за дело берется очень богатый пер и очень крупный землевладелец, герцог Bedford. Он организует большую компанию, вкладывает в предприятие очень большие компанейские деньги, около 100.000 ф. ст. и за это выговаривает себе около 100.000 акров. Осушили далеко не всю намеченную площадь и все-таки на долю осушителей пришлось до 40.000 акров и очень большой доход, весьма значительная часть которого досталась предприимчивому герцогу. Но и джентльмены более скромного достатка и положения обнаруживают большую осушительную энергию. В 1610 г. герфордширский сьюайр Ваган (Vaughan) с восторгом повествует о своих инженерных работах. Его затраты считаются всего сотнями фунтов. Но он заверяет, что по его указаниям можно раз в десять поднять свой доход. Ваган не одинок. По его же словам, в Девоншире джентльмены сплошь и рядом занимаются осушением своих земель и даже не раз, в порыве патриотического подъема, просили его, прикосновенного к литературе человека, напечатать на общую пользу о технических приемах и блестящих хозяйственных результатах их предприятий.

Джентльмены XVII в. не желают довольствоваться земельной рентой. Они не обнаруживают дворянской брезгливости к торговле и ремеслу. Вследствие распространения единонаследия и майората в дворянских семьях родовые земли переходят к старшему сыну. Младшие устраиваются при дворе, при суде, во флоте, в армии, часто иноземной. Но в скромных семьях они нередко поступают в подмастерья к денежному купцу: знаменитый Джон Лилберн был из хорошей северной дворянской семьи, а его подростком отдали в ученье к одному лондонскому торговцу. В парламент 1604 г. поступает петиция об отмене монополии, предоставленной торговым компаниям. Жалобщики указывают, что скоро должна кончиться война с Испанией, младшие сыновья останутся без дела, пожелают торговать, а монополии будут стоять у них на дороге. Некоторые историки даже склонны объяснять шумливость лондонских подма-

стерьев в революционные годы примесью дворянской молодежи. Но и старшие вовсе не чуждаются торговли и индустрии. Для английской хозяйственной жизни XVII в. очень характерны заморские торговые и колонизационные предприятия. В тех и других видное место принадлежит благородным. В 1618 г. выдан патент акционерной компании для торговли с Гвинеей; во главе — влиятельный джентльмен, Роберт Рич, будущий ерль Уорик. Среди организаторов американских колоний высокопоставленные и титулованные дворяне едва ли не преобладают над торговыми компаниями в XVII в. Монопольные предприятия очень характерны и для индустрии XVII в. Джентльмены вовсе не редкость в рядах этих промышленных монополищиков. В 1626 г. выдается патент на производство селитры, его получает Рёссель с товарищами. При Якове выдаются два патента на монопольное производство стекла, оба джентльменам; в числе получивших патент есть влиятельные придворные, хлопотами которых запрещен ввоз иностранного стекла. Даже дамы участвуют в насаждении новых отраслей индустрии. Графиня Бедфорд отыскивает во Франции искусную канительшу, хлопочет о патенте на монопольную выделку канители и в награду получает пай в предприятии. Немного позже пайщиком входит брат королевского фаворита Бекингама, согласившийся вложить в дело до 4.000 ф. стерл. Двор вообще занимает много места в тогдашней хозяйственной истории, ибо он есть источник монополий и концессий, на которые опиралась значительная часть тогдашней промышленности. Предприниматели жадно ищут государственного покровительства, льнут к влиятельным придворным кругам, охотно платят куртажи и выдают пай полезному человеку за замолвленное во-время слово, за подsunутую в удачный момент бумагу. При дворе слагается своеобразная атмосфера делечества; действительно ловкие и влиятельные люди снимают сливки чуть не с каждого заметного нового предприятия. Появляются в Лондоне в 1634 г. первые извозчики. У них много врагов, между прочим лодочки, испугавшиеся новых соперников по перевозке людей из Сити в Уестминстер. И организаторы предприятия вынуждены хлопотать при дворе о легализации; маркиз Гамильтон (Hamilton) берет с них взятку, но зато достает нужный патент. Приблизительно в то же время попадают в затруднительное положение лондонские виноторговцы. Их привлекают к суду Звездной палаты за то, что они не только поят, но и кормят «гостей» в своих заведениях. Им грозит разорение. Они ищут защиты у того же маркиза. Маркиз выручает и улаживает дело. Виноторговцы обязуются платить королю очень большие деньги с каждой проданной бочки; за это им разрешается безвозбранно кормить посетителей и поднять розничную цену вина, переложить налог на потребителя. А Гамильтон за своим

посреднические услуги выговаривает себе и присным огромную ренту в 5.000 фунтов.

Участие джентльменов в торгово-промышленной жизни страны — явление большой важности. Оно говорит о жизнеспособности, эластичности класса, о желании и умении примениться к новой обстановке. Оно во многом помогает понять, как класс, расколовшийся в революционной борьбе и подвергшийся сильному натиску враждебных ему политических и общественных сил, не только вернул свои утраченные на время позиции, но даже продвинул их вперед и к XVIII в. стал хозяином положения, надолго утвердил в деревне и в значительной мере в парламенте «господство скуайров». И все-таки основой дворянской мощи остается в XVII в. деревня, старые и новые господские усадьбы, платежи держателей, доходы от собственного хозяйства и от «апроприированных» церковных бенефициев, почти монопольное преобладание в местном управлении, тесные связи с местным населением. Не только рядовые, но и командиры борющихся политических партий выходят по преимуществу из среды настоящих людей деревни, в начале своей карьеры стоящих гораздо ближе к своему отцовскому гнезду, к своим держателям и соседям, к своему графству, чем ко двору и к пестрой столичной толпе торгово-промышленных монополистиков. Не мешает присмотреться к молодости этих людей, потому что она бросает свет и на позднейшую борьбу.

Вот Джон Элиот, погибший в тюрьме за свою оппозицию. Этот человек, являющийся идиолом английского народа, носит резкую сословную окраску: это джентльмен средней руки. Его земли находятся на юго-западе, в Корнуолде; усадьба его — старая монастырская усадьба, Сент-Джерменс (St.-Germans), купленная дядей отца в 1565 г. В 1607 г., 15-ти лет, он поступил в один оксфордский колледж, проучился три года, потом переселился в Лондон и стал учиться праву в одном адвокатском подворье. Годы ученья закончились путешествием по континенту, где он познакомился и сблизился с будущим фаворитом Бекингамом. 20-ти лет Элиот уже оседает и женится на единственной дочери богатого джентльмена - соседа. 23-х лет он уже заседает в парламенте от своего захудалого местечка St-Germans. 27-ми лет, благодаря связям с Бекингамом, он становится рыцарем и вице-адмиралом Девоншира. У него много друзей, не оставивших его и в опале. Он рано овдовел, но друзья-джентльмены берут к себе на каникулы из Оксфорда его неудачливых сыновей. Одна дочь постоянно живет в дружеской семье, ибо пансионское воспитание почитается неподходящим для барышни. Наукам ее учат мало, но учат музыке. Элиот — страстный спортсмен, и в тюрьме страдает от недостатка свежего воздуха и движения. До последних дней он верен привычкам своего круга. За несколько дней до смерти

он приглашает художника в Тауер и просит написать свое измощенное чахоткой лицо, свои горящие глаза на память потомству, на вечный укор тирании. Его тяготит плохая прическа, и у него в руках гребень, точно, чтобы показать, что к нему не пускают парикмахера. Зато он в дорогом кружевном халате. Это политический мученик, но мученик, до конца оставшийся джентльменом средней руки. Для политического режима Англии характерно запрещение хоронить его в его поместье, поэтому его похоронили в приходе Тауера; но правительство не нашло возможным не выдать наследникам портрета, который висит до сих пор в родовом доме.

Почти так же проходит молодость другого оппозиционного вождя, Гемдена (Hamden). У него значительные земли в центральном графстве Бекингемшире. Он тоже является в Оксфорд 15 лет и завершает образование изучением общего права в Лондоне, тоже рано женится на соседке своего круга, рано попадает в парламент и рано становится видным человеком у себя в графстве. Но его местные связи еще крепче, чем у Элиота. Его род с незапамятных времен сидит в графстве и пользуется очень большим влиянием.

Столь же стары были территориальные связи на севере у семьи Уентуёрса (Wentworth), будущего Страффорда. Только семья его была много богаче и считала себя породистее многих перских семей. И Уентуёрс идет тем же путем: мальчиком поступает в университет, уходит оттуда 18 лет, сейчас же женится (конечно, на женщине более высокого круга) и едет с воспитателем на континент. 21-го года попадает в парламент и все время принимает деятельное участие в жизни своего графства как мировой судья, как шериф.

Социальная мощь джентльменов ослаблялась их разбродом. До революции они не выступают сплоченным классом, дружно отстаивающим свои интересы. Джентльмены разбиваются по разным политическим и религиозным лагерям задолго до того, как их раскол обнаружился в смуте 40-х годов. Их провинциальные столкновения представляют значительный интерес, как прецедент более крупной и решительной борьбы национального масштаба. Личные ссоры перепутываются с принципиальными разногласиями. У Элиота, напр., очень много врагов среди соседей — джентльменов. В начале борьба ведется больше на личной почве. Враги хотят спихнуть Элиота и занять его вице-адмиральское место, что им и удается. Но когда из Элиота вырабатывается вождь оппозиции, то вскрывается глубокая разница политических настроений. Враждебная клика несколько не тяготится политическим порядком и даже готова содействовать абсолютистическим попыткам правительства. В 1627 г. Элиота засадили в тюрьму за отказ подписаться на правительственный заем. Из тюрьмы он распространяет памфлет о незаконности принудительных займов. Среди корнуольских джентльменов нашелся доброволец, поспешивший

выступить на литературную борьбу с крамоллой. Это был как раз человек, занявший место Элиота и скоро превратившийся в крупного морского чиновника и не менее крупного взяточника и казнокрада — Багг. На выборах 1628 г. личные и политические враги Элиота не останавливаются пред грубыми беззакониями, лишь бы не пропустить его в парламент. Это не помогло: Элиот избран, и оппозиционная палата зовет к ответу виновных мировых. Чувствуя за собой поддержку короны и части населения, не веря в долговечность парламента, они дерзко отказываются явиться. Палата настаивает и грозит. Струхнувшие фрондеры являются. Их ставят на колени, некоторых сажают в Тауэр. Но с роспуском палаты правительство поспешило оградить своих сторонников. Их вышпустили из тюрьмы, щедро наделили казенными деньгами, одного даже сделали баронетом и ничего не взяли за патент. Если мы довольно хорошо можем представить себе положение джентльменов предреволюционной поры, то мы совсем не можем сказать этого о других слоях деревенского населения. Аграрная история XVII в. все еще очень темна; поневоле приходится быть кратким и сдержанным в своих утверждениях. Не только в спокойные первые четыре десятилетия, но и в революционную смуту 40-х и 50-х годов крестьяне поднимаются реже и слабее, чем под суровым тюдоровским режимом. Сколько-нибудь серьезное движение можно указать только в 1607 г. в центральных графствах. Любопытно, что уже тогда были в ходу имена, получившие такую известность в разгаре революционной смуты: повстанцы зовут себя «диггерами» и «левеллерами». Среди них ходят листки с обличениями тиранов, которые пустошат целые селения и на месте крестьянских усадеб устраивают огороженные пастбища для овец и свиней. Лучше умереть со славой, чем чахнуть от нужды и голода. Появляется таинственный вождь, капитан Кошель, говорящий от имени бога и короля, приказывающий разрушать изгороди. Но восстание остается очень плохо организованным. Крестьяне вооружены чем попало: дубинами, вилами, пиками, луками. Отдельные отряды действуют вразброд, и джентльменская конница легко бьет их по частям. Порядок восстановлен быстро и закреплен тюрьмами и виселицами. — Бывали еще волнения в связи с осушением больших болот, но очень небольшие по площади. Осушительные работы, выгодные для осушителей, наносили не малый ущерб мелкому люду, кормившемуся при болоте, и отнимали общинное пастбище у окрестных деревень. Немудрено, что окрестное население иногда пыталось ломать плотины и радовалось, когда вода возвращалась на старые места. Толпу разгоняли, подвергали административным и судебным карам, а плотину чинили. В 40-х и 50-х годах крестьянам удавалось затопить значительную площадь, так что один раз правительство принуждено было прибегнуть к военной силе.

Отчего же крестьяне так смиренны в такое буйное время? Почему большой религиозный и политический кризис точно прошел мимо деревни, не всколыхнул крестьянской массы? Некоторые историки пробовали указывать на устойчивость крестьянского быта в XVII в. Время Тюдоров будто бы отмечено решительными аграрными пере-
 становками, державшими население в постоянном напряжении. Безлюдели селения, огораживались общинные поля, пашни обращались в пастбище, обезземеленного мужика гнали в город, либо на большую дорогу, либо заставляли наниматься в батраки. Но к XVII в. цикл резких перемен успел завершиться; в деревне устанавливается равновесие, из которого она выходит только во второй половине XVIII в. Сельское население времени Стюартов спокойно, потому что остается за пределами тогдашнего кризиса. Недавние исследования заставляют отвергнуть этот взгляд. Перемены XVI в. захватили не очень большую площадь. XVII в. вовсе не был временем застоя. В литературе XVII в. не прекращаются жалобы на те самые явления, на которые жалуются и при Тюдорах. Укажу, напр., на памфлет (1637 г.) Пауэля, говорящий о западных графствах. Огораживания и конверсии будто бы никогда еще не приводили к такому обезлюдению, как в последние 40 лет. Сетования не смолкают и при республике; и некоторые памфлеты указывают на противоречие между принципом народного суверенитета и растущей нуждой крестьян. Сетования раздаются и в конце века; мы снова слышим, что крестьянские наделы сосредоточиваются в одних руках, обносятся изгородами и обращаются в выгон. Для начала XVII в. у нас есть и официальное расследование (1607 г.) аграрных перемен в шести центральных графствах; оно обнаружило, что в конце XVI в. и в первые годы XVII в. в деревне происходит те же явления, что были подмечены известным расследованием 1517 г. Изменяется не направление деревенской жизни, а правительственное отношение к деревенским переменам. При Тюдорах последние пугают не только затронутых ими крестьян, но и правительство. Издается ряд статутов и прокламаций, направленных к поддержанию старого порядка в деревне. В XVII в. правительство приходит к убеждению, что старые страхи были преувеличены, что в деревне все обстоит благополучно. Уже в прокламации 1619 г. утверждается, что законы об охране хлебопашества и крестьянского землевладения мешают успехам сельского хозяйства и что их надо применять с осторожностью и с изъятиями. А в 1622 г. старое аграрное законодательство отменяется в парламенте почти целиком, и в деревне устанавливается порядок сравнительной хозяйственной свободы. Населению стараются разъяснить, что не надо бояться перемен. Если пашня запускается под пастбище, то и пастбище разрабатывается под пашню, общая площадь посева растет. Не надо бояться и роста хлебных цен: если

хлеб непомерно вздорожает, то увеличится прибыльность зернового хозяйства и расширится площадь запашки.

Если правительство порывает со старыми традициями аграрной политики, то и в обществе чаще и громче звучат призывы к новым порядкам. Агрономы XVII в. значительно требовательнее своих предшественников, и в консервативной общине они еще более своих предшественников склонны видеть помеху сельско-хозяйственному прогрессу. Перед их глазами блестящие успехи нидерландского земледелия, которые им хотелось бы пересадить на остров. Маркгам, Платц, Даймок и др. находятся под сильным влиянием нидерландского примера. Они говорят о новых орудиях (у Маркгама, напр., рядовая сеялка), о новых приемах обработки, о новых культурах — садовых, огородных, о травосеении, со 2-й половины века — о зимних корнеплодах. Они не враждебны мелкому хозяйству. Некоторые жалуются на частую произвольность поборов, уплачиваемых «обычными» держателями при вводе во владение. Еще чаще они сетуют на необеспеченность интересов срочного арендатора по общему праву, который не получает никакого вознаграждения за свои улучшения и потому не производит улучшений. Но общинный строй они обычно считают несовместимым с интенсификацией земледелия и потому высказываются за раздел общинных земель. Некоторые сознают, что при разделе может пострадать мелкий люд, и стараются охранить его интересы. Платц в 1638 г., Даймок в 1651 г. советуют при разделе отводить участки пастбища каждому самому мелкому общиннику, но самый раздел все-таки надо произвести.

Не надо умалять влияния агрономической литературы, получившей большое распространение, отражавшей и создававшей настроения сельских хозяев. Но, конечно, важнее было то, что враждебные общине тенденции росли среди самой общины. Уже в елизаветинскую пору общинный дух слабеет в некоторых деревнях; усиливаются индивидуалистические стремления. Инициатива раздела общинных угодий не всегда исходит от ландлорда. Конечно, раздел пустошей и пастбищ по большей части выгоден ландлорду, потому что с отдельного держателя он может взять много больше, чем с целого общества. Но о разделе нередко хлопочут сами крестьяне, правда, не все: маломочные, малоземельные встревожены переменой, боятся, что их обидят при разделе, жалеют уходящего приволья пустошей, лесов, болот, где они чувствуют себя равными богатому соседу. Между бедными и богачами иногда завязывается борьба, в которой ландлорд естественно встает на сторону богатых и соглашается на раздел. Заметные в XVI в. явления этого рода учащаются в XVII. «Огораживания» XVII в. часто производятся по соглашению между лордом и общинниками и утверждаются коро-

левским судом справедливости, «канцелярией», иногда даже и парламентом. Оттого они далеко не всегда связаны с обезземелением крестьян. Они могли быть простым перераспределением земли внутри крестьянского мира, образованием средних и крупных крестьянских хозяйств на развалинах общинного порядка.

Нам представляется неизбежным, что оборотной стороной медали была пролетаризация маломочных общинников, низведение их на уровень безземельных батраков. Но горячие индивидуалисты XVII в. ни за что не хотели согласиться с этим и даже видели в разделе общинных земель ключ к разрешению тогдашнего социального вопроса. Они винят общину в размножении пролетариата и думают сократить пролетариат уничтожением общины. Тэйлор, Даймок, Уорлидж во 2-й половине века наперерыв развивают одну и ту же тему: общинные уголья — великий питомник безделья и нищеты. У маломочных общинников земля отымает очень мало времени, и они, главным образом, возятся со своим жалким скотом, слоняются по общинным пустошам. Их детям совсем нечего делать, они пополняют ряды бродяг и преступников. Даймок ссылается на Кент, там всего слабее развито общинное землевладение и всего меньше бедных. Агрономы заверяют, что и бедным после раздела станет не хуже, а лучше. В огороженных местностях каждый знает, где найти поденную работу. А Тэйлор в 1652 г. советует занять обезземеленных прядением, либо направить их на мануфактуры.

Этих советов нельзя назвать совершенно беспочвенными. Соединение ремесленной работы на скупщика с очень мелким земледелием, столь характерное для ранних лет круиной промышленности, встречается в некоторых местностях задолго до этих литературных наставлений. В Шеффилде в 1613 г. ножевщики не могут прожить своим ремеслом и кое-как сводят концы с концами благодаря тому, что обрабатывают небольшие участки земли. В 30-х г.г. прядение на скупщика не редкость в бедных крестьянских домах будто бы счастливого Кента.

Вообще разложение старого деревенского быта не всегда сопровождается в XVII в. накоплением недовольства, усилением элементов, представлявших благодарную почву для социальных и политических движений. И с другой стороны, сравнительное спокойствие деревни не исключает возможности значительных перемен. Опускавшиеся вниз отчасти уходили из деревни, отчасти попадали в зависимость от работодателя, либо от сурового законодательства о бедных и утрачивали солидарность, которую давала им принадлежность к одной общине. А потом распадение общины создавало значительные и влиятельные группы людей, улучшавших свое положение и заинтересованных в охране новых отношений. Консервативные настроения были сильны и в тех очень многочисленных местностях страны,

которые не испытали сколько-нибудь существенных перестановок и пронесли в целости свой аграрный строй вплоть до «промышленного переворота». В английской деревне XVII в. было не мало довольных, преуспевающих, либо сводящих концы с концами людей. На исходе XVII в. политические арифметики Кинг и Давенант все еще насчитывают более 150.000 йоменов, т.-е. средних и крупных крестьян, с хорошо обеспеченными правами на землю.

В революционных событиях они выступают явнее других слоев деревенского не-джентльменского населения, фермеров, батраков, малоземельных общинников. Но мы видим их в разных лагерях: на востоке они поступают в «Новый образец» (New Model) Кромвеля, на западе они стоят чаще за короля и епископов. В истории «гражданской войны» можно указать любопытный эпизод, когда земледельцы противопоставляют себя политическим партиям и выдвигают классовые требования. Но и тут они вовсе не выставляют революционной или реформационной программы, потому что в их среде как раз задают тон довольные элементы деревни. Юго-западные крестьяне в 1643 — 1645 г.г. довольно сильно пострадали от военных действий, от солдатского грабежа. Они решили собственными силами отстаивать свое достоинство и агитировать за прекращение войны, за примирение короля с парламентом. У них являются сторожевые, общая касса, свои отряды. На их знаменах стоит двустишие: «Если вы будете грабить или отымать у нас скот, будьте уверены, мы дадим вам отпор» (If you offer to plunder or take our cattle, be assured we will give you battle). Повстанцев зовут «дубинщиками» (clubmen). Они хотят только того, чтобы их оставили в покое. А когда их политическая программа расширяется, она теряет классовую окраску. Дорсетские «дубинщики» 1645 г. приближаются к роялистам.

Различные слои городского населения выступают в революции равномернее. Не надо преувеличивать важности тогдашнего английского города. Английская индустрия и торговля начала XVII в. кажется скромной при сопоставлении с передовыми в хозяйственном отношении странами континента. В индустриальной технике англичане XVI и XVII в. идут по следам немцев. Они даже прямо выписывают к себе немецких мастеров. Немцы учат англичан, как выкачивать воду из рудников; немцы делают в Англии опыты с топкой каменным углем при плавке железа, с рафинированием сахара. Кажется, швабские ткачи при Карле I ввезли на остров начатки хлопчатобумажного производства. Два аугсбургских капиталиста, Иоахим Хохштеттер (Joachim Hochstetter) и его сын Даниель, заведывали королевскими рудниками при Генрихе VIII и Елизавете, аугсбургская фирма Хауг и Лангнауер при Елизавете организует в Англии большое горное дело. А в торговле сами англичане чув-

ствуют себя позади голландцев. Торговый флот последних много больше английского. Смеясь над запретами иностранцам ловить рыбу у берегов Англии, нидерландцы при Якове вылавливают сельдь под самым носом у англичан. В 1602 г. Рэли жалуется, что голландцы отбили у англичан торговлю в Балтийском море; но он находит это вполне естественным, изумляется предприимчивости соперников и тужит об отсталости соотечественников. Нидерландцы возят грузы значительно дешевле англичан. Когда в 1619 г. английская и голландская ост-индские компании приходят к соглашению о торговле пряностями, то англичане выговаривают себе только $\frac{1}{3}$ ежегодного привоза. У нас есть данные о годовом английском вывозе первых лет Елизаветы. Его ценность превышает миллион фунтов; но он крайне однообразен; чуть не на $\frac{9}{10}$ он состоит из сукна. Конечно, большой успех уже то, что теперь вывозят сукно, а не шерсть. При Якове и Карле прямо воспрещают вывозить шерсть. Но даже при Якове это по преимуществу сукно некрашенное и неотделанное. Попытка воспретить вывоз такого сукна при Якове I кончилась неудачей. На континенте неохотно покупают крашеный и выделанный товар, в Англии наступает кризис суконного производства, правительство вынуждено отменить запрет.

И все-таки при Елизавете и первых Стюартах можно указать на значительные хозяйственные успехи. Особенно нужно сказать это про морскую торговлю. Англичане наших дней считают елизаветинский век золотым веком своей морской истории, в Гокинсе, Дрэке, Фробишере и Рэли видят национальных героев. Фруд воспеваает в них передовых борцов протестантизма, Сиби — первых создателей Британской империи, проф. Рэли — наиболее ярких представителей английского возрождения по их избытку жизненных сил, жажде неизвестного, по гибкости души, по безграничному мужеству. Елизаветинские мореходы, не то военные, не то кушцы, не то пираты, точно торопятся наверстать время, упущенное предками. Старый мир стал им тесен, они спешат раздвинуть его в разные стороны, бороздят по всем направлениям водную гладь. Они ведут непримиримую борьбу с испанцами на всем протяжении Атлантического океана. Гокинс спускается далеко на юг к африканским берегам, забирает большую партию негров и везет на продажу в Вест-Индию. Дрэк с очень небольшой эскадрой спускается к Магелланову проливу, теряет ее по дороге и остается с одним кораблем и все-таки продолжает плавание. Незамеченный испанцами, он появляется у незащищенных западных берегов Америки, беспрепятственно грабит их, с огромной добычей пересекает Тихий океан, проскальзывает мимо испанских берегов и благополучно возвращается в Плимус, со славой и золотом (1577 — 1580). «Святая жажда золота» влечет и на неведомые морские пути. Моряков

манит Дальний Восток, таинственный Китай (Cathay). Они ищут нового и свободного пути к нему на севере. В 1553 г. Виллоби (Willoughby) с 3 кораблями плывет на восток по Северному океану; 2 корабля затерто льдами у Лапландии; на третьем Чанселор (Chancellor) с трудом добрался до Архангельска и положил начало торговым сношениям русских с англичанами. В 1580 г. два англичанина доплыли до Карского моря. Еще раньше, в 1558 г. Дженкинсон (Jenkinson) добрался до Бухары. Потерпев неудачу на северо-востоке, англичане направляются на северо-запад. Фробишер три раза ищет северо-западного пролива в 1576 г. Появляются уже энтузиасты арктических разведок. Девис (Davis) в 1585—1587 г. предпринимает три экспедиции к северо-западу и доплывает до Баффина залива. Он поет гимны северному полюсу. Жители полюса имеют превосходство над всеми другими народами, из всех людей это самые благословенные, живущие в вечном свете сумерек и полнолуния. Девис полон любви и уважения к своему ремеслу. Моряк обогащает родину, открывает новые страны, сближает друг с другом людей разной национальности, припасит «мир господень» отверженным заморским язычникам. Но елизаветинские моряки приносили чаще меч, нежели мир, они поражают нас своей безоглядной жестокостью. Елизаветинские моряки смело плывут в сердце владений врага и два раза сжигают в Кадиксе испанский флот. Конечно, и их ждет тяжкая участь и руках врага. Им нередко случается гнить в испанских тюрьмах. Но они спокойно смотрят в лицо смерти и умирают с улыбкой на устах. В 1583 г. жестокий усмиритель ирландского восстания Гильберт плывет основывать колонию в какой-то фантастической местности на севере Америки. Предприятие не удалось. Плывут назад; Гильберт — на жалкой «Белке», суденышке в 10 тонн. Буря разбила «Белку». Гильберт видит впереди «Лань» и весело кричит товарищам: «На воде мы не дальше от неба, чем на земле». И пошел ко дву.

При Якове эти героические типы редуют. При Елизавете они сделали большое патриотическое дело, отстаивали родину и стали ненужны. Когда появляется человек богатырской складки, он не находит места в новой обстановке. В этом отношении интересна судьба одного выдающегося авантюриста, Джона Смиса. Юношей Смис служил в нидерландской армии против испанцев и в венгерской — против турок. Он плывет по Средиземному морю на французском корабле. Поднимается буря. Экипаж объясняет гнев божий присутствием «дугенота». Смиса бросают за борт. Он попадает в плен к туркам, его продают крымским татарам. В 1606 г. он плывет в Америку с той сотней эмигрантов, которая основала Джемстаун в Виргинии, быстро выдвигается, попадает в плен к индейцам, находится на волосок от смерти, но влюбляет в себя юную

дочь вождя и по ее заступничеству получает свободу, возвращается в Джемстаун и с успехом управляет колонией, пока его не сменяют назначенные из Лондона аристократы. Смие возвращается в Англию и затеривается в толпе. На смену моряку-герою идет моряк-купец; «The trade follows the flag» — «торговля следует за флагом» (военным), говорит английская поговорка. В 1553 г. Чанселор попал в Архангельск, и уже в 1554 г. организуется «Московская» или «Русская» компания; московского посла в 1557 г. принимают 150 членов компании. Уже в 1585 г. выдается патент на торговлю с Марокко, в 1588 г. — на торговлю с Гвинеей. В 1600 г. создается знаменитая Ост-Индская компания. И торговля в старых морях получает новую организацию. На торговлю в Балтийском море в 1579 г. получает патент Исландская компания (Eastland Co.); на торговлю в восточной половине Средиземного моря — в 1581 г. Левантская компания (Levant Co.), в 1606 г. преобразованная в Турецкую (Turkey Co.). А самая важная вывозная торговля — в Немецком море — в руках компании Авантюристов. Рост морской торговли не подорвал, а усилил старую систему монополий. Когда Яков вступает на престол, моря поделены между компаниями. Только во Франции англичанин может торговать, не принадлежа к компании. Это положение остается в силе при Якове, только Пиренейский полуостров после заключения мира в 1604 г. прибавился к области свободной торговли.

Чтобы судить о политических и хозяйственных последствиях подобного порядка, надо присмотреться к внутреннему строю елизаветинских и стюартовских компаний. Наиболее крупная компания в начале XVII в. — старые Авантюристы (Merchants Adventurers). На Немецком море им принадлежит монополия вывоза из Англии. Но в виду того, что с нечленов гильдии берут значительно более высокую вывозную пошлину с сукна, фактически компании принадлежит монополия по вывозу английского сукна, и континентальная «фактория» была очень важным торговым пунктом, центром, откуда английское сукно расходилось по Европе. Годовой вывоз компании в 1608 г. ее секретарь оценивает в 1.000.000 ф. ст. Главное управление было не в Англии, а на континенте, где обычно созывается и собрание членов, генеральная курия, избирающая губернатора и его 24 ассистента и принимающая в число членов. Губернатор и ассистенты судят членов, могут приговаривать к штрафу, тюрьме, исключению из компании, могут издавать обязательные распоряжения, кажется, назначают должностных лиц в городские отделения компании на острове, вообще обладают очень большой властью; компания сильно централизована. Попасть в члены нелегко: нужно быть сыном члена, или быть принятым в ученики и проучиться 8 лет, или сделать высокий взнос (200 ф.) и первые годы нести

значительные дополнительные платежи. Лондонским членам запрещено торговать сукном в розницу. Современники видели в Авантюристах аристократов торгового мира и людей по меньшей мере очень зажиточных. Но не нужно представлять их себе замкнутым кружком. В начале XVII в. секретарь компании считает членов до 3.500. Тем поучительнее, что они подчиняются идущим из центра указаниям. Каждый торгует на свой страх, но сильно стеснен правилами компании. Центральное управление определяет размеры общего вывоза, договаривается о фрахте. Когда ждали армаду (1587 г.), то в распоряжении Авантюристов оказалось более ста кораблей; купцы предоставили их правительству. Размер оборотов каждого члена точно определен правилами компании и повышается вместе со старшинством. Запрещено продавать сукно в долгосрочный кредит, при расплате наличными скидывать больше 7%. В компании английские капиталисты соединяются в большую и недурно организованную политическую силу, с которой вынуждено считаться правительство. В XVI в. губернатор компании есть иногда в то же время и дипломатический представитель Англии в Нидерландах. В своих кредитных операциях корона, а в гражданскую войну парламент не один раз обращается к помощи компании. Многочисленные производители сукна находятся в большой зависимости от Авантюристов, которым они сбывают большую часть своей выработки. Если Авантюристы сокращают свои закупки, ткачи не находят сбыта для своего товара, рассчитанного на континентальный рынок, и быстро впадают в пугду. Зависимость шерстяного производства от компании ясно видна из частых нареканий на нее в XVII в.: Авантюристов обвиняют в искусственном сокращении своих оборотов, в несправедливом территориальном распределении своих закупок, в установлении полной монополии, в противодействии успехам отечественного красивого производства. Экспортер английского сукна есть в начале XVII в. крупная фигура уже потому, что располагает значительным капиталом и держит в руках важнейшую отрасль национальной промышленности; его влияние растет еще более, потому что он принадлежит к сплоченной корпорации, направляющей торговую деятельность своих многочисленных членов по единому плану.

Но в Англии начала XVII в. есть торговые компании, проводящие концентрацию капитала с еще большей строгостью. — такова Московская. В первом парламенте Якова торговые компании вызвали резкий протест во имя свободной торговли. Примером злоупотреблений выставляли Московскую, которую звали постыдной «монополией в монополии». В ней около 130 членов и 15 директоров. Директора распоряжаются всем, указывают, сколько кто должен вносить, и кладут взносы в общий кошелек, держат одного агента в Москве

и для продажи московских товаров одного агента в Лондоне, а отчитываются, как хотят. «Вся компания стала точно один человек».

Если в Московской компании это было злоупотреблением, то в Ост-Индской это было общее правило. Самостоятельная торговля членов устранена с самого начала. Каждая экспедиция предпринимается от имени всей компании; взносы участников поступают в общий фонд, купля-продажа совершается компанией, и прибыль от экспедиции распределяется пропорционально взносам. Уже в 1612 г. устраняется подписка на отдельные экспедиции. Члены должны делать взносы на определенный ряд лет; у компании образуется значительный постоянный капитал, которым управляют губернатор и директора. В половине века членский взнос уже не подлежит возврату и только дает право на получение дивиденда; он превращается в настоящий пай, реализовать который можно только продажей его другому лицу. Члены компании не только учатся соединять свои капиталы, чтобы увеличить свою хозяйственную мощь; с самого начала они вынуждены к самостоятельным политическим выступлениям, с самого начала они становятся на ту дорогу, которая привела их к созданию Ост-Индской «империи». Англичане явились в Индию не первыми; они застали там голландцев и португальцев. Торговля пряностями при удаче давала тогда сказочный барыш, и на досадных конкурентов взглянули очень недружелюбно. У английского правительства руки слишком коротки, чтобы поддерживать таких дальних подданных. Силой вещей английский торговец превращается на Дальнем Востоке в дипломата и воина. Ему приходится, не спрашиваясь начальства, вступать в переговоры с туземцами, вести вооруженную борьбу с соперниками. На Молуккских островах англичанам случается драться с голландцами в такое время, когда английское правительство находится в дружественных отношениях с Нидерландскими штатами. В начале XVII в. англичане слабее голландцев в Ост-Индском архипелаге и не раз терпят неудачу в морских стычках, иногда вынуждены мириться с голландскими насилиями, напр., с казнями англичан после раскрытия мнимого английского заговора в Амбоине 1623 г. И все-таки эта колониальная борьба высвобождает представителей английского торгового капитала из-под правительственной опеки и, если не подрывает, то ослабляет в их глазах обаяние политического порядка, бессильного охранять национальные интересы за тесными пределами острова. К религиозным мотивам оппозиции у купчества присоединяются хозяйственные и патриотические. Любопытно, что правительство иногда даже в Европе перелагает на торговую компанию свои политические обязанности. «Турецкая» компания должна содержать на свой счет английских дипломатов в Турции, и только в 1803 г. правительство берет на себя эту обязанность. X

Одним из последствий сосредоточения внешней торговли в руках торговых компаний было хозяйственное преобладание Лондона над провинцией. В компаниях лондонские купцы задавали тон и стягивали к себе торговые обороты. Провинциалы не исключались, но им не давали ходу. В Лондоне были правления главных компаний, из Лондона отправлялись и в Лондон приезжали заморские экспедиции, заправилы компаний отдавали перевозку товара лондонским судовладельцам. В 1604 г. парламент жаловался, что в Лондоне таможенные пошлины дают казне около 110.000 ф. ст., между тем как во всех остальных портах таможенный доход не составляет и 20.000 ф. ст. В связи с морским транспортом в Лондоне собираются некоторые важные отрасли индустрии, напр., кораблестроение. Лондонцы дешевле получают сырье и легче сбывают фабрикат; оттого и несвязанные с транспортом производства развиваются в столице легче, чем в провинции. Лондон быстро растет и как промышленный центр. Видный государственный человек, Ро (Roe), зовет Англию 1641 г. телом с жирной головой и тощими членами. Сити обрастает людными пригородами; лондонцы живут грязно и скученно. Современников пугает пухнувшая столица, а провинциальных купцов разоряет политика компаний. Между провинциальными и столичными купцами в XVII в. все время существует антагонизм. Уже в парламент 1604 г. вносится предложение сделать торговлю открытой для всех. Особенно обиженными считали себя купцы западных портов. Они часто пробуют торговать на свой страх в местностях, закрепленных за компаниями, и не боятся клички *interlopers* («контрабандисты»). Силы крупных торговцев ослабляются внутренним соперничеством точно так же, как силы дворянства. И все-таки централизация внешней торговли и непомерный рост Лондона оказали сильное воздействие на ход событий. Конечно, место Лондона в революции XVII в. было далеко не так значительно, как место Парижа в революции XVIII в., но оно было немаловажно. И Лондон выдвигается не как административный и придворный, а как торгово-промышленный центр. В нем выступают, с одной стороны, многочисленные и шумливые подмастерья, с другой — степенные, но более влиятельные воротилы торговых компаний. Как и во Франции, политика централизации обратилась в конце концов против правительства.

Для правительства централизация торговли облегчала взимание таможенных пошлин и надзор над колебаниями «торгового баланса». Правительство первых Стюартов в экономической политике вовсе не ограничивается фискальными мотивами. Оно считает себя оекуменом английской торговли, ответственным за народное благосостояние. Отдельные купцы, даже отдельные компании не могут быть предоставлены себе. Нужно следить за ввозом и вывозом каждого

так, чтобы общий вывоз товаров был выше общего ввоза и чтобы не прекращался прилив драгоценного металла, основы народного богатства. В правительственных бумагах XVII в. вовсе не редки теоретические рассуждения о существовании народного богатства, о природе денег, о торговом балансе. Уже тогда экономист-теоретик может оказаться очень нужным человеком в правительственном обиходе. Еще нужнее он тем торговым предприятиям, деятельность которых возбуждает подозрение. Ост-Индская компания торгует в странах, где почти нет спроса на английское сырье и английские фабрикатy, ввозит пряности, ненужные для английской индустрии, и расплачивается за них английскими деньгами, истощает национальный металлический фонд. Разве это не вредное учреждение? Вокруг компании разгорается горячий спор, в котором защитники компании указывают на сложности международного обмена: компания сберегает, а не расточает английское серебро и золото, потому что англичане покупают пряности дешевле, чем если бы их ввозили иностранцы, а часть пряного ввоза с большой прибылью выменивается на иностранное серебро и золото. Но ни одна из спорящих сторон не отрицает необходимости государственного контроля над внешней торговлей. Представители политической оппозиции стоят в данном вопросе на той же точке зрения, что и сторонники правительства: государственная власть может и должна вмешиваться в торговую жизнь для охраны национальных интересов. И она вмешивается в эту жизнь в очень широких размерах.

Правительственные притязания велики и в области индустрии. И здесь деятели стюартовского абсолютизма видят в себе народных опекунов. В жизнь людей, работающих на внешний рынок, корона вмешивается потому, что стоит на страже торгового баланса. За производствами, рассчитанными на отечественного потребителя, она следит потому, что считает своим долгом охранять покупателя от обмана и мешать такой «частной наживе, которая подрывает благосостояние королевства». Она вводит новые производства, чтобы сократить вывоз английских денег, уничтожить хозяйственную зависимость от иностранцев и отучить народ от лени. Конечно, корона не может установить в индустрии монопольные порядки в таких размерах, как во внешней торговле. И все-таки монополии получают широкое применение в индустрии еще со времени Елизаветы. Яков не раз выражает желание отменить их. Но даже отмененные они легко появляются снова и особенно умножаются в числе после 1628 г. Корона выступает и сама в качестве монопольного предпринимателя. Правительство само разрабатывает квасцы в Йоркшире и ограждает себя от иностранной конкуренции. В 1618 г. корона хочет взять в свои руки кафельное дело. Корона выступает даже в качестве скупщика в домашней индустрии (Hausindustrie).

В 1637 г. корона обещает картопечатникам покупать постоянно определенное число колод по определенной цене. На колоде ставится королевская печать, и цена повышается. Король думает заработать на этом деле тысяч 5 — 6 в год. Сходную вещь Карл пытался проделать с булавками. Но гораздо многочисленнее монопольные патенты, выданные частным предпринимателям. В 1621 г., под давлением общественного недовольства, Яков должен был принять меры против монополистиков; он отменил, либо ограничил 35 монопольных патентов. В 1630 г. Карл отменил их около 40. Эти патенты часто укрываются под личиной охраны технических усовершенствований и дают немалый доход короне и монополищикам, но, конечно, тяжело ложатся на потребителя, несмотря на все официальные заверения в противном смысле. Хорошим примером может служить мыльная монополия. В 1632 г. учреждена компания для варки мыла по новому способу; компания обязуется вываривать по 4.000 тонн в год, платить короне по 4 ф. с тонны и продавать мыло по 3 пенса фунт. Король запрещает вывоз сала и поташа и предоставляет компании технический надзор за всеми другими мыловарнями. Немедленно поднялись жалобы на корыстные придирки компании при осмотре мыла, на ее намерения разорить своих конкурентов. В обществе сочувствовали старым мыловарям. В новой компании было не мало придворных и католиков; новое мыло звали «панежским». Тайный совет вступился с необыкновенной горячностью за компанию. В Звездной палате было возбуждено дело против мыловаров, продающих неосмотренное компанией мыло. А для расследования нового мыла и посярмления его хулителей назначена торжественная комиссия с лондонским лорд-маром во главе. Комиссия собирается — почтенные ольдермены и городские дамы. Приводят двух прачек, приносят корыта и грязное белье. Одной прачке дают компанейское, другой некомпанейское мыло. Они принимаются за работу. Комиссия терпеливо ждет и осматривает белье. Составляется протокол о том, что компанейское мыло отстирывает лучше, чем другие мыла; к протоколу прилагают руку дамы разного общественного положения, начиная от пересс и кончая прачками. Тайный совет рассылает по мировым циркуляр с восхвалением компанейского мыла. Популярность компании растет. Когда ее агенты являются ревизовать чужое мыло, их встречают насмешками, угрозами, побоями. Но характерно, что после смерти (1635) сановника, покровительствовавшего компании, френдирующие мыловары сами просят о монопольных патентах и сулят давать короне не по 4, а по 8 ф. с тонны. Им отказали, но компанию заставили впредь вносить в казну по 8 ф. с тонны. Два года спустя старые мыловары купили у компании патент за 43.000 ф. и заняли ее место. Они очень скоро забыли о своих протестах против тирании моно-

польщиков и ревностно искореняют всякое «неразрешенное» мыло. Дух монополии был силен в самом обществе, довольно легко смотревшем на рост казенного вмешательства в народное хозяйство.

Подобно монополиям, правительственный надзор над техникой производства унаследован Стюартами от Тюдоров, отчасти даже от поры «городского» хозяйства. Но в то время как при Тюдорах органами инспекции являются по преимуществу привилегированные гильдии и компании, при Стюартах инспекция облекается бюрократическим налетом. До Карла I за окраской шелка следила лондонская компания красильщиков, которые сквозь пальцы смотрели на подвохи своих коллег; Карл учреждает казенное присутствие для осмотра крашеного шелка. Появляются инспектора крахмала, свинца, железного дела. В 1616 король жалуется на плутни углепромышленников, подмешивающих песок и землю. В Ньюкастле, средоточии угольного вывоза, учреждается правительственная инспекция. На каждом угольном мешке должна стоять печать инспектора.

Правительство внимательно наблюдает за успехами машинной техники, поощряет полезные новшества, пресекает вредные. Оно верно традиционному консерватизму. Ему кажутся опасными крупные технические перемены, сопряженные с замещением больших количеств труда. В 1623 г. король запрещает медные пряжки, потому что они изготавливаются вдесятеро скорее железных.

Но и на этом не останавливается правительственное вмешательство. Государственная власть желает определять не только технику, но и социальную структуру индустриального мира. Отношения хозяина к работнику в большой степени подлежат казенному воздействию. К Стюартам перешло по наследству трудовое законодательство Елизаветы, статуты 5 и 39 года, которые желали поставить работника в сильную зависимость и от нанимателя и от правительства. На всех людей, не могущих прожить своим доходом, наложена обязанность идти в наем. Сельские рабочие *de facto* наследственно прикреплены к деревне, ибо деревенские дети могут учиться городскому ремеслу только тогда, если у отца имеется 10 ф. земельного дохода или 40 ф. движимости. Для очень большого числа ремесел вводится годовой срок найма. Нанявшийся может передвигаться лишь с письменным разрешением от хозяина; ищущий работы — лишь с письменным разрешением местных властей. Стесняют и хозяев. Суконщик, сапожник, портной должны держать одного подмастерья на 3 учеников, еще по подмастерью на каждого добавочного ученика. Заработная плата устанавливается на год местными мировыми. До 39 года расценка мировых утверждается центральным правительством, после 39 г. вступает в силу без всякого

утверждения. Для всех ремесел вводится семилетнее ученичество. За выдачу и получку заработной платы, превышающей казенную расценку, полагается уголовная кара.

Если это законодательство применялось, то оно должно было оказать огромное влияние на судьбу рабочих. К сожалению, все еще остается неленым, в какой мере и до каких пор оно применялось. С. Роджерс видел в статутах водораздел английской истории. Он ведет от них принижение английского рабочего, он верит в вековой заговор имущих против пролетариата. Герои политической борьбы XVII в. теряют для него большую долю своей привлекательности, потому что в качестве мировых и хозяев они были злейшими врагами рабочего. Последнему не нашлось места в великой политической драме XVII в., ибо с ней совпало его порабощение людьми, чей интерес состоял в непрерывном сокращении его заработной платы. Английская история от Елизаветы до Виктории представляется ему долгим царством классового эгоизма, почти непрерывной чередой страданий трудового большинства. Он верит в то, что статуты примсыались неуклонно, повсеместно, непрерывно. Он сопоставляет движение заработной платы с движением цен и с ударением указывает на то, что между десятилетием Армады и десятилетием Долгого парламента цена пшеницы возросла больше чем вдвое, а цена труда не поднялась и в 1½ раза. И он приписывает обеднение и принижение рабочего влиянию елизаветинского законодательства.

Слабая обоснованность прямолинейного утверждения видна уже из того, что у елизаветинского законодательства находятся и ученые апологеты. Консервативный священник Кеннингам видит в статутах не обнаружение классовых вождедений, а торжество государственного интереса и осуществление меркантильной политики. Законодатель стремится к подъему производительных сил, торговой и военной мощи народа и потому подчиняет индустрию правительственной регламентации. Он относится к рабочим не враждебно, а дружественно. Он заставляет их работать, чтобы поднять их благосостояние; вводит годовой наем, чтобы избавить их от безработицы; требует семилетней выучки, чтобы поднять промышленную технику; стесняет их свободу передвижения, чтобы приучить их к дисциплине. Наконец, Кеннингам прямо приписывает статутам намерение поднять, а не понизить заработную плату, ссылаясь на их сегования по поводу несоответствия между старыми статутными окладами заработной платы и действительными ценами на жизненные припасы. Кеннингам, опираясь на специальные работы, подвергает сомнению и утверждение Роджерса о систематическом применении статутов в XVII в. И здесь лежит существо вопроса по отношению к XVII в.

В настоящее время мы действительно располагаем слишком малым числом правительственных расценок заработной платы, чтобы говорить о могущественном воздействии законодательства на жизнь рабочего. Приходится согласиться и с тем, что отдельные законодательные и административные меры имели в виду охрану рабочего. В начале XVII в. оказалось, что некоторые «суконщики» в качестве мировых устанавливают заработную плату для собственных ткачей; статут 1 г. Якова 1 устранил суконщиков от работы в мировой комиссии при обсуждении заработной платы. Тот же статут воспретил хозяевам платить меньше казенной расценки под угрозой штрафа в 10 ш. в пользу обиженного рабочего. При Карле I в годы недорода и высоких хлебных цен Тайный совет видит в применении рабочих статутов средство поднять заработную плату. Летом 1629 г. Тайный совет пишет мировым Эссекса об их обязанности настоять на том, чтобы суконщики не смели платить ткачам меньше казенной расценки. Осенью голодного 1630 года. Тайный совет напоминает мировым о необходимости применять статуты о заработной плате, чтобы защитить бедняка в тяжелую минуту дороговизны. Но и после всех этих оговорок приходится признать, что время двух первых Стюартов было тяжелой, постной порой в истории английских рабочих и что социальная политика английской абсолютной монархии не отличалась и не могла отличаться последовательным демократизмом. Реальная заработная плата при Якове и Карле стояла ниже, чем при Елизавете, хотя и елизаветинскую заработную плату нельзя назвать высокой. Каждый недород ставил семью человека, жившего личным трудом, лицом к лицу с опасностью острой нужды, прямого недоедания. Вот Шеффилд, центр ножевого дела. По переписи 1615 г. там 2.200 человек населения. $\frac{1}{3}$ населения не может обойтись без благотворительной помощи, но только 100 семейств в состоянии помогать другим. Остальные еле сводят концы с концами, и первая катастрофа — болезнь, безработица — может перевести их в ряды призреваемых.

Но тягость положения не исчерпывается низким уровнем заработной платы. Трудовые статуты урезывали правоспособность рабочего, отрицали его право на стачку, стесняли его свободу передвижения и в значительной мере отдавали его судьбу во власть представителей класса, интересы которого часто совершенно расходились с интересами рабочих. Как ни скуден обследованный доселе материал, мы натываемся в нем на случаи правительственной борьбы против рабочих, а не в их защиту. В годы сильного неурожая центральное правительство естественно тревожится призраком острой нужды и напоминает местным властям о законодательной борьбе с голодом. Но в спокойное время жало статутарной репрессии в руках мировых, которые выходят из среды хозяев,

легко может обратиться против рабочего. В протоколах четвертных сессий одного северного графства (Йоркшир, Северный Округ — North Riding), при Якове I нередко встречаются судебные преследования рабочих, отказавшихся работать по казенной расценке, и хозяев, изменяющих своему классу и дающих чрезмерную заработную плату. В общем пора первых Стюартов представляет темную страницу в истории рабочего класса.

Социального демократизма искали в политике Стюартов в деле общественного призрения. Рабочее законодательство XVI и XVII в.в. теснейшим образом связано с законами о бродягах и бедных. Налагая на всех, способных к труду, обязанность трудиться, законодатель исходит из представления, что работы хватает на всех и что праздность есть проявление злой воли, с которой должно бороться суровыми уголовными карами. Нечего и говорить о том, что бродягой, негодяем, сильным нищим, по статутам Елизаветы, объявляется всякий бедняк, отказывающийся работать за установленную властями плату. Статуты XVI в. причисляют к бродягам всякого, кто в известный срок не нашел себе работы, каковы бы ни были причины праздности. Статут 27 г. Генриха VIII разрешает рабочему передвигаться только с аттестатами от хозяина; но и с аттестатом он может бродить только месяц в поисках нового места, после этого он бродяга. Только по статуту 14 г. Елизаветы, льготный срок для прискапания работы увеличен до 6 месяцев. А положение бродяги очень опасное. По статуту 39 г. Елизаветы его жестоко порют и высылают на родину, при рецидиве высылают на континент и при самовольном возвращении в Англию убивают. При Якове его положение даже ухудшается. По статуту 1 г. Якова мировым предписано клеймить плечо бродяг меткой R (rogue), прежде чем высылать его на родину, и убивать клейменного в первый же раз, как он будет уличен в бродяжничестве.

Но нужно отдать справедливость правительству Елизаветы и первых Стюартов. Требуя от всех бедных работы, оно начинает принимать меры к тому, чтобы найти работу для безработных и облегчить положение бедного люда в наиболее трудные годы. Учреждения и законы в этом смысле были намечены еще при Елизавете; при Якове и Карле сделана попытка их осуществления. Хвалители английского абсолютизма придают огромное значение правительственной опеке над пролетариатом, считают возможным говорить о государственном социализме Стюартов, о широкой защите бедняков, готовы объяснять спокойный ход английской социальной истории утверждением системы государственного призрения, расцветом которой является как раз время Карла I. Еще при Елизавете призрение бедных и организация общественных работ объявлены одной из главных задач местного самоуправления, установлено принуди-

тельное обложение на благотворительные цели. Приходские власти — церковные старосты и смотрители бедных — должны собирать налог на бедных, заводить богадельни, отдавать бедных детей в ученики, закупать сырье и раздавать его безработным, а уклоняющихся от труда направлять в междуприходские работные исправительные дома. На мировых возложен контроль над деятельностью приходских властей. При чрезвычайных обстоятельствах уже при Елизавете принимаются дополнительные меры. Например, в годы недорода мировым предписывается производить хлебные переписи, мешать скупке зерна, по нужде вводить таксу на хлеб. В практике Стюартов новы не самые меры, а энергичная попытка осуществить старые меры.

Центральное правительство вступает в сношения с местными властями, подчиняет их своему контролю, старается направить их работу по одному плану. Правительство пользуется выездными судьями для надзора над мировыми. Самостоятельность местной администрации терпит существенный ущерб. Корона обнаруживает намерение обратить мировых в своих послушных агентов, внести в местную жизнь черты иерархического подчинения. В 30-х гг. встречаются случаи отстранения мировых от должности за неисполнение светских инструкций об общественном призрении. «Книга наказов» (1630 г.) Тайного совета требует, чтобы в каждом графстве мировые собирались ежемесячно, вызывали к себе приходскую администрацию, проверяли все ее отчеты и каждые 3 месяца делали доклады о своей деятельности по общественному призрению выездным судьям. Судья знакомится с отчетами, делает свои заключения мировым и отправляет отчеты в Лондон, «королевским комиссарам о бедных». В центре мечтают установить связь с каждым отдельным приходом. И правительство добилось значительного успеха. От 30-х гг. дошло очень много отчетов, посланных мировыми выездным судьям и Тайному совету. Во многих местах мировые действительно собираются каждый месяц и отводят большую долю своих заседаний контролю приходского призрения. Наиболее любопытной чертой последнего является организация общественных работ. Во многих приходах доля благотворительного налога идет на закупку сырья — льна, конопли, шерсти. Частью сырье раздается безработным на дом, при чем приходская администрация берет на себя сбыт фабриката. А строптивых бедняков направляют в исправительные дома и подчиняют суровому режиму. При этих домах есть и детские отделения; уличные ребята учатся там прясть и вязать под указку «вязальной дамы». Других бедных детей отдают в мастерство и не затрудняются силой отбирать их у родителей. В Дорсетширском округе Бландфорд (Blandford) в два года отдали 119 ребят. Когда совсем некуда деваться с бродягами и бедными,

их пробуют сплавить за океан. В 1617 г. отправили первую партию детей и взрослых в Виргинию, где они «по обычаю страны» становились долгосрочными крепостными рабочими; немного позже их стали отправлять и на Барбадос (Вест-Индия), где их положение было еще хуже.

Конечно, стюартовская система общественного призрения очень далека от государственного социализма. Трудно уловить в ней и демократические тенденции, о которых говорят ее поклонники. Английский бедняк начала XVII в. действительно не предоставлен самому себе. Попсчительный взор начальства настигает его и на большой дороге, и в убогой лачуге, и в исправительном заведении. Ему действительно не дают умереть с голода и холода; ему помогают даже тогда, когда он теряет рабочую силу и становится тяжелой обузой для окружающих. Но можно ли говорить о демократизме государственных деятелей, которые в самых благотворительных заботах проявляют полное пренебрежение к личности бедняка, которые без всякого колебания распорядятся им по своему усмотрению и грозят беспощадными карами за всякую попытку вольной, бродячей жизни? Тем более, что под флагом приходского человеколюбия, под личиной прядильных классов, раздачи сырья и сдачи в ученики могла таиться лицемерная эксплуатация подневольного и голодного труда. И все-таки приходится удивляться широте правительственных притязаний. Государственная власть считает себя ответственной за благосостояние всех подданных, управомоченной к решительному вмешательству в повседневную жизнь самых глухих углов страны. Правительственные дельцы полны верой в могущество государственной опеки, и только горький опыт учит их известной умеренности. В 1621 г. сбор хлеба был очень плохой, и к неурожаю присоединилась замишка в суконном деле. Тайный совет сейчас же торопится поправить беду. В феврале 1622 г. мировые десяти графств, в которых было сосредоточено суконное производство, получили сверху циркуляр с начальническими опасениями насчет безработицы и крамолы. Пусть суконщики не рассчитывают своих рабочих без разрешения Тайного совета или мировых. И пусть мировые дают такое разрешение только в случае крайней необходимости. Но и тогда пусть соберут деньги с местного населения путем принудительного обложения, пусть купят сырья и дадут безработным. И мировые должны были разъяснять начальству серьезность беды и правительственное бессилие: в одном только графстве у суконщиков лежит на 40.000 ф. ст. непроданного товара да от банкротства они потеряли почти столько же.

В 1614 г. правительство решает покончить с невыгодным порядком, при котором сукно вывозится из Англии некрашеное и неотделанное. Компания «Авантюристов», в руках которой была моно-

полю суконного вывоза, тщетно восставала против крутого изменения условий вывоза и указывала на опасность правительственной политики. Правительство запрещает вывозить некрашеное и неотделанное сукно, отнимает патент у «Авантюристов» и передает монополию новой компании подлинных авантюристов, которые смело берутся перевернуть производство. Голландцы отказываются покупать сукно. Суконной промышленности грозит кризис. Множество придильщиков и ткачей остается без работы. Новая компания скоро начинает молить о разрешении вывозить сукно на старых основаниях. Правительство упрямо стоит на своем. Сановники-юристы придумывают способы выйти из беды. Бекон советует королю приказать, чтобы во всякую шелковую ткань подмешивали шерсть. Sir J. Caesar еще храбрее. Пусть новая компания скупает все вырабатываемое сукно, а в случае отказа пусть Звездная палата штрафует строптивых, и на штрафные деньги сама скупает сукно. Пусть все придворные одеваются в сукно. Пусть каждый лондонец, обладающий капиталом в 10.000 ф., купит сукна на 1.000 ф., а если он оптовый торговец сукном, то на 5.000 ф. И только когда новая компания сама отказалась от своего патента, когда кризис принял очень острые размеры, правительство сообразило, что оно зашло в тупик и восстановило старую компанию. По широте своих притязаний, по всесторонности своего вмешательства в народную жизнь деятели английского абсолютизма едва ли уступают позднейшим континентальным насадителям того же государственного типа. Назвать Англию Карлова беспарламентского правления полицейским государством мешает лишь то, что корона не успела создать себе правительственной администрации бюрократического склада. Корона была уже на пути и к этой цели, но раньше, чем она ее достигла, революция испровергла весь этот политический порядок.

V. Английское государство в начале XVII века.

Административный механизм. — Центральные учреждения. — Хаос. Взятничество. — Государственное хозяйство. — Налоговая политика. — Военное дело. — Флот. — Юстиция. — Судейская оппозиция.

Чтобы осуществлять свои очень широкие притязания, Стюарты нуждаются в сложном административном механизме. Унаследованные от Тюдоров административные учреждения остаются все в силе, отчасти расширяют свой персонал и работают даже энергичнее прежнего. Если при Тюдорах успехи абсолютизма подвергают опасности общее право, то при Стюартах колеблются также основы местной свободы. Сношения правительства с руководителями провинциальной жизни, с мировыми судьями становятся теснее, постоянное, и в них вкрадывается новая черта. Центральное правительство много больше прежнего склонно видеть в них подчиненные органы, отдавать им приказания, требовать с них строгого отчета. Естественно, что при Стюартах не только не исчезают, но даже крепнут те возникшие при Тюдорах учреждения, которые представляют попытку перенести бюрократическую организацию из центра в провинцию. Благодаря окраинным советам, руки у правительства делаются длиннее и легче достают до четвертой сессии, до приходских старост и смотрителей. При Якове получает новую инструкцию и Северный и Уэльшский совет. В инструкции Северному совету одной из главных его функций объявляется надзор за мировыми, которых совет может подвергать штрафам и другим карам, а в важных случаях надо докладывать дело Тайному совету. Полномочия обоих советов определяются очень широко. Когда президентом Северного совета стал Уэнтворт (Wentworth) в 1631 г. после своего разрыва с оппозицией, то он хлопочет о дальнейшем расширении прав совета, о предоставлении ему во всей широте той компетенции, которая принадлежала Звездной палате по отношению ко всему государству. И в то же время члены совета — королевские люди, чиновники. Они назначаются и смещаются короной, получают жалованье и едят королевский хлеб, находятся в иерархическом подчинении у Тайного совета.

С большим усложнением правительственных задач елизаветинский состав главного центрального учреждения, Тайного совета, оказывается недостаточным. Еще в 1598 г. в Тайном совете было всего 12 членов. В 20-х и 30-х г.г. XVII века число тайных советников простирается от 30 до 40. Дел набирается так много, что невозможно вершить все их в общем присутствии. Намечаются отделы, и к началу революции получают довольно определенную организацию. Конечно, это не теперешние министерства. Некоторые тайные советники заседают одновременно в разных «комитетах» совета. И все-таки наблюдается несомненная специализация советской деятельности, особенно при Карле I. С 1625 г. заметен тесный комитет по иностранным делам, всего из 5—6 человек, к которому впервые прилагают кличку *junio*, впоследствии столь популярную в английской политической истории. Есть комитет по делам торговли и промышленности, на заседаниях которого часто присутствует сам король. Есть комитет колониальный, артиллерийский, ирландский, шотландский. Когда в конце 30-х годов шотландские дела приобрели особую важность, то образовался второй шотландский комитет, очень тесный. Тайнственность его совещаний очень интриговала круги; его звали за секретность *Cabinet council*, кажется, к нему впервые прилагают это знаменитое имя. «Кабинет» играл первую роль в критических событиях 39 и 40 года. Он решил созвать парламент; в нем на заседании 5 мая 1640 г. Страффорд говорил о необходимости воспользоваться ирландской армией для обуздания крамолы, а Вен-отец записал эти роковые слова. Роль комитетов вовсе не ограничивается подготовкой дел к общим собраниям, многие вопросы комитет уже решает самостоятельно.

Обозревая всю совокупность административных учреждений периода, некоторые историки (напр., Кеннингам) с большой похвалой отзываются о стройной организации и планомерной, напряженной деятельности стюартовской монархии. К этой оценке нельзя присоединиться. В системе центральных учреждений нет единства. Некоторые учреждения соперничают друг с другом и руководятся в своем соперничестве различными правовыми нормами. Общее право борется со справедливостью. Юристы, работающие в «Общих Тяжбах» или «Королевской Скамье», с большой неприязнью глядят на энергичную работу Звездной палаты, Палаты прошений, Высокой комиссии. Финансовое управление, правда, отличается большим единством, нежели при Тюдорах. Но государственному хозяйству все еще далеко до единства бюджета. Монопольщики могут входить в непосредственные сношения с королем и уплачивать ему свои взятки-налоги, помимо казначейства. Опекунские доходы короля, доходы с имущества сирот, поступающих под опеку короля, все еще выделены

в особое управление. Наряду с коллегиальными присутствиями работает единоличный государственный секретарь, который ведет дипломатические сношения, заведует колониями, печется о торговле и промышленности. При Стюартах иногда уже есть два секретаря.

Можно было бы думать, что объединительной силой являлся Тайный совет и что он сглаживал противоречия системы, держал в своих руках все нити управления. Но и при Елизавете и при Стюартах Тайный совет далеко не всегда руководил «высокой» политикой. Уже Елизавета имела привычку решать самые важные дела, «запершись сам-третей у постели», и только уведомляла совет о принятом решении. При Сомерсете и Бекингаме сходный порядок выразился еще резче. В Тайном совете заседают люди разнообразных взглядов и, если от этого не возникает очень большой разногласности, то только потому, что основные направления правительственной политики создаются не в пленарных заседаниях совета, а в очень тесном кругу наиболее близких советников. При Якове и Карле многие тайные советники знают о дипломатических переговорах короны или, по крайней мере, о подлинных целях королевской политики немногим больше «человека с улицы». Напр., в 1634 г. Карл ведет двойную игру. Напоказ народу и совету он выставляет себя борцом за европейский протестантизм и в то же время тайком от народа и от совета ведет с главной католической державой, Испанией, переговоры о тесном наступательном союзе против главного протестантского государства, Нидерландов. В парламенте 1625 г. раздаются многочисленные жалобы на «монополизацию совета и власти» всемогущим фаворитом. Даже мягкий критик правительства, Рич, выражает пожелание, чтобы война не велась безответственными людьми и подвергалась всестороннему обсуждению в Тайном совете. К заседающему в палате члену военного совета, Манселю, обращаются с рядом запросов о том, что делается в военном совете. В конце концов Мансель не выдержал и заявил, что вот уже несколько месяцев он не был на заседаниях совета и что являться туда бесполезно, потому что совет все равно заставляют соглашаться с решениями Бекингама, хотя бы многие советники находили их бесполезными или даже пагубными для страны. А Яков даже не считает нужным скрывать от совета свою близость к фавориту, в интимных беседах с которым решаются важнейшие дела. По сообщению испанского посла, в 1617 г. король будто бы заявил совету бесперемонно и кощунственно: «Я не бог и не ангел; я человек, как все. Вы можете быть уверены, что я люблю Бекингама больше, чем кого бы то ни было другого, больше, чем вас, собравшихся здесь. Я не вижу здесь недостатка: Христос делал то же самое. У него был свой Иоани,

а у меня есть свой Джордж». При таком положении советники, стоявшие близко к королю, позволяли себе относиться пренебрежительно к менее счастливым товарищам. Наместник Ирландии, знаменитый Уентуерс, пишет в 1634 г. лорду-казначейю об очень важных делах и не получает никакого ответа. Наместник жалуется архиепископу Лоду. Лод в негодовании сообщает королю о небрежности казначея. Но благоволивший к казначейю король пропускает жалобу мимо ушей.

Многие высшие бюрократы смотрят на государственную службу как на источник обогащения. За некоторые должности аспиранты готовы заплатить королю большие суммы, ибо видят в такой покупке выгодное помещение капитала. В 1620 г. судья Монтегью предлагает короне 10.000 ф. ст. за вакантную должность лорда казначея. Король требует вдвое больше, и судья дает, тем более, что за те же деньги он стал виконтом МанDEVИЛЕМ. За несколько лет перед тем давали 10.000 ф. ст. за места генерал-аттёрни. А незадолго до созыва Долгого парламента корона чуть не с аукциона продает юристам видную должность «хранителя столбцов» (Master of the rolls); ее получил sir Ch. Caesar, который дал 15.000 ф. Сановники той поры вовсе не совестятся брать такие подарки, которые в наши дни легко могут быть сочтены за взятку. Лица и учреждения, обращающиеся с ходатайством в правительственные учреждения, сплошь и рядом делают подарки в качестве благодарности за возможный или уже достигнутый успех. Нередко подарки делаются совершенно открыто. В 1619 г. был заключен торговый договор с голландцами, представлявший большую важность для английской Ост-Индской компании. Компания публично дарит дорогую посуду заключившему договор дипломату Дигби. А другой дипломат Карльтон, участвовавший в переговорах, но не получивший подарка, так же публично жалуется на скардность компании, пожалевшей истратить несколько сот фунтов, чтобы отблагодарить своего благодетеля. Все знают о безгрешных доходах, и все относятся к ним благодушно. При Якове у лорда Манчестера спросили о доходах по его должности (лорд-казначей). Манчестер отвечал: «Несколько тысяч у того, кто хочет попасть в рай, вдвое больше у того, кто согласен пойти в чистилище, и никто не знает, сколько у того, кто не боится очутиться в худшем месте». Обильным источником доходов были трактирщики. При Тюдорах разрешение на открытие виноторговли выдавалось мировыми. При Якове право выдавать разрешение передано трем комиссарам, которые не замедлили использовать свои полномочия. За деньги разрешение выдается самому подозрительному человеку. Трактирщик, несогласный на взятку, подвергается придирчивому судебному преследованию. В парламенте 1621 г. Кок жаловался, что жадные

комиссары возбудили сутяжническое преследование более чем против 3.000 трактирщиков.

И несмотря на то, что общественное мнение вовсе не отличалось чрезмерной щепетильностью в суждениях о бюджете сановников, многие правительственные дельцы стяжали себе очень дурную репутацию. В 30-х годах при дворе королевы открыто говорят, что за 20.000 ф. можно купить весь Тайный совет, за исключением Лода. Судебные процессы взяточников и казнокрадов крупного размера — довольно обычное явление при Якове и Карле. В памяти потомства всего яснее остался процесс Бекона. По его нельзя рассматривать изолированно, если мы хотим быть справедливы к философу. Дело Бекона вовсе не худшее из взяточнических процессов предреволюционного периода. Оно, конечно, очень характерно, поскольку показывает, что в судебных кругах слагались те же нравы, что и в среде стюартовских администраторов. Люди, имеющие надобность в лорде-канцлере, готовы «благодарить» его точно так же, как люди, имеющие надобность в казначействе, готовы благодарить лорда-казначая. Бекон признался, что неоднократно брал подарки с лиц, обращавшихся в канцлерский суд; он только уверял, что соглашался принимать подарок лишь после того, как составлял себе определенный взгляд на предмет спора, что припомнение было не подкупом судьи, а благодарностью выигравшей стороны за правое решение, потребовавшее от судьи значительной работы. Характерным образом судьи Бекона не отрицали за канцлером права принимать небольшие подарки по окончании дела; Бекону ставили в вину, что он брал слишком большие подарки и брал их до окончания дела. И, несомненно, среди людей, дававших деньги канцлеру, некоторые хотели подкупить, а не поблагодарить: они наивно жалуются, что Бекон подарок взял, а решил дело против них. По иронии судьбы, всего за 2 года до своего процесса Бекону пришлось судить (1619 г.) одного крупного взяточника, лорда-казначая Сёффока и его жену, которая была много бесцеремоннее мужа. Защитник ссылался на постановление римско-византийского права, по которому судья может принимать хепиа. Хепиа может значить новогодний подарок, и Бекон шутливо заметил, что новогодних подарков нельзя принимать круглый год. Но дело Сёффока было хуже беконовского. Поборы лорда-казначая и его жены наносили прямой ущерб государственным интересам. На суде между прочим раскрылось, что ирландский казначей должен был давать взятку Сёффоку, чтобы получить с него деньги, необходимые для содержания королевской администрации в Ирландии.

Однако и дело Сёффока не самое плохое. Наиболее темные стороны режима обнаруживаются в одном процессе 1635 г., где был замешан недруг Элиота, Джеймс Багг. У одного простоватого

джентльмена, А. Пелля, были большие претензии к казне, тысяч на шесть; но ему никак не удавалось получить своих денег. Багг вызвался быть посредником между ним и лордом-казначеем и выманил с одураченного Пелля 2.500 ф. будто бы для передачи казначею; Пелль все-таки не получает своих денег и, потеряв терпение, обвиняет Багга в Звездной палате в том, что он не передал взятки казначею, а присвоил ее себе. Казначей Портланд умер, и пресмыкавшийся пред ним при жизни Багг заверяет, что он передал взятку по назначению. Быть может, еще характернее прения в палате. У Багга оказалось много защитников. Они находили, что придворный имеет полное право брать деньги за посредничество между просителем и сановником. Государственный секретарь Уиндбанк выступил с доктриной о безответственности высшей бюрократии. Нельзя давать ходу обвинениям против сановников; такие обвинения сеют смуту и даже в случае своей справедливости приносят гораздо более вреда, чем пользы. За Багга высказалась половина судей, и он был осужден только голосом председателя. Но благоволивший к Баггу король воспретил приводить приговор в исполнение и подчеркнул свою солидарность с новыми притязаниями своей бюрократии.

Уже наличие подобных нравов в высших правительственных кругах мешала упорядочению государственного хозяйства. При взаимных столкновениях сановникам Карла случается бросать друг другу в лицо упрёки в прямом казнокрадстве. В 1634 г. товарищи обвиняют лорда-казначея (Портланда) в Тайном совете в продаже казенных лесов по убыточно дешевой цене подставным людям, которые на деле — простые агенты лорда-казначея.

Но и помимо свободного обращения правительственных дельцов с казенным сундуком были условия, мешавшие финансам прийти в устойчивое равновесие. Елизавета оставила государственное хозяйство в довольно запутанном состоянии. В свои последние годы она распродала много коронных земель, и все-таки Яков получил по наследству долг в 400.000 ф., который он в 3 года почти удваивает, а в 5 лет почти утраивает. Парламент редко дает субсидию двум первым Стюартам и дает их в старом размере, несмотря на обесценение денег. Малой эластичностью отличается доход и с коронных земель. Правительство вынуждено искать новых источников дохода и ищет их в разнообразных направлениях. Продают перию, продают доходные должности, продают баронетство (в 1611—1614 г.г. выручили 92.000 ф.), продают монополии. При Карле берут штраф с богатых людей, которые уклоняются от покупки рыцарского звания; в 1630—1631 г.г. таких штрафов набрали 115.000 ф. Заводят государственные промышленные предприятия, напр., разработку залежей квасцов. При

отсутствии постоянных прямых податей косвенные налоги, особенно таможенные, приобретают для короны особенную важность; споры времени Якова о праве короны вводить таможенные пошлины составляют видную главу не только в конституционной, но и в финансовой истории страны. И когда в знаменитом деле Бета в 1606 г. судьи признали за короной право устанавливать новые пошлины, правительство поспешило использовать свое право и ввело новые пошлины, от которых рассчитывало получить около 70.000 ф. С ростом внешней торговли сильно растет и таможенный доход. «Большие пошлины» в 1603 г. дали 85.000 ф., в 1617 г. — 140.000 ф. Таможенные доходы при Якове и Карле составляют больше $\frac{1}{2}$ «обыкновенного» дохода короны. В трудные минуты прибегают к патриотическим пожертвованиям (benevolences). По кошельки раскрываются туго. В 1614 г. прием даяний устроен на широкую ногу; к патриотизму призывают лорды-лейтенанты, шерифы, мировые судьи, выездные судьи. И все-таки собрали немного, в 2 года около 65.000 ф., а в некоторых графствах подаются даже протесты против будто бы неконституционного сбора. Столь же неудачны оказались сходные сборы в 1620 и 1622 г.г.: в 1622 г. рассчитывали собрать 200.000 ф., а собрали 88.000 ф. Когда финансовая нужда очень велика, приходится распродавать коронное имущество. В 1613 г. продают казенных лесов на 65.000 ф., в 1627 г. — казенных земель на 143.000 ф., в 1626 г. распродают даже большое количество королевской посуды. Но, конечно, часто думают о займе. Занимают у кого только возможно. Перехватывают у перов; в 1614 г. взяли у лорда Гаррингтона 30.000 ф., но расплатиться не смогли и должны были отдать Гаррингтону патент на монопольную чеканку медной монеты. Обращаются к иностранным капиталистам, напр., в 1626 г. просят денег в Амстердаме под залог коронных бриллиантов, но там не верят в то, что заложенные вещи будут выкуплены к сроку. Успешнее бывали обращения к денежным мешкам Лондона, хотя и там упираются и требуют обеспечения; напр., в 1627 г. дали 120.000 ф. только под ренты с коронных земель. В 1626 и 1627 г.г. прибегают к принудительному займу. Здесь уже можно видеть подготовку ко взиманию чрезвычайных прямых налогов без согласия парламента. Денег требуют со всех плательщиков парламентской субсидии и по той раскладке, по которой уплачивалась субсидия. Заем собирают с большой энергией; но действия правительства вызвали сильное противодействие, повели к ряду громких процессов, волновавших общество, и только после большого напряжения правительству к июлю 1627 г. удалось выколотить из населения около 240.000 ф. Финансовые эксперименты заканчиваются знаменитой попыткой ввести прямой налог в более откровенной форме корабельных денег.

В 1634 г. корона собрала около 100.000 ф. с приморских графств. В 1635 г. корона впервые требует со всей территории на снаряжение флота около 200.000 ф. и предписывает местным властям произвести новую раскладку. В 1636 г. корона выступает с повторным требованием той же суммы (около 200.000 ф.). Налог из чрезвычайного угрожал стать постоянным. Заметная уже в 1634 г., усилившаяся в 1635 г., оппозиция в 1636 г. стала упорной и очень распространенной. Правительство одолело оппозицию. В знаменитом процессе Гемпдена большинство судей оказалось на стороне короны (конец 1637—1638 г.), и правительство настойчиво собирает недоимку. Но очень скоро после своего торжества оно теряет почву под ногами и уже в 1639 г. требует всего $\frac{1}{3}$ прежнего оклада корабельных денег. И этот пониженный оклад поступает чрезвычайно туго. Правительство выпускает из своих рук налоговой щит еще до столкновения с Долгим парламентом.

Я думаю, что уже этот короткий перечень источников государственного дохода ясно говорит о беспорядочности хозяйства. Доходы подвержены большим и серьезным колебаниям. Наряду с обыкновенными доходами, в поступлении которых заметна большая правильность, есть доходы чрезвычайные, в движении которых господствует случай. В своем чрезвычайном бюджете правительство живет изо дня в день, *from hand to mouth*; по мере того как возникает неустрашимая финансовая нужда, придумывает разнообразные и переходящие источники ее удовлетворения — созовет парламент и выпросит субсидию, сберет принудительный заем, устроит подписку, продаст, что только возможно продать. Но не это одно мешает составить ясное представление о бюджете Якова и Карла. Доходы отдельных лет часто переплетаются друг с другом. Правительство сплошь и рядом прибегает к «антиципациям», старается реализовать свои будущие доходы для покрытия текущих расходов, закладывает или сдает на откуп свои земельные ренты или свои таможенные пошлины и после этого может получать их в сильно пониженном размере, отчего, конечно, исчезает правильность и в обыкновенном бюджете. Сходные явления наблюдаются и в расходной половине бюджета. В годы войны расходы могут вздуться чуть не вдвое. Текущие поступления могут идти на уплату старых долгов. Государственный долг не консолидирован, может быстро расти и быстро сокращаться. С 400.000 ф. в 1603 г. долг вырос до миллиона в 1608 г., сократился до 300.000 ф. в 1610 г., поднялся до 700.000 ф. в 1617 г. и до 1.200.000 ф. в 1635 г. Специалисты считают почти безнадежной задачей установление годовых бюджетов предреволюционного периода. Правительство, которое хотело так полновластно и всесторонне вмеша-

ваться в народную жизнь, не смогло установить надлежащего порядка в своем собственном обиходе и счетоводстве, не смогло добиться и равновесия между доходами и расходами. Корова часто переживает минуты острого безденежья и не один раз задерживает жалованье у своих солдат, матросов, дипломатических агентов. Правительство тратит очень немного на «культурные» нужды. Чрезвычайные поступления уходят на военные операции, но большей части очень неудачные. В мирную пору тратят всего больше на содержание двора и усложняющегося бюрократического механизма. Едва ли у нас есть основания говорить о большой тяжести налогов при первых Стюартах. Беспорядочность финансов еще не доказывает разорительности податного тягла для народного хозяйства. Сильно колеблющийся по годам бюджет в среднем растет не очень быстро, особенно, если принять во внимание общий подъем цен. Стюартовский режим пал не потому, что сопряженные с ним податные жертвы оказались непосильны для народного кармана и довели страну до экономического кризиса.

Как объяснить сравнительную дешевизну очень притязательного и властолюбивого абсолютистического порядка? Больше всего приходится указывать на две особенности английской жизни начала XVII в. Местное управление почти ничего не стоит казне. Центральное правительство стремится подчинить себе мэров, мировых, благотворительных смотрителей, но не желает платить им, оставляет в силе начало почетной, даровой службы. А потом государство тратит сравнительно немного на военное дело. Эпоха абсолютизма в английской истории не была расцветом милитаризма. Наоборот, современем первых Стюартов связан большой упадок армии и флота. Военная оборона острова, как и при Тюдорах, лежала на милиции, всенародном ополчении. Но профессиональную подготовку получали не все взрослые мужчины, а только отобранные лордами - лейтенантами для выучки (trained bands). В год Армады подготовленных милиционеров считали около 130.000, в последние годы Якова — около 160.000. При Елизавете они вооружены очень пестро и отчасти очень архаично — копьями, топорами, луками, огнестрельным оружием двух родов. При Якове вооружение стало однообразнее и совершеннее: остались только мушкетеры и копейщики. Но толку из этого вышло мало, потому что милиционеры попрежнему получают очень жалкую подготовку. Их собирают только в летние месяцы, раз в месяц на один день, но они служат «больше Бахусу, чем Марсу», легко разбредаются по кабакам. В лучшем случае день уходит на осмотр оружия, военную гимнастику и маршировку. Стрелять почти совсем не учатся, очень часто просто потому, что нет пороха: местное население не считает нужным отпустить деньги на это дорогое удовольствие. Сколько-нибудь обученная милиция есть

только в Лондоне; в 1614 г. ее насчитывали 6.000. В гражданскую войну она стала за парламент. Свои континентальные войны Яков и Карл ведут то с отрядами из добровольцев, то с отрядами из рекрутов (*pressed men*). Рекруты в значительной мере состоят из общественных подонков. Положение осталось таким, каким было при Елизавете, когда Рич пишет (в 1587 г): «Когда у нас в Англии нужно собрать армию, мы облегчаем тюрьмы от воров, освобождаем трактиры и кабаки от пропойц и безобразников, очищаем город и деревню от бродяг и мошенников». Эти подневольные воины и сами по себе плохо поддаются дисциплине, и за ними вдобавок плохо смотрят. В начале 1627 г. в Плимусе явилось человек 500 рекрутов, и никто не знает, кому они назначены и на какие средства содержать их. До отправки за море рекрутов расквартировывают по побережным крестьянам. Но часто им не дают денег на продовольствие. Рекруты бродяжничают и воруют. В парламент 1627 г. жалуются даже, что в Дорсете они бьют крестьян и насилюют женщин. И то правда, что за морем их ждет лютая доля. Их плохо учат стрелять. В 1625 г. командир экспедиции в Кадикс жалуется, что его солдаты попадали больше в своих, чем в неприятеля. Иногда им нечем стрелять. В ту же экспедицию значительная часть пуль не подходила к стволам. Солдат плохо одевают и кормят, еще хуже лечат. Смертность очень велика. В конце 1624 г. набрали 12.000 человек для службы в Германии. 4.000 померли до высадки на континенте. К апрелю 1625 г. осталось 1.200, хотя отряд ни разу не был в бою. Немудрено, что люди разбегаются. В 1626 г. у англичан стояло в Нидерландах 4 полка, в которых числилось 6.000 человек. Когда их решили отправить на помощь датскому королю, то нашли только 2.500; даже некоторые офицеры проживали в Англии.

Жалкое состояние сухопутных военных сил не привело к национальному разгрому, ибо никто не покушался на национальную самостоятельность англичан. Но крушение абсолютизма во многом объясняется его неумением организовать военные силы страны. Две войны с собственными подданными, с шотландцами (1639, 1640 г.г.) были началом банкротства для всего режима. Оба раза король собрал не меньше людей, чем повстанцы: в первый раз тысяч 20, во второй — тысяч 25. Но оба раза это была беспорядочная толпа, а не дисциплинированная армия. В 1639 г. король послал на север десант — беспокоить шотландцев с тыла. Но из 5.000 только 200 умели держать ружье в руках. Командиру пришлось не идти на неприятеля, а высадить своих людей на безопасные островки и учить их стрельбе. В главной армии, где был король, плохи были люди, снаряды, провиант, фураж. Король без боя принял требования повстанцев. В королевской армии 1640 г. еще меньше дисциплины.

Пригнанные с юга рекруты не раз бунтуют, даже убивают некоторых офицеров. Они никогда не бывали под артиллерийским огнем и при Ньюберис бежали очень скоро после того, как до них стали долетать пушечные снаряды шотландцев.

Армия была очень плоха и при Елизавете. Но тогда английский военный флот был самый сильный в Европе, хотя нам он кажется теперь маленьким до смешного. Английский флот, разбивший Армаду, состоял из 34 военных и 164 купеческих кораблей. Самое большое елизаветинское военное судно, «Триумф», не имело и 1.000 тонн. Но у других держав военный флот был еще слабее. Испания и Голландия строят чисто военные корабли только с конца XVI в. Зато в XVII в. морские силы Франции и Нидерландов растут быстро, а стюартовский флот идет скорее назад, чем вперед. В 1618 г. годных судов оказалось только 23; к концу царствования Якова численность флота лишь сравнялась с елизаветинской. А перед революцией, в 1641 г., Англия, как морская держава, была даже слабее, чем при Якове, ибо в увелечении морских сил отставала от соперниц. Морские экспедиции Карла очень неудачны. В эскадре, которая в 1625 г. отправилась в Каликс, на 73 торговых корабля приходилось всего только 9 военных. Командиром назначили сухопутного офицера. Экипаж торговых кораблей оказался неопытный, недисциплинированный, трусливый, прятался за военные корабли, попал в своих, прострелил свой адмиральский корабль. При Якове и Карле моряки не в силах охранять свои собственные берега. Дюнкирхенские и варварийские корсары часто хозяйничают в английских водах и находят себе гостеприимный приют в ирландских гаванях. Варварийцы крейсируют у южных и юго-западных берегов, нередко высаживаются и увозят прибрежное население. В 1628 г. в Алжире считали около 15.000 английских пленных. На варварийских кораблях встречаются командиры-европейцы, даже командиры-англичане, иногда переходящие в ислам. При Якове в большой славе были ренегаты Данскер (голландец) и Уорд (англичанин), пираты отчаянной дерзости. И в то самое время, как Карл требует, чтобы пред английским флагом склонялись все другие флаги на всем протяжении Ламанша и Немецкого моря, даже почтовым английским кораблям случается попадать в руки корсаров. В 1635 г. голландские рыбаки по обычаю ловили рыбу у восточных берегов Англии, не обращая никакого внимания на королевские запреты. На них напали корсары из Дюнкирхена и сожгли значительную часть лодок. Голландские военные корабли решили отметить и загнали один дюнкирхенский корабль в английский порт Скарборо (Scarborough). Пули и ядра попадали в город и ранили нескольких горожан. Месяц спустя сходный бой произошел у английской гавани Блис (Blyth). Дюнкирхенцы спаслись на берег. Голландцы не смутились, тоже

высадились на берег и преследовали неприятеля в глубь страны, пока не догнали. А англичане ничего не могли поделать с таким грубым нарушением своего нейтралитета.

Слабость флота, конечно, находит себе частичное объяснение в сравнительно скромных размерах морского бюджета. При Якове флот поглощает в среднем не больше 50.000 ф.; при Карле расходы повышаются, но в мирные годы не доходит до 100.000 ф. Однако правительство получает за свои деньги много меньше того, что могло бы получить при правильной постановке хозяйства. Казнокрады свили себе прочное гнездо в морском ведомстве. Капитаны берут взятки с импортеров и провозят обложенный пошлиной товар на военных кораблях. При постройке новых судов быстро появляются крупные состояния и у строителей и заправил морского ведомства. При Якове епископ Гудман как-то попал на верфь в Часаме (Chatham) и удивился, отчего возле верфи столько хороших домов. Приятель разъяснил, что дома построены из щепы и опилок, которые шли в пользу чиновников. Большое новое судно и тогда было золотым дном. В 1608—1610 г.г. с торжественностью строили огромного, по-тогдашнему, «Королевского Принца», в 1.200 тонн. Получение заказа на него было предметом больших интриг при дворе. На постройку приезжали любоваться иностранцы, двор. Корабль обошелся в 20.000 ф. без артиллерии. А когда его спустили, то очень скоро оказалось, что он годится больше для парадов и выстроен из гнилого леса. При Карле в морских войнах не раз обнаруживается, что корабли текут, что не хватает снастей и артиллерийских снарядов. Всего больше страдают от таких порядков матросы. Им не сладко жилось и при Елизавете. Их кормят солониной и соленой рыбой, им не дают постели (гамаки только с 1597 г.), раненых и больных часто бросают на произвол судьбы. Даже в год Армады адмиралы Дрэк и Говине должны были на свой счет лечить моряков, спасавших родину, в то время как королева для своего двора на одни гасконские вина истратила 12.000 ф. в один год. При Стюартах матросу стало скорее хуже, чем лучше. В 1628 г. адмиралу Бекингаму на казенный счет покупают карты, кости, дорогие закуски, восточные ковры, а матросов кормят тухлой провизией и оставляют без медицинской помощи. Экипаж пополняется принудительным набором, от которого уклоняются. Элиот рассказывает, как в 1623 г. на юго-западном побережье прошел слух о наборе, и как почти все рыбаки скрылись во внутренних графствах, либо уплыли в Ньюфаундленд. Матросам обещают жалованье, но выплачивают его очень неаккуратно, и не наличными деньгами, а обязательствами казначейства, которые принимаются в лавках только со значительной скидкой. Матросские семьи, у которых силой взяли кормильца, нередко голодают. В 1627 г. матросы в Плимусе тайком продавали

солдатский порох, чтобы купить себе хлеба. Из жалоб по начальству выходит мало толку. В протоколах лордов адмиралтейства за октябрь 1629 г. есть записки: «доложены петиции бедных матросов, поданные 6 месяцев тому назад и еще никем не прочитанные». Немудрено, что, несмотря на суровость морского уголовного кодекса, матросы подчас громко протестуют. В августе 1626 г. толпа не получающих жалованья матросов идет из Портсмута в Лондону; они встречают по дороге карету генерал-адмирала Бекингама и останавливают ее с жалобами и угрозами; Бекингам с трудом уехал от них. Во время войны матросы нередко дезертируют, иногда большими группами. В испанскую экспедицию 1625 г. 2 транспорта в 300 человек объявили себя пиратами. Во французскую экспедицию 1627 г. дезертирует весь экипаж с «Эшюрене» («Assurance»). Вообще матросы настроены враждебно к королевскому правительству, и когда наступила борьба между короной и парламентом, симпатии большинства матросов оказались на стороне парламента. Бывали случаи, что они высаживали на берег офицеров-роялистов и отдавали свое судо в распоряжение парламента. В решительную минуту у короны мало военной силы, и парламент находится в более благоприятном положении, ибо он располагает лондонской милицией и флотом.

Широкие притязания Стюартов не опирались на внушительные военные силы; вплоть до революции английский абсолютизм сохранил штатский, гражданский характер. Правительство настаивает на правомерности своих требований и старается привлечь судей на свою сторону, даже когда оно до крайности расширяет представление о прерогативе. Серьезная опасность, угрожавшая общему праву при Тюдорах, миновала. При Стюартах уже нет речи об устарелости и варварстве общего права, о желательности перехода к более разумной системе права, и августейший политический теоретик, Яков, не раз заявляет о своем уважении к историческим судебным порядкам. Это не значит, конечно, чтобы юристы общего права стали полными хозяевами судебного мира. Суды справедливости — Канцелярия, Звездная палата, Палата прошений — остались и конкурировали со старыми судами. В 30-х г.г. деятельность судов, находившихся в тесной связи с Тайным советом, возбудила большое недовольство. Победа парламента быстро привела к уничтожению судов, возникших при Тюдорах в связи с ростом абсолютистических притязаний. Один статут 1641 г. отнимает у Тайного совета всякую судебную власть: вследствие этого исчезают Звездная палата, Уэльшский совет, Северный совет, курия Ланкастерского герцогства и Честерского палатината; Палата прошений не упоминается прямо в статуте (17 г. Карла 1 с. 10), но она связана с советом не менее других судов и падает вместе с ними. Одновременно (17 г. Карла 1. с. 11) уничтожается и Высокая комиссия, и у цер-

ковных судей отымается право налагать нецерковные кары за церковные преступления и проступки. Парламент заявляет, что деятельность Высокой комиссии привела к нестерпимым стеснениям для подданных. Еще резче отзывы о Звездной палате. Палата превысила свои статутарные полномочия, постановляла приговоры суровее, чем полагается по закону, преследовала деяния, не подлежащие каре по закону; она не только была несносным бременем для населения, но и зловредным орудием произвола, средством насадить в свободной Англии деспотическое управление.

Репутация политического трибунала с абсолютистическими тенденциями прочно закрепилась за Звездной палатой в представлении потомства. В ней есть доля истины. Особенно при Карле в палате разбирается ряд политических процессов, в которых тайные советники выносят суровые приговоры своим политическим врагам. Самый состав палаты делал ее удобным оружием политического устрашения. Она почти совпадает с Тайным советом. Тайные советники все суть ее члены по должности еще при Елизавете: два главных судьи (Скамьи и Тяжб) теряются в толпе сановных администраторов, а права других судей и перов на участие в работах палаты остаются не вполне ясными. Палата была мало стеснена и в назначении кар; она не могла присуждать к смертной казни и тяжелым увечьям, но в остальном свободна. И она широко пользуется свободой. Всего более поражают размеры налагаемых ею штрафов. Людей видного положения заставляют платить 10, 20, 30 тысяч; даже бедных людей приговаривают к уплате 5—10 тысяч. Конечно, было бы нелепо ждть действительной уплаты таких чудовищных сумм, хотя изредка они взыскивались с очень богатых людей: напр., лорд Норсемберланд выплатил 11.000 ф., по приговору Высокой комиссии, некто Алингтон 10.000 ф. за женитьбу на племяннице. Приговором хотели напугать осужденного, поставить его в полную зависимость от королевской милости. В Звездной палате, судят, повидимому, ненормального человека Саведжа, рассказывавшего всем, как Фельтон приглашал его принять участие в убийстве фаворита Бекингама (1629 г.); пытаются судить вождей парламентской оппозиции за их поведение в сессию 1629 г., судят кунца Чамберса за смелые слова о правительственных притеснениях, чинимых английским купцам (1629). Еще больше недовольства возбуждали процессы, имевшие не только политический, но и религиозный характер. В Звездной палате судят сользберийского судью Шерфильда за то, что он разбил расписное стекло в своей приходской церкви. Звездная палата делит с Высокой комиссией надзор за печатью и потому рассматривает ряд литературных дел, судит и приговаривает к жестоким карам за антиепископальные памфлеты Лейтона в 1630 г., а в 1637 г. одновременно троих — адвоката Принна, проповедника

Бертон, врача Бастуика — и вскоре после них юношу Лильберна по подозрению в том, что он печатал в Голландии пуританские памфлеты. Но даже при Карле политические процессы составляют очень небольшую часть дел, проходивших через Звездную палату. Когда Бекон при Якове хочет очертить компетенцию палаты, он указывает на насилия, обманы и покушения; Бекон особенно отмечает возложенную на палату задачу карать влиятельных насильников и охранять слабых. Как и при Тюдорах, палата решает очень много общеуголовных дел. По выражению Бекона, если у канцелярии есть преторская власть в области справедливости, то у Звездной палаты есть цензорская власть по отношению к преступлениям, не влекущим за собой смертной казни; а Палата прощений занимает по отношению к гражданским спорам такое же положение, какое принадлежит Звездной палате в области уголовной юстиции. Именно эта будничная работа палаты по неполитическим или не чисто политическим делам, расширявшая сферу письменного бюрократического процесса и норм справедливости, и составляет характерную черту английского абсолютистического режима.

При Генрихе VIII непомерный рост «справедливой» юстиции возбудил сильную тревогу в юристах общего права, перед которыми стал носиться грозный призрак рецепции. Вскоре после смерти Генриха VIII выясняется, что правительство не хочет и не может порвать со старым судебным порядком. Юристы общего права успокаиваются, снова начинают писать отчеты о своей судебной практике, а в конце XVI в. даже переходят в наступление. Они заявляют, что неприятная им Палата прощений есть суд новый, что всякий новый суд может быть создан только парламентским актом и что не существует акта, которым была бы создана Палата прощений. При Якове о том же говорят даже ответчики, против которых вчиняются иски в Палате. И персоналу последней приходится думать не столько о новых захватах, сколько об обороне, о том, чтобы отстоять свое право на существование. При Якове законники общего права становятся еще смелее. В 1607 г. один провинциальный (Норичский) епархиальный суд привлекает к ответу некоего Ладда за посещение неразрешенного религиозного собрания и за отказ давать показания сажает его в тюрьму. Его защитник Фуллер подает жалобу в суд общего права и заявляет, что Высокая комиссия не может никого сажать в тюрьму. Суд не идет так далеко, но настаивает на том, что юрисдикция Высокой комиссии ограничивается делами о ереси и расколе и что суд общего права может каждый раз вытребовать дело к себе, чтобы убедиться, что дело входит в компетенцию церковного трибунала. Высокая комиссия сажает в тюрьму дерзкого адвоката. Фуллер шлет в Королевскую Скамью просьбу о Habeas corpus, и Скамья приказывает

выпустить Фуллера. В 1611 г. с такой же просьбой обращается один муж, Чанси (sig W. Chancey), засаженный за прелюбодеяние и жестокое обращение с женой. Суд общего права заявляет, что комиссия не может арестовать за прелюбодеяние, и предписывает выпустить просителя. В дело вмешивается король. Думая смягчить судей общего права, он назначает их в Высокую комиссию. Судьи являюся в заседание и в ответ на предложение архиепископа приступить к суду над 2 еретиками, с главным судьей Коком во главе, демонстративно уходят из залы. Скоро, однако, сами судьи общего права очутились в том положении, в какое они хотели поставить Высокую комиссию. К ним юридический советник короны, генерал-аттерни Бекон, предъявляет требование не разбирать дел, в которых замешаны интересы короны, пока дело не будет доложено канцлеру и от него не получит разрешения на разбор (1611 г.). Указ канцлера о приостановке процесса зовется *De non procedendo rege inconsulto*.

В ответ судьи общего права, опять таки с Коком во главе, сделавши очень спорную ссылку на один акт XIV в. (27 г. Эдуарда III, направленный против папской юрисдикции, запрещают канцлеру пересматривать дела, уже решенные в суде общего права. И в то же самое время судьи с полной готовностью пересматривают дела, решенные в областном суде справедливости, в Северном совете, посылают в совет запреты приводить в исполнение состоявшееся там решение. Пример судей придает смелости и простым смертным. В 1629 г. Звездная палата притянула к ответу купца Чамберса за отказ уплатить неустановленные парламентом пошлины и за дерзкие речи о правительственных беззакониях. Его приговаривают к высокому штрафу и тюремному заключению впредь до раскаяния. Вместо раскаяния Чамберс возбуждает в суде казначейства иск против чиновников казначейства, наложивших запрет на его товар, и обвиняет Звездную палату в превышении полномочий, установленных для нее учредительным статутом. Обвинения, которые выставлены против новой королевской юстиции в уничтожавших ее статутах 1641 года, были сформулированы задолго до революции.

Если Стюарты примирились с общим правом, это случилось в значительной мере потому, что они мечтают сделать его орудием прерогативы. Общее право не подвергается ожесточенным нападениям, но серьезная опасность грозит политической независимости судей общего права. Несменяемости судей не было в Англии и до Стюартов. Судьи всегда получают патент не «пока будут хорошо вести себя», а «пока будет угодно королю» (*durante beneplacito*). Только «славная революция» привела к несменяемости. По акту о престолонаследии 1701 г. (Act. of Settlement) судьи остаются в должности, «пока будут хорошо вести себя» (*quamdiu bene se gesserint*)

и могут быть смещены короной лишь по представлению обеих палат. Но даже при Тюдорах судьи очень редко получают отставку из-за политических соображений. При Якове и Карле политические отставки учащаются и поражают как раз самых видных представителей судейского мира. В 1626 г. судьи отказываются признать законным принудительный заем. Король зовет главного судью Королевской Скамьи Кру и пробует уломать его. Кру упорствует. Он получает отставку. В 1629 г. король боится оппозиции в вопросе о таможенных пошлинах со стороны главного барона (главный судья казначейства) Уольтера. Его нельзя сместить без скандала, потому что бароны казначейства получают патент, «пока будут хорошо вести себя». Уольтеру запрещают нести судейские обязанности. В 1634 г. без всякого объяснения смещают главного судью общих тяжб Гиса (Heath). И судебная карьера самого знаменитого юриста XVII в. Кока закончилась опалой. Раздраженный упорной оппозицией главного судьи Королевской Скамьи, король в 1616 г. отставляет его и оскорбляет. Кок гордился своими судебными отчетами (reports), которые уже тогда имели большой авторитет. Коку велено употребить досуг на исправление ошибок в своих отчетах и представить поправки на королевское усмотрение.

Правительство желает покорных судей, правительство хочет использовать их для своих административных нужд. На выездных сессиях королевские юристы должны контролировать мировых и доставлять в центр отчеты о деятельности местного управления. А в центре они должны предоставлять в распоряжение правительства все свои юридические знания и в спорных случаях должны подтверждать правомерность правительственных требований всей силой своего авторитета, ибо от них ждут выгодного короне ответа, им даже подкашивают ответ. Граница между судьей и администратором не может быть ясна там, где всякий тайный советник был членом Звездной палаты; в судьях видели не только хранителей правопорядка, но и верных слуг короны. К судьям обращаются при всяком серьезном затруднении. В 1606 г. их спрашивают о возможности вводить таможенные пошлины во имя прерогативы, о том, можно ли королевской прокламацией запретить в Лондоне строить новые дома, в 1616 г.—о праве короля жаловать церковные бенефиции. В 1628 г. перед тем, как, скрепя сердце, подписать Петицию о праве, Карл спрашивает судей о возможности обходить Петицию и очень радуется их утвердительному ответу. Прежде чем начать преследование против вождей оппозиции в парламенте 1628—1629 г.г., собирают судей и хотят придумать с их помощью удобную юридическую обстановку для будущего процесса. В 1633 г. у каждого судьи требуют письменного мнения о правомерности корабельного сбора. Взимание последнего встретилось с сопротивле-

нием. В 1637 г. король снова спрашивает судей и велит распространять по всей стране их благоприятный правительству ответ, как орудие политической борьбы.

Правительство преследовало в данном случае невыполнимую задачу. Оно хотело опереться на авторитет суда; оно подрывало этот авторитет тем самым, что хотело обратить судей в своих смиренных слуг. Население теряло веру в беспристрастие людей, которым грозила отставка за всякое решительное проявление политической самостоятельности, которых ждало служебное повышение за приспособление к поворотам правительственной политики. И когда правительство достигло своей цели, когда оно добилось от своих судей энергичного содействия своим видам, то оказалось, что судейская помощь утратила большую часть своей цены именно потому, что суд стал слишком близко к правительству.

Эта покорность судей была достигнута вовсе не сразу. Не все юристы соглашались на роль пособников короны и апологетов прерогативы. Судейская оппозиция занимает много места в истории предреволюционного периода и тесно связана с именем Кокка. Кок и родственные ему по духу законники вовсе не хотели довольствоваться смиренной ролью, которую им хотели отвести насадители абсолютизма. Даже Кок не отказывается давать юридические советы короне; но, по его мнению, судей нельзя призывать поодиночке на тайную исповедь; свое мнение они должны высказывать от имени всей корпорации. Он полон честолюбивых притязаний; он держится самого высокого мнения о своей науке и своем искусстве. В общем праве нужно искать разрешения всех трудностей политического положения. Знаток юридических древностей может распутать все споры между парламентом и прерогативой, короной и народом. Судьи-хранители пеконных вольностей — естественные посредники между монархом и подданными. В 1614 г. перы просят у судей юридического совета по вопросу о праве короны вводить таможенные пошлины. Кок от имени судей гордо отказывается давать советы одной из спорящих сторон, ибо на судьях лежит гораздо более высокая задача — именем общего права решать столкновения между королем и народом, правительством и народными представителями. В 1607 г., обороняя в деле Фуллера компетенцию церковных трибуналов, архиепископ Банкрофт пробует осадить судей общего права и в присутствии короля напоминает им, что они — слуги короны, что монарх может по своему усмотрению расширять и суживать их компетенцию. Не смущаясь присутствием короля, Кок резко заявляет, что король не может сделать ничего подобного. Яков вмешивается в спор: право опирается на разум, а разумом наделены не одни судьи. Кок не унимается. Действительно, бог наделил его величество великим разумом, но общее право опирается не на

естественный, а на искусственный разум, который приобретается долгой наукой и практикой; сам король должен питать почтение к праву, которое обеспечивает короне мир и безопасность. Яков вспылал и назвал речи Кока изменой, ибо они ставят право выше короля. А Кок еще раз подтверждает, ссылаясь на Брактона, что король выше людей, но ниже бога и права. В 1610 г. государственный секретарь запрашивает Кока о праве короны воспрепятствовать прокламацией действия, не запрещенные общими правом. Кок отказывается высказывать личное мнение. А четыре судьи заявляют, что прокламация не может сделать преступным того, что не есть преступление по общему праву и что пределы прерогативы точно установлены правом страны.—В 1614 г. при обыске у одного провинциального священника Пичама (Peasam) нашли писаную проповедь, с очень резким отзывами о короле. Проповедь не была произнесена, но правительству хотелось примерно наказать священника. Тайный совет запрашивает судей о возможности возбудить обвинение в государственной измене. Кок считает обвинение невозможным. Проповедь не была произнесена. Но она не была бы изменой, даже если бы была произнесена: простое указание на неспособность короля еще не есть измена.

Судейская оппозиция не остается в стенах суда. Слухи о сопротивлении судей правительственным притязаниям распространяются в обществе и поддерживают оппозиционное настроение. В 1626 г. в Лондоне очень скоро узнали о том, что судьи признали незаконным принудительный заем. Ряд перов отказывается давать деньги короле. Ссылаясь на авторитет судей, и в провинции многие берут назад свою подписку. Упрямый Кок приобрел большую популярность среди молодежи, изучавшей право в лондонских подворьях. У него вовсе нет личной обаятельности; и все-таки судьи, адвокаты, клерки платят, когда его переводят из «Общих Тяжб» в «Королевскую Скамью». Профессиональная судейская оппозиция легко переносится в парламент. Выдающиеся таланты в парламентах Якова и Карла почти всегда юристы. Да и вся парламентская оппозиция первых трех десятилетий XVII в. запечатлена законничеством, почти суеверным преклонением пред общим правом. В борьбе с короной за политическую свободу люди взывают к старым архивным документам, к конституции XIII и XIV в.в. Выгнанный из суда, Кок переходит в палату общин и чувствует себя там почти так же хорошо, как и на судейском кресле. Коммонеры прислушиваются к его историческим справкам почти с таким же вниманием, как завсегдатаи Общих Тяжб и Королевской Скамьи.

При оценке тогдашнего политического положения нельзя забывать о судейской оппозиции. Но не надо ее переоценивать. В судейских кругах никогда не было единства настроений. Рядом с Коком

стоит Бекон. Рядом с бесстрашными борцами среди парламентских юристов есть политические трусы. Йельвертон (Yelverton) робеет перед изъявлением монаршего гнева, признается уже в 1604 г., что «приказ государя точно удар грома, государев призыв к лойяльности—точно рычание льва». В присутствии монарха связывается язык, сгибаются колени даже у самых смелых фрондеров из этой среды. В 1616 г. произошло резкое столкновение между судьями и короной по знаменитому делу «commendams». Король дал раболепному епископу личфильдскому доходный бенефиций «in commendam»¹⁾. Двое подданных оспаривают у короля право назначать на данный бенефиций и вообще право давать бенефиций «in commendam». Король приказывает судьям не рассматривать дела, пока они не выслушают его мнения. Судьи отвечают, что по долгу присяги они не могут тянуть дела и руководствоваться королевской волей при его решении. Король требует судей к себе и сердито разъясняет, что он настаивает на отерочке не как король, а как сторона в процессе. Все двенадцать судей падают на колени и просят прощения за ошибку. Только Кок внес известные оговорки в свою повинную и пострадал за упорство.

Голос законника, предостерегающий корону против поирания основ права, смолкает как раз тогда, когда становится особенно нужным, в пору бездумья, когда перестают созываться народные представители. И судьи не просто молчат. Они говорят, своими мнениями и решениями набрасывают покрывало законности на самые спорные деяния и притязания правительства. Еще в 1627 г. они отказываются выпустить на поруки «пять рыцарей», арестованных за отказ подписаться на принудительный заем. В 1634 г. оправдывают сутяжнические и несправедливые притязания короны на расширение площади заповедного леса. В 1635 г. заявляют, что только король может судить о наличии национальной военной опасности и при наличии последней может возложить финансовую тягость обложения на все население, т.-е. оправдывают корабельные деньги. Населению приходится отстаивать свои конституционные права против своих судей. Между прочим, один смелый купец и бестрепетный поклонник свободы пытался влить мужество в эти робкие души, вернуть их на верную дорогу. Тот самый купец Чамберс, который в 1628—1629 г.г. отказался платить неутвержденные парламентом пошлины и обвинил Звездную палату в превышении своих полномочий, не напуганный тюрьмой и штрафами, в 1636 г. отказывается платить корабельные деньги и возбуждает вопрос о правомерности налога в суде Королевской Скамьи. Запуганная Фемида призналась в своем позорном бессилии и на-

¹⁾ Дополнительный бенефиций как бы по специальному поручению.

звала себя служанкой силы. Судья Беркли сказал, что «одно дело господство права (rule of law) и другое—государственный интерес (rule of government); есть вещи, которых нельзя делать во имя права, но которые нужно делать во имя государственного интереса». Королевская Сканья даже отказалась рассматривать иск Чамберса, видя в нем грубое нарушение государственного интереса. А всего четыре года спустя собрался Долгий парламент, который испроверг эту отрицающую право государственность и показал зрячим, что наиболее важный государственный интерес может состоять как раз в господстве права.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

VI. Парламентская борьба в 1604 — 1629 г.г. и обострение политического кризиса в годы бездумья (1629 — 1640).

Социальный состав парламента.—Депутаты и избиратели.—Парламент и правительство.—Первый парламента Якова.—Сессия 1604 г. Пороховой заговор.—Спор о податной прерогативе.—Второй парламента Якова.—Третий парламента Якова.—Первый парламента Карла.—Второй парламента Карла.—Правительственная политика после роспуска 2-го парламента.—Третий парламента Карла.—Петиция о праве.—Сессия 1629 г.—Одиннадцатилетнее бездумье и рост абсолютизма.

Еще раньше созыва знаменитого собрания, положившего грань между абсолютистической и свободной Англией, в парламентах Якова и первых трех парламентах Карла протестующий голос «народных представителей» звучал громче, последовательнее, влиятельнее, чем голос королевских судей. Парламентская оппозиция занимает много места в политической истории периода. Перипетии парламентской борьбы издавна привлекали к себе внимание историков. Я даже боюсь, что историки, особенно английские историки, несколько преувеличивают значение этого долгого и красноречивого словесного спора. И это вполне естественно, ибо даже осторожный Гардинер находит, что парламента первых Стюартов хорошо выражал общественное мнение, был истинно - национальным представительством. Он признает, что члены парламента были из общественных верхов; но думает, что палата все-таки не была классовым представительством, ибо рыцарей графств выбирали йомены, среди которых было не мало мелкого люда, а «горожан» — местные лавочники; совершенно не представлены были только сельские батраки. При Стюартах уже можно выбирать не из местных жителей, и эта свобода усиливает национальный характер представительства. Некоторым выборам предшествует оживленная агитация. В 1628 г. всюду раздаются речи против принудительного займа. Оппозиционных кандидатов в Эссексе провожает в день голосования многотысячная толпа избирателей, по преимуществу фригольдеров. В Йоркшире

эти фригольдеры настаивают на тайне голосования, не хотят говорить своих имен. На депутатские места в XVII в. есть спрос.

В XIV и XV в.в. приходилось содержать выбранного. Уже в XVI в. члены парламента дают обязательство своим избирателям не требовать с них жалованья, при Стюартах жалованье уже необычно. Члены парламента 20-х г.г. признают и положительные обязательства по отношению к своим избирателям. Двери палаты закрыты. Но, восставая против правительственных предложений, ораторы оппозиции не раз спрашивают: «Что скажут наши избиратели?».

✕ И все-таки трудно усмотреть в парламенте Стюартов широкое общенародное представительство. В нижней палате 92 рыцаря, 4 университетских человека и около 400 «горожан». По старине, несмотря на огромный численный перевес горожан, рыцарям принадлежит безусловное политическое преобладание. Оно принадлежит им уже потому, что фактически «горожане», по большей части, тоже суть рыцари—деревенские джентльмены из какого-нибудь близкого к городу манора. Конечно, еще нет той откровенной плутократии, как в XVIII в., когда статут 9 г. Анны (с. 5), отмененный лишь в 1858 г., требует от кандидата очень большого ценза—в графстве 600 ф. земельного дохода, в городе—300 ф. И все-таки круг людей, из которых выходят «коммонеры», узок и при Стюартах. Даже когда представителями от города выступают подлинные горожане, они далеко не всегда выражают настроение широких слоев населения. Избирательный ценз в городах очень пестр: иногда избирателю нужно только не получать благотворительной помощи, иногда достаточно платить местный налог. Но часто нужно быть «фриманом», или иметь дом, или даже принадлежать к «корпорации», которая могла быть очень малолюдной. Борьба за избирательное право продолжается в городе. В оппозиционно настроенных парламентах есть защитники широкого избирательного права. При проверке выборов 1628 г. во многих городах возникает спор о том, кто имеет право на участие в выборах, многочисленные ли граждане или тесный кружок местных заправил. И в ряде городов—Льюиз, Кольчестер, Ковентри и др. палата решила спор в пользу граждан. Но встречаются и обратные случаи. Например, в 1621 г. в Сандвиче мэр и советники жаловались на смуту, которая происходит при выборах, и сами произвели выборы. При Стюартах еще нет стольких «гнилых местечек» (rotten boroughs), как в XVIII в. И все-таки в некоторых местах городские выборы происходят под сильным давлением извне. Например, в Ланкашире обычно выбираются правительственные кандидаты, выставленные администрацией Ланкастерского герцогства. В других графствах сходное давление оказывают местные земельные магнаты, вроде герцогов Бедфорда или Норсемберланда. Аристократическое влияние сказывается даже на выборах

от графства, несмотря на сравнительную многочисленность фригольдеров—избирателей. Голосование открытое, и фригольдеры могут бояться мести влиятельного ландлорда, если подадут голос за негодного ему кандидата. Даже во время выборов кандидаты мало зависят от мелких мастеров и мелких йоменов, не говоря уже о батраках и подмастерьях. Они должны сообразоваться больше с интересами и вкусами средних и крупных землевладельцев, зажиточных и богатых горожан.

Таким образом коммонеры по своему социальному положению не могут считаться зеркалом общественного мнения и настроения. Кроме того и обстановка, в которой происходит их работа, чрезвычайно неблагоприятна.

Когда избранники попадают в Лондон, связи их с провинцией слабеют, а влияние общественного положения самих депутатов сказывается сильнее. Когда они собираются в палату, то составляют отряд деревенских джентльменов, разбавленный богатыми коммерсантами и видными юристами, которые, впрочем, сами по большей части вышли из джентльменской среды. Правда, все они хорошо знакомы с бытом ниже стоящих общественных классов. Но даже их избиратели мало знают о том, что делается в парламенте. Заседания закрыты; если кто-нибудь изредка контрабандой попадет в палату, его подозревают в злом умысле; обыскивают, при Елизавете приводят к присяге, заставляют поклясться, что он ничего не расскажет о заседании. Толстые стены стояли между оратором и страной; его единственной аудиторией были товарищи по палате. Самые горячие речи, самые драматические столкновения становились известны населению только по слухам, даже в Лондоне. Историку нередко с большим трудом приходится восстанавливать ход прений по частным и не всегда точным записям некоторых коммонеров. Вожди оппозиции не чувствовали за собой той силы, которая создается непрерывным общением с внепарламентской аудиторией.

В своей борьбе с падавшим правительством коммонеры были поставлены в невыгодное положение: они много теряли от слабого знакомства с иностранной политикой. Это было время возврата католицизма на континенте и обострения борьбы католиков и протестантов, а Англия считала себя защитницей протестантизма. Сидевшие в палате ольдермены и мировые судьи были хорошо осведомлены с родным положением, но в суждениях о континенте часто жили елизаветинскими традициями. Точно в пору Армады, они полны представлениями о католической опасности, боятся испанской мощи, видят в испанском короле своего главного врага. Они почти ничего не понимают в сложных немецких отношениях, в которых лежал тогда главный узел европейской политики. Королевские советники иногда бесцеремонно напоминают коммонерам об их неком-

петентности. В 1607 г. палата общин просит короля хорошенько проучить испанцев, которые обижают английских купцов. Близкий к королю граф Норсampton высокомерно заявляет, что члены палаты знают лишь свои захолустные дела и обладают местной мудростью; не их дело мешаться в государственные тайны; чем меньше будут они беспокоить короля петициями, тем скорее он удовлетворит их разумные ходатайства.

А во внутренних делах влияние парламента ослабляется отсутствием прочной связи между парламентом и правительством. Политическим деятелям начала XVII в. чуждо представление о парламентаризме. В сессию 1604 г. в нижней палате нет ни одного тайного советника, и король спосится с палатой чрез советников — перов. Коммонеры, конечно, хотят, чтобы король управлял в их духе, но они вовсе не претендуют на то, чтобы сановники брались из их среды, или по их указанию. Наоборот, они боятся присутствия сановников в палате, опасаются утратить свою независимость под их влиянием. В 1614 г. в палату попадает генерал-аттерни Бекон, и это не нравится коммонерам. Возбуждается вопрос о совместности обоих положений. За Беконем оставили его полномочия, но решили, чтобы на будущее время генерал-аттерни не мог быть членом палаты. И парламент имеет основание бояться присутствия королевских слуг, ибо служба государю легко сталкивается с охраной парламентских вольностей. Близость к королю вредно отражается даже на председателе палаты. Яков и Карл, подобно Тюдорам, склонны видеть в спикере своего человека, обязанного защищать интересы прерогативы, и умеют внушить этот взгляд некоторым спикерам. В знаменитое последнее заседание сессии 1629 г. спикер прямо заявляет, что он слуга короля не в меньшей степени, чем слуга палаты, и палате приходится бороться со своим спикером точно так же, как с королем.

И, наконец, влияние парламента ослаблялось редкостью созыва, краткостью сессий. Яков созывал парламент 4 раза, Карл до 1640 г. — всего 3 раза. Только 1-й парламент Якова долго сохранял свои полномочия, в течение 7 лет (1604 — 1611 г.г. 5 сессий, в общем составляющих около 2 лет). Все остальные парламенты недолговечны. Парламент 1614 г. заседал 2 мес., парламент 1623 г. не прожил и 2 мес., да и то в его работе был невольный перерыв. За 30 лет, отделяющих роспуск 1-го парламента Якова (февраль 1611 г.) от созыва Долгого парламента, парламент не заседал и 2 лет. В памяти потомства резко запечатлелось 11-летнее бездумье Карла. Но оно замечательно не своей продолжительностью. И Яков умел обходиться без парламента почти такое же долгое время. Если не считать очень короткой и ничего не сделавшей сессии 1614 г., то при Якове можно указать на 10-летний беспарламентский промежуток

(1611—1621 г.г.) тем более любопытный, что он не был вызван резким столкновением между короной и народным представительством. И когда в 20-х г.г. правительство возвращается к практике частого созыва народных представителей, то оно вынуждено к этому вовсе не политическими требованиями оппозиционного общественного мнения, а собственными финансовыми затруднениями. Англичанам при первых Стюартах грозит серьезная опасность отвыкнуть от своего парламента, растерять свою политическую традицию.

Но и после всех этих оговорок за парламентской борьбой пред-революционного периода нельзя не признать очень большой важности. Парламент Стюартов мало похож на парламент Тюдоров. Сходный по составу он резко отличается по настроению. Пусть по-старине в парламентских стенах раздаются голоса богатых купцов и много-земельных джентльменов; пусть в социальных вопросах палаты отделены от народных масс большим расстоянием и стоят ближе к правительству. Притязания абсолютистического правительства создали ряд политических и религиозных столкновений, в которых даже скуайры и ольдермены отказываются идти за короной и выступают борцами за чувства, широко разлитые по крестьянским избам и городским мастерским. Когда Сандис, Фелипе, Элиот, Кок — предостерегают против католического призрака и громят испано-фильскую политику, когда они восстают против взимания неутвержденных парламентом налогов, когда они напоминают о прирожденных вольностях подданного и отстаивают права личной свободы, они говорят не как законники и ландлорды, а как протестанты-тяглецы и обыватели, хорошо знающие, что их горячая речь способна найти живой отклик далеко за пределами их собственного класса, и черпающие силу в возможности широкого общественного сочувствия. И эта способность палаты в политических и вероисповедных вопросах являться выразительницей и защитницей национального интереса имела тем большее значение, что при первобытности путей сообщения, при отсутствии периодической печати, при наличности строгой цензуры, настроения и потребности разных углов страны могли обнаружиться и слиться в большой поток только в парламенте. И при Якове, и при Карле оппозиционная волна все прибывает. В оба царствования коммонеры начинают с почтительных жалоб. В последние встречи протест звучит много решительнее. В 1621 г. дело кончается резким столкновением короны с народным представительством. И если в 1624 г. отношения складываются довольно мирно, это объясняется поворотом короны во внешней политике, который был принят за важную уступку общественному мнению. 3-й парламент Карла приходит к очень резкому столкновению с короной: король разгоняет палату, коммонеры отвечают почти революционными резолюциями. Хотя

этот революционный призыв, обращенный к народу, замер, прозвучал в пустоте, он все же имел глубокое политическое значение: он сделал невозможным мирные отношения между парламентом и короной, отрезал пути примирения между ними. Король принимает твердое решение обходиться без парламента, и только полный крах одиннадцатилетней абсолютистической попытки заставляет созвать представителей и открывает дорогу революции.

1-й парламент Якова собрался в марте 1604 г., и уже в том же месяце у короны и парламента слагаются поводы для взаимного недовольства. Один депутат, Шерли, оказался посаженным в долговую тюрьму. Палата требует его освобождения, ссылаясь на парламентские вольности. Но тюремщики упрямятся, и палате было нелегко выволить Шерли, настоять на осуществлении парламентских привилегий. Яков не хочет признать за палатой права проверять выборы, которые нижняя палата стала приписывать себе еще при Елизавете. Канцлер признал недействительными выборы в Бекингемшире и назначил вторые выборы, на которых прошел один угодный королю тайный советник. Палата отменила вторые выборы и признала действительными первые. Поднялся горячий спор. Победа осталась за парламентом. Король признал за парламентом право проверки и удовольствовался небольшой уступкой, назначением новых выборов. Этот спор обыкновенно зовут «делом Гудвина». К июню отношения настолько запутываются, что палата общин хочет обратиться к королю с длинной «апологией». При всей почтительности тона, «апология» твердо противопоставляет абсолютистическим притязаниям программу конституционной монархии. Общины заявляют, что у английского короля нет абсолютной власти ни в светских, ни в церковных делах, что он делит законодательную власть с парламентом, что глас народа есть глас божий, что никогда еще народные и парламентские вольности не подвергались такой опасности, как в настоящую сессию, что при начале сессии короля только из вежливости просят о признании парламентских вольностей, которые суть наследственное достояние английского народа. Общины жалуются на нарушение свободы слова частыми королевскими выговорами за произнесенные в палате речи, на нарушение свободы выборов в деле Гудвина. Уже тогда сказывается разлад между короной и парламентом во взглядах на религиозный вопрос. Общины заверяют, что в них вовсе нет цуританского и брауншвейгского духа, но в то же время просят об отмене маловажных церемоний, мешающих установлению церковного единства.

Вторая сессия первого парламента Якова должна была открыться 5 ноября 1605 г. Уже за несколько времени до открытия до правительства дошли слухи о готовящемся покушении. В 11 ч. ночи 4 ноября произвели обыск в подвале парламента и нашли

большие запасы пороха и человека (Гай Фокс — Guy Fawkes), который на следующее утро должен был взорвать короля, лордов и коммунеров. Это событие породило естественную тревогу в населении. Тревога усилилась, когда следствие обнаружило, что «пороховой заговор» был делом католиков и широко раскинулся по стране. Сообщники Фокса пытались поднять восстание в одном центральном графстве. В деле были замешаны иезуиты, их «провинциал» Гарнет погиб на эшафоте. Почти суеверный страх перед католической опасностью был унаследован тогдашними англичанами от своих отцов, переживших Армаду и ряд католических заговоров. Покушение 1605 г. подновило эти страхи, придало плоть и кровь легендам об адеких замыслах папистов, связало религиозную ненависть к римскому язычеству с политическим страхом пред опасным и таинственным врагом. Никто не знал и не знает даже приблизительного числа католиков. И расстроенное протестантское воображение было склонно преувеличивать их силу, верить всяким рассказам о папистах. Таинственность, которой были окружены люди старой веры, была вынужденная; они уходили в подполье, потому что им не позволяли открыто исповедывать свою веру. Елизаветинские статуты сделали жизнь очень тяжелой даже для католиков-мирян. Они должны платить высокий штраф за нехождение в государственную церковь, по закону 35 г. лишены даже свободы передвижения, не могут уходить дальше 5 миль от своего местожительства. А духовенство поставлено совсем вне закона. Статут 27 г. Елизаветы предписывает патерам и иезуитам убраться из страны в 40 дней под угрозой смерти. Но законы соблюдались не очень строго. После раскрытия заговора законодательные гонения обостряются. По статутам 1606 г. подозреваемые в католичестве должны не только ходить в церковь, но и причащаться под угрозой высокого штрафа; если виновный богат, то вместо штрафа корона может взять у него $\frac{2}{3}$ его земель. Хозяева отвечают за религиозное поведение прислуги. Католики (recusants) лишаются права служить в суде, армии, флоте, быть опекунами или душеприказчиками, вчинять иски, за исключением земельных, жить в Лондоне и его окрестностях, если они не ремесленники, заниматься врачеванием, держать оружие.

Конечно, эти суровые постановления не соблюдались и не могли соблюдаться с полной строгостью. Но уклонения в сторону терпимости шли от правительства, а не от общества. Подданные боялись католического призрака больше, чем правительство. Начало XVII в., особенно 10-е и 20-е годы были тяжелой порой в жизни континентальных протестантов. Протестантизм был задушен в Испании и Италии. Гугеноты теряли свою политическую самостоятельность во Франции. В Германии исчезало равновесие между исповеданиями,

преобладание складывалось у католиков. Привыкшие в XVI в. считать себя передовыми бойцами божьего слова, английские протестанты болели бедой единоверцев и чувствовали потребность вмешаться в континентальную борьбу даже из чувства самосохранения, чтобы не дать католической волне подняться слишком высоко и захлестнуть самую Англию. Неудачи немецких протестантов в 1-ю половину 30-летней войны задевали англичан и непосредственно. Одним из главных неудачников оказался человек очень близкий Стюартам, женатый на дочери Якова, Елизавете, пфальцграф Фридрих. Судьба Палатината в 20-х и 30-х годах есть центральный X вопрос английской внешней политики и занимает не мало места во внутренней политической борьбе. Английские протестанты желали энергичного вмешательства в пользу немецких протестантов, мечтали о возвращении Палатината королевскому зятю и негодовали на сближение своего двора с испанским, на мадридское сватовство наследника. Поездка жениха Карла в Испанию усилила страх перед католической опасностью, а неудача сватовства вызвала патристические ликования и сильно улучшила отношения между Яковом и его последним парламентом. Ликования вышли непродолжительны. Испанское сватовство сменилось французским, Карл женился на католичке. При дворе появляется католическая служба, папские резиденты, в выснем обществе учащаются переходы в католичество. Подданные боятся за веру королевских детей, приучаются относиться с недоверием и неприязнью к своей государыне. Богослужебные новшества Лода и его сотрудников порождали очень острое раздражение именно потому, что казались лицемерной ступенью к чистому папешеству. В 30-х г.г. в широких кругах верят в потайное «латинство» Лода, в коварный католический заговор, нити которого сходятся в руках архиепископа и в тайниках королевского двора. Возбуждает тревогу также ирландская политика правительства. Если одной рукой королевские администраторы обезземеливают туземцев и заводят «плантации», то другой они подписывают широко-вещательные прокламации о человеческом достоинстве «ирландских собак» и мечтают об англизировании кельтских кланов, не смущаясь тем, что ирландцы упорно остаются при старой вере. Только в 30-х г.г. королевской администрации с Уентуёрсом во главе X удается создать в Ирландии послушную боевую силу и внушить королю мысль о возможности воспользоваться ею для английской политической борьбы. Только при Долгом парламенте наличность ирландской опасности начинает оказывать большое непосредственное влияние на разрешение английских споров и столкновений. Но уже при Якове мысль о сотнях тысяч диких католиков по ту сторону ирландского моря должна была придавать известную жизненность страхам за судьбу английского протестантизма и усили-

вать религиозный разлад между правительством и парламентом. Уже в сессию 1610 г. общины напоминают правительству о необходимости строго применять статуты против иезуитов, патеров и gesuants.

Очень рано корона сталкивается с парламентом в податном вопросе, в истолковании податной прерогативы. В знаменитом деле Бета (1606 г.) суд казначейства признал за короной право по усмотрению устанавливать ввозные и вывозные пошлины. Но в сессию 1610 г. общины подняли вопрос о правомерности взимания. Король, ссылаясь на приговор, запрещает говорить о пошлинах. Общины настаивают на своем праве говорить о всех предметах, затрагивающих права и интересы подданных, обещать всякие судебные решения, особенно решения, грозящие серьезной опасностью народным вольностям. И королю пришлось примириться с дебатами. Уже в них ясно выразилась глубокая рознь между абсолютистами и парламентским большинством. Яков учил палату величию монархии, требовал, чтобы общины не учили его королевскому ремеслу, не касались прерогативы, не трогали основных пунктов управления; Яков приравнивает к бунту всякую попытку указать точно границы прерогативы. На это коммонер Уайтлок отвечает различием между королем в парламенте и королем вне парламента. Верховная власть принадлежит королю только в парламенте. Воля верховной власти выражается в статутах. Человек не должен быть мудрее закона. Если даже закон создает неудобства, их лучше устранить новым законом, а не личным произволом. И право обложения есть право верховной власти, которое может быть осуществлено только королем в парламенте. Решение суда в деле Бета подрывает основы конституции и не имеет законной силы. После прений палата обращается к королю с петицией об отмене всех налогов, взимаемых без согласия парламента; палата жалуется на попрание неконных вольностей, на попытки установить новую форму произвольного управления. В следующую сессию (конец 1610 г.) палата еще смелее. Слышатся дерзкие речи о фаворитах короля, особенно о шотландцах. До короля доходят слухи, будто в парламенте готовится петиция о высылке всех шотландцев на родину. Яков заявляет, что он вовсе не обладает «ослиным терпением», и распускает парламент. Его с трудом отговорили от ареста виднейших представителей оппозиции.

Наметившиеся в 1-м парламенте конфликты быстро обостряются в следующих. Выборы 1614 г. окрашены ярко оппозиционным духом. Прошел слух, будто несколько предприимчивых политиканов (undertakers) обещали короне разными хитростями провести покорное большинство. Избиратели относятся с большим недоверием ко всем кандидатам, имеющим сколько-нибудь прочные связи с правитель-

ством, иногда прямо говорят им, что не отдадут им голосов. Депутаты высказывают не меньше недоверия. При проверке выборов оказалось, что попавший в палату канцлер Лавкастерского герцогства оказал давление на выборы в Стокбридже. Выборы признаны недействительными; канцлера выгнали из палаты, король был вынужден удалить его из Тайного совета. Палата изучает жалобы предыдущего парламента за сессию 1610 г. и вновь вносит билль о пошлинах. Представители правительства пробуют сослаться на широкие податные права испанского и французского короля. Вожди большинства зовут континентальную монархию тиранией. Для Сандиса всякая монархия восходит к народному выбору; монархия, опиравшаяся только на силу, может быть и низвергнута силой. Уентуэрс смело напоминает, что «сильные» французские короли, о которых говорят королевские советники, погибли точно телята под ножом мясника. (Впечатление от убийства Генриха IV было очень живо.) В палате лордов раболепный епископ Ниль объявил изменническими податные прения общин. Общины немедленно требуют удовлетворения; Ниль должен был извиниться. Но негодование улеглось не сразу. В палате говорят, что придворные угодники — смирные собаки перед королем и хищные волки перед народом; говорят о шотландских фаворитах и вспоминают про сицилийскую вечерню. Король распускает парламент через два месяца после созыва и не утверждает ни одного билля. Четырех коммонеров посадили в Тауэр, у четырех отняли должность мирового.

После этого 6^{1/2} лет не созывали парламента. Но оппозиционное настроение только поднялось от перерыва. С самого начала сессии 1621 г. общины принимаются за расследование злоупотреблений с монополиями. Возрождается судебная власть парламента, заглохшая при Тюдорах. Привлекаются к ответу наиболее ненавистные монополющики, в их числе двое мировых, Мичель и Момпессон. Сгоряча общины превышают свои традиционные полномочия. Сам Кок предлагает вычеркнуть Мичеля из мировой комиссии, и его вычеркивают; Момпессон спасается на континент. Скоро общины опомнились и вернулись к практике *impeachment*, ограничились ролью обвинителя перед верхней палатой. Преследование монополющиков быстро приводит к преследованию королевских министров. Доклад о выдаче монопольных патентов составляли сановники — канцлер, лорд-казначей, генерал-аттерни. Общины требуют суда над ними. Король пробует заявить, что парламент не имеет права судить министров. Но даже лорды не соглашаются с королем и выслушивают обвинение, выставленное общинами против «докладчиков». Следствие по поводу монопольных патентов быстро приводит к раскрытию судебных злоупотреблений канцлера Бекона. И суровый приговор перов над Беконем восстанавливает судебную

ответственность министров. Таким образом первая сессия парламента 1621 г. закончилась победой народного представительства над абсолютистическим правительством.

После длинной летней вакации отношения между королем и парламентом стали еще напряженнее. Яков был вынужден созвать парламент в 1621 г., потому что хотел вести большую континентальную войну, вернуть своему злополучному зятю только что отнятый католиками Палатинат. Общины больше короля были напуганы протестантской бедой, но им хотелось устроиться подешевле, они решительно отказались дать ту огромную субсидию (900.000 ф.), которую требовало правительство. А главное, они совершенно не верили в искренность правительственных заявлений. Одновременно с приготовлениями к войне за Палатинат Яков ведет живые переговоры об испанском браке и часто видится с очень непопулярным в Лондоне испанским послом Гондомаром. Протестанты убеждены в лицемерии правительства, полны страха перед католическими интригами. Очень короткая зимняя сессия 1621 г. наполнена бурными прениями о внешней и религиозной политике. Общины проявляют нервную нетерпимость по отношению к католикам. За сравнительно невинную насмешку в частной беседе над несчастиями пфальцграфа общины немедленно приговаривают католического адвоката Флойда к жестокому наказанию, забывая в пылу раздражения о том, что нарушают своим приговором конституционную традицию; спохватившись, передают дело лордам, но лорды только оттягчают кару.

3 декабря общины подают королю петицию, горько упрекают правительство за сближение с католическими государями, за поправки английским папистам, которые растут в числе и дерзости и ждут не дождутся испанского брака. Отзывы о католических государях и католической вере совершенно свободны от условностей дипломатического языка. Иезуиты и патеры — зажигатели всего христианского мира; папешество полно дьявольских положений; католические государи повинны в грубом вероломстве по отношению к Англии. Необходимо немедленно порвать брачные переговоры с испанским двором и женить Карла на протестантке. Нужно твердо взять в руки меч и ополчиться на испанского короля. Нужно строжайше соблюдать все законы против английских папистов, отымать у них детей и отдавать протестантским учителям. Услыхав о петиции, Яков воспылал гневом на «популярные» умы, осмелившиеся говорить о вещах, далеко превышающих разумение подданного и колеблющих королевскую прерогативу. В тот же день Яков шлет палате запрет говорить о «глубоких государственных материях», испанском браке, королевских друзьях и союзниках. Палата не обратила внимания на монарший запрет и жалуется на королевскую попытку ограни-

чить свободу слова, отнять у парламента унаследованные от предков вольности, упрекает короля за то, что он узнает о парламентских прениях от злонамеренных наушников. Последний упрек задел короля за живое. Он отвечает раздраженно. Он старый и опытный государь, не общинам учить его королевскому ремеслу. Не он нарушает их вольности, а они захватывают его прерогативы и потом отпираются от своего дела, точно разбойник, который обобрабл путника и божится, что он никого не хотел обижать. Никаких наследственных привилегий у парламента нет, есть только давние милостивые уступки короны, которые подлежат отобранию при первом покушении на прерогативу.

Общины встревожились и отвечали 18 декабря торжественным протестом: вольности и привилегии парламента суть несомненное и древнее прирожденное право английских подданных; в число этих вольностей входит право свободно обсуждать все дела, относящиеся к церкви, короне, народной обороне, законодательству, правительственным злоупотреблениям. На другой день Яков отсрочил заседания парламента и во время вакации, 30 дек. 1621 г., явился в Уайтголь, вытребовал протоколы палаты и в присутствии тайных советников и судей сам вырвал из протоколов страницу, на которой был записан протест 18 дек.; вскоре он распустил отсроченный парламент и посадил в тюрьму одних вождей оппозиции, а других усад в Ирландию.

Казалось, между короной и парламентом произошел полный разрыв. Раздражение против короля, накипевшее в протестантских сердцах, вылилось в грубый памфлет *Tom tell-truth* (Том, что режет правду-матку). Яков — защитник веры, но он защищает папешскую, а не Христову веру; Яков — «глава церкви», но церкви спящей, а не воинствующей. Яков ничего не сделал для несчастных протестантов, не пошевелил пальцем даже для дочери. Он позволяет Гондомару отпирать золотым ключом все тайны королевского кабинета, а сам со своим любимцем предается самым отвратительным порокам, какие только известны человеческому воображению.

Но Якову пришлось еще раз встретиться с парламентом. И странным образом, встреча вышла довольно дружелюбная. Неудачливый жених Карл осенью 1623 г. вернулся с Бекингамом с пустыми руками из Мадрида и получил возможность некоторое время парадировать в качестве ярого испанофоба и протестанта. Парламент 1624 г. охотно дает деньги на войну с католиками, но зато выступает в качестве судьи над старой королевской политикой. Возбуждается парламентское судебное преследование против лорда-казначей Мидльсекса. Его осуждают за служебные злоупотребления, но настоящая причина преследования политическая: Мидльсекс — горя-

чий сторонник сближения с Испанией. Осуждая Мидльсекса, парламент устанавливает возможность политической ответственности министров. Яков пробует фрондировать. 28 мая он резко бранит парламент за представленные ему билли. Но обаяние короны очень потускнело: общины отказываются занести в протокол старческое брюзжанье. Яков грозит изменить собственной властью неприятное ему предисловие билля о субсидии; угроза встречена открытым ропотом коммонеров в присутствии короля и осталась неисполненной.

Карл пришел к решительному разрыву с парламентом очень скоро, в четыре года, ибо главные линии конфликта наметились уже при Якове. Обе стороны ссылались на традицию, жаловались на революционные новшества противника. Правительство хотело оставаться при тюдоровском порядке «короля в совете». Оно терпело парламент, даже видело в нем желательное украшение государственного механизма, но только под условием политической покорности, послушного содействия видам короны. Правительственные притязания на властное руководство народной жизнью шли даже дальше, чем при Тюдорах, и при встрече с противодействием прикрывались ссылкой на прерогативу. Неясная и трудно уловимая, она была близка к суверенитету континентальных теоретиков, таила в себе возможность чистого абсолютизма. Немудрено, что парламентская оппозиция резко восставала против правительственных вождений и стремилась свести таинственную прерогативу к ряду точно ограниченных правомочий. Она тянулась к другой ретроспективной мечте, к идеализированной конституции XIV и XV в.в., твердила о «короле в парламенте», о дружном содействии монарха, лордов и общин. Когда парламентские джентльмены и горожане выступали, как поборники исконных, прирожденных вольностей, то ими руководило не пристрастие к теоретической политической схеме, не антикварное увлечение далекой стариной, а живые и насущные интересы. По своей социальной политике английский абсолютизм был наиболее выгоден как раз для тех классов, что всего лучше были представлены в парламенте. Но в конце концов государственный порядок перестал удовлетворять даже эти классы. И дело было не только в том, что скуайры и ольдермены не хотели мириться с ролью послушных исполнителей правительственного приказа, сами жаждали власти. Фискальные меры правительства начинали больно бить по карману и ту общественную среду, из которой выходили «коммонеры». Кушцы очень тяготились произвольными повышениями таможенных ставок. Джентльмены негодовали на «принудительный заем», навязывание дорогого рыцарского звания, шпионские розыски коронных земель, а впереди их ждали корабельные деньги. Сюда примешивалось недовольство религиозной и внешней политикой правительства. Неприязнь к Риму скорее

росла, чем слабела в обществе; не проходил и страх перед коварными замыслами Рима. Англо-католицизм влиятельных иерархов не внушал доверия, не возбуждал широкого сочувствия: в нем подозревали хитро замаскированную палешскую интригу. Тревога усиливалась вследствие слухов о сближении короля с католическими государями, об испанском сватовстве наследника. Радость по поводу неудачи с испанским браком была недолга. Карл женился на другой католичке, двор которой стал средоточием английского католицизма. В частной жизни Карл был много чище и царственнее отца; но он поддался влиянию отцовского фаворита Бекингама, который и при Карле остался вдохновителем правительственной политики. ↙ Оппозиционное общественное мнение, еще не отрешившееся от традиционной почтительности перед особой монарха, нашло себе в Бекингаме удобную мишень для нападений. Последние парламенты Якова восстановили судебную ответственность министров, но осуществили свое право по отношению к министрам, не стоявшим особенно близко к государю. При Карле парламентская атака направляется на человека, стоящего на ступенях трона, отчего конфликт углубляется и заостряется. А когда Бекингам кончает жизнь под ударами пожа убийцы, политического фанатика, исчезает и последняя фикция, по которой не король, а его советники являются виновными. Карл становится сам своим первым министром, и столкновение короля с парламентом принимает революционную окраску. Тяжелое положение правительства усугубляется еще рядом неудач во внешней политике: ему приходится рассчитывать за неспособность организовать военные силы страны.

Уже 1-й парламент Карла (1625 г.) выражает недоверие к правительству. *Tonnage and poundage* даются королю только на год, тогда как Тюдоры и Яков получали их пожизненно. Правительство надеется получить субсидию, не давая никаких разъяснений по поводу своей иностранной политики, и замолчать позорную неудачу с немецкой экспедицией 1625 г. Но даже умеренные коммонеры, как Рич, требуют, чтобы вопрос о войне обсуждался в «почтенном» совете, а не решался по капризу фаворита, чтобы правительство сделало определенные заявления о своей политике, а не просто требовало денег. А более яркие представители оппозиции, как Феликс, говорят смелее. Правительство не заслуживает доверия и субсидии, ибо пренебрегает мнением парламента. Общины 1624 г. просили о защите «чистой» веры, правительство покровительствует англо-католикам; общины просили о женитьбе наследника на протестантке, Карл женился на католичке. Им теперь говорят о большой войне, но у них не спрашивали совета, ни даже не потрудились сообщить, с кем собираются воевать. Пусть же правительство само несет на себе последствия своей внешней политики. А парламент

пусть сосредоточится на внутренних реформах. Не надо останавливаться в страхе перед словом «прерогатива»; надо устремить взор на право подданного. На коммонерах лежит всемирная миссия в деле защиты народных вольностей. «Мы — последняя христианская монархия, хранящая свои первоначальные права и конституции». Но и в Англии свободе грозит большая опасность. «Советы и власть монополизированы», монополизированы людьми, которые создали испанское сватовство, разогнали парламент 1621 г. и посадили в тюрьму наиболее видных его членов.

Эти намеки были совершенно прозрачны. Но в пылу борьбы делают еще один шаг, и всемогущего фаворита прямо зовут главным виновником политического кризиса. «Монаршее доверие, — восклицает Симур (Seymour), — сосредоточено на Бекингаме, пусть на нем сосредоточится и политическая ответственность». Ответом правительства был немедленный разгон. И смелые парламентские бойцы покорно подчиняются. Самая мысль о революции еще не приходит им в голову. Они торопятся составить протест до появления пристава с указом о роспуске. Но их протест пока сбивается на смиренный верноподданнический адрес с заверениями в лояльности. Утверждение, будто для хорошего монарха лучшая слава и охрана есть любовь подданных, наиболее смелая фраза в «протесте».

Мечты правительства об управлении без представительства оказываются пустыми. Безденежье и мегаломания во внешней политике заставляют созвать новый парламент меньше, чем через полгода после разгона, в феврале 1626 г. Чтобы обезвредить оппозицию, главных вождей ее в предыдущем парламенте назначают шерифами (шерифа нельзя было выбирать в парламент). Но это мало помогает. У оппозиции оказывается пылкий и талантливый лидер, Элиот, довольно смиренно державший себя в 1625 году. А потом даже серые люди решительно нападают на правительство. Тон оппозиции повысился. Парламент 1626 г. начал с того, чем кончил парламент 1625 г. Через месяц после созыва малозаметные коммонеры заявляют, что корень всех зол — герцог и выставляют определенное обвинение против него. Карл горячо встает на защиту Бекингама, гордо запрещает общинам допрашивать королевских слуг, особенно наиболее близких к престолу, требует кары для дерзких обвинителей. Общины не пугаются. Элиот отвечает королю, указывает на примеры устранения негодных парламенту министров в XIII и XIV в. в. и еще резче нападает на Бекингама: пока Бекингам остается во главе правительства, у подданных не может быть желания помогать правительству субсидиями. Король грозит разгоном. Общины готовят формальный обвинительный акт против Бекингама, который вносится в палату лордов. Напрасно король говорит, что Бекингам во всем действовал по его указаниям, а что он, король, отвечает только перед богом.

Один обвинитель разъясняет, что король не может быть неправ, что за него отвечают министры. Другой, Элиот, в пылкой речи пытается угодить герцогу Сеяну. Король напоминает оратору о рискованности сравнения: если Бекингам — Сеян, то я — Тиберий. И велит посадить в Тауэр обоих обвинителей. Их скоро выпускают на свободу. Бекингам даже произносит защитительную речь в верхней палате. Но правительство вовсе не помышляло о сдаче. Наоборот, все ждали разгона. 14 июня перы просят короля подождать хоть два дня. Карл гневно кричит: «Ни минуты», и 15-го разогнал парламент. И общины боятся меньше, чем в 1625 г. В предчувствии роспуска они готовят протест, не похожий на смиренные излияния 1625 г. Они снова подтверждают, что государство не придет в порядок, пока Бекингам не будет устранен от дел, что народные представители дадут субсидию только тому правительству, к которому чувствуют доверие.

Встреча с парламентом ничему не научила насадителей абсолютизма. Два года, протекшие между 2-м и 3-м парламентами Карла, отмечены дальнейшим ростом правительственных притязаний, еще более решительным крахом правительственных начинаний.

Военные замыслы становятся все шире. К войне с Габсбургами присоединяется война с Францией. Правительству нужны деньги, очень много денег. Его кредит очень низок, с трудом дают деньги даже под обеспечение. Приходится выколачивать деньги из населения. Является мысль о привлечении всей страны к морской обороне. Еще в 1625 г. Уорик говорит, что не одно побережье, а вся страна заинтересована в береговой охране, и потому все должны содержать королевский флот. В 1626 г. король требует от прибрежных графств очень значительного флота (56 судов). Скрепя сердце, снаряжают флот, очень плохой. Перед самым созывом парламента в 1628 г. думали взыскать корабельные деньги со всей страны, но встретили сильное недовольство и отказались от сбора. С тем большим усердием взыскивают другой налог — принудительный заем в 1626—1627 г.г. — и с большим успехом: получили до 240.000 ф. ст. Недовольство займом было большое. В январе 1627 г. пришлось рассылать по провинции тайных советников для сбора. 15 перов отказались давать взаймы. В Глостершире и Линконшире отказались платить даже комиссары, приставленные к сбору. Есть и совсем маленькие люди, которые отказываются платить, — ремесленники, крестьяне. Для них отказ был истинным подвигом, ибо с ними церемонятся много меньше, чем со скуайрами и купцами. Их гонят на военные корабли, а при уклонении от службы грозят вешать. «Рыцарей» только сажают в тюрьму. В 1627 г. пять арестованных рыцарей обратились в Королевскую Скамью за habeas corpus и требовали, чтобы им указали причину ареста и срок

судебного разбирательства. Их адвокаты, в числе которых был знаменитый Сьюлден, стараются отыскать в юридической старине гарантии свободы и начинают свои ссылки с Великой Хартии. Процесс превращается в политическую демонстрацию, необычную в английском суде: публика долго аплодирует защитникам. Но рыцарей все же не выпускают на поруки. А заем, которого не хотят платить рыцари, исчезает в бездонных военных авантюрах Бекингама. К 1627 г. относится позорная экспедиция на остров Ра¹⁾, в которой Бекингам не мог взять третьеразрядной крепости, хотя потерял больше половины своих солдат. Если бы правительство аккуратно выплачивало жалованье, то только армии и флоту пришлось бы заплатить больше 200.000 ф. Но платят неаккуратно, и солдаты с матросами, недовольные уже тем, что их силой забрали на службу, ропщут на нужду или нищету. А мирное население жалуется на солдат и матросов. Их расквартировывают по частным домам до отправки на континент и плохо расплачиваются за их содержание; а постояльцам вдобавок случается грабить и насильничать.

Если мы припомним еще возроставшее недовольство богослужебными новшествами в государственной церкви и абсолютистическими заявлениями англо-католиков, то мы получим представление о запасе политической горечи, который должен был накопиться к 1628 г. в душе парламентского избирателя, несмотря на то, что он принадлежал к привилегированному меньшинству нации. И прежние выборы давали оппозиционное большинство. Выборы 1628 г. дали огромное оппозиционное большинство. Кандидаты, выдвинувшиеся сопротивлением правительству, особенно отказом давать займы, могли быть уверены в успехе. И наоборот, Лондон, всегда посылавший в парламент городского судью, забаллотировал его только за то, что судья подписался на принудительный заем. У оппозиции оказался ряд выдающихся вождей — Кок, Фелипе, Уентуёрс, Элиот, Пим. А правительство с своей стороны вовсе не расположено идти на серьезные уступки, держит себя вызывающе. При полном безденежье, не дожидаясь парламентской субсидии, оно отправляет флот на помощь гугенотам, чтобы парламент встретился с совершившимся фактом и был вынужден дать деньги. Чтобы выполнить намеченную программу военных операций, правительству в 1628 г. нужно больше миллиона, так размахиста его политика. Правительство твердо решило не допускать суда над Бекингамом и на попытку возобновить *impeachment* ответить разгоном. Карл 17 марта открыл парламент грубой речью. Он созвал подданных, чтобы получить от них средства для народной обороны. Если они не исполнят своего долга, он по совести будет вынужден прибегнуть к другим сред-

¹⁾ У западных берегов Франции, против Ларошели.

о крутом повороте во внешней политике, о религиозном лицемерии правительства, о насилиях над подданными, о невежестве и подкупности королевской администрации. Он видит родину в большой опасности, требует, чтобы парламент не ограничивался петицией и обратился к королю с «ремонастрацией», в которой с полной откровенностью было бы изображено бедственное положение страны и доказана необходимость всесторонней реформы.

Король 5 июня гневно велит палате не трогать министров, забыть о ремонастрации, обсуждать субсидию. В умах многих коммюнеров слагается убеждение, что политический кризис наступил, что нужно либо подчиниться насилию, либо вступить в открытую борьбу с короной. Робкие души напуганы, в палате слышатся рыдания. Даже такие видные коммюнеры, как Фелипе и Дигз, поддаются настроению и предлагают палате разойтись. Элиот с горячностью восстает против уныния, зовет к борьбе и увлекает палату. Он отрицает за королем право запрещать критику министерской деятельности; он напоминает, как сам Карл в бытность наследником судил лорда-канцлера и лорда-казначея. В парламенте 1628 г. еще не было ни разу произнесено имя Бекингема. Элиот отбрасывает страхи и прямо зовет всеильного министра виновником всех бед. Сельден идет по стопам Элиота и требует возобновления судебного процесса против временщика. На этот раз даже большинство верхней палаты присоединяется к общинам. Оставленный не у дел дипломат Бристоль говорит о необходимости раскрыть королю глаза на бедственное положение страны. Он протестует против толков о разгопе. Углубление и без того большой пропасти между королем и народом чревато опасностями не только для народа, но и для короля. Обе палаты шлют королю депутацию с просьбой дать определенный ответ на «Петицию о праве». Потерявший почву под ногами король вынужден утвердить петицию, которая в торжественном заседании 17 июля стала статутом, одним из самых знаменитых статутов в английской конституционной истории.

Когда клерк произнес старинную формулу *Soit droit fait comme il est désiré*, палата лордов огласилась громкими криками одобрения. Радостные восклицания усилились, когда король заявил, что народные вольности укрепляют прерогативу и что задача прерогативы — защита народных вольностей. Короля проводили овацией. Новость быстро растеклась по городу. Зазвенели колокола. К вечеру зажгли патриотическую иллюминацию, которой Лондон не видал с возвращения наследника из ненавистой Испании, с 1623 г. Людям казалось, что найден выход, политический кризис разрешился, король вступил в единение с народом. Это было легко объяснимое заблуждение. Даже среди близких к нам историков некоторые склонны придавать очень большое значение Петиции.

Осторожный Гардинер ставит Петицию рядом с Великой Хартией. Хартия ограничила монархию Генриха II, Петиция — монархию Генриха VIII и Елизаветы. Оба раза сильная монархия утвердилась на обломках анархической аристократии и была призвана к ответу, когда перестала служить национальным целям. Оба раза ограничительный акт оказался преддверием, а не завершением революции. Благоразумнее согласиться с историками, которые, подобно Галламу, отводят Петиции более скромное место. Петиция затрагивает всего 4 вопроса: незаконное обложение, незаконные аресты, военный постой, военную юстицию. Для каждого вопроса Петиция устанавливает действующее право и правительственные злоупотребления и кончает законодательными пожеланиями, которые в представлении петиционеров сводятся к восстановлению старых вольностей. Петиционеры ссылаются на Великую Хартию и статуты XIV в.; традиция, к которой они призывают, очевидно, оборвалась задолго до Стюартов, и рядом с нею или на ее место стала другая, к которой могло взывать правительство. Петиция стояла на зыбкой исторической почве. Она была уязвима и в своих законодательных постановлениях. Она требовала, чтобы никого не заставляли давать правительству неустановленные парламентом платежи и не подвергали никаким преследованиям в случае отказа, чтобы никого не арестовывали и не держали в тюрьме без указания законной причины, чтобы удалили солдат и матросов и больше не ставили их на постой, чтобы впредь не выдавали военно-судебных комиссий и не присуждали к смертной казни вопреки общему праву. Петиция далеко не покрывала всей области, которая была предметом политического спора между правительством и парламентом. Спор шел столько же о власти, сколько о свободе, столько же о влиянии на общий ход государственной жизни, сколько об ограждении личности. Недовольные желали свалить Бекингама несколько не меньше, чем положить конец административным злоупотреблениям. Когда весть о победе парламента дошла до провинции, то простой народ во многих местах стал рассказывать, что герцог отстранен от всех должностей и засажен в Тауэр; в глухих углах жгли огни и звонили не Петиции, а мнимому падению временщика. Победенная сторона, корона, видела в согласии на Петицию только тактическую уступку, которую при первой возможности готовилась взять обратно. Перед тем как согласиться на Петицию, Карл спрашивает своих судей, может ли он, согласившись на Петицию, арестовать без указания на причину совершенно так же, как он делал до Петиции? И получает утвердительный ответ. А оппозиция вовсе не думает остановиться на Петиции. Непопулярность Бекингама попрежнему очень велика. По рукам ходят баллады о его преступлениях. Его злым гением считают некоего Лама (Lambe),

звездочета и врачевателя. Вечером 13 июня толпа лондонских подмастерьев выследила Лама на улице и затравила на смерть, точно вредного зверя. В толпе кричали, что и с герцогом расправились бы так же, если бы только добрались до него. Убийц не нашли. Еще до этого, 11 июня, общины возобновляют парламентский поход против Бекингама, составляют «демонстрацию». Причиной бед зовется там сосредоточение чрезмерной власти в руках герцога, которое неизбежно привело к злоупотреблениям властью: необходимо распределить власть между несколькими доверенными людьми. Карл видит в этих нападениях черную неблагодарность, неспособность оценить великую жертву, которую он принес, согласившись на Петицию. Но и в толковании Петиции быстро вскрываются глубокие разногласия между королем и парламентом. Петиция вообще проредактирована недостаточно определенно, а та часть ее, которая говорит об обложении, есть, кажется, наименее удачная часть ее. Общины думают, что Петиция отняла у короля право взимать какие бы то ни было налоги, в том числе и таможенные пошлины, без согласия парламента. Король утверждает, что Петиция имеет силу лишь для тех налогов, которые и раньше взимались с согласия парламента, и что пошлины не принадлежат к их числу. Tonnage и roundage взимаются, как прежде. Общины обвиняют короля в нарушении Петиции и готовят вторую демонстрацию. Чтобы не дать возможности подать ее, король спешно закрывает сессию 26 июня и гневно упрекает общины в вероломном злоупотреблении Петицией. Парламент распустили до осени, но он собрался лишь 20 янв. 1629 г.

В перерыв между 1-й и 2-й сессией третьего Карлова парламента случилось событие, которое обострило конфликт. Непопулярность Бекингама росла. Чуть не на другой день после отсрочки парламента на улицах Лондона появилась прокламация. «Кто правит страной? Король. Кто правит королем? Герцог. Кто правит герцогом? Чорт. Пусть герцог не забывает об этом». 23 авг. 1628 г. один офицер-неудачник, Фельтон, убил Бекингама в Портсмусе, когда Бекингам готовился плыть на выручку к гугенотам. Это было в значительной мере политическое убийство. Для общественного настроения характерна широкая популярность убийцы и радость по поводу смерти временщика. В честь убийцы сочиняют стихи. Одно стихотворение приписывали даже, правда, ошибочно, поэту-лауреату Б. Джонсону. Убийцу провожают в Тауэр одобрениями, зовут его Давидом. А Бекингама пришлось похоронить почти тайком, чтобы не вызвать враждебной демонстрации. Тень непопулярности временщика ложится и на ступени трона. Вскоре после убийства идет разговор между «донами» в одном оксфордском колледже. Богослов Гиль, сын очень видного педагога, предла-

гает выпить за убийцу и сожалеет, что Фельтон предупредил его. Гилль старается нарисовать картину встречи Бекингама с покойным королем в аду. Да и теперешний король хорош: ему бы не государством править, а служить приказчиком где-нибудь на Чипсайде.

У Бекингама не нашлось преемников. В 30-х г.г. были влиятельные министры, но ни один не заслонял собой короля. Карл сам стал своим первым министром. Обнаружилась связь между правительственной политикой и личностью монарха. Оппозиция больше не могла сваливать ответственность за нестроение в государстве на средостение, отделяющее монарха от народа. В 1629 г. общины сталкиваются лицом к лицу не с временщиком, а с самим королем, и разрыв наступает очень скоро.

В короткой сессии 1629 г. очень много места занял религиозный спор, обнаружилось глубокое недовольство, порожденное правительственной политикой даже в среде помещиков и коммерсантов. Общины расходятся с короной в конституционном вопросе, настаивают на том, что парламенту принадлежит верховенство и в религиозной области. Конвокация, Высокая комиссия суть подчиненные органы церковного управления, заимствующие власть у парламента. Элиот обрушивается на королевскую декларацию, по которой административная власть в церкви признается только за королем, а право толкования спорных вопросов вероучения—только за прелатами. Страстные религиозные прения 1629 г. обращены ненавистью к папизму и арминьянству, недоверием к епископам. Если раньше Элиот смело зовет по имени Бекингама, как главного врага нации, то теперь он столь же смело зовет иерархов государственной церкви, Лода, Нила, Монтегью, врагами истинной веры. Другие коммонеры (Рауз и Кертон) прямо говорят, что епископы мечтают о кардинальском наряде и коварно готовят реставрацию папизма. В палате уже слышатся слова, предваряющие революционный язык 40-х г.г.; надо начать сечь корни, а ветви тогда отпадут сами. Но как бороться с католической и арминьянской опасностью, как предупредить извращение истинной веры? Для этого прежде всего надо определить последнюю, ограничить ее от заблуждений. Коммонеры не думали создавать новых догматов; они были уверены, что истина дана людям, находится у них в руках. Но они стали перед практической задачей; им нужно было установить точные признаки, по которым можно было бы объявить человека папистом или арминьянцем. Общины пытались выйти из затруднения заявлением о своем желании остаться при вере отцов. 29 января принята знаменитая резолюция: «мы принимаем за истинную то толкование 39 статей, которое было установлено публичными актами церкви и единомыслием учителей, мы отвергаем иезуитское и арминьянское толкование». Юристы обратили внимание палаты на

крайнюю неопределенность резолюции; и общины должны были сделать еще шаг, присвоить себе верховенство в догматической области. Элиот заявляет, что не нужно разъяснять резолюции, что все коммонеры принимают за истину, так наз. Lambeth articles (ламбесские статьи), истолкование англиканского вероучения в кальвинистском духе, сделанное некоторыми елизаветинскими прелатами в 1595 г. И это убеждение коммонеров Элиот предлагает сделать обязательным для всего населения; он предлагает учинить следствие над правоверием подозреваемых в арминизме клириков и мерой ортодоксии считает произвольно выбранное и спорное изложение вероучения. И палата стала на точку зрения Элиота, приступила к следствию над главными англо-католиками (Монтегью, Козин, Гудман, Пиль). Незадолго до разгона парламентский комитет по религиозным делам вырабатывает резолюции, в которых изображает бедственное состояние церкви и указывает меры для ее спасения. Резолюции требуют суровых кар для всех уклоняющихся от истинной веры; надо сжечь книги Монтегью и Козина, а впредь строже глядеть за книгами и давать бенефиции только православным клирикам.

Уже религиозные разногласия между короной и парламентом должны были быстро привести к разрыву; они осложнились конституционным спором о налоговых полномочиях короны, который и послужил непосредственной причиной разгона. С самого начала сессии Сельден утверждает, что правительство нарушает Петицию тем, что продолжает взимать tonnage and poundage без согласия парламента. А правительство требует пошлины даже во время сессии и даже с одного коммонера, купца Ролли. Общины зовут таможенных чиновников к решетке парламента, Карл разъясняет, что чиновники действовали по его приказу, и отсрочивает заседания палаты на несколько дней, до 2 марта, чтобы дать улечься страстям. Но страсти разыгрались еще больше. Когда общины собрались 2 марта, то вожди ждали дальнейшей отсрочки и приготовились встретить ее решительным протестом. 2 марта спикер Фияч действительно приказал палате от имени короля разойтись до 10 марта и поднялся, чтобы выйти из залы. Два коммонера, Гольз и Валентайн, подбежали к нему и силой усадили его назад на председательское кресло. Элиот требует, чтобы спикер прочел и поставил на голоса декларацию, выражающую истинные намерения палаты. Другой коммонер запирает изнутри двери палаты. Спикер отказывается читать декларацию, ссылаясь на приказ короля об отсрочке. Сельден советует Элиоту занять председательское место и поставить декларацию на голоса. Но Элиот сжег свою декларацию. Коммонеры ждут, что их с минуты на минуту разгонят силой. За дверями уже слышны удары. Гольз кричит, что помпиг декларацию наизусть, и говорит ее. В ней 3 статьи.

Смертельным врагом государства объявляется всякий, кто принесет новшество в религию, кто будет причастен ко взиманию *tonnage and poundage* без утверждения парламента; врагом английских свобод объявляется и тот, кто будет платить *tonnage and poundage* без утверждения парламента. Коммонеры шумно принимают эту декларацию и по собственной инициативе делают постановление об отсрочке, отпирают двери и расходятся. Следующего парламентского заседания пришлось дожидаться 11 лет.

Общины бросили правительству чисто революционный вызов. Они отказались подчиняться королевскому приказу об отсрочке заседаний. Они объявили тяжелым государственным преступлением религиозную политику той части клира, которая стояла всего ближе к правительству. Они не дали правительству субсидии и объявили тяжелым государственным преступлением взимание таможенных пошлин, которые правительство считало себя вправе взимать без согласия парламента. Через голову правительства они обращались к стране и объявили государственным преступником всякого купца, всякого человека, который осмелится платить королю неутвержденную парламентом таможенную пошлину. И пока не выяснилось политическое положение, купцы-авантюристы сокращают, почти прекращают вывоз сукна и прямо говорят, что боятся парламентского «протеста». Если бы общественная среда оказалась готовой к борьбе, если бы коммонерам удалось провести в жизнь свои лозунги, то нижняя палата стала бы хозяйкой государственной веры и государственного кошелька, в стране произошла бы коренная политическая перестановка; настал бы конец абсолютистическому порядку, исчезла бы всеобъемлющая неопределенность прерогативы и сменилась сходной неопределенностью парламентского верховенства, при чем господствующей ипостасью парламентской троицы явилась бы нижняя палата. Общины взывали к революции 2 марта 1629 г., хотя представляли ее себе в форме пассивного сопротивления. Общины ошиблись в политическом диагнозе и прогнозе. Их смелый голос замер в стенах парламента, не разлился широкой волной по стране. Правительство легко поборолo парламентскую оппозицию, потому что за ней не оказалось сильного общенародного движения. В распоряжении правительства не было ни большой армии, ни послушной полиции, ни значительных денежных средств; его победа не может быть объяснена, как торжество грубой силы, находившейся в руках искусных руководителей абсолютистического порядка. Парламентский призыв 1629 г. встретился с общественным равнодушием, и это равнодушие красноречиво говорит против мнения, будто бы английский парламента первых Стюартов хорошо отражал интересы и взгляды широких кругов населения. Повидимому, правительство

выходит полным победителем из борьбы с народным представительством, и печальная судьба Элиота и его товарищей по тюрьме знаменует собой крушение английской свободы. Лод и Уентуэрс мечтают о thorough («напролом»), о последовательном насаждении благожелательного и попечительного абсолютизма. Англия точно перестает быть исключением в семье больших европейских монархий и входит в русло общеевропейской истории. Правительство хочет забыть и заставить забыть о парламенте. В 1635 г. папский посол Ranzani слышит о возможности созыва парламента и говорит о слухе сановнику Котингтону. Тот смеется над его легковерием. «И кто это сказал вам такую бессмыслицу?» Отказ от агрессивной политики, столь характерный для английской дипломатии 30-х г.г., позволяет обходиться без парламентских субсидий и без грубых нарушений сложившегося налогового права. Несмотря на быстрый рост фискальных домогательств, абсолютизм оказывается не очень дорогим порядком и не приводит страны к серьезному хозяйственному кризису, а некоторым представителям торгового и промышленного капитала живется прямо таки хорошо под покровом государственного покровительства. В 30-х г.г. слабеет оппозиция в судебных кругах, в которых корона находит теперь влиятельных сторонников. Религиозная оппозиция кажется придавленной. Первые 6—7 лет после разгона 3-го Карлова парламента были наиболее блестящей порой в истории английского абсолютизма, перед которым, казалось, открывалось долгое и ясное будущее. Казалось, хозяева государства переживали свою молодость, расширяли свои притязания, стремились подчинить себе независимых раньше деятелей местного управления, а в своей благотворительной политике ставили себе новые социальные задачи. Они верили в свою нравственную и юридическую правоту. Уентуэрс и король воспылали негодованием, когда в начале 1629 г. познакомились с политической запиской, где королю советовали завести наемную армию, поставить гарнизон в важнейших городах и собственной властью взимать новые налоги. В Тайном совете король торжественно заявил, что такие советы годятся разве для турецкого государства, и первое время считал записку пасквилом, написанным с целью дискредитировать правительство. При Карле в годы бездумья о божественном праве королей слышно много меньше, чем при Якове. Организуя абсолютистический порядок, правительство хочет уверить себя и других, что оно действует в полном согласии с правом. Когда Лод и Уентуэрс, протагонисты этой политической драмы, говорят в своей интимной переписке о задуманных мечтах, о thorough, об увенчании здания, то своими главными врагами они считают вовсе не приверженцев парламента. Противоабсолютистическая оппозиция в обществе есть для них *quantité négligeable*. Их противники суть

юристы — крючкотворцы и беспринципные, себялюбивые, вороватые чиновники и сановники, вроде Уестона, Портланда и Котингтона. Они мечтают о честной и бережливой бюрократии. Правительство видит у себя такие длинные руки, что хочет протянуть их к другому берегу океана. В апреле 1636 г. учреждается комиссия по колониальным делам, с Кодом во главе. Она должна пересмотреть колониальные грамоты, установить в случае нужды новые законы, ввести везде англиканскую церковь, контролировать губернаторов.

Наверху думали, что всякое общественное противодействие сломлено, что обеспечено долгое и беспорное царство прерогативы. В 1634—1637 г.г. генерал-викарий архиепископа Лода производит ревизию всей Кентерберийской провинции. Его отчеты дышат самодовольством успеха. Враг обессилен, паялистов мало, пуритане подчиняются добровольно или вынужденно. Викарий всюду вводит однообразные обряды, а строптивых устраняет: устраняет, напр., одного священника только за то, что он не заставляет прихожан становиться на колени перед св. дарами. Священников карают не только за действие, но и за непочтительные слова. Старого ирландского священника Уорда в 1634 г. отрешили и посадили в тюрьму за резкие отзывы о распространении обрядового духа в церкви. А у англо-католиков развязываются языки. В 1635 г. выходит с разрешения цензуры Female glogy Страффорда, житие богородицы, уснащенное легендарными подробностями и католической набожностью, в котором протестанты легко могли усмотреть возврат к суеверному почитанию мадонны.

Но победа государственных церковников не была полной. Религиозная оппозиция не исчезла, а притаилась. В 30-х г.г. от времени до времени давали знать о себе даже радикальные религиозные движения. В 1631 г. в Ёльстере (Ulster) пришлось бороться с анабаптистами. В авг. 1639 г. в Лондоне хоронили умершего в тюрьме сектанта. За гробом шло человек 200 единомышленников, похоронили без священника. Рост более умеренной религиозной оппозиции хорошо отражается на судьбе Принна (Prynne). В Оксфорде, тогда еще протестантском, и в адвокатском подворье он впитал в себя всю непримиримость ортодоксального кальвинизма и отдал всю свою неуклюжую ученость борьбе за пуританизм. С одинаковой страстью и педантичностью он пишет и о «Непреложности возрождения» и о «Болезни здравия», и о «Безобразии доконов» (Unloveliness of lovelocks); коренные разногласия в основных религиозных вопросах и мелкие отступления от пуританских правил хорошего тона почти одинаково возмущают эту узкую и угловатую душу, лишенную чувства перспективы. Но он силен бесстрашием мученика. Обличая то, что он считал злом, он никому не делал ни малейшей уступки и был готов на любые жертвы.

Он ненавидел театр, видел в нем только дьявольское орудие народного развращения. Он считал почти противоестественным грехом переряживание мужчин в женское платье и с еще большим ужасом глядел на появление женщины на подмостках; простое хождение в театр ведет к вечному осуждению. Он пишет о театре скучно-бешеный памфлет в 1000 страниц (*Histriomastix* 1632 г.). А в числе любителей театра были король и королева. И когда Принн кончал печатать свою книгу, в лондонском обществе хорошо знали, что королева собирается играть в одной пасторали; это не помешало ему заявить на последней странице, что всякая женщина, осмелившаяся выступать на подмостках, есть распутница. Принна немедленно привлекают к суду Звездной палаты по обвинению в клевете (*libel*). Приговор жесток: отнять академическое и адвокатское звание, отрезать уши у позорного столба, засадить пожизненно в тюрьму. И все-таки Принн не привлек к себе сколько-нибудь широких общественных симпатий; его процесс прошел малозамеченным. Иначе прошел его 2-й процесс в 1637 г. Принн и в тюрьме пишет пуританские памфлеты; в одном из них зовет всех епископов потайными папистами и требует суда над ними. Вместе с Принном Звездная палата привлекает к суду священника Бертонна и доктора Бастуика, которые в резких памфлетах выступили с решительным отрицанием епископализма и с проповедью пресвитерианства. Их приговор: высокий штраф, отрезка ушей, пожизненное заключение в крепости. Их судьба привлекает к себе широкое и сочувственное внимание. Дорогу к эшафоту им усыпают цветами. Вокруг стоит большая толпа и отвечает ревом одобрения на их смелые речи о бессудье и правительственной нечестивости. И Лод с негодованием пишет Уентуёрсу о том, что крамола коснулась самих палачей, которые не зажали рта преступникам. Когда последних развозят по крепостям, по дороге им устраивают сочувственные манифестации: в Ковентри Принна посещает даже один ольдермен. А на улицах Лондона появляются прокламации, где Лод зовется вождем сатанинского войска, воюющего со святыми. И едва пошатнулся абсолютизм, как по Лондону прокатывается высокая волна пуританского бунта. Долгий парламент еще не собрался, а в сент. 1640 г. в двух лондонских церквях прихожане отвечают угрозами на попытку церковного чиновника произвести обычное дознание о религиозных проступках. В октябре толпа врывается в помещение Высокой комиссии, где собирались судить одного сепаратиста, останавливает заседание, рвет книги, ломает мебель. Буянов не решаются притянуть к суду Звездной палаты, а *grand jury* отказывается предать их суду. В следующее воскресенье толпа врывается в собор св. Павла и рвет там бумаги, которые она принимает за архив Высокой комиссии.

К концу 30-х г.г. крепнет голос и у светской оппозиции. Недовольство накопилось даже в общественных верхах. Там не встречала уже полного сочувствия церковная политика правительства, и не по религиозным соображениям только. Попытки насадить церковное единообразие, церковную дисциплину в конце концов задевали и людей значительного общественного положения. Правда, с некоторым преувеличением Кларендон рассказывает, что Высокая комиссия чуть не каждый день вызывала значительных людей и наравне с простолюдинами карала их за «невоздержанность». В пример можно указать на дочь Кока. Ее выдали силой за придурковатого Бекингамова брата. Она сбежала к сыну ерля Сеффока и живет с ним. Несколько лет спустя оба смело приехали в Лондон. Высокая комиссия немедленно арестует прелюбодейку и хочет подвергнуть позорному наказанию, но любовник сумел увезти ее во Францию. Священник школы Лода начинает проицаться почтением к своему сану и перестает бояться своего скуайра, начальственно следит за его частной жизнью, и скуайр, вовсе не привыкший считать попа ровней, попадает в известную зависимость от него. А в светской придворной среде очень недовольны усилившимся влиянием клириков на государственные дела. Преемником Бекона в 1621 г. назначен клирик Уильямс, не юрист по образованию. В 1635 г. архиепископ Лод стал председателем комитета Тайного совета по иностранным делам. Его метили в лорды-казначей, но он предпочел поставить на это место (март. 1636 г.) очень близкого к себе клирика, еп. Джексона (Juxon). При дворе уже стали поговаривать, что и в государственные секретари и в канцлеры казначейства назначают клириков, и были очень недовольны ростом клерикального влияния. У некоторых англо-католиков проскальзывает уже недовольство подчиненностью церкви государству и теократические притязания. Козин заявляет, что духовенство получает свои карательные полномочия, напр. право отлучения, не от короля, а прямо от Христа.

Землевладельцы - аристократы тяготились и поборами, с которыми был связан архаический порядок рыцарского держания; они мечтали о переходе к менее почетной, но более выгодной форме держания (socage). Рост фискальных притязаний угрожал им и более серьезными убытками. Усердные розыски «скрытой» коронной земли иногда сталкивали королю с наиболее крупными лэндлордами. Услужливые судьи объявили лишенным юридической силы обмежевание коронных «лесных дач», произведенное при Эдуарде I. Земельные права, считавшиеся бесспорными в течение 3½ веков, признаются ничтожными. Ерля Сользбери принуждают к уплате 20.000 ф. за «захват» коронного леса; на ерлей Уестморланда и Саусамтона тоже налагают огромные штрафы. С двух близких к лорду-казначею Портланду людей хотят взыскать даже

98.000 ф. Правда, иногда правительство прощает такие штрафы и почти всегда взыскивает лишь малую часть присужденной суммы. И все-таки эти фискальные вымогательства разливают недовольство даже в кругах, близких ко двору и правительству, тем более, что оно подкрепляется еще католической фрондой. Первый общий указ о корабельных деньгах (авг. 1635 г.) был встречен спокойно. Резкие возражения слышатся раньше всего при дворе королевы, где толкуют о поправке основных законов, о созыве парламента в надежде, что парламент навяжет правительству союз с Францией. А первый прямой отказ местных властей от взимания налога имел место по соседству с землями одного пуританского пера Сея и, кажется, под влиянием последнего. Вторым общим указом о корабельных деньгах (окт. 1636 г.) натолкнулся на более широкое и энергичное сопротивление. И первыми выразителями недовольства выступили люди высокого положения. Близкий ко двору, заслуженный старик, ерль Данби, пишет королю предостерегающее письмо: указ противоречит основным законам и исконным вольностям Англии, недовольство в стране растет, и королю надо созвать парламент, чтобы восстановить добрые отношения с подданными. Король резко порицает лорда Уорика за то, что его держатели туго платят корабельные деньги. Уорик отвечает, что держатели поступили так, как должны были поступить, что они защищают народные вольности, что если королю нужны деньги, то пусть он просит субсидии у парламента. Отказываются платить свою долю корабельного налога не одни маленькие люди. Правительство выбрало зажиточного и породистого бекингемширского екуайра Гемдена, чтобы судебным порядком установить свое право на взимание налога. Но оно могло выбрать и пера, ибо среди отказавшихся находился лорд Сей.

Наличие широкого недовольства во всех слоях общества есть, конечно, коренная причина революции. Когда наступил кризис, у оппозиции быстро нашлись и рядовые, и офицеры, и генералы. Не будь глубокого общественного недовольства, внешние толчки гораздо более сильные, нежели шотландская война 1639 и 1640 г.г., привели бы скорее к укреплению сложившегося порядка. В момент национальной опасности народ, особенно народ с такой резкой физиономией, как англичане, легко сплачивается вокруг популярного правительства и легко мирится с ростом правительственных полномочий. Но как ни важно было общественное недовольство, его одного недостаточно для объяснения успехов революции. Если бы даже было возможно говорить о непрерывном росте враждебных правительству настроений, все же чисто английская оппозиция очень долго остается плохо организованной. В 1637 и 1638 г.г., даже в 1639 г., в Англии у правительства нет опасных противников. В конце концов англичане платят даже корабельные деньги. Чтобы

выйти из тюрьмы, сам строптивый Чамберс вносит свои 10 ф. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как эдинбургские горничные начали шотландскую революцию в соборе св. Джайльса, и шли переговоры о Ковенанте, а в Англии в дек. 1637 г. все спокойно и в процессе Гемпдена, который несколько месяцев спустя кончился признанием за королем права облагать население для национальной обороны, судья Банкс 3 дня ведет ученые рабы речи о величии прерогативы. Король—первый двигатель здешних орбит, центр здешней окружности, в котором встречаемся мы все, душа государственного тела; его специальный долг—повелевать. Если в самом непродолжительном времени этот порядок оказался гнилым, то не потому, чтобы он встретил могучих внутренних врагов, а потому, что он сам отнял у себя могучих заступников, утратил симпатии собственных граждан. Политическое равнодушие более характерно для английских общественных оппозиционных настроений в последние годы бездумья, нежели рвущаяся к бою ненависть. Отчасти от недовольства правительством, отчасти вследствие отвычки от войны и от дружной работы вместе с правительством, англичане в 1639 и 1640 г.г. спокойно следят за успехами «смятежников», которые в то время были для них еще чужим народом. Скорее они рады шотландским победам; в них они провидят избавление от тяготеющего над страной режима. Из ирландского далека Дон-Кихот абсолютизма, Уентуёрс, верит еще в июле 1638 г. в несокрушимую лояльность англичан, которые в минуту опасности положат живот за короля и отечество. Но сановники, ближе присматривавшиеся к английской жизни, не обманывали себя насчет общественных настроений. В те же дни Норсемберланд высказывает Уентуёрсу опасение, как бы англичане не стали помогать скорее ковенантерам, нежели королю.

Конечно, военные неудачи англичан в 1639 и 1640 г.г. объясняются прежде всего распадом английских военных сил, военным превосходством маленькой, малолюдной, бедной Шотландии. Но то обстоятельство, что проигрыш двух шотландских кампаний оказался крахом всего политического порядка, та легкость, с которой абсолютизм пошел на уступки, отказался от организации национального сопротивления, подписал свое собственное падение, объясняются внутренними английскими причинами и больше всего мертвящим влиянием абсолютизма. В Англии последний встретился с исключительно крепкой традицией общественной самодеятельности, которой не вытравили полтора века абсолютистических усилий, с чрезвычайной привязанностью населения к старине. И все-таки он ослабил в населении национально-государственный инстинкт и потому пал от первого внешнего серьезного толчка с быстротой, которую нельзя назвать позорной лишь потому, что она оказалась трагичной.

оружия и боевых припасов. У шотландцев оказался и хороший артиллерист шведской школы, Александр Гамильтон, устроивший даже пушечный завод в Эдинбурге (талантливый Гамильтон на службе у Густава-Адольфа изобрел легкие железные пушки взамен бронзовых). Бедность и захолустность не помешала Шотландии оказаться выше Англии по артиллерийской технике. Превосходство артиллерии решило в пользу шотландцев дело при Нью-Бери, а вместе с тем всю кампанию 1640 г. и, если угодно, ближайшую судьбу английской революции.

Низменная, долинная Шотландия резко отличается от горной уже по составу населения. Внизу население очень пестрое. Кельтские элементы перепутаны с англо-саксонскими и скандинавскими. Преобладает английский язык, конечно, представляющий известные диалектические особенности. Общая культура много выше, чем в горах: больше городского населения, гораздо развитее торговля и промышленность, больше площадь пашни и выше земледельческая техника, больше школ и образованных людей. Родовые связи перевиты соседскими, профессиональными, религиозными, государственными. Lowlands гораздо ближе к Англии, чем горы. И все-таки еще очень далеко до слияния двух народов, о котором мечтал Яков, далеко даже до дружбы между ними. Англичане очень не хотят слияния, смотрят на шотландцев, как на низшую породу, желают отгородиться от них. В 1621 г. английские перы просят короля, чтобы самый породистый шотландский пер не имел в Англии этикетного превосходства над последним английским пером. В 1606 г. Яков говорит парламенту возвышенные речи о славном будущем двух соединившихся королевств, о необходимости их слияния. Общины не разделяют августейшей радости и мечты. Они боятся слияния, не хотят равнять шотландцев с собой. Один коммонер заявляет, что объединить обе страны—все равно, что посадить на одну скамью судью и преступника: шотландцы всегда были нищие, бунтовщики, изменники, все их короли погибли не своей смертью. А другой сравнивает Англию с жирным пастбищем, на которое грозит накинуться голодное чужое стадо.

Национальная рознь усиливалась религиозными и политическими различиями. Реформация церкви не была проведена в Шотландии сверху. Корона протривилась перемене и пострадала от нее. К ее опасным соперникам, помимо племенных вождей, принадлежат теперь и теократически настроенные кальвинистские проповедники. Умаление монархического начала ясно уже из того, что сыну Марии Стюарт дают в воспитатели монархомаха Бьюканана. Вождь шотландских пресвитериан, Мельвиль, обходится с молодым Яковом не почтительнее, чем Ноке с Марией. В конце XVI в. «министры» были очень недовольны снисходительным отношением короля к мятеж-

ным католическим лордам Гентли и Эрролю; явившись во дворец во главе негодующей депутации, Мельвиль хватает Якова за рукав и зовет глупым вассалом бога. В Шотландии — два короля и королевства. В королевстве Христа король Яков — простой подданный; своими колебаниями между папистами и протестантами он потеряет и тех и других. На монетах малолетнего Якова стоит motto Траяна: *Pro me, si merear in me* (за меня, если я заслужу этого). Большинство «дворян» стало на сторону новой церкви отчасти по убеждению, отчасти потому, что реформа позволила им стать наследниками богатой старой церкви, поделить ее земли и доходы, увеличить свою хозяйственную мощь. Зато в лице нового клира они получили опасных политических конкурентов. Протестантизм утвердился в Шотландии с 1560 г. в форме кальвинизма, шотландская новая церковь XVI в. стоит очень близко к Женеве, но только подобно гугенотам и голландцам она должна была развить широкие формы национальной организации. Местные общины со своими «церковными сессиями» (*kirk sessions*) — только ячейки большой системы. Над ними стоят коллегии священников (*presbyteries*), члены которых выбираются местными общинами, над *presbyteries* местные синоды, тоже выборного состава. Но с другой стороны, *presbyteries* непосредственно выбирают людей в верховное собрание национальной церкви, *General Assembly*, которое по акту 1592 г. должно созываться ежегодно. Миряне вовсе не устранены от управления церковью: в *kirk session* рядом с «министром» стоят «старшие» (*elders*). В *General Assembly* много мирян. Из 42 членов 1-й «ассамблеи» 36 были миряне. И даже в знаменитой революционной «ассамблее» 1638 г. на 238 членов было 98 мирян. Но «министры» довольно успешно оттесняют мирян на второй план. Утвердившийся в религиозном сознании общественного большинства кальвинизм требует от верующих безукоризненной чистоты вероучения и относится нетерпимо к догматическим заблуждениям. Знатки слова, блюстители правоверия в кальвинистской среде обладают естественным превосходством над мирянами, особенно над малообразованными вождями горных кланов. Затем насадители кальвинизма в Шотландии пересадили к себе теократические тенденции, укоренившиеся в этом церковном порядке на континенте. Они склонны видеть в государе пристава церкви. «2-я книга дисциплины» прямо налагает на светскую власть обязанность «наказывать граждански тех, кто ослушается порицания церкви». И, наконец, кальвинистское духовенство получило возможность играть политическую роль, потому что оно явилось выразителем политических стремлений общественного класса, не находившего себе простора в рамках традиционного государственного порядка. В пресвитерианской церкви аристократические черты были

много слабее, чем в государстве: министры были равны между собой и выдвигались личными дарованиями, ибо лестница церковных учреждений опиралась на выборное представительство. И в кругу министров, и в кругу «старших» средние слои «Низкой» Шотландии, выросшие в своем благосостоянии и искавшие политического влияния, были представлены сильнее, чем в политических учреждениях.

Верховным государственным учреждением был парламент, сильно отличавшийся от английского. Он состоит из одной палаты, где ерли и бароны заседают вместе с прелатами, лэрдами (лэрды — меньшие держатели *in capite*) и горожанами. Парламент выделяет из себя комитет «Лордов статей» (*Lords of the Articles*), который еще до реформации получает исключительное право вносить предложения на рассмотрение парламента. Прочно установившиеся уже в начале XV в., «лорды статей» первоначально выбираются посословно. Но при Якове VI (1 по английскому счету) характер комитета меняется. Опираясь на антагонизм между родовой знатью и кальвинистским клиром, Яков искусно усиливает позицию короны в парламенте. Всесильный комитет становится орудием королевской политики вследствие перемен в порядке избрания. Карл идет еще дальше, и в 1633 г. назначенные королем епископы выбирают 8 членов комитета из числа баронов; эти 8 — других 8 из числа епископов; 8 баронов и 8 епископов вместе выбирают 8 лэрдов и 8 горожан, а король может присоединить к ним 8 государственных сановников. Почти подтасованный комитет располагает огромными правами. «Лорды статей» готовят и вносят все законопроекты; парламент принимает или отвергает их целиком, не может делать поправок. Весь парламент заседает только 2 дня в 1633 г.: для выбора «лордов» и принятия их предложений. Опираясь на комитет и задающих там тон епископов, Яков и думает приблизить шотландскую церковь к английскому епископализму. Епископы были восстановлены в шотландской церкви еще в 1572 г., когда корона была очень слаба. Их восстановили лорды, чтобы прикрыть епископским авторитетом расхищение церковного достояния; отсюда презрительная кличка для протестантских епископов — *Tulchan bishops* (чучело теленка, которое показывают дойной корове, чтобы дала все свое молоко). Их послушным содействием король хочет воспользоваться для того, чтобы перекроить шотландскую церковь на английский манер. В 1609—1612 г.г. епископы получают от ассамблей и парламента юрисдикцию по делам о браках и завещаниях, право судить и посвящать министров. К концу царствования через ассамблею и парламент прошли даже 5 «Перских статей» (*Articles of Perth*), которые могли показаться восстановлением языческого суеверия в богослужении (напр., коленопреклонение перед причащением) и возбудили целую бурю протеста в кальвинистском обществе.

Шотландская политика двух первых Стюартов показывает с большой наглядностью, как легко порываются нити, связывающие даже старую династию с известным народом, и в какой малой степени непрерывность династии совпадает с непрерывностью в национальной традиции. Яков вырос в Шотландии: раннее сиротство и бессилие короны поставили его в благоприятное положение, дали возможность прийти в соприкосновение с разнообразными представителями шотландского общества. Он действительно изучил шотландскую обстановку; он понимал шотландцев и шотландцы понимали его. И все-таки, попавши в новую английскую атмосферу, он довольно быстро приспособляется к ней и в конце концов чувствует себя в ней лучше, чем на севере. Уже в 1617 г. он заявляет землякам при открытии парламента, что они варвары, что им надо перенимать у англичан политические порядки, все равно как они уже перенимают у них табак и костюм. В свои последние годы по отношению к Шотландии он уже утрачивает в значительной мере чутье действительности. Ему, правда, удалось достигнуть больших политических успехов. И все-таки он имел очень мало основания хвалиться своими успехами так, как он это делал в английском парламенте. «Вот чем я могу похвастаться в Шотландии. Я сижу здесь и правлю далекой страной почерком пера. Напишу — и кончено. С помощью советского клерка я правлю страной, с которой другие не могли совладать мечом». Из того же ослабленного понимания шотландской жизни вытекало и его желание англизировать шотландское богослужение, в ломке которого он, впрочем, пошел недалеко. Выросший в Англии Карл уже совсем не шотландец, почти совсем не может рассчитать впечатления, которого надо ждать в Шотландии от того или иного правительственного мероприятия. Яков представляет себе кальвинистскую психологию, потому что вырос в ней. Карл совсем не знает пресвитерианства, которого не было в Англии, и не подозревает, насколько тесно переплелся кальвинизм и особенно кальвинистский культ с национальным и религиозным чувством у большинства шотландцев. Он не понимает, до какой степени в Шотландии ненавидят или презирают назначаемых королем епископов; он отбирает их из людей школы Лода и пополняет ими свой Тайный совет. Накануне 1-й шотландской войны он не знает о широкой популярности Ковенанта, упрямо верит в лояльность масс и объясняет свои шотландские неудачи изменой отдельных лиц. В жизни династии коронация обычно есть светлая минута, когда легко подогрывается остывшая лояльность. Карл даже сумел увеличить охлаждение между собой и шотландцами в свою коронацию. Епископы совершают богослужение в пышном облачении, которое кажется кальвинистскому глазу одеждой антихриста, с торжественными обрядами, в которых подозрительный кальвинист усматривает возврат

к римскому идолопоклонству. Карл привозит с собой ненавистного Лода и англиканских священников, которым разрешает служить в соборе св. Джайльса по англиканскому обряду. Яков в самых новшествах опирался на шотландские национальные учреждения, действовал через парламент и Assembly. Карл задумал провести еще более решительные церковные новшества королевским указом из Лондона, и возстановил против себя не только пресвитерианскую нетерпимость, но и шотландское национальное чувство. В 1636—1637 г.г. каноны и молитвы, которые должны были заменить освященный традицией Поксов молитвенник и 2-й свод дисциплины, были навязаны стране не только без содействия, но даже без уведомления шотландского клира. А между тем в них есть новшества. Помимо того, что «Книга канонов» мечтает о полном подчинении священников епископу, епископов — королю, который приравнивается к иудейскому царю и раннехристианскому императору, она хочет ввести неприемлемые для кальвиниста обряды, напр., частую исповедь. Еще сильнее подействовал новый молитвенник, скоро прославившийся «литургией Лода». Он отменяет дорогие шотландцам молитвенные формулы Покса и на их место ставит выдумку ненавистного чужеземца, в которой видели сознательное приближение к католическому культу.

Попытка ввести новые богослужебные порядки грубым давлением сверху, без всякого намерения столкнуться с народом, которому навязывали новое богослужение, привела к открытому сопротивлению. Шотландская революция открывается тем самым днем, из которого Карл и Лод думали устроить торжество абсолютизма и англиканства. 23 июля 1637 г. в эдинбургском соборе торжественно хотели ввести новый молитвенник, а вместо того вызвали первый взрыв революции, которая быстро распространилась по всему острову, поколебала все основы быта, более двух десятков лет держала страну в состоянии напряжения и стала водоразделом островной истории. Всеобщность национально-религиозного недовольства в шотландской столице видна из того, что главными героинями дня явились горничные. Барыни послали их занять места в церкви, а они не стерпели повета богослужебного чина и сорвали обедню. Их выгнали. Но у них оказалось много единомышленников, и при выходе из собора духовенство подверглось насилиям возбужденной толпы. Недовольство было так разлито по стране, что женский скандал в церкви св. Джайльса немедленно привел к повсеместному оппозиционному движению. Абсолютистический режим кончился в Шотландии 23 июля 1637 г. После этого дня не было момента, когда бы король был хозяином политического положения. В ответ на требование короля подавить бунт силой, шотландский Тайный совет заявляет, что нельзя исполнить королевского приказа, что бунтов-

щики сильнее правительства. Бунт оказался народной революцией. Со всех концов страны в Тайный совет идут петиции против «канонов» и «литургии». Пока движение не организовано, случаются анархические эксцессы. В сент. 1637 г. толпа врывается в заседание эдинбургского городского совета и требует, чтобы совет немедленно отправил королю петицию против папезского молитвенника. В октябре толпа нападает на тайных советников и епископов; чтобы водворить порядок, тайные советники вынуждены обратиться к помощи мятежных лордов и джентльменов, которые тогда собрались в городе и думали об организации революционного движения. Организация слагается в форме сословного представительства. Уже в ноябре 1637 г. мятежные лорды, джентльмены, горожане, министры выбирают комиссаров. В начале 1638 г. комиссары выделяют более тесный, тоже посословный комитет (Tables), который и руководит движением и становится подлинным шотландским правительством. Требования революционеров быстро растут. Уже в декабре 1637 г. комиссары требуют удаления епископов из Тайного совета. Ранней весной 1638 г. движение выливается в форму Ковенанта. Ковенант не был новостью. Шотландские дворяне издавна входили в частные военные «соглашения» (band, covenant) против общего врага. Характерным образом в 1581 г. само правительство прибегает к «соглашению», очевидно, придавая ему больше значения, чем государственной связи подданства. Боялись католического заговора и испанского десанта. Король предлагает лояльным подданным подписывать соглашение об охране истинной церкви и королевской особы, ненависти к церкви римского антихриста. Повстанцы 1638 г. оживляют это лояльное соглашение, против которого не мог восставать Карл, ибо оно прикрывалось авторитетом его отца. Повстанцы присоединяют к старому Ковенанту перечисление подтверждавших его позднейших актов парламента, жалобу на новшества и опасности, грозящие истинной вере папезством и старой свободе тиранией. Они кончают обещанием всеми силами противиться новшествам и заверением, что они не бунтари, что, защищая правую веру, они тем самым защищают «грозного» государя. Конечно, эти заверения не мешают Ковенанту быть революционным актом. Ковенантеры защищают истинные интересы короны, но фактически королю они объявляют беспощадную войну, ибо обязуются всеми силами бороться против новшеств, которые исходят как раз от короля. Но у ковенантеров революционна не только программа, у них глубоко революционна и тактика. Они принимают все меры для самого широкого распространения Ковенанта. Текст относят во францисканскую церковь (Grey friars) и там два дня подписываются все собравшиеся в Эдинбурге перы, джентльмены, священники. Потом Ковенант выносят наружу, в ограду.

Чуть не все население города тянется к Grey friars. Мужчины, женщины всех званий и возрастов переполняют ограду. Возбуждение заражает толпу; многие плачут. Все торопятся поднять руку к небу и приложить свою подпись к «Национальному Ковенанту». В марте и апреле сходные сцены разыгрываются по всей стране. Много плачут, часто ищут кровью. Не подписать Ковенанта стало опасно: отказывающихся осыпают бранью, угрозами, считают за папистов. Перед нами острый подъем оскорбленного религиозного и национального чувства. За короля и против Ковенанта твердо встают лишь абердинцы и северо-восточные горцы, Гордоны, с маркизом Гентли во главе; но еще до войны ковенантеры силой сломали роялистическую оппозицию и стали хозяевами всей страны. Напрасно король пробует противопоставить Национальному Ковенанту «Королевский Ковенант», который берет у «Национального Ковенанта» только присягу 1581 г.; под этим кастрированным ковенантом удается собрать только 28.000 подписей, притом из них 12.000 собраны в Абердине.

Король вынужден идти на уступки, уступки неискренние, чтобы выиграть время. Он соглашается на созыв Ассамблеи и парламента. Ковенантеры собственной волей постановили, чтобы выборы в Assembly происходили по старой системе, чтобы выбирали и выбирались не только священники, но и «старшие». Assembly собирается в ноябре 1638 г. и сразу становится на революционный путь. Королевский комиссар Гамильтон объявляет собрание незаконным вследствие незаконности выборов и распускает его именем короля. Assembly не расходуется до 20 декабря 1638 г. и проводит ряд революционных актов: отменяет персские статьи, каноны и молитвенник 1636 г., Высокую комиссию, самый епископат, вводит чистое пресвитерианство. Война становится неизбежной и война наступает. Кампания 1639 г. быстро обнаруживает позорное бессилие Карла и военное превосходство шотландцев. Карл даже не решается драться и без боя вступает в переговоры с мятежниками. Переговоры кончаются Бервикским договором (treaty of Berwick, июнь 1639 г.), капитуляцией абсолютизма в Шотландии. Правда, мятежники обязуются выдать крепости королевским офицерам и распусить незаконные организации. Но уступки короля были очень велики: он обещает амнистию, обязуется передавать все религиозные дела на разрешение Ассамблеи, все светские — на решение парламента. Договор не был ни ясным, ни искренним; ни та, ни другая сторона не хотела выполнять его. Это не мир, а перемирие. Шотландская революция продолжается. Assembly еще не собралась, а король заставляет бежавших из Шотландии епископов написать протест против незаконности выборов. И Карл имеет полное основание не доверять Ассамблее. Assembly

подтверждает (авг. 1639 г.) постановление предыдущего собрания об отмене епископата. Такое же революционное настроение проявляет и парламент, который собрался 31 августа 1639 г. В нем, правда, уже есть значительная партия, с Монтрозом (Montrose) во главе, которая высказывается против резкого умаления королевской власти. Но большинство, не довольствуясь подтверждением постановлений Ассамблеи, проводит крутую политическую реформу, которая подрывает позицию короля в парламенте. Со времени Якова парламент стал послушным орудием в руках «статейных лордов», а «статейные лорды» — послушным орудием в руках короны. Парламент 1639 г. постановил, чтобы парламентские перы, джентльмены, горожане выбирали по 8 «статейных лордов» (епископы исчезли в Шотландии), которые превращаются в орган народного представительства. Новые «лорды статей» сейчас же выступают с неприемлемыми для короля предложениями о передаче крепостей шотландцам, о покрытии издержек последней войны обложением, падающим и на роялистов. С начала 1640 г. идут напряженные приготовления к новой войне. В Эдинбургском замке происходит стычка между ковенантерами и королевским гарнизоном, а королевские крейсера хватают шотландские торговые суда. Разошедшийся на каникулы парламент самовольно собирается раньше назначенного срока и выбирает Большой Комитет для ведения войны. Однако на этот раз в стране нет такого полного единодушия, как перед первой кампанией. Ковенантерам приходится прибегнуть к грубому военному насилию, чтобы обеспечить покорность северо-восточных горцев. Среди самих ковенантеров есть умеренное крыло, которое не говорит против войны, но входит в тайное соглашение (Band of Cumbernauld — «Кембернольдский союз»), не допустить умаления прерогативы, примирить Ковенант с лояльностью. Но шотландские раздоры не помогли Карлу. Кампания 1640 г. (август — сентябрь) приводит к полному военному краху английского абсолютизма. Королевская армия не смогла отстоять английские границы, шотландская армия легко отбросила англичан и заняла северо-восточный угол страны, Норсемберланд и Дёрам (Northumberland, Durham). Король снова вынужден вступить в переговоры с мятежниками. Но шотландцы соглашаются только на перемирие, которое заключено за 3 недели до Долгого парламента (14 октября). Оно позорно. Шотландцы удерживают Норсемберланд и Дёрам и выговаривают себе по 850 ф. в день контрибуции. Вот при какой обстановке кончается английское бездумье.

Значение шотландского мятежа в английской истории было огромно. Последние два года английского бездумья прожиты под знаком Ковенанта. Это прекрасно сознавали и англичане, и шотландцы. В феврале 1639 г. ковенантеры обращаются с манифестом

к английскому народу. Они заявляют, что собираются воевать не с англичанами и даже не с королем, а с врагами истинной веры, которые хотят водворить папизм и в Шотландии и в Англии. Шотландцы будут биться не только за свои, но и за английские вольности. Ковенантеры выражают уверенность, что англичане не будут помогать общему врагу двух народов, что они уклонятся от участия в предстоящей борьбе. И перед кампанией 1640 г. ковенантеры обращаются через голову короля к английскому народу и парламенту, выражают надежду на то, что в обеих странах удастся покарать виновников всех насилий, дурных королевских советников, при чем называют по имени Лода и Страффорда; манифест кончается изъявлениями дружественных чувств по отношению к английскому народу. После своих военных успехов в кампании 1640 г. ковенантеры уже указывают на тесную связь своего дела с английским положением и в официальных переговорах зовут Страффорда главным смутьяном, жалуются на его речи в ирландском парламенте, дышавшие ненавистью к шотландским бунтовщикам. Заняв северо-восток Англии, шотландцы шлют королю петицию о том, чтобы их жалобы были удовлетворены при содействии английского парламента.

Если ковенантеры хотят связать свое дело с борьбой английского народа за свое политическое освобождение, то и англичане ясно видят связь между Ковенантом и судьбой английского абсолютизма. После беруикского договора Лод полон черных опасений. Он боится за церковь, боится за монархию. Успехи шотландцев должны произвести сильнейшее впечатление в Англии, где много людей такого же мятежного духа. Епископальной церкви и королевской прерогативе грозят очень большие опасности. (Лод к Ро, июль 1639 г.) А люди другого лагеря, гораздо более многочисленного, с возрастающим сочувствием следят за успехами шотландских повстанцев, начинают сознавать серьезность удара, нанесенного английскому абсолютизму, и приветствовать в торжестве Ковенанта зарю собственного освобождения. «Короткий» парламент 1640 г. намеревается войти в официальные сношения с заарестованными в Лондоне шотландскими комиссарами, подвергнуть обсуждению предложение ковенантеров и пригласить комиссаров в палату. Правительство было страшно встревожено этими планами. Оно боится революционного соглашения между парламентом и ковенантерами и поторопилось разогнать парламент сейчас же, как узнало о замыслах оппозиции. Но сношения между ковенантерами и вождями английской оппозиции не прекращаются. В них участвуют тайком очень близкие к королю английские перы. Летом 1640 г. ковенантеры прямо предлагают распространить Ковенант на Англию и общими силами защищать веру и свободу. Оппозиционные английские перы отказываются совершить прямую измену, но признают

полную солидарность интересов у английской и шотландской оппозиции, выражают полную готовность поддерживать ковенантеров всеми законными средствами. Расчеты английских абсолютистов на то, что появление шотландцев в Англии разбудит элементарные национальные инстинкты и сплотит население вокруг трона, оказались тщетными. В Лондоне открыто радуются поражению при Ньюберне. Абсолютизм сплотил против себя оппозиционные элементы обоих народов, еще недавно считавших себя наследственными врагами. И характерным образом среди 16 королевских комиссаров, ведших осенью 1640 г. переговоры с шотландцами о перемирии, оказались все 7 перов, «изменически» сносившихся перед тем с ковенантерами. В свой смертный час абсолютизм не знал, кто друг и кто недруг даже в самой близкой к трону среде.

Ковенантеры свалили абсолютистический режим в Шотландии. Но они сделали нечто большее: они раскрыли бессилие абсолютистического режима в Англии и расчистили дорогу английской революции. Две шотландские кампании привели английское правительство к военному банкротству. Северо-восточная окраина Англии была занята шотландцами, и у короля не было силы прогнать их назад, даже помешать их дальнейшему движению на юг, ибо его армия деморализована и дезорганизована. Это признает сам злой гений порядка, Страффорд. В сентябре 1640 г. он изливает тоску другу: у армии мало провианта и боевых снарядов, кавалерия напугана, население безучастно к королевскому позору. Англичане видят, на какую шаткую материальную мощь опирается порядок, руководители которого шли все дальше и дальше в властолюбивых притязаниях, держали в тяжелых тисках религиозную совесть и готовились протянуть руку к народному кошельку; шотландцы научили англичан не бояться правительства. Ковенантеры привели английское правительство и к финансовому банкротству. Шотландский мятеж потребовал огромных расходов, нарушивших финансовое равновесие, и в то же время подорвал кредит. Перед 1-й шотландской кампанией рассчитали, что годовое содержание 30.000 армии обошлось бы почти в миллион. Формируют меньшую армию, но денег нет. Их ищут всюду: в Сити, у испанского короля, даже у папы, и нигде не встречают сочувствия. Только тайные советники в декабре 1639 г. дают займы правительству, которое они сами составляют. С падением правительственного престижа старые средства не действуют. Население отказывается платить корабельные деньги и экипировочные сборы (coat and conduct money). В 1640 г. корабельных денег из оклада в 200.000 ф. поступило лишь 20.000 ф. В последние месяцы бездумья прибегают к отчаянным средствам, лишь бы добыть необходимые оборотные деньги. В июле 1640 г. мечтают портить монету, выпустить массу шил-

лингов, в которых серебра должно быть всего на 3 пенса и в которых нехватка благородного металла должна восполняться гордой надписью *Exsurgat Deus, dissipentur inimici* (Да воскреснет бог и расточатся враги его). В августе 1640 г. Тайный совет покупает у Ост-Индской компании весь годовой привоз порца, 600.000 ф., по высокой цене, конечно, в кредит, и сейчас же распродает с большой уступкой (20%), лишь бы выручить наличность; с компанией, конечно, не расплачиваются.

Ковенантеры привели английское правительство и к созыву парламента. Побитое, нищее, одинокое, правительство вынуждено искать общественной поддержки и парламентских субсидий. Это стало ясно уже после 1-й кампании, и это признает сам Уентуэре, который только в сент. 1639 г. вернулся из Ирландии и стал ерлем Страффордом и самым влиятельным советником короля. Он первый заявляет в декабре 1639 г. о необходимости созвать парламента, хотя тешит себя надеждой, что созыв будет только опытом, при неудаче которого можно будет попрежнему обходиться без парламента. И вот 11-летний круг бездумья разомкнулся, двери палат раскрылись, и английский король 13 апр. 1640 г. снова встретился с организованным народным представительством. Правительство мечтало играть на патриотической струне. Канцлер (им был тот самый Финч, который был спикером в сессию 1629 г. и возбудил негодование палаты трусостью или угодничеством королю в знаменитое последнее заседание сессии, 2 марта 1629 г.) думает возбудить национальное негодование декламацией по поводу шотландской измены и читает перехваченные письма, свидетельствующие о сношениях шотландцев с французским королем. Но оппозиционно настроенная палата холодно слушает эти призывы. Очень умеренный коммочер напоминает канцлеру, что главная опасность грозит англичанам не с шотландской границы, а от более близких врагов, которые вторглись в область исконных традиционных свобод. И прежде, чем бороться с шотландцами, надо справиться с домашней опасностью, учинить суд над врагами национальных вольностей. Выдвинувшийся вперед Пим в длинной речи перечисляет основные правительственные беззакония бездумья, церковные, судебные, податные. Он начинает спокойным, но твердым заявлением о политической супрематии парламента: парламентские привилегии составляют душу политического тела. Правительство быстро увидело, что ничего не выиграло с созывом парламента. Оно было готово на мелкие уступки. Еще до созыва выпустили из тюрьмы Валентайна и Строда, товарищей Элиота по политическому мученичеству. Но правительство требовало, чтобы общины сначала дали субсидию, а потом принялись за реформу. Общины дают решительный отпор и тянутся к власти. Парламент стал ненужен правительству и напу-

гал его попыткой вступить в непосредственные переговоры с ковенантерами. На другой же день после того, как общины решили выслушать шотландских комиссаров, произошел разгон (5 мая). «Короткий» парламент прожил 3 недели, но имел большое значение. Абсолютистический режим порождал общественное недовольство, но мешал его организации. Попытки сплотить оппозицию в самом начале встречались с правительственными преследованиями. Пуритане, сепаратисты, недовольные плательщики корабельных денег, тоскующие поклонники парламентских вольностей не знали собственных сил. Короткий парламент собрал видных людей со всей Англии и соединил их в общем настроении. Они одновременно увидели и сообщили землякам и силу оппозиции и бессилие правительства. Участь абсолютистического режима была решена. Правительство ничего не выиграло с разгоном. У него попрежнему нет ни престижа ни денег. Вторжение шотландцев в английскую территорию еще ухудшает положение. В стране пробуждается политическая жизнь. Страх перед властью исчезает. В авг. 1640 г. в Лондоне на глазах у правительства оппозиционные перы и влиятельные коммонеры (Пим, Гемден, С. Джон) совещаются о том, как всего удобнее низвергнуть правительство. В результате совещаний, 28 авг. 1640 г., в тот самый день, в который ковенантеры отбросили королевскую армию при Ньюберне и выиграли кампанию, 12 оппозиционных перов, ссылаясь на свое положение наследственных советников короны, подают королю петицию. Они жалуются на религиозные новшества, поправки папистам, монополии, взыскание корабельных и экипировочных денег, военный постой, государственное банкротство, долгое бездумье. Они просят о немедленном созыве парламента, от которого бы понесли заслуженную кару виновники народных бедствий. Но тайные советники боятся дня расплаты, хотят отстрочить его. Они советуют королю созвать не парламент, а «большой совет» из всех перов. Но расплата приближалась. Пример ковенантеров раскрыл англичанам силу демократической пропаганды. Пим обнаруживает таланты агитатора и широко распространяет по Лондону петицию 12 перов. В Сити собирают подписи под сходной петицией от имени лондонцев и набирают тысяч до 10. Сходная петиция подается и от оппозиционного духовенства. Правительство сдаётся. И когда «большой совет» перов собрался 20 сент. 1640 г. в королевской штаб-квартире, в Йорке, король заявил о своем решении созвать парламент на 3 ноября 1640 г. Парламент, который собрался в этот день, оказался «Долгим» парламентом. «Большой совет» перов оказался ненужен для короны раньше, чем собрался. Ему пришлось не улаживать внутренний кризис, а вести переговоры с шотландцами, которые закончились Районским перемирием. Поводья власти

ослабели. В сентябре, после Ньюберна, на лондонских улицах появляются прокламации, призывавшие подмастерьев восстать и реформировать религию. Государственный секретарь Уиндбанк с горечью и бессильной злобой говорил, что в переводе на английский это значит «громить церкви».

Шотландская революция занимает большое место в истории английской революции. Но очень рано на английском горизонте появляется и призрак ирландской трагедии.

В петиции 12 перов есть слова: «Великие бедствия приключатся с этим королевством, если осуществятся замыслы переправить в него ирландских и иностранных солдат, о чем идут слухи из хороших источников». Немного позже, в окт. 1640 г., шотландцы отказываются вести переговоры в генеральной квартире королевской армии, главнокомандующим которой состоит Страффорд; они не доверяют человеку, который в ирландском парламенте постоянно звал ковенантеров мятежниками и изменниками. Эти ирландские тревоги не были только порождением напуганного воображения. Мысль о возможности использовать если не расовую ненависть, то полуварварскую воинственность ирландцев бродит в головах английских абсолютистов чуть не с самого начала шотландского мятежа. Сам король порой мечтает о кельтах освободителях. Властный хозяин Ирландии 30-х г.г., хорошо знакомый с местными условиями, первое время разбивает эти мечты, вскрывает сопряженные с ними опасности. Но когда после возврата на родину перед ним разворачивается английская драма, когда он ищет и не находит средств спасти шагающий порядок, он сам начинает глядеть в сторону Ирландии, думать об «ирландских собаках», как о последнем средстве спасения. Если верить знаменитой записи Вена-старшего, которая сыграла такую роль в процессе Страффорда и в истории английской революции, то в заседании шотландского комитета 5 мая 1640 г., сейчас же после разгона «Короткого» парламента, у Страффорда, призывавшего к непримиримой борьбе с шотландцами, вырвались слова по адресу короля: «В случае крайности вы имеете право сделать все, на что у вас хватает силы. У вас есть армия в Ирландии: вы можете употребить ее здесь, чтобы смирить это королевство». В минуту отчаяния, в окт. 1640 г., перед созывом парламента, он пишет другу в Ирландию, что только ёльстерские шотландцы мешают переправить ирландскую армию в Англию, что нужно напустить ирландский парламента на ёльстерских прищельцев, стереть шотландцев с лица земли в Ирландии и тогда, развязав руки ирландской армии, напустить ее на шотландцев по другую сторону канала св. Джорджа. Ирландский призрак зловещей угрозой стоит перед глазами людей той поры, влетает свои красные нити в и без того сложный узор

английской революции. Значение ирландских отношений в общем ходе переворота настолько заметно, что необходимо указать хотя бы на основные очертания тогдашнего ирландского положения. Связь Англии с Шотландией была нова и поверхностна: она сводилась к личной унии, создавшейся только при Якове. Англо-ирландские отношения были гораздо древнее, теснее, сложнее; к XVII в. они успели запутаться в безнадежный трагический узел и внесли самые черные страницы в историю английской революции. X

Государственная связь Англии с Ирландией восходит к XII в. Еще Генрих II заставил признать себя верховным лордом острова, может быть, чтобы помешать там образованию независимого государства норманно-уэльшских авантюристов. На зеленый остров стремятся перенести англо-нормандские государственные и хозяйственные порядки. В Ирландии появляются суды, казначейство, графства, шерифы, городские учреждения английского типа. Представителем короля является юстицарий, позже лорд-депутат, при котором есть совет на мавер английского Тайного совета. Слагается и парламент, по своей организации похожий на английский, с 2 палатами, с лордами и общинами, с рыцарями графств и со спикером. В стране должно действовать английское право. Страна должна быть разбита на маноры английского образца, с лордами и курией, с обычаем и стьюардом, с фригольдерами и вилланами. Но мысль о пересадке английского строя на ирландскую почву осталась мечтой. В Ирландии не хватило людей, чтобы дать полную жизнь пересаженной системе учреждений, которые быстро захирели на новой почве. Завоеватели пересадили английский порядок только для самих себя. На туземцев они смотрели, как на низшую расу, и старались не слиться с ними, а резче отмежеваться от них. Пришельцев было слишком мало, чтобы занять весь остров. Та часть, в которой они стали действительными хозяевами, стала зваться английской оградой (Pale). В остальной части жили «дикие» ирландцы, которые почти лишь номинально признавали политическое верховенство английского короля. Но и в «ограде» пришельцы не могли и не хотели вытеснить всех туземцев. Пришельцы осели очень тонким слоем на ирландской почве; туземцы были нужны им, как данники, как рабочая сила, даже как военный материал. Колонисты не признают ирландцев за людей. Ирландец не может «стоять» в суде против колониста; за убийство сидящего в маноре ирландца (betagius) платится лишь штраф 5 марок. Только 5 правящих родов и отдельные ирландцы получили права английских «фриманов». И все-таки колонисты смешиваются с туземцами, смешиваются уже потому, что в Ирландии мало колонисток, перенимают ирландские нравы, отчасти прямо превращаются в «ирландских собак». На это горько жалуются

знаменитые Statutes of Kilkenny (1367 г.). Под страхом суровой кары англичанам запрещены браки и побратимство с ирландцами, ирландские барды и кормилицы, ирландские костюмы и манеры, сделаны обязательными английский язык и английское право. Статуты в значительной мере остаются мертвой буквой. Они запрещали баронам-колонистам держать ирландский военный люд. А между тем у баронов пограничной полосы появляются значительные ирландские отряды, которые ложатся тяжелым бременем на трудовое и в том числе английское трудовое население. Денег в стране мало, и солдат приходится размещать на постой; в походе они тоже кормятся за счет населения. Население «ограды» страдает и от набегов «диких» ирландцев, ибо в пограничной полосе не прекращается вооруженная борьба. В XIV и XV в.в. борьба складывается неудачно для англичан, и граница англизированной «ограды» передвигается все ближе к восточному берегу. В первые годы Генриха VIII английское влияние на острове достигает своей низшей точки: от «ограды» остаются 4 юго-восточных графства, которые обнесены рвом. Правда, люди английской крови есть и за оградой в спорной и неустойчивой полосе «марок», где власть принадлежит так называемым англо-ирландским лордам, в значительной мере потомкам первых завоевателей. Но эти авангарды английского мира — сомнительные проводники английских начал. Некоторые видные англо-ирландские магнаты даже приняли кельтские имена и стали очень похожи на вождей клана. И неподалеку от «ограды», даже в XVI в., один из самых могущественных баронов, граф Кильдер, нередко применяет в своих судах кельтское, брегонское право. Оазисами английского быта остаются приморские города. Но их жители чувствуют себя одиноко среди кельтского моря и должны поддерживать чуть не военное положение.

Но при Тюдорах даже города перестали внушать доверие английскому правительству. У ирландских колонистов были тесные связи с йоркской линией; «белые» симпатии остались, и после 1485 г. Генрих VII мог видеть в колонистах недругов своего рода. К его времени относится резкое сокращение компетенции ирландского парламента, знаменитый акт Пойнинга (1495 г.). Не только всякий парламент может быть созван лишь с согласия короля, но королю должны докладываться все вносимые в данную сессию законопроекты, при чем для их дальнейшего движения необходимо королевское утверждение. Многие колонисты недовольны разгромом ирландского парламента, и отмена Пойнингова акта — одно из главных требований ирландской оппозиции при Стюартах.

Торжество реформации в Англии проводит новую грань между колонистами и англичанами метрополии. Нечего и говорить, что ирландские кельты вовсе не были затронуты новыми религиозными

течениями и сохранили верность старой церкви; но и колонисты в значительном большинстве обнаружили твердые католические симпатии. Между тем правительство видело в католиках династических и государственных врагов и настояло на введении англиканства в Ирландии. Католическое духовенство не только утрачивает свою командующую позицию, но и попадает за пределы закона. Имущества и доходы старой церкви передаются англиканскому клиру, который почти не имеет корней в населении, ибо даже в городах, главном оплоте английского влияния, безусловно преобладают католики. Католицизм сохраняет на острове такую силу, что правительство совершенно не в состоянии преследовать людей старой веры с той же строгостью, что в Англии. В XVI в. католикам, как католикам, в Ирландии живется свободнее, чем в метрополии; их, напр., не заставляют ходить на казенное богослужение.

Яков I мечтал в первые годы уничтожить католицизм. В 1605 г. королевской прокламацией велено всем ирландцам ходить в англиканскую церковь, всем католическим священникам убраться из страны. Попытка встретила с широким и упорным сопротивлением, от нее пришлось отказаться. С негодованием и тревогой англичане убеждаются в своей бессилии изменить положение, в том, что Ирландия осталась католической страной, что у них под боком создался большой очаг католической опасности. Примесь религиозной распри очень усложняет и без того запутанное ирландское положение и ускоряет перемены в направлении правительственной политики. Последние можно свести к 3 рядам. Правительство стремится добиться безусловного политического преобладания на всем острове и ведет непримиримую военную борьбу, как с непокорными старыми колонистами, так и с «дикими» туземцами. Правительство отказывается от невмешательства в жизнь «диких» ирландцев и переходит к политике англификации. Недовольное старыми колонистами, правительство покровительствует приливу новых поселенцев и мечтает создать новую Ирландию, лояльную и протестантскую, создать ее путем «плантаций». При Елизавете и Якове коренным образом меняется весь уклад ирландской жизни и подготавливается мрачная трагедия революционного периода.

Правительству удалось покончить со всеми притязаниями местного населения на независимость и впервые подчинить себе весь остров, но только после длинного ряда экспедиций и войн, при чем воевать приходилось с англо-ирландскими баронами несколько не меньше, чем с кельтами. Всего важнее была борьба с иризированными Десмондами на юго-западе в 80-х г.г. XVI в., и с вождями ёльстерских кланов на северо-востоке в последние годы Елизаветы. Война ведется жестоко с обеих сторон и проводит глубокую пропасть между победителями и побежденными. Но англичане даже превос-

ходят ирландцев в свирепости. Временами кажется, что они стремятся к уничтожению туземцев. Мало того, что они вероломно избивают вождей. В 80-х г.г. в Мёнстере они убивают иногда всякого туземца, который им попадается: ребенка, старика, женщину. Жгут дома, амбары, посевы, убивают, либо угоняют скот, пустошат страну, чтобы ирландцы мерли с голода. И ирландцы мрут. Сладкогласный певец девственной королевы и большой профоб, Спенсер, видел своими глазами менстерский ужас 80-х г.г. и злобно радовался ему. «Вот они выползают из всех углов леса на руках, потому что ноги больше не носят их. Они похожи на скелеты, говорят, точно замогильные духи, едят падаль, да и той рады, едят даже себе подобных, вырывают трупы из могил». Если угодно, борьба в Ельстере в последние годы Елизаветы была еще хуже. Жестокость была холодная, методичная. Наместник Маунтджой подвигается медленно, занимает гарнизоном командующую позицию и велит солдатам разорят до дна всю округу, а потом утвердятся по соседству и опять разорять, пока так не пройдут всей страны. Другой англичанин, Файиз Морисон, видел эту борьбу и рассказал о ней. Во многих местах питались щавелем, крапивой, и у многих помиравших с голоду и валявшихся без погребения рты бывали зеленые от травы. Сам наместник Чичестер со свитой видел раз, как дети ели труп своей матери. По отношению к повстанцам позволительны казались всякие приемы. В 1607 г. один офицер хвалится умом в официальном донесении. Он загнал на один островок 14 ирландцев и вступил с ними в переговоры. Вызвал семерых и обещал свободу, коли они перережут товарищей; вызвал остальных и обещал то же самое. Ирландцы будто перерезали друг друга. Впрочем, сам наместник пишет лондонскому Тайному совету, что он милует лишь тех повстанцев, которые могут доказать, что убили нескольких товарищей. Немудрено, что этот посев быстро принес плоды. Имя Елизаветы, которым гордится англичанин, до сих пор ненавистно ирландскому кельту. Не одни конфликты современности мешают разрешению ирландского вопроса. И воспоминания льют свой яд в горькую чашу англо-ирландской распри.

Но англичанам XVI и XVII в.в. казалось, что ужасы войны легко забудутся и что с установлением мира можно будет поднять ирландских дикарей до высот английского быта. Правительство Тюдоров Унаходит вредной прежнюю политику возможно более полного разобщения двух народностей. Не нужно, чтобы ирландцы считали себя совсем непохожими на англичан людьми. Уже статут 28 г. Генриха VIII требует, чтобы ирланды перенимали английский быт, обрезали усы и локоны, оделись в английский костюм, старались говорить по-английски. Конечно, ирландцам не дают сразу «равно-

правия». Они остаются низшей расой: англичанам попрежнему воспрещено вступать в брак с ирландцами, отдавать детей на выкорм в ирландские семьи. Но уравнивание в правах становится конечной целью англификаторской политики. Когда ирландцы превратятся в англичан в частном быту, тогда падут и юридические перегородки, отделяющие их от завоевателей. Один статут Якова даже не дожидается этого времени и разрешает смешанные браки в надежде ускорить слияние рас или вернее англификацию. Одна королевская прокламация (1605 г.) отменяет личную крепость в Ирландии и объявляет всех ирландцев непосредственными подданными английского короля. Чтобы помочь ирландской собаке достичь достойного человеческого существования, благодетельное правительство берет под свою опеку все хозяйственные и поземельные порядки страны. Нехорошо, что ирландец не имеет прочной оседлости, прочных земельных прав, что он не отдает всего себя хлебопашеству, что он легко отдается в зависимость сильным людям и платит им невомерный оброк. Нужно, чтобы аграрные и государственные порядки даже у диких ирландцев приблизились к английским. Еще акт Пойнингса (1495 г.) сделал обязательными в Ирландии английские статуты «последнего времени». В одном статуте 1570 г. ирландским лордам указали путь, которым они должны были сдавать землю короне, чтобы получить ее назад на условиях английского общего права. В одном знаменитом процессе 1606 г. верховный английский суд в Ирландии объявил варварским и нелепым кельтский порядок наследования (*gavelkind*) и провозгласил, что впредь в суде должно иметь силу общее право в случае спора о наследовании земли. В 1608 г. суд отверг и кельтский порядок перехода власти от одного кланового вождя к другому, *tanistry*, и постановил, что бывшая предметом спора земля клана должна переходить в порядке, близком к английскому праву. Королевская прокламация 1605 г., запрещала клановым вождям разорять своих людей неограниченными барщинами и оброками: впредь держательское тягло должно быть фиксировано, и освобожденные этой самой прокламацией подневольные люди могли искать в королевском суде управы на насильников. Желание разбить клановую организацию, уничтожить опасные очаги политической оппозиции и племенной вражды всего сильнее звучит в этих англификаторских предприятиях. Но даже те из них, которые были продиктованы искренним желанием помочь бедному люду, высвободить его из-под гнета клановых порядков, далеко не всегда приводили к тем результатам, которых желало правительство в своей англификаторской политике.

Нет ничего удивительного в пренебрежении, с каким англичане глядели на «диких» ирландцев. Кельты действительно жили гораздо

более простым бытом, нежели англичане, и стояли ближе к шотландским горцам, с которыми они находятся и в племенном родстве. Даже в начале XVII в. скотоводство имеет большую важность в народном хозяйстве, молоко и сыр — в народном питании. В составе некоторых кланов есть чисто бродячие роды (creats), которые вечно кочуют со своими стадами. Сеют, главным образом, овес. Плуг часто привязывают прямо к лошадиному хвосту. Не умеют молотить: солому жгут, а зерно остается. Не знают ни водяной, ни ветряной мельниц; размалывают зерно руками промеж двух камней. Даже в XVII в. не мало дикого перелога, и только картофель, ставший известным всего в конце XVI в., но уже в половине следующего века превратившийся в главную национальную пищу, приучил ирландцев к оседлости и земледелию, и то больше незамысловатостью своей культуры. Живут в грязных мазанках, часто без окон; часто томятся по-черному и не имеют особого помещения для скота; в горах многие на лето перебираются наверх. В конце XVII в. Петти (Petty) считал на всю территорию острова в 18 м. акров лишь $7\frac{1}{2}$ м. акров культурной земли, в том числе папши всего $\frac{1}{2}$ м. и пастбища 7 м. Отсюда можно судить о грубости хозяйственного быта.

Социально-политический порядок, в котором жили ирландцы в XVI и XVII в.в., принято называть клановым, потому что клан есть основная организация. Кровные, родовые связи сохраняют в нем большую важность, но осложнены и перебиты другими началами. Некоторые английские юристы, наблюдавшие ирландскую жизнь в начале XVII в., напр., Девис, даже преувеличивали силу крови. Девису кажется, что у ирландцев преобладает родовое владение, которое он зовет гавелькайнд (gavelkind). Земля передается между всеми мужчинами рода; доля умершего не передается между детьми; после каждой смерти вождь производит новый передел всей родовой земли, и каждый получает долю сообразно со старшинством. Частые переделы казались Девису главной причиной островного варварства. А при передаче власти над родом и кланом применяется система танистов. Власть пожизненна, не наследственна; и преемник вождя (tanist) выбирался еще при жизни вождя членами рода или клана. На самом деле порядки были много сложнее. Рядом с кровными связями были тесные отношения хозяйственной зависимости. Владельцы больших стад и в XVII в. раздавали скот, раздавали его вовсе не одним родичам, но и своим дружинникам и вообще всем, кого хотели заставить служить на себя, ибо такого рода есуды были выгодным помещением капитала. Война есть обычное явление в ирландской жизни XVI и XVII в.в. Вождю нужна дружина; чем она больше, тем лучше. Он набирает ее не только из людей своего клана; он принимает и посторонних

и в случае успеха делится с ними добычей, может быть, даже охотнее, чем с родичами. В случае успеха вождь клана и дружины охотно принимал под свою власть вождей другого клана, побежденного им, или по своей воле желающего примкнуть к нему. Так создаются политические союзы, выходящие за пределы отдельного клана, правда, мало устойчивые, но зато способные и к быстрому росту. Даже отдельный клан может быть сложен по составу. В больших кланах отдельные роды нередко различаются занятиями: есть оседлые пахари, кочевые пастухи, подвижные дружинные роды, есть даже свои сказительнические, священнические, проповеднические роды. Рядом со свободными в кланах живет много несвободных (*fuidhirs*), на которых лежит главная тяжесть пастушьего и земледельческого труда, домашнего услужения; но при благоприятных условиях и они могут подняться в ряды свободных.

Сложности и неустойчивости личного состава соответствует в клане сложность и неустойчивость земельных прав. У вождя клана есть земельные права, которыми он может распоряжаться довольно свободно, и права, которые связаны с «должностью», которые он обязан сохранить в целостности для преемника, для таниста. Полноправный член клана имел право на пользование угодьями, оставшимися в нераздельном владении клана. Как член рода, он владел выделенной ему долей родовой земли, но доля была неустойчива и колебалась с каждой переменой в составе рода; но свободный человек мог получить земельные права и независимо от своей принадлежности к тому или другому союзу, мог получить их по свободному соглашению с каким-нибудь богатым и сильным человеком, вступив в его дружину или обязавшись нести известные платежи и службы. Несвободные привязаны к земле или, вернее, к лицу своего господина и несут подневольное тягло.

В общем социально-экономический строй Ирландии был так далек от английского, что всякая попытка англификации должна была встретиться с огромными трудностями и внести большую смуту. Так и случилось.

Мечта англичан состояла в том, чтобы создать во всей Ирландии систему графств и маноров и достаточное число ланлордов и фригольдеров для участия в местных учреждениях. Было легко поделить остров на графства, и это сделали уже в XVI в. Но несравненно труднее было создать людей, способных внести жизнь в бумажные графства, перенести на остров манориальные порядки. Первоначально, в XVI в., правительство думало опереться на клановых вождей. Оно побуждает их сдавать короне свою и клановую землю и возвращает ее обратно уже как держание общего права, с перией в качестве награды, и с заменой порядка танистов порядком первородства. Правительство ждет при этом, что новоявленные перы посадят на

свои земли фригольдеров и арендаторов, устроят маноры, пустят в ход всю машину графства. Оно ошибается в расчетах. Вожди сдают короне не только свою личную землю, но и свою должностную землю, землю в нераздельном пользовании клана, частью даже землю родов клана. Получив землю назад на правах бароний, они и не думают о графстве и манорах, а пользуются своим новым положением, чтобы поставить от себя в бóльшую зависимость население своей округи, наложить на него новое тягло и создать сильную дружину, с которой они борются против облагодетельствовавшего их правительства. Англичане видят свою ошибку и с конца XVI в. переходят к другим приемам в англификаторской политике. Так как крупный ланлорд есть опасный враг английского влияния, то они мечтают противопоставить крупному собственнику многочисленных и довольных фригольдеров, которые и составили бы ядро нового провинциального управления. Английские юристы проводят теперь разницу между частной и должностной землей вождя, между землей вождя и землей клана. Вождю оставляют его частную землю, но его минуют при устройстве остальной земли, которую хотят переделить непосредственно между членами клана, при чем одновременно фиксируют и их платежи. Это—так называемая политика композиций. Она была много справедливее наделения вождей чуть не всей землей клана, но и она была сопряжена со значительной несправедливостью. Если раньше англичане имели дело только с вождями и безмерно усиливали аристократические верхушки ирландского общества, то теперь внимание обращено исключительно на людей, которых можно превратить в англизированных фригольдеров с минимальным доходом в 40 ш. До нас дошел официальный отчет о том, как проводилась реформа в некоторых графствах—Фермана, Монаган (Fermanagh, Monaghan) в первые годы Якова. Комиссары установили минимум владения (60 акров), потребного для фригольдера—присяжного, составили список людей, за которыми оказались права не ниже минимума, и переделали между счастливыми землю, оставшуюся за выделом долей для клановых вождей; более мелкими людьми комиссия не занималась вовсе и предоставила им входить в частные арендные соглашения с полнонадельными, либо наниматься в батраки, ставила их в зависимость от более зажиточных членов клана. Но не одни мелкие землевладельцы обижены при «композиции». Клан был сложной организацией, а комиссия, мечтавшая о создании присяжных, вовсе не хотела считаться с клановой сложностью. Что делалось с пастухами, певцами, воинами? Старую организацию насильственно разлагали и на ее место не ставили никакой другой. Всего хуже пришлось воинам, дружинникам. Они страдали не только от разложения кланов, но и от общего замирения страны. Они стали ненужны, даже вредны

при новых порядках. Им пришлось искать места в жизни за пределами страны. Их, впрочем, в XVII в. начинают силой увозить с острова. Уже в 1610 г. увезли партию в 600 человек на шведскую службу. Особенно велик был принудительный экспорт солдатского товара при республике, когда вывезли 34.000 чел. А те, что не хотели покидать родину, уходили в лес. На них от времени до времени устраивают облавы. В 1616—1619 г.г. в одном только графстве поймали и убили около 300 чел.

Даже благожелательная англификация, даже политика композиций своим грубым нетерпеливым прикосновением к чужому быту породила страдание, устраняя одни бедствия, создавала другие, может быть, горшие прежних, вбивала клин и внедряла новое неравенство в порядок, который сам по себе, конечно, был очень далек от справедливости, но успел стать привычным для населения. Однако не «композиции» являются главной причиной трагического оборота, который приняла англо-ирландская история XVII в. Центральным и роковым узлом последней была политика «плантаций». В свирепых елизаветинских войнах родилась свирепая мысль согнать ирландцев с земли и насадить на острове новое население, лояльное и протестантское. У побывавших на острове английских авантюристов и джентльменов растет жажда ирландской земли, жажда легкого обогащения. Зачем искать золота и удачи далеко за океаном, когда счастье лежит под боком? Только что в руки короны попали огромные земли в Мёнстере после восстания Десмондов, как созревает грандиозный план английской иммиграции. Познакомившись с Ирландией, английские бюрократы, джентльмены, капиталисты и просто искатели приключений хотят создать на юго-западе новую Англию. На ирландской почве появляется новая и роковая фигура, «предприниматель» (undertaker), хищный англичанин, мечтающий нагреть себе руки на колонизационной афере. Чтобы умиротворить Мёнстер, надо раздать его большими кусками, тысяч по 10 акров, за низкую ренту английским предпринимателям, которые сами заселят страну хозяйственными английскими крестьянами, заполнят опустевшие поля фригольдерами и кошигольдерами. Охотников заполучить ирландские «сеньерии» нашлось много, по преимуществу среди джентльменов западной Англии; составлялись целые компании, чтобы добиться королевского патента и извлечь побольше выгоды из заселения. Как колонизационное предприятие, этот широковещательный план потерпел решительную неудачу. Правительство не решилось подвергнуть туземцев полному обезземелению и роздало «предпринимателям» только $\frac{1}{3}$ намеченной первоначально площади. «Предприниматели» очень мало думали о заселении и по большей части даже не жили в Ирландии. Заполучив свои большие участки, они обычно ограничивались тем,

что сдавали землю ирландцам и получали с них ренту. Мёнстерский опыт оказал очень немного прямого влияния на англификацию Ирландии. Но он разочаровал правительство в насаждении крупного английского землевладения и заставил искать других путей, которые действительно гораздо скорее разрушали старый порядок.

В начале XVII в. наименее англизированной частью острова был Ёльстер. Там всего дремучее были леса, всего непроходимее болота, всего слабее примесь английского населения. Клановой строй сохранился в наибольшей чистоте, и вождь О'Нилей, «великий граф Тайрона», был идолом кельтов далеко за пределами своего графства и клана. Если англичане хотели окончательно низвергнуть клановой строй, они должны были свалить его в Ёльстере. Два обстоятельства помогли им: неудачное восстание ёльстерских кланов и новая волна шотландской иммиграции. Ёльстерские вожди стояли во главе большого восстания последних елизаветинских лет; но не оно привело к катастрофе а неудачная повторная попытка восстания в 1607 г. Заподозренные в заговоре, два главных клановых вождя, графы Тайрон и Тирконнель, бежали на материк еще до начала восстания. Их земли «унали» в руки короны, как земли изменников. И когда перед правительством встал вопрос, что делать с землей, то ответ был подсказан шотландской иммиграцией. Северо-восточный угол острова лежит всего ближе к Шотландии и издавна был первым этапом для шотландских пиратов и приселенцев. С конца XVI в. последние, по большей части пресвитериане, снова появляются в большом числе в Ёльстере, отчасти по приглашению самих кельтских вождей, и устанавливают постоянную связь между двумя островами в то самое время, как в распоряжении английского правительства оказываются обширные земли, брошенные графами-беглецами. Как ярые враги католицизма, как люди, стоящие много выше ирландцев по культуре, шотландские пресвитериане очень желательны для англичан. Правительство охотно решается выдвинуть их в противовес туземцам, воспользоваться пресвитерианской иммиграцией для заселения Ёльстера. Прилив новых людей представляется настолько значительным, что правительство мечтает заселить ими всю территорию, и протестантская колонизация Ёльстера превращается в массовое и жестокое обезземеление туземных католиков. Услужливые юристы подыскивают для правительства хитросплетенные основания заявить, что не одна земля бежавших графов, но вся площадь северо-восточных графств, около 4 м. акров, больше $\frac{1}{3}$ всей площади острова, вернулась в руки короны, которая властна предпринять коренной пересмотр всех земельных отношений. Одним росчерком пера уничтожаются земельные права всего туземного населения. Разрабатывается сложный план колонизации, обмеряются границы, вычерчиваются карты. О туземцах почти не

думают: из Ёльстера хотят сделать «чистую» плантацию. На правах собственности они получают только $\frac{1}{10}$ своей прежней земли и даже на положении арендаторов и батраков по первоначальным предположениям они могут жить лишь в строго отграниченных и плохих округах, составляющих приблизительно $\frac{1}{3}$ Ёльстера; с остальной территории их хотят согнать. Землю раздают выслужившимся чиновникам англиканской церкви, но главным образом колонизацию ведут через «предпринимателей», шотландских и английских, которым однако дают гораздо меньшие участки, нежели в Мёнестере, всего 1000—2000 акров. Любопытна попытка выделить часть территории, целое графство Кольрен, переименованное в Лондондерри, под крупнокапиталистическое предприятие. Лондонские диврейные компании образуют товарищество новой ёльстерской плантации со значительным капиталом для заселения графства и разработки его природных богатств.

Организаторы этого огромного и бессердечного обезземеления находили в себе мужество говорить о мягкосердии короны по отношению к туземцам. Девис напоминает, как римляне передвигали большие германские племена в Галлию, как испанцы выгнали всех мавров в Африку, и умиляется добротой английского короля, который сгоняет ирландцев на места, близкие к их старым владениям, точно садовник, пересаживающий фруктовые деревья только для того, чтобы они приносили еще более вкусные и ценные плоды. На самом деле правительственные планы оказались жестокими до невыполнимости. Оказалось совершенно невозможным сразу вырвать из земли с корнем целые кланы, перебросить их на новые места и заставить довольствоваться $\frac{1}{3}$ прежней территории. Сами предприниматели и колонисты вовсе не хотят лишать себя дешевого ирландского труда, выхлопывают отсрочки для выселения и в 1619 г. добиваются официального разрешения оставить на своих землях $\frac{1}{4}$ прежнего ирландского населения. На деле их осталось больше. Чтобы остаться на своих местах, ирландцы соглашались на краткосрочные арендные договоры и высокую ренту; они дают за землю больше, чем фермеры-колонисты, тем более, что в тайниках души они лелеют мечту согнать ненавистных пришельцев. И особенно с тех пор, как правительство при Карле сильно возвысило коронную ренту за ирландскую землю, многие колонисты бросают свое хозяйство и снимают землю лишь для того, чтобы передать ее туземцам по повышенной цене. На ирландской почве появляется новая хищническая фигура, middleman, посредник, который собирает дань и с легкомысленного данлорда—абсентеиста, нуждающегося в деньгах, и с беззащитного туземца, нуждающегося в земле. И все-таки ёльстерская колонизация вышла гораздо успешнее мёнстерской. Уже в 1619 г. один внимательный английский наблюдатель насчитал

в Ёльстере 8000 колонистских семей. Накануне великого ирландского восстания в 1640 г. колонистов считали 120.000. И это новое население было отделено непреходимой пропастью от старого. Ирландцы видели в плантации чистый грабёж и ненавидели людей, поделивших их кровное достояние. А колонисты презирают туземцев, как людей низшей расы, как варваров и идолослужителей. Ибо главная масса приселенцев состоит из английских пуритан и шотландских пресвитериан, но преимуществу из шотландских пресвитериан (их считали около 100.000 в 1640 г.), и относится с крайней нетерпимостью к папизму. Бок-о-бок вынуждены жить люди, у которых национальная и классовая вражда осложняется личным озлоблением и религиозной ненавистью.

Политика плантаций не остановилась в Ёльстере. Ёльстерский успех окрылил хвалителей ирландского обезземеления и давал основание требовать применения той же системы к остальным частям острова. Энтузиасты плантаций скорбят о варварстве ирландцев, которые не лучше индейцев и мавров. Из них не выработается хорошего фригольдера, способного с честью нести обязанности присяжного и избирателя. Из них не выработается сразу привычки к кочеванью и угону чужих стад. Единственное средство умиротворить страну и поднять ее культуру — это посадить на остров достаточное число фригольдеров британской крови, которые принесут с собой торговлю и промыслы, английские привычки и понятия. Они подымут доход земли и повысят коронную ренту. Они дадут заработок окрестным туземцам и живым примером научат их хозяйничать, высвободят их из-под рабской зависимости от племенных вождей. Сокращение площади туземного землевладения вследствие выдела части территории приселенцам с избытком возместится всеми теми выгодами, которые сулит ирландцам плантация.

Но правительство не нуждалось в увещаниях, чтобы продолжать плантационную политику, ибо уже фискальный интерес заставлял его стремиться к пересмотру земельных прав ирландского населения и к расширению английского землевладения. Если стремление отыскивать повсюду «утаенные» права короны есть характерная черта финансовой политики Тюдоров и первых Стюартов даже в Англии, то полного расцвета эта политика фискального сыска достигает в Ирландии, особенно при Стюартах. При частых изменениях и восстаниях, при глубоком различии между ирландским и английским земельным правом редкий земельный «титул» был безупречен в глазах придирчивого юриста. А между тем всякий юридический изъян может стать источником казенного дохода. Правительство может брать деньги с злополучного владельца за утверждение его спорных прав, правительство может даже отобрать спорную землю и за деньги отдать, кому пожелает. При Якове и Карле

правительство организует по всему острову поверку земельных прав. Сыском занимаются и чиновники и еще более усердные добровольцы. Учреждается (1622 г.) курия опеки для розыска земель рыцарского держания; учреждается комиссия «недостаточных титулов», которая по соглашению с просителями заменяет их сомнительные документы надежными. Опорочиваются очень старые права на землю. Чувство необеспеченности, страх катастрофы распространяется среди землевладельцев, особенно ирландского происхождения. Отбираемые в казну земли делаются предметом спекуляции. В тесной связи с общим земельным сыском выдвигаются и дальнейшие плантации. Когда в результате кляузнического обследования в руки короны попадали значительные округа, иногда целые графства, то при общей переверстке земельных отношений правительство могло преследовать одновременно и фискальные и колонизационные цели. При позднейших плантациях с туземцами обращались мягче нежели в Ёльстере: у них отбирали обычно $\frac{1}{4}$ территории. Но порождаемое плантацией недовольство не было меньше, потому что в данном случае в оправдание обезземеления плантаторы не могут сослаться даже на восстания. В 1610 г. собственностью короны объявлена значительная часть графства Уексфорд на основании какого-то пожалования, совершенного каким-то ирландским вождем еще при Ричарде II. Напрасно почти все туземное население протестует против судебного решения, в котором видит грубый грабеж. Ответом является угроза возобновить следствие об участии местного населения в последнем восстании. Составляется тщательно выработанный план плантации. $\frac{1}{4}$ земли отводится английским предпринимателям. Но и остальные $\frac{3}{4}$ распределяются не между всем населением, а между незначительным меньшинством: из 15.000 население получили землю каких-нибудь 150 семей. Прочих оставили на произвол судьбы. Немудрено, что в округе растет разбой, наместник признается, что в графстве за 3 года убито до 300 «лесных людей». Обделенные тщетно пытаются искать управы в центре. Некоторые добираются до Лондона и подают жалобу, их ссылают в Америку работать под кнутом на виргинских плантациях.

Когда не оказывается документов, подтверждающих право короны на землю, то у местных присяжных вымогают приговор, отымающий у них землю в пользу короны. В последние годы своего наместничества Уентуэрс носится с мыслью о плантациях в Конноте. Королевские юристы нашли, что Коннот достался по наследству Эдуарду IV, от которого и должен перейти к королю Карлу. Для подкрепления королевского права наместник решил добиться благоприятного вердикта от местных присяжных. В 1635 г. он самолично ездит по графствам Коннота, судит жителям всякие выгоды от плантации, собирает присяжных и грозит королевской опалой за неблаго-

приятный для короны приговор. В 3 графствах запуганные присяжные отрицают свои собственные земельные права. В Гольвей они смело высказываются против королевских притязаний. Наместник штрафует шерифа за искусственно подобранный состав присяжных, зовет присяжных на суд в Дёблин за неправильный приговор и грозит расквартировать в графстве значительный гарнизон, чтобы сломить всякое сопротивление.

Вне-эльстерские плантации на немного увеличили английский и шотландский элемент населения. Предприниматели, по большей части, сдавали свою землю туземцам и часто сами не жили в стране. По плантации значительно увеличили площадь приселенческого землевладения. Ко времени созыва Долгого парламента в руках английских и шотландских колонистов было более $\frac{1}{4}$ всей территории. И в еще большей степени увеличили плантации национальную вражду, разлили ее по всему острову, щедро напоили ею ирландскую почву.

Трагическая запуганность ирландского положения увеличивалась еще своеобразным отношением правительства к враждебным лагерям, на которые было разбито теперь ирландское население. Шотландские и английские протестанты появились в Ирландии и захватили $\frac{1}{4}$ острова при деятельной поддержке правительства. Правительство принимает деятельные меры и для того, чтобы доставить протестантам преобладание в парламенте. В 1612 г. парламентское представительство дано 39 новым «городам» с протестантским населением. От времени до времени возобновляются прокламации, воспрещающие католическому клиру пребывание на острове. Но это вовсе не значит, чтобы правительство отказалось от намерения поднять туземцев до английского уровня. В 1615 г. король утверждает билль, разрешающий браки ирландцев с шотландцами. В 1628 г. ирландцам разрешено заниматься адвокатурой, в 1641 г. — торговлей. В 1626 г. правительство обещает отказаться от штрафов за непосещение казенного богослужения. С другой стороны правительство не думало предоставлять полной религиозной свободы новым колонистам. Их пуританские и пресвитерианские убеждения были для правительства неприятным сюрпризом. Правительство очутилось в очень трудном положении. Мечтавшее опереться на приселенцев в борьбе с католиками, оно распозвало в приселенцах других своих религиозных врагов, которых оно подвергало преследованию в Англии. У Уенгуёрса была почти безумная мысль, повести религиозную войну на два фронта — против католиков и пуритан, силой загнать все население в ограду государственной церкви, которая не имела никакой почвы в стране. Расстояние между правительством и эльстерскими шотландцами быстро растет со времени шотландского восстания. Приселенцы

горячо сочувствуют повстанцам и по кровной близости и по сходству религиозно-политических убеждений. Наместник, думавший сделать из Ирландии мощный оплот абсолютной монархии, начинает сознавать последствия плантационной политики, роковые для абсолютизма и англиканизма. Правительство само создало в Ёльстере новую Шотландию, само приготовило союзников ковенантерам. В 1639 г. Уентуёрс горько жалеет о присутствии в Ёльстере 100.000 шотландцев, сочувствующих бунтовщикам. Мысль об отправке ирландской армии в Англию есть нелепость; хорошо, если эта армия удержит шотландских приселенцев от открытого присоединения к повстанцам. И те самые условия, которые отдаляют правительство от новых колонистов, сближают его с католиками. У католиков нет никаких оснований любить правительство. Но они ненавидят и боятся его гораздо меньше, чем «новых англичан» Ёльстера. Они боятся торжества англо-шотландской политической оппозиции, от которого они ждут искоренения католической церкви и дальнейшего обезземеления. Они согласны подать руку правительству в борьбе с революционерами, в которых видят и своего врага. В ирландском парламенте 1640 г. католическое большинство охотно дает королю большую субсидию и выражает готовность оказать королю и более существенную поддержку. В свой последний смертный час английский абсолютизм мечтает найти опору у ирландских собак, у презренных католиков, которым причинил так много страданий. Но сближение с ирландскими католиками только увеличивает безнадежность правительственного положения, приближает роковую развязку. Вопрос об ирландской армии, организованной Страффордом, все время стоит перед Долгим парламентом в первые месяцы его жизни. Страх перед ней преувеличен: в ней всего тысяч 10, и не вся она из кельтов. Но этот страх велик. И потом за страхом перед армией кроется еще больший страх перед национальным восстанием туземцев, которые по тайвому соглашению со двором уничтожат у себя протестантское меньшинство и дикой ордой хлынут в Англию насаждать деспотизм и папешство. Туземцы восстают осенью 1641 г., и как бы подтверждаются самые худшие подозрения англичан. Переход легальной борьбы в чистую революцию, в вооруженную борьбу с силами старого порядка, несомненно, ускорен ирландской трагедией.

VIII. Конституционная борьба Долгого парламента со сторонниками старого порядка.

Состав парламента. — Участие различных общественных групп в революции. — Джентльмены. Горожане. — Столичная демократия. — Отсутствие широких программ. — Лойальность. — Страх иностранного вмешательства. — Ирландская опасность. — Великая Ремонстрация. — Борьба за власть. — Процесс Страффорда. — Перемены в судебно-административном строе. — Верховенство парламента. — Религиозная борьба.

Свергнутый фактически уже шотландской революцией, английский абсолютизм с созывом Долгого парламента приходит и к своему формальному концу: рядом с короной и ее слугами прочно, бесповоротно становится народное представительство. Но противники абсолютизма — не противники монархии и только отчасти противники старой государственной церкви. Они только хотят поставить твердые границы королевской прерогативе; среди них есть с самого начала принципиальные враги епископата, но в 1640 г. большинство, вероятно огромное большинство, думает только о реформе, а не о разрушении церковного строя. Сторонники абсолютизма, конечно, не могут удержать старой позиции во всей полноте, но стараются уступить как можно меньше. Враждебные лагеря, встретившись в парламенте, на улицах Лондона и других городов, в церковных зданиях, сначала меряются силами в лагерной борьбе, ищут победы, но не отказываются от компромисса. Однако конституционная борьба обостряется. С победами парламента выдвигаются вперед более решительные политические и религиозные партии и программы, неприемлемые не только для сторонников абсолютизма, но и для умеренных людей победоносной оппозиции. Происходят перетасовки в составе партий, делаются резче противоположности религиозных верований, политических программ и в известной мере классовых интересов, все более и более широкие круги населения втягиваются в водоворот. Ирландское восстание и страхи перед иностранным вмешательством ускоряют развязку, и после 1½ лет конституционной борьбы Англия вступает в полосу гражданской войны. За время войны общее положение резко меняется; Англия конца 40-х и 50-х г.г. сильно отличается от Англии начала 40-х годов. Необходимо просле-

дить и подчеркнуть эту разницу: некоторые односторонние характеристики английской революции грешат как раз неравномерностью внимания к отдельным фазам революции. Внимательное изучение первых лет борьбы необходимо и тому, кто признает наиболее интересными и важными годы господства индепендентов, ибо понимание эпохи Кромуэля и Лилберна, Фокса и Мильтона возможно лишь при знакомстве с начальными моментами революции.

Быть может, всего нужнее сопоставление различных периодов революционного движения при оценке социального, классового смысла революции. Литературные мнения в данном вопросе очень пестры. Есть взгляды, сводящие все многообразие английской жизни середины века к классовой борьбе. Есть взгляды, уделяющие очень скромное место классовому фактору в революционной истории, которая объявляется борьбой политической и религиозной или даже религиозной по преимуществу. Есть, наконец, исследователи, настаивающие на сложности революционного процесса, пытающиеся проследить переплетение разнородных мотивов в драматических перипетиях и коллизиях «великого мятежа». Чтобы разобраться в беспорядке мнений, удобнее всего приглядеться к общественным группам, принимавшим участие в первые годы борьбы, когда общее положение было всего проще, и таким образом заложить более или менее надежный фундамент для оценки позднейших, более сложных моментов борьбы.

Прежде всего надо уяснить социальный состав самого Долгого парламента. История парламента есть, конечно, только часть, но очень важная и большая часть революционной истории, особенно до начала гражданской войны. Столкновение между абсолютизмом и его врагами в значительной мере сводится к парламентской борьбе, к состязанию между короной и народным представительством, к борьбе партий в стенах самого парламента. Перы и коммонеры являются выразителями настроений, широко распространенных за стенами Уестминстера, в своих речах, резолюциях, биллях дают твердую юридическую формулировку мнениям и потребностям больших и влиятельных групп населения, крупных центров и медвежьих углов страны. Но они не ограничиваются пассивной ролью выразителей общественного мнения; они участвуют и в создании последнего; привычные руководители местных миров указывают направление борьбы, выставляют религиозные и политические лозунги, подают знак для выступлений своих провинциальных сторонников. И естественно, что ознакомление с общественным положением руководителей революции и контр-революции бросает свет на социальную подпочву всего революционного движения.

В палате лордов в начале 1640 г. было 123 светских пера и 26 прелатов. С самого начала епископы не имеют большого

значения и становятся предметом жестоких нападков. С февраля 1642 г. они удалены из парламента специальным актом. Среди светских перов мало людей очень старой породы; большинство было обязано перией милости, нередко купленной, Карла и Якова: так, при Якове пожалований перии насчитывают более 50. Правда, в эту пору уже не нужно обладать большим числом предков-перов, чтобы занимать руководящее значение в верхней палате. Самыми богатыми были тюдоровские перы, оппозиционный Бедфорд, стоявший во главе огромных осушительных предприятий, горячий роялист Вустер, в 1642 г. выручивший короля из нужды, дававший Карлу десятки тысяч фунтов. И наиболее влиятельными были люди новые или с коротким прошлым. Нередко выступавший при Карле в качестве вождя палаты Бристоль, человек очень независимый, получил перию при Якове. Эти «новые» люди могут быть настоящими магнатами с большой клиентелой. Семья Бедфорда составила себе большое положение и состояние в последние годы Генриха VIII, в пору секуляризации. А между тем в 1640 г. он — видный пер оппозиции, с очень большим влиянием на палату общин, в которую на выборах он может проводить своих людей; в 1640 г. Пим и С. Джон прошли в значительной мере при его покровительстве и смотрят снизу вверх на своего патрона, который вовсе не отличается особенными дарованиями. И все-таки «молодость» стюартовских лордов сильно влияет на их поведение. В еще большей степени, чем тюдоровские перы, они неспособны отделить себя от короны, которой они обязаны возвышением, от нетитулованного дворянства, из рядов которого они только что поднялись. Как и деревенские джентльмены они раскалываются между короной и парламентом; но в виду своей зависимости от династии, они более значительным большинством примыкают к роялистам. При начале гражданской войны число перов дошло до 132. Из них человек 30 не принимали участия в борьбе, хотя по большей части сочувствовали королю. Среди оставшейся сотни решительных роялистов было около 70 и открытых сторонников парламента около 30. К концу войны и это число тает. В декабре 1648 г. в палате лордов всего 15 человек; она единодушно присоединяется к антииндепендентскому большинству общин в его борьбе с индепендентским войском. После «чистки Прайда» в палате не остается и десятка пароду; раз пришло всего трое. Когда общины уничтожили верхнюю палату резолюцией 6 февраля 1649 г., этой палаты в сущности уже не было.

В палате общин в ноябре 1640 г. было около 500 человек, вернее немного больше чем 500. Из них от университетов — 4, от графств — 91, остальные — от городов. Наиболее замечательная

черта палаты — дворянский состав. Ее подчеркивает даже такой ожесточенный враг Долгого парламента, как Кларендон. Одних рыцарей и баронетов было больше 200, наследников перии — больше 10. И среди остальных громадное большинство состояло из джентльменов. Промышленников и торговых людей среди парламентских «горожан» было чрезвычайно мало. Да и те, которые были, вовсе не выдвинулись в полной драматических перипетий истории Долгого парламента. Парламентская история гражданской войны есть история почти чисто дворянская, джентльменская, людей «большого ума, состояния и общественного положения», по признанию Кларендона. Быть может, еще поучительнее дополнительные выборы в Долгий парламент. В списке Карлайля их около 320, значительное большинство падает на 45 и 46 г.г., когда было выбрано, взамен отстраненных, отстранившихся роялистов и робких, около 235 «рекрутов» (recruiters), исключительно сторонников парламента, когда пала епископальная церковь и предстояла борьба между пресвитерианами и индепендентами, когда в революции много громче звучат классовые мотивы, когда рост радикально-политических доктрин, успехи радикальных сект и фискальные меры Долгого парламента, казалось бы, уже должны были отталкивать от революции даже рядовых джентльменов. И тем не менее на 320 дополнительных выборов приходится около 50 «лордов», баронетов, рыцарей. Среди остальных преобладание скуайров не такое подавляющее, как в 1640 г., но все же очень значительное. Парламент 1648 г. есть тоже собрание людей значительного достатка и хорошей породы. Если он немного демократичнее, чем в 1640 г., то новые общественные элементы приливают в палату из городских домов и в исключительных случаях из йоменских усадеб не столько прямо, сколько через посредство реформированной армии, выдвинувшись службой в парламентской кавалерии. Таким образом по социальному положению своих членов Долгий парламент вовсе не означает разрыва с английской стариной. Парламентские революционеры 40-х годов вовсе не новые люди, а традиционные вожди провинции, которые в 30-х годах накапливали глухое недовольство абсолютистическими «новшествами», а до этого, по большей части, являлись послушными слугами короны. Долгий парламент по составу похож на Короткий: из Короткого 300 человек перешло в Долгий. О достатке коммонеров можно судить по цифрам их подписки на подавление ирландского мятежа в феврале 1642 г. В это время уже резко обозначился разрыв между короной и парламентом, и самая подписка была отчасти средством проверить политические настроения. «Крайние левые» палаты, Мартен, Гезльриг, дают по 1.200 ф., умеренный Голльз (сын видного пера) и знаменитый Гемпден — по 1.000 ф. Пим и Фьенз (сын пера) по 600 ф.,

небогатый Кромуэль 300 ф. Это все вершины палаты, но не самые богатые люди. Гудвия дал 1.800 ф., ирландский пер Монсон 2.400 ф.

В ноябре 1640 г. в Уестминстере встретились люди одного класса, которые чувствовали себя ровнями и за стенами парламента, которые легко могли понять друг друга, столкнуться, у которых даже самое резкое расхождение в религиозных и политических вопросах не могло вполне вытравить сознания принадлежности к одному классу. Английские историки с ударением указывают на отличие Долгого парламента от парламента XVIII и XIX веков. Не надо модернизировать борьбы 40-х годов, не надо видеть тори и виггов в кавалерах и круглоголовых, в Пиме и Страффорде, в Вене и Гайде. В Долгом парламенте, особенно в первые месяцы, нет определенных партий, нет признанных лидеров. Работа не идет по определенному плану, настроение палаты иногда меняется с каждым днем, отдельный коммонер еще не знает над собой партийной дисциплины, говорит и голосует за свой страх, палата легко поддается панике, легко запутывается в распределении работы. И в этом много правды. При Стюартах и Тюдорах парламента имеет слишком мало влияния и заседает слишком мало времени, чтобы могла сложиться прочная партийная организация и традиция, чтобы выработались деловые навыки. Маховиком государства был Тайный совет с окаймляющим созвездием курий и палат. Когда старое правительство было низвергнуто в первые же недели после созыва Долгого парламента, то на долю последнего выпало непривычное, новое бремя государственного управления, с которым на первых порах он плохо справлялся, тем более что налаживать новое правительство приходилось в трудной обстановке сначала полуреволюционной, потом чисто революционной борьбы с короной и церковью. И все-таки коммонеров, собравшихся 3 ноября 1640 г. в Уестминстере, никак нельзя представлять себе неорганизованной аморфной массой, людской пылью. От некоторых графств, напр., Корнуоля, Уильтшира, Гаяшира явились десятки коммонеров (44, 32, 26); некоторые были деревенскими соседями, очень многие хорошо знали друг друга по совместной административно-судебной работе в родном графстве. Люди, привыкшие вместе работать и развлекаться на четвертных сессиях у себя в провинции, естественно собирались и в Лондоне для обсуждения животрепещущих событий, особенно если к землечеству прибавлялось сходство религиозно-политических симпатий. Можно и должно считать очень преувеличенным утверждение Кларендона, будто простоватое большинство парламента было обмануто умной и хитрой кликой политиканов, которые с самого начала стремились к ниспровержению всего порядка и толкали добродушных деревенских джентльменов много дальше, чем последние хотели идти в своих нападениях на правительство. Но не подлежит

сомнению, что в парламенте с первых дней есть влиятельные и сплоченные кружки политических единомышленников, на своих сходках облумывающие тактические ходы, мечтающие руководить работой собрания. Некоторые перы и коммонеры, ставшие скоро в первые ряды политической борьбы — Бедфорд, Эссекс, Сей, Брук, Мандевиль, Пим, Гемиден, С. Джон — сходятся на частные и тайные совещания еще до 3 ноября 1640 г. и говорят о том, как всего лучше свалить правительство. Некоторые члены кружка даже столуются вместе неподалеку от парламента.

Нужно отметить еще, что политическое единомыслие нередко закреплялось, а может быть, и объяснялось родством или свойством. Будущий непримиримый республиканец Гезльриг, богатый баронет, был женат на сестре пуританского пера Брука. Один любитель подсчитал родство и свойство Кромуэля в Долгом парламенте, при чем брал лишь довольно тесные связи. В ноябре 1640 г. у Кромуэля свойственников и родственников среди коммонеров было 17, в том числе такие крупные люди, как Гемиден (двоюродный брат) и С. Джон (муж двоюродной сестры). И остальные были видными людьми в своей округе, хотя меньше выделялись в парламенте. К 1647 г. число членов «клана» в парламенте дошло до 23. И среди виднейших деятелей республики и протектората у Кромуэля было много своих людей. Изумительная карьера протектора объясняется не одними его дарованиями, но и той семейной поддержкой, которую он встречал и в парламенте и в стране. Сплочение большинства коммонеров для решительной борьбы с короной в 1641 и 1642 г.г. не мало было облегчено родственными узами, связывавшими очень влиятельных вождей оппозиции. Не нужно проводить насильственных аналогий между парламентскими вождями 40-х годов XVII в. и вигской аристократией ганноверского периода. Но не следует закрывать глаза и на известное сходство между двумя периодами. И в XVIII и XVII в.в. меньшинство породистых лэнд-лордов борется с короной и большинством товарищей по классу с целью ограничить прерогативу и закрепить за собой преобладающее положение в государстве, стать парламентским большинством. И в XVII и в XVIII в. это меньшинство не отказывается от поддержки более широких слоев населения, даже ищет такой поддержки и веледствие этого расчищает дорогу для гораздо более радикальных и демократических программ и организаций, с которыми в конце концов вынуждено вступить в борьбу почти в одном лагере со своими прежними политическими врагами.

Уже джентльменский состав парламента, соединяющийся с его постепенным распадением на два парламента, уестминстерский и оксфордский, заставляет нас сомневаться в том, чтобы в его стенах шла напряженная классовая борьба. В резком контрасте с Гене-

ральными штатами 1789 г., здесь столкнулись не столько враждебные общественные классы, сколько религиозно-политические партии, между которыми распределялись люди одного общественного положения. Даже партийная дифференциация наметилась не сразу. Первое время огромное большинство было охвачено одним настроением, желанием устранить самую возможность повторения прежних правительственных насилий и беззаконий, стремлением утвердить на незыблемых основаниях исконную свободу; сторонники абсолютизма составляли незаметную, ничтожную группу. Глубокие грани между будущими партиями стали намечаться лишь в феврале 1641 г., когда началось обсуждение вопроса о коренной церковной реформе. Даже в последние дни перед гражданской войной, когда для парламента выяснилась необходимость опираться на горожан и на йоме-нов, мы не замечаем в его военных приготовлениях антиджентльменской политики. Когда 3 марта 1642 г. парламент назначает своих лордов-лейтенантов для командования милицией графств, то он всюду старается назначить видных перов, хотя вовсе не уверен в том, что все они за парламент. Офицерский корпус парламентской армии в первые годы войны далеко не такой людный, как у короля, но почти такой же хорошей крови. У парламента 20 полков нехоты в 1642 г. Десятью командуют перы или наследники перов, четырьмя — рыцари или баронеты и только шестью нетитулованные джентльмены, хотя тоже люди хорошей породы, в том числе Гемиден и Голльз. Столь же породисты и командиры 6 кавалерийских полков.

Среди многочисленных и в высшей степени важных статутов 1641 и 1642 г.г., в корне преобразивших английскую церковь и английское государство, трудно указать даже на второстепенный акт общего характера, который можно было бы причислить к области чисто социального законодательства. Условия мужицкого держания, формы пользования общинными угодьями, размеры заработной платы, сроки найма, приемы общественного призрения интересуют перов и коммонеров несравненно меньше, чем местонахождение алтаря в церкви, присутствие епископов в палате лордов, сроки созыва парламента, юрисдикция Тайного совета. Только жалобы отдельных деревенских углов вторгаются иногда в залу парламентских заседаний, прерывают шумные религиозно-политические споры, но приводят к решениям, имеющим силу только для данной местности. Напр., в феврале 1641 г. к палате общин обращаются жители той части Гейтингдоншира, где родился и жил Кромвель. У жалобщиков огородили без спросу большие общинные пустоши и продали их лорду Манчестеру и его сыну, лорду Мандевилю. Новые владельцы уже успели засеять часть огороженной площади. Но общинники не удовлетвоались жалобой: они разрушили изгородь и даже

грозились уничтожить посеы. В парламенте при обсуждении жалобы обычные парламентские перегородки спутываются. Кромуэль горячо вступает за обиженных общинников. Его товарищ по партии, один из самых влиятельных перов парламентской партии и будущий начальник Кромуэля, Мандевилль, естественно выступает в защиту своих собственных интересов и настаивает на примерном наказании смутьянов. Политический противник Мандевиля, будущий вельдь умеренных роялистов, лорд Фокланд, подает руку Мандевилю, когда заходит речь об охране крупного землевладения, и говорит о необходимости защищать мир и посеы.

Сходные наблюдения привели некоторых английских историков к решительному отвержению классового объяснения английской революции. Не только в парламенте, но и за его стенами борющиеся стороны не совпадали с классами. По Санфорду между враждебными лагерями раскололись и крупные джентльмены, и рядовые сквайры, и демократические элементы населения, в гражданской войне бились друг с другом товарищи по общественному положению. Для Гардинера революция есть прежде всего столкновение непримиримых религиозных и политических идеалов, сплачивавших вокруг себя людей разного состояния. Даже в Англии не все историки стоят на такой точке зрения. Еще Галлам думал, что состав враждебных партий был однороднее, что горожане и йомены почти во всей Англии стояли за парламент, а джентльмены обычно примыкали к королю. И Ранке склонен подчеркивать значительную однородность в составе враждебных армий, считать джентльменов главной движущей силой королевской армии, йоменов — главной опорой парламентских боевых сил. Нечего и говорить, что историки, склонные выводить многообразие общественных явлений из условий классовой борьбы, стараются найти подтверждение своему убеждению в английской истории середины XVII в. К их точке зрения близки и отдельные утверждения Гизо, правда мало применяемые к детальному изучению революционного периода. Борьба политических партий будто бы прикрывала социальный вопрос, борьбу разных классов за влияние и власть. Пусть невозможно говорить о непреходимых классовых гранях, пусть отдельные джентльмены и перы шли во главе парламентской партии; в общем горожане и простонародье собираются вокруг парламента, джентльмены — вокруг короны. Намечается поступательное движение демократии, пролагающей себе путь через ряды ослабшей аристократии.

Я уже пытался показать, что ни в личном составе, ни в законодательной деятельности Долгого парламента не видно напряженного состязания классов, что в парламентской истории 1641 и 1642 годов религиозный и политический вопрос безусловно преобладает над

социальным. Но отсюда нельзя делать заключений обо всем революционном процессе. Конечно, парламент занимает очень много места в самой революционной истории, для которой поэтому очень знаменательна классовая однородность парламентского состава. Поучительна и незначительность социального законодательства 40-х г.г., в течение которых был совершен длинный ряд политических и религиозных перестановок. Но слабые в Уестминстере, социальные конфликты могли назреть в стране, слабые в первые годы революции, они могли приобрести значительную остроту в ее дальнейшем развитии. Нужно уйти от парламента и присмотреться к тому, какое участие принимали различные общественные группы в начальных стадиях революции.

Джентльмены не стали одной плотной массой ни на ту, ни на другую сторону: они раскололись. В гражданскую войну екуайры сев. и зап. графств были одной из главных опор короля. Но даже и там перед войной не было единодушия. Весной 1642 г. в Йоркшире многие джентльмены советуют королю мириться с парламентом. В августе 1642 г. в Сомерсетшире обе стороны организуют свои силы, во главе парламентских отрядов милиции оказываются местные джентльмены. В один из самых критических моментов революции (конец декабря 1641 г. и начало января 1642 г.) парламент боится, что молодые юристы из адвокатских подворий, в то время принадлежавшие по большей части к хорошим джентльменским семьям, станут за короля и примут участие в вооруженной борьбе. Страхи оказались преувеличенными. Один из этих джентльменов-юристов, Ледло, рассказывает, что среди его товарищей многие сочувствовали парламенту, нарочно учились военному делу, предвидя вооруженное столкновение, и поступили в кирасирскую сотню при парламентском главнокомандующем Эссексе. Факт раскола в джентльменской среде признает и реалистский историк революции, Кларендон и пытается дать ему любопытное объяснение. Он говорит о Сомерсетшире, где за короля стали будто бы старые джентльменские роды, издавна владевшие землей и заправлявшие делами в графстве. Но в графстве были семьи, недавно разбогатевшие и накупившие себе джентльменских земель. Старые семьи не считали их за ровню и держали на почтительном отдалении. Новые люди больно чувствовали это и стали на сторону парламента из-за раздражения, либо в надежде захватить первые места при новом порядке. Сам Кларендон ограничивает свое объяснение пределами Сомерсетшира и ставит его в связь с успехами шерстяного производства на западе. Но, может быть, его объяснение надо распространить на другие графства и выводить политический раскол в дворянской среде из ее социального расслоения? Вопрос недостаточно изучен, но позволительно сомневаться в том, что на него

необходимо отвечать утвердительно. В гражданскую войну в Уестминстере и в парламентской армии мы видим не мало людей очень хорошей породы. И если, с одной стороны, мы замечаем в джентльменской среде политическую группировку по родству и свойству, то, с другой,—бывали случаи политического раскола в пределах одной семьи. В 1640 и 1642 г.г. лорд Манчестер был одним из виднейших министров короля, а его сын и наследник, Мандевилль, — одним из виднейших представителей парламентской оппозиции. Интересна семья Верни, отец и четыре сына. В гражданской войне старший сын — за парламент, младшие и отец — за короля. Младший брат пишет старшему в сент. 1642 г.: «У меня болит сердце, что отец и я, мы должны стать вашими врагами; ради бога подумайте, что величество священно. Бог сказал: не прикасайся к помазаннику моему. Ведь Давид мучился просто из-за того, что печально отрезал край Сауловой одежды. Я так расстроен, что не могу писать больше». Перед нами пламенный роялист, для которого верноподданнический долг близок к религии. Совсем не таков был отец, рыцарь-маршал и знаменосец короля. Он сочувствовал парламенту, но долг чести заставил его встать в ряды кавалеров. Около того же времени в королевской главной квартире он беседует со своим другом Гайдом, будущим Кларендоном, изливает ему свою тоску, завидует его убежденности, уравновешенности. «А я, я не люблю этой ссоры. Я бы хотел, чтобы король согласился на то, чего они требуют. Если я иду за королем, моим господином, то только из чести и благодарности. Я ел его хлеб и служил ему почти 30 лет. Я не сделаю такой низости, я не оставлю его. И вот я отдаю жизнь (я уверен, что отдаю ее) для защиты дела, защита которого противна моей совести. Ведь, сказать вам правду, я не чувствую почтения к епископам, из-за которых разгорелся этот спор». Предчувствие не обмануло его: с королевским знаменем в руках он пал 2 месяца спустя в первой же значительной битве гражданской войны. Так разнообразны могли быть политические настроения и поведения в пределах одной джентльменской семьи и так трудно приписывать начальным моментам великого мятежа противодворянские тенденции.

И наиболее ранние выражения роялистической программы обычно ограничиваются религиозными и политическими требованиями, не заключают в себе специальных джентльменских пунктов. В ноябре 1641 г. Карл возвращался в Англию из неудачной шотландской поездки. Роялисты были обмануты выражениями лояльности, которыми встречали короля, и мечтали о конце революции. В задорных стихах они грозят казнью политическим узурпаторам и чают близкое очищение церкви от нечистоты сект, но вовсе не затрагивают социальных мотивов. В марте 1642 г. кентские присяжные

джентльмены выступают с решительным протестом против крайностей «освободительного» движения. Они не хотят давать палатам законодательной и исполнительной власти; парламентские указы не должны иметь силы без согласия короля. Надо беречь епископов и старую литургию, бороться с религиозной смутой. Но петиция не говорит о том, чтобы господствующему классу грозила опасность, для отвода которой надо было бы принимать деятельные меры.

Ограничение спора религиозно-политической областью, конечно, не исключало привнесения в него социальной неприязни. Робкие джентльменские души с самого начала предостерегали против крутой ломки церковного строя и государственного порядка, потому что за ней им мерещилась роковая ломка всех общественных отношений, неминуемое понижение крупных ландлордов. Нельзя трогать епископов, потому что господство прелатов стоит в соответствии с преобладанием джентльменов в деревне. Если отменить епископат и дать мирянам больше власти в церкви, то скоро и скуайрам придется делиться влиянием и властью с общественными низами. Такие опасения слышатся в парламенте уже в феврале 1641 г., при обсуждении знаменитой массовой петиции об отмене епископата, когда парламент еще в значительной мере отличался единством настроения, и партийные несогласия только что начали намечаться. Один коммонер Strangeways заявляет откровенно: «Если мы введем равенство в церкви, нам придется ввести равенство и в государстве». Особенно резкую форму эта точка зрения получила в одной петиции, полученной парламентом из Чешира. «Мы не можем не выразить страха перед введением пресвитерианства. Теперь духовная юрисдикция в руках 26 епископов, ответственных перед парламентом за всякое уклонение от закона. Но представьте себе произвол людных пресвитерий, в которых вместе со «старшими» церковных правителей наберется тысяч до 40. Как справится с ними парламент? Как совместить их с монархией? Как легко могут они привести к анархии, к полному упадку учености и правопорядка, к уничтожению перии, джентри, общественного мира, если не самой религии».

Противники крутых перемен рано начинают запугивать скуайров и более ощутительными опасностями, угрозой земельных конфискаций, призраком черного передела. Как и в XVI в., толки о церковной реформе быстро приводят к разговорам о секуляризации. Уже в мае и июне 1641 г. в палате общин говорят о желательности конфискации капитульских земель; в ноябре 1641 г. в Великую Ремонстрацию хотят вставить статью о конфискации епископских земель. В XVI в. джентльмены не боятся, а желают секуляризации, потому что ждут от нее выгоды и уверены в своих силах. В 1641 г. положение далеко не так ясно, и даже некоторые сторонники пар-

ламенты предостерегают против ограбления церкви, потому что последнее может повлечь более широкую и опасную для господствующего класса аграрную катастрофу. Некоторые свидетели и участники великого мятежа рано проникаются опасениями, как бы религиозные и политические реформы не породили социального переворота.

Безусловное преобладание джентльменов в парламенте вовсе не исключало воздействия других общественных слоев на развитие революционной драмы. В парламенте было немного ольдерменов, и их голос терялся в гуле джентльменских речей. Но было бы очень неосторожно судить о силе городских верхов по их парламентарному представительству. Финансовый кризис поставил правительство в тесную зависимость от городских капиталистов. С созывом парламента в Англии вновь появляется конституционное прямое обложение, собираются субсидии и поголовная подать. Но государству приходится производить огромные единовременные расходы: в 1641 г. платить контрибуцию шотландцам, в 1642 г. бороться с ирландским восстанием. Текущих поступлений не хватает, необходимы займы. А нужные деньги можно достать только в Англии, по преимуществу у денежных людей Лондона. Когда последние соглашаются на заем, то хорошо знают свою силу и получают возможность оказывать давление на правительство, требовать религиозных и политических уступок. В общинах богатые горожане располагают всего немногими десятками голосов; но им достаточно закрыть кошелек, чтобы поставить правительство в очень трудное положение. С первых же дней Долгого парламента чувствуется влияние финансовой нужды. Приходится содержать на севере 2 армии, но в казначействе нет денег на текущие платежи. В половине ноября «денежные мешки» из Сити соглашаются помочь правительству, но под условием, чтобы король вывел гарнизон из Тауэра и снял пушки со стен; лондонские ольдермены боялись тогда контрреволюционного переворота. Когда богатые горожане недовольны направлением королевской политики, то грозят приостановить выплату обещанного займа. В январе 1641 г. король помиловал одного приговоренного к смерти католического священника. На другой же день лондонский депутат, ольдермен Пеннингтон, заявляет, что в виду помилования реализация займа в 60.000 ф. состояться не может. Король всячески оттягивает процесс Страффорда; в феврале 1641 г. военный казначей сообщает парламенту, что уплата займа приостановлена, потому что в Сити недовольны отсрочкой процесса. В начале 1642 г. понадобились большие деньги для усмирения ирландского мятежа. В Сити согласны дать парламенту огромную по той поре сумму (1.000.000 ф.), но требуют себе за это 2½ м. акров земли, которая будет отвоевана у повстанцев,

т. - е. $\frac{1}{7}$ всей Ирландии. Грандиозное обезземеление ирландцев в 40-х и 50-х г.г. объясняется не только политическими соображениями, не только враждебностью англичан к ирландцам, но и грубым давлением городского капитала.

Однако не одна мощь денег дала Лондону так много места в ранней истории английской революции. В виду того, что политическая борьба сосредоточивается в столице, население столицы получает возможность непосредственно вмешиваться в события. И оно вмешивается: шлет массовые петиции, устраивает манифестации, является толпой ко дворцу и парламенту, вступает в милиционные отряды и давлением живой людской силы направляет ход борьбы. В общем это вмешательство было очень благоприятно для парламента и очень невыгодно для короны. С особенной ясностью это сказалось в январе 1642 г., в дни «ареста 5 членов». Общины боятся стать жертвой военного контр-революционного переворота и ищут опоры в столичном населении. 31 дек. 1641 г. палата прервала заседания до 3 янв. 1642 г. и перенесла заседания своего комитета в Guildhall, городскую думу, а потом в Grosers' Hall, возле Guildhall, чувствуя себя в гораздо большей безопасности в сердце столицы. Когда палата собирается 3 янв., то обращается к городским властям с просьбой держать наготове милицию. Когда на другой день Карл является в парламент арестовать 5 коммонеров, последние находят себе надежный приют в Сити, и сама палата снова переносит заседания комитета в Guildhall. Карл едет в Сити требовать выдачи укрывшихся. Лондонцы не выдают коммонеров. Даже степенный городской совет встречает короля очень сдержанно и холодно, а толпа на улице провожает монарха враждебными криками. В Сити организуется сопротивление королевским замыслам. Городской совет формально становится на сторону парламента и объявляет невинными обвиненных коммонеров; лорд-мэр не позволяет королевскому герольду объявить их изменниками. Палата общин снова собирается в Сити и формально просит у городских властей защиты против королевского насилия. Столичная милиция и даже простые обыватели дружно откликаются на призыв. Не только столичная милиция все время готова отразить нападение со стороны роялистов. И простые граждане вооружаются, кто чем может. Раз вечером по фальшивой тревоге чуть не 100.000 человек высыпало на улицу (7 янв. 1642 г.). Когда население предместий присоединяется к движению, когда приходят слухи, что и из некоторых графств готовы двинуться на защиту парламента, Карл вынужден признать себя побежденным. Он покидает столицу 10 янв. 1642 г. и возвращается в нее 7 лет спустя пленником, для суда и казни. А победивший парламент на другой день с торжеством водворяется в Уестминстере. Коммонеров сопрово-

ждает городская милиция, которая в существе дела решила исход этих дней.

В эти критические дни политические и религиозные разногласия в среде столичного населения не дают себя чувствовать. Очень роялистично настроенный лорд-мэр должен был подчиниться общему настроению и выступить против короля. Но в другие моменты и среди лондонцев заметна борьба различных направлений, которой некоторые историки хотели дать классовое объяснение. Кларендон утверждает, что в Лондоне стояли друг против друга богатые и бедные. В декабре 1641 г. выборы в общий совет переместили большинство на сторону решительных пуритан. Кларендон говорит, что на выборах боролись, с одной стороны, богачи, издавна стоявшие во главе городского управления и увидавшие, что революция завела их дальше, чем они сами хотели идти; с другой, — люди мелкие и бедные, которые мечтали выплыть наверх при общей смуте. Незадолго перед выборами в Лондоне собирались подписи под массовой петицией об удалении из парламента епископов и католических перов. Лорд-мэр и городской судья всячески мешали сбору подписей и грозили привлечь организаторов петиции к суду, как бунтовщиков. И Гардинер указывает на то, что к концу 1641 г. в верхних слоях лондонского населения можно подметить своего рода общественную реакцию. Старые городские воротилы встревожены религиозными и политическими выступлениями подмастерьев и мелких мастеров; крупные предприниматели боятся, что затяжка смуты внесет расстройство в торговлю и промышленность. Страх перед революцией заставляет придвинуться ближе к королю; в конце 1641 г. лорд-мэр и очень значительное большинство ольдерменов — роялисты. Этим объясняется будто и горячий прием, оказанный королю после его возвращения из Шотландии, знаменитый банкет 25 ноября 1641 г., устроенный руководителями городского управления в Гильдхолле. Король, несомненно, делает тогда попытку вступить в союз с городской аристократией, чтобы подавить революцию, которой он приписывает демократическую окраску. Он делает лорд-мэра рыцарем и вскоре баронетом. В своей речи он выражает уверенность, что все беспорядки идут от простонародья, и радуется, что «лучшие люди» в полной мере сохранили лояльность. В последние годы отношения между короной и лондонскими богачами обострились вследствие разного рода захватов короны. Между прочим в 1638 г. корона отняла у Сити ирландскую колонию, Лондондерри, в которую лондонские капиталисты вложили не мало денег. Король хочет теперь устранить всякие поводы для взаимной неприязни и обещает вернуть городу его ирландские земли. Король обещает неусыпно заботиться о процветании национальной торговли и промышленности.

Но та же самая роль короля свидетельствует о невозможности различать в Лондоне резко обособленные умеренные или даже реакционные аристократические группы в конституционный период революции. Воображая, что он попадает в настроение слушателей, король торжественно заявляет, что будет твердо охранять истинную протестантскую религию, как она была установлена при Елизавете и Якове, хотя бы защита церкви была сопряжена с опасностью для жизни. Но как раз религиозная политика Карла мешала переходу на сторону короны даже тех элементов городской аристократии, которые по социально-экономическим мотивам стали уже бояться революции. Мало сказать, что среди зажиточных горожан преобладали пуританские настроения; довольно широко было разлито и враждебное отношение к самому институту епископата. В конце 1640 г. вместе с шотландскими комиссарами явились в Лондон шотландские богословы. Выпуклые лондонские письма одного из них, Бэли — очень важный источник по истории 40-х гг. Столичные муниципальные власти (City Corporation) приняли их радушно и предоставили церковь для проповедей, на которые ходило очень много народа, содержат их на городской счет. В первом же лондонском письме (18 ноябр. 1640 г.) Бэли выражает свои восторженные чаяния близкого торжества пресвитериан. «Всем здесь надоели епископы. Назревают великие события». Уже тогда шли толки о массовой петиции, в которой должна была идти речь об отмене епископата. 11 дек. петиция готова (Root and Branch petition) и подана парламенту. Под ней 15.000 подписей, но лондонский член парламента заявляет, что легко можно было собрать гораздо больше и что среди подписавшихся есть много людей большого достатка. А за неделю до петиции вернулся в Лондон мученик пресвитерианства, Бастунк. Ему устроили торжественную встречу, в которой приняли участие люди всех положений: в процессии было 27 экипажей, 1000 человек кавалерии, улицы были переполнены народом, горели факелы, гремели трубы. А епископам перестают кланяться.

Чем дальше, тем больше обостряется враждебное отношение лондонцев к королевской религиозной политике. Почти через год после подачи Root and Branch petition в парламент поступает петиция об удалении епископов из парламента (11 н. 1641 г.); под ней 20.000 подписей и по уверению подателей подписей набрали бы много больше, если бы лорд-мэр с приспешниками не мешал собирать их. На первый взгляд можно предположить, что здесь перед нами классовая дифференциация столичного населения: верхи пугаются революционного потока и тяготеют к короне, середины и низы хотят дальнейших реформ и готовы на решительные выступления. Но такое толкование не соответствует действительности.

Петицию подали очень зажиточные купцы и промышленники, которые явились к парламенту в богатых экипажах. Очевидно и в среде столичных капиталистов было много людей, помышлявших идти вперед, а не назад по революционному пути. И не следует думать, что эта «буржуазная» оппозиция носила чисто религиозную окраску. Бывали и политические манифестации, и довольно бурные. В начале мая 1641 г. столичное население переживало тревожные дни. По городу ходили слухи о намерении короны произвести государственный переворот и об иностранном вмешательстве. Исход процесса Страффорда казался неясным, тем более, что король сделал попытку оказать личное давление на перов. 3 мая перед парламентом разыгрались серьезные беспорядки. Большая толпа собралась у входа в палату лордов, встречала «отвратительным» ревом непопулярных перов, требовала головы Страффорда. Когда перы расходились, то Бристоль подвергся серьезной опасности. Толпа обступила его и кричала: «Вы богоотступник и наш смертельный враг. Мы требуем справедливости не от вас, а для вас и вашего сына — изменника». Кто был в этой толпе бунтов? Простонародье? Подмастерья и всякий сброд? Конечно, тут были и демократические элементы. Но современники и очевидцы настаивают, что в толпе преобладали лондонцы хорошего достатка и положения. Если они и были недовольны торгово-промышленной заминкой от политического кризиса, то вину за свои убытки пока они сваливают на корону, а не на парламент. К началу гражданской войны эти враждебные старому порядку элементы берут верх в лондонском управлении. В конце декабря 1641 г. выборы в городской совет дали большинство пуританам. Вслед за тем, в январе 1642 г. Сити в критический момент решительно становится за парламент и против короля. А когда король покидает столицу, то роялистического лорд-мэра Герни обвиняют в государственной измене и на его место выбирают известного пуританина и оппозиционного депутата, ольдермена Пеннингтона. Пресвитерианские тенденции во влиятельных столичных кругах не слабеют, а усиливаются и отдалают день сближения между короной и лондонскими богачами. В то самое время, как король неоднократно заявляет о непоколебимой преданности епископальному строю, в парламент 23 дек. 1641 г. поступает петиция от Сити об отмене епископата, под которой стояло будто бы до 30.000 подписей. А в первое время войны столичные церкви — в руках пресвитерианского духовенства; из 120 церквей не было и 5, где бы священник высказывался открыто против пресвитерианства.

Анализ религиозно-политических настроений лондонской «буржуазии» подтверждает выводы, полученные из наблюдений над джентльменской средой. Религиозно-политические группировки

в ранний, мирный период революции не совпадают с классовыми. Люди одного общественного положения оказываются в разных станах, люди разных положений в одном лагере. Но если необходимо восставать против упрощенного применения теории классовой борьбы к английской революционной драме, то отсюда, конечно, очень далеко до отрицания важности классовых конфликтов в английской истории XVII в. Мотивы, вытекавшие из сознания групповой солидарности и хозяйственной выгоды, конечно, скрещивались с влиянием религиозно-политических идеалов, а иногда даже покрывались ими и все-таки продолжали оказывать непрерывное воздействие на ход событий. И после всех оговорок возможно даже для начального периода революции говорить об известном классовом различии в поведении городских избирателей и тех джентльменов, которых они посылали в парламент. Горожане значительно решительнее становятся на сторону парламента и сильнее выдвигают религиозные требования. Если в джентльменских кругах жажда политических гарантий постоянно примешивалась к недовольству гнетом государственной церкви и подчас заслоняла собой потребность в религиозной реформе, то в городских заявлениях и протестах религиозным темам принадлежит безусловное преобладание. И страх перед революцией развивается у джентльменов значительно раньше и переводит значительно большую часть их в роялистический лагерь. В 1641 и 1642 г.г. ольдермены и члены компании еще не боятся переворота. Они мечтают об основательном очищении государственной церкви, хотят устранить возможность возврата потайных папистов к рулю церковно-государственного корабля. А так как эта цель не вполне достигнута к началу войны, то они пока смотрят вперед, не желают остановки или движения вспять. Может быть, и они сознают неизбежную связь между религиозными и социально-политическими перестановками, сознательно или полусознательно предвидят, что новая церковь приведет с собой и новое государство. Но если эта перспектива должна пугать джентльменов, то она должна радовать горожан. Если подновленные политические порядки окажутся в известном соответствии с новыми церковными учреждениями и убеждениями, то они сравнительно с прежним дадут больше места горожанам. И пока муниципальные воротилы не боятся, что они будут превзойдены в своих революционных порывах и вынуждены переуступить религиозной и политической демократии только что выигранную позицию. Им пока представляется, что новая церковь будет церковью пресвитерианскою, той самой церковью, которую на севере утвердило торжество шотландской революции, и что миряне, голос которых громко и властно будет звучать в очищенных от римского идолослужения молитвенных домах, будут «старшие», лучшие люди, т.-е. они сами — мэры, ольдермены, советники. Правда, с первых же

дней революции поднимают голову люди, странная и смелая проповедь которых удивляет и тревожит уважаемых пуритан и пресвитериан, но пока в них видят больше полезных союзников в борьбе с англиканством, нежели опасных врагов. Шотландский богослов Бэли, сопровождавший шотландских комиссаров в 1640 г., был в Лондоне в 1643 — 1644 г.г.; и мы имеем возможность сравнить его чрезвычайно интересные письма этих двух революционных периодов. Когда индепенденты сделали большие успехи, письма Бэли дышат ненавистью, страхом, озлоблением по отношению к левым. В 40 — 41 г.г. он смотрит на них с снисходительным пренебрежением, и в конце декабря 1640 г. полон радужных надежд. В тот день, когда он пишет далеким северо-западным землякам, приходили к шотландским комиссарам лучшие люди из Сити, ольдермены, командиры милиции, юристы из адвокатских подворий, приходили и кланялись за церковно-политическое освобождение, выражали горячее желание завести у себя шотландские порядки. Здесь чувствовали известный страх пред людьми нового пути, что стоят за независимые конгрегации. Но благодарение богу, после долгого обсуждения, мы надеемся, они соединятся с нами, чтобы свалить епископат, установить пресвитерианское управление, и будут молчать о своих разногласиях в надежде на удовлетворение, когда у нас будет больше досуга, либо на терпимость в случае доброго и мирного поведения. Огромное большинство за нашу дисциплину».

Еще меньше страха в вождях оппозиции возбуждали политические выступления простонародья. Участие демократических элементов Лондона и его предместий в политической борьбе первых 1½ лет революции было очень велико. Уличная толпа, толпа тысячная, иногда толпа в несколько десятков тысяч, часто собирается в наиболее тревожные дни, откровенно и подчас бурно выражает свои политические настроения, грозит тем, кого считает врагом правого дела, и грубым физическим давлением хочет определить исход борьбы. Ее появление тревожит только тех, против кого направлены ее крики или ее действия. 11 дек. 1640 г. парламенту представлена знаменитая массовая петиция об отмене епископата. Большая толпа тысячи в 1½ провожает подателей до самого парламента, с очевидным намерением придать петиции побольше внушительности. Когда 2 мес. спустя петиция обсуждается в палате общин, будущий кавалер и эмигрант Дигби, сын пера, с негодованием говорит о несовместимости буйных скопищ с монархическим порядком, о невозможности придавать значение заявлениям, подача которых была соединена с попыткой учинить насилие над народным представительством. Другой сын пера, Н. Фьенз, восстает против подобного взгляда. Главная сила парламента в непрерывном единении с избирателями; голос палат должен быть отражением общественного мнения. Поже-

лания избирателей могут выражаться в петициях, с которыми они обращаются к парламенту. Право петиций есть исконная народная воля, и нужно радоваться, когда избиратели осуществляют свое право. Роялисты очень скоро стали обвинять своих противников в том, что весь переворот был результатом коварной интриги, что вожди оппозиции путем сложных махинаций подготавливали массовые уличные манифестации, чтобы запугать королевское правительство и самый парламент и заставить монарха пойти на уступки. В руках мастеров политической интриги лондонская толпа стала могущественным, но слепым орудием, которое в нужные моменты с большим успехом выдвигалось для достижения партийных или своекорыстных целей. Этот взгляд занимает много места в Кларендоновой «Истории мятежа». Нельзя сказать, чтобы он представлял чистую клевету. Позади некоторых массовых манифестаций 1641 и 1642 г. чувствуется рука искусного режиссера. Некоторые вожди Долгого парламента, напр. Пим, обнаружили выдающиеся способности агитаторов и организаторов больших политических манифестаций. Право петиции стало для них сильным орудием политической борьбы, в которой они сумели использовать оппозиционное настроение столичной демократии. Они не только не боялись народа, они тянулись к нему, заботятся о широком распространении своих политических лозунгов, которые возвращаются в парламент в качестве громких требований проснувшегося народа. Петиции с тысячами или десятками тысяч подписей быстро входят в политический обиход и приурочиваются к наиболее важным моментам борьбы. Когда обнаружилось, что билль об измене Страффорда пройдет в палате лордов, то стало необходимо вынудить согласие у короля, и в парламент поступает петиция, в которой 20.000 лондонцев жалуются на торгово-промышленный застой и видят исход только в казни временщика-изменника. Ответом со стороны короля являются приготовления к военному перевороту. Тогда 3 мая 1641 г. палаты принимают знаменитую протестацию, где обязуются всеми зависящими от них способами охранять особу монарха, протестантскую веру, парламентские и народные воляности, а на следующий день нижняя палата приглашает все лондонское население присоединиться к протестации, совершенно в духе шотландского кovenанта. Когда в январе 1642 г. выясняется неизбежность вооруженной борьбы с короной, то идущая сверху демократическая агитация выносится за пределы Лондона, приобретает всенародный характер: палата общин рассылает по всей стране для подписи протестацию 3 мая. И люди охотно откликаются на обращенный к ним призыв. Не одни лондонцы выражают сочувствие боевым намерениям Пима. 25 янв. 1642 г. Пим представляет перам петиции из нескольких графств и торжественно заявляет, что на его стороне голос всей Англии.

Несколько дней спустя поступают новые петиции, на этот раз об отмене епископата и от очень демократической среды, от лондонских матросов и носильщиков. Даже женщины торопятся принять участие в борьбе и подают массовую петицию, сходную с петицией носильщиков и в один день с ними. Они не только подписываются под петицией, но и собираются к парламенту большой толпой; и хотя сознают необычность своего поведения, но указывают в петиции целый ряд доводов, по которым женщина может и должна участвовать в церковной и политической жизни. Даже эти мирные массовые заявления оказали воздействие на ход кризиса. До них палата лордов отказывалась примкнуть к смелой политике общин, отказывалась принять билль об исключении епископов из парламента и утвердить постановление об организации парламентской милиции. Теперь перы уступают напору демократической волны и отымают у себя последнюю возможность отступления.

А толпы, которые собирались на улицах Лондона и Уестминстера, далеко не всегда обнаруживали мирное настроение. Английская революция не знает тех боев солдат с гражданами, которые так характерны для континентальных революций. В гражданской войне билась одна армия против другой. Но и Лондон в первый год революции иногда был недалек от уличного боя. И лондонская толпа умела переходить от немого марша к оглушительному реву, от конституционных петиций к революционному насилию, от напуганности к желанию напугать. Я уже говорил, как 3 мая 1641 г. под влиянием страха перед государственным переворотом почтенные и зажиточные «граждане» из Сити вели себя настоящими уличными буйными и терроризировали перов. И на другой день перед парламентом стояла толпа, но уже гораздо более демократичная; и если она была много хуже одета, то она вооружилась чем могла. 5 мая по Сити распространяется слух, будто парламент стал жертвой нового порохового заговора, католического и абсолютистического. Городские милиционеры быстро собираются и в боевом порядке торопятся к месту предполагаемой катастрофы. Через 3 дня лорды принимают билль об измене ненавистного временщика. А король медлит. Долг чести и страх перед неизвестным будущим не позволяет ему отдать своего вернейшего и талантливейшего советника в жертву тем, кого он считает врагами трона и алтаря. Среди всеобщего возбуждения бродят дикие слухи. 8 мая, в субботу, говорят, что французский флот уже взял Джерси и скоро будет у Лондона. Вооруженная толпа окружает парламент и дворец. Коммонеры и перы идут во дворец просить короля о согласии на билль, осуждающий Страффорда. Король обещает дать ответ в понедельник. Толпа узнает об отсрочке и ревом выражает недовольство. Она не расходится всю ночь, все следующее воскресенье и требует

головы Страффорда. Во дворце не спят и каждую минуту ждѹт, что толпа ворвется во дворец. Придворные прячут драгоценности, католики исповедуются. В воскресенье к вечеру король решил выдать Страффорда.

В конце года дело доходит до вооруженных столкновений. Замечая раскол среди оппозиции, Карл и офицеры-роялисты делаютя смелее. В конце ноября к парламенту как-то раз подошла толпа с саблями и кольями и кричала «долой епископов». Начальник парламентской охраны велел стрелять. Но охрана, состоявшая из лондонской милиции, не послушалась. В декабре ирландское восстание усиливает смуту. Напуганному воображению мерещится большой католический и деспотический заговор. 27 дек. у парламента стоит толпа, в которой много подмастерьев. Когда проходят епископы или перы, им кричат «долой епископов, долой лордов папистов». Архиепископ Уильямс схватил за руку одного крикуна. На архиепископа набросились, разорвали ему мантию. Он спасается в здание парламента. Толпа идет за ним и натывается на офицеров-роялистов. С саблями наголо офицеры выгоняют буянов на улицу, нескольких ранят. Толпа напугана, убегает. Но, увидав, что большой опасности нет, возвращается и швыряет камнями в офицеров, которые принуждены уйти во дворец. А епископы так напуганы, что только двое явились в палату на другой день. В Уестминстере снова скопище; толпа хотела ворваться в аббатство, изломать орган и алтарь. В этот день король дает обед офицерам, назначенным в ирландскую армию; после обеда офицеры выходят из дворца. Из толпы слышатся оскорбительные замечания. В одного офицера бросили грязью. Офицеры обнажают сабли и бросаются на толпу; скоро оказалось несколько десятков раненых. Вздвигнувшие подмастерья грозят вернуться вскоре с тысячами товарищей — мстителей. Ходят слухи, будто по ночам в предместьях бывают большие митинги. Большинство палаты общины отказывается преследовать манифестантов. Со дня на день коммонеры ждут появления роялистических офицеров в стенах парламента. В сочувствии столичной демократии они видят свою главную силу и дорожат поддержкой лондонских мастеров и подмастерьев. Пим откровенно говорит 28 декабря: «Боже избави, если общины чем-нибудь ослабят воодушевление народа, который добивается удовлетворения своих справедливых желаний».

С самого начала демократические элементы населения играют значительную роль «в великом мятеже»; с самого начала борьбе присуща известная демократическая окраска. Но из того, что столичные подмастерья и мелкие мастера не раз определяли своим вмешательством исход столкновений, еще вовсе не следует, чтобы они выступали в качестве самостоятельной и сознательной силы,

чтобы их появление на революционной арене придавало всему перевороту определенный демократический отпечаток. Социальный смысл революции обуславливается не общественным положением, а сознанием ее участников. Можно ли подметить у лондонского простонародья какую-либо классовую или обще-демократическую программу? Можно ли говорить, что массовые петиции и манифестации вносили новое содержание в программы борющихся партий? На эти вопросы приходится отвечать отрицательно. Ежели деревенские джентльмены и богатые ольдермены открыто заявляют о своей солидарности с бунтующей улицей, то это значит, что они еще вполне уверены в своей власти над улицей, в своем влиянии на нее, что тысячные толпы примыкают к чужим программам и своим оглушительным криком придают внушительность тем требованиям, которые исходят от более респектабельных кругов оппозиции. У лидеров оппозиции, опирающихся на сочувствие городских низов, оправдание политических выступлений простонародья отмечено иногда некоторым пренебрежением к своим демократическим союзникам. В феврале 1641 г. ольдермен Пеннингтон доказывает общинам конституционность лондонской массовой петиции об отмене епископата. Он торопится показать, что среди подписавшихся много людей богатых и известных; но если бы даже среди них оказались люди маленькие (mean men), нет оснований отстранять их подписи, раз это люди честные. Джентльмены и ольдермены не боятся будить маленьких людей, потому что пока маленькие люди послушно идут в поводу у больших, поднимаются на защиту джентльменского парламента, а не с какими-нибудь самостоятельными претензиями. Тяготение общественных низов к парламенту сильно сказалось в начале 1642 г., при попытке ареста 5 членов. Уходя от военного насилия, парламент спасается в Сити. Демократическая толпа заполняет улицы, когда 5 января 1642 г. Карл является в Guildhall за укрывающимися в Сити коммонерами. Толпа враждебна королю. Его встречают и провожают криками: «парламентские привилегии». Ему в экипаж бросили прокламацию с угрожающим призывом: «к шатрам, о Израиль»¹⁾. Все население приготовилось к защите парламента, когда вечером 7-го в Сити прозвучала фальшивая тревога, будто бы 100.000 человек вышло на улицу с оружием в руках. 8-го депутация от матросов и лодочников заявляет о их готовности стоять за парламент; население предместья Саусерка (Southwark) обещает охранять южный берег реки; подмастерья через депутатов отдают себя в распоряжение парламента. Важное значение этих демократических симпатий к парламенту признавали сами роялисты. В конце 1641 г. король назначил комендантом Тауэра некоего

¹⁾ 2 Парал. 10, 16 восстание израильтян при Ровоаме.

Лензфорда, который пользовался самой дурной репутацией. В этом увидели прямое приготовление к перевороту. И через 3 дня лорд-мэр, роялист Герни, говорит королю о необходимости убрать Лензфорда; не то подмастерья подымут вооруженное восстание и возьмут штурмом Тауэр. Лензфорда сейчас же убрали.

В подчинении столичной демократии политическому руководству парламента нет ничего удивительного для того, кто припомнит, что и гораздо более развитые политически верхи столицы тесно примыкали к джентльменскому парламенту, не считали нужными самостоятельных выступлений. Но у лондонской «буржуазии» была, по крайней мере, самостоятельная религиозная позиция. Пресвитерианские симпатии внедрились в среду ольдерменов и советников значительно глубже, чем в джентльменские круги; и те шаги, которые делало лондонское городское управление в 1641 г. для сближения с шотландской церковью, несомненно, опережали настроение парламента и во многом объясняют последующие успехи пресвитерианства. У столичных низов нет устойчивости и в религиозных симпатиях. С одной стороны петиционеры и уличные манифестанты в 1641 г. не один раз обнаруживают резкую враждебность по отношению к епископальной церкви и своим вмешательством сильно способствуют ее падению. Но в то же время толпа того же социального состава может проявить не меньшую враждебность и к новым религиозным течениям. Индепендентские проповедники вовсе не пользовались большой популярностью в столице и даже могли стать жертвой погрома, ибо англичане еще не успели привыкнуть к новым формам богопочитания. Одна сепаратистская община собиралась в 1641 г. в доме одного кожевенного торговца Бербона, того самого Бербона, который дал свое имя знаменитому парламенту 1653 г. Долгое время собрания проходили спокойно. Но в одно декабрьское воскресенье внимание улицы было привлечено громкими звуками проповеди, доносившейся из дома. Быстро образуется толпа, но преимуществу из подмастерьев. Странное богослужение раздражает их и наводит на мысль о погроме. Сейчас же врываются в дом, выволакивают собравшихся и готовятся вешать проповедника. Подоспевшей полиции еле удалось спасти несчастного.

Нужно отметить, что к началу войны столичное простонародье выступает уже с заявлениями о своих собственных нуждах. Смута начинает сказываться торгово-промышленной заминкой. Мастера и подмастерья сидят без работы; более бедным грозит недоедание. Они разучились молчать за год религиозно-политической борьбы и научились говорить, даже кричать. Свои новые навыки они переносят в вопрос о работе и заработке. 31 января 1642 г. лондонские и уестминстерские ремесленники подают общинам жалобу на свою нужду. На другой день толпа женщин стоит у парламента

и кричит, что им нечем кормить детей, грозит принести и оставить у дверей палаты лордов голодную детвору. Но социальное раздражение тесно сплетается с религиозно-политической борьбой. Общины заявляют, что в народной нужде повинны роялисты и, повидимому, толпа была склонна этому верить, ибо роялисты усматривали в манифестациях махинацию парламентских лидеров. Правда, политические настроения толпы мало устойчивы: не прошло и года, как симпатии той же самой толпы меняются. Первые же неудачи парламентской армии выяснили трудность борьбы. Понадобилось высокое обложение, тягость которого присоединилась к безработице. Мир в конце 1642 г. стал популярным среди той самой толпы, которая в начале 1642 г. винила короля в народной беде и желала войны. Теперь раздражение обрушивается на тех, кто мешает переговорам о мире. 8 декабря толпа врывается в заседание парламентского комитета, изыскавшего деньги для войны, и кричит о мире. Через несколько дней толпа вламывается с теми же криками в заседание городского совета. «Мир, мир во что бы то ни стало!» Солдат забирают, хотят обезоружить, им кричат: «вы не получите больше жалованья». Перы, среди которых было много сторонников компромисса и мира, стали популярны; им устраивают сочувственные манифестации. 3 января 1643 г. тысячи подмастерьев являются в Уестминстер с петицией о мире. И мало сказать, что средины и низы столицы быстро переходят от одного настроения к другому; в их среде несколько позже заметна резкая разногласица. В августе 1643 г. большая толпа перед парламентом кричит, что всякие переговоры с королем о мире — измена, и враждебно встречает перов, которые считаются вождями мирной партии. А в следующие дни парламент оцеплен неменьшей толпой женщин, которые видят исход в мире. С белыми лентами на шляпах, женщины подают петицию о мире, но сами находятся в очень воинственном настроении, грозят утопить парламентских лидеров, вступают в бой с солдатами, бросают в них камнями и палками. В свалке оказались раненые и убитые. Таким образом выступление демократических элементов с самостоятельными заявлениями хозяйственного содержания сопровождается расколом. Подобно верхним общественным группам, малоимущие и неимущие люди Лондона оказываются в различных лагерях и своим дроблением существенно ослабляют внушительность экономических требований, которые привносятся ими в религиозно-политическую борьбу. При этом даже в значительно более поздние моменты борьбы они не освобождаются от связи с религиозно-политическими партиями и едва ли думают о таком освобождении. Падение англиканизма привело к отмене ряда праздников. Тяжелая жизнь рабочего люда стала еще тяжелей. В феврале 1647 г. лондонские подмастерья подают парламенту петицию о необходимости

установить дополнительные праздники «для освежения души, без которого самая жизнь становится неприятным и несносным бременем». Парламент исполнил просьбу и назначил праздник на 2-й вторник каждого месяца. И в первый же праздничный вторник подмастерья подают парламенту петицию о запрещении сектантских религиозных собраний, роспуске индепендентской армии, охране пресвитерианства, восстановлении короля в его правах. И если в начале войны роялисты видели в хозяйственных требованиях лондонского рабочего люда махинацию своих парламентских противников, то несколько лет спустя индепенденты принимают подмастерские петиции за пресвитерианскую или роялистическую интригу. И действительно лондонская демократическая толпа в 1647 г. выступает как бы заодно с пресвитерианами и в пользу роялистов. В июле 1647 г. толпа на несколько дней стала почти хозяином положения в Лондоне. Подмастерья, лодочники, солдаты распущенных армий (reformadoes) заседают в помещениях большой компании, врываются в парламент, диктуют ему свои решения. Но они вовсе не выдвигают классовых требований. Они добиваются автономии для лондонской милиции, они хотят, чтобы король вернулся в Лондон и чтобы Ковенант сохранил полную силу. Терроризованные общины под напором толпы делают постановления, резко враждебные индепендентам и армии. Естественно, что армия отвечает на вызов и победоносно вступает в Лондон, и эта военная оккупация приводит к важным последствиям. В апреле 1648 г. очень демократичная толпа пытается вступить в вооруженную борьбу с индепендентской армией. Восстание быстро подавлено и почти не оказало влияния на ход революции. Но и влиятельные манифестации 1647 г. и неудачное восстание 1648 г. говорят об одном и том же. Даже после нескольких лет революционного воспитания индустриальная демократия столицы не сумела создать сколько-нибудь прочную организацию, которая проводила бы свою собственную политику и защищала свои собственные интересы. Выступления толпы порывисты, случайны, легко вводятся в русло борьбы главных религиозно-политических партий, которые уделяют мало внимания социальным, классовым интересам трудового люда. Конечно, поведение лондонских манифестантов не надо отождествлять с настроением смиренного населения и по жителям столицы можно лишь с оговорками судить о психологии провинциалов. И все-таки Лондон стоит ближе провинции к революционной драме, а его демократические элементы во всяком случае не уступают другим городам в сознательности и политической активности. И ежели лондонские подмастерья так слабо оттеняют свои классовые нужды в своих петициях, манифестациях и восстаниях, ежели они так тесно прижимают к религиозно-политическим партиям, у которых демократические тенденции предста-

влены слабо или вовсе не представлены, то это, несомненно, свидетельствует и о слабости классового сознания в низших слоях тогдашнего английского общества и о решительном преобладании религиозно-политических мотивов в ранней истории переворота.

Но это первенство политического интереса очень характерным образом сочетается в ранней истории великого мятежа с отсутствием широких и новых программ. Человек, знакомящийся с актами первых 1½ лет Долгого парламента; легко может вынести из них впечатление теоретического бесплодия. В резком отличии от позднейших парламентских революционеров континента, вожди Долгого парламента вовсе не стремились облагодетельствовать родину конституционными выдумками. Новая и смелая политическая теория вторгается в политическую жизнь только в конце гражданской войны, с торжеством индепендентов и армии, сообщая запутанной борьбе конца 40-х г. г. глубокий теоретический интерес. Оппозиционные парламентские лидеры первых лет были проникнуты консервативным настроением. Они исходили от убеждения, что провидение с незапамятных времен благословило Англию конституцией исключительных достоинств, которую надо только очистить от искаживших ее наростов тюдоровского и стюартовского абсолютизма, чтобы вернуть отечественный государственный быт к блаженным порядкам Плантагенетов или даже англо-саксонских королей. Ранние акты Долгого парламента, низвергнувшие абсолютизм, могут показаться несвязными, лишенными положительного содержания. На первый взгляд они не являются частями одной стройно сложенной политической системы, тесно связанными моментами в проведении одного политического мировоззрения. Каждый из них касается какой-нибудь одной стороны государственного быта и устроает ее вне связи с другими частями государственного механизма. Почти все они носят разрушительный характер, отсекают то или другое «новшество» абсолютистической поры, не ставя на его место никаких новых учреждений. Но деятели Долгого парламента всего менее были принципиальными разрушителями; было бы несправедливо отрицать у них и всякую потребность в законченных политических формах. Если они не стремились к свободному политическому творчеству, то лишь вследствие своего убеждения, что конституционный идеал уже был осуществлен в далекой старине, что его нужно лишь освободить от наслоений XVI и XVII в. в. И когда коммонеры в 1641 и 1642 г. г. кусок за куском сбивали абсолютистическую штукатурку с внутренних стен английского конституционного здания, они верили, что перед их взорами сами собой засияют радостные краски, воспрянут стройные контуры наследственных вольностей и прирожденных прав древней конституции.

В тесной связи с общим консерватизмом настроений стоит и та бережность, с которой парламент относится к главному противнику, королю, носителю абсолютистических притязаний, в котором ему трудно перестать видеть носителя многовековых национально-государственных традиций, неустранимый объект лояльных чувств для длинного ряда поколений. Даже про индепендентов и левеллеров конца 40-х г. г. можно сказать, что очень многие среди них стали республиканцами поневоле. В 1641 г. в Англии нет или почти нет республиканцев. Любопытен рассказ Кларендона о своей беседе с одним республиканцем в 1641 г. Кларендон говорил с Мартеном о политическом положении. Мартен предостерегал собеседника от излишней близости ко двору. Кларендон удивился, как умный Мартен может быть заодно с интриганами, верховодящими в парламенте. Мартен ответил, что он очень невысокого мнения о парламентских лидерах. Кларендон спросил, чего же желает сам Мартен. Мартен сказал: «Я не думаю, чтобы у одного человека было достаточно ума управлять всеми нами». Припоминая эту беседу, Кларендон говорит, что он был поражен словами Мартена, ибо это было первое слышанное им республиканское заявление, и что если бы оно было повторено тогда в какой бы то ни было английской аудитории, оно было бы встречено всеобщим отвращением. Даже в толпе демократических манифестантов враждебные королю крики слышатся очень редко. В парламенте неуважительный отзыв о короле раздался впервые 1 апреля 1642 г., накануне гражданской войны. В палате общин один коммонер позволил себе заявить, что палата не может доверять королю; но его смелость вовсе не встретила сочувствия в палате. В самые острые моменты борьбы за власть с уст парламентских лидеров срываются слова, поражающие нас своей лояльностью. 13 апреля 1641 г. Пим в палате лордов произносит безжалостную обвинительную речь против Страффорда. Но он винит его в измене династии еще больше, чем в измене народу. Своим поведением Страффорд подрывает в народе преданность монарху. А между тем «король и народ связаны друг с другом теснейшими узами. Король — отец, а ребенок зовется у юристов *pars patris*. Король — муж государства (*commonwealth*); у них одни интересы; в счастье и несчастье их связь нерасторжима. Он — глава, подданные — тело. Тут есть такое взаимопроникновение (*incorporation*), которого нельзя расторгнуть, не уничтожая обеих сторон». В начале июня 1642 г., когда обе стороны открыто готовились к вооруженной борьбе, парламент делает королю «19 предложений», чисто революционных по содержанию. Парламент требует, чтобы тайные советники, министры, судьи, коменданты крепостей назначались с согласия парламента, чтобы католические черы были удалены из верхней палаты, чтобы король распустил

все свои военные силы, чтобы он без согласия парламента не смел женить и выдавать замуж своих детей. Но предисловие к дерзким заявлениям облечено в традиционные формы почти подобострастной лояльности. «Мы, смиренные и верные подданные вашего величества, лорды и общины, ничего не ценящие и не чтящие выше, чем исполнение долга перед вашим величеством, со всем смирением и со всей искренностью мы представляем вашему величеству нашу верноподданную мольбу, в надежде, что вам будет угодно принять ее по своей монаршей мудрости и по милостивой нежности к благу своих подданных и владений».

Не одна вера в совершенство старой конституции и не одна традиционная лояльность мешала Долгому парламенту возвести большую новую конституционную постройку. Только в августе 1642 г. король поднял свое боевое знамя в Ноттингеме в знак того, что он начинает систематическую вооруженную борьбу с нераскаянными мятежниками. Но мечта о военном подавлении мятежа входит во дворец с первых же дней революции, бродит по комнатам, заглядывает нередко в кабинет короля, подолгу засиживается в спальне королевы. Угроза военного переворота, ирландского вторжения, иноземного вмешательства держит перов, коммонеров, лондонцев, англичан в нервном напряжении, заставляет принимать отрывочные меры самообороны, мешает уйти в систематическую законодательную работу. Страх следует по пятам за коммонерами. Уже в ноябре 1640 г. они боятся заговора, поголовного избития, толкуют об охране. Эта робость может показаться странной. Английский абсолютизм кончает военным и финансовым крахом и, повидимому, в свои последние дни не может внушать основательных опасений. Коммонеры были объединены желанием закрепить победу над абсолютизмом; шотландская армия стоит на севере, готовая двинуться на юг для защиты своей и английской свободы. И все-таки англичане боятся. Опасности грезятся с разных сторон. В феврале 1641 г. Бели пишет шотландским землякам: «Здесь все больше и больше говорят, что паписты думают соединиться с ирландской армией Страффорда; высадки ждут не в Шотландии, а в Уэльсе, где их готов принять глава папистов, граф Вустер». Давний страх пред таинственным католическим подпольем принимает новые формы. Люди боятся, что униженный и негодующий король в порыве отчаяния подаст руку католикам и двинет против парламента загадочные папистские силы. Но у короля находятся и другие союзники. В шотландской кампании 1640 г. королевская армия разбита, но не распущена и стоит в Йоркшире. Парламент не доверяет ей и держит ее в черном теле. В то время, как шотландцам полностью выплачивается жалованье, королевские солдаты и офицеры не получают ничего. В их среде растут раз-

дражение и нужда. В марте 1641 г. несколько офицеров ведут агитацию среди товарищей о том, чтобы помочь королю в случае, если бы парламент стал умалять королевскую прерогативу. Заговорщики сообщают королю о своих планах; но в их среде оказывается изменник. Лидеры оппозиции узнают о заговоре, и страх перед контр-революцией приводит лояльных коммонеров к революционному захвату военных полномочий монарха. 6 апреля 1641 г. в палате общин принята резолюция, запрещающая офицеру наступательные действия по приказу короля, если королевский приказ не подтвержден парламентом. Летом 1641 г. контр-революционная агитация в королевской армии возобновляется и, повидимому, идет от двора, но не встречает сочувствия. Ранней осенью 1641 г. королевская армия распущена, но зато и шотландская армия вернулась на родину. Боязнь военного насилия со стороны короля не исчезает. Враждебные парламенту офицеры распущенной армии не покидают двора тем более, что успехи ирландских повстанцев в конце 1641 г. заставляют приниматься за организацию новой армии. К офицерам присоединяются джентльмены, недовольные тем оборотом, который стала принимать революция. В конце года военные люди короля не раз сталкиваются с манифестантами у дворца и парламента, и в этих схватках впервые бросают друг другу бранные клички, скоро ставшие именами враждебных лагерей — «круглоголовые» и «кавалеры» (Roundheads, Cavaliers). Робкие души с трепетом со дня на день ждут уличного боя в конце декабря, и лавочники не раз запирают свои лавки. Развязка наступает 4 января 1642 г., когда король является в парламент арестовать 5 коммонеров. Он не выдержал до конца конституционной роли. Он взял с собой вооруженную свиту человек в 300—400. Все вошли на лестницу, человек 80 проводили короля до самых дверей нижней палаты. Эти первые кавалеры раздражены тем, что их не взяли в самую палату и не велели расправиться повоенному с парламентскими бунтовщиками. Дожидались исхода знаменитой сцены, они заряжают пистолеты и обмениваются угрозами по адресу коммонеров. Коммонеры ждали резни, а трусливые и после ухода короля не уверились в том, что опасность миновала. Дьюз записал в дневнике, что из парламента он сейчас же пошел составлять свое завещание. Это была последняя встреча короля с Долгим парламентом. Через несколько дней король навсегда, вплоть до суда и казни, покидает Лондон и начинает готовиться к войне.

Страх нередко осложнялся еще толками об иностранном вмешательстве. Повод к опасениям подавали, главным образом, родственные связи и католические верования королевы. Эти опасения были сильно преувеличены. У правительств континента было мало

желания и возможности вмешаться в английскую революцию, которую в конце концов они предоставили ее собственному течению; страх английских революционеров говорит об их плохой осведомленности в континентальных делах. И в то же время страх вполне понятен: если сторонники парламента преувеличенно боялись французского или голландского десанта, то роялисты возлагали на него преувеличенные, почти безумные надежды. Папский нунций Россетти до последних дней своего пребывания в Англии, до июля 1641 г., остается поверенным всех дум королевы, которая мечтает получить от папы, по меньшей мере, крупную денежную субсидию. Королева мечтает извлечь политические выгоды из замужества старшей дочери, которой в 1640 г. нет и 10 лет. В феврале 1641 г. официально заявлено о выходе принцессы за принца Оранского, и мать королевы выбалтывает нунцию, будто жених явится за невестой с 20.000 армией; король тогда сейчас же разгонит парламент, освободит Страффорда и вернет ему положение всемогущего министра. С голландским браком сильно и почти неприлично торопятся (характерны двусмысленные подробности в письме Бели I, 351.) Свадьбу справляют 2-го мая 1641 г., хотя жениху всего 15, а невесте 9 лет. То были последние дни процесса Страффорда, когда политическое настроение в Лондоне было чрезвычайно возбужденное. Естественно, что торопливость со свадьбой повела к упорным толкам о голландском вмешательстве. Опасения французской высадки были еще понятнее, ибо королева была родной сестрой французского короля. Страхи усилились, когда в феврале 1642 г. королева с коронными драгоценностями уехала на континент; у круглоголовых с ее именем прочно связывается представление о католической и деспотической интриге, которая неустанно плетет черную сеть, в которую хочет уловить английскую свободу и английский протестантизм.

Если опасения и надежды, связывавшиеся с континентальным вмешательством, заключали в себе много фантастического, то толки об ирландской опасности отнюдь не были беспочвенными. Трагическое положение, созданное в Ирландии политикой Тюдоров и Стюартов, само по себе должно было привести к большому восстанию. Взрыв был ускорен успехами шотландской и английской революций, в которых ирландцы усмотрели новую и страшную опасность, грозящую полной и бесповоротной гибелью их вере и национальному своеобразию. Но если ирландцы боятся английских революционеров, то английские революционеры боятся ирландцев. По странной иронии судьбы, в великом английском споре кельты готовы протянуть руку помощи той самой короне, которая принесла им бесконечную цепь страданий. Усмотрев в Долгом парламенте своего непримиримого врага, ирландцы ищут спасения

от опасности в сближении с короной. И при дворе не уклоняются от переговоров с ирландскими католиками. Последние в июне 1641 г. готовы оказать королю вооруженную поддержку в борьбе с парламентом, но требуют за нее терпимости для католицизма. Парламент не имеет точных сведений о переговорах, но ему и не нужно их; англичане и без того живут под страхом перед католическими варварами, особенно перед ирландской армией, детищем Страффорда. Еще в апреле 1641 г. парламент просит короля распустить ирландскую армию. Король отвечает решительным отказом: он не тронет ирландской армии, пока не разойдется шотландская. В октябре 1641 г. началось великое ирландское восстание. Поднялись сотни тысяч народа, пали тысячи жертв под гневом оскорбленного национального чувства. Совершенно было много жестокостей и зверств, но рассказы об ирландских ужасах были сильно преувеличены: тысячи жертв превратились в десятки и сотни тысяч; они породили широкую и высокую волну негодования и углубили пропасть между двумя народами. Восстание оказало очень большое влияние на ход английской революции и, между прочим, сильно сгустило атмосферу тревоги и недоверия, в которой протекала парламентская работа. Ирландское восстание скоро стали звать королевским, еще до того как стали выходить наружу связи двора с повстанцами. А утаить переговоров было нельзя. В начале декабря в Лондоне распространяется слух, будто вождь ирландских повстанцев везде показывает королевский указ о восстановлении католицизма; вскоре сообщают, что указ даже предписывает встать на защиту короля и забирать «имущества и лица» протестантов. Документ был подложный, и все же некоторыми своими подробностями он разоблачал связь между королем и повстанцами. В конце декабря 1641 г. для переговоров с королем в Лондон приезжает от ирландских перов лорд Диллон. Диллона немедленно арестуют именем парламента и допрашивают: только часть плана была раскрыта, но и ее было достаточно, чтобы усилить недоверие к королю. Это недоверие растет в то самое время, когда встает вопрос о военном командовании, когда становится необходимым сформировать армию и послать ее на усмирение ирландского мятежа. Страх перед католическим призраком заставляет отнять у короля начальство над армией и довершает превращение конституционного спора в вооруженное столкновение.

Чтобы войти в настроенные тревожного недоверия, которым была насыщена политическая борьба, лучше всего обратиться к знаменитой Великой Ремонстрации, которая обсуждалась в нижней палате в ноябре 1641 г., как раз под впечатлением первых страшных и преувеличенных известий об ирландском восстании. В этом всеподданнейшем адресе парламентское большинство оглядывается

назад на 16 лет Карлова царствования и старается проникнуть взором в ближайшее будущее. Новейшая история Англии представляется напуганным коммонерам развитием и разветвлением одного сложного, коварного и гибельного заговора, католического и деспотического. Во главе заговора стоят «объезуитившиеся паписты», епископы и развратившаяся часть клира, советники и придворные, предавшиеся на службу чужим государям. В своих адских замыслах они решили поссорить короля с народом, противопоставляя прерогативу свободе, уничтожить чистоту и силу истинной веры, посеять мятеж в тех частях королевства, которые окажутся наиболее подходящими для их махинаций, связать с папистами либертинов и арминьян, поселить в короле ненависть к парламенту и заставить его искать внепарламентских источников дохода. Все союзники участвовали в систематическом осуществлении злодейского плана, но душой крамолы были иезуиты. Шаг за шагом адрес следит за успехами заговора, за почти полной победой римского нечестия и грубого произвола, за благодетельным восстанием шотландцев, выказавших «братскую любовь к английскому народу», за славным торжеством свободы и веры при новом парламенте, за устранением препятствий, казавшихся почти непреодолимыми. И все-таки, опасность очень велика. Враг неистощим в дьявольской изобретательности. Заговорщики стремятся посеять раздор между нами и нашими шотландскими братьями, распространяют про нас в народе самую черную клевету, они создали себе в верхней палате сплоченную партию из епископов и папистских лордов, которая неуклонно мешает коренному преобразованию церкви и государства, пытаются составить себе партию и в нижней палате, чтобы вовлечь ее в заговор против народной свободы, дважды пробовали поднять возмущение в английской армии и подняли его в Ирландии, не останавливаясь перед самыми ужасными злодеяниями. Опасность еще так велика, что нужны неусыпная бдительность и щедрая небесная помощь, чтобы затушить папистский пожар.

Люди, которые среди решительных побед полны тревожных опасений, естественно, гораздо больше заняты борьбой за власть, нежели последовательным осуществлением той или другой политической теории. И самые конституционные акты Долгого парламента не всегда могут быть признаны за выражение теоретических убеждений большинства. Иной раз это просто тактические ходы, которые обгоняют политический символ веры и предназначены просто для того, чтобы отпарировать тот или другой удар врага, отвести мнимую или действительную опасность. 5 мая 1641 г. в палату общин вносится билль о том, что настоящий парламент не может быть распущен помимо своего собственного на то согласия. Билль встречает единодушную поддержку в палате и быстро прохо-

дит все стадии обсуждения. Умеренные лидеры, Фокланд и Гайд, голосуют за билль вместе с Пимом и Гемпденом. 10 мая билль был утвержден королем, превратился в статут. Это один из самых знаменитых статутов революции; он подвел конституционный фундамент под многолетнюю жизнь Долгого парламента. Но значит ли это, что коммонеры были убеждены в 1641 г., что нормальный парламента не может быть распущен простым изъявлением королевской воли? Можно ли на основании акта заключить хотя бы только о том, что парламента в мае 1641 г. стремился к политической узурпации и в порыве властолюбия не остановился перед грубым нарушением конституционных традиций? Конечно, нет. Статут 16-г. Карла I гл. 7 совершенно непонятен вне той обстановки, в которой он возник. Он был не актом грубой узурпации, а инстинктивным жестом самообороны, в котором слились люди разнообразных политических убеждений. Первые дни мая в 1641 г. были в Лондоне временем сильного возбуждения и мучительных тревог. Билль об измене Страффорда обсуждался в палате лордов, но исход дела был неясен. 2 мая отпраздновали свадьбу принцессы Мери с принцем Оранским, возбуждавшую не мало подозрений. И в тот же день толпа подозрительных солдат с еще более подозрительным офицером во главе предъявила коменданту Тауэра, в котором тогда находился Страффорд, королевский приказ о пропуске, но не была впущена в крепость. Слух о попытке военного переворота быстро разнесся по городу вместе с другими слухами о замыслах короля и папистов стянуть к Лондону целые полки для немедленной контрреволюции и о приближении французской эскадры. Парламент собирается в самом нервном настроении. 3 и 4 мая у его стен происходят шумные манифестации. 3 мая коммонеры единодушно принимают протестацію, в которой присягают, не щадя самой жизни, защищать народные вольности и громко заявляют о коварном замысле создать конфликт между армией и парламентом. Когда в палате общин 5 мая Пим сообщил подробности мартовского военного заговора, до того неизвестные парламенту, возбуждение становится болезненным. Пол заскрипел под ногами двух грузных коммонеров. Соседям слышится запах пороха. Люди кричат, что католики взорвали их на воздух; многие в паническом страхе убегают из залы. Нет ничего удивительного, что в этой обстановке рождается и быстро усваивается мысль о нераспускаемости парламента. Билль 5 мая 1641 г. возник как порождение судорожного страха, а не как обдуманное применение какой-нибудь конституционной теории.

Конституционные перемены, внесенные парламентскими актами 1641 г. в английский государственный строй, с трудом могут быть отделены от революционной или полуреволюционной борьбы за

власть, среди которой они возникли. Официальное начало гражданской войны — 22 августа 1642 г. Но в существе дела обе соперничающие стороны вступают на революционный путь, путь воздействия насилем, уже в первые месяцы Долгого парламента. И конституционная стадия «Великого мятежа» отличается от гражданской войны не отрицанием революционного принуждения, а случайным и прерывистым его применением.

Борьба с людьми, олицетворявшими старый порядок, начинается раньше и имеет, быть может, не меньше важности, чем борьба с учреждениями абсолютистического пошиба. Направление революции было определено в гораздо большей степени процессом Страффорда, нежели актами об отмене Звездной палаты и Высокой комиссии. Возбуждение судебного преследования против Страффорда было одним из первых движений парламента. Не проведя ни одной конституционной реформы, общины торопятся свалить своего главного врага. Уже 11 ноября обвинение против Страффорда внесено Пимом в палату лордов. Низвержение абсолютистического правительства начато в форме судебного процесса, и некоторые подробности этого дня легко представить как торжество права над силой, подчеркивающее конституционный, смирный характер первого периода истории Долгого парламента. Услыхав об обвинении, Страффорд спешит в палату. Властной походкой направляется ко входу, грубо велит приставу распахнуть перед собой двери, гордо идет к своему обычному месту. Но с разных сторон ему кричат, чтобы он ушел. И это конец. Он вынужден подчиниться. В его отсутствии палата решает исключить его из своей среды и подвергнуть аресту до конца процесса. Его зовут назад и заставляют на коленях выслушать решение палаты. Он пробует говорить, ему велят уйти молча. Пристав отбирает у него шпагу. Он идет с приставом к своему экипажу и среди враждебной толпы ни один человек не кланяется ему. Он хочет сесть в свой экипаж. Пристав резко останавливает его: «Вы мой арестант, вы должны ехать в моем экипаже». И Страффорд подчиняется. Можно указать, что и расправа с другими виднейшими слугами абсолютизма совершается в форме судебного процесса и что число судебных преследований за государственную измену было невелико, что Долгий парламента не обнаружил мстительности. Главным защитником католиков считался государственный секретарь Уиндбанк. Уже в начале декабря 1640 г. нижняя палата требует у него отчета, почему в последние годы не применялись законы о католиках. Уиндбанк предчувствует недоброе и бежит на континент. Через несколько дней очень умеренные коммонеры, Фокланд и Гайд, возбуждают вопрос об ответственности судей, признавших корабельные деньги законными. Канцлеру Финчу грозит формальное обвинение в измене, но он бежит на континент до

начала процесса. Другие судьи не скрываются: но только одного из них, Беркли, обвиняют в измене в феврале 1641 г. и арестуют во время судебного заседания. В конце ноября возбуждают сходное преследование против Лода. Его сажают в Тауэр, но разбирают его дело только в 1644 г., и только в январе 1645 г. голова старика падает к ногам палача. До начала гражданской войны из столпов абсолютизма один Страффорд заплатил жизнью за свою политическую деятельность. Но этих немногих процессов, этого одного политического убийства достаточно, чтобы признать за первыми месяцами в жизни Долгого парламента явно революционную окраску. Под формами политического процесса крылась ожесточенная борьба за власть. Впрочем даже и ход процесса показывает, что судоговорение было только орудием революционной борьбы. Если лидеры оппозиции явились в парламента с намерением свалить своего главного врага обвинением в измене, то сходный замысел был у Страффорда. У нас есть основание думать, что он хотел предъявить к вождям парламента формальное обвинение в измене в тот самый день, в который это обвинение было возбуждено против него. Исход дня был решен превосходством силы, а не права. Цель обвинителей была вовсе не в том, чтобы усмотреть в деяниях Страффорда технические признаки измены, а в том, чтобы испровергнуть абсолютизм. Когда обвинители видят, что юридическая почва уходит у них из-под ног, они быстро обнаруживают свое пренебрежение к юридической стороне дела и превращают *impeachment* в билль об измене, в акт политической расправы. А когда выясняется трудность получить согласие лордов и короля на билль, юридические декорации устраниются вовсе, и грубое давление лондонской улицы решает исход мнимо судебной битвы. Король, отлично сознающий роковое значение процесса, пытается противопоставить напору столичных подмастерьев угрозу вооруженной силой: но сколько-нибудь значительной военной силы у него нет; роялистические потуги на солдатский переворот только обостряют возбуждение парламента и толпы. Юридические формы, в которые было облечено столкновение, делали поражение особенно тяжелым для сторонников абсолютизма. От короля требовали согласия на билль: своею подписью он посылал на эшафот человека, главная вина которого состояла в том, что он с большой силой осуществлял исходившую от самого короля политическую программу. Суббота и воскресенье 8 и 9 мая 1641 г.— два дня, в которые хозяин Уайтхолля и король трех королевств стоял между ревом толпы, инстинктом самосохранения, голосом совести, чувством человеческого и королевского достоинства,— были самым критическим моментом во всей революционной истории и самым мучительным временем в жизни короля. Вечером 9 мая глава абсолютистической системы признал

себя побежденным революцией и сам должен был придать легальную форму торжеству своих врагов. К материальному поражению присоединялся тяжелый урон морального авторитета, унижение измены. Решительность минуты была ясна уже для свидетелей переворота, когда они много лет спустя восстанавливали в памяти ход событий. В своих воспоминаниях юридический советник протектора, Уайтлок, рассказывает, будто Страффорд, узнав о согласии короля, почувствовал его как измену. За несколько дней перед тем узник просил короля забыть о Страффорде и руководствоваться исключительно соображениями государственного блага. И все-таки, услышав о королевском согласии, он будто бы с горечью напомним слова писания: «не полагайтесь на князей и сынов человеческих, ибо в них нет спасения». Может быть, Страффорд и не говорил этих слов, но в представлении протекторского сановника казнь Страффорда есть момент глубочайшего падения для династии. Самые преданные, самые почтительные поклонники короля-мученика не могли забыть о его слабости, о выдаче врагам своего лучшего советника. В знаменитом «Царском лике»¹⁾ Карл изображен скорбящим всю свою жизнь о той преступной слабости, которую он обнаружил при казни Страффорда: воспоминания о грехе преследуют короля до самой могилы. И Карл действительно не мог до конца забыть о 9 мая. Мы знаем об этом от королевского секретаря Уорика, который при всем своем преклонении пред человеком, уподобившимся непорочному агнцу, решительно осуждает королевское поведение в процессе Страффорда.

Если в деле Страффорда и одновременных с ним судебных преследованиях сказалось безусловное преобладание парламента, то попытка ареста 5 членов отражает на себе подъем духа в роялистическом лагере. В мае после казни Страффорда король был так подавлен, что не протестовал даже против билля о нераспускаемости парламента. 4 января 1642 года, король попытался поставить комонеров в то самое положение, в какое они поставили его 8 и 9 мая 1641 г. Король требует у палаты выдачи людей, которые в своей деятельности постоянно опирались на парламентское большинство. Он облекает свое требование в форму обвинения в государственной измене, все равно как в мае 1641 г. жажда головы временщика претворилась в bill of attainder. Но конституционные одежды плохо прикрывают наготу революционного насилия. И если в мае 1641 г. разбушевавшаяся толпа шумит всю ночь у окон

¹⁾ «Царский лик» (Εἰκὼν βασιλική)—мнимые записки Карла I с автобиографическими воспоминаниями, политическими размышлениями и молитвами — появился вскоре после казни короля и много способствовал подъему роялистических чувств и своего рода канонизации коронованного «мученика». «Лик» написан англиканским священником Годеном.

дворца, то в январе 1642 г. сопровождающие короля офицеры гремят саблями в раскрытых дверях нижней палаты. Но коммонеры не выдают товарищей, как Карл выдал Страффорда, и король не может оказать на них такого давления, какое было оказано на него лондонской толпой. В Лондоне превосходство силы на стороне парламента. Но король не хочет складывать оружия. Потерпев неудачу в столице, он возлагает надежды на провинцию. В далеком северном графстве он сзывает верных людей под свой королевский стяг. Конституционные прикрытия спадают, и Англия из поры лжеконституционной борьбы переходит в откровенные годы гражданской войны.

И вполне естественно, что в актах Долгого парламента, предшествующих гражданской войне, статуты, которыми законодатель-революционеры думали надолго определить основы государственного быта, трудно отделить от актов, которые были вызваны различными перипетиями борьбы за власть и подчас шли много дальше конституционных убеждений оппозиционного большинства. Самый темп и наклон законодательства находится в тесной зависимости от борьбы за власть. В первые недели своей работы коммонеры всего больше боятся разгона и долгого бездумья, стараются отнять у короны всякую возможность не созывать парламента, не совершая грубого нарушения конституции. Мелькает мысль о ежегодных выборах, как будто близкая к позднейшим требованиям некоторых левеллеров. В декабре 1640 г. в парламента внесена билль о том, чтобы король ежегодно назначал общие выборы великим постом, и чтобы выборы производились и в том случае, если не состоится королевского указа. Но мотивы сходных предложений совершенно различны у левеллеров и коммонеров 1640 г. Левеллеры хотят поставить парламента в зависимость от избирателей, сделать его послушным зеркалом народных настроений, борются с парламентом за народ; коммонеры 1640 г. хотят поставить корону в зависимость от представительства, заставить ее управлять согласно с желаниями палат, борются с абсолютистическими притязаниями династии за парламента, интересуются не сроком депутатских полномочий, а длительностью бездумья. В парламентарской комиссии билль об ежегодных выборах превратился в билль, ограничивающий 3 годами длительность конституционного бездумья, и в этом виде становится статутом в феврале 1641 г. (16 г. Карла I гл. 1). Канцлер должен разослать шерифам указы (writs) о выборах в половине 3-го года со времени роспуска последнего парламента. Ежели канцлер нарушит закон, то в конце 3-го года должны собраться перы и от своего имени разослать указы о выборах. Если и перы не исполнят своего долга, пусть шерифы сами назначат определенные дни для выборов. Если и шерифы нарушат конституцию, выборная иници-

циатива переходит к населению; пусть фригольдеры с горожанами сходятся без всякого начальственного зова и выбирают представителей. А чтобы созыв парламента не оказался фиктивным, акт устанавливает минимальную длительность сессии: без согласия обеих палат парламента не может быть распущен раньше, чем через 50 дней после своего созыва. 5 мая 1641 г. внесен билль о том, чтобы заседающий в настоящее время парламента мог быть распущен (хотя бы только на каникулы) не иначе, как по парламентакому акту, т.-е. с согласия обеих палат. Общины вовсе не хотят узурпировать власть: напуганные коммонеры только торопятся оградить себя от контр-революционных случайностей, оправдывают свое чрезвычайное предложение тревожными слухами о разгоне, необходимостью покарать преступников, т.-е. Страффорда, удовлетворить народные жалобы, установить прочный мир между Англией и Шотландией. 10 мая терроризованный король утверждает билль, и полномочия коммонеров стали бессрочными. Общины отлично сознают чрезвычайность, неконституционность этого акта и откровенно говорят о ней даже позже, когда политическая борьба стала много острее. В Великой Ремонстрации (158), в ноябре 1641 г. общины признаются, что билль искажил старую конституцию, но право распускать парламента будет возвращено короне сейчас же, как исчезнет необходимость в чрезвычайных мерах обороны.

После майской победы над короной начинается период наиболее напряженной законодательной деятельности истории Долгого парламента. Коммонеры спешат использовать свое торжество. Угнетенный король совершенно не в силах противиться их законодательному натиску. Летом 1641 г. проведен ряд очень важных биллей, в корне изменивших весь государственный строй абсолютистического периода: конституционные новшества 1½ веков были сметены 2—3 месяцами парламентакой работы. Одним росчерком пера уничтожается ряд центральных и провинциальных судебно-административных учреждений, существование которых представляется коммонерам несовместимым с полновластием общего права (17 г. Карла I гл. 10). Статут принципиально отвергает всякую юрисдикцию Тайного совета. Падают Звездная палата, акт жалуется на превышение ею статутарных полномочий, но не вводит ее в законные границы, а уничтожает целиком. У Тайного совета отнята и всякая гражданская юрисдикция, при чем акт как будто бы имеет в виду Палату прошений. Падают юрисдикция окраинных советов, Северного и Уельшского, появившихся при Тюдорах. Отменяется юрисдикция советского типа и в более старых учреждениях, в совете Ланкастерского герцогства и в казначействе Честерского палатината. Если при Тюдорах наступает кризис общего права, то при Долгом парламенте мы имеем дело с кризисом «справедливости»; трибуналы справедливости отменяются по всей

ливии, от них остается лишь канцлерский суд; повсюду в Англии должны царить суды и нормы общего права. Революция приносит судьям общего права несменяемость, которой у них не было и при Плантагенетах; еще в январе 1641 г. король должен был дать обещание, что впредь судьи будут сохранять должность, «пока будут хорошо вести себя», а не «пока будет угодно королю». — Одним почерком пера производят переворот в церковном строе. Отменяют (17 г. Карла I гл. 11) елизаветинский акт, на который опиралось бытие Высокой комиссии, и уничтожают самую комиссию. Но этого мало, уничтожают право клириков и вообще церковных судей налагать какие бы то ни было светские кары. — Фискальные права короны вводятся в определенные и тесные границы. Еще 6 декабря 1640 г. резолюция общин объявила корабельные деньги незаконными поборами, а судей, признавших законность взимания, — грубыми искажителями конституции. В августе 1641 г. специальный акт (17 г. Карла I с. 14) признает противными общему праву, статутам и в особенности Петиции о Праве и сбор корабельных денег, и внесудебное мнение судей об этом налоге, и судебное решение по делу Гемдена. Другой акт устанавливает (16 г. Карла I гл. 8) общее положение: никакой налог не может взиматься без согласия парламента, взимание неутвержденных парламентом таможенных пошлин было грубым беззаконием. Парламент дает королю 3 вида таможенных пошлин, но только на год с небольшим. Специальным актом полагается конец лесным притязаниям короны: впредь границами государственных лесных дач должны признаваться те границы, что существовали в 20 г. Якова I (16 г. Карла I гл. 16). Урезаются и бесспорные права короны. Парламент признает (16 г. Карла I гл. 20), что по старинному обычаю король может понуждать людей с земельным доходом не менее чем 40 ф. к поступлению в рыцари либо к штрафу за отказ от рыцарского звания; но обычай обзывается бесполезным и неразумным, и впредь рыцарство ни для кого не должно быть обязательным.

Летние акты 1640 г. произвели полную перестановку в государственном строе Англии. Доходы короля были сведены к доходам с домена, введенного притом в определенные границы. Всякий добавочный шиллинг королева могла получить только от парламента, который стал совершенно независим от короны, ибо мог быть распущен только собственным постановлением. Сложная система судов справедливости, бывших покорным орудием королевской политики, исчезла; Тайный совет утратил свои судебные полномочия. Исчезла принудительная юрисдикция церковных судов, и положение верховного правителя церкви не позволяло монарху наложить самого маленького штрафа на нарушителей какого бы то ни было канонического предписания. Самостоятельная правительственная деятель-

ность агентов короны была очень затруднена ограничительными актами 1640 г.; после них государственная машина могла идти полным ходом лишь при согласной работе парламента и коронной администрации. Что же было сделано для установления такого согласия? Потребность в последнем становилась тем настоятельнее, чем острее делалось столкновение между парламентом и короной, чем отчетливее выяснялась несовместимость их стремлений. Мысль о подчинении правительства представительству подсказывалась самим ходом событий. Парламенту становилось все опаснее и опаснее оставлять в руках короны свободное распоряжение военными силами страны, свободное ведение международных сношений, свободное взимание и расходование хотя бы и утвержденных парламентом налогов. Парламент должен был потянуться к власти, и он рано потянулся к ней. Вступив в борьбу с абсолютизмом Тюдоров и Стюартов, парламент ищет выхода не в разделении сосредоточенной власти, а в передаче ее народным представителям. В истории Долгого парламента лежит один из глубоких корней английского парламентаризма. Но руководящее положение парламента в правительственной работе выставляется не как теоретическое правило, а как практическая потребность данной минуты. Характерно, что с предложением подчинить королевских министров руководящим указаниям парламента выступает впервые мастер политической тактики и интриги, Пим, выступает уже в июне 1641 г. Под влиянием тревожных слухов о подозрительных сношениях двора с армией и шотландскими роялистами он хочет тесно связать лордов с общинами правительственным сотрудничеством, чтобы противопоставить соединенные силы обеих палат всяким попыткам контр-революционного переворота. 21 июня Пим делает перам 10 предложений от имени общин; предложения приняты перами с небольшими изменениями. Почти все они касаются текущих дел правительственного обихода и стремятся дать наиболее жгучим вопросам минуты желательное парламенту направление. Два предложения более общего характера говорят как раз о предоставлении парламенту руководства правительственной работой. «Третье имеет отношение к королевскому совету и государственным министрам. Обе палаты просят его величество отставить всех советников, которые шли против религии, свободы и доброго управления и в недавнее время стремились посеять раздор между королем и народом. Мы хотим не только устранить дурных советников; мы хотим, чтобы для важнейших дел король взял в свой совет таких людей, чтобы народ и парламента имели основание относиться к ним с доверием». Здесь, конечно, нет еще речи о том, чтобы «государственные министры» назначались из парламентарского большинства или хотя бы только из парламента, но здесь уже есть требование, чтобы в министры ставили людей, известных парламенту,

внушающих парламенту доверие своей прежней деятельностью. А чтобы у парламента было единодушное мнение о работе королевского правительства и о направлении, которого надо требовать от министров, Спим в 9-й статье предлагает учредить специальный комитет обеих палат, который бы обсуждал как раз важнейшие текущие вопросы правительственной практики.

Требование, выставленное в «10 предложениях», повторяется с гораздо большей силой в ноябре 1641 г. Самые интересные статьи Великой Ремонстрации—это те, в которых с полной отчетливостью выражено требование политической ответственности министров перед парламентом (197—201). Парламентским доверием должны пользоваться все сановники-министры, тайные советники, послы. Без такого доверия общины отказываются давать королю какую бы то ни было субсидию. При этом авторы ремонстрации не довольствуются судебной ответственностью министров; они требуют ответственности политической, хотя, чтобы направление министерской политики определялось волей представительства. Общины заявляют, что чувствуют недоверие не только к тем министрам, которых можно уличить в явных правонарушениях. Недоверие возникает и тогда, когда нет места для судебного преследования, когда, например, правонарушение совершено, но не может быть доказано, даже когда на лицо нет никакого преступления, а есть только деяния, несовместимые с министерским положением, например, пренебрежительные отзывы о парламенте, потачки папстам, покупка должности.

Но мечта о парламентской монархии отходила все дальше и дальше от действительности. Король вовсе не хотел удовлетвориться тем местом, которое общины отводили ему и епископальной церкви в своих законах и замыслах. Он утверждал один за другим билли, урезывавшие то, что он считал своим неотъемлемым правом, но утверждал под давлением силы, и не считал, что он связан вынужденным согласием. Он хотел выиграть время, дождаться поворота в общественном настроении, сплотить своих людей. В половине февраля 1642 г. прошло уже с месяц, как король бросил Лондон и в провинции готовится к войне; а между тем король утверждает некоторые билли, присланные мятежным парламентом, и в их числе билль, устраняющий клириков из парламента и вызывающий в короле искреннее негодование. Но и поведение парламента отличается не меньшей двойственностью, неискренностью. Традиционные формы лояльности и почтительности в сношениях с королем сохраняются; и в то же время растет недоверие ко двору, к возможности сотрудничества. От политики конституционного соглашения парламент вынужден перейти к политике революционного захвата. Ирландская смута сильно придвинула военную развязку. В ноябре 1641 г.

необходимо формировать армию для подавления мятежа, нужно предоставить правительству большие средства и полномочия. Парламент или, вернее, большинство нижней палаты не доверяет королю. 8 ноября Пим громко заявляет, что ирландская смута порождена агитацией злых королевских советников; Пим боится, что парламентские субсидии уйдут не на подавление, а на поддержку мятежа. Парламент даст королю солдат и денег, если король окружит себя советниками и министрами, которые получают одобрение парламента. А что будет, если король откажется пойти за парламентом? Пим смело смотрит в глаза положению и кончает угрозой. «Если его величество не снизойдет к нашей смиренной мольбе, мы сохраним прежнюю почтительность к королевской особе, но, исполняя свой долг перед государством и избирателями, мы будем вынуждены взять в собственные руки оборону Ирландии и вручить распоряжение государственными средствами тем людям, чести и верности которых мы имеем основание доверять». Значительная часть палаты, будущие кавалеры, остановились в раздумьи или негодовании перед революционным призывом; $\frac{3}{8}$ последовали за Пимом. Большинство нижней палаты не побоялось провозгласить, что в критическую минуту оно порвет все конституционные пути и само станет правительством, конечно правительством революционным. Так и случилось. Даже когда в 1642 г. оставшиеся в Уестминстере перы и коммонеры в самых почтительных выражениях делают королю предложение о соглашении, они выставляют революционную программу, неприемлемую для того лагеря, с которым они вступают в переговоры. Потребность самосохранения освобождает от страха перед святотатственным разрушением устоев английской конституции. С первых шагов английского парламента епископы составляли важную группу в составе верхней палаты; их участие в парламентской работе освящено многовековой традицией. Но епископы стали преградой на пути Долгого парламента. Они прочно связали себя с гнетом англо-католического единообразия, ненавистного большинству парламента, с гнетом королевского абсолютизма, возврата к которому не желают даже многие роялисты. В верхней палате пуритания Сей бросает епископам в лицо упрек в раболепстве: «Вы находитесь в слишком большой зависимости от короля, чтобы заседать здесь в качестве свободных людей». И теоретический консерватизм не мешает деятелям Долгого парламента быть практическими революционерами. Перы-епископы преграждают путь к свободе; нужно удалить епископов из верхней палаты, несмотря на беспорность и незапамятность их притязаний на перию. Соответственный билль вносится еще в мае 1641 г., но отвергается лордами. В феврале 1642 г. билль принят лордами и утвержден королем. Конституция подверглась коренному «искажению»: верхняя палата

стала чисто светским собранием. С незапамятных времен пожалование перии есть акт королевской милости: монарх делает пером, кого хочет. К началу гражданской войны в Уестминстере осталось лишь меньшинство перов. Они живо чувствуют шаткость своей конституционной позиции, боятся дальнейшего умаления своего престижа в случае возведения в перы значительного числа джентльменов - роялистов. В мае 1642 г. верхняя палата принимает билль, сохраняющий за королем право жаловать перию, но отрицающий за новыми перами право заседать в верхней палате. Это требование повторяется в 19 предложениях, с которыми обе палаты обращаются к королю в июне 1642 г.: новые перы могут быть допущены в парламент лишь с согласия обеих палат. Вообще программа 19 предложений есть ниспровержение основ традиционной конституции и проповедь безусловного парламентского верховенства. Все государственные сановники, важнейшие судьи, коменданты всех крепостей должны назначаться с согласия парламента и не могут быть смещены королем; все важнейшие государственные дела должны обсуждаться и решаться в парламенте.

Долгий парламент не только заявляет притязания на руководящее участие в управлении страной, он постепенно совершает и фактический захват правительственных полномочий. С отъездом короля в Шотландию в августе 1641 г. парламент вынужден взять на себя некоторые административные обязанности и для того, что заполнить образовавшуюся в центральном управлении пустоту, и для того, чтобы принять меры против возможной шотландской опасности. Потребность в присвоении административных полномочий была так ясна для парламента, что ее не отрицают и умеренные: в парламентском комитете государственной обороны заседают рядом Вен и Кельпейпер, Пим и Фокланд. За отсутствием короля парламент приучается издавать правительственные циркуляры, ордонансы (*ordipances*), не дожидаясь королевского согласия, распоряжаться казенными доходами и военными силами страны. Напрасно король в марте 1642 г. оспаривает связующую силу парламентских ордонансов, не получивших королевского утверждения. Нижняя палата в ответ поучает короля, что лорды и общины суть верховный суд страны; когда они разъясняют, что есть право страны, всякий оспаривающий их разъяснение и учащий не слушаться его повинен в грубом нарушении парламентских привилегий. Парламентскими ордонансами сформирована и парламентская милиция, после того как король отказался утвердить парламентских кандидатов в лорд-лейтенанты. Напрасно король в мае 1641 г. прокламацией запрещает мобилизовать милицию. В ответ обе палаты 6 июня объявляют прокламацию не имеющей силы и идут еще дальше в своих разъяснениях конституции. Парламент не только верховный суд, властно

разъясняющий конституцию; парламент также совет, который должен охранять мир, предотвращать опасности, заботиться о государственных нуждах. На распоряжениях парламента лежит печать королевской власти даже тогда, когда король совращен злыми советниками и противится парламенту; ибо верховная королевская воля осуществляется в парламенте лучше и принудительнее, нежели в его личных решениях и действиях. Королевская власть преобразуется здесь в нарядное прикрытие для парламентского всевластия. Комюнеры и перы продолжают твердить обычные формулы верноподданнической лояльности и тогда, когда мобилизуют милицию, захватывают флот, заготавливают провиант и боевые снаряды, выделяют комитет общественной безопасности для войны с тем самым человеком, которого они заверяют в неизменной преданности.

Галлам пытался разрезать Великий мятеж на 2 неравные части: на благодетельную конституционную борьбу первого года и на злую, пагубную смуту последующих лет. Акты 1641 г. освободили конституцию от полуторавековых наростов, вернули ее к счастливому равновесию до-тюдоровской поры. Англичане должны были остановиться на том, чего добились летом 1641 г., а не ввергать страну в кошмар революционного безумия и бесплодного кровопролития. Как мало истории заключает в себе этот разруб, пронизанный веянием «исторической» школы! Революция началась много раньше, чем король поднял свое боевое знамя на улицах Ноттингама. Те самые акты, на которых Галлам приглашает остановиться людей 1641 г., были вырваны у короля революционным давлением демократической толпы, а шумные уличные манифестации были порождены недоверием к искренности королевских уступок, боязнь контр-революции. Акт, отымавший у короны право распустить парламент и колебавший самые основы традиционной конституции, был утвержден раньше тех актов, в которых Галлам находит спасительную реставрацию конституционной старины. Политический спор и разлад сам по себе оказался с самого начала настолько глубок, что мог быть решен только подлинной борьбой. Только решительное военное поражение роялистов закрепило конституционные реформы 1641 г. Но политический спор переплелся с еще более глубоким религиозным расколом. Ни одна сторона не могла уступить без боя, потому что спор идет не об одной власти, но и о спасении своих и чужих душ, о религиозном долге, о водворении царства божьего на земле.

В религиозной истории первых месяцев революции особенно ясно видна необходимость различать между конституционными формами и бытом. Мы впали бы в грубое заблуждение, если бы стали измерять содержанием церковного законодательства действительную перемену в церковном положении. Парламентские статуты

1641 и 1642 г. г., перестраивавшие церковный порядок, были менее многочисленны и даже менее решительны, чем акты, положившие юридический конец абсолютистическому режиму. Притом они изменили гораздо больше отношения церкви к государству, нежели внутреннюю организацию церкви. Акт 5 июля 1641 г. уничтожил Высокую комиссию и отнял у церковных судов право налагать какие бы то ни было светские кары, но вовсе не отменил церковной юрисдикции: духовные трибуналы могли предъявлять к верующим прежние требования, могли карать их за проступки и грехи, но кары должны были носить духовный характер. Акт 13 февраля 1642 г. ввел резкую перемену в отношения между государством и англиканской церковью. У клириков отымается возможность вмешиваться в светские дела. Епископы устранены из верхней палаты; все клирики лишены права занимать какую бы то ни было светскую государственную должность. Но внутренний строй не затронут статутом. В языке статута не заметно враждебности к англиканизму, как к церкви. Наоборот, законодатель говорит о высоком значении священнослужения, которое должно поглощать всего человека, хочет точно укрепить, а не ослабить господствующий церковный порядок. Можно ли от скудости церковного законодательства делать заключение к слабости религиозного интереса у людей Долгого парламента? Можно ли от незначительности изменений, произведенных ими в 1641 и 1642 г. г. во внутреннем строе англиканской церкви, делать заключения к слабости их недовольства и протеста? Конечно, нет. Мы разглядели бы очень немного в душе современников великого мятежа, если бы не заметили в ней глубокого религиозного подъема. Религиозный интерес стоял у них уже во всяком случае не позади политического. Постоящая работа Долгого парламента начинается 7 ноября 1640 г. Одним из первых говорит старый и очень умеренный Редьярд. Он начинает с жалоб на религиозную политику правительства. Почему? «Пусть религия будет нашим *primum quaerite* (первым требованием), все остальное только придаток к ней». И для тонкого и расчетливого мастера партийной тактики, взявшего себе слово вскоре после Редьярда, для «короля» Пима религия есть «великая вольность королевства». Обличения религиозных деяний правительства занимают очень много места в его речи. Заговор против права он ставит в тесную связь с заговором против религии. Главные враги нации — паписты. Оппозиция упорно стоит на этой точке зрения. В ноябре 1641 г. общины в Великой Ремонстрации излагают королю свой взгляд на настоящее и недавнее прошлое Англии. Ремонстрация верит в большой заговор против английской веры и свободы. О вере она говорит так же настойчиво, может быть, более настойчиво, чем о свободе. Не английские абсолютисты, а коварные иезуиты и обьезуитившиеся паписты

суть главные враги английского народа, держащие в своих руках все нити «развращенной и злонамеренной партии». Мы склонны теперь представлять себе, что проникающая всю жизнь, настойчивая, почти показная религиозность была свойственна одним пуританам и диссентерам, что кавалеры щеголяли своим мирским духом. Это мнение можно принять лишь со значительными оговорками. И среди кавалеров было немало людей, которые очень хорошо знали свою Библию и в которых крупное современное событие легко будило ветхозаветные ассоциации. Трудно представить себе роялиста пристраснее, партийнее Филиппа Уоррика. Но в его воспоминаниях встречаются места, которые показались бы нам более уместными на страницах Фокса или Беньяна. Он рассказывает о ночном заседании (22/23 ноября 1641 г.), в котором после горячих раздраженных прений очень незначительным большинством (159 против 148) была принята Великая Ремонстрация. Вожди меньшинства, Гайд и Кельпепер, поздней ночью, при мерцающем неверном свете огарков, среди всеобщего возбуждения поднимаются и просят занести в протокол, что против Ремонстрации протестуют они и все их единомышленники. Все 148 встают, как один человек, и кричат: «да, все, все». Некоторые машут шляпами; другие снимают с пояса шпаги и стучат ими о пол. Одно время казалось, что палата общин станет местом беспощадной резни: так разгорелись религиозные и политические страсти. И рассказчику роялисту сейчас же приходит на ум библейская картина: Давид воюет с Иевосфеем, сыном Саула. Их полководцы, Иоав и Авенир, встретились у Гаваона и стали по 2 стороны пруда. Бой начался жестокой смертной схваткой «12 отроков» с каждой стороны (2 Сам. 2). «И почудилось мне, что все мы сидим в долине смертной твоей и что, точно отроки Иоава и Авенира, вот-вот мы вцепимся друг другу в волосы и всадим друг другу во внутренности свои мечи». — А религиозные энтузиасты большинства, суровые и сосредоточенные, Кромуэль и люди его духа, приготовились отрясти прах от английской почвы и искать новой родины за океаном, если бы Ремонстрация не прошла, если бы закрылась возможность осуществления их религиозного идеала.

Отчего же при такой силе религиозных запросов законодательное вмешательство в церковную жизнь оказалось сравнительно незначительным? Прежде всего фактические перемены в церковной жизни были несравненно важнее законодательных. Сторонники англиканства могли сколько угодно тешиться мыслью, что по закону почти ничего не переменялось во внутренних распорядках церкви. В сентябре 1641 г. верхняя палата публикует свой январский приказ, чтобы богослужение совершалось в строгом соответствии с законами страны, а король повторяет сходное требование даже

в декабрьской прокламации 1641 г. На деле и в церковной жизни все изменилось с военно-финансовым крахом абсолютизма и с созывом Долгого парламента. Система принудительного англиканского единообразия падает, и в стране устанавливается значительная фактическая терпимость. Уже в ноябре 1640 г. проповедь пресвитерианизма ведется открыто в некоторых церквях Лондона, не возбуждая никакого преследования. Узники, пострадавшие за пресвитерианизм в пору бездумья—Принн, Бертон, Бастуик, Лильберн, Лейтон, получают свободу и с триумфом возвращаются в Лондон; уже 1 декабря 1640 г. состоялось решение о пересмотре их процессов. Когда шотландские кальвинистские проповедники являются в Лондон в ноябре 1640 г., Бели не может нахвалиться приемом. Комиссары остановились было в гостинице, в Ковент Гардене, при чем Бели очень жалуется на лондонскую дороговизну. Но городские власти просят проповедников перебраться в Сити, содержат желанных гостей на городской счет, предоставляют им церковь рядом с квартирой. Кларендон с раздражением вспоминает, как церковь ломилась от жаждавших шотландского откровения, как женщины приходили в воскресенье с раннего утра, считали себя счастливыми, если находили место, и оставались в жаре и духоте до позднего вечера, как многие висели на окнах, лишь бы только послушать и посмотреть проповедника. Шотландцы не только говорят—они пишут и печатают. Они привозят с собой свои старые трактаты и памфлеты, перепечатывают их, пишут новые. Английские собраты следуют за ними, и уже в марте 1641 г. с разрешения парламентского цензурного комитета печатается энергичная защита пресвитерианизма (*Smectymnus*), написанная 3 священниками английской государственной церкви.

Нельзя сказать, чтобы более левые направления пользовались такой же свободой или, вернее, таким же поощрением. Они встречаются с преградами со стороны самого населения; даже зимой 1641 г. сепаратисты вовсе не популярны в Лондоне. Иногда их пробует преследовать государственная власть. Январский приказ перов о согласовании богослужения с требованиями закона связан как раз с преследованиями сепаратистов. В январе 1641 г. полиция разогнала сепаратистское собрание в южном предместье Лондона, Саусёрке, и доставила некоторых участников в палату лордов, которая после разбирательства издала свой указ. Но правительственные репрессии вовсе не отличались суровостью. В следующее же воскресенье сепаратисты собрались на прежнем месте; несколько смелых перов явились к ним в знак сочувствия и демонстративно высидели всю службу. И достаточно было относительной свободы, чтобы сепаратистские изгнанники один за другим стали возвращаться на родину. Весной 1642 г. один памфлет раздраженно жалуется,

что в Англии многие местности слишком «амстердамиррованы». Голландские сепаратисты действительно по большей части возвращаются в Англию. Вслед за ними являются и представители Новой Англии, и уже в марте 1641 г. Бели пишет о «новоанглийских взглядах» *New England way*. Не они наводят самую густую тень на его светлые мечты. Есть люди хуже, «браунисты и сепаратисты многих родов». На глазах недоумевающих и рассерженных англикан и пресвитериан странные секты, непонятные конгрегации, множатся в числе, растут чуть не как грибы. Епископ Голль жалуется в 1641 г., что в Лондоне не меньше 80 сектантских общин, в которых учат «портные, сапожники и тому подобная дрянь». Сепаратисты не могут печатать с разрешения парламентской цензуры; парламент сажает в тюрьму их типографщиков. Это не останавливает их. Их памфлеты расходятся, возбуждают много шума и без цензурного штампа. Вскоре после протестации 3 мая обернувшийся сепаратистом Бертон выпускает «Протест против протестации». Он отрицает всякую религиозную ценность за национальной государственной церковью. Св. писание не знает ее; если и можно оправдать ее, то исключительно соображениями политической пользы или необходимости. Истинная церковь — община явленных святых, духовное царство Израиля. Памфлет вызвал яростные нападки, в том числе со стороны будущего автора знаменитой Гангрены, пресвитерианского священника Эдуордса. Эдуордсу отвечала одна женщина — индепендентка, Катерина Чидли, и это очень обидело Эдуордса. В еще большее негодование англикане и пресвитериане приходят от женских проповедей, которые слышались в церквях и на улицах Лондона уже летом 1641 г. А к 1642 г. сепаратисты, которых начинают звать индепендентами, кое-где переходят уже в прямое наступление, являются в церкви, полемизируют с проповедником, иногда прямо пытаются сорвать его проповедь; и враги обвиняют их в том, что они держат себя в церкви точно на скотном дворе.

Еще до 3 ноября 1640 г. англиканская иерархия вынуждена отказаться от политики безусловного и принудительного единообразия, положить конец систематическому преследованию инако верующих, инако молящихся. С созывом парламента епископы должны помириться с открытым существованием диссентерских общин. Этого мало. От наступления нужно перейти к обороне. Порядок церковно-полицейского гнета накопил огромный запас недовольства, посеял глубокое раздражение даже во многих сторонниках англиканизма. Фокланд был одним из самых влиятельных защитников епископата в дебатах 8 и 9 февраля 1641 г. о церковной реформе. Но он жестоко, беспощадно осуждает стюартовских епископов. Они сделали неисчислимое зло в религиозной жизни: под предлогом

единообразия разрушили единство, уподобились эзоповской курице, которая до того наелась овса, что перестала нестись, были папистами абсолютно, прямосердечно; и единственно от чего их смогли удержать полторы тысячи жалованья, это от откровенного признания в своем папизме. В еще большей степени они были врагами английской свободы. Они явили себя достойными преемниками людей, которые в мрачный век отлучили творцов Великой Хартии. Они хлопотали о шотландском молитвеннике, автор которого вместе с Нероном должен был бы желать себе безграмотности. Они подстрекали Страффорда к ирландской тирании, которой нельзя указать ничего подобного с той поры, как Веррес покинул Сицилию. — Если так говорил убежденный защитник епископального строя, то легко представить себе язык пресвитериан и индепендентов. В конце декабря 1640 г. Бели пишет северным товарищам: «Епископальный клир становится презренным в глазах всех. Его уличают в самых постыдных грехах — в распутстве, пьянстве, всяком мирском нечестии. Как в старину монахи, они сами навлекают на себя гибель». В чем только не обвиняет прелатов петиция 11 декабря 1640 г. об отмене епископата? «Епископы изгнали из церкви лучших служителей божьего слова и ввели в нее людей невежественных, ленивых, развратных, научили их презирать светскую власть, перов, джентльменов; научили короля тому, что он выше закона и может брать с подданных все, что хочет, удерживали все, что оставалось от римского язычества, и двигали государственную церковь еще ближе к Риму; осквернили день Господень; проявили себя истинными членами зверя». В конце мая 1642 г. общины принимают во 2-м чтении билль об отмене епископата. Английские пресвитериане рано начинают мечтать о том, чтобы не только низвергнуть епископальную церковь, но и самим стать на ее место. Путем к победе им представляется соединение английской и шотландской церкви, т. е. распространение Ковенанта на Англию. Летом 1641 г. возвращающиеся на родину шотландские комиссары везут письмо от лондонских пресвитериан с горячими мечтами о соединении. И в Шотландии растет вера в близость желанного дня. В начале августа 1642 г., накануне официального начала гражданской войны, генеральная ассамблея шотландской церкви шлет уэстминстерскому парламенту пожелание, чтобы в Англии скорей уничтожили епископат, чтобы в обоих королевствах установилась одна форма церковного правления. У «Лиги и Ковенанта» были ранние предвестники.

И все-таки падение англиканизма было гораздо более медленным, чем падение абсолютизма. Когда началась гражданская война, то юридически англиканская церковь оставалась государственной, господствующей. Все приходские священники должны были учить 39 статьям и служить по елизаветинскому молитвеннику. Все насе-

ление Англии должно было учиться 39 статьям и слушать елизаветинскую службу. На деле в громадном большинстве лондонских церквей с кафедры раздавалась громкая проповедь пресвитерианства. Но все эти проповедники нарушали неотменный закон и могли бы быть привлечены к судебной ответственности. Почему англиканская церковь оказалась живучее абсолютизма, хотя возбуждала не меньше, а может быть и больше противодействия и злобы? Главным образом потому, что люди, сходящиеся в убеждении о необходимости изменить или отменить строй государственной церкви, совершенно расходились во взглядах на то, как надо реформировать или чем заменить ненавистный порядок. В религиозных верованиях и чаяниях у людей 1640 и 1641 г. г. было меньше единодушия, чем в политических. Характерно, что резкое обособление партий обнаружилось в Долгом парламенте при обсуждении религиозного, а не политического вопроса. Коммонеры почти единодушно признавали в первые месяцы необходимость закрепления народных вольностей. Но, когда дошла очередь до лондонской петиции об отмене епископата, сейчас же вскрылись глубокие разногласия (8—9 февраля 1641), общины раскололись. У англиканской церкви немало защитников, и очень влиятельных. Во главе их — король. В ответ на Великую Ремонстрацию, обвиняющую англиканский клир в причастности к папистскому заговору, Карл заявляет о своем непоколебимом решении поддерживать англиканский строй во всей чистоте и славе, ибо нет церкви, где бы учение было чище и дисциплина свободнее от суеверия. Весьма значительная часть государственного клира не хочет падения англиканской церкви, отвертывается от пресвитерианства. Бели не возлагает надежд на английскую конвокацию, ибо не находит у нее печати божественного призвания. Он не ждет поддержки и от английского ученого мира, от университетов; но бог поможет правому делу и без знаменитых «раввинов», — т.-е. гебранстов. В мае 1641 г. оxfordский университет шлет петицию парламенту, чтобы не трогали ни университета, ни епископального строя, который опирается на непрерывное преемство от апостолов. И среди провинциальных мирян есть много людей, открыто заявляющих о своей привязанности к англиканству. На ряду с петициями пресвитерианского духа в парламент поступают массовые заявления о сохранении епископального порядка. В самом парламенте число сторонников государственной церкви было весьма значительно. Когда Дьюз вносил в дневник заметки о прениях по поводу Великой Ремонстрации, он, между прочим, записал, что из страха перед епископальной партией большинство коммонеров было готово поступиться некоторыми статьями. А в верхней палате у епископов было еще больше друзей. У «кавалеров» почтение к епископам быстро ста-

новится почти столь же обязательным, как и преданность к королю. В самом начале гражданской войны, в октябре 1642 г. один пресвитерианин пишет, что кавалеры грозят перебить лучших пресвитерианских священников, если те не будут проповедывать в кавалерском духе ¹⁾. Но пресвитерианские проповедники рано выказывают еще большую нетерпимость. Один из лучших пресвитерианских проповедников и авторов «Смектимна», Маршал, 23 февраля 1641 г. с кафедры поучает палату общин: «Да будет проклят тот, кто воздержится от пролития крови или творит свое дело нечестно, убивает одних и спасает других. Да будет он проклят, если не доведет дела до конца, когда надо покарать Моава, врага божьей церкви». А 2 года спустя другой известный пресвитерианский проповедник, Кез, предупреждает коммонеров, что в их устах тщетны будут все выпрецинные восхваления бога, если не будет в их руках обоюдоострого меча. Пресвитерианские вожди ненавидят терпимость. В октябре 1644 г. Калами проповедует коммонерам и заявляет: «Если вы не потщитесь уничтожить все ереси и заблуждения, эти заблуждения будут вашими заблуждениями, эти ереси — вашими ересями». В 1645 г. Эдуорде льет гной своей «Гангрены» на ненавистных сектантов и жалуется на успехи терпимости. Для него терпимость есть основное зло, великий замысел дьявола, разрушитель всякой религии, свобода губить и гибнуть. В 1641 г. Эдуорде не мог бы выступать с такими жалобами. Проповедь терпимости раздавалась редко и не производила сильного впечатления. Люди свободного религиозного духа держались еще на заднем плане и редко решались выступать вне своих молитвенных собраний. На авансцене царит гонимое, которые хотят вложить обоюдоострый меч в руки верующим и уничтожить иноверие. Напряженная религиозность поколения 40-х г. г. только углубляет вражду, созданную политическими разногласиями и противоположностями классовых интересов, ожесточает сердца, ускоряет превращение религиозно-конституционного спора в грубую борьбу железом и кровью.

¹⁾ До окончательного разрыва между короной и парламентом не все сторонники епископальной церкви обнаруживали нетерпимость. Даже среди прелатов некоторые сознавали необходимость серьезных реформ. Летом 1641 г. еп. Уильямс внес билль о церковной реформе. Билль предлагает устранить клириков из всех светских учреждений за исключением верхней палаты и завести при епископах совет из 12 священников, без согласия которых епископ не мог ни судить, ни посвящать. Но билль не встретил сочувствия у перов.

IX. Гражданская война. Подготовка республики. Результаты революции.

Вооруженные силы короля и парламента.—Новая Модель.—Центральное и местное управление.—Лига и Ковенант.—Введение пресвитерианства.—Левые религиозные течения.—Политический радикализм.—Левеллеры.—Протекторат.—Реставрация.—Плоды революции в политике, религии и философии.

В начале гражданской войны мы имеем перед собой столкновение враждебных религиозных и политических партий; в последние годы можно говорить о привнесении в борьбу классовых мотивов. Но я хотел бы начать свой за недостатком времени очень краткий и общий обзор не с этой стороны переворота. Я хотел бы остановиться на военных условиях борьбы, потому что они представляются чрезвычайно важными, тесным образом переплетаются с другими явлениями нашего периода, и без их изучения представление о «Великом мятеже» было бы неполно.

Если мы обратимся к положению враждебных сторон в начале борьбы, может показаться, что английская территория разделилась между ними равномерно: одна половина страны стояла за короля, другая—за парламент. Но если мы примем во внимание населенность, зажиточность роялистских и парламентских графств, то увидим, что перевес был на стороне парламента. За парламент стоял юг и восток, за короля — север и запад. Восток и юг Англии были населеннее и богаче роялистской территории. К этому надо прибавить еще влияние шотландских и ирландских отношений. Шотландцы оказались на стороне парламента, и их участие в важнейших битвах мятежа решило исход борьбы. Ирландцы помогали королю, но их помощь оказалась роковой для монархического дела. Перевес парламента станет еще яснее, если мы обратим внимание на флот. Раздраженные старым режимом матросы перешли на сторону парламента и заставили примкнуть к парламенту своих офицеров, а непримиримых роялистов ссадили на берег. Поведение моряков оказало громадное влияние на ход борьбы: роялисты оказались отрезанными от континента и не могли получать подкреплений. Интересно, что королева, которой удалось проскользнуть мимо парламентского флота и привезти Карлу военные запасы, подверглась большой опасности: в нее стреляли, и она с трудом ушла от смерти. Благодаря господству над морем, парламентские войска могли свободно и быстро

передвигаться водою, в то время как королевское войско чрезвычайно медленно меняло свою позицию. Наконец, благодаря господству над морем, к парламентскому делу прикнули те многочисленные и влиятельные лондонские и провинциальные капиталисты, жизнь которых была тесно связана с внешней торговлей.

Однако долгое время исход борьбы представлялся неясным. Английский абсолютизм не успел создать постоянной армии. Обеим сторонам пришлось формировать ее наскоро во время самой войны, и здесь известное преимущество было на стороне кавалеров. С самого начала в королевский лагерь стекаются в изобилии офицеры и генералы, из которых многие получили хорошую континентальную подготовку, когда служили в голландских и шведских войсках. Королевский главный штаб оказался в состоянии лучше прежнего организовать сложные кампании, предпринимать сложные движения, загадывать задолго вперед. На стороне короля были и чувства лояльности, верноподданной преданности. Много лет спустя, Оливер Кромвель в бытность протектором вспоминал о начале войны и рассказывал о своей беседе с знаменитым Гемпденом. Кромвель обратил внимание своего родственника и собеседника на моральное превосходство королевской кавалерии, которая состояла в значительной мере из джентльменов, сыновей джентльменов и наиболее значительных держателей, была проникнута чувством чести, унаследованным от многих поколений, и готовностью все принести в жертву для короля. Парламентская кавалерия состояла из наемников. «Пока парламентская армия, заметил Кромвель, не вберет в себя людей, равных по духу королевской, нельзя мечтать о решительной победе». Другой видный предводитель парламентского войска, Уоллер (Waller), делает такое же наблюдение и требует решительных реформ в армии. Реформа была произведена, и преобразованная армия склонила весы на сторону парламента. Но если были крупные преимущества на стороне королевской кавалерии, то нельзя не указать и на слабые стороны королевского войска: в нем было слишком много офицеров и слишком мало солдат. У короля не хватало денег, не было даже хорошего обмундирования и вооружения. Многие битвы были проиграны потому, что не хватало снарядов (Ньюбери 1643 г.), лошадей, даже оружия. Когда к королю стали стекаться полудикие крестьяне Уэльса, они приходили с мужицким оружием — косами и вилами. Многочисленные офицеры и генералы были мало склонны к subordinации, часто спорили, не сходясь во взглядах на план кампании. Еще сильнее были раздоры между генеральным штабом и королевским советом, штатскими и военными. Мало дисциплины было и среди нижних чинов. Королю нечем было платить солдатам, и отдельные отряды были вынуждены питаться на счет местных

жителей. Даже при желании удержать солдат от хищений, офицеры не всегда могли поддержать порядок. Должны были заниматься грабежом и вожди: знаменитый Руперт (Rupert), племянник короля, сын пфальцграфа Фридриха, налагал контрибуции на города, назначал срок для взноса и грозил в случае неисполнения требования войти в город и силой взять то, что ему было нужно.

На первых порах существенные и сходные недостатки замечались и в парламентской армии. И парламентские солдаты грабили и бесчинствовали: проходя через Лондон, они врываются в дома роялистов и подвергали их разгрому. Проходя через Кентербери, они врываются в собор, разодрали дорогую вышивку с изображением спасителя, расстреляли статую спасителя. И в парламентской армии нет единства командования: она разбита на отдельные отряды, действующие врозь. Состав нижних чинов тоже плох: приходится обращаться к подонкам общества, заставлять служить в армии учеников и подмастерьев. Особенно слаба конница. Даже в 1643 г. проигрываются битвы, потому что парламентские кавалеристы легко отступают перед королевскими.

Решительная военная реформа производится только в 1645 году. Но она была подготовлена деятельностью Кромвэля в так называемой «Восточной ассоциации» (Eastern Association), т.-е. в одной части парламентской армии. В деятельности этого отряда с самого начала намечаются явления, характерные не только для военной истории «Великого мятежа», но и для всего левого направления английской революции. Индепенденты «Восточной ассоциации» соединяют качества, на первый взгляд непримиримые — глубокий религиозный идейный подъем и большие практические способности. Девизом Кромвэля были слова, в которых выражается своеобразная психология английских индепендентов: «Надейся на бога, но держи свой порох сухим» (Trust in God and keep your powder dry). Эта особенность отличала всю политику английских индепендентов и остается характерной для английских сектантов до настоящего дня: до сих пор мы наблюдаем в их среде сочетание религиозности с деловитостью. Значительная часть английских капиталов сосредоточена в руках диссентеров, и доля их участия в торговле и промышленности значительно выше той доли, которую они составляют в общем населении страны. Когда мы говорим о реформе парламентской армии, о «железнобоких» (ironsides) Кромвэля и о «Новой Модели» (New Model), мы должны обратить внимание не только на религиозные и политические настроения, но и на военную технику. Решительным моментом была реформа кавалерии, того рода войска, который был всего слабее в первые месяцы борьбы. Не надо представлять дело так, что в XVI и XVII в. в. кавалерия совершенно уступила место пехоте: последняя являлась беспомощ-

ной, если не встречала поддержки у кавалерии. Тогдашнее ружье было еще слишком несовершенно: было на очень короткое расстояние, заряжалось медленно и легко могло ранить или, по крайней мере, обжечь самого стрелявшего. Долгое время в английской армии мы встречаем даже не кремневые, а фитильные ружья. Перед кавалерийской атакой мушкетеры были бессильны: их огонь был слишком вял, чтобы сдерживать кавалерийский натиск, а штыков еще нет. Мушкетеров должны были защищать либо кавалеристы, либо копейщики (pike-men). В XVII в. эти копейщики, представляющие нам такими архаическими, занимали видное место в войске и, например, в битве при Ньюбери они спасли парламентскую армию от разгрома. Кромвель выдвинулся не как пехотный, а как кавалерийский офицер и генерал. Он ввел в своем отряде усовершенствованную континентальную тактику, выработанную по преимуществу шведской армией в боях 30-летней войны. Его кавалерийский отряд и составил ядро реформированной парламентской армии в 1645 г. Следующие начала были положены в основу реформы. Парламент отказался от местных ополчений графств, которые энергично защищались, если угрожало вторжение неприятеля, но неохотно двигались за пределы родного графства. Новая армия целиком набирается из людей разного происхождения и подчиняется одному центральному командующему; в ней нет дробления власти. Меняется и финансовая организация: деньги не берутся более с местных союзов, а вводится повсеместное однообразное обложение, позволяющее аккуратно платить солдатам. А более или менее добросовестная выплата жалованья даст парламентской армии решительное превосходство над королевской: силою и рядом солдаты переходят от короля на службу к парламенту. Не надо представлять эту армию чисто демократическою: и в ней существуют градации — кавалерия гораздо более аристократична, нежели пехота. Кавалеристы являются со своим конем и оружием, получают больше жалованья: пехотинцу платят 8 пенсов, кавалеристу — 2 шилл. Известная аристократичность есть и в офицерской среде: офицеры получают большое жалованье, не меньше чем в настоящее время, если принять во внимание тогдашнюю дороговизну денег. Не надо представлять себе эту армию обществом религиозных энтузиастов, чуждых миру. В конце 40-х годов в армии идет своего рода биржевая игра: парламент в конце концов не смог платить все жалованье наличными и выдавал его обязательствами, которые обратились в биржевые бумаги с колеблющимся курсом, быстро переходившие из рук в руки. В армии удалось установить строгую дисциплину, но она имела свою оборотную сторону. В «Новой Модели» порядки, быть может, слишком строги: офицеры могли бить солдат, а серьезно провинившихся часто прогоняли сквозь строй. Солдаты подчинялись не общему, а военному суду.

Не было в «Новой Модели» и пренебрежения к нарядной внешности. Вожди носят такие же длинные локоны, одеты так же пестро, нарядно, ярко, как и кавалеры. Поражающий нас теперь красный мундир на солдатах английской армии ведет свое начало от парламентской армии 40-х г.г. XVII в.

На ряду с превосходством в технике, в организации кавалерии, артиллерии, в снаряжении и выучке, мы должны отметить у парламентской армии наличие новых религиозных, социальных и политических начал. Они сказываются довольно сильно, но не с начала войны, а со времени «Новой Модели». В этом новом войске меньше прежнего смотрят на породистость офицеров. Нельзя сказать, чтобы состав командиров был демократичен: преобладали все же люди хорошей породы. Из 37 генералов и полковников 9 было из перских фамилий, 21 принадлежали к джентльменским семьям, но 7 человек не могут быть названы джентльменами. Еще больше будет % простонародья, если обратиться к второстепенным должностям: среди помощников командиров, получивших большую известность в последующей истории, есть люди очень скромной или даже темной породы. Знаменитый полковник Прайд (Pride), произведший «чистку» Долгого парламента, был подкидышем и одно время занимался извозом. Известный вождь «Пятой монархии», полковник Гаррисон (Harrison) был писцом у одного лондонского адвоката. Другой известный индипендент, подполковник Гьюсон (Hewson) был сапожником. Полковник Ренсборо (Rainsborough) — шкипером. В этой армии мы встречаемся с тем принципом, который отличает и военную историю французской революции: в армии раньше, чем в других областях, у простолюдина, у рядового появляется возможность сделать блестящую карьеру. И верховное командование построено на более свободных началах. Единовластие командира не безусловное: рядом с ним стоит военный совет офицеров (человек 30), к голосу которого главнокомандующий прислушивается очень внимательно. При замещении полковничьих мест меньше прежнего глядят на возраст: среди полковников «Новой Модели» есть очень молодые люди — Гаммонд (Hammond) — 24 л., Ингольдсби (Ingoldsby) — 23 л. Сам главнокомандующий «Новой Модели» Ферфакс (Fairfax), молодой человек: ему всего 33 года.

Эта новая армия проникнута и новым духом, духом религиозно-политического радикализма. Любопытно, что среди видных офицеров не мало родственников Оливера Кромвэля. Если можно говорить, что в Долгом парламенте был своего рода клан Кромвэля, то сходный клан был и в новой армии. Еще когда не было «Новой Модели» и новые порядки можно было наблюдать только в «Восточной ассоциации», еще тогда сказывалось намерение индипендентов сделать войско своего рода церковной и политической партией. Когда Кромвэль набирал волонтеров в «Восточную ассоциацию»,

он выражал пренебрежение к породе, но требовал, чтобы новобранцы были людьми нового духа. После битвы при Незби (Naseby), свалившей короля, в армию поступает один из замечательнейших религиозных деятелей периода пресвитерианизма Бакстер (Baxter). В своих записках он говорит о том впечатлении, которое произвела на него офицерская и солдатская среда. Люди уже тогда показались ему фанатиками, религиозными и политическими. Обобщать этого наблюдения, конечно, не следует: когда в другом полку благочестивый полковник попробовал было заставить солдат слушать свои проповеди в индипендентском духе, чуть не вышло бунта. Но в той части, которую видел Бакстер, он был поражен интересом рядовых к самым отвлеченным вопросам догмы. Уже и тогда он подметил известного рода социальный и политический радикализм. В стране было еще немного республиканцев, но в армии их насчитывалось немало, и Бакстер жалуется, что короля часто обзывали тираном и врагом. Сильно выражалось и социальное недовольство. Говорили, что нечего церемониться с привилегиями английского дворянства. «Кто такие церы и джентльмены Англии?— Полковники и капитаны Вильгельма-Завоевателя. Если мы станем полковниками и капитанами, мы будем не хуже их и будем в праве сделать с Англией все, что захотим, будем распоряжаться, как они».

Армия стала видною политическою силою не сразу. Первое время и старая парламентская армия и реорганизованная держалась в стороне от политической борьбы; но уже очень рано борющиеся партии старались склонить ее каждая на свою сторону. С решительным вмешательством армии мы встречаемся лишь под конец борьбы, в 1647 г. Армия была в значительной степени вынуждена вмешаться, потому что ее религиозные и политические противники мечтали об ее уничтожении. Ее выступление являлось простым актом самосохранения. Поздняя дата политического выступления «Новой Модели» имела важные последствия. Армия успела стать однородною, превратиться в партию политических и религиозных радикалов. Ее религиозное и политическое настроение ушло дальше, чем настроение штатского большинства. Она принесла строгие и резкие политические и религиозные идеалы, но не встретила сочувствия в среде населения. Вмешательство армии в политику было отмечено роковым противоречием: неся заветы демократии, осуществленные, да и то не вполне, лишь много времени спустя, армия должна была опираться не на сочувствие масс, а на военную силу и привела к военному деспотизму.

Юридически республика установилась в Англии после смерти Карла в 1649 г., фактически еще до начала гражданской войны. С начала 1642 г. государем значительной части страны становится Долгий парламент. Время гражданской войны есть колыбель и младенчество парламентаризма. Парламент не только захватывает в свои

руки законодательную власть, но становится верховным органом управления. Ему приходится вести большую войну, устраивать государственное хозяйство. Он позволяет себе облагать население такими налогами, против которых прежде восстали бы все. Отбирает земли у противников английской свободы и распродает конфискованные земли.

Осуществляется одна особенность нового парламентаризма—безусловное преобладание нижней палаты над верхней. Уже до начала гражданской войны верхняя палата тает: она сводится к 2—3 десяткам человек, в последние годы мятежа иногда не присутствует на заседаниях и одного десятка. Prestиж этой небольшой кучки, конечно, невелик. Чтобы организовать управление, парламенту приходится организовать новый правительственный и административный механизм. Такими новыми учреждениями являются парламентские комитеты. Конечно, нельзя еще говорить о министерстве парламентарного типа; но принцип, по которому собрание представителей дает директивы администрации, применяется уже в годы «Великого мятежа».

Не менее велик был переворот, произведенный Долгим парламентом в церковной жизни. Долгое время у парламента были здесь связаны руки: он должен был вводить церковный строй, который лишь в слабой мере соответствовал пожеланиям коммонеров. Мне приходилось уже говорить о слабости парламентской армии в первые годы мятежа. Парламенту стало ясно, что решительный удар королю возможно нанести лишь в союзе с шотландцами. А шотландцы шли на совместные действия только под тем условием, чтобы в Англии введены были либо тождественные с шотландскими, либо близкие к шотландским церковные порядки. Союз пришлось купить ценой введения пресвитерианства. 25 сентября 1643 г. был заключен договор с шотландцами (Solemn League and Covenant), которым граждане трех королевств обязывались охранять в Шотландии реформированную, т. е. кальвинистскую церковь, ввести в Англии и Ирландии порядки, возможно более близкие к шотландским, охранять вольность и привилегии парламентов и королевств, наказывать злонамеренных, старавшихся разъединить короля с народом. Результатом договора явилась попытка ввести в Англии порядки, напоминавшие кальвинизм. В 1643 г. было созвано Уестминстерское собрание, которое состояло из 121 духовного лица и 30 светских (10 перов и 20 коммонеров), которому хотели придать беспартийный характер: были приглашены к участию и англикане, но они уклонились, и на собрании были представители только пресвитерианской и индепендентской церкви; огромное большинство составляли пресвитериане. Из всех тогдашних религиозных направлений, они может быть, отличались наибольшей нетерпимостью и мечтали ввести в Англии новую государственную церковь, которая была бы сколком с шотландских и отчасти нидерландских порядков. Они раз-

работали проект нового богослужения и управления, который был готов летом 1645 г. В своем проекте они мечтали о полной независимости церкви от государства, даже о превосходстве церкви над государством. Они хотели, чтобы иноверцы силой загонялись в пресвитерианскую ограду, а уклоняющиеся подвергались суровым карам. Но этот план не встретил сочувствия в парламенте. Там были сильны эрастиане и большинство хотело реформы, но отнюдь не освобождения церкви из-под власти государства. Мечты пресвитериан были разбиты. Деятельность собора богословов была поставлена в узкие рамки: в Уестминстерском собрании могли обсуждаться лишь вопросы, предложенные народными представителями, и решения должны были отдаваться на утверждение парламента. Представитель Шотландии в Уестминстерском собрании, Бели, в своих письмах жалуется, что парламент соглашается ввести пресвитерианскую церковь, но это будет хромая, эрастианская церковь, в которой светская власть сохранит преобладающий голос. Но и в этом урезанном виде пресвитерианскую организацию нельзя было ввести во всей стране. Пресвитерианские симпатии, несомненно, были сильны в Лондоне, Ланкашире и некоторых графствах, но этого отнюдь нельзя сказать про всю страну. Мы знаем по документам, что, например в Дорсетшире удержались старые порядки: священники ставились, как в старину, церковное управление принадлежало не пресвитерам и «старшим», а комитету графства, где преобладали мировые судьи, т. - е. крупные землевладельцы - миряне: правда, во внутренние дела прихода комитет вмешивался очень редко.

Это скромная попытка ввести пресвитерианские порядки вызвала сильное недовольство, обнаружившее, что наиболее живые религиозные течения идут дальше, и что будущее принадлежит более левым религиозным направлениям. Еще в 1644 г., когда шли только разговоры о принудительном введении пресвитерианизма, деятельность Уестминстерского собрания возбудила недовольство; индепенденты называли собрание антихристианским собором, гнет которого горше гнета англиканской церкви. А пресвитерианские обличители еще горячее жалуется на рост сепаратистских, индепендентских направлений. Уже в апреле 1644 г. Бели, хотя и с преувеличением, жалуется, что больше $\frac{2}{3}$ армии стоит за индепендентов. Левые направления имеют все больший успех. И это не те умеренные и смирные сепаратисты, которые вернулись из Голландии и умели разговаривать с пресвитерианами в Уестминстерском собрании, а сектанты, для которых у пресвитерианских обличителей не находится достаточно резких терминов, — анабаптисты, отрицающие непосредственное, бессознательное действие благодати, таинства, и антиномные, сочетающие религиозный экстаз с религиозным вольнодумством, верящие, что в человеке действует не его воля, а божье-

ственное внушение, и всякий поступок человека является поэтому деянием святого. В религиозной жизни 2-й половины 40-х г.г. характерно преобладание людей нового духа, так назыв. «духовных христиан», у которых была чрезвычайно сильна потребность найти новые религиозные формы и настроения. Одна из сект так и зовется сектой сикеров (Seekers), — «искателей». Они недовольны тем периодом в жизни христианства, который лежит между апостольским веком и их собственным поколением. Они мечтают об обильном потоке даров св. духа в будущем; верят, что лишь небольшая часть христианской истины была раскрыта и то только в дни апостолов. Поэтому они отказываются от соблюдения каких бы то ни было христианских обрядов, от принудительной веры в христианские догматы. Они ищут истины и ждут ее, сквозь неясную дымку настоящих церквей провидят светлые контуры церкви будущего. К ним относится с явной симпатией человек, которому принадлежат большая военная мощь и политическое влияние, — Оливер Кромвель. Они находят последователей в семье Кромвеля: одна из его дочерей присоединяется к этой странной секте, и будущий протектор не смущается этим обращением, одобряет его. В письме к другой дочери он зовет сикеров лучшими представителями нового духа, выше их ставит лишь обретателей (finders); но обретатели не обладатели готовою истиною, это христиане будущего, которые найдут христианскую истину и тогда из искателей превратятся в обретателей. Религиозный экстаз выражался подчас в причудливых формах. В своей монографии Бернштейн рассказывает известный эпизод с одним квакером Джемсом Нейлором, который в 50-х годах не прочь был выдавать себя за Мессию, знающего новую истину. Нейлора принимали за божественного посланца, устраивали ему встречи, напоминавшие вход Христа в Иерусалим. Не нужно думать, будто перед нами здесь явление, свойственное только 50-м годам: бурные проявления религиозного экстаза мы замечаем и в 40-х г.г. Уже тогда мы видим нескольких Христов, нескольких жен агнца, многочисленных пророков, чудотворцев, частые видения. Одна женщина явилась к мировому судье и просила его удостоверить, как в церковь города Беверлея явился ангел в светлых одеждах и долго проповедывал восхищенным прихожанам. Появляются милленарии, которые ждут осуществления обетования о тысячелетнем царстве. Они отрицают государство и светские установления не во имя анархического идеала — свободы личности, а во имя царства Христова.

Не надо думать, что религиозное брожение сводилось к духовному христианству и религиозному экстазу. На-ряду с этими направлениями можно отметить проявления свободомыслия, вольнодумства — корни будущего рационализма. Когда пресвитерианские обли-

чители говорят об ересь, они жалуются не только на духовное христианство, но и на требования, чтобы все, утверждаемое религией, было оправдано непреложными доводами разума. Эдуордс с негодованием говорит в своей «Гангрене», что ему доводилось слышать и такие речи: «Не божий, а наш дух действует в нас; у многих христиан в эти дни больше знаний, чем было у апостолов». Есть люди, отрицающие бессмертие души, для которых душа умирает вместе с телом, есть люди, стоящие на пантеистической точке зрения безличного бессмертия и полного слияния с божеством.

В Англии со времени реставрации делает огромные успехи и научное движение, в философских кругах берет верх сначала эмпирическое, а затем и скептическое направление. Не надо, однако, слишком тесно связывать это умственное движение с политической реакцией. Правда, в рядах его деятелей не мало консервативных людей, кавалеров и католиков. Но некоторые корни этого движения восходят к революционному времени: свободное отношение к традиционному христианству, смелое отрицание устоев старой церкви было благоприятно для развития того свободного отношения к явлениям природы и традициям христианского догматизма, которое так характерно для английской истории послереволюционного периода.

Рядом с ростом религиозного радикализма наблюдается развитие радикализма политического. Даже в умеренных пресвитерианах под влиянием борьбы с королем чувствуется потребность противопоставить старому политическому догмату королевского полновластия принцип народовластия... Уже Ресерфорд (Rutherford) настаивает, что источником политического верховенства является народ. Король — лишь приказчик народа, которому надо отмеривать власть осторожно, унциями, как в аптеке. Но и парламент не есть носитель народного верховенства: он подчинен корпусу избирателей, должен руководиться их велениями. На этой же точке зрения стояли и люди другого духа, свободные в церковных вопросах, но очень осторожные в политических, как Джон Сельден (Selden), вождь эрастиан, много способствовавший крушению чистого пресвитерианизма. И этот умеренный скептик настаивал на том, что король — доверенное лицо народа, повар, обязанный готовить такой обед, какой угоден хозяину. Сельден допускает право сопротивления и суда над королем. Когда начиналась гражданская война, в Англии не было республиканцев, только в частной беседе *enfant terrible* Долгого парламента Генри Мартен позволяет себе указывать на ненужность и вред монархии. С началом войны дело быстро меняется: языки развязываются. Когда в 1645 и 1646 г.г. были произведены дополнительные выборы, чтобы заместить роялистов, и в Уестминстере появилось сотни две «рекрутов», среди них

оказалось несколько видных республиканцев, которые совершенно открыто высказывали свои политические убеждения.

Но рядом с республиканским растет и индивидуалистическое направление. К 1644—1645 г.г. относится появление памфлетов Мильтона о разводе и свободе печати. Государство обязано уважать права личности в семейной и интеллектуальной жизни, не должно чрезмерно связывать подданного. Милтон ждет благодетельных последствий от освобождения человека. В своей *Ареопагитике* он полон бодрого настроения. Он поет настоящий гимн своим дням, напоминая восторги Ульриха Гуттена. Он говорит о своем поколении, как о молодом орленке, который проснулся, расправляет крылья и устремляет очи навстречу лучам яркого дня, тогда как птицы сумерок боязливо закрывают глаза и предрекают всякие беды победителям.

Республиканцы и индивидуалисты 40-х годов были людьми разного духа. Некоторые стояли на аристократической точке зрения, были глашатаями прав избранного меньшинства. Явные аристократические тенденции были у таких крупных людей, как Милтон и Генри Вен. Но рядом с ними можно указать на течение, окрашенное искренним демократизмом.

Демократы 2-й половины 40-х г.г. получили от своих противников кличку левеллеров-уравнителей. Название это надо признать несправедливым, потому что значительное большинство было одушевлено противоположной верой в мощь свободной личности, стремилось освободить человека от всякого насилия, откуда бы оно ни исходило. Большинство левеллеров было чуждо и идее хозяйственного уравнивания людей, настаивало на неприкосновенности собственности. Правда, существовала и коммунистическая струя, но она не имела большого влияния, не привела к широким выступлениям больших масс.

Наиболее влиятельным левеллером 40-х и 50-х г.г. был Джон Лильбёрн. По той энергии, с которой он защищал права личности, он не уступает Мильтону. Это был характер необыкновенно сильный, цельный, прорывавший всякие путы, ставивший во главу угла охрану справедливости. Его главная идея — поставить границы государственному вмешательству, отгородить область, в которой человек чувствовал бы себя полным хозяином. Отдельные черты конституционного проекта, написанного левеллерами, или под влиянием их, так назыв. «Народное соглашение» (*Agreement of the People*), представляют большое сходство с американскими декларациями прав, предваряющими знаменитую французскую декларацию, появившуюся не без влияния Америки. С этим индивидуализмом соединяется и республиканское настроение. Убедившись, что король не согласится принять левеллерскую демократическую программу, Лильбёрн не боится отказаться от монархического принципа. В одном памфлете он говорит о чудовищах дьявольской породы, грозящих

божьему делу. И эти чудовища суть монархи. От республиканцев и других людей аристократического типа Лильбёрна отличает глубокая вера в непосредственное народовластие, во всемогущество и святость народной воли. Его подозрения направлены не только против короля, но и против палат. Он борется не только с королевским правительством, но и с парламентом, который должен быть сведен на положение собрания доверенных народной воли, должен быть короток, должен быть связан условиями доверителей. Чрезвычайно характерно стремление левеллеров поставить себя на историческую почву. Они не прочь одеться в англо-саксонский наряд и противопоставляют нормандским феодальным порядкам то блаженное время, когда в силе было равенство и народовластие.

Это крайне непримиримое настроение получило преобладание в армии, которая к концу 40-х г.г. выступила в роли первенствующего политического фактора. Когда кончилась гражданская война, господствующие в парламенте пресвитериане, чувявшие в войске опасного врага, вздохнули с облегчением: теперь можно было распустить армию и заняться постройкой конституционного и пресвитерианского здания. Спасители свободы стали ненужны, и парламент стал принимать меры, чтобы часть армии распустить, а другую часть направить на борьбу с ирландскими повстанцами. Армия не могла согласиться с такими замыслами. В ней как раз к этому времени получают решительное господство индепендентское настроение и политический радикализм. Большинство военных видит в себе жезл божьего гнева, верит в свою великую политическую миссию, хочет обеспечить торжество божьего дела. Когда полковник Прайд 6 декабря 1648 г. произвел свою знаменитую чистку, выгнал из парламента или, вернее, не допустил туда виднейших пресвитериан, индепендентами овладел энтузиазм. Спустя несколько дней после чистки, индепендент Гью Питерс (Hugh Peters) хочет сказать проповедь в палате общин. Он долго молчит. Коммонеры ждут. Питерс жалуется, что ему нет откровения, что он не может уяснить себе смысл событий. «Вы предопределены избавить народ от рабства египетского. Как? У меня еще нет откровения». И вдруг он снова замолкает и падает как бы в религиозном трансе. Все ждут, что будет дальше. Он поднимается снова: «Мне было откровение. Армия призвана уничтожить монархию и в Англии и во всем христианском мире, где торжествует пока абсолютистическое начало. Как? Не знаю. Вы скажете, что это будет нечто беспримерное, но наше время и есть нечто особенное. Ведь и непорочное зачатие было вещью беспримерной, а ведь оно совершилось. Так же и святые люди наших дней явятся освободителями всего человечества от египетского ига». Сходное мессианистическое настроение и раньше было в армии, не хотевшей допустить

торжества умеренных и пресвитериан. Когда летом 1647 г. в Лондоне берут верх пресвитериане и требуют кальвинизма и переговоров с королем, индепендентская армия в августе входит в столицу и доставляет торжество индепендентским элементам. Но и в армии был раскол. В офицерском корпусе преобладали джентльменские элементы; только немногие из них становились на последовательную демократическую точку зрения, дворянское большинство старалось поставить преграды бурному потоку. В армии есть так называемые «гранды», в их числе зять Кромвеля, Айртон и сам Кромвель. Но солдаты были не согласны на роль послушных исполнителей офицерской воли. Еще летом 1647 г. до вступления армии в Лондон, некоторые полки «выбрали представителей», «агитаторов» и заставили ввести их в состав обще-армейского военного совета. Заседания этого совета осенью 1647 г. становятся местом оживленных политических споров, отчет о которых представляют едва ли не самые интересные документы 40-х гг. Живая жизнь была ключом не в стенах Долгого парламента, не в политической прессе, а в рядах армии, где обсуждались политические вопросы, волнующие людей и до сих пор. В одном предместье Лондона, в Питни (Putney), собирались в конце октября и начале ноября офицеры, представители от солдат и некоторые левеллеры. Программы умеренных и более решительных демократов были сформулированы заранее. Офицеры признавали необходимость серьезных политических реформ: чтобы парламент заседал недолго и общие выборы происходили раз в 2 года. Они считали неправильным исторический порядок представительства с распределением избирательных округов не соответственно распределению населения, и требовали перераспределения их.

Но эта программа не удовлетворяла крайних. Они требовали решительных перемен в самом избирательном праве. Они не говорили еще о всеобщем избирательном праве; с их точки зрения не заслуживал избирательного права человек, пользующийся общественной благотворительностью, нищий и служащий, потому что он недостаточно самостоятелен, легко поддается влиянию господина; не стоит избирательного права и вообще человек, получающий жалованье от другого. Их демократизм останавливается на мелком крестьянине и мастере, дальше не идет. Но в сравнении с действовавшим правом это был крупный шаг вперед. В свою программу «народного соглашения» (Agreement of the People) они вводят требования неотчуждаемых прав личности. Как ни были они проникнуты уважением к мнению народа, они признают, что есть область, недоступная самой власти народа, — область религиозной свободы, при чем они не ограничиваются только христианством, но требуют свободы для магометан, евреев и язычников. Они настаивают на принципе общего права, недопустимости исключительных

положений. В прениях в Пётни левеллеры с Уайльдманом (Wildman) во главе делают шаг вперед против «Народного соглашения» и приближаются ко всеобщему избирательному праву, к точке зрения естественного права. Уайльдман говорил, что всякий рождается с известной долей участия во власти, что неразумно и несправедливо отказывать в осуществлении прирожденного права. Осенью 1647 г. грандам удалось сдержать солдатский радикализм в известных пределах, потому что подняла голову реакция, реакция роялистская и пресвитерианская. В Англии пресвитериане были задавлены, но в Шотландии они подали руку помощи королю, и в 1648 г. началась вторая гражданская война. Грандам и левеллерам приходилось бороться вместе, и после победы гранды должны были сделать уступки. Была выработана Ремонстрация армии (Remonstrance of the army). В ее выработке принимали участие гранд Айртон и левеллер Лильбёрн. Она провозглашает широкое избирательное право, 2-летний парламент и перераспределение округов. В нее вводится и требование неотчуждаемых личных прав. Скоро происходит «чистка Прайда», армия требует суда над королем, голова которого вскоре скатывается к ногам палача. Устанавливается республика.

Мы подходим к моменту наивысшего торжества радикальных и республиканских идей, в котором подали друг другу руку решительные и умеренные элементы. Но это торжество оказалось мнимым. Победителям угрожали большие опасности и угрожали с разных сторон. Самая главная опасность заключалась в том, что победители роковым образом вступили в противоречие со своими основными началами. Они исходили из представления о народовластии, а сами были представителями меньшинства. Они в состоянии проводить свою программу лишь путем военного насилия, а это противоречило началам свободы и личной независимости, написанным на их знамени. Сила противников сказалась в огромном успехе того роялистского памфлета, который появился спустя несколько дней после казни Карла и почти кощунственно прославлял венценосного мученика (Εἰκὼν βασιλική). Парламент и армия должны были начать свою деятельность с административных преследований роялистической печати. Чем более усиливалось роялистическое настроение, тем больше становилась потребность в исключительных положениях; в 1653 г. пришлось отказаться от народного представительства и заменить его представительством по назначению. Попытка Кромвеля вступить в сотрудничество с народом ведет к неудаче, и в 1655 г. протектор вводит систему генерал-майоров, т.-е. порядок военной диктатуры. Две окраины, восстание которых подало сигнал революции, Шотландия и Ирландия, оказываются враждебными торжествующим революционерам, и индипендентам приходится вести войну на два фронта. В этой борьбе приходится принимать меры

против своих собственных сторонников, ибо поднимают голову и крайние левые течения. Поднимаются «люди пятой монархии», отрицавшие светское государство и говорившие о царстве Христа, в котором людские законы должны уступить место закону божьему. Левеллеры недовольны установлением суровой военной дисциплины, они ведут агитацию, и в армии вспыхивает бунт. Лильбёрна приходится привлекать к ответственности, и с индипендентами он держит себя так же дерзко, как с англиканами и пресвитерианами, отказывается снимать шляпу перед государственным советом, признать юрисдикцию совета. Кромуэль стучит кулаком по советскому столу, и с его уст срываются знаменательные слова: «Должно быть что-нибудь из двух — или вы должны сломить их или они сломят вас и погубят все божье дело».

В первые месяцы после конечного торжества революции была сделана и попытка осуществить аграрный коммунизм. Весною 1649 г. мы слышим о диггерах, копателях, которые отрицают частную собственность на землю и видят в ландлордах грабителей и убийц. Они захватывают пустоши недалеко от Лондона, в графстве Сёррей, на холме св. Джорджа. Но их проповедь и особенно их захват возбуждают резкое недовольство в местных землевладельцах, которые собственными силами справляются со смиренными коммунистами.

Еще до реставрации идеалы, выставленные индипендентами и радикалами, терпят крушение, устанавливается режим протектората, близкий к режиму военной диктатуры. Реставрация смела и то немногое, что еще оставалось от революционных начал и программ. Англия возвратилась к монархии, системе двух палат, англиканизму, преследованию диссентеров, даже умеренных пресвитериан. Командующим классом вновь стали дворяне-джентльмены, и, вероятно, пора наибольшего их влияния приходится на XVIII в. на эпоху скуайрархии. Противники революции склонны смотреть на пору «Великого мятежа», как на тяжелый кошмар, который прошел совершенно бесследно для народной жизни. Но такого рода взгляд есть заблуждение. Революция провела глубокую и неизгладимую борозду в английской истории, может быть, во всей общеевропейской истории, значение которой было сознано лишь людьми XIX и XX в.в. В политической области торжество радикализма сделало невозможным восстановление прежнего абсолютизма. Политическое сознание общества было так глубоко изменено переворотом, что попытка Карла II и Якова II вернуться к абсолютизму вызвала отпор даже со стороны тори и привела к «Славной революции». Не менее важны были перемены церковные. Английская революция дала прочное место в английской жизни и диссентерам, английским раскольникам. Попытка англикан задвить раскол потерпела крушение. Поучительно уже то, что вскоре

после реставрации король, гнавший диссентеров в Англии, позволил завести квакерскую колонию в Северной Америке. После революции 1688 г. одним из первых шагов со стороны победителей был акт о терпимости, который сделал значительную часть английских диссентеров почти полноправными гражданами английского государства. Победа, одержанная диссентерами в революцию, наложила на их дело печать респектабельности, и в их рядах с XVIII века мы все чаще и чаще замечаем людей значительного достатка, которые сосредоточивают в своих руках значительную часть народного благосостояния. Глубоко было и воздействие революции на умственную жизнь английского общества. Правда, часто говорили и говорят о том, что торжество индепендентов вызвало порывистое движение в обратную сторону. Вернувшись к власти, роялисты в противовес пуританам щеголяли светским духом и тянули к свободному исследованию религиозных и философских вопросов и сочувствовали тому сильному и плодотворному научно-философскому движению, которым отмечено время реставрации в первые десятилетия после революции 1688 г. Но такой взгляд страдает односторонностью, ибо и некоторые революционные деятели отличались большою свободою мысли в исследовании религиозных вопросов, и, что еще важнее, крушение старого религиозного и политического порядка содействовало и освобождению умозрения. Английский рационализм, эмпиризм, деизм конца XVII и первой половины XVIII в.в. тесно связаны с религиозным и политическим переворотом середины XVII века. Здесь же лежит источник общеевропейского просвещения XVIII в., ибо французские просветители дали мало нового, оригинального и больше популяризовали, что нашли у англичан. Если английская революция была в состоянии оказать такое глубокое воздействие на судьбу разных европейских обществ, она в очень большой мере обязана этим левым, радикальным течениям. Английская революция является примером торжествующей революции, она не остановилась на полдороге, как половинчатые революции XIX века, которые не шли дальше компромиссов между старым и новым порядком. Победная английская революция, подобно Великой французской революции 1789 г., явилась водоразделом в народной жизни; от нее приходится вести новую эру. Правда, она была менее решительна, чем французская, потому что связанные с нею общественные и экономические перемены в народной жизни были далеко не так глубоки. Зато ее последствия в религиозной и политической сфере были настолько глубоки и вынесенные ею наверх идеи и стремления настолько живучи и плодотворны, что люди XX века могут усмотреть в религиозных деятелях 40-х и 50-х г.г. XVII в. своих прямых и довольно близких предков.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
ДО СМЕРТИ КРОМУЭЛЯ

СОУНЬ ИМ. В. И. БЕРИНСКОГО
<http://book.rsl.ru/>

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugaic.ru/>

I. История семьи Верни.

Происхождение семьи. — Семья Верни во время гражданской войны. — Раскол. — Отношение между джентльменами-роялистами и джентльменами-сторонниками парламента. — Развитие революции обгоняет прогрессивных джентльменов. — Бедствия джентльменского класса и его стойкость.

Прежде чем перейти к обозрению истории великого спора, надо остановиться на его деятелях, не на героях и выдающихся личностях, а на самых простых людях, типичных представителях своего сословия и времени.

У нас есть великолепный материал, это частная переписка семьи Верни (Verney). Она нашла литературную обработку. Две дамы, представительницы теперешней фамилии Верни, издали ее под заглавием: «Мемуары семьи Верни». Главная ценность этой книги та, что в нее вошло очень много подлинных писем, часто написанных очень безграмотно: эти письма придают книге характер источника. Эта книга очень важна для истории джентри, руководящего класса в начале гражданской войны.

Поучительна ранняя история этой семьи, показывающая, как образовывалась английская деревенская аристократия. Эта семья восходит к лондонским купцам второй половины XV века. Тогда один ее представитель, Ральф, выдвинулся, как лорд-мэр Лондона, получил титул рыцаря в 1470 г., был избран в парламента в 1471 г. Эдуард IV пожаловал ему земли в Бекингамшире, и сам он купил в том же графстве манор Claydon. Это было начало семейного земельного фонда. Верни быстро стали руководящей фамилией в графстве. С конца XV века мы видим из их среды шерифов графства и членов парламента от графства Бекингамшир или от городов этого графства. Любопытна та традиция, с которой держится английское представительство: эта семья и теперь живет в той же усадьбе (Claydon), и член ее еще в 1895—1900 г.г. представлял свой округ в парламенте. Семья Верни роднится с окружающей аристократией и поддерживает с ней хорошие отношения. Их связь с аристократией не только классовая, но и родственная.

В 1640—1642 г.г. главой этой семьи был сэр Эдмонд. Он был женат на дочери бекингамширского сквайра Дентона (стар-

шей из двенадцати), и в приданое за нею взял 2.300 фунтов. Он имел четырех сыновей и шесть дочерей. Сам сэр Эдмонд родился в 1590 г. и получил большой европейский опыт. Он был в Нидерландах, во Франции, в Италии, в Мадриде. Сэр Эдм. Верни не только деревенский человек, но и блестящий придворный. Он состоял при дворе наследника престола принца Генриха, а когда тот умер, то Эдмонд перешел ко двору принца Карла, будущего короля, и к началу гражданской войны оказывается, что он уже 30 лет служит ему. Эдмонд Верни при Карле занимает видную придворную должность (Knight marshal of the palace с 1625 г.). Он получает большое жалованье, но тратит много больше. Он делит время между королевским двором и своей деревней. Большинство поместных хозяйств к тому времени уже пало: барщины были отменены, и доход помещиков состоял из платежей арендаторов, оброчных и свободных держателей. Но хозяйство Верни служит примером, что еще много патриархального оставалось в жизни помещиков. У Верни была своя усадьба в Клейдоне. Это была полная чаша: там масса различных построек: прачечная, молочная, пивоварня, скотный двор; у Верни есть своя мельница и кузница, своя плотницкая. Лендлорд ест овощи из своих огородов, у него есть своя бойня, где режут его скот; он отапливается и строится своим лесом, у него своя рыба и дичь, у него в доме живет много родни, и благородные приживалки рукодельничают, занимаются заготовлением всяких консервов и припасов, они даже изготавливают лекарства и занимаются медициной под присмотром своего доктора.

Но хозяйство Эдмонда всего менее можно назвать замкнутым хозяйством. У сэра Эдмонда большой денежный бюджет: жизнь при дворе стоит ему очень дорого, и денежные дела его запутаны. Чтобы поднять доходы, он, опираясь на свои связи, пускается в аферы, не имея коммерческого духа. Он выхлопатывает себе патент на сортировку табака и берет по 4 пенни с фунта. Тогда в Лондоне впервые появились платные извозчики, и держать их имели право 50 влиятельных особ, в том числе и сэр Эдмонд, который держал от себя 12 извозчиков. Он является пайщиком в осушительных предприятиях лорда Бедфорда. Вообще это тароватый и предприимчивый человек, живущий широкою жизнью.

У него было четыре сына, тоже типичные люди. Старший Ральф (1613 — 1696) — это типичный представитель джентльменов с их недостатками и достоинствами. Такой тип сильно идеализируется англичанами, и они говорят, что он спас Англию во время гражданской войны, хорошо управлял ею в XVIII и отчасти в XIX в.в. Это человек без больших дарований, аккуратный, прозаический, умеренный, но со здравым смыслом и независимым суждением по религиозным и политическим вопросам и с определенным классовым

сознанием. Когда ему еще не было 16 лет, родители по своему усмотрению женили его на тринадцатилетней сиротке, наследнице богатого купца. Любопытно отношение джентльменов к купцам: они часто роднятся с ними и принимают их в свою среду. Ресчан в «Complet gentleman» (1622 г.), при всей своей любви к породе и геральдике признает благородными врачей, юристов и купцов. Потом Ральф попадает в Оксфордский университет, но там с трудом учится; летом тьютор пишет ему: «Одолевай силлогизмы, после них слаще женины поцелуи». После университета он поехал в деревню и стал сельским хозяином, так как отец его был при дворе, и ему некогда было заниматься хозяйством. Двадцати семи лет Ральф попал в Долгий парламент.

Второй сын, Фома (Thomas) (1615 — 1707) — это бремя семьи, беспокойный, полуджентльмен, полубродяга. Еще мальчишкой он сделал предложение дочери одного арендатора и проектом этого мезальянса страшно напугал семью. Как беспокойного, отец отправил его в Америку, в Виргинию, в область английской дворянской колонизации. Его тщательно снаряжают, дают трех слуг, тратят массу денег. Но Томас не ужился в Виргинии и через 9 месяцев вернулся в Англию без пенни в кармане. Его посылают на континент. Он поступает на английский военный корабль, но не уживается, затем служит во Франции, потом в Стокгольме. В 1638 г., 23 лет, он оказывается в Лондоне в дурном обществе, весь в долгах. На следующий год отец опять посылает его в Америку на остров Барбадос. Он там жил несколько дольше, но спустил все, что у него было, и только пишет отцу письма с просьбой прислать ему то 20, то 100 чел. рабочих, то денег, а главное побольше вина и водки. В 1641 г. он, спустивши все, появился дома и опять отправлен обратно. Когда началась гражданская война, он вернулся снова и без колебания изъявил желание стать в ряды королевской армии: он поступил в офицеры.

В рядах роялистов оказались и два младших брата. Третий сын, Эдмонд (1616 — 1649), во многом по характеру похож на отца. Он был в Оксфорде, но не занимался там, а больше кутил и делал долги. Не кончивши университета по причине слабых успехов, он поступил в Нидерландскую армию и дослужился до чина корнета. С объявлением гражданской войны он тоже стал в ряды королевской армии. Наконец, последний, Генрих (1618 — 1671), учившийся в Париже, потом тоже служивший в Нидерландской армии, также стал на сторону короля и высадился в Англии в 1643 г. с королевой.

Гражданская война внесла много трагического в английскую жизнь. Это хорошо видно по семье Верни. В ней произошел раскол. И в Коротком и в Долгом парламентах заседали и отец

и старший сын. Но Ральф решительно стал на сторону парламента; отец сочувствует парламенту, но он лично привязан к королю и долго колеблется, на чью сторону стать. Историк Кларендон, лично знакомый с ним, был свидетелем его душевных мук. Сер Эдмонд стал на сторону короля после больших колебаний, а три его младших сына — без колебания. Возможность того, что Ральф может в каком-либо сражении биться против отца и братьев, ужасала семью.

Английское дворянство раскололось к началу войны на две группы, и случалось, что представители одной семьи становились во враждебные лагеря. Какие же отношения установились между двумя враждебными сторонами? Смотрели ли они друг на друга как на непримиримых врагов, которым не может быть пощады? Или же остававшиеся между ними общие связи сдерживали их и заставляли терпимо относиться к врагу? И с этой точки зрения английская революция представляет противоположность французской 1789 г. Во Франции революция низвергла людей старого порядка, они оказались за пределами страны, были с корнями вырваны из нее. Даже реставрация была бессильна восстановить прежнее положение дворянского сословия. А в Англии положение дел было не таково: сказалось отсутствие резкой сословной обособленности, соединенное с большою классовой солидарностью: джентльмены не стали непримиримыми врагами. Распря внесла много горя в их среду, но не могла окончательно разорвать узы родства и дружбы.

Третий брат, Эдмонд, сильно страдал, что его старший брат Ральф стал его политическим врагом и, может быть, будет стрелять в него и в его отца. Среди приготовлений к войне в сентябре 1642 г. он пишет брату взволнованное письмо, в котором говорит о своей любви и уважении к нему и старается убедить его в правоте королевского дела, в которое сам религиозно верит¹⁾.

Через месяц смерть впервые коснулась своим крылом фамилии Верни. 23 октября 1642 г. в битве при Эджилле пал сэр Эдмонд Верни. Письмо Эдмонда пришло к Ральфу еще до смерти их отца, и он не отвечал брату. Эдмонд тревожился, что теперь связь с Ральфом, ставшим главою дома, порвана, и он стал ему чужим. Он торопится возобновить связи, раскаивается в своей горячности, пишет брату в феврале 1643 г. письмо и молит об ответе: «Я, право, отдал бы мою правую руку на отсечение, если бы вы держались другого направления. Хотя я всецело предан делу короля и буду думать так, как я думаю, до смерти, какая бы судьба ни ждала его, но пусть это не будет, милый брат, причиной вашего недоверия к моей искренней любви к вам». Лед был сломан, и враги-братья находятся с тех пор в дружественной переписке, продолжавшейся до конца жизни Эдмонда.

¹⁾ См. стр. 207.

В 1647 г. Эдмонд находился в критическом положении: ему приходилось бежать, и его укрывает Ральф. Характерно, что когда сэр Эдмонд пал, то Ральф как глава семьи Верни, стал получать соболезнования от старых друзей, как сторонников парламента, так и короля. Джентльменский класс сохранил свою целость, несмотря на войну. Ральф получал обещания безопасности и охранные письма и от вождя парламентской армии лорда Эссекса и от предводителя королевских войск принца Руперта. Одна из сестер Верни, Кэри вышла замуж за роялистского офицера, капитана Гардинера, и он по-родственному смотрит на семью Ральфа, пишет ей дружественные письма; за это семья Ральфа сохранила все вещи Гардинера, оставленные у них. Когда Гардинер попал в плен к парламентским войскам, то Ральф Верни заботился об его освобождении. Вскоре по освобождении в 1645 г. кап. Гардинер был убит, как и многие родственники Верни.

Трагические эпизоды сменялись иногда идиллическими. В 1644 г. была взята и сожжена усадьба-крепость, принадлежавшая родственнику Верни, роялисту Дентону. Мужчины были частью убиты, а частью взяты в плен; женщин не тронули. Один парламентский офицер Аберкромби, суровый пуританин, тут же, на цепелище, влюбился в одну из сестер хозяина усадьбы, старую деву Сусанну Дентон, сделал ей предложение и вскоре женился. Родственники не знали, радоваться им или печалиться. Аберкромби был убит в 1645 г., и он, пуританин, был похоронен в фамильном склепе типичной английской аристократической семьи.

Но не все были так терпимы. Отношение к врагу иногда было полно ненависти, особенно усиливавшейся по мере того, как парламентская партия все более левела. Старики Гардинер были страшно недовольны, что их сын женился на сестре «изменника». Они сочинили подложное письмо, будто бы написанное Кэри, и послали его жене Ральфа Мэри Верни. «Я слышу новости,—писали они,—но надеюсь, что это неправда. Говорят, что ваш сунруг сделался изменником, но я не верю, что он поднимет оружие против отца. Я думаю, что такого мнения он держится только в толпе, и надеюсь, что, посоветовавшись со своею подушкой, он примет более разумное решение». Мэри Верни, которую здесь обозвали подушкой, была очень умной женщиной. Она сразу усмотрела подлог и с достоинством отвечала: «Ваш брат честнее, чем те, кто назвал его вам изменником. Что же касается до толпы, то он всегда ненавидел ее. Он не допустит, чтобы его совесть руководилась корыстными расчетами».

Но и Ральф не поспевает за событиями: он отказался признать Лигу и Ковенант, порвал с парламентом и уехал во Францию. Его имение было отобрано в пользу парламента, а его жена в 1646 и 1647 годах

хлопотала в Лондоне о снятии секвестра. Ей было трудно жить среди господствовавших тогда пресвитериан и пуритан, и она жалуется в письме мужу, что теперь все по-новому, нет старых дружественных связей и вообще джентльменам плохо приходится. А когда восторжествовали индепенденты, то призадумался даже такой ярый парламентарий, как сэр Р. Бергойн (Burgoyne): «Я желал бы быть монахом или отшельником при настоящем положении дел. Что будет с нами в Англии, знает только один бог». В сентябре 1649 г. Р. Бергойн указывает на торжество левеллоров, но надеется, что это только временно, а после с ними можно будет справиться.

Роялисты раздражены еще сильнее. Для мягкосердечного Эдмонда Верни противники—это тираны, при которых Англия не может быть счастлива. Так он говорил в августе 1648 г., негодуя на то, что после взятия парламентскими войсками Кольчестера, сдавшиеся роялистские офицеры Льюкас и Лайль были казнены. А в 1649 г. и его постигла подобная участь. Он геройски защищал крепость Дрогеду, сам Кромвель брал ее штурмом. Озлобленные упорной защитой, его солдаты не дали пощады гарнизону. Эдм. Верни уцелел от этой бойни. Но он потом был убит в одиночку, даже без подобия суда. До чего велико было озлобление, видно из тех песен, которыми провожали роялисты шотландских пресвитериан, уходивших на родину бороться с роялистом Монтрозом, завоевавшим половину Шотландии: «Идите, идите, вы, мерзкие подонки, святые кучи навоза, идите и веселитесь, что вам не предстоит плаха и веревка ... Идите, идите, вы, оправданные предопределением разбойники, оборванцы, предатели, вшивые развратники... Рать праведных, спешите на убой» и т. п. Роялисты надеялись, что Монтроз победит пресвитериан.

Смута разлилась по стране широкою волной, задела всех, даже самых смиренных людей, не давая им покоя. Даже женщины волновались, так как и они были увлечены общим ходом событий, и мужчины их успокаивают. Так капитан Гардинер пишет жене Ральфа Мэри Верни: «Я полагаю, что ни король, ни парламент не воюют с женщинами; ведь они не сделали зла ни тому, ни другому, разве только языком». Но женщины не могут успокоиться, так как события слишком близко затрагивают их, и продолжают интересоваться политикой. Роялистка миссис Юр (Eure) пишет Ральфу Верни: «Я так разозлена на парламент, что ничто не может меня успокоить. Говорили, что с казнью Страффорда все будет хорошо, но стало еще хуже». Роялистка лэди Sydenham скорбит, что Ральф Верни не за короля, и пишет его жене: «Какая же это свобода—грабить, ломать дома, сажать в тюрьму... Поднимать оружие против короля, чтобы низложить его,—это противно божескому закону». В августе 1643 г. роялистка Долли Лик, близкая к семье Верни, уговаривает самого

Ральфа переменить лагерь: «Уже целый год вас считают ярим врагом короля. Я не верю, что вы будете упорствовать с такою слепотою. Бог вам дал большую порцию ума, подумайте о короле, ведь на нем почиет благодать божия, иначе он не мог бы удержаться при таких обстоятельствах, как сейчас. Подумайте о жене, детях и родне и переходите к королю».

Но к Верни близка и другая часть дворянства, горячо сочувствующая парламенту. Одна пожилая дама (прозванная в семье Верни «женою стариков» за то, что она была замужем за 4 стариками, из которых три были церрами: Сессекс, Уорик и Манчестер) после неудачной попытки Карла арестовать 5 членов парламента пишет Ральфу: «Я благодарю бога, что вы невредимы, и что парламент так высоко себя ценит. Это счастье, что у него так много храбрости отстаивать свои права». Но чем дальше, тем женщине все трудней применяться к революции. Английская жизнь выходит из своей обычной колеи и принимает новые формы. Женщине хорошего общества не по себе в церкви. Мэри Верни пишет в 1647 г. из Лондона, где хлопотала о снятии секвестра с имения, мужу во Францию: «в воскресенье мне хочется, как всегда, идти в церковь, а там трудно найти себе место. Если и найдешь, то не можешь молиться, служат так странно, что хочется смеяться. А если захочешь причаститься, то «старшие» задают такие вопросы, что стыдно рассказывать». Но всего хуже—это хозяйственная разруха, экономическое расстройство. Женщины жалуются на упадок доходов, на то, что они не могут свести концы с концами. Эти жалобы идут со всех концов страны. Леди Сессекс, жившая в центре Англии, жалуется, что держатели просят скидки. В центре Англии держатели отказываются содержать скот, если лорд не поручится за его целость. Роялистка Юр в 1643 году жалуется, что хозяйство в Йоркшире приходит в упадок: ренты не выплачиваются держателями, да и держателей трудно найти; сельско-хозяйственные продукты не находят себе сбыта.

Было много жалоб на грабежи солдат. Джентльмены обоих лагерей принимают меры против разгрома своих усадеб, укрепляют их, закупают порох и оружие, нанимают стражу и стараются запасть охранными письмами. Страдают не только поместья лордов, но и бедные хаты держателей. Леди Сессекс жалуется Ральфу Верни, что к ней пришел ее лучший держатель, всегда аккуратно плативший, но на этот раз он ничего не принес, так как парламентские солдаты обошлись с ним очень жестоко; вероятно, за его религию, прибавляет от себя эта роялистка. Солдаты убили его скот, унесли с собой все сено, так что теперь этот держатель совсем разорился. Жители боятся всяких солдат и своего, и чужого лагеря, так как они одинаково грабят и уводят скот, а особенно лошадей.

Иногда отряды укрепляются в усадьбе и грабят округу, главным образом держателей враждебных лордов. Солдаты угоняют у них скот и заставляют потом выкупать его. Но если неприятель брал такую усадьбу, то без пощады жег ее, как, напр., это было с усадьбой Дептонов. Денег было мало, парламент, а особенно король мало платили войску. Солдаты жили войной, придерживаясь тогдашнего принципа: «война питает войну». А особенно усердно придерживались этого принципа кавалеристы Руперта, для которых «все богатые были круглоголовыми». Сведения о грабежах есть и в архиве фамилии Верни и во многих других источниках. Тысяча кавалеристов Руперта, читаем мы в мемуарах Уайтлока (Whitelocke), несмотря на запрещение офицеров, ворвались в его усадьбу, разграбили хлеб и сено, увели лошадей, разломали мебель, разобрали изгородь, перебили дичь, выпустили пух из подушек, перерыли все ящики и сундуки, раскуривали трубки книгами и рукописями.

Но помимо незаконных грабежей и действий противника население страдает и от «законных» действий войск. С самого начала гражданской войны парламент заявляет, что его сторонники—это нация, а сторонники короля—люди преступные и должны нести всю тяжесть войны. Но все-таки революция не настолько разорила джентльменов, чтобы после нее они не могли оправиться и занять свое прежнее руководящее положение в стране, как это было с первым сословием во Франции.

Мы следили за историей семьи Верни и видели, что гражданская война принесла ей много горя. Она разделила членов семьи и поставила их в разные лагеря; борьба внесла много беспорядка в их хозяйство и едва не разорила их. Даже те, кто старался быть нейтральным, не могли остаться невредимыми в обстановке борьбы.

Нейтральное положение пытался занять и Ральф Верни и чуть не поплатился за это своим имуществом. 15 октября 1642 г. парламент постановил наложить секвестр на доходы всех «преступников, поднявших оружие за короля». Ордонанс 27 марта 1643 г. распространяет секвестр на всех, помогающих королю прямо или косвенно (в пользу семьи оставляется $\frac{1}{5}$ дохода). Впрочем, уже в 1644 г. парламент сделал смягчение. Он позволил откупаться от секвестра: был учрежден особый комитет (Goldsmith's Hall), который принимал раскаявшихся грешников: их заставляли принять Ковенант и брали с них откуп, обычно в размере двойного годового дохода.

В число подозрительных людей попал и Ральф Верни. Он, правда, ничем не помогал королю, но совесть не позволила ему принять пресвитерианство, он не подписал Ковенант, перестал бывать в парламенте и, чувствуя себя плохо в Англии, переехал во Францию,

где и жил в Блуа. В сентябре 1645 г. его исключили из парламента и стали поговаривать о секвестре. Секвестр был наложен в октябре 1646 года. Семье грозит разорение, и вот Ральф Верни отправляет свою жену в Лондон хлопотать о снятии секвестра, а сам с двумя детьми остается в Блуа. Слабая и беременная женщина едет в Лондон, где она пережила много горя и претерпела много мытарств, прежде чем сняли секвестр. Хлопоты по делу дороги, надо давать много взяток, а денег нет. Новорожденный сын скоро умирает. Прозрачески-трезвый Ральф потерял всю свою уравновешенность и едва не сошел с ума. Он пишет жене и другу своему доктору Дентону дикие письма, в которых говорит, что хочет уехать далее из Франции в Италию или, даже, Турцию; то у него мелькает мысль о самоубийстве, так как после его смерти его именья перейдут к жене и детям, и секвестр с них будет снят.

В Лондоне смута, все заняты борьбой парламента с армией, никому нет дела до секвестра Верни. Но все же в начале 1648 г. леди Верни выхлопотала снятие секвестра и поехала к мужу, но не долго ей пришлось пожить с семьей: в мае 1650 г. она умерла от чахотки, надорвав свое здоровье во время хлопот. Так велики были жертвы даже со стороны людей, не примкнувших ни к одной из враждебных сторон. История семьи Верни характерна для джентльменского класса эпохи гражданской войны. При всех ударах судьбы этот класс обнаружил замечательную стойкость и сумел быстро оправиться после потрясений революции.

Теперь перейдем к рассмотрению тех лагерей, на которые разделилась Англия во время гражданской войны. Начнем с роялистов.

II. Роялисты во время гражданской войны.

Области, занятые роялистами в 1643 г.—Характеристика кавалера.—Королевский двор в Оксфорде.—Королевское правительство.—Оксфордский парламент.—Финансы короля.—Интриги.—Отсутствие национального чувства.—Раздробленность военных действий.—Плохая дисциплина.—Милиция.—Безденежье.—Грабежи.

Прежде всего мы рассмотрим ту территорию, население которой стало за короля. (Мы будем иметь в виду только Англию и Уэльз, а Шотландию, бывшую для Англии почти чужой страной, мы рассмотрим отдельно.) Для роялистов война была наиболее удачна в свой первый год, и к зиме 1643 года относится наибольший захват территории королевскими войсками. Они успели захватить весь север (5 графств), весь Уэльз, весь запад (кроме Чешира) с графствами Оксфордшир и Баркшир, клином вдавшимся в центральную Англию, области, стоявшие за парламент. Эта территория по своей площади занимает около $\frac{3}{8}$ всей Англии.

Но не нужно думать, что на стороне роялистов был перевес, если они занимали более половины всей страны. Эта часть Англии была населена слабее, чем центр, юг и восток, стоявшие за парламент; население роялистических местностей было бедно, и часть его занималась скотоводством; дорог было мало. И, кроме того, эти области не представляли из себя одного целого; их разделяли на три части море, врезающееся узким и длинным заливом (Бристольский канал) в глубь острова, и графство Чешир, стоявшее за парламент. Редкое население держится особняком, защищает только свои графства и не выходит за их пределы. Эти большие роялистические области плохо могут сообщаться с континентом; они обращены не в его сторону, а в сторону дикой Ирландии. На беду роялистов флот стал на сторону парламента, так как моряки были недовольны своим приниженным положением при короле. Парламент всецело господствовал над морем. В 1643 году королеве удалось прорвать блокаду и высадиться в Англии с большими запасами для войска Карла. Но это она сделала с большою опасностью для своей жизни, так как ее корабль подвергался обстрелу. Только в 1648 г. после бунта парламентского флота появляется свой флот

у роялистов. Но тогда он уже ничего не мог сделать. И эта территория не сплошь была за короля; на стороне парламента оказались важные промышленные и приморские города: Бристоль, Лидс, Манчестер, Портсмут, Плимут, Гуль. К концу 1645 г. север потерян вследствие вмешательства шотландцев. В руках короля остаются лишь разрозненные обломки его прежних владений в Уэльсе, западных и юго-западных графствах.

Крайне важно для хода борьбы было и то, что сторонники короля потеряли столицу, т.-е. место средоточия правительства. Сторона, владевшая Лондоном, как бы стала наследницей старого правительства, так как в ее руки перешел весь административный аппарат. Король, перенесший столицу в Оксфорд, должен был заново формировать правительство.

У роялистов были и существенные преимущества: на их стороне был богатый запас лояльных чувств, накопившийся веками. Эта преданность королю и представление о том, что король и его семья—люди не обыкновенного порядка, а высшего, связаны с религиозными чувствами. Кавалер идет за королем и защищает его не потому, что он сочувствовал его делам, а потому, что это его священный долг. У Вальтер-Скотта в его романе «Вудсток» (Woodstock) есть хороший тип кавалера. Это несколько опустившийся джентльмен, веселый пьяница, который божится через каждые десять слов, человек неукротимой храбрости и полный преданности королю. Кавалерские офицеры—это представители светского духа и протеста против пуританизма и религиозной суровости. Жизнерадостность кавалеров противопоставляется пуританскому пессимизму. Не нужно преувеличивать скромность одежды пуритан и строгость их нравов; только первые два года войны пуритане ходили в темном и гладко стригли волосы, а потом и они перестали бояться пестрых одежд и стали отпускать локоны. Тем не менее даже по внешности можно отличить кавалера от пуританина. Кавалер—это веселый, стройный человек с большими локонами, перекинутыми, обыкновенно, через левое плечо, с кружевным воротничком, в шляпе с пером, в широких шароварах, в больших ботфортах со шпорами. Представление о полной иррелигиозности кавалеров неверно. В королевской армии были священники, которые каждый день совершали богослужение, а по воскресеньям служили обедни. Роялисты воодушевлены защитой своих классовых интересов. Королевский священник доктор Симонс говорил, что настоящий кавалер—это дитя чести, оплот английского дворянства и древней славы, и что он скорее похоронит себя, чем увидит унижение знати. У них своя религия лояльности: «За бога и короля Карла!».

Это дворянское классовое воодушевление имеет вес и в глазах сторонников парламента; Кромвель говорил впоследствии своему

другу Гемпдену о том перевесе, который давало роялистам их благородное происхождение и чувство чести. Вызывала насмешки изнеженность некоторых кавалеров, их пристрастие к духам и комплиентам, а также к «девяти музам». Ньюкестли называют «шелковым генералом».

Если преобладание джентльменов в войске короля поддерживало его, то оно же и губило его. У роялистов сильна кавалерия, значительно превосходящая парламентскую, но зато слаба пехота. У них слишком много генералов и офицеров. Преобладание джентльменов сказалось и в организации королевского правительства.

Мирный университетский город Оксфорд с октября 1642 года до апреля 1646 был новой королевской резиденцией. Вместе с королем переехал его двор, и Оксфорд совершенно изменил свою физиономию. Среди темных рядов профессоров и студентов теперь мелькают пестрые наряды придворных дам. В 30-х годах двор Карла I был пышным и роскошным, что оскорбляло нравственное сознание пуритан. Теперь же эта пышность еще усилилась, в Оксфорде смеялись над суровой религиозностью парламента. Эта шумная жизнь, полная блеска, интриг и флирта, не только мешала профессорам и студентам заниматься, но и неблагоприятно отражалась на ходе борьбы. Офицеры часто составляли кавалькады и приглашали на них дам. Одна такая кавалькада заехала далеко от Оксфорда и остановилась в укрепленной усадьбе, которую внезапно осадил парламентский отряд; организатор кавалькады, офицер Уиндбанк сдал эту крепость не потому, чтобы не мог защищать ее, а потому, что не хотел подвергать дам опасности. Когда в 1645 г. дела короля были плохи и ему предлагали уехать из Оксфорда на запад, дамы, не желая переезда, воспротивились, и пришлось остаться. Не без основания говорят о «взбалмошном дамском парламенте».

Вместе с королевским двором в Оксфорд переехали и королевские учреждения. Мы видим у короля Тайный совет, министров, лорда-канцлера, лорда-казначея (заведывавшего совершенно пустой казной), большую печать и судей. Когда взяли в плен Джона Лилберна, то его судили в суде Королевской Скамьи. В декабре 1642 г. умирает Master of Rolls, король и парламент назначают нового. Среди оксфордских советников есть конституционалисты, недовольные отсутствием парламента у короля. Например, Кларендон говорил, что англичане привыкли всегда идти за парламентом, и король должен вызвать в Оксфорд всех оставшихся ему верными членов Долгого парламента. Карл не любил парламента и боялся, что если он созвет народных представителей, то они станут ему мешать. Но все-таки 22 января 1644 г. собирается Оксфордский парламент: около 80 перов и около трети (175 чел.) коммонеров оказались на стороне короля. Одно время в Англии было два парламента, в Уестминстере и Оксфорде. Роялисты называли Уестминстерский парла-

мент незаконным сборищем трех палат: Городского Совета, Палаты общин и Палаты «трех» лордов. Но Оксфордский парламент не имел влияния в стране, да и королю не мог принести пользы: он был созван слишком поздно, когда дело короля уже было близко к проигрышу. Отношения между королем и парламентом были натянутые; опасения Карла, что парламент будет проверять его расходы и вмешиваться в дела, оправдались, и он спешит развязаться с парламентом; в марте 1645 г. Карл распустил его на полгода и писал королеве: «Я рад, что отделался от нашего ублюдочного парламента, этого низкого и мятежного сборища».

Такого мнения был король об этом послушном парламенте. Попытка кавалеров сохранить конституционные формы только доказала слабость их организации.

Чтобы вести борьбу, королевскому правительству необходимы были большие средства, которых у него не было. У королевского монетного двора в Шрузбери мало работы. Король долго не вводил правильного обложения страны налогами и довольствовался добровольными подарками со стороны подданных и военной контрибуцией, часто граничившей с грабежом. Только после созыва Оксфордского парламента делаются попытки более регулярного пополнения казны: парламент разрешил королю выпуск займа в 100.000 ф. и по примеру Уестминстера ввел акциз, давший, по словам Кларендона, значительную сумму. Роялистские лорды жертвовали короне очень много; самый богатый человек в Англии ерль Вустер (Worcester) снарядил на свой счет отряд в 2.000 человек и предоставил его в распоряжение короля. Богатый ерль Ньюкестльский тоже много тратил на королевские нужды, но все это не могло заменить правильного обложения страны налогами.

Оксфордское правительство во многом уступает парламентскому. Поражают порою его легкомыслие и неустойчивость. Роялисты полагали, что масса населения стоит на их стороне, ожидали, что среди парламентских войск недовольство, что они в первом же сражении положат оружие и перейдут на сторону короля. Удачи 1643 г. привели их к самомнению. Когда на сторону короля перешло несколько перов, то королева и Тайный совет грубо обошлись с ними. Но достаточно неудачи, чтобы королевские советники предали страху. Летом 1645 года лорд Дигби в отчаянии говорил, что королю придется идти на уступки, так как все ему изменяют. Достаточно небольшой удачи, и упавшее настроение двора поднимается, говорят о божьем персте и победе короля.

Королевский двор часто становится ареною интриг и раздоров. Любовь и почтение к королю вообще были тем сильнее, чем дальше от него, так как вблизи ореол божественности тускнел, и проглядывали неприглядные человеческие черты. Придворные дамы

и кавалеры вечно беспокоят короля и без церемонии просят себе всяких милостей и должностей. У короля нет денег, он может давать только титулы и такие должности, которые в данное время ничего не значат. Пагубное влияние на короля оказывала королева, женщина самоуверенная и легкомысленная, подававшая своим поведением повод к кривотолкам и сплетням, позорившим короля. Королева всюду выдвигала своих людей и мешала действиям короля. Но и сам Карл только ухудшал свое положение.

Он преисполнил веры в себя, в божественность свою и династии, в свою королевскую миссию; при нем состоит принц Руперт, его племянник, которого он считает человеком тоже высшего порядка. Руперт поэтому получает полную независимость; ему всего 23 года, но он командует всей королевской кавалерией; он, правда, храбр и талантлив, но чересчур горяч, легкомыслен и не обладает выдержкой. Полный веры в себя, Карл презирает подданных и не считает себя обязанным быть честным в переговорах с ними. Он часто начинает договариваться об одном и том же с несколькими лицами, обещает всем и потом выбирает самое выгодное для себя. Такое поведение подорвало доверие к нему и усилило убеждение, что при этом короле порядка быть не может.

Роковым для роялистов оказалось и отсутствие у них национального чувства.

Сам Карл был сын шотландца и датчанки, муж француженки, тесть голландского принца и дядя немецких. Он жил и вращался в обществе международных политических верхов и привык считаться только с ними; немудрено, что во время борьбы Карл стал искать иноземной помощи. Правда, вмешательство чужих наемных солдат поражало сознание европейцев XVI и XVII веков гораздо меньше, чем это поражает нас теперь: космополитический состав армии был тогда общим правилом. Но в данном случае англичане стоят особо: как островитяне они мало знали европейскую континентальную войну, и поэтому вмешательство иностранцев их поразило очень сильно. А у короля была целая французская бригада из трех полков, сдавшаяся в плен Ферфаксу в 1646 году. Карл, не задумываясь, ставит во главе кавалерии молоденького принца Руперта, голландца по воспитанию, приехавшего в Англию всего за год до гражданской войны. А Руперт звал на английскую службу иностранцев и в ноябре 1643 года заключил договор с одним голландским предпринимателем ван-Гездонк (van-Haesdonck), который обязался поставить ему отряд в 200 человек; половина награбленной ими добычи шла самим солдатам, $\frac{1}{4}$ Руперту и $\frac{1}{8}$ часть Гездонку.

Но гораздо большее раздражение англичан вызывалось намерением короля пользоваться услугами ирландцев. Когда после битвы при Незби парламентские войска захватили канцелярию короля

и нашли его переписку, то парламентские вожди со злорадством и негодованием узнали, что Карл желал пригласить себе на помощь ирландцев и солдат герцога Лотарингского. Они напечатали переписку, вызвавшую сильное раздражение англичан. Это намерение Карла призвать ирландцев было одною из причин, приведших его на плаху.

Двор короля оставался двором солдат, офицеров и генералов. Гражданским советникам приходится молчать. Кларендон горько жалуется, что теперь господствуют военные. Принц Руперт и другие не знают порядков государства, по которым военная власть подчинена гражданской. Но и между генералами нет единства и дисциплины. В гражданской войне вообще трудно установить единство борьбы: война раскидывается по разным местам, неприятели хорошо знают местность и врагов. В английской гражданской войне то же самое: трудно уследить за ходом военных действий, происходят мелкие сражения в разных местах, в которых сражаются ополчения графств и приходов. Война разбивается, крупные действия сочетаются с партизанскими. Как мы уже знаем, многие усадьбы укреплялись: вокруг Ноттингама было до 7 таких укреплений, а вокруг Оксфорда, резиденции короля—до 18. Бывало, что сражались женщины, защищая свои родные дома. Графиня Дерби героически защищает усадьбу Lathomhouse. Но эта многочисленность укреплений только разбивала войска противников на мелкие отряды, были даже проекты не защищать такие крепости, чтобы концентрировать силы.

Но и помимо этого было мало дисциплины; многочисленные джентльмены не желали служить солдатами, а лезли в офицеры и генералы. Число независимых частей было велико, но они были малы по составу. В битве при Незби участвовала кавалерийская бригада из 8 полков, но в ней было всего 880 чел. Часты случаи нарушения дисциплины. Принц Руперт, пользуясь тем, что он племянник короля и подчинен только ему, не считался с другими генералами. С своей кавалерией он напал на неприятельскую, опрокидывал, далеко уезжал, преследуя ее, и спокойно занимался грабежом неприятельского обоза; а между тем парламентская пехота билась королевскую и таким образом выигрывала сражение. Таким образом король проиграл битвы при Эджилле, Мерстоне и Незби. Превосходство роялистской стратегии в 1643—1644 г.г. не дало плодов отчасти из-за недостатка дисциплины. В апреле 1645 г. было приказано генералу Герингу прикрывать своим отрядом войска, осаждавшие Таунтон. Но он послал свой отряд совершенно не туда, а сам уезжал в курорт лечиться. В декабре 1642 г. один капитан пишет Руперту: ваши офицеры ни в чем не хотят слушаться, а их примеру следуют солдаты. Молодые офицеры, желая отличиться, лезут вперед без приказаний и ставят свои отряды в тяжелое положение. После битвы при Незби победители одина-

ково дивились и мужеству кавалеров и отсутствию у них дисциплины.

Было и еще условие, влиявшее на ход борьбы: это местный патриотизм милиции (trained bands), сыгравший крупную роль в судьбах обоих противников, но больше повредивший королю, так как в местностях, стоявших за него, жило довольно дикое население. Обоим противникам приходилось прибегать к местным ополчениям, к милиции графств. Милиционеры храбро бились в своем графстве, но ни за что не желали выйти за его пределы. Жители полудикого юго-западного графства Корнуоль (Cornwall) еще в 1642 г. выгнали от себя всех сторонников парламента, но отказались идти за границу графства. Сходные явления были и в графстве Йоркшир. Там милиция очень усердно помогала королю. В 1643 г. с ее помощью роялисты стали хозяевами графства, и уже был выработан хороший стратегический план наступления на Лондон с трех сторон. Но милиция графства отказалась выступать до тех пор, пока не будет взята парламентский город Гуль (Hull), представлявший угрозу для йоркширских деревень. Пришлось осаждать Гуль, его осада затянулась, и удобной момент был упущен.

Королевское войско страдает от безденежья и недостатка оружия и одежды. С первых же дней королю приходится прибегать к хитрости, чтобы вооружить своих солдат: он занимает под свое честное королевское слово оружие у милиции и обещает возвратить его, когда мир в королевстве будет водворен. Уже весной 1643 года у короля не хватает оружия и снарядов, и только королеве с трудом удалось привезти их из-за моря. Когда в Шрузбери пришли под королевский стяг полудикие уэльшские мужики и пастухи Шропшира, вооруженные вилами, косами и серпами, то королевские офицеры не могли дать им настоящего огнестрельного оружия, так как у них самих его не было. В декабре 1642 г. принц Руперт получил донесение, что многие отряды в крайней нужде, у многих нет одежды и обуви и нет денег, чтобы заплатить за ковку лошадей.

Эта нужда неизбежно ведет к мародерству и грубому грабежу. Грабят обе стороны, но упреки в грабежах тяжелее ложатся на кавалеров. Военное право XVI и XVII века несколько отличается от современного. Взять штурмом город и разграбить его тогда считалось вполне законным. Нейтральное население часто отдавалось на разграбление солдатам. После взятия города солдаты имели «законное право» грабить его три дня; если же главнокомандующий войска, которое шло на штурм города, почему-либо щадил его, то должен был выдавать солдатам «штурмовые деньги»; так, например, это было во время штурма Бристоля. Иногда штурмовые деньги платились даже в случае сдачи города. Население охотно выплачивает штурмовые деньги, чтобы избавиться от грабежа.

Особенно худой славой за свои грабежи пользовался принц Руперт, которого прозвали принц «Robber», т.-е. грабитель, хотя для себя Руперт не грабил. Руперт был воспитан в суровой континентальной военной школе и привык, что «война должна питать войну». В 1642 году, только две недели спустя после начала войны, Руперт от имени короля потребовал у мэра города Лейстера 2.000 фунтов займа, грозя, что если эта сумма не будет выплачена ему через день, он явится к городу с кавалерией, пехотой и артиллерией и докажет, что благоразумней повиноваться. Испуганный мэр выслал Руперту 500 фунтов, тот выдал расписку в получении их и согласился подождать остальную часть. Узнав об этом «займе», король стал отрекаться от него и позволил жителям остальную часть не выплачивать; дело в том, что Лейстер еще не стал решительно на сторону парламента, и король надеялся склонить весы в свою сторону. Слава Руперта была так плоха, что уже в начале 1643 года он вынужден был напечатать декларацию, в которой обещал своим солдатам; он говорил, что его солдаты не чинят насилия над мирными жителями, а только отбирают деньги и оружие у врагов короля. Еще хуже слава его брата, принца Мориса. Солдаты часто грабят и своих. В 1643 году ерль Норзэмптон, истративший значительную часть своего состояния на королевское дело, с негодованием говорил, что конница Руперта разграбила его держателей. Один из офицеров Руперта лорд Уентуерс в мае 1643 года писал Руперту, что ему удалось мало наградить, но зато жителям внушен страх перед королем. В одной деревне крестьяне не захотели выдать оружие и заперлись в церкви; тогда Уентуерс приказал сжечь всю деревню. «Если ваше высочество,—писал он,—думаете, что мы жестоко обошлись с ним, то я надеюсь на ваше извинение, так как иначе поступить было нельзя».

Некоторые крестьяне, которые по своим воззрениям должны были бы стать за короля, отшатнулись от него, напуганные жестоким обращением его офицеров. Умеренные роялисты горько чувствовали растущую дезорганизацию и жаловались на нее. Кларендон оставил нам свой суровый приговор над роялистскими войсками: «Королевские войска предались своеволию, распущенности, нечестию, тем порокам, в которых они обвиняли раньше мятежников; а те, наоборот, отличаются старанием, дисциплиной и трезвостью... Одна сторона борется за монархию орудиями мятежа, а другая стремится сокрушить короля и правительство теми принципами порядка, которые должны бы отличать монархию».

Теперь мы перейдем к сторонникам парламента, к людям, даже по отзывам противников, сумевшим создать крепкую организацию.

III. Парламентская армия и местное управление в 1642—1646 г.г.

Формирование армии.—Роль джентльменов.—Комитеты графств и ассоциации. Кромвель.—Недостатки парламентской армии.—Кромвель и индепендентство. Борьба с умеренными в армии и парламенте.—Новая Модель.—Ее организация и настроения.

Парламенту удалось прийти к порядку не сразу, и в начале гражданской войны его силы были не лучше королевских. С самого начала борьбы парламент решил организовать несколько армий и вести войну в крупном масштабе. Его главная армия была под начальством лорда Эссекса; в сентябре 1642 г. в ней числилось 20 пехотных полков, по 1.200 чел. каждый, и 7 кавалерийских полков (около 5.000 человек). В октябре решили сформировать еще одну армию под начальством Уорика, куда должна была войти лондонская милиция (ок. 16.000 чел.). На севере Англии была сформирована третья армия в 6.000 чел. под начальством лорда Ферфакса. Во второй год борьбы формируются еще новые отряды.

Но одно дело решить завести войско, а другое — комплектовать его. Англичане не были привычны к войне, и организовать им армию было довольно трудно. Было три способа получить солдат: ополчение графств, добровольный и принудительный набор. Парламент пользовался всеми тремя способами. Он дает своим комитетам в графствах поручения организовать добровольческие роты и эскадроны и при этом посылает им субсидии. Есть известия, что население охотно шло на войну. Ремесленным ученикам служба засчитывалась в ученичество. Лондонский подмастерье Уортон (Wharton), потом сержант парламентской армии, писал, что хозяин уговаривал его пойти на военную службу, хозяйка подарила ему шарф, старая служанка плакала от радости. Но дело не обошлось волонтерами и ополчениями графств, и уже в августе 1643 года парламент приказал набрать в солдаты 22.000 человек. Даже когда стала формироваться Новая Модель, то и туда иногда брали силой. По словам Ледло, случалось, что роялист попадал по набору в парламентскую армию.

На стороне короля оказалось большинство джентльменов, и это обстоятельство облегчило ему организацию. На первый взгляд казалось бы, что в парламентской партии преобладание должно принадлежать другим общественным классам, например, городскому, торгово-промышленному. Но на деле это предположение оказывается ошибочным. В парламентской армии тоже преобладали дворяне, но не с таким перевесом, как в армии роялистов. Привычный руководитель жизни приходов и графств, деревенский скуайр не отказался от своей роли и во время гражданской войны. В декабре 1642 г. шериф графства Ноттингам, роялист, приглашает парламентских джентльменов и всех мировых судей на совещание о способах сохранить мир в графстве и обеспечить личную и имущественную безопасность. Но сторонники парламента побоялись приехать в указанное место и зовут к себе, в парламентский город Ноттингем. Несмотря на любезные письма, съезд не состоялся. Так междоусобие не сразу торжествует над сознанием единства джентльменского класса и его призвания руководить сообща местной жизнью.

Вожди парламентской армии набирались из скуайров. В армии Эссекса из числа 20 полковых командиров было 10 перов, 4 рыцаря или баронета. После разрыва с королем в графствах образуются комитеты из скуайров для организации военных сил. Но в некоторых графствах почти все скуайры были на стороне короля и в парламентские комитеты графств приходилось поэтому назначать людей худородных. Г-жа Гетчинсон (крайняя индепендентка) в своих мемуарах пишет, что хотя в Ноттингамшире большинство джентльменов и стало на сторону короля, но все-таки первый голос в собраниях комитетов принадлежит джентльменам. Любопытно то презрение, с которым Гетчинсон относится к худородным людям, заседавшим в Ноттингамском комитете. К одному из них, мистеру Ломакс (Lomax), г-жа Гетчинсон относится еще ничего себе, так как он все-таки «мистер» и очень честный человек. Среди членов комитета был один худородный, но видный человек, которым надо было бы дорожить. Это мэр города Ноттингам Джонс (Johnes), единственный из семи ольдерменов не ставший на сторону короля. Но г-жа Гетчинсон отзывалась о нем так: «это очень честный человек, но ума он имеет не больше, чем обыкновенный горожанин: ему помогает жена, очень умная и храбрая женщина, которая имеет больше ума, нежели это бывает у женщин из городского сословия».

Но во многих графствах, решительно ставших на сторону парламента, безусловно преобладают дворяне. Это мы видим и в графстве Кембриджшир, откуда был Кромуэль. В тамошнем комитете графства, в руках которого была сосредоточена большая власть, заседали все люди породистые, баронеты, рыцари, а в комитете соседнего граф-

ства Линконшира были даже и перы. Когда Кромуэль пишет им письма, то обращается к ним: «милорды и джентльмены». Душою Кембриджского комитета был Кромуэль, тогда еще незаметный деревенский скуайр.

Прадед Оливера Кромуэля Ричард был племянником Томаса Кромуэля, знаменитого министра Генриха VIII, человека, который сильно способствовал падению католицизма в Англии. Ричард Кромуэль во время секуляризации монастырских владений захватил себе порядочный кусок земли. Семья Оливера Кромуэля принадлежала к младшей линии и была среднего достатка, так как два поколения успели уже порядочно спустить дедовское наследство. Оливер Кромуэль учился в университете в Кембридже, но не получил степени, потом некоторое время был в Лондоне, где изучал право в Линконском подворьи и где женился на дочери богатого купца, за которой получил хорошее приданое. Его отец был членом парламента при Елизавете и мировым судьей у себя на родине. Оливер Кромуэль был избран членом от города Гентингдона в третий парламент Карла I, где проявил себя сторонником пуританства. Вскоре он был избран мировым судьей в графстве Гентингдоншир. Когда дядя жены оставил ему наследство, то он перебрался в Или (Кембриджшир). Кромуэль пользовался популярностью среди населения, так как он заступился за крестьян, когда известный осушитель болот Бедфорд хотел отобрать у них общинные земли. За это он был назван в роялистском памфлете 1643 г. «лордом болот». Кромуэля выбирали от города Кембриджа и в Короткий, и Долгий парламент. Пока это все еще незаметный молчаливый скуайр, но неутомимый работник. В первую сессию парламента он заседал в 18 комиссиях. У Кромуэля большие связи в парламенте. Там у него 17 родственников и свойственников и в том числе такие видные люди, как Гамден, двоюродный брат, и Сент-Джон, муж двоюродной сестры. Выдающееся положение Кромуэля в парламенте обуславливалось не только его личными качествами, но и большими знакомствами и хорошим положением в своем сословии.

Характерна та подвижность, с которой джентльменский класс приспособился к новым условиям, условиям войны. Англичане давно не видали войны, но тем не менее джентльмены быстро превратились в военных. Кромуэль не имел военной подготовки, но быстро втянулся в военную жизнь. В архивах палаты общин сохранилось известие, что 15 июля 1642 г. мистер Кромуэль внес предложение о том, чтобы жители Кембриджа имели право сформировать 2 роты волонтеров. Кромуэль уже истратил сам на вооружение их 100 фунтов, которые парламент ему и вернул. В 1642 году он подписал на подавление ирландского мятежа 300, а по другим, более верным, сведениям 500 фунтов, то-есть, вероятно, весь свой

годовой доход. Кромвель развивает свою деятельность и в провинции. В августе 1642 года он помешал Кембриджскому университету отдать свое серебро на сумму 20.000 фунтов королю. В сентябре Кромвель уже капитан и командует одним из 80 эскадронов армии Эссекса. Этот эскадрон является зачатком «железнобоких». Будучи командиром эскадрона, Кромвель в то же время остается членом парламента и принимает участие в его работе; кроме того, он заседает в комитетах графств Кембриджшир и Гентингдоншир. В январе 1643 г. он поднимает вопрос о том, как бы отдельным графствам соединиться в ассоциации, и пишет об этом Норфокскому комитету. Эта идея встречает сочувствие: к 1645 году вся Англия покрывается сетью ассоциаций. Не все они жизнеспособны, но некоторые ассоциации сильно выдвинулись в борьбе с королем; особенно прославившаяся из них — это Восточная ассоциация с центром в Кембридже. Кромвель был членом ее комитета и душою всей ассоциации.

В гражданской войне сказалась крепость местной организации, которая облегчила парламенту дело формирования армии. Но все же было много трудностей, которые парламенту удалось одолеть только к 1645 году с организацией Новой Модели. В первое же время борьбы у парламентской армии много недостатков, не меньше, чем у королевской.

Главный недостаток парламентской армии — это слабость кавалерии. Здесь сказался социальный состав обеих армий. Затем парламент ослаблялся и местным патриотизмом ополчений — фактор, еще больше повредивший королю. Члены Ноттингамского комитета недовольны, что из города увозят пушки. Даже лондонское ополчение, самое лучшее, не всегда слушалось распоряжений начальства. В 1643 году лондонцы спасли парламентское дело; после форсированного марша они одержали победы при Глостере и Ньюбери. Но после битвы при Ньюбери они отказались больше воевать и спешат домой. Шотландец Бели, наблюдавший английское войско, плохо отзывался о милиционерах, которые не могут побыть вне дома больше, чем один месяц.

Сказался и недостаток средств. Правда, у парламента было гораздо больше денег, чем у короля, но содержание его больших армий стоит очень дорого. Часто не хватает денег для провинциальных комитетов. Уже в январе 1643 года Ноттингамский комитет жалуется, что из парламентских ассигновок он не получил до сих пор ни одного пени. И ассигнованные парламентом этому комитету в 1644 г. 1.000 ф. не дошли по назначению. Кромвель часто хлопотал о высылке задерживаемого жалованья солдатам и офицерам. Летом 1643 года ему выслали деньги, но их не хватает на то, чтобы обмундировать половину солдат. К осени 1644 г.

недоплаченные суммы дошли в Восточной ассоциации до 30.000 ф. Еще осенью 1643 г. Восточная ассоциация жалуется, что солдаты раздеты и ставить их на посты — значит убивать их. Неуплата жалованья вызывала ропот солдат и упадок дисциплины; Манчестер жаловался, что его солдаты гораздо страшнее ему самому, чем врагам.

На первых порах и парламентские солдаты грабят и бесчинствуют. Когда парламентские солдаты проходили через религиозную столицу Англии Кентербери (Canterbury), то они ворвались в собор, ограбили его и надругались над изображением спасителя; когда же они шли через Лондон, то грабили дома богатых роялистов. Г-жа Гетчинсон жалуется, что офицеры не мешают парламентским солдатам бесчинствовать, грабить как роялистов, так и «честных людей». И здесь солдаты плохо различали своих и неприятелей.

Сохранилось описание грабежа взятой штурмом в 1643 году усадьбы роялиста маркиза Уинчестера (Basing-House). Солдаты сначала вытащили и разграбили самое дорогое: золото, серебро и драгоценные камни; потом они стали продавать хлеб из амбаров соседним жителям; затем солдаты вытащили и продали мебель, рамы, дверные приборы; когда вся движимость была разграблена и свезена, солдаты раскрыли железную крышу и стали продавать ее по листам. Разграбленную усадьбу они подожгли; таким образом менее чем через сутки от одной из самых богатых усадеб Англии остались лишь стены и трубы.

Солдаты нередко бунтуют. В мае 1643 года Кромвель просил у жителей гор. Кольчестера денег, иначе «драгуны и пехота готовы взбунтоваться». Особенно сильно бунтовали войска Уоллера (Waller). В 1643 г. он безуспешно осаждал Basing-house (взятый и разграбленный в 1645 г.). Осада была неудачна, потому, что не получавшие жалованья солдаты отказались повиноваться; лондонское ополчение с криками «home, home» (домой, домой) ушло восвояси. В 1644 году тот же Уоллер жалуется на полное отсутствие дисциплины среди лондонского ополчения; а солдаты ген-майора Брауна даже били своего командира. «С такими людьми — говорит Уоллер, — воевать нельзя. На этом свете им место на виселице, а на том — в аду». Уоллер очень несчастен в своих людях: в 1645 г. его отказалась признать своим командиром кавалерия, «хотя бы ей были даны все деньги Англии». В феврале 1645 г. дезертиры сотнями слоняются под Лондоном.

Недостаток дисциплины и разбросанность войск вредят и парламенту. У него тоже, как и у короля, есть отдельные крепостцы-усадьбы, хотя и в гораздо меньшем количестве; но их все-таки, приходится оборонять. У парламента нет хороших стратегов, которые могли бы потягаться с королевскими; нет единства командова-

вия, и чем дальше, тем хуже. К личным столкновениям генералов примешиваются религиозные и политические разногласия. В 1644 г. Эссекс и Уоллер должны были действовать совместно, но Эссекс бросил Уоллера и один пошел в Корнуоль; там его войско попало в ловушку и сдалось. Особенно сильны были разногласия после 2-й битвы при Ньюберри (окт. 1644 г.). Манчестер слишком поздно пришел на помощь, а после битвы отказался преследовать короля совместно с Уоллером и Кромвэлем, и тем не довершил его поражения. Когда в 1644 году парламент велел Эссексу и Манчестеру идти на запад, то Манчестер дерзко отказался: «Мое войско набрано в Восточной ассоциации для охраны ассоциации. Парламент не может распоряжаться им без ее ведома». Эссекс отвечал парламенту, что он готов идти, но у него не хватает на поход ни денег, ни оружия.

К концу 1644 года ясно обнаружилась необходимость реформы. До сих пор расходы по армии ложились большею частью на комитеты ассоциации и графств; но в ноябре 1644 г. Восточная ассоциация заявила, что она более не может содержать свою армию. Еще летом Уоллер говорил о необходимости реорганизации армии. В декабре Кромвэль высказался в палате общин по этому вопросу: «Если армия не будет устроена другим образом, а война не будет поведена более решительно, то народ не сможет более переносить ее и заставит вас принять позорный мир». Вопрос о реформе войска был поставлен на обсуждение в парламенте и привел к организации Новой Модели.

Реформе предшествовало сильное религиозное движение, связанное главным образом с армией Кромвэля. Войско Кромвэля часто называется «железнобокими». Происхождение этого названия таково: после битвы при Мерстоне (Marston) Рупер назвал Кромвэля железнобоким; вскоре этого название от начальника перешло и к подчиненным. В августе 1643 г. Манчестер назначается командующим войсками Восточной ассоциации. Кромвэль — один из его четырех кавалерийских полковников, а вскоре и помощник Манчестера. Сознание того, что у Кромвэля какое-то особое войско, рано появляется у современников. Умеренный парламентский юрист Уайтлок говорит: «Полковник Кромвэль имеет храбрый кавалерийский полк, составленный из его земляков, большею частью фригольдеров и их сыновей; они сознательно относятся к войне и, будучи хорошо вооружены, будут крепко стоять, как один человек, и сражаться отчаянно». И сам Кромвэль не отрицает того, что он набирает людей особого духа; в сентябре 1643 г. он писал Сефокскому комитету: «Будьте особенно осторожны при назначении кавалерийских капитанов; пусть будет немного честных людей, чем многие... Я бы советовал вам назначать благочестивых, честных людей, ибо

честные люди за ним последуют. Я бы предпочел простого офицера, вышедшего из нижних чинов, лишь бы он знал, за что он сражается, и сочувствовал этому, чем того, кого вы называете джентльменом и у которого нет больше никаких других достоинств. Я уважаю лишь истинное благородство».

Это направление нельзя назвать демократическим; Кромвэль не демократ. Это скорее аристократия, но в новой плоскости; аристократия честных, религиозных людей, избранных благодатью божьей. Рядом с традиционной аристократией Кромвэль выдвигает идеал христианской аристократии.

В 1643 и 1644 г.г. Кромвэлю не один раз приходится обелять своих последователей. В сентябре 1643 г. он просил у парламента денег через Оливера Сент Джона и писал ему: «Мои отряды увеличиваются. У меня отличное войско. Вы бы уважали его, если бы знали. Они не анабаптисты, а честные трезвые христиане, которые желают, чтобы с ними обращались, как с людьми». В октябре того же года он писал в комитет соседнего графства Эссекс и просил денег для своих солдат, которые во всем нуждаются, но не грабят: некоторые стараются заклеить моих солдат прозвищем анабаптистов, но они просто честные люди, боящиеся бога и полные веры в него». Кромвэль деятельно вступает за своих людей. Один из его подчиненных, генерал-майор Крауфорд, отстранил от должности одного подполковника. Кромвэль спрашивает Крауфорда, за что пострадал такой верующий в дело человек: «Не за то ли, что он анабаптист? уверены ли вы в этом? Допустим, что он даже анабаптист, но разве это делает его неспособным служить обществу? Будьте осторожны, не преследуйте тех людей, с которыми вы не сходитесь в религии».

Здесь перед нами уже требование религиозной свободы, правда, сначала только для солдат. В сентябре 1643 г. Кромвэль писал Сефокскому комитету: «Некоторые недовольны, что капитанами кавалерии назначаются простые люди. Было бы хорошо, если эти должности занимались бы людьми знатными от рождения. Но что же они не являются, кто им мешает? Работа должна исполняться, хотя бы и простыми людьми».

Вскоре конфликт между разными течениями принял острую форму и привел к парламентскому поединку между Кромвэлем и Манчестером. Последний ставил в вину первому его слова: «Я надеюсь дожить до такого дня, когда в Англии не будет больше знатных... Я предпочитаю некоторых людей другим, потому что они не любят лордов». Некоторые свидетели во время парламентского расследования показывали, что Кромвэль желал дождаться того времени, когда лорда Манчестера можно будет звать просто «мистер Монтегью».

Здесь перед нами поворотный пункт в истории английской революции: кончается ее первый период, период эрастианства и преобладания джентльменов. Новое течение нельзя назвать демократическим; осторожнее будет обозначить его как бессословное или всесословное. Это новое течение встречает противовес в английских политических и социальных порядках; оно относится пренебрежительно к господству английских привилегированных слоев и требует безусловной религиозной свободы.

Разногласие, вызванное образованием такой новой группы, усложнило революционный процесс и уже в сентябре 1644 г. разделило парламентских генералов. Шотландец Бели так писал об армии Восточной ассоциации: «Армия Манчестера раскололась. Генерал Манчестер, человек мягкий, позволил генерал-лейтенанту Кромвелю руководить армией, как он хочет; это умный и энергичный человек, пользующийся большой популярностью, но, будучи индипендентом, он привлекает к себе солдат, которым нравится новое религиозное направление». Люди более умеренные в религиозных и политических взглядах начинают бояться Кромвеля, и один из его противников с презрением, но со страхом, так отзывается об его войске: «Посмотрите на его кавалерийский полк, что за сборище благочестивых людей; они возили навоз на телегах, прежде чем стали капитанами; некоторые из них говорят, что им были видения и откровения. Посмотрите на полк Флитвуда, что за скопище проповедующих офицеров и солдат. Если сказать правду, то вся наша кавалерия такова». Другие сочувственно отмечали наличие особого духа в кавалерии Кромвеля; один политический листок того времени говорит о строгой дисциплине в его полках и о хорошем подборе офицеров.

Кромвель с негодованием отвергает обвинения в политической интриге. В сентябре 1644 г. он писал в Лондон одному члену парламента: «Нас обвиняют в том, что мы мятежники, что мы желаем силой поддержать свои религиозные мнения. Сам бы я никогда не стал оправдывать эту войну, но я опираюсь на авторитет парламента и поддерживаю его права». Кромвель все еще пытается остаться на старой точке зрения и, выступая 9 декабря 1644 года в палате общин, говорит так: «Я могу сказать о моих солдатах, что они смотрят не на меня, а на вас; и за вас они будут стараться и умирать, они не обоготворяют меня, а преследуют ту цель, из-за которой идет война. Вы можете отдать им любой приказ, и они исполнят его».

Но вместе с этим Кромвель требует для себя и для своих солдат религиозной свободы, и чем дальше, тем его требования звучат все громче и громче. По настоянию Кромвеля, его друг Сент Джон внес в парламент «Accommodation order» (закон о приспо-

соблени), заключающий в себе попытку примирения новых религиозных направлений с господствующей религией.

14 июня 1645 г. Кромуэль так писал парламенту о победе при Незби: «Честные люди вам сослужили верную службу в этом деле. Я молю вас, ради бога, не доводите этих людей до отчаяния. Люди, которые рискуют своей жизнью за свободу родины, казалось бы имеют право питать веру в бога относительно своей совести». 14 сентября 1645 г., после сдачи Бристоля, в котором сидел Руперт, Кромуэль вновь пишет парламенту и требует свободы совести: «Все это несомненно дело руки божией. Надо быть настоящим атеистом, чтобы отрицать это... Пресвитериане, индепенденты, все проникнуты единым духом веры и молитвы... Все верующие представляют действительное единство... Что же касается внешнего единообразия, то каждый христианин будет стараться о нем, насколько его совесть позволит ему ради общего мира. А от братьев он не ждет принуждения в делах духа...»

Эти призывы к религиозной свободе совпадают с требованиями решительной военной реформы и приводят к борьбе, которая окончилась победой индепендентов.

Протагонистами этой борьбы выступили Кромуэль и Манчестер.

За схваткой вождей крылось столкновение больших партий. Манчестер боялся решительной победы своих собственных солдат. После 2-й битвы при Ньюбери он в военном совете протестовал против предложенного Кромуэлем преследования короля. «Если мы побьем короля 99 раз, — говорил он, — то и тогда он все-таки останется королем, равно как и его потомки. Но стоит королю только раз победить парламентское войско, и тогда он всех нас перевешает, и наши потомки будут рабами». Кромуэль горячо ответил ему. «Если это так, то зачем же нам было поднимать оружие с самого начала. Тогда лучше заключить мир, хотя бы на позорных условиях». Из военного совета Кромуэль перенес этот конфликт в парламент. В ноябре 1644 г. в палате общин он требовал отчета у генералов, бившихся при Ньюбери. Он резко нападал на умеренных генералов, главным образом на Манчестера. Кромуэль критиковал его не только как стратега, но и как человека, держащегося нерешительных политических взглядов, опасющегося решительной победы. Манчестер подал палате лордов письменный ответ на это обвинение, где в свою очередь не только защищался, но и нападал на Кромуэля, которого тоже обвинял и со стратегической и с религиозно-политической точки зрения. Он обвинял его в организации особой политической партии, которая ненавидит и шотландцев, и пресвитериан, и знатных. Умеренные люди думали, что отпор, данный Манчестером Кромуэлю, заставит последнего сократиться. Бели, представитель шотландцев, ликовал заранее, что «этот любя-

мец сектантов (т.-е. Кромуэль) будет устранен из армии, и сила этой могучей партии будет сломлена». Шотландские делегаты решили ковать железо, пока горячо, и повели интригу против Кромуэля. В декабре ими было устроено совещание со своими английскими единомышленниками в доме Эссекса; был поднят вопрос, нельзя ли начать против Кромуэля обвинение в измене за возбуждение им вражды между двумя королевствами — Англией и Шотландией. Приглашенные в качестве экспертов, юристы указали на недоказуемость подобного обвинения и опасность его в виду того влияния, каким пользовался Кромуэль и в нижней и в верхней палате.

Эти интриги ускорили решимость Кромуэля; в декабре 1644 г. он потребовал у парламента принятия решительных мер в военном деле. «Время вывести нацию из полумертвого состояния, — говорил он, — и скорее покончить с войной, иначе народ возненавидит парламент и будет говорить, что его члены нарочно растягивают борьбу, чтобы дольше продержаться у власти». Свою речь Кромуэль закончил приглашением оставить обвинения против личностей и призывом к патриотизму. Тогда один член парламента пресвитерианин Тэт ответил на упреки Кромуэля предложением, получившим название «ордонанс о самоотречении» (Self denying ordinance). Оно заключалось в том, чтобы ни один из членов обеих палат во все время войны не занимал никакой должности по назначению парламента. Палата общин приняла это предложение почти единодушно. Умеренные (Бели) недоумевали, какова истинная подкладка этого ордонанса, и к чему он может повести. Палата лордов отказалась принять этот ордонанс как враждебную себе меру, которая может вызвать большую путаницу при предстоящей военной реформе. Лорды хотели иметь своих людей во главе реформированной армии. В январе и феврале 1645 г. проходит через обе палаты акт о реформе армии. («Ордонанс о Новой Модели».) Командующим реформированной армией нижняя палата назначает нейтрального Ферфакса. Вскоре после этого обе палаты приняли ордонанс о самоотречении во второй более смягченной редакции. Все члены обеих палат должны были отказаться от каких бы то ни было гражданских и военных должностей, которые они занимали по назначению парламента. Но акт допускал их переназначение и новые назначения.

После этого умеренные генералы Эссекс, Манчестер, Денби, Уорвик принуждены подать в отставку. Впрочем, после реформы армии и назначения Ферфакса они и так остались генералами без войска. В июне 1645 г. совет реформированной армии просил назначить в помощники Ферфаксу Оливера Кромуэля, и, несмотря на нежелание верхней палаты, палата общин назначает его генерал-лейтенантом Новой Модели.

Актом о Новой Модели была произведена коренная реформа военного дела. Был установлен постоянный комплект войск, определен бюджет для содержания новой армии, и указаны для него ресурсы. Было введено единство командования. Правда, наряду с Новой Моделью оставались и другие отряды, но к 1647 году они либо исчезают, либо попадают под командование Ферфакса.

На организации Новой Модели мы теперь и остановимся. Не следует представлять Новую Модель как собрание сектантов-фанатиков. Старые солдаты составили половину пехоты и больше половины кавалерии; остальные попали в армию по набору. По Бакстеру, среди них много бывших королевских солдат. Не надо также думать, что Новая Модель была сразу проникнута особым новым духом. Тысячи людей набирались в нее силой, буйствовали. Кентские рекруты грабят, их умирляют вооруженной силой. То же мы видим в Гертфордшире. Ферфакс жалуется на дезертирство. Но все же эта армия построена на совершенно новых началах.

Прежде всего это постоянное войско с постоянным бюджетом. Численность его колебалась от 30 до 70 тысяч. На содержание Новой Модели было введено особое обложение, ежемесячно выплачиваемое графствами. Месячный бюджет Новой Модели был определен в 56 тыс. ф.

Но парламент не имел возможности платить своей армии жалованье полностью. Сначала только офицерам, а потом и солдатам парламент стал выдавать деньгами только половину жалованья, а на остальную половину стал выдавать государственные обязательства debentures. К концу 40-х годов в армии развилась биржевая игра, так как курс этих «государственных обязательств» колебался.

Этими же обязательствами расплачивались за принудительный военный постой и за реквизиции. Солдаты роптали на недоплаты, и в 1647 г. на этой почве происходят серьезные беспорядки.

Следует обратить внимание на техническую сторону произведенной перемены. Военная реформа 1645 года внесла перемену главным образом в организацию кавалерии, так как парламентская пехота и раньше была не хуже королевской. Оливер Кромвель выдвинулся как кавалерист; сначала он командовал эскадронами, а потом был помощником главнокомандующего и главнокомандующим парламентской кавалерии. Железнодорожники составили ядро новой кавалерии. Главным преимуществом королевской кавалерии было усвоение ею тактики Густава Адольфа. Кавалерия не тратила времени на малополезную стрельбу, а сразу нападала на неприятеля развернутым строем, атаковала его с фронта и с обоих флангов. Постепенно Кромвель заимствовал их тактику, и благодаря этому его кавалерия и сравнялась с королевской. У кавалеристов обычно своя лошадь и оружие. Это — самый грамотный и сознательный эле-

мент среди солдат. Чтобы развить железную дисциплину в своей войске, Кромуэль не мог полагаться на одно религиозное возбуждение, приходилось принимать крутые, порой даже жестокие меры. Офицеры имели право бить нижних чинов. Телесные наказания по суду в Новой Модели были очень развиты: солдат били розгами и гоняли сквозь строй. Повидимому, эта дисциплина принесла плоды. В 1645 г. корнуольцы были поражены, что парламентские солдаты не грабят. В судебном отношении парламентские офицеры и солдаты были подчинены только военному суду, несмотря на протесты парламента, который желал подчинить их обычному гражданскому суду.

Новая армия несомненно демократичнее старой. Талантливый рядовой, как это потом было и в французской революционной армии, мог дослужиться до офицера и даже до генерала. Были генералы, вышедшие из простых солдат, по большей части кавалеристов: из кавалеристов же были и солдатские депутаты-агитаторы, сыгравшие видную роль во время революционной борьбы 1647 года. Из них Сексби вышел в полковники, Аллен — в генералы. Из 37 генералов и полковников Новой Модели было 9 перов, 21 джентльмен и 7 людей более низкого происхождения. Полковник Прайд, произведший «чистку» Долгого парламента, был подкидышем и раньше промышлял извозом. Другой полковник Рейнсборо (Rainsborough) прежде служил шкипером на коммерческом судне, Гаррисон был простым писцом у адвоката, а Гьюсон башмачником. Еще больше было худородных в более низких офицерских чинах.

При назначениях не смотрят на возраст; сплошь и рядом попадают молодые полковники в 25 лет, а самому главнокомандующему генералу Ферфаксу было 33 года.

В новой армии поражал наблюдателей новый религиозный дух. Бели жаловался на то, что умеренных нарочно выгоняли из армии, а ее укомплектовывали людьми крайних религиозных направлений. Мы имеем любопытные отзывы о Новой Модели пресвитерианина Бакстера. Он ужасается распространению в этой войске радикальных религиозных настроений. Летом 1645 г. Бакстер нарочно поступил капелланом в один из полков Новой Модели, чтобы вести пропаганду против индепендентов. Его воспоминания объясняют нам, как подготовилось выступление Новой Модели в 1646 и 1647 годах.

По словам Бакстера, сектантов в армии немного, не более $\frac{1}{20}$ всего состава. «Большая часть солдат, особенно пехотинцев, — невежественные люди, равнодушные к религии, идущие по указке офицеров. Много солдат и не мало офицеров осталось трезвыми, честными и правоверными людьми, да и остальные готовы слушать слово истины. Но небольшая кучка гордых, тщеславных и запаль-

чивых сектантов заняла все высшие места, пользуется особым расположением Кромвэля и своей горячей энергией подчиняет или увлекает остальных, и составляет душу армии; главную их силу представляет конница Кромвэля, Уолли и Рича». Среди сектантов преобладают индепенденты и анабаптисты, есть антиномиане и арминиане. Главный предмет их диспутов — религиозная свобода. Все горячо стоит за терпимость, за полное невмешательство государства в церковную жизнь, за предоставление каждому верить и проповедывать, как он хочет.

Парламент вел свою борьбу с королем под флагом верноподданства и преданности. Но Бакстер отмечает, что сектанты Новой Модели зовут короля тираном и желают его убить, если к тому представится случай. Они смеются над умеренными и предлагают им пойти к королю с повинной. В разговорах крайних слышатся и ноты социального недовольства; они поднимают вопрос о приращенных правах англичанина. Кто эти лорды, бароны и рыцари, говорили они, как не полковники, майоры и капитаны Вильгельма-Завоевателя? Теперь пришла пора и народу завоевать все права и вольности себе. Кромвэль и его совет не примыкают ни к какой особой секте, но стоят за свободу всех.

Надежды Бакстера на успех умеренной пропаганды не оправдались. Меньшинство сектантов скоро превратилось в большинство; Эдуорде жалуется, что умеренных выживают из армии. Мы легко можем судить о числе умеренных офицеров и солдат, безусловно стоявших на стороне парламента. Когда в июне 1647 года армия порвала с парламентом, то на стороне последнего оказалось около $\frac{1}{4}$ офицеров (167 чел.) и всего несколько сот солдат. В 1647 году оставшаяся армия стала едина по организации и едина по настроению. Так та сила, которая дала парламенту преимущество, отошла от него.

IV. Парламентское правительство.

Лояльность парламента. — Парламентские комитеты. — Палата лордов. — Обновление нижней палаты. — Иностраные сношения. — Финансы. — Суд.

Теперь мы обратимся к рассмотрению той правительственной организации, которая была в руках парламента. Во все время гражданской войны парламента упорно придерживался конституционной теории и заявлял, что он борется не с королем, а с его дурными советниками. Цель парламента — защита монархии и желание вернуть ее к ее истинным основам. Когда в феврале 1643 г. парламента вел переговоры с королем, то заверял его в своих верноподданнических чувствах. «Злые советники оттолкнули ваше величество от парламента, подняли против него оружие и заставили нас стать на защиту наших прав, свобод и религии... Мы готовы оказывать вашему величеству должное повиновение и служить вам, мы покорнейше молим ваше величество вернуть нам мир и покровительство, которое раньше вы и ваши предки оказывали нам». Даже тогда, когда король был уже разбит и находился в плену, почтение к нему не прекратилось. Когда в 1647 году шотландцы передали пленного короля парламента, то население встречало его с радостью; в честь короля палили из пушек и звонили в колокола. Вождь парламентской армии Ферфакс, встречавший короля, соскочил с лошади при его приближении и почтительно поцеловал его руку.

В то самое время, когда в Уестминстере заседал суд, приговоривший короля к смертной казни, съезд мировых судей в Девоншире писал приказы от его имени. Уже во время гражданской войны, в октябре 1642 года, парламента постановил ежечь один памфлет, написанный против короля. Если кто начинал говорить о республике, то это шокировало парламента. В палате общин был один такой «enfant terrible» Генри Мартен. Летом 1643 года парламента хотел изъять из обращения брошюру священника Saltmarsh за то, что в ней была следующая фраза: «Пусть лучше погибнет одно семейство, чем все королевство». Мартен защищал эту брошюру в парламенте. На вопрос, кто же это семейство, Мартен прямо ответил, что это король и его семья. Это так оскорбило парламента, что он исключил Мартена из своей среды и посадил в Тауэр. Более решитель-

тельна была ненависть по отношению к королеве, папистке, на которую святость короля распространилась только косвенным образом. В 1647 году республиканская выходка Мартена уже не встретила противодействия. В парламенте обсуждалась просьба пленного короля оставить ему двух капелланов. Мартен посоветовал исполнить его просьбу и оставить ему обоих капелланов, чтобы он мог лучше подготовиться к смерти.

Почтительная на словах, палата общин ставит королю в переговорах с ним суровые требования. В феврале 1643 года парламент предлагает королю распустить его войско, отдать церковное управление и милицию в распоряжение парламента и признать несменяемость парламентских судей. Условия 1644 года еще суровей: король должен принять Лигу и Ковенант, покарать своих оксфордских советников, отдать войско и флот в распоряжение парламентской комиссии, согласиться на назначение сановников и судей парламентом и признать, что они не теряют своих мест до тех пор, пока хорошо себя ведут; право войны и мира король должен осуществлять совместно с парламентом. Таким образом парламент провозглашал себя носителем верховной власти и соединял у себя судебные, законодательные и административные полномочия и военное командование. Парламент на практике осуществлял режим парламентаризма. Деятельность Долгого парламента, несомненно, является колыбелью английского парламентаризма, так как население воочию увидело возможность такого строя. Правда, парламентаризм еще не вылился тогда в форму ответственного кабинета; свою административную власть парламент проявлял через «парламентские комитеты», которые возникали и уничтожались по мере надобности; число их доходило иногда до двадцати. Среди них есть и довольно постоянные комитеты — военные и дипломатические. Палаты и комитеты развивают усиленную и разностороннюю работу, через их руки проходит огромное число крупных и малых дел. Всего важнее деятельность «комитета обоих королевств» (Committee of both Kingdoms), учрежденного в феврале 1644 г. для проведения Лиги и Ковенанта. В его компетенцию входят преимущественно вопросы войны и дипломатии. Деятельность его особенно важна тем, что он закрепил унию Англии и Шотландии. Эта уния прежде была только личной, учреждения обоих королевств не были объединены. Теперь они объединяются в этом комитете, где совместно работают и принимают решение комиссары, выбранные и английским, и шотландским парламентами. В нем заседают 7 перов, 14 коммонеров (все наиболее влиятельные люди) и 4 шотландских комиссара. Сначала палаты опасаются комитета. Он учреждается первоначально на 3 месяца, но потом без срока. Ему дается большая самостоятельность. Правда, в переговорах о войне и мире он обязан испол-

нять указания парламента, но он самостоятельно ведет корреспонденцию с иностранными державами, составляет планы войны, шлет приказы генералам, получает от них донесения, его просят о вспомогательных отрядах. В октябре 1645 г. комитет передал верховное командование комиссии генералов, куда вошло и двое штатских членов комитета. Опыт был очень неудачен. Уже в июне 1644 г. комитет пренебрежительно обращается с палатой лордов, отказывается сообщить ей свои инструкции Эссексу. Комитетом был выработан план реформы армии. После разрыва с Шотландией в 1648 г. английские члены комитета, пополненные индепендентами, образовали т. наз. «Derby House Committee». Были и другие комитеты. В июле 1642 г. был учрежден комитет безопасности (Committee of Safety) в составе 5 перов и 10 коммонеров. Финансы ведет «Committee for advance of money» (с 1642 г.). В силу необходимости усилить доходы и в угоду политической мести создается «Committee of Sequestrations»; его задача отбирать земли от роялистов. Другой комитет входит в сношение с робкими о штрафе за пассивный роялизм (Committee of compounding with delinquents, или Goldsmith's hall Committee). Образуется комитет для рассмотрения претензий лиц, пострадавших от роялистов (Indemnity Committee). Парламент не проповедует отделение церкви от государства, а, наоборот, затягивает узду над церковью. Учреждается комитет для помощи священникам, пострадавшим от англикан (Committee for plundered ministers), который скоро превращается в средство преследования англиканских священников и приобретает большое влияние на судьбу государственной церкви.

Во время гражданской войны нижняя палата получает безусловное преобладание над верхней. Много перов ушло к королю. В 1643 г. насчитывается всего около 30 парламентских перов, и это число редет. Верхняя палата упразднила сама себя раньше, чем была упразднена официально 5 февраля 1649 г. Редют и умеренные в палате общин. Одни уходят в Оксфорд, другие отстраняются от политики. С августа 1645 г. палата начинает заполнять освободившиеся места; до конца 1646 г. в палату вошло таким образом 235 новых членов, среди которых преобладали сторонники войны и религиозной терпимости; не мало было офицеров из Новой Модели. И среди новых членов преобладают джентльмены, худородные попадают большей частью через Новую Модель.

Парламент завязывает сношения с иностранными державами. Еще осенью 1642 г. он шлет своего представителя в Голландию. В 1644 г. представители Голландии, Швеции и Франции признают Долгий парламент за законный. Правда, весной 1645 г. парламент жалуется, что голландские послы хлопочут за короля. Весной 1644 г. парламент собирается слать своих представителей в Швецию.

Весьма видная часть работы парламента была положена на изыскание новых денежных средств для ведения борьбы. Сначала парламент практиковал принудительные патриотические подати, но потом пришлось прибегнуть к частным займам. Парламент много занимал у Сити под обеспечение земель папистов и приверженцев короля; раз он пытался устроить заем у компании авантюристов; раз за границей, у Нидерландов. Немалый доход парламенту дает секвестр имуществва упорных роялистов и штрафы с раскаявшихся; в конце 40-х годов много выручено от продажи церковных земель. По все же этого не хватает. Продают церковную утварь из собора св. Павла, собираются распродать картинную галерею, собранную покойным герцогом Бекингамом (распродажа не состоялась в виду заявления одного из членов парламента, что среди картин Бекингама есть много соблазнительных, и что недостойно парламента пускать их в продажу, а лучше их сжечь). Ясно видна необходимость нового постоянного обложения. В конце 1642 г. вводят 5% имущественный налог для всей страны, но поступлений мало. В феврале 1643 г. собирались ввести репартиционный налог в 1½ миллиона ф. В марте 1643 г. Билл предложил ввести акциз на все покупаемые и продаваемые предметы. Это предложение вызвало резкую оппозицию. «Как тот, кто выставляет себя горячим защитником свободы подданных, мог предложить такой несправедливый, позорный и разорительный проект?» Но все же в июле 1643 г. пришлось ввести акциз; в 1647—1649 г.г. он давал в среднем 330.000 ф. в год. На содержание Новой Модели было введено обложение по графствам, но выплачивалось оно плохо. Можно думать, что во время гражданской войны расходы выросли вдвое сравнительно с довоенным временем и требовали крайнего напряжения платежных сил от находившейся в руках парламента части Англии, немало притом пострадавшей от войны.

Парламент поддерживал свою конституционность и в судебной области. Большинство судей осталось в Лондоне и по-прежнему продолжало судить: поэтому парламент и считал себя законным преемником старого правительства. Когда же лорд хранитель печати перебежал к королю в Оксфорд и унес с собою государственную печать, парламент потерялся и не считал своих судей в праве производить суд, если эта государственная святыня не находится у него. В Лондоне приостановилось судоговорение: адвокаты сидели без хлеба. Парламент по консерватизму долго не решался заказать новую государственную печать. Только в конце 1643 года он решился это сделать, и тогда судебная деятельность ожила: народ валом пошел судиться. В переговорах с королем парламент старается добиться королевского утверждения для своих судей «*dum bene gesserint se*» и отрешения оксфордских судей.

V. Церковная жизнь во время гражданской войны.

Лига и Ковенант. — Преследование англиканской церкви. — Церковная реформа. — Уестминстерское собрание. — Притязания пресвитерианской церкви и эрастиане. — Индепенденты. — Беннан-Фокс. Самол. — Пророки. — Конгрегационалисты. — Баптисты. — Seekers. — Ranters. — Антиномиане.

Очень важной стороной английской революционной жизни является церковный вопрос. В этом вопросе сказалась невозможность изучения английской революции отдельно от окраинного элемента, влияние которого сильно сказалось на перипетиях борьбы. Переговоры Долгого парламента с шотландцами о церковном единстве начались уже с 1641 г. В 1642 и 1643 годах, когда королевская армия одолевала парламентскую, парламенту пришлось искать шотландской помощи. Летом 1643 года ему удалось купить эту помощь ценою «Лиги и Ковенанта». По этому договору англичане должны были ввести у себя пресвитерианский строй, отменить епископат и строго придерживаться единства веры с Шотландией. Все верные сторонники парламента должны были подписать этот договор и свято исполнять его. Прямым последствием Ковенанта явилось решительное преследование сторонников старой англиканской церкви. Пресвитерианство пришлось вводить и поддерживать насильственно, так как искренних сторонников его было мало, а Ковенант был вызван крайней необходимостью военной помощи.

По словам Бели, «англичане были за гражданскую Лигу, а мы за церковный Ковенант».

Позднейшие англикане горько жаловались на те притеснения, которым подвергались в это время последователи их религии. Если в этих жалобах и есть немало преувеличений, то все же гонение на старую церковь, несомненно, было. Парламент ревниво наблюдал за соблюдением пресвитерианской религии, а приверженность к англиканству стала считаться преступлением. Еще в декабре 1640 г. был учрежден особый комитет, наблюдавший за поведением священников; он же рассматривал жалобы потерпевших от церковных

преследований при Лиге. С декабря 1642 г. эти дела перешли к «комитету об ограбленных священниках» (Committee of plundered ministers), главному церковному комитету, которому подчинены провинциальные комитеты. За оставление прихода, за отказ от Лиги и Ковенанта, «папистские обряды», безнравственность отставляли от должности и налагали секвестр на имущество. В августе 1645 года по приходам рассылается кальвинистский служебник, Book of common Prayer отбирается, за пользование им назначается штраф, при рецидиве — тюрьма.

В марте 1643 г. постановлено секвестрировать имущество всех епископов, деканов и капитулов; доход должен идти на нужды государства. В октябре 1646 г. епископские земли объявляются собственностью государства: их закладывают и распродают. В том же месяце, когда вышел этот ординанс, сделан заем на сумму 200.000 ф. для расплаты с шотландской армией под залог епископских земель. В апреле 1649 г. издан акт о продаже земель деканов и капитулов.

Чтобы судить о характере и направлении парламентского гонения, нужно обратиться к истории английских университетов, бывших потом опорой консервативной партии — тори; да и во время революции университеты сочувствовали королю. Кембриджский университет испытал на себе тяжелую руку парламента. С начала гражданской войны три главы (heads) колледжей сидят в лондонской тюрьме. За отказ платить палог в Великую Пятницу 1643 г. держат университетскую администрацию без пищи и дров, бьют расписные стекла, рвут молитвенники. В 1644 году парламентом была назначена ревизия Кембриджского университета, порученная Манчестеру. Манчестер поручил дело своим двум капелланам, и они подвергли чистке университет: $\frac{3}{4}$ глав (12 из 16-ти) и более половины членов колледжей (fellows) (181 из 355) были изгнаны и имущество их секвестрировано. Но преемников им нашли не скоро. Здесь происходило грубое насилие одной политической партии над другой. Англикане и роялисты в бешенстве: «Готы, вандалы, турки мягче бы обошлись с наукой. Эти якобы приверженцы религии обратили ее в мятеж, апостольскую кафедру сделали местом богохульств, сорвали венок с чела науки и украсили им тупой лоб вероломного невежества».

Но когда мы судим о религиозной политике парламента, то должны иметь в виду, что в данном случае он преследовал университеты преимущественно как политические учреждения, как рассадники роялистической пропаганды.

А в Оксфордском университете произошла настоящая революция. Долгое время Оксфорд был резиденцией короля; но за то, когда Оксфорд перешел в руки парламента, он жестоко расправился

с непокорным ему университетом. В мае 1647 г. парламентом была снаряжена комиссия из 24 человек, которая должна была обрешивать и реформировать университет и привести его к Ковенанту. Университетская конвокация на это требование ответила, что Ковенант должен быть добровольным соглашением, что шотландская вера хуже англиканской; епископат есть апостольское учреждение и больше подходит к монархии; университет не может принять Ковенанта, не насилуя своей естественной преданности правой власти короля.

Назначенная парламентом комиссия для ревизии университета встретила с обструкцией и насмешками университета. Раз ревизионная комиссия назначила университетским властям заседание в 11 ч. утра. Университетские власти явились во-время, а пуритане, составлявшие ревизионную комиссию, заслушавшись проповеди в церкви, опоздали. Оксфордцы после 11 ч. с радостью ушли из залы и на улице встретились с парламентской комиссией, только шедшей туда. Вице-канцлер университета насмешливо приветствовал их: «С добрым утром, господа. А ведь 11 часов уже пробил». Парламентские комиссары не могли заставить университетский совет вернуться в зал, так как толпа была не на их стороне.

Пришлось принять особо-строгие меры, чтобы усмирить университет: власть ревизии была расширена; канцлером университета был назначен суровый лорд Пемброк и ему была дана в распоряжение военная сила. Университет возбудил в Уестминстере жалобу против ревизии, так как право визитации, по их словам, принадлежит только королю. Ревизия отчислила от должности многих глав колледжей, некоторых приходится выселять силой. Жена отставленного декана колледжа *Christchurch*, мистрисс Фелль, не пожелала уйти из своей квартиры и в кресле была вынесена солдатами на двор. В колледже «*All Souls*» *warden* заперся в своей квартире и солдатам пришлось взломать замок в его двери.

Весной 1648 г. ходят слухи о намерении университета поднять роялистское восстание; принимаются суровые меры. Парламент грозит тюрьмой всем «презирающим власть парламента». Ревизоры карают изгнанием всех, кто не дает подписки в покорности. Изгнанные не хотят уходить. В университет является сержант с мушкетерами и барабанщиком и грозит ослушникам смертью; и главнокомандующий лорд Ферфакс подтверждает эти угрозы.

Кальвинизм плохо прививался в Англии; насаждение его было чисто политической мерой. Вопрос о церковной реформе парламент передал особому церковному собору, созванному в 1643 г. и носившему название «Уестминстерского собрания» (*Westminster Assembly*).

Уже Великая Ремонстрация (1639) требовала назначения для религиозной реформации «синада из самых благочестивых и разум-

ных лиц из духовенства, в помощь к которым должны быть приданы некоторые представители заграничных стран, и результаты своих совещаний они должны представить на утверждение парламента». В апреле 1642 г. палата общин постановила, что рыцари и горожане должны назначить по 2 духовных лица от каждого английского графства, по одному от каждого уэльшского, по два от каждого университета, 4 от Лондона. Местные члены парламента должны были их предлагать, палата общин утверждать. Билль о созыве собора имел сложную судьбу, вносился 6 раз и прошел лишь в июне 1643 г., при чем в собор были введены 10 перов и 20 коммонеров. Всего в Уестминстерском собрании было 121 священник из Англии и Уэльса; 8 шотландских комиссаров деятельно работали, хотя и не были членами. В Соборе безусловно преобладали пресвитериане, горячие сторонники Лиги и Ковенанта: сначала еще были англикане, но после Ковенанта они ушли. Была очень незначительная (10 — 12 чел.) группа весьма умеренных индипендентов, в богословских вопросах почти ничем не отличавшихся от кальвинистов. Была и небольшая, но влиятельная эрастианская группа, в которую входили юристы Сельден, Сент-Джон, Уайтлок, твердо охранявшие верховенство парламента. Уестминстерское собрание — совещательное учреждение без законодательной и самостоятельной судебной власти. Самый ход обсуждения в подробностях указывался парламентом. Но еще больше влияния на работы собора имел ход войны. Чем сильнее и нужнее шотландцы, тем реформа ближе к пресвитерианству; а не то выступают эрастианские тенденции в стремлении парламента обуздать теократические замашки собора.

Бели очень хорошо сознает эту связь церковной реформы с политикой. «Нет больших надежд на объединение церквей, пока наша армия не вступит в Англию», пишет он в ноябре 1643 г. Он жалуется на отсутствие религиозного единодушия у англичан. «Этот народ так удивительно разделен и подразделен по своим убеждениям и поступкам, что только чудо установит их церковь или государство. Характер этого народа склонен к индивидуальному, они хотят отличаться от всего мира, друг от друга, и чуть ли не сами от себя. Этот народ особенно нуждается в пресвитерианской дисциплине». Но скоро шотландцы делаются так нужны, что уже по этому одному реформа неизбежно вылилась в шотландские рамки; но влияют в этом направлении также и симпатии Уестминстерского собрания и значительной части парламента, а также необходимость поставить какой-нибудь новый строй на место сломанного старого.

Реформация внесла представление о верховенстве государства над церковью, о праве правительства контролировать клир, даже

менять внутренние порядки церкви. Некоторые течения пуританской реформации (в том числе и Уестминстерское собрание) выдвигают учение о самостоятельности церкви и о богоустановленности очень многих норм церковной жизни. В этом вопросе и индепенденты собрания заодно с пресвитерианами. Есть некоторая богоустановленная форма церковного управления и суда, существующая *iure divino*, вечная и недосыгаемая для мирян. В июне 1645 г. собрание заявляет: «Мы считаем, что наша власть происходит от Иисуса Христа. Палата общин резко выступает против этого взгляда. Не думайте, что парламент не желает подчиниться игу Иисуса Христа. Иго его легкое. Но если это иго сдирает кожу и мучит, то это не его иго, и мы не желаем его нести». Браун приводит юридическую ссылку: «В 37 году Генриха VIII судьи решили, что король может давать поручение решать церковные дела. Это палистеская доктрина — отнимать у государей то, что им поручил бог». Взгляд Уестминстерского собрания очень резко выступает в одном анонимном трактате 1646 г. «Государственная власть обладает божественным правом управления над государством, но не над церковью, церковная — над церковью, а не над государством... Если бы короли и магистраты стали управлять церковью, как императоры управляют государством, то это значило бы низвергнуть с трона Христа... авторитет парламента не защитит их, когда Христос отречется от них, как от узурпаторов, которых он никогда не ставил над церковью». Однако фактическая власть была в руках парламента, взгляд клира оставался теоретическим притязанием. Парламент дает Уестминстерскому собранию административные и законодательные поручения по разным сторонам церковной жизни (пересмотр 39 статей, перевод псалмов, испытание священников, составление катехизиса и служебника), но работа Уестминстерского собрания — только материал для обсуждения и решения парламента. Уестминстерское собрание пробует бороться, но добивается лишь второстепенных уступок в вопросе о своем конституционном положении. Парламент обсуждает и голосует, как всякий билль, и исправленные статьи, и вопрос о бытии божием, и о действии благодати. Шотландские делегаты с горечью отмечают неподготовленность английской почвы для настоящего пресвитерианства, и это несмотря на то, что парламент легко принял внешнюю оболочку пресвитерианства. Уже в ноябре 1643 г. шотландские делегаты предлагают свой план церковного строя, сколок с шотландской церкви, и выработанные к 1645—1646 г. проекты очень близки к шотландскому первообразу. Исправленные «статьи» приблизились к кальвинистской догме, служебник (*Directory for public worship*) — к кальвинистскому культу. Церковное управление также приблизилось к шотландскому с его конгрегациями, старшими (*elders*),

пресвитериями, провинциальными и национальными синодами. Но в шотландские формы парламент вложил много английского содержания. Особенно сильную борьбу пришлось выдержать из-за основы пресвитерианского строя—вопроса о церковной дисциплине. Уестминстерское собрание хотело, чтобы на решения церковного суда не было апелляции к светскому и чтобы церковная юрисдикция не ограничивалась каким-либо определенным кругом грехов. Парламент вводит апелляцию к парламенту и светскую юрисдикцию по всем грехам, которые не оговорены, как подлежащие церковному суду. Уестминстерское собрание и лондонское духовенство горячо протестовали против этого решения, угрожали отставкой. Но парламент настоял на своем. Парламент даже проектировал передать суд по «неоговоренным» грехам комитетам графств, т.-е. окончательно подчинить церковь мирянам в глазах пресвитериан. Бели видит в этом интригу индепендентов и эрастиян. Напрасно вступаются за *ius divinum* клира Уестминстерское собрание и лондонский городской совет. Парламент уступил лишь в том, что вместо комитетов графств создал постоянный парламентский комитет в Уестминстере. Характерна жалоба Бели, что «папа и король никогда так не старались забрать верх над церковью, как этот парламент».

Такова была эрастиянская оппозиция пресвитерианству. Какую же оппозицию оказывали ему индепенденты? В соборе их было слишком мало, чтобы они могли влиять на голосование. С ними не считались, их протесты часто не обсуждались, и при докладах Уестминстерского собрания парламенту они часто подают отдельные мнения. Да и они сами были лишь крайним правым крылом индепендентов, во многом соглашались с пресвитерианами; но и небольшой разницы было довольно, чтобы разделить их друг от друга.—Терпимость, которую требовали индепенденты, была невелика; но для пресвитериан и такая оказалась неприемлема. Парламент хлопотал о согласовании (*accommodation*) пресвитерианства с индепендентством, были устроены специальные «комитеты для аккомодации» сначала при Уестминстерском собрании, потом при парламенте. Но сначала работе мешают успехи шотландцев (и с ними усиление позиции пресвитериан), а потом (1645) несговорчивость индепендентов, почувствовавших за собой большую силу в армии.

В ответ на скромные требования умеренной терпимости один пресвитерианин (Эдуордс) написал против нее целый памфлет. Терпимость, по его словам—это, глубокий замысел сатаны, его шедевр, его последняя попытка погубить дело реформации. Он говорит устами не прелатов, или бешеных анабаптистов, а благочестивых и умеренных людей, очень хороших людей, много пострадавших в жизни, и они просят о самой маленькой терпимости. Это—*Candidus ille Diabolus, Meridianus Diabolus*. Лучше старая иерархия,

церемонии, обедни, чем терпимость. Другой пресвитерианин (Калами) в октябре 1644 года говорил коммонерам, что если они не искоренят всех грехов и ересей, то сами будут отвечать за них, как за свои ереси и грехи. Проповедь нетерпимости часто становилась кровожадной. «Проклят тот, кто воздерживается от пролития крови или убивает не всех моавитян, врагов божией церкви». Даже мягкие люди были проникнуты нетерпимостью, и Лайтфут (Lightfoot) проповедывал перед палатой общин: «Я не знаю, нужно ли принуждать религиозную совесть, но знаю, что дьявола необходимо притеснять при помощи гражданской власти».

Не все индепенденты так умеренны, как индепендентские члены Уестминстерского собрания. В 1644 году появились трактаты, шедшие много дальше. Один лондонский купец Робинзон (Robinson) в своем трактате писал, что католического культа нельзя терпеть в стране, ибо это идолопоклонство. Но и католиков не нужно заставлять принимать протестантский культ, так как принуждение в делах веры ведет лишь к соблазнам. Лучше дать возможность распространиться многим ложным сектам, чем задушить хоть одну истину, потому что превосходство истины скажется всегда само собой.

В том же году появились много других индепендентских трактатов, среди которых замечателен трактат американца Роджера Уильямса, носящий название «Кровавый Дом Гонения». Роджер Уильямс стоит на решительной точке зрения: он не только политически свободомыслящий человек, но и свободно относится к религии. Его трактат, это — диалог между Миром и Истиной, которые изгнаны с земли. Роджер Уильямс говорит о почти полном отделении церкви от государства. Гражданская власть должна охранять и ложные религии. Зло всегда есть зло, но терпимость к нему может принести и добрые плоды. Последователи лжеучений — язычники, евреи, турки, анти-христиане, — могут быть законопослушными гражданами. Карающий меч может создать нацию лицемеров и анти-христиан, но никак не христиан. Лилии Христовы могут цвести в его церкви, несмотря на то, что дают расти и плевелам. Гражданское управление и церковь могут жить рядом, но независимо друг от друга. И не-христианин может быть хорошим магистратом. Книга Уильямса вызвала протест и подверглась сожжению: идеи, заключавшиеся в ней, были слишком свободны и решительны для 1644 года. В 1645 г. парламент постановил, что проповедь может быть произносима и печатаема только с правительственного разрешения.

Сильным преследованиям подвергались баптисты. За отрицание действительности крещения детей сажают в тюрьму. Одного баптистского проповедника, перекрещивавшего взрослых, привлекли к суду за то, что одна из крещеных им женщин вскоре умерла.

Ее смерть приписали простуде от крещения и к проповеднику было предъявлено обвинение в преднамеренном убийстве. Суд признал его невиновным. Часто подвергались преследованию отдельные лица за атеизм, за отрицание троичности бога и т. п. Но не следует преувеличивать строгости гонений; они отличались капризным характером, а при известной протекции легко можно было избежать их.

Огромная обличительная литература 1644—1645 г.г. полна жалоб на рост ересей в армии, в Лондоне, в провинции. Наиболее замечательной в этой литературе является известная «Гангрена» Эдуордса. Ее первая часть появилась в 1645 г.; тогда автор насчитал до 176 сект и заблуждений и просил всех сочувствующих о дополнительных сведениях. Вскоре вышла вторая часть книги; в ней количество ересей увеличивается еще на 23; в третьей части есть также дополнения.

Но обличители, вроде Эдуордса, не очень достоверны. Английское общество переживало большую религиозную смуту, но история ее не разработана и поэтому наш очерк поневоле краток. Исследовать религиозную смуту очень трудно, так как многие секты принуждены были скрываться и выражаться эзоповым языком. Сочинения обличителей — очень шаткий материал для историка, так как они стремились запугать читателя и поселить в нем отвращение к описываемой секте. Обличители не умели подметить основные течения, установить распространенность и родословную многих сект, из которых некоторые были связаны с континентом. Но во всяком случае, знакомясь с историей религиозных движений, нельзя не отметить их силу и демократичность. Религиозные движения отличались большой пестротой и напряженностью, часто выливались в бунт против традиции, в резкое отрицание исторической церкви. И напряженность, и пестрота движения, и его быстрый рост, и деятельное, порою руководящее участие низов — все говорит о серьезности кризиса. Народная среда выдвинула многих заметных деятелей, при чем некоторых из них нельзя не признать людьми большого религиозного таланта. Важно отметить, что наиболее знаменитые проповедники Бениан и Джон Фокс вышли из простого народа.

Бениан родился в Эльстоу близ Бедфорда (1628) в простой семье: его отец был ремесленник, медник, а дед мелочной торговцем. В молодости Бениан ходил в деревенскую школу, но потом все забыл, чему учился, и уже потом пополнял свои знания самоучкой. Очень рано он принужден был зарабатывать средства к жизни; шестнадцати лет он поступил в парламентскую армию и сражался в ее рядах три года, а потом вернулся к занятию своего отца и стал медником. Вскоре Бениан вступил в баптистскую

конгрегацию в Бедфорде и выступал с проповедями в тамошней капелле. (Эта капелла сохранилась и поныне, а ее священник написал лучшую биографию Бениана.) Бениан написал «Путешествие пилигрима»,—книгу, ставшую вторым евангелием для сектантов. Но нас более интересует его религиозная автобиография—«Благодать, щедро излитая на величайшего грешника», написанная в 1666 г. Бениан представляет себя в молодости человеком грешным, безбожником, но, вероятно, здесь есть преувеличение. Он с детства видит религиозные кошмары. Однажды во время игры он видит гневного Христа. С тех пор на Бениана нашло просветление, сначала только внешнее,—он начал читать библию,—а потом он увидел, что он лишь несчастный лицемер и понял необходимость внутреннего перерождения. Вопрос о том, избран ли он, и не прошел ли для него день благодати, непрестанно мучит Бениана. Он пытается узнать, есть ли у него хоть капля веры; проходя мимо пруда, он хочет сделать чудо — осушить его, но тотчас же ловит себя на напрасном искушении бога. «Я не могу выразить, с какой тоской и сокрушением я молил Христа позвать меня»; Бениан слышит голоса, осуждающие его; на него находят сомнения: есть ли бог, не басня ли писание, какая вера лучше? Раз к нему явился дьявол, и Бениан чувствовал, как он его дергает сзади за одежду. Характерно, что при напряжении религиозного экстаза у Бениана сохранилась рабская зависимость от буквы—такую же психологическую картину мы видим и в биографии Лютера. Бениан читает библию, знает ее почти наизусть; у него в памяти всплывает утешительный текст, он целый год ищет его в библии, наконец, находит в неканонической книге и терзается. Позже он обличал квакеров за их свободное отношение к писанию. Любопытно, что его сильно ободрил Комментарий Лютера к посланию к Галатам. У Бениана все время наблюдаются последовательные смены радости и отчаяния. Раз он отрекся от Христа. «Вниз упал я, как подстреленная птица с верхушки дерева, я оцепенел, я был как труп, как Иуда». Но позже отрадные откровения нахлынули на него, «как свежий ветер в открытое окно». В писании видит Бениан твердую опору, ключ от царства небесного.

Из такой же демократической среды происходил и основатель секты квакеров Фокс: его отец был простым ткачом. Фокс оставил нам свой дневник, ясно рисующий его настроения: это человек другого рода, чем Бениан, не богоискатель, а богоносец, уверенный, что на нем почивают дары благодати; сомнения редко тревожат Фокса. Порой его дневник производит на нас отталкивающее впечатление вследствие гордости и самонадеянности этого человека, читающего только библию. Фокс учился ремеслу у башмачника-прасола и говорит, что бог помогал его хозяину, пока он был

у него учеником, но когда он ушел, хозяин разорился. Еще будучи ребенком, Фокс был серьезен и молчалив не по летам. Как и у Беннана, у Фокса было обращение: раз два товарища позвали его пить пиво, Фокс не пошел с ними, огорчился и, оставшись один, услышал голос бога: «Ты видишь как молодые люди предаются суете, а старые идут в могилу, поэтому покинь все, чуждайся всего». С тех пор Фокс и стал искать божью правду, сначала учеником, а потом и в качестве пророка. Фокс родился англиканином, но, не удовлетворяясь этой религией, идет к пресвитерианам, но там находит учение ненависти; больше правды он находит у диссентеров, но затем не удовлетворяется и ими. Фоксу начинает казаться, что сам Христос обещает руководить им. У него бывают и патологические состояния: раз он пришел к одному священнику за медицинской помощью, и тот, желая пустить кровь, надрезал ему руку, но ни одна капля крови не вышла из его тела, и он видит в этом особое знамение. Патологическое состояние растет: Фокс начинает верить в свою миссию, ходит по церквям и срывает проповеди; для него церкви не что иное, как просто дом с колокольней. Фоксу начинают являться видения; ему часто бывают откровения, сопровождаемые муками. Фокс начинает постигать все зло мира и в страхе спрашивает мучающего бога, зачем ему надо знать все зло мира? Ему слышится ответ, что это необходимо: он должен все понимать, чтобы обо всем говорить. Фокс видит кругом себя море зла, но за морем зла простирается бесконечный океан любви, охватывающий его кругом.

Чтобы понять все своеобразие и силу этого религиозного возбуждения, надо обратиться к одному эпизоду из миссионерства Фокса. В 1641 году он пришел к городу Личфильд (Lichfield) и увидав пастухов, пасших овец, остановился у них. Вдруг какой-то голос приказал ему снять башмаки и идти босиком; несмотря на то, что была зима, Фокс не чувствовал мороза, идя босиком: «Слово божие было для меня, как огонь»; пастухи в страхе не препятствовали ему. В Личфильд Фокс явился в базарный день; вскоре божий голос сказал ему: «Кричи: горе кровавому городу Личфильду». И Фокс начинает бегать по улицам и вопить. Никто его не останавливал. Фоксу кажется, что по всем улицам текут потоки крови, на площади—кровавое море. Затем Фокс вернулся к пастухам, которые уговорили его обуться; Фокс не мог надеть башмаки на свои распухшие ноги, но ему кажется, это потому, что огонь Личфильда жжет его. — В гражданскую войну в Личфильде кровопролитие было не больше, чем в других местах; почему же Фокс вопил и видел кровь? Причину своих действий Фокс понял после, благодаря новому откровению. Ему было открыто, что в Личфильде при Диоклетиане было убито 1.000 мучеников и их кровь застыла на улицах города,

ником не оплаканная, поэтому-то 1.000 лет спустя после их смерти Фокс и бегал босиком по крови мучеников, чтобы напомнить христианам о их смерти и почтить их память.

Были некоторые церковные деятели, уходившие от церковной традиции еще далее, нежели Фокс; сюда относятся многочисленные мистики, которые развились отчасти под немецким влиянием, отчасти самостоятельно. Стоит остановиться на одном из них, Самоне (Salmon). Его трактат носит причудливое название: «Высота глубин и глубина высот, или же истина, тайно и сладко сияющая своею славой». Как и Фокс, Самон искал истину во многих религиях. Он родился в англиканском вероисповедании, потом перешел в пресвитерианство, но, не удовлетворившись им, искал истину у индепендентов, у баптистов, но не находил ее нигде. Как и у Беннама и Фокса, у него были откровения. Его религиозное возрождение начинается с того, что Самон начинает переживать жизнь Христа с самого детства; страдает вместе с ним, умирает, воскресает и, как он, возносится в Новый Иерусалим. Самон переживал раздвоение сознания: его плоть остается на земле, а дух возносится на небо, где он сливается с божеством, растворяется в «существо существ». Его душа вместе с богом ходит по разным светлым обителям. Но плоть, оставшись на земле, тоже хочет своей доли славы: за ее строптивость бог посылает диавола, начинаются искушения, восхищенный на небо дух низвергается на землю и снова внедряется в тело; остается грешник, наказанный за свою гордость.

Среди религиозно-настроенных людей появляются многочисленные пророки. Это пророческое движение захватывает даже англиканскую церковь, которая была или должна была быть консервативной. Англиканские пророки выступают в беседах с баптистами, защищают свою религию, правоту которой они познали в откровениях. Некоторые из них считали себя чудотворцами; так, Кокер говорил, что может наложением руки исцелять прокаженных и возвращать слепым зрение. Если так вели себя консервативные англикане, то ясно, что среди восторженных индепендентов пророков было еще больше. Видный индепендентский деятель Ноллис (Knollys), по примеру апостолов, мазал больных, даже слепых, маслом для исцеления. Гамма религиозных настроений была чрезвычайно велика и разнообразна; заметны всевозможные религиозные течения, начиная с немного отклоняющихся от англиканства и кончая такими, которые далеко уходили от христианства.

Церковные общины были очень пестры. Некоторые индепенденты из умеренных (конгрегационалисты; их представители сидели в Уестминстерском собрании) чувствовали себя лучше с пресвитерианами, чем с индепендентами более решительных направлений; в сущности говоря, они отличались от пресвитериан только взглядами на цер-

ковное управление, а в вопросе о богослужении были согласны с ними; но даже и в церковном управлении они готовы были идти на уступки. Некоторые их конгрегации решительнее стояли за самостоятельность церковных общин. Но все это незначительные отличия.

Значительно решительнее их были баптисты. Повидимому, под этим именем объединяли очень различные направления. Семь лондонских баптистских конгрегаций напечатали свой символ веры, довольно близкий к кальвинистской догме (1644). Но в их исповеди заметна и разница с кальвинизмом; баптисты настаивали на необходимости сознательного крещения: они желали большей независимости для общин и решительнее говорили о свободе совести. Но опять-таки их различие с кальвинизмом невелико. Здесь мы имеем дело с «частными» баптистами, людьми сравнительно умеренными; были еще и «общие» баптисты, более решительные по своим воззрениям, приближавшиеся к меннонитам.

Были и еще более решительные направления, которые не удовлетворялись ни одной из существующих церквей. Это — тревожные искатели религиозной истины, говорившие, что церкви нет, или она в пустыне, где ее ищут. Ни одна из существующих церквей не истинна, истинная была лишь при апостолах, пока были дары св. духа. Люди этого направления назывались «искателями» (Seekers). Среди них был знаменитый Роджер Уильямс; даже семья Кромвеля имела связь с ними: одна из дочерей протектора перешла в эту секту, и он одобрил ее стремления и выбор. У последователей другой секты, «бесноватых» (Ranters) или mad crew заметна пантеистическая струя, может быть под влиянием немецкой мистики. Они настаивали на единстве всего существующего. Бог почует во всех своих созданиях, в людях и в животных и во всей вселенной. Рантеры отрицали всю страшную сторону религии: нет ада и вечных мук, ибо бог находится везде, и немислим ад в боге. Рантеры уважают св. писание, как воплотившееся слово, но свободно относятся к библии и ставят живое откровение выше мертвой буквы. «Одно дело верить — потому, что так написано, а другое — потому, что так бог сказал во мне». «Разве во мне нет духа? Почему я не могу написать писание, как Павел?» У некоторых «бесноватых» мы видим веру в переселение душ, в свою силу творить чудеса, воскрешать мертвых.

Замечательно учение антиномиан, т. - е. людей, отрицающих закон. Они отрицали необходимость законов не потому, что хотели вести беззаконную жизнь; напротив, многие из них были люди добродетельные, святой жизни. Они учили, что после крестных страданий спасителя в божьей церкви уничтожены грех, вина и наказание. Неверящие в это умаляют значение пролитой крови Христа и, несомненно, будут прокляты. Кальвинисты — протестанты по имени, но

в душе паписты, не разбирающие ветхий завет от нового, выносящие из писания только палку и кнут.

Порою к миру мистики приближается рационализм. Середину XVII века нельзя противопоставлять последующей школе английской экспериментальной философии и деизму. Среди сектантов 1640—1650-х г.г. было стремление опереться на разум, призываемый ими тоже во время религиозной правды. Эдуорде говорит об «анти-тринитариях», которые не хотят верить триединству бога, так как это противоречит законам тождества. Эдуорде описывает также секту антискриптуристов: наиболее решительные из них говорили, что знают тайны божества не хуже Павла. Попадаются иногда атеисты. Эдуорде говорит, что эти скептики сомневаются во всем, кроме учения о свободе совести.

Иногда мистика и скептицизм причудливо смешивались в некоторых сектантских учениях, напр., у «морталистов», проповедывавших сон души до страшного суда. Иногда они близки к материалистам: так, они отрицают бессмертие души, которая умирает вместе с телом. Это свое учение они пытаются оправдать ссылкой на св. писание и указывают на слова Екклесиаста, что участь сынов человеческих подобна участи животных; рай и ад, по их понятиям, это — фикция. Но в то же время они говорят, что уничтожение души только временное, а после страшного суда души снова оживут и будут бессмертны.

VI. Политическая литература и народные волнения.

Мильтон. — Вопрос о свободе печати. — Журналистика. — Паркер. — Привв. — Резерфорд. — Сельден. — Лильберн. — Петиции и манифестации. — Женщины во время гражданской войны. — Крестьяне.

Не все, подобно Эдуордсу, пугались религиозной смуты; некоторые видели в ней признак необыкновенного подъема духовной жизни Англии. В своем трактате «Ареопагитика» Мильтон поет восторженный гимн религиозной смуте. Напрасно жалуются на схизму; она является лишь плодом нетерпимости некоторых людей. Безумно думать, что нужно принуждать тех, кто иначе верует и молится; не те смутьяны, которые верят по-своему, а те, которые мешают искать разъединенных членов великого тела истины. Лицемерное единство — большое зло. Обращаясь к обеим палатам, Мильтон предлагает им гордиться тем, что английский народ не только борется за свою политическую свободу, но и находит возможность заниматься религиозными исканиями. «Посмотрите на этот город, — говорил он, разумел Лондон, — здесь кипит работа. Идет усиленная военная подготовка и в то же время одни вырабатывают новые понятия, а другие читают, изучают, испытывают их творения. Скоро мы станем мудрейшим народом, и скоро будет воздвигнут новый храм господень; это будет прекрасное симметричное здание из смягченных разногласий и братских несходств».

Свое время Мильтон считает наиболее счастливым в истории Англии. Английская нация — не вырождающаяся; она идет вперед, сбрасывает с себя старую оболочку и вырабатывает новые формы жизни. «Моим умственным очам является доблестная и могущественная нация, просыпающаяся от сна, подобно сильному человеку, разом вставшему и трянувшему непобедимыми кудрями; она мне представляется молодой и могучей орлицей; ее зоркие глаза горят в полуденных лучах, и она радостно освежает свое измученное зрение в самом источнике небесного сияния; а между тем шумные стаи робких, жмущихся друг к другу птиц, вместе с теми птицами, которые боятся света, снуют вокруг, завистливо щебеча, что это предвещает в скором будущем и секты и расколы».

Характерен эпитафия, выбранный Мильтоном для «Ареопагитики»; он взят из Эврипида и заключает в себе хвалу разуму и свободе: «Там свобода, где, если кто хочет, может подать хороший совет своему городу; и такой человек будет славен. А если кто не хочет, то пусть молчит; что может быть полезнее для города?»

Несколько раньше «Ареопагитики» Мильтон написал трактат о разводе. В нем он выступает против обычая «этого распухшего фальшивого знания» и против заблуждения, «этого слепого змеиного туловища без головы», которые поддерживают друг друга. Они готовы изгнать из жизни под именем новшеств всякую правду и истинное знание. В обстановке общественного возбуждения расшатываются традиционные устои старинной нравственности, как это было во время реформации в Германии, где семейная жизнь ослабела; и Мильтон требует свободы развода в тех случаях, когда между супругами нет душевного согласия, особенно если желание разойтись имеется у обеих сторон. Становясь на точку зрения естественного права, Мильтон рассуждает так: отношение человека к человеку вытекает из договора, никакой договор не обязателен, если он обращается против своей цели и интересов обеих сторон. Хотя требования Мильтона вытекают из возвышенного представления о браке, книга его вызвала скандал в литературе. Еп. Холл писал: «Я краснею за наш век». Характерно, что с тех пор Мильтон слышит сектантом, основателем секты «разводчиков» (divorcers).

«Ареопагитика» Мильтона есть пламенная петиция об освобождении печатного слова. Когда Звездная палата и Высокая комиссия, главные силы цензуры, пали и не были заменены никаким другим учреждением, то печать пользовалась сравнительной свободой. Но иногда парламент или его комиссии вмешивались в дела печати и преследовали авторов и типографщиков. В феврале 1642 г. палата общин постановила сжечь сборник речей депутата Деринга. В 1643 году был посажен в тюрьму один журналист, критиковавший петицию о мире, пользовавшуюся сочувствием парламентского большинства; были посажены и его типографщики. Но эти преследования носят случайный и капризный характер, и надзор слаб.

До революции монополия книгопечатания находилась в руках одной компании типографщиков и книгопродавцев, носившей название «Stationers». Все издатели должны были регистрировать свои сочинения в книгах этой компании. В дореволюционное время их записи были полны, но потом число записей падает, тогда как число изданий увеличивается. В 1640 году у них 240 записей, а в 1642 уже только 76, а за первую половину 1643 г. — 35. В парламент поступила петиция от Stationers с жалобой на нарушение их прав и с требованием ограничения печати. Парламент внял их просьбе и ордонансом от 14 июня 1643 г. восстановил монополию Statio-

pers, ввел обязательность предварительной цензуры, назначил штат цензоров (без жалованья, получают пошлины с авторов). Число регистраций в книге Stationers сразу поднимается: за вторую половину 1643 г. их уже 333. Строгость революционной цензуры преувеличивалась. Наш главный авторитет по истории печати в революционное время, Уильямс (Williams. A history of English journalism), тенденциозен. Автор, тори, до сих пор называющий казнь Карла I предумышленным убийством, старается раздуть те преследования, которым стала подвергаться монархическая печать после издания этого ордонанса. Преследования все-таки были. В январе 1645 г. был закрыт журнал «Парламентский Разведчик» за утверждение, что церковное управление не является установлением божественной воли. Другой журнал (Scotish Dove) был закрыт по жалобе французского посла, а журналист, издававший его, посажен в тюрьму. Компания Stationers привлекала к судебной ответственности и Мильтона за то, что он выпустил «Трактат о разводе» и «Ареопагитику» без регистрации и предварительной цензуры.

В сознании англичан не было представления о необходимости безусловной свободы печати. И сам Милтон требует не свободы печати, а отмены предварительной цензуры; он признает, что надо преследовать печать в случае нарушения ею законов, но преследовать судебным порядком. Он сравнивает вредные книги с зубами дракона, из которых, после того, как они рассеяны по земле, могут вырасти вооруженные люди. Трактат Мильтона не имел реальных последствий, и только в 1649 г. левеллеры опять подняли вопрос об отмене предварительной цензуры. Они говорили в своей петиции, что без свободы печати невозможно сохранить народ от тяжкого рабства. Что станет с народом, который может говорить лишь то, что угодно цензорам?

Особенно строго следили за газетными разносчиками. В 1647 г. постановлено разносчиков неразрешенных газет подвергать телесному наказанию; секли даже женщин, продававших монархическую литературу. Роялистские журналисты часто сидят в тюрьме. Но все эти преследования не носят систематического характера: неразрешенные произведения все-таки распространяются; авторы, наказанные тюрьмой, легко освобождаются от нее при помощи друзей или просто убегают. Гнет не мог предотвратить быстрого роста политической литературы. Растет даже роялистская печать. За роялистские журналы охотно платят большие деньги. В 1648 г. выходит даже «Католический Меркурий» с изображением креста и четок.

Современная периодическая печать ведет свое происхождение от революционного периода: правильно выходящий журнал, это — дитя революции; раньше же выходили отдельные сборники памфлетов,

дневники и т. п. издания, носившие иногда названия «диурналов» (отсюда и «журнал»). У этих памфлетов не было определенных названий: одни и те же издатели выпускали свои издания под разными именами, неравномерно, в неопределенные сроки. Переход к периодическим изданиям совершился не сразу; но уже в конце 1641 года стали выходить некоторые издания, близкие к современным газетам. Эти журналы стали выходить в определенное время, под одним и тем же названием, а иногда даже с последовательной нумерацией. Не могло быть и речи об ежедневной газете, так как почта только раз в неделю приходила в Лондон из провинции и раз же уходила туда. Когда в 1647 году почту стали пускать два раза в неделю, то журналы стали быстро размножаться, «как мухи на кухне богатого человека», по выражению противников печати. Некоторые из этих журналов живут по нескольку лет. Тогда же начинает выходить первый иллюстрированный журнал (*Mercurius Civicus*). Другой ловкий издатель Уокер впервые стал помещать в своем издании объявления о новых книгах, чудодейственных лекарствах, бежавших учениках, краденых лошадях; он подвергался граду насмешек, но спокойно собирал большой доход. Любопытен один журнал, предназначавшийся для иностранцев, изображавший положение дел в выгодном для парламента свете. Это «Английский Меркурий» (*Mercurus Anglois*), выходивший на французском языке и просуществовавший четыре года. И роялисты спешат обзавестись журналами.

Они стали издавать газеты сначала в Оксфорде, а потом и в Лондоне, в подпольных типографиях. Монархические журналы производят лучшее впечатление, чем парламентские, так как их редакторами были люди более образованные — священники, джентльмены. Тон журналов обоих лагерей резкий и задорный, но парламентские журналы грубее и циничней, так как их редакторы обычно были людьми более низкого происхождения и слабого образования (чаще всего клерки). Видный парламентский журналист Диллингем был раньше портным, а Уокер был сначала учеником железного торговца, потом диаконом, потом книготорговцем; журнальным делом он занялся более для того, чтобы использовать свои коммерческие способности. Рядом с этими недоучками можно указать среди парламентских журналистов и на людей с университетским образованием, например, на редактора «*Mercurius Britannicus*» Нидгема, человека талантливого, но беспринципного, часто менявшего свои убеждения. Его девиз «*Nemo me impune lacessit*».

Журналисты вносят в жизнь злобу, полемизируют так грубо, что теперь неприятно читать их статьи. Часто между журналистами одного лагеря поднимается перепалка и обвинения друг друга в неблагонадежности. Как на образец тогдашней публицистики,

можно указать на статью, помещенную 28 июля 1643 г. в «Британском Меркурии». Тогда разбитый при Нэзби Карл блуждал по Англии, ища себе нового войска. «Британский Меркурий» издевается над королем и предлагает искать пропавшего монарха: «Где король Карл? Лови, держи его. Не может ли кто-нибудь дать сведения об этом короле, четыре года тому назад бежавшем от парламента, совесть которого нечиста, руки окровавлены и сердце полно несдержанных обещаний? Если этих примет мало, то вот еще приметы: он косноязычен; заставьте его говорить, и вы легко узнаете его». Потом, когда король отдался шотландцам, а англичане с тревогой ждали, выдадут или нет шотландцы им короля, «Британский Меркурий» писал 11 мая 1646 года: «Отдадут ли шотландцы короля парламенту, или нет? Общины, будьте тверды, вы дорого купили свою свободу, а он пытался отнять ее у вас, этим самым он сделался тираном и нечестивым змеем». Вскоре после этой статьи журнал закрыли, а Нидгема посадили в тюрьму за то, что он пытался поссорить палаты между собой. Но в скором времени его опять выпустили на свободу.

Почтение к королю слабеет даже у консерваторов. Например, такой респектабельный человек, как Генри Паркер (Henry Parker) в 1640 году еще имел представление о полной гармонии между свободой и королевской прерогативой, определенной законом; но уже, в 1642 году Паркер взывает не к старине, а к естественному праву к «схартии природы»; он уже говорит, что ради самосохранения палата общин может захватить власть в свои руки и без короля издавать постановления для обеспечения народной пользы. Спор между королем и общинами должен быть решен по естественному праву. Свободно выбранный парламент не может быть тираном, а монархия несет опасность рабства. Осенью 1644 года, когда парламент стал одолевать короля, Паркер стал еще решительней. «Аристократия и монархия, — говорил он, — это производные формы правления, основной и естественной является народовластие; в случае нарушения королем его долга народ в праве его низложить».

В 1643 году законник Принн выступил с трактатом о верховной власти парламента. Прерогативу короля он сводил почти что к нулю: король не имеет права отказывать в утверждении важных биллей, уже прошедших в парламенте; он может отклонять только второстепенные билли. Король не может также сам назначать министров, а должен только утверждать парламентских кандидатов. Принн оправдывал право сопротивления естественно-правовыми нормами; народ имеет право сопротивляться тому, что направлено к его гибели.

Резкая постановка политического вопроса была и у шотландца Резерфорда (Rutherford), девизом которого было: *lex rex*. Он полагал, что выбор той или иной формы правления определяется соображе-

ниями полезности. Если выбрана монархия, то монархическая власть должна отмеряться унциями, и в случае нарушения королем условий может быть отобрана. Народ — источник власти. И король и парламент — лишь доверенные слуги народа. Народ может отменить парламентский акт.

В революционной Англии язык развязался и у таких людей, которые в старой Англии привыкли держать его за зубами. Стоит остановиться на одном из замечательнейших англичан того времени — Сельдене (Selden). Его правительственная деятельность относится к 20 — 40-м годам; он считался человеком умеренным, но сороковые годы обнаружили в Сельдене большого скептика. До нас дошли его «Обеденные разговоры». Сельден не стоит на точке зрения естественного права, он придерживается права положительного и организацию власти связывает с действительным взаимоотношением сил. Сельден не делает обобщения относительно монархии: из того, что на континенте власть монархов сильна, вовсе не следует, что она должна быть сильной и в Англии. Монарх, что повар: как повар не может просить себе прибавки жалования, ссылаясь на то, что соседний повар получает больше, а должен довольствоваться тем, что ему дает хозяин, так и монарх должен удовлетворяться той властью, которая ему отмеряется народом. Чтобы знать, поскольку следует повиноваться королю, нужно хорошенько всмотреться в договор, а в случае его нарушения решить дело оружием. Положим, у нас с вами, рассуждает Сельден с своим собеседником, есть шиллинг, из которого 10 пенсов ваши, а 2 мои. Если вы захотите отнять мои два пенса, то я буду иметь право защищать свою часть, хотя бы она и была меньше вашей. Представление о мистической прерогативе короля совершенно отсутствует у Сельдена: он сводит монарха в ряды обыкновенных смертных.

Идеи народовластия резко выражены у Лильберна, ставшего потом вождем левеллеров. Уже в 1645 г. он был крупной фигурой. Тогда он ушел из армии, отказавшись признать Ковенант, и превратился в публициста, обличителя умеренной партии. Летом 45 г. его сажают в тюрьму за обвинение епископа в пособничестве королю. Из тюрьмы он пишет «Письмо другу»; палате общин принадлежит верховная власть, но она должна править согласно основным законам и обычаям страны. Двери парламента должны быть открыты для всех свободных. Лильберн резко нападает на «черные кафтаны» (пресвитериан) за ограничение свободы печати. Он протестует против уплаты церковной десятины людям, веры которых не разделяешь, так как ни у какого правительства нет власти над царствием божьим. В 1646 г. Лильберн обвиняет Манчестера в роялизме. Палата лордов привлекла его к ответу.

Но он смело ведет себя на суде, сам отвечает обвинениями, говорит лордам, что у них нет полномочия судить коммонера. Авторитету парламента Лильберн противопоставляет авторитет народа. Народ выше парламента, следует сопротивляться узурпациям как короля, так и парламента. В своем трактате о королевской власти Лильберн решительно высказывается против монархии. Он находит в отношении народа к королю элементы боготворения, а это он считает кощунством. Некое чудовище из дьявольского отродья, пишет Лильберн о короле, присваивает себе власть бога.

Когда Лильберн попал в тюрьму (1645), то была подана петиция об его освобождении; в этой петиции ясно слышится идеология самого Лильберна. Петиционеры зовут членов парламента поверенными народа, их верховного суверена, и требуют от них отчета. Обличителю сектантов Эдуордеу вместе с религиозным движением приходилось обличать и рост политических учений. Эдуордеа бесит то, что Лильберн становится героем массы, и он приводит молитву, сложенную в честь него: «Господа, порази всех монархов, подними и возвысь твоего слугу Джона Лильберна».

Политическое возбуждение не ограничивалось одной литературой, но и захватывало более широкие слои населения. Народные массы были вовлечены в политическую борьбу; конечно, в ней принимали участие главным образом городские, и в первую очередь столичные жители.

В Лондоне с самого начала гражданской войны начались манифестации; они связаны, главным образом, именно с войной. Иногда манифестанты требовали прекращения войны, иногда, наоборот, более энергичной борьбы. Рано начинаются жалобы на безработицу и связанный с нею голод. Уже в феврале 1642 г. женщины грозят лордам привести в парламент своих голодных детей, чтобы лорды кормили их. Через два дня жены кушцов и джентльменов подают петицию с требованием судить Лода и удалить епископов. В декабре 1642 года толпа врывается в помещение одной ливрейной компании в Сити — там заседал финансовый комитет парламента — и требует мира. Через несколько дней толпа врывается в помещение Городского Совета, хочет заставить мэра и ольдерменов подписать петицию о мире. Толпа кричит «Мира, мира!» Кто-то крикнул «Мира и правды!» Ему отвечают: «К чорту правду, мира во что бы то ни стало!» Толпа угрожала расправиться с мэром и ольдерменами, избива стражу. Для водворения порядка пришлось вызвать милицию. В январе 1643 года в парламента поступает массовая петиция о мире от эссекских, гертфордширских, бедфордширских и лондонских подмастерьев. 9-го августа 1643 г. в парламента подают петицию о мире жен-

щины. Петиция написана в самых льстивых выражениях, — зовут парламент благодетелем нации. Но поведение петиционерок не соответствовало тону петиции и напоминает поведение современных суфражисток; женщины колотили в двери парламента, грозили взять силой лидеров и потопить их в реке, бросали камни в милицию. Манифестация приняла такие размеры, что обыкновенная милиция не могла с нею справиться и для водворения порядка принуждены были пригласить кавалерию, которая стреляла по толпе, при чем были убитые и раненые. Насколько сильно захватило это движение жителей Лондона, может свидетельствовать тот факт, что вскоре в парламент поступило прошение одной женщины, миссис Джордан, которая просила выдать ей заграничный паспорт. Ей приходится бежать из Англии, потому что ей грозит месть за то, что она не принимала участия в манифестации. Несмотря на тот глубокий интерес, который проявляли лондонцы ко всем этим манифестациям, они не были организованы и планомерны: за два дня до женской манифестации была мужская и просила как раз о противоположном. После 1643 года наступил перерыв, и только в 1647 г. манифестации возобновляются. Выступают со своими требованиями подмастерья. В феврале 1647 года подмастерья потребовали себе от парламента одного праздничного вторника в месяц. Их просьба была удовлетворена, и в первый же праздничный вторник они подали петицию, направленную против индепендентов, за пресвитерианство и короля. В этом движении приняла не то шуточное, не то серьезное участие и лондонская женская прислуга. Служанки говорят, что работают они не меньше подмастерьев, а терпят притеснений гораздо больше. Им тоже необходим один праздничный вторник в месяц, когда бы, несмотря на дождь, снег и слякоть, английская прислуга имела бы право надеть свое праздничное платье и идти гулять.

Женщины принимают видное участие и в движении левеллеров; в апреле 1649 года они подают петицию в парламент об освобождении Лилльберна. Один из членов парламента указал их депутаткам на странность и необычность женских петиций. Ему на это ответили из толпы, что если это и необычно, то не значит, что это незаконно; необычного тут не больше, чем в поведении членов парламента, отрубивших голову королю; женщины начали шотландскую революцию. Женщины еще два раза подавали массовые петиции, но им отвечали: «Ступайте домой и занимайтесь хозяйством». В одной петиции 1649 года женщины требуют отмены военных судов в мирное время и развивают программу прав женщины. Разве мы не подобие божие? Разве и мы не заинтересованы в свободе? Они требуют доли женщины в политической жизни и права петиций.

Война будила и равнодушные к политике слои населения. Сельским хозяевам приходилось терпеть много от грабежей обеих воюющих сторон, и в 1645 английские крестьяне на западе и ю-з. для борьбы с грабежами стали собираться в отряды, доходившие порой до 10.000 чел. и получившие название дубинщиков (clubmen). Эти отряды представляли значительную силу, с которой приходилось считаться и Кромвеллю и Ферфаксу. Иногда у них прорывались роялистские тенденции. Их приходится усмирять. Но существенного влияния на ход событий это движение не оказало.

СОУНБ им. В. Г. Белинской
<http://book.ugraic.ru/>

VII. Смута в период между первой и второй гражданской войной.

Попытка парламента распустить армию. — Гранды и левеллеры. — Армейская организация. — Отказ армии разойтись. — Захват короля. — Разрыв с парламентом. — Декларация армии. — Армия и общественное мнение. — Деморализация парламента. — Оккупация Лондона.

Решающий голос в английской революции принадлежал организованному и вооруженному меньшинству — армии.

В марте 1647 г. была взята последняя роялистская крепость в Уельзе. Но еще в мае 1646 г. король оказался в плену у шотландцев и в январе 1647 г. был выдан парламенту. В феврале последний шотландский солдат ушел из пределов Англии. Война кончилась. Тотчас же в парламент отовсюду стали поступать петиции о роспуске армии. В этих петициях чувствуется страх пресвитериан перед еретической армией; рядом с требованием роспуска вставляется требование строгого введения пресвитерианского строя. Кромуэль жалуется Ферфаксу на общее озлобление против армии. Но слышны и другие мотивы — стремление облегчить невыносимое налоговое бремя, страх разорения. Парламент, в обеих палатах которого пресвитериане составляли большинство, мечтал мирно распустить армию, сильно ограничить власть короля, ввести в стране прочный конституционный порядок. Парламент решил оставить кавалерию почти в полном ее размере, совершенно распустить пехоту и срыть почти все крепости. Пресвитерианская милиция должна была служить противовесом сектантской кавалерии. Парламент даже не считал нужным расплатиться с армией перед роспуском, а кавалерия не дополучила жалованья за 10 месяцев, пехота за 4; всего было недоплачено около 330.000 ф. Парламент решил выдать солдатам вместо наличных денег обязательства и расплатиться тогда, когда это позволит состояние государственного казначейства. 4 марта 1647 г. были отменены специальные налоги, назначенные на содержание армии.

Для того, чтобы облегчить роспуск, было предложено желающим записаться в ирландскую армию, остальные же должны были

подчиниться приказанию парламента и мирно разойтись. Однако дело пошло и не так, как этого ожидал парламент. Армия совсем разойтись не пожелала. Когда 21 марта 1647 г. комиссары явились в главную квартиру записывать волонтеров для ирландской армии, то офицерская сходка потребовала ответа на четыре вопроса: 1) Какие полки останутся в Англии и какие пойдут в Ирландию? 2) Кто будет командующим войсками в Ирландии? 3) Чем будет гарантирована уплата жалования армии в Ирландии? 4) Какова гарантия уплаты недоданного жалованья? Солдаты в свою очередь на сходке выработали петицию к Ферфаксу с требованием уплаты жалованья, изъятия бывших солдат от наборов и обеспечения солдатских вдов и сирот. Парламент объявил всех, кто будет поддерживать эту петицию, врагами государства. Еще раньше парламент распорядился отнять у высших чинов армии титул генералов и приказал всем офицерам примкнуть к государственной, пресвитерианской церкви. Подобные распоряжения подливали масло в огонь. В ирландскую армию записались очень немногие. В половине апреля один корреспондент, доброжелатель парламента, пишет, что в армии разлита ненависть к парламенту, что солдаты собираются идти на Лондон и что книги Лильберна в армии цитируются, как свод законов.

Между тем в армии идет организационная работа. В конце апреля кавалерийские полки выбирают по два «агитатора». Тогда слово агитатор имело иной, отличный от нашего смысла — представитель в делах, агент. Выбранные агитаторы подают высшему командованию петицию. Они жалуются на стремление расколоть армию путем приглашения в Ирландию, на чрезмерную власть, какую приписывает себе парламент, вырождающийся в тиранию. В это время парламенту доносят, что вся армия насквозь пронитана идеями Лильберна и скорее склонна предписывать законы, чем выполнять их.

Лильберн в это время сидит в Тауэре, но среди армии ходят его памфлеты и памфлеты его единомышленников, напр., «Новая стратегема», где армия призывается к охране закона и свободы. Между армией и Лильберном поддерживается тесная связь. Он думал найти в Кромуэле защитника своих идей, но ошибся. Генералы и офицеры привыкли преклоняться перед авторитетом парламента и смотреть на простонародье свысока, за что они и получили название графдов. Они пробовали и в армии и в парламенте умерить требования солдат. Радикалы не могли понять такой перемены фронта. Лильберн, который привык смотреть на Кромуэля почти с благоговением, пишет ему из тюрьмы письмо («Крик Ионы из чрева китова»): «О, дорогой Кромуэль, да откроет бог твои глаза. Как бедный Мардохей говорил Эсфири, так я говорю тебе: ты, великий человек, Кромуэль, если ты тормозишь

наши и армейские петиции и подводишь под них мины, то избавление придет к нам бедным, несчастным, слишком много возлагавшим на тебя, и придет оно не от вас, одетых в шелк индеев. Если ты не захочешь смело и в страхе божием идти вперед,.. то знай, что я привлекаю тебя к страшному суду божию за ложь и обман,.. и если это правда, то пусть будет проклят день, когда палата общин купила тебя за 2.500 ф. в год, чтобы ты был против нас...»

Но гранды не хотели служить левеллерам. Они пробуют занять примирительную позицию. Кромуэль хорошо сознает всю трудность своего положения между парламентом и войском. Его раздражает недоверие парламента, у него мелькает мысль перебраться в Германию и там сражаться за кальвинистов. Но в то же время он старается примирить солдат с парламентом. Парламент пошел на большие уступки. Он дал гарантию, что против солдат не будет политических преследований, обещал выплатить большую часть недоданного жалованья, на остальное выдать обязательство.

Причина этой уступчивости — та, что к этому времени солдаты успели вполне организовать свое представительство (от каждого пехотного и кавалерийского полка по 2 «агитатора»). 7 — 16 мая 1647 г. офицеры и солдатские представители совещаются вместе. Под влиянием Кромуэля, убеждавшего солдат поддержать парламент, как единственную опору порядка в стране, собрание вынесло умеренную резолюцию. Но агитаторы не доверяют парламенту и предостерегают солдат от его махинаций, стремящихся поселить раздор между офицерами и солдатами, уничтожить единодушие в армии и таким путем добиться ее роспуска, чтобы потом одних услатить в Ирландию, а других перевешать в Англии. И парламент не доверяет армии и боится ее связей с людьми вроде Лильберна. Страхи парламента были небезосновательны. В это время среди солдат все больший и больший успех имеет радикальная пропаганда. Радикалы еще в марте подают парламенту петицию, в которой требуют освобождения Лильберна и предъявляют ряд других требований, которые в то время не могли иметь практического осуществления, но показывают, как велико было в то время политическое возбуждение. Они требуют, чтобы верховная власть принадлежала палате общин, чтобы у короля и лордов отнять veto; они требуют отмены законов против тернимости, отмены десятины, удешевления судопроизводства; требуют, чтобы право было согласовано с христианством, чтобы в судопроизводстве употреблялся исключительно английский язык; они требуют уничтожения монополий и социального обеспечения для бедных. Наконец, они требуют, чтобы сектантов допускали к государственным должностям наравне со всеми.

Парламент в ответ распорядился арестовать двух вожаков, подавших петицию, но он не рассчитал, какое действие их арест окажет на армию, которая уже приобрела тесную связь с радикалами. Тотчас же после ареста в армии начали собирать подписи под петицией об освобождении арестованных. Парламент постановил к 1 июня 1647 г. начать роспуск армии; результатом этого был военный бунт. Агитаторы издали циркуляр о сопротивлении, солдаты отказываются повиноваться парламентским комиссарам, присланным для производства роспуска.

Генералы и офицеры стали на сторону солдат, и армия немедленно приступила к захвату власти, начав с захвата короля. По приказу Кромуэля 2 июня, кавалерийский отряд, под командою корнета Джойса, отправился к королю в Хольмби, отбил его у парламентских комиссаров и привез в лагерь армии.

То обстоятельство, что пленный, бессильный король представлялся чрезвычайно ценным заложником, что армия старалась отбить его у парламента, может показаться странным; но этому объяснением служит живучесть дойляльных чувств и роялистических настроений.

Король в минуты крайнего упадка своей власти ничуть не сомневался в том, что он центральная фигура всей Англии; и в этом убеждении его поддерживали и окружающие; вспомним, с какими почестями его встречали, когда он возвращался пленником из Шотландии: звонили в колокола при его проезде, в честь его палили из пушек, и даже пленный, униженный, лишенный прерогатив король творил, по народному верованию, чудеса: исцелял золотушных. Напрасно Мартея издевался над этим верованием: «Мне кажется, что и парламентская большая печать могла бы исцелять королевскую болезнь, если бы издать соответствующий приказ». Толпы стекались к королю в Хольмби, ища исцеления.

Парламент считался с этим и щедро отпускал королю деньги для его личных нужд (50 ф. в день). Король жил широко. Стол у него был такой же, как в былые времена. Король видел свое обаяние и не сдавался, по прежнему был полон веры в свое назначение, верил в окончательное торжество своих надежд. Он думает, что стоит подождать полгода, и все сделается само собой. Он был до того в этом уверен, что даже обижался на тех, кто не искал у него милостей в это время; король надеялся то на шотландскую, то на ирландскую, на французскую, на голландскую помощь.

Как раз во время королевского плена сильно развивается роялистская литература, несмотря на цензуру. Появляются памфлеты, в которых пленение короля кощунственно сравнивается со страданиями Христа. Победители не в состоянии были смотреть на короля, как на простого пленного; они видели его влияние и ста-

рались его заполучить в свои руки, как некий политический амулет. Король, хотя и пленный, важен для всех — и с ним вступают в сношения и армия и парламент. Еще в январе 1647 г. пресвитерианские пары готовы пойти на большие уступки, помириться с королем, если только он на десять лет предоставит парламенту власть над милицией и на три года введет пресвитерианский строй; от короля даже не требуют, чтобы он формально принял ковенант, и король в мае 1647 г. дает свое согласие на эти условия. Но одновременно с этим он тайком готовится к новой гражданской войне, заигрывает с индепендентами и армией, ведет тройную игру.

Еще в конце 1645 года индепенденты вели тайные переговоры с королем в надежде, что король за свою реставрацию предоставит сектантам свободу. В апреле 1647 г. король получил от некоторых офицеров приглашение бежать в армию, но он отказался. Появление кавалерийского отряда в Хольмби не было для короля полной неожиданностью. Он несколько не испугался и довольно охотно поехал с Джойсом в главную квартиру армии, в Ньюмаркет, и с тех пор имеет свое местопребывание вместе с армией.

В новом своем плену король чувствовал себя лучше, чем в Хольмби. Правда, он находился при главном штабе армии и должен был следовать за ним при всех его передвижениях, но зато ему предоставлялось больше свободы; король, например, получил англиканских капелланов и виделся со своими детьми и роялистскими перами. Король быстро применился к новым условиям, интимно беседовал с Кромуэлем и Ферфаксом, держался так высокомерно, что Айртону пришлось его осадить. В армии стали мечтать о том, чтобы умиротворить страну совместно с королем. Но с парламентом у армии резкий разрыв.

С мая 1647 г. в армии развивается живая политическая жизнь и бьет ключом до конца года. В армии происходят митинги, общearмейские сходки (*rendez-vous*) и заседания армейского представительства, которое организовалось в конце апреля. На общearмейской сходке 5 июня в Кентфорд-Хилс (близ Ньюмаркета), солдаты и офицеры подписали «Торжественное обязательство» не расходиться до удовлетворения армейских требований и устроить общearмейский совет, в котором были бы представлены и высшее командование, и офицеры (по два от полка), и солдаты (тоже по два от полка). Для солдатских представителей установлены двухстепенные выборы. Роты и эскадроны выбирали от себя выборщиков, которые в свою очередь выбирали по два человека от полка в генеральный совет армии: по два человека от полка посылали и младшие офицеры, прямым выбором; генералы и полковники армии входили в совет все. Право созыва совета принадлежало главнокомандующему.

Начиная с внешней обстановки, все своеобразно в этом совете. Армия, конечно, имеет строгую дисциплину и субординацию, соблюдает табель о рангах. Но солдаты сидят, несмотря на присутствие генералов, голосуют наравне с другими, пользуются полной свободой слова, на совете Кромвель, обращаясь к ним, зовет их джентльменами. Генералы и офицеры подавляют солдат своим образованием, но и среди последних находились люди с несомненным политическим талантом, напр., Сексби и Аллен. Влияние офицеров все растет, и они постепенно подчиняют себе солдатских депутатов. На заседаниях этого совета часто происходят моления, поются гимны, дебаты иногда прерываются псалмами, присутствующие поддаются религиозному экстазу и кто-нибудь из них говорит по наитию духа. Решения могут приниматься в такие минуты, как откровение свыше.

Новая организованная сила быстро вмешалась в тогдашнюю политическую борьбу, и старым политическим организациям приходится все более и более с ней считаться. 10 июня 1647 г. лондонское городское управление обращается к армии с предложением о примирении. Армия на общей сходке в Трипло-Хис ответила, что она не думает создавать нового государственного устройства, но она требует, чтобы парламент выполнил свое обещание дать стране свободу. Должна быть установлена свобода совести, хотя и без крайностей. Тогда армия разойдется. Но если ее вздумают распустить насильно, то она снимает с себя ответственность за те беды, которые могут постигнуть Лондон.

15 июня 1647 г. армейский совет послал парламенту «Декларацию армии». Автором этого знаменитого документа называют Айртона, а его ближайшим сотрудником — Ламберта. Оба они получили юридическое образование. Армия, — заявляет Декларация, — не войско наемников, готовых служить любому тирану, армия призвана парламентом защищать справедливые права и вольности народа. Армия не может толковать конституцию по букве закона, она хочет и должна толковать ее по духу. Для обладания властью нужны нравственная высота и благочестие. Нужно очистить парламент от недостойных людей. Нынешний парламент должен разойтись. Впредь парламенты должны заседать не дольше трех лет. У короля надо отнять право роспуска. Опасаясь, чтобы члены армии по выходе из нее не пострадали за свои религиозные и политические убеждения, армия требует для всех амнистии, права петиций, ограждения религиозной свободы; необходим контроль общественного мнения над государственным хозяйством, и потому надо печатать финансовые отчеты.

Эта декларация представляет из себя зародыш будущих писаных конституций; до сих пор конституция опиралась по преимуществу на обычай, на прецеденты, молчаливые соглашения.

16 июня армия подает парламенту формальное обвинение против одиннадцати непопулярных коммонеров в том, что они нарушают вольности английского народа и готовят вторую гражданскую войну. Парламент вступает за обвиняемых, но армия настаивает и угрожает, и одиннадцать членов принуждены покинуть палату общин. Так армия уже начала диктовать свою волю парламенту.

Армия старается опереться на общественное мнение; морякам пишут письмо, в котором приглашают их соединиться с армией. В армию подаются сочувственные петиции. Правда, враги ее утверждают, что все эти петиции фабрикуются на главной квартире и во всяком случае инспирируются ею. Но против этого говорит то обстоятельство, что некоторые петиции приходят из отдаленных мест, например, из Девоншира, из Уэльса, среди подписей под ними встречаются и имена людей влиятельных, рыцарей и джентльменов. Уайтлок, которого нельзя заподозрить в пристрастии к армии, жалуется в своем дневнике, что парламент потерял свое обаяние в народе, что население графств и горожане Лондона обращаются прямо к генералу и к армии, минуя парламент. Население обращается к армии со своими нуждами, как к верховному государственному учреждению. Из Девоншира жалуются на производ и взяточничество чиновников, лондонские пивовары просят снять с них акциз. Есть много выражений сочувствия, поздравлений (в том числе от лондонских подмастерьев), пожеланий, чтобы армия не расходилась.

В некоторых петициях чувствуется радикальное левеллерское влияние. Например, такова петиция города Бристоля от 2 сентября. Нужно удовлетворить законные требования армии, предохранить народные свободы от тирании, удалить из парламента и судов неподходящие элементы. Но нужно также обеспечить права личности, сделать невозможным продолжительное заключение без суда, ускорить самый судебный процесс, упростить действующее право и не принуждать к Ковенанту силой. В некоторых сентябрьских петициях требуют отмены обязательной десятины в пользу господствующей церкви; каждая церковь должна содержаться только на средства верующих. Армия представляет из себя ядро, вокруг которого кристаллизуются радикальные течения, и быстрый рост этого ядра импонирует парламенту.

Уже в июне 1647 г. в парламенте чувствуются растерянность и шатание, постоянная перемена настроений. В связи с этим приобретает все большее значение лондонская толпа, одно время подчинившая себе парламент. Разные слои столичного населения выступают с петициями. Парламент по большей части не удовлетворяет их. Тогда толпа пытается насильно навязать их парламенту, совершить государственный переворот, захватить власть. В Лондоне

летом 1647 г. водворяется смута, анархия, которая приводит к военной оккупации Лондона.

На событиях 1647 г. приходится остановиться более подробно, так как они являются центральным узлом в истории английской революции; тут намечаются главные течения последующей борьбы, наиболее рельефно определяются пресвитерианство, парламентская программа, сказывается жизненность побежденного роялистского лагеря и, наконец, выдвигается та сила, которой приходится главенствовать в 50-х годах. Уже первые революционные шаги армии — отказ разойтись по приказу парламента и захват силой короля — намечают будущую военную диктатуру, которая и осуществилась затем протекторатом. И уже тогда, в 1647 г., большинству было понятно, что конечная победа в этой борьбе будет на стороне армии. Парламент не сразу сознает свое поражение; он еще пытается сопротивляться — продолжает переговоры с Шотландией, с королевой, записывает у Сити, издает грозные приказы, чтобы армия отошла от Лондона и выдала короля, пытается устроить мобилизацию, но все это без успеха. Армия приближается к Лондону. Лондонские лавочники отказываются даже запереть свои лавки в день, назначенный для их мобилизации. Престиж парламента настолько падает, что даже Сити входит в переговоры с армией, говорит с парламентом очень непочтительно. Парламент мечтает противопоставить независимой армии, подступавшей под Лондон, лишь мобилизованных милиционеров и солдат старой армии (reformadoes), расформированных при организации Новой Модели. Лондон наполняется этими расформированными, уже утратившими всякую дисциплину, буйными, ненадежными, которые дерзко пристают к парламенту, требуя от него уплаты жалованья, и в довершение всего присоединяются к лондонскому пролетариату, представлявшему из себя еще менее надежный опору. 8 июня они осаждают парламент и не выпускают никого, пока им не обещают уплаты. Временами толпа подает парламенту петиции и резолюции, составленные в духе, враждебном к армии, но этим еще больше пугает нерешительный парламент. Выступления хаотичны. Бывало, что две толпы однородного состава подавали одновременно петиции в совсем противоположном духе. 20 июля толпа появляется у ступен парламента и ведет себя очень буйно; для умирения толпы приходится обратиться к помощи полиции и солдат. 21 июля, подмастерья, расформированные солдаты, лодочники, моряки и некоторые горожане подписывают торжественное обязательство поддерживать Ковенант и восстановить королевскую власть. Парламент отказался принять обязательство и даже резко осудил его. Но это не произвело никакого впечатления на толпу; 26 июня толпа вновь собирается у здания парламента и производит настоящий политический

переворот; она врывается в самый парламент — сначала в палату лордов, где в это время заседали 9 человек, и требует от них отмены постановления, осуждающего «Торжественное обязательство», и возвращения 11 членов, ушедших под давлением армии. Лорды уступают под натиском толпы. Опьяненная своим успехом толпа направляется в палату общин, но, однако, не решается войти в самую палату, а останавливается у дверей, и требует голосования по тому же самому вопросу. С нижней палатой пришлось больше побиться — целых шесть часов толпа стояла в дверях и кричала «Голосуйте, голосуйте!» («vote, vote!»). В конце концов их желание удовлетворяется, и спикер уходит со своего места. Но толпа все еще не удовлетворена, силой удерживает спикера на кресле и заставляет палату проголосовать немедленное приглашение короля в Лондон.

После этого события парламент потерял всякий авторитет. Он раскалывается на две части, и одна из них ищет защиты у войска. Спикеры обеих палат (спикер перов — пресвитерианин Манчестер), 8 индепендентских перов, 57 индепендентских коммонеров бегут в главную квартиру. Наступает полнейшая анархия, неясно, какой же парламент настоящий, тот ли индепендентский, который находится вместе с спикерами в армии, или тот пресвитерианский, который остается в Лондоне. Последний, конечно, считает себя настоящим парламентом и делает попытку отстоять свою позицию — он пробует устроить мобилизацию, возвращает 11 коммонеров, приказывает армии отступить. 2 августа многотысячная толпа индепендентов подает парламенту петицию о соглашении с армией; пресвитерианская милиция избивает их за это тут же на улицах Лондона. Но это уже последняя вспышка, последняя судорога умирающего пресвитерианского парламента.

Еще 16 июля солдатские депутаты требовали оккупации Лондона. После событий 26 июля оккупация неизбежна. 3 августа происходит смотр армии, и на нем присутствуют, кроме генералитета, бежавшие в армию члены обеих палат. Армия движется на Лондон, который совершенно не в состоянии защищаться, принужден смириться и сдается без всяких условий. 6 августа 1647 г. армия входит в Лондон. Эта военная оккупация фиктивно является восстановлением парламента, фактически же это торжество армии; главнокомандующий ее, Ферфакс, назначается комендантом лондонской крепости, Тауэра. Даже после этого нижняя палата пробует фрондировать; там пресвитериане все еще составляют большинство (в палату лордов ходят теперь только индепендентские перы). Но с парламентом уже не стесняются: полковник Рейнсборо прямо заявляет, что если палата общин не хочет добровольно смириться, то ее заставят это сделать. При таком положении дел парламенту

остаётся только подчиниться. Возникает вопрос, как быть с деятельностью парламента с 26 июля по 6 августа, после ухода индепендентов. Солдатские депутаты просят Ферфакса выгнать из парламента всех, заседавших там в это время. 20 августа Кромуэль поставил кавалерийский полк вблизи парламента, а сам вошел в палату с другими офицерами, членами парламента, и пригласил коммонеров проголосовать ординас, аннулирующий все постановления палаты от 26 июля по 6 августа, а их участников подвергающий каре. Вскоре к заседавшим за это время лордам было предъявлено обвинение в государственной измене. Пресвитерианское лондонское самоуправление также подверглось репрессиям. Лорд-мэр и 5 ольдерменов привлечены по обвинению в измене, и назначены новые выборы, которые прошли под давлением войска и отдали власть индепендентам.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

VIII. Политическая борьба в армии.

Основные предложения. — «Народное соглашение». — Прения в армейском совете в Петни. — Примирительная комиссия. — Повышение радикальных настроений. — Прения 1 ноября 1647 г. — Победа левеллеров в согласительной комиссии. — Победа грандов в армейском совете. — Бегство короля. — Бунт 15 ноября. — Конец армейского совета. — Разрыв армии с королем.

История знает не мало военных переворотов. Обыкновенно они бывают торжеством грубой силы. Армия, совершившая августовский военный переворот 1647 г., очень своеобразна. Эта армия — настоящий парламент. В ней кипит политическая жизнь, борются политические партии и программы, происходят бурные политические споры.

В 1890-х годах прошлого столетия в библиотеке одного из оксфордских колледжей (Worcester College) проф. Фёрс открыл протоколы заседаний армейского совета. Секретарем этого совета был Кларк и по его имени эти новооткрытые бумаги называются Clarke Papers. Протоколы армейского совета открывают нам политические идеи армии, во многих случаях пролагавшие новые пути для конституционного строительства. Эти идеи развертывались в целые программы, имеющие громадный исторический интерес. В них можно видеть ранние попытки создать писанную конституцию и предшественниц конституций протектората. Некоторые из выставленных ими требований предвосхищают требования радикальных программ будущих веков.

Резкий разрыв со стариной предлагала даже и сравнительно умеренная программа грандов, составленная, главным образом, при участии зятя Кромуэля, генерал-комиссара Айртона. Эта программа давалась на просмотр пленному королю, внесшему в нее некоторые изменения. Она носила название «Heads of the proposals» — «Основные предложения» — и была напечатана в виде манифеста армии 1 августа перед оккупацией Лондона. Она распадается на две части: одна заключает в себе меры временные, другая — меры постоянные. Меры временные направлены к устранению политического кризиса — провозглашается амнистия, но сторонники короля в гражданской войне отстраняются на 5 лет от должностей и пар-

ламент, сам король на 10 лет теряет право командования войском, а также право назначать на главные должности; настоящий парламент должен быть распущен не позже, чем через год. К постоянным мерам относятся требования, имеющие уже характер конституционной ломки: парламент должен избираться только на два года. Проект стремится охранить парламент от королевской власти: парламент должен заседать не менее 120 дней в году. Чрезвычайно характерно для проекта требование коренной избирательной реформы. — Необходимо увеличить число представителей от графств. Представительство городов было в сильной зависимости от королевского произвола: король по своему усмотрению делал тот или иной город парламентским и тем давал ему право посылать в парламент двух представителей; короли широко пользовались этим своим правом, и к XVII веку количество депутатов от городов стало в 4 раза больше числа депутатов от графств, несмотря на то, что население графств было в несколько раз многочисленнее городского. «Основные предложения» требовали, чтобы в парламенте было произведено коренное перераспределение мест, чтобы у пришедших в упадок городов было отнято право представительства и передано многолюдным графствам. Основанием для распределения мест должно служить государственное обложение. Выборы должны быть свободными, голосование в палате общин открытым.

Главным правительственным учреждением Англии был Тайный совет; он состоял исключительно из членов, назначаемых королем. «Основные предложения» требовали преобразования его в Государственный совет, при чем члены его назначались бы королем на 7 лет из тройного комплекта кандидатов, представляемых нижней палатой. Требовались также и другие существенные ограничения королевской власти. Например, из рук короля решили изъять назначение местных должностных лиц. Дотоле королю принадлежало исключительное право назначения на должности шерифов и мировых судей; по новому проекту присяжные (*grand jury*) каждого округа составляют список кандидатов в шерифы и мировые судьи; король только выбирает из этих списков. «Основные предложения» оставляют в силе Ковенант, но делают его необязательным для отдельных граждан. Церковные власти лишаются права налагать наказания нецерковного характера, но и гражданские чиновники не могут карать за церковные проступки (для католиков остается исключение). Повторяются требования радикальных петиций о снятии акциза с предметов, необходимых бедным классам, уничтожении монополий и ограничений промышленности и торговли, справедливом распределении налогов, праве петиций, ускорении и удешевлении процесса, упрощении права, введении финансовой отчетности. Но даже и эта радикальная программа не удовлетворяла левых, так как она оста-

вляла короля, об этом она говорила определенно, — оставляла лордов, — по крайней мере, она умалчивала о них; и, наконец, в основу распределения мест было положено налоговое обложение, что вводило не демократический, а цензовый принцип. Солдаты выступили со своей особой программой.

Программа солдат имеет две формулировки: одна из них называется «The case of the army truly stated» («Правдивое изложение требований армии»), другая: «Agreement of the People» («Народное соглашение»). Первые агитаторы скоро перестали удовлетворять солдат, и в начале октября пять кавалерийских полков под влиянием левеллеров выбрали новых, которые 18 октября представили Ферфаксу свою программу под названием «Правдивое изложение требований армии». Как и программа грандов, эта программа включает в себе и временные меры, которые сводятся к чистке и роспуску парламента, и меры постоянные; главная идея — начало и существо власти принадлежит всему народу. Устанавливается основной закон (law paramount), которого не может отменить парламента. Этим законом устанавливаются — созыв парламента каждые два года, всеобщее избирательное право для всех мужчин, полнота власти у нижней палаты, устранение монополий, десятин, сокращение законов до размеров одного тома; в этой программе сильно обличается казнокрадство членов парламента и чиновников. Авторы сознают, что их программа предполагает резкую ломку; в письме к Ферфаксу агитаторы заявляют, что они не боятся ломки существующих форм; все формы только тени, которые должны служить народной безопасности.

С этой программой тесно связана другая, которая носит название «Народного соглашения» и была 28 октября представлена новыми агитаторами армейскому совету. Первая ее часть конституционная — совпадает приблизительно в своих требованиях с прежними требованиями армии: двухлетний парламента, перераспределение парламентских мест соответственно с числом населения, при чем подразумевается (явно это не указано) всеобщее избирательное право, а также и сосредоточие власти у народных представителей. Вторая часть трактует о прирожденных правах и требует признания их за каждым человеком. Эти права: религиозная свобода, свобода от принудительного набора (всегда можно нанять солдат), амнистия, а также крайне неопределенное требование, чтобы законы были хороши и не разрушали благосостояния народа.

Эти программы офицерская и солдатская, «Основные предложения» и «Народное соглашение», и составили основу тех споров, которые происходили в армейском совете. Прения эти чрезвычайно важны. Кроме представителей армии, в них принимали участие и штатские — представители от левеллеров. На этих заседаниях

раскрывается внутренний разлад в среде армии: различные политических программ ведет за собой и различные политической тактики.

Прения происходят в конце октября и начале ноября, в церкви лондонского предместья Петни (Putney).

Король в плену у армии — и с ним гранды ведут переговоры, которые возбуждают беспокойство солдат. Ходят слухи, что Кромуэлю будет дан титул ерля. Известный Генри Мартен говорит по этому поводу, что он хотел бы быть Фельтоном Кромуэля (Фельтон — убийца герцога Бекингама).

20 октября, в нижней палате Кромуэль три часа бесспорчиво говорил о необходимости примирения с королем, что сильно озлобило республиканцев и дало пищу для всевозможных подозрений и пареканий. И в заседании армейского совета в Петни 28 октября сказывается недоверие солдат к грандам. Говорит солдат Сексби и указывает, что причина кризиса, это — оппортунизм грандов, их желание угодить королю и парламенту; Кромуэль и Айртон своим угодничеством испортили себе свою репутацию.

Кромуэль вынужден оправдываться. Он объявляет, что в парламентском заседании 20 октября он говорил не как представитель армии, а как частный человек, и что это лишь его частное, личное мнение.

Айртон также оправдывается в взведенных на грандов обвинениях и упрекает агитаторов в том, что они сеют раздор в армейском совете.

После его речи агитаторы читают свой проект «Народного соглашения». Кромуэль критикует «Соглашение» и выражает мнение, что оно опасно, так как его выдвигает небольшая кучка людей, что если каждая такая небольшая группа будет поддерживать свой проект, то это поведет только к раздорам, и с Англией может случиться то же, что и со Швейцарией — она может распасться на враждующие кантоны. Кроме того, Кромуэль находит, что этот проект не согласован с народным духом и характером — он неосуществим в английских условиях. Кромуэль предостерегает присутствующих от фантастических ссылок на религию и напоминает, что армия взяла на себя известные обязательства и должна их выполнить. Но последние слова Кромуэля не умиротворяют, а раздражают: его подозревают в тайных сношениях и соглашениях с королем и думают, что именно на эти обязательства он и намекает. Кромуэлю возражает один из штатских левеллеров Уайльдман и доказывает, что учение принудительности всех старых обязательств противно религии; каждый может отказаться от несправедливого обязательства.

Ему возражает горячо Айртон. Он говорит, что это — проповедь анархии, и что всякое общество возможно только при соблюдении обязательств.

Но тут на Кромуэля обрушивается полковник Рейнсберо. Он говорит, что у человека есть обязательства к богу, и они заставляют его отказаться от всяких других обязательств, если последние идут с ними вразрез. Он указывает на несостоятельность ссылки Кромуэля на возможность раздоров — правое дело объединит армию. Конечно, их дело трудное, но если они убеждены в его правоте, то они обязаны проводить его, хотя бы это стоило им жизни. Рейнсберо согласен, что этот переворот — ломка, но разве и теперешние законы не были когда-нибудь новшествами? Если даже английские законы вечны, их надо изменить, если они не годятся для свободных людей.

Кромуэль почувствовал всю серьезность этого момента; он отвечает мягко и уступчиво. Он возражает против мнения, будто бы его речь об обязательствах была связана с королем. «По милости божией я не боюсь никого из людей, никого». Он сознает, что соблюдение неправильного обязательства есть двойной грех; он говорит лишь, что среди старых обязательств могут быть и справедливые обязательства и что их надо иметь в виду. Затем Кромуэль предлагает прекратить этот митинг и, обещая дать в следующем собрании полную свободу слова всем, даже не принадлежащим к армии, призывает к единодушию.

Это предложение поддерживает подполковник Гофф, который скорбит, что на этом митинге не было бога, и предлагает завтра искать божественной благодати, в чем к нему присоединяется и Айртон.

На следующий день было назначено молитвенное собрание с 9 часов утра. Молились до полудня, и только после этого начинается деловое заседание. Ставится на голосование вопрос, продолжать ли обсуждение вопроса о принудительности старых обязательств или же приступить к обсуждению «Народного соглашения»; второе мнение одерживает верх голосами солдат и левеллеров, и прения открывает Рейнсберо защитой всеобщего избирательного права. Он говорит, что гражданин не обязан повиноваться той власти, в создании которой он не участвовал; он нападает также на неправильное распределение округов и на представительство от городов, совершенно зависящее от произвола короля.

Отвечая ему, Айртон защищает имущественный ценз. Он говорит, что не все люди могут участвовать в правлении, а лишь только те, которые имеют прочный интерес (*a fixed interest*) в королевстве — землевладельцы и горожане: в руках их сосредоточены земля и промышленность. Он не доволен существующей избирательной системой, нет, он требует расширения круга избирателей и перераспределения избирательных округов. Но равенство избирательных прав потребовало бы и имущественного урав-

нения. Кромуэль присоединяется к нему, утверждая, что всеобщее избирательное право приведет к анархии.

Другие ораторы пробуют защищать «Народное соглашение», говоря, что оно не опасно, так как не угрожает частной собственности. Но гравды набрасываются на них, говоря, что если власть попадет в руки немущих, то они издадут закон о передаче собственности богатых в руки бедных; кроме того, при равенстве избирательных прав богатый легко может подкупать бедных и пользоваться ими в своих целях.

Замечательную речь произносит солдатский агитатор, Секеби; он с негодованием говорит, что они, солдаты, рисковали жизнью для защиты своих прирожденных прав; и вот, когда они, наконец, победили, им говорят, что у них нет никаких прав. Бедные спасли королевство. Они не желают анархии, но будут защищать свои прирожденные права и никому не отдадут их.

Кромуэль предлагает компромисс: круг избирателей «Основных предложений» можно несколько расширить, включить копигольдеров. И Айртон идет на уступки, он не хочет лишь, чтобы право голоса имели люди зависимые, как, например, прислуга или получающие благотворительное пособие. Возражений нет. Образуется примирительная комиссия (18 офицеров и агитаторы 5 полков), которая должна согласовать «Основные предложения» и «Народное соглашение». Она оставляет короля и лордов, устанавливает, что распределение мест в парламенте должно находиться в соответствии с народонаселением; все солдаты, сражавшиеся в гражданскую войну за свободу, получают избирательные права. Парламент избирается каждые два года.

30 и 31 октября распространяются в армии слухи о бегстве короля, и в умах солдат рождаются подозрения об его измене; в то же время ясно сознается необходимость сохранить власть в руках армии. Вследствие этого, в начале ноября происходит повышение радикального настроения, которое ведет к временной победе левеллеров, а затем к разрыву между ними и гравдами и к той борьбе, которая разыгралась впоследствии в армейской среде.

Примирительная комиссия для выработки компромиссного проекта конституции, основанная с надеждой на примирение, не достигла цели: как раз во время ее работ и произошли события, поднявшие радикальное настроение. Всем стало ясно, что невозможно соглашение с королем, так как он думает только о том, как бы бежать из плена, стать во главе иноземных войск, вернуться в Англию полновластным господином. При первом толчке вся армия заволновалась. Этим толчком послужил отказ короля возобновить присягу не покидать армии.

В совете армейских представителей 1 ноября мы встречаем совсем другое настроение, нежели до сих пор. Все члены настроены против короля и когда Кромуэль предлагает присутствующим высказать, что вложил им бог в душу в ответ на молитвы, то все один за другим спешат излить свое негодование против короля. Аллен говорит, что всем благочестивым людям ясна необходимость уничтожить королевское veto. Один офицер, капитан Картер, заявил, что он уже не может более молиться за короля. Каулинг говорит, что свободу можно завоевать только мечом, как у датчан и норманнов. Кромуэль пытается остановить этот поток негодования. Король является королем вследствие договора. Если король нарушил договор, то, может быть, и мы нарушали его—пусть тот бросит первый камень, кто сам безгрешен. Во время всеобщего шатания и колебания особенно нужно поддерживать незыблемость авторитета парламента. Не придавайте преувеличенного значения конституционным формам: перед лицом Христа самое совершенное правительство — ничто. Но нужен непременно хоть какой-нибудь авторитет. Но заявления Кромуэля уже не встречают одобрения. Другие ораторы заявляют, что есть единственный выход из этого положения — генеральная чистка парламента и вместе с тем предание суду виновника в настоящем положении — короля. Энтузиаст Гофф страстно заявляет, что голос с неба осуждает всякие сделки с королем, как грех против бога. Кромуэль резко нападает на Гоффа. Бывают разные пророки, истинные и ложные, и он предостерегает против ложных пророков. Но тут вмешивается известный солдатский агитатор Сексби и в виде доказательства приводит слова священного писания, где говорится, что «Я хотел исцелить Вавилон, но Вавилон не захотел быть исцеленным», король — это Вавилон; бог обрек его власть на гибель, и потому всякая попытка восстановить эту власть — несомненный грех.

Характерен оппортунизм Кромуэля — как и раньше, он идет на большие уступки. Он заявляет, что говорил лишь против ложных пророчеств, а такие, несомненно, имеются, так как есть пророчества противоречивые, а божественная власть не знает противоречий. Но он сам в то же время сознает, что теперь особенное время — время откровений и пророчеств. Он заявляет, что сам был бы рад обойтись без короля и лордов, но не знает, насколько это осуществимо. Здесь Кромуэль впервые высказал республиканские симпатии.

От имени левеллеров говорит Уайльдман: они, левеллеры, не хотят вовсе уничтожить короля и лордов, они лишь хотят отнять у них власть.

Затем следуют дебаты об основных законах (law paramount) и о палате лордов. Первым говорит Айртон, утверждающий, что

следует сохранить старую конституцию, с королем и палатой лордов. Это заявление встречает отпор радикалов, например, полковника Тичборна, предлагающего оставить у короля и лордов лишь однократное суспензивное veto. Рейнсберо выступает с предложением однопалатной системы, он хочет, по шотландскому образцу, слить лордов с коммонерами в одну палату. Каулинг и Уайльдман делают фантастическую историческую справку: власть перов — это норманская узурпация, при Альфреде вся власть была у общины. Айртон соглашается на важные уступки: он согласен отнять у лордов veto, но предлагает оставить это право им и королю в тех случаях, когда вопрос непосредственно касается их лица или имущества. Это предложение Айртона поступает в примирительную комиссию, которая делает много уступок левеллерам. Она постановляет дать избирательное право всем, кроме нищих и слуг. Однако есть кардинальные вопросы, по которым гранды и левеллеры резко расходятся. Вырабатывается проект конституции. Но кто будет утверждать этот проект? Это — вопрос, относительно которого никак не могут достигнуть соглашения. Гранды, привыкшие к лояльности и законности, думают, что этот проект должен быть утвержден парламентом; левеллеры совсем не желают признать компетенции парламента по этому поводу. В проекте конституции есть статьи, неприкосновенные даже для парламента; парламента ставится этой конституцией в зависимость от основных законов и должен повиноваться им. Право признать или не признать конституцию принадлежит только всему народу, она должна быть предложена на всенародное голосование. Левеллеры уже проповедают здесь идею референдума.

Большинством принят проект левеллеров, и Айртон раздраженно уходит из комиссии, а в его отсутствие левеллеры проводят постановление о назначении общеармейской сходки — rendez-vous, на которой они рассчитывали выступить со своим проектом всенародного голосования для конституции, а 6 ноября они заставили Кромвеля поставить в программу ближайшего заседания совета предложение об отнятии всякой власти у короля. 7 ноября в армии громко говорят о суде над «главным преступником» — королем. Быстрый рост движения возбудил тревогу у грандов и привел к резкому столкновению в армейском совете 8 ноября. Неизвестно, при каких обстоятельствах — до нас дошли неполные сведения, — но на этом совете гранды взяли верх. Солдатским агитаторам и депутатам от низших офицеров было приказано возвратиться к своим полкам и ждать общеармейской сходки... В их отсутствие было решено конституцию пересмотреть в умеренном духе в комиссии, составленной из одних офицеров.

В это время произошло событие чрезвычайной важности: 11 ноября король бежал на остров Уайт в надежде найти там сообщников

и затем предпринять дальнейшие шаги в смысле восстановления своей прежней власти. Однако король ошибся в своих ожиданиях и попал из одного плена в другой, правда, более легкий и приятный. Бегство короля давало козырь в руки левеллерам. Встревоженные гранды решились крутыми мерами подавить левеллерское движение. 14 ноября они решили заставить солдат подписать особое обязательство, которое требовало безусловной верности начальству, но обещало и некоторые политические реформы — расширение избирательного права и перераспределение парламентских мест.

15 ноября на этой самой сходке, которая была созвана по требованию левеллеров, было предложено армии подписать эти условия. На сходку должны были прийти пять полков — одна треть армии. Но кроме них явились еще два полка; пять позванных на сходку полков остались верными начальству и согласились подписать условия. Но два мятежные полка требовали немедленного принятия «Народного соглашения».

Недовольство образом действий грандов быстро распространилось в армии, и потому требовалось энергичное подавление начавшегося восстания, которое грозило разрастись и породить междоусобную войну в рядах войск. Тут сказалось личное обаяние и неустранимость Кромвеля: он проскакал с обнаженной шпагой по рядам взбунтовавшихся полков, требуя повиновения. Его поведение произвело ошеломляющее впечатление на солдат. Они смутились, прекратили бунт и выдали троих зачинщиков, над которыми был сейчас же устроен военный суд, приговоривший их к смертной казни; по жребию один из них был тут же расстрелян. Остальная часть армии, не присутствовавшая на сходке, осталась спокойной.

Этим, собственно говоря, и окончилось преобладание левеллеров в армии, а вместе с тем и кончил свое существование армейский совет. Победители-гранды обошлись с побежденными очень мягко. Вскоре после этого, на молитвенном собрании 22 декабря, произошло даже официальное примирение грандов с левеллерами; один из вождей левеллеров полковник Рейнсберо назначается начальником флота. Близость второй гражданской войны заставляет армию сплотиться и не обострять отношений.

Как только что было сказано, обще-армейский совет прекратил свое существование; на его место стал совет офицеров. Агитаторы собираются отдельно 24 апреля в С.-Ольбансе, требуют осуществления «Народного соглашения», обличают грандов, но получают строгий выговор от офицерского совета. Однако и после этого было одно совместное собрание офицерского совета и солдатских агитаторов. Оно было созвано накануне второй гражданской

войны, в конце апреля 1648 года, когда армии стало ясно, что предстоит еще борьба, и борьба не легкая. Настроение было у всех подавленное; многие совсем лишились энергии, у них опустились руки и им хотелось сложить оружие и пострадать по примеру Христа; другие были более мужественны и еще верили в успех; но у всех было одно и то же желание: разобраться в своих грехах и покаяться перед богом. Они не делали различия между политической ошибкой и личным грехом; раз они причастны к этой ошибке, то тем самым они и согрешили, и покаяться в этих грехах ввиду надвигающихся грозных политических событий им представлялось необходимым. И вот заседание 29 апреля было все сплошь посвящено покаянной молитве с плачем, со вздохами, с исканием откровения, так как только оно могло указать им исход из трудного положения. Эти страстные молитвы, эти вздохи и слезы продолжались и весь следующий день, 30 апреля. 1 мая тревожное настроение собрания под влиянием дурных вестей доходит до апогея; приходит известие, что роялисты начали уже восстание; Гофф заявляет, что ему было откровение: он цитирует притчи Соломоновы (1, 23): «Се предложу вам моего дыхания речение, научу вас моему словеси». И на собрание «нисходит дух божий». Все убеждаются, что тем грехом, за который они несут наказание, было их малодушие, заставившее их вступать в сношения с королем. В сознании своего греха все плачут и некоторое время не могут сказать ни слова; затем все решаются на непримиримую борьбу с врагами до окончательной расправы с ними, при чем «Карл Стюарт, муж кровей, должен быть призван к ответу за пролитую им кровь и за тяжчайшие преступления против бога и народа» — этим самым был произнесен смертный приговор королю и провозглашена республика.

Участников этого плачущего собрания упрекают в коварстве и лицемерии. Его благочестие некоторым кажется притворным. Упрек в лицемерии часто бросался и Кромвелю.

В английской историографии долгое время господствовало враждебное отношение к Кромвелю. Его считали бездушным и ловким честолюбцем. Но это мнение, несомненно, преувеличено, если не лживо. Объяснить неприязнь к Кромвелю легко: особенно не понравились Кромвелю роялисты, они говорили, что он нарочно устроил побег короля, чтобы тем легче устроить над ним суд и затем возвести его на эшафот и таким путем расчистить себе дорогу к власти. Пресвитериане также не верили Кромвелю: ведь он обещал им сначала законопослушность, а затем сам стал во главе мятежной армии. В свою очередь, и индепенденты также не совсем доверяли Кромвелю: то он говорил им о необходимости слушаться парламента, то шел на самые широкие уступки левеллерам.

И республиканцы, например, Ледло (Ludlow), были недовольны Кромуэлем и его нерешительной позицией — они требовали от него признания республики, Кромуэль же считал ее желательной, но неосуществимой; Уайльдман называет его змием-искусителем; это — обычный эпитет; Уокер с удовольствием рассказывал, как Кромуэль безуспешно просил лондонских городских советников об единении, как люди из Сити оказались умнее прародителей, разгадали старого змия и не поддались ему. У Кромуэля прозвище King Noll — король Нолль (уменьшительное от Оливера).

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

IX. Вторая гражданская война и конец монархии.

Роялистские беспорядки. — Кентское восстание. — Восстание флота. — Война с Шотландией. — Поведение парламента. — Переговоры с королем. — Подъем радикальных настроений. — Ремонстрация армии. — «Народное соглашение» 2 и 3 редакции. — Чистка Прайда. — Казнь короля и произведенное ею впечатление.

Теперь армия резко выступает против короля. Под ее давлением парламент вынужден был пойти на разрыв с королем. В декабре 1647 года королю были предъявлены так наз. 4 билля: 1) король лишается на 20 лет права командовать военными силами страны, а потом он мог распоряжаться ими только с согласия парламента; 2) король должен был взять назад свои заявления, направленные против парламента; 3) перы, возведенные в это достоинство королем за время гражданской войны, лишаются его, и, наконец, 4) парламента имеет право перенести свои заседания куда угодно (ибо армия не доверяла пресвитерианскому Лондону). Король отказался принять эти предложения. Одновременно с этим раскрылись его новые попытки бежать. В ответ парламента решил прекратить всякие сношения с королем (the vote of no addresses). Впредь парламента, а также и все подданные не должны обращаться к королю ни с чем; нарушение этого постановления карается, как измена; в свою очередь, если и король выступит с какими-нибудь предложениями парламента, то последний не должен их рассматривать. И это предложение прошло лишь под давлением армии. За это индепенденты сделали большие уступки пресвитерианам в церковном вопросе; это объясняется политическим настроением того времени. Гранды шли навстречу пресвитерианам; страна в эти дни стояла перед второй гражданской войной и необходимо было единение. Близится разрыв с Шотландией — закрывается Комитет обоих королевств и шотландские комиссары уезжают домой.

К концу 47 года в стране обнаруживается широкое и глубокое недовольство. Несмотря на строгие цензурные условия, сильно распространяется роялистская литература, которая имеет все более и более успеха в народе, тогда как ригористическая политика пуритан, в особенности их гонения на театральные представления,

все более и более раздражали население. С начала гражданской войны всякие театральные представления были запрещены на срок до 1 января 1648 года. Случилось так, что это запрещение забыли возобновить. В январе 1648 года в одном Лондоне сразу открылось несколько театров. Парламент прибегнул к свирепым мерам: было постановлено все оборудование театров разрушить, зрителей штрафовать, а актеров всенародно сечь.

Пуритане видели язычество в шумных увеселениях английского Рождества; они даже хотели отменить в этот день праздник и открыть лавки, но от такого их намерения в разных местах произошли беспорядки. В Кентербери толпа кричала: «Долой парламент! Да здравствует король!» Лавки были заперты насильно, мэру проломили голову, город был во власти буйнов. Для прекращения буйства пришлось вызвать вооруженную силу в несколько тысяч человек. Сильные рождественские беспорядки были и в Ипсиче.

Открыто выражаются роялистские чувства. 27 марта, в день восшествия короля на престол, была устроена, конечно, не с одобрения начальства, иллюминация, прохожих заставляли пить за здоровье короля.

Наконец, 9 апреля 1648 года в Лондоне поднимаются серьезные беспорядки. Поводом для них послужило ничтожное обстоятельство. Дети отирались за город поиграть, полиция их не оставила в покое и сейчас же приказала им прекратить игры, потому что это было воскресенье. За детей вступилась толпа, которая направилась в Лондон с роялистскими криками и дошла до Странда. По дороге толпа быстро растет. Толпу разогнал кавалерийский полк; были раненые и убитые. Но этим дело не кончилось: на следующий день толпа вновь собирается и даже завладевает у дома лорд-мэра пушкой. Сити находится в руках бунтовщиков. Милиция не решается выступить, вызваны регулярные полки. Произошла настоящая битва, при чем были убитые и много раненых. Толпа кричала: «За бога и короля Карла!»

В конце апреля в Нориче сторонники привлеченного к ответственности мэра-роялиста захватили в свои руки город. Пришлось призывать войска, чтобы подавить этот мятеж. Повстанцы завладели пороховым погребом и вследствие неосторожного обращения с огнем человек 30 взлетело на воздух.

Отношения между Лондоном и армией становятся все более и более натянутыми. В конце апреля в городской совет приходит акцизный чиновник и говорит, что ему удалось подслушать в одном уиндзорском кабачке, как офицеры, и в их числе Айртон, говорили, что лондонцы изменили, ведут тайные переговоры с шотландцами, что у богачей из Сити надо реквизировать с миллион, тогда они присмирят. Без всякого расследования в совете поверили или

притворились, что верят этому доносу. Городекой совет требует от парламента, чтобы в Сити улицы на ночь замыкались цепями, чтобы армия ушла из Лондона, чтобы командиром лондонской милиции был назначен пресвитерианский генерал Скиппон. Кромуэль советует пойти на уступки городу и принять требования ввиду того, что предстоит новая война с роялистами и нужно во всяком случае заручиться если не поддержкой, то нейтралитетом столицы; к тому же у Сити надеются получить деньги. 9 мая гарнизон Ферфакса выведен из Лондона.

В мае в парламент подаются роялистские массовые петиции из графств, при чем петиционеры ведут себя буйно. 16 мая несколько сот человек из графства Серри прошли через весь город с криками «За бога и короля Карла!» требуя, чтобы король был восстановлен во всех своих правах. Они пробуют даже ворваться в парламент. Войска прогнали эту толпу; есть убитые и много раненых. Роялистские беспорядки особенно сильны были на юге. Движение началось во флоте. Стоявший у кентских берегов флот, недовольный отставкой своего командира Баттена, отказался повиноваться новому командиру Рейнсберо. Флотские беспорядки настолько ободрили кентских роялистов, что они стали готовиться к восстанию; нашелся даже самозванец, назвавший себя принцем Уэльским; к нему текут пожертвования, собирается много приверженцев; из Лондона к нему идут подмастерья и лодочники.

Внешним поводом для кентского восстания послужил суд над виновниками святочных беспорядков. Роялисты не хотели допустить этого суда и начали враждебные действия раньше, чем это предполагали главари, поджидавшие шотландского вторжения. Под роялистские знамена собралось в Кенте много народа, но это были люди, по большей части, случайные. Тут были и джентльмены, и крестьяне, и подмастерья. Главный элемент составляют джентльмены. Между разными группами не было прочной связи, и когда парламент объявил амнистию восставшим, многие, особенно крестьяне, положили оружие и вернулись воевать. При таком обороте дед Ферфакс быстро разгромил кентских повстанцев.

Опаснее было восстание флота, который взял несколько важных крепостей; они впоследствии с трудом были у него отбиты. Во флот приехал принц Уэльский (настоящий), который раньше жил в Голландии; вокруг него стало образовываться роялистское ядро, которое могло разрастись и стать опорой для крупного роялистского движения в Англии; чтобы избежать этого, парламент решил пойти на уступки, сместил непопулярного адмирала Рейнсберо, назначив командиром флота пресвитерианского пера Уорика (Warwick).

Неудачный исход роялистского восстания, известного под именем 2 гражданской войны, зависел от того, что оно было плохо орга-

низовано; оно началось недружно, одновременно и в разных местах, не связанных друг с другом. Центральное место во второй гражданской войне принадлежало борьбе с Шотландией. Судьба войны была решена Кромуэлем на севере.

Шотландия, бывшая союзницей революции, сделалась ее противницей. По тайному соглашению между шотландцами и королем в декабре 1647 года, король обязался утвердить Ковенант на 3 года и отменить веротерпимость. Шотландцы, в свою очередь, обещали поддерживать королевскую прерогативу и добиваться роспуска армии и Долгого парламента. Оба государства должны теснее объединиться, шотландцы могут занимать государственные должности в Англии, и наоборот. Король и шотландцы обязуются не заключать мира порознь и всячески помогать друг другу.

Шотландцы надеялись выставить армию в 30.000 человек, но в конце концов набрали всего около половины, и то по большей части людей без боевой подготовки. Правда, к ним присоединились английские роялисты (тысяч 5) и шотландский отряд из Ирландии, так что в общем у шотландского главнокомандующего Гамильтона собралось более 20.000 человек. У англичан не было и половины этого числа, но люди и тактика были много лучше. Во главе англичан стоял такой полководец, как Кромуэль. Гамильтон, как главнокомандующий, стоял гораздо ниже; в решительную минуту шотландская армия оказалась разделенной на четыре части, почти не было разведочной службы. Кромуэль без труда разбил при Престоне (17 августа 1648 г.) на голову одну такую часть. Первое же поражение внесло деморализацию в остальные отряды, которые стали поспешно отступать, так что Кромуэлю оставалось только преследовать их. Уже в августе кампания закончилась позорным разгромом всей шотландской армии. Кромуэль забрал в плен до 10.000 шотландцев. В конце августа сдался город Кольчестер, последний и наиболее упорный оплот роялистов на юге. Вторая гражданская война в конце августа 1648 года может считаться законченной. Однако Кромуэлю пришлось еще довольно долго умиротворять северную Англию и Шотландию. Вторая гражданская война отличалась гораздо большим ожесточением, нежели первая. Англичане верили рассказам, будто шотландцы забирали детей в заложники, а затем убивали их. Пленных мятежников судили, как изменников. При взятии Кольчестера сдавшихся роялистов ссылали на вест-индские острова, так что часть теперешнего белого населения идет от этих ссыльных; других посылали на военную службу в Венецию, а жалованье их отбирали в казну; двух офицеров расстреляли.

Разгром Шотландии обнаружил, что за пресвитерианами не стоит сколько-нибудь значительных сил. Однако английский парла-

мент не понимал этого; наоборот, во время войны он опять поднимает голову; он даже вернул тех десять коммонеров (один уже успел помереть), которые покинули парламент вследствие обвинения их армией. Парламент продолжал настаивать на соглашении с королем. 24 августа отменяется постановление о прекращении сношений с королем. По поручению парламента к королю отправляются 15 человек, которые возобновляют с ним переговоры об условиях, на которых могло бы состояться соглашение. Парламент настаивает на признании пресвитерианства государственной религией и на подчинении милиции парламенту.

Король сначала уклоняется от прямого ответа, оттягивает время; потом ввиду настойчивости парламента соглашается уступить командование милицией на 20 лет и ввести компромиссную форму между епископатам и пресвитерианством. Однако парламент не согласился на королевские предложения. Король делал все эти уступки не искренне и всегда готов был взять их обратно. При дальнейших переговорах король решительно отказался признать пресвитерианство на том основании, что епископальное устройство церкви установлено самими апостолами, и он не может его отменить. В ответ на такое резкое заявление парламент идет на уступки. Парламент, только что непреклонно требовавший от короля подчинения своей программе, теперь (5 декабря) заявляет, что королевские предложения могут послужить основанием для дальнейших переговоров.

Неизвестно, к чему бы привели эти переговоры; но на следующий день произошла знаменитая чистка Прайда. Успехи во 2-й гражданской войне сильно подняли настроение радикалов. Люди, которых звали левеллерами, снова заговорили громко и властно после победы при Престоне. Об усилении радикалов всего удобнее следить по дневнику оппортуниста Уайтлока, который рассказывает о петиции, поданной лондонскими левеллерами в сентябре 1648 г. Уайтлок относился к левеллерам и радикалам свысока, с худо скрываемым презрением, но тут он почувствовал перемену настроения и быстро приспособился ко взглядам радикальной партии. Теперь Уайтлок находит петицию очень интересной и даже целиком списывает ее в свой дневник. Да она и действительно интересна, и не только своей политической частью, но и социально-экономической. Левеллеры требуют муниципальной реформы, восстают против монополий, требуют отмены косвенных налогов и церковной десятины; надо уничтожить долговые тюрьмы, позаботиться о бедных; интересно в устах горожан требование уничтожить недавние деревенские изгороди; но огораживания могли производиться, если они в интересах бедных. В составлении петиции участвовал Лильберн.

Но в то же время левеллеры выставляют себя защитниками частной собственности и даже говорят, что и у будущих парламентов надо отнять право уничтожать частную собственность, «уравнивать людские состояния и делать все вещи общими».

Политические же требования в главнейших чертах сводятся к следующему: у короля и у лордов отнимается veto, у лордов отнимается судебная власть, парламент избирается на один год, и сессия продолжается не больше 50 дней; нужно удешевить и упростить гражданский и уголовный процесс, гражданское и уголовное право, запретить государственным властям вмешиваться в религиозную жизнь, отменить рекрутские наборы. В заключение петиция требует решительной и суровой расправы со всеми виновниками гражданских войн. Петиция имеет здесь в виду суд над королем.

Петиция подается парламенту, и парламент должен благодарить за нее, хотя большинство его членов не могло ей сочувствовать. С конца сентября сходные петиции начинают поступать в парламент от солдат и граждан различных графств.

Опыт второй гражданской войны показал, что монархические симпатии сильны и что только при союзе вождей армии с солдатской массой и левеллерами возможно поддержать религиозную и политическую свободу. Этот союз и наступил в конце 1648 г. и привел к развязке.

Гранды, занимавшие раньше непримиримое положение по отношению к левеллерам, к концу 1648 г. вошли с ними в соглашение. Айртон в ноябре этого года приготовил «Ремонстрацию армии» (Remonstrance of the Army). В этом документе говорилось, что переговоры с королем опасны, что король не считает себя связанным своим словом, что надо судить короля за измену и кровопролитие. Судить его должен парламент, избранный на основе широкого избирательного права. Надо казнить также достаточное число королевских сообщников.

Когда этот радикальный манифест был прочитан в офицерском совете, то к нему отнеслись несочувственно. Ферфакс, например, говорил, что надо еще переждать, и настаивал на соглашении с королем. Королю были посланы согласительные предложения, но он отверг их и тем оттолкнул от себя даже умеренных. Совет офицеров принял ремонстрацию, при чем были внесены некоторые изменения по соглашению с левеллерами и солдатскими представителями; она повторяла главные пункты левеллерской программы. Наследственная монархия отменялась, король должен был выбираться народом.

20 ноября «Ремонстрация армии» была подана в нижнюю палату, которая старалась, по возможности, оттянуть обсуждение,

так как умеренные пресвитериане, составлявшие большинство, не сочувствовали ей. Но армия готова поддержать реконструкцию. Кромуэль написал письмо Ферфаксу с выражением своей полной солидарности с офицерским советом. 25 ноября Кромуэль пишет замечательное письмо к Гаммонду (Hammond), который стерег короля, в котором убеждает его порвать с королем. Гаммонд колебался, на чью сторону стать, не видя достаточных конституционных оснований в действиях армии. Кромуэль указывал, что благо народа выше конституции. Армия — законная сила, так как она призвана божественным провидением. Кромуэль призывает Гаммонда не бояться левеллеров. Сам опасавшийся раньше левеллеров, Кромуэль сделался теперь их союзником.

Переговоры армейских индипендентов с левеллерами привели к соглашению (выработанному особой комиссией к 10 декабря), носящему название «Народное соглашение (Agreement of the People) 2-й редакции». Этот конституционный проект уже довольно полно разработан. К неудовольствию Лильберна, думавшего, что этот проект будет передан на утверждение народа, он был передан в офицерский совет, который несколько видоизменил его, благодаря чему получилось «Народное соглашение 3-й редакции». В таком виде он и был внесен от имени армии на утверждение палаты общин 20 января 1649 г. Но общины, воспользовавшись тем, что тогда все умы были заняты процессом короля, положили этот проект под сукно. Он интересен лишь как характеристика настроений и партий того времени и предвестник конституций протектората.

2-я и 3-я редакция «Народного соглашения» мало отличаются друг от друга, так что им можно дать общую характеристику. В обоих проектах говорилось, что Долгий парламент должен быть распущен и следует назначить новые выборы на новых основаниях. Места в парламенте должны быть перераспределены коренным образом. Раньше каждый город и каждое графство посылали по два депутата; теперь же число депутатских мест было сообразовано с количеством населения. Каждое графство должно посылать представителей пропорционально своему населению — от 1 (Ретленд) до 15 (Йоркшир); большинство городов посылали по 1 представителю; Бристоль, Норич и Йорк — по 3, а Лондон — 8. Вся пестрота избирательного права устраняется: избирательное право получают все англичане, достигшие 21 года, не получающие милостыни, не находящиеся в услужении у другого и имеющие свое хозяйство. Роялисты на время устраняются от выборов. Содержится еще одно неопределенное положение, чтобы выбирали людей мужественных и богобоязненных. Офицеры и чиновники не могут избираться. Высшим административным учреждением должен быть Государственный совет,

выбираемый парламентом на два года. Таким образом устанавливался парламентарный режим. Полной религиозной свободы «Народное соглашение» не устанавливало. Христианство объявлялось государственной религией; но католичество и епископальная церковь могут быть запрещены. Права парламента ограничиваются обязательностью для него объявления амнистии, недопустимостью наборов, неприкосновенностью государственного долга, равенством всех перед законом. Есть требование, чтобы частная собственность была неприкосновенна и чтобы не было места коммунизму.

Такова была конституционная программа, явившаяся результатом соглашения грандов и левеллеров.

Но, кроме того, новые союзники должны были прийти к соглашению и относительно текущей политики. В ноябре они решили учинить суд над королем. Чтобы придать легальную форму этому решению армии, его надо было провести через парламент. Но при наличном составе парламента это было трудно. 30 ноября 1648 г. офицерский совет издал декларацию, в которой говорилось, что большинство парламента—изменники и продажные люди, не заслуживающие общественного доверия, что парламент надо очистить от этих людей и что до этого армия войдет в Лондон и оккупирует его. В дневнике Уайтлока есть тревожная заметка о новом вторжении армии и об общем страхе и панике перед ней.

2 декабря армия вошла в Лондон. 6 декабря полковник Прайд занял военным отрядом входы в парламент и сам встречал коммонеров, имея в руках список неблагонадежных. Так как Прайд не знал многих коммонеров в лицо, то с ним стояли лорд Грей (Grey) и один из парламентских швейцаров, называвшие ему фамилии проходивших. Надежных людей Прайд пропускал, а ненадежных вырваживал с солдатами. В результате оказалось, что более 90 членов парламента были не пропущены, а свыше сорока, протестовавших против насилия, были арестованы. Это насилие носит название «чистки Прайда». После нее некоторые из оставшихся членов парламента и сами перестали ходить на заседания, так что заседало всего около сотни членов. Этот обломок парламента стал покорным орудием в руках заправил армии. Таким образом дорога к суду над королем была расчищена.

Еще 1 декабря короля по приказу Ферфакса из Ньюпорта (Newport) на острове Уайте перевели в замок Херст (Hurst), который соединен с южным берегом Великобритании узкою отмелью. Там король пробыл три недели, пока, наконец, 23 декабря, когда вопрос о суде над ним был решен положительно, он не был переведен в Уиндзор.

В конце декабря парламент заставили обсуждать вопрос, как судить короля. Но тут помехой оказалась палата лордов. Правда,

за последнее время она сильно опустела: 6 декабря в ней было семь человек, а потом был день, когда заседать пришло только три пера. Но и эта горсть перов стала на пути республики.

27 декабря офицерский совет в последний раз пробовал войти в соглашение с королем, но тот не пошел ни на какие уступки; тогда его перевели на простое содержание и перестали оказывать почести. 28 декабря в палату общин было внесено предложение о суде над королем, который обвинялся в измене государству, в возбуждении гражданских войн, в сношениях с мятежными ирландцами и в нарушении законов и вольностей страны. 2 января 1648 г. это предложение было передано в палату лордов и единогласно, 16 голосами, отвергнуто. Этот отказ перов сделал невозможным строго конституционный путь. Чтобы найти выход, надо было совершить второй государственный переворот. 4 января общинами были вынесены знаменитые три резолюции, передававшие всю власть нижней палате:

1) Народ, находящийся под властью бога, есть источник всякой справедливой власти.

2) Общины Англии, собранные в парламенте, будучи избраны народом, имеют высшую власть в государстве.

3) То, что общины объявят законом в парламенте, должно иметь силу закона, хотя бы ни король, ни лорды не согласились на это.

Сообразно с этим 3 января был внесен, а 6 принят «Акт о создании верховного суда», определивший, что короля должны судить 135 комиссаров, являющихся зараз и судьями и присяжными. Когда этот акт был принят общинами, то его уже не послали на утверждение лордам. Акт перечислял и преступления «короля Стюарта»: неисповедание старинных основных законов и вольностей и установление тиранического правления. Его надо судить для устрашения «сверховных магистратов» в будущем.

И в других подробностях государственной жизни сказывалось твердое решение перейти к республиканскому строю. В Англии была государственная печать с монархическими изображениями; ее поспешили заменить республиканской. На одной ее стороне были изображены гербы Англии и Ирландии, а на другой—заседание парламента. Надпись: «В первый год свободы, божьим благословением восстановленной, 1648». Из делопроизводства умышленно вытравляются все напоминания о монархических порядках. Раньше документы начинались именем короля: «*Carolus Dei gratia rex Angliae* и т. д.»; теперь вводится новая формула: «Хранители английской свободы (*Custodes libertatis Angliae*)» или «*Auctoritate Parliamenti*». Вместо «*juratores (присяжные) pro domino rege*», решено писать: «*juratores pro republica*».

В этой - то обстановке фактически отмененной монархии и фактически установившейся республики и происходил суд над королем.

Процесс короля вызывал большие разногласия. Когда суд уже шел, майор Уайт (White) написал письмо Ферфаксу. Уайт старался стать выше партий и говорил, что власть королю дал меч по божественному соизволению. Народ подчиняется ему из страха и ради удобства. Это — реалистическая точка зрения, сводящая отношения к утилитарности. Но теперь, продолжал Уайт, король побежден мечом, и меч может отнять у него власть и вернуть ее в источнику, т.-е. народу. Но судить короля нельзя; тот суд, который собирается судить его, не имеет настоящих судебных полномочий. Уайт стоял за расправу с королем, но не за суд, и советовал просто устроить его. Он считал, что казнь короля была бы большой ошибкой; лучше его только держать в качестве пленника. Лишь только король будет убит, появится другой король, — его сын, который находится вне власти парламента. Вот точка зрения реалистическая, не державшаяся партийной доктрины. Но ни судьи, ни подсудимый не могли на нее стать.

Судьи стояли на точке зрения народовластия. Обвинительный акт от 20 января 1649 г. гласил, что Карл Стюарт был допущен к королевской должности и облечен ограниченной властью, чтобы управлять народом согласно законам страны. Своей присягой он принял обязанность править на благо народа и на сохранение его вольностей; но он нарушил свою присягу, стремясь к неограниченной и тиранической власти. Король совершил ужасные преступления для расширения своей прерогативы, поднял гражданскую войну и виновен во всех совершенных во время ее преступлениях. Та же точка зрения развивается председателем суда Брадшо (Bradshaw). 27 января в заключительной речи перед произнесением приговора Брадшо говорил, что судьи стоят на почве закона, они не создают нового права, но применяют старое. Бог запрещает оправдывать тяжкого преступника; суд должен призвать короля к покаянию. Король считал себя выше закона; но для суда закон выше короля, а парламент выше закона, ибо парламент и народ создают законы. Правда, *rex non habet regem in regno*; но это значит, что король выше отдельного лица, но меньше всего народа. Брадшо ссылается на знаменитого юриста XIII века Брактона. Точка зрения Брактона в его трактате о праве Англии колеблется между монархическими и демократическими началами. Брадшо ссылается именно на демократические места из Брактона: «*rex major est singulis, sed minor universis*»; выше короля — бог, закон и курия («*rex habet superiorem Deum, et leges, etiam et curiam*»); на короля надо налагать узду («*debent regi ponere frenum*»);

короли созданы для насаждения справедливости («*justitia fruendi causa reges constituti sunt*»).

Этим Брайшо хотел доказать, что судьи стоят на точке зрения старинного права. Отношения монарха и подданных представляют договор, который нарушил Карл, сделавшись через это изменником. Карл — тиран, ибо «*rex est dum bene regit, tyrannus qui populum opprimit*». Король отвечает перед народом — «*minimus ad majorem in judicium vocatur*». Напрасно говорят, что суд над королем есть вещь неслыханная. Можно указать на ряд прецедентов, например, сенат судил Нерона. В Шотландии народ изгонял и казнил королей. И в Англии после завоевания половина королей получила власть от парламента, а не по наследству; парламента судил Эдуарда II и Ричарда II.

Но этой точке зрения король противопоставлял свою. 20 января 1649 года Карл обвиняется, как тиран, убийца и открытый враг английского государства. Карл отказался признать авторитет суда; фактическая власть может быть и у грабителей и разбойников. Лучшее всего его точка зрения выражена в речи, которую он подготавливал к заседанию 22 января, но которую ему не пришлось произнести. Король уверял, что он не заботится лично о себе, но что он защищает народную свободу, которая подвергается опасности, если неправомерная сила будет создавать и отменять основные законы; нижняя палата не имеет судебных полномочий. Карл даже на минуту становится на демократическую точку зрения, допускает, что народ может дать судебные полномочия, и спрашивает судей, могут ли они считаться представителями народа. «Вы, — говорит судьям Карл, — грубо нарушаете привилегии парламента, совсем устранив палату лордов и разогнав или терроризовав большую часть нижней палаты». Карл до конца стоял на этой позиции и через голову суда апеллировал к парламента и народу.

30 января на эшафоте перед плахой Карл решил сказать речь; но народ, собравшийся на казнь, не слышал ее, так как эшафот был окружен тесным кольцом солдат, которые одни только и слышали эту предсмертную речь. Слова Карла записаны: «Не я, а парламента начал гражданскую войну. Палаты виновны в том, что меня убивают, виновны те, кто стал между мною и парламентам. Я виноват в том, что допустил казнь Страффорда. Но вы стоите на ложном пути, теперь в Англии царствует грубая сила. Вернитесь к старому, воздайте кесарево кесарю, а божье богу. Только свободный национальный синод может решить религиозный спор. Я стою за народную свободу, но в чем заключается свобода? она в том, чтобы иметь правительство и законы, обеспечивающие личность и собственность. Не дело подданных иметь долю в управлении. Подданные и монарх, это — две вещи разные, и пока

вы это не поймете, у вас нет свободы. Я умираю за свободу, я мученик за народ».

Позднейшие историки очень далеко расходились в политической и моральной оценке казни короля. Приведу, например, мнение немецкого ученого Ранке, который готов назвать короля мучеником, мучеником-борцом, до конца стоявшим за свои права и верившим во внутреннюю мощь своих прав и своих идей. Поэтому он обнаружил в несчастье большую моральную высоту и не спас себе жизни уступкой. Карл — мученик, потому что он ценил свою жизнь менее своих принципов. Таким образом консервативный, но объективный историк верит в искренность слов Карла. А вот мнение другого историка, очень консервативного и искреннего, Карляйля, певца индипендентов. Говоря о казни короля, он ужасается грандиозности этого явления. Может быть, казнь короля, это — самое смелое дело в истории. Судьи короля судили перед лицом бога, исполняли приговор неба, не страшась ничего на земле. Казнь короля нанесла удар лицемерию, поклонению внешности и рабьему духу, который с тех пор пошел на убыль. Карляйль считал царубийство не только необходимым, но и высоко нравственным делом, ибо на месте царя был не царь, а лже-царь. С Карляйлем полемизирует тоже консервативный писатель, лорд Морлей (Mogley). В биографии Оливера Кромвэля он говорит, что палач — дурное средство против лицемерия. У суда не было ни юридического, ни морального авторитета. Эта кучка ни в каком отношении не могла быть названа представителями народа. Но человек очень умеренный в политических взглядах и осторожный в исторических оценках, Гардинер, в своем отзыве о процессе короля, стоит ближе к Карляйлю. Он указывает на политическую необходимость казни Карла. Гардинер указывает на то, что Карл Стюарт, человек лживый и воспитанный в абсолютистических началах, был непреодолимым препятствием на пути к свободе. Его необходимо было устранить. Смерть Карла была важным этапом в истории английской конституции. Даже сын казненного не мог стать на совершенно абсолютистическую точку зрения, а когда внук пытался вернуться к абсолютизму, то произошла перемена династии. «Эшафот в Уайтхале сделал то, чего не могло достигнуть красноречие Пима и Элиота и статуты Долгого парламента».

Отношение к процессу короля, к этому переходу от монархии к республике, было пестро даже и среди непосредственных виновников и участников этого процесса. Конечно, среди них были люди, глубоко убежденные в своей правоте. К числу их принадлежит Кромвэль, никогда не раскаивавшийся в царубийстве и говоривший вскоре после казни короля, перед походом в Ирландию, что «бог дал нам первые плоды победы в справедливом и примерном нака-

зании зачинщика смуты, грозившего погубить государство». Некоторые из «цареубийц» своею кровью запечатлели свое участие в суде над королем, и на суде в 1660 г. во время реставрации держали себя не менее гордо, чем прежде их царственный подсудимый. Для их настроений характерны заявления Гаррисона: «Милорды, — говорил он, — мы совершили свое дело не в углу, наши сердца чувствовали ужас от присутствия бога, который был с нами. Это было божье дело». Гаррисона мучительно казнили. Но на эшафоте Гаррисон бодро, с ясным лицом говорил: «Я имел возможность бежать, но остался здесь; меня казнят за то, что я был орудием в руках божьих. Если бы я имел 10.000 жизней, то я бы отдал их все за свое дело».

Но нужно сказать, что и среди судей короля многие колебались и исполняли свою обязанность только под давлением. В комиссию было назначено 135 человек, но на первое заседание явилось только 52, а на то заседание, когда впервые был приведен король, 20 января, явилось 68 человек. Характерен эпизод, рисующий настроения даже близких к руководящим кругам лиц. Когда делали перекличку судьям, то за отсутствовавшего Ферфакса из толпы ответила его жена: «Он слишком умен, чтобы явиться сюда». Когда Браншо требовал от короля ответа именем народа, то жена Ферфакса крикнула: «Это ложь; даже половина, или даже четверть народа не давала согласия на суд, Оливер Кромуэль — изменник». Ее вывели. 27 января с трудом было достигнуто единогласное постановление приговора 67-ю голосами, но подписывали неохотно. Рассказывают о грубом давлении Кромуэля. Наконец, приговор был подписан 52 судьями.

И среди людей, далеких от роялизма, многие осуждали казнь короля. Альджернон Сидней доказывал, что короля не может судить никакой суд, и что этот суд — вообще не суд, и не может судить никого. В ответ на его речь, Кромуэль крикнул: «А мы все-таки отрубим ему голову и вместе с короной». Робкие люди смущены и подавлены, боятся гнева божия. Шотландские делегаты от имени своего парламента протестовали против процесса короля. Пресвитерианские священники тоже издали декларацию с протестом против казни короля; с такой же петицией выступали и богословы Уестминстерского собрания и голландское посольство.

Казнь короля внесла сильное возбуждение в подпольную роялистскую литературу. Большой успех имела книга «Царский лик», *Εἶκὼν Βασιλική* (вышла в феврале 1649 г.). *Εἶκὼν Βασιλική*, это — литературный подлог: книга была выдана за записки самого «короля-мученика» Карла. Эта книга включает молитвы короля и его воспоминания о своей жизни, пачивая с созыва Долгого парламента и кончая бегством на остров Уайт. Книга кончается кощунствен-

ным сопоставлением «будущего» суда над королем с судом над Христом. Уже внешний вид книги должен был возбуждать злобу к царубийцам. На обложке изображен король-мученик, склонивший колена перед аналоем с библией; царский венец с него сорван, и он держит в руке другой венец — терновый, вверху над королем сияет корона святого, на небе ангелы. Король здесь изображен любвеобильным, молящимся богу о примирении со всеми, прощающим врагов. Книгу эту написал англиканский священник Годен (Gauden), который потом, во время реставрации, был назначен за этот подвиг епископом. Это неталантливое сочинение, похожее на тягучую церковную проповедь, имело в роялистских кругах большой успех. Никто не узнал подлога, все приходило в восторг от «Царского лика», который выдержал в один год до 50 изданий, был переведен на латинский и французский языки. Этой книгой роялисты зачитывались, и она сохранила свое обаяние вплоть до XVIII века.

Х. Общественные настроения эпохи республики.

Семья Верни во время республики. — Роялистская оппозиция. — Новый государственный строй. — Оппозиция слева. — Лавеллеры. — Джон Лильберн. — Коммунистические течения. — Уprising.

Успех «Царского лика» свидетельствует, что роялистическая оппозиция была только оттеснена, а не уничтожена. Чтобы познать поближе с ее бытом и характером, всего лучше обратиться к частной переписке. От годов республики и протектората мы имеем тот же архив семьи Верни. Но письма этого времени менее интересны; джентльмены стали неостроумны, и письма их бледнее.

Хотя Ральф Верни и пытался занять нейтральное положение, тем не менее его причислили к роялистам и секвестрировали его имущество, с трудом возвращенное потом благодаря хлопотам жены, умершей от пережитых хлопот и волнений. Прежде нейтральный Ральф все больше втягивается в среду роялистской эмиграции. Его дом в Блуа, это — сборный пункт для эмигрантов, преимущественно деревенских джентльменов и англиканских священников. Нужда среди переселенцев велика, приходится распродавать старое платье, но все же стараются дать детям должное воспитание. Ральф Верни взял в учителя своим детям кембриджского ученого, доктора Крейтона (Creighton). Многие ученые, духовные лица с высшим образованием, молодые люди из хороших семей ищут заработка в учительстве.

В этой экзотической обстановке дети эмигрантов переживают совсем не то детство, которое свойственно детям высших и средних кругов английского общества. Они не знали Итона и Оксфорда, а воспитывались во Франции и Нидерландах, занимались не спортом, а танцами. Много говорят о том, что английское придворное общество времен реставрации отличалось распущенностью нравов и тяготением к католицизму. Это объясняется условиями континентального воспитания. Некоторые джентльмены ухитряются противодействовать нивелирующему влиянию французской среды. Ральф Верни остался верен английской традиции, мальчикам давал образование, а девочкам — нет. Когда дочь его друга Деатона пишет

ему, что учится латинскому, греческому и еврейскому языку, то Ральф Верни ответил ей, что с нее довольно было бы и знания английской библии; впрочем, женщине хорошо знать французский язык, так как на нем написано много интересных романов и поваренных книг.

В архивах семьи Верни сохранилось письмо одной роялистки из Англии. Она хочет излечить свою золотушную дочь, живущую в доме Ральфа Верни в Блуа, и верит, что король наложением руки на больную может исцелить ее. Но Карла II, пишет она, трудно найти, он вечно переезжает с места на место, да кроме того он еще не помазан. Так не проще ли свезти ее к Людовику XIV, который тоже, как король, должен иметь эту прерогативу. Ей ответили, что, по слухам, Людовик тоже еще не коронован.

В 1653 году, незадолго до начала протектората, Ральф Верни решил вернуться в свое разоренное поместье. «Я очень люблю старую Англию, — пишет он, — но теперь джентльменам там нехорошо живется». Впрочем, многие джентльмены примкнули к республике, так что управление страной попрежнему преимущественно в их руках. Один из Верни, Генри, и теперь тяготеет к высшим кругам, — к кружку Кромвеля, как раньше тяготел к монархии. Другой член семьи, Томас, занял очень непочетную должность при республике: он стал провокатором и действовал против Джона Лильберна.

Зато женщины дворянского класса почти сплошь роялистки: они почитали и обожали смелого и легкомысленного Карла II, который пережил много романтических походов в поисках престола. Но большинство джентльменов не решается выразить свои симпатии к королю, опасаясь попасть в разряд «подозрительных». Эта участь постигла и Ральфа Верни, которого в 1655 году увезли в Лондон, продержали там без объяснений несколько месяцев и выпустили лишь после унижительного прошения. Еще хуже стало дворянам с 1655 года, когда была учреждена должность генерал-майоров и придумана система залогов и поборов с «подозрительных» и роялистов. И Ральф Верни был вынужден платить «десятину» и его хозяйственное положение стало еще трудней.

Но эти тяжелые испытания обнаружили необыкновенную жизнеспособность английского дворянства, отличающую его от других дворянств, русского, а особенно французского. Ральф Верни бодро переносит несчастья, пользуется временем изгнания для путешествий по Европе. Он ездил по Франции, был в Италии, где хотел учиться итальянскому языку, и вернулся через Германию и Нидерланды. Если положение дворян тяжело, то не все они теряются и многие из них находят выход. Один из сыновей,

Ральф Верни стал скуайром, как и его отец, а другой, Джон, просил у отца разрешения поступить в выучку к какому-нибудь купцу, торгующему с Востоком. Ральф был недоволен выбором сына и хотел сделать из него юриста, но Джон настоял на своем и поступил к богатому левантинскому купцу, Робертсу. В Сирии Джон долгое время был в тяжелом положении, но проявил большую твердость духа. Потом ему удалось выдвинуться, он вернулся в Англию богатым купцом и наследовал отцовское имение, так как его старший брат умер бездетным, потом стал бароном, членом парламента, впоследствии даже виконтом. На истории этой семьи мы видим и мрачные стороны жизни английского дворянства во время революции и большой запас жизненных сил, объясняющий нам устойчивость дворянского господства в Англии.

Английской республике пришлось бороться не только с роялистами, но и со своими левыми союзниками. Господствующий порядок не удовлетворял левых: он был для них мало демократичен. Очень быстро падают старые учреждения: монархический строй и палата лордов. 6 февраля в палате общин возник вопрос, что делать с верхней палатой? Многие говорили за сохранение ее, но резолюция, вынесенная 44-мя голосами против 29, гласила, что верхняя палата бесполезна и опасна и должна быть уничтожена. Формальный закон, упразднявший палату лордов, принят лишь 19 марта. 7 февраля палата общин произнесла суд и над монархией: была вынесена резолюция, что монархия ненужна, вредна и что поэтому она отменяется. Акт об отмене монархии прошел 17 марта.

Одновременно возникает вопрос, как организовать новое правительство. Общины постановляют закрыть парламентские комитеты, составленные из мэров и комонеров, и создать новое центральное учреждение — Государственный совет (Council of State). В состав Государственного совета, носителя исполнительной власти, вошли сорок один член, назначенные парламентом из своей среды, таким образом правительство было подчинено парламенту и ответственно перед ним. Этому Государственному совету дается большая власть: он ведет борьбу с контр-революцией и внешнюю политику, подает советы парламенту, начальствует над военными силами государства, заботится об экономической жизни страны, проводит в жизнь постановления парламента. Но когда членов совета заставили присягать и в текст присяги включили одобрение казни короля, отмены монархии и палаты лордов, то огромное большинство отказалось принять ее. Пришлось текст присяги смягчить, исключив отсюда одобрение казни короля.

Правительственная власть в Англии таким образом оказалась в руках парламента и Государственного совета. Но это очень тесный круг лиц: в парламенте после чистки Прайда осталось лишь

около ста человек, а заседания посещали в среднем человек 50. Членами Государственного совета по большей части были те же коммонеры; а заседать в Государственный совет являлось в среднем человек 15 (кворум — 9).

Не о таком строе мечтали левеллеры. Они были разочарованы и повели борьбу против нового порядка. Правда, они потерпели поражение, но тем не менее своей оппозицией они сильно затрудняли положение правительства. Этой оппозиции слева присвоено название «оппозиции левеллеров». Но к этому термину нужно относиться с осторожностью. Многие, кого звали левеллерами, в том числе и Лильберн, открещивались от этого названия. Под именем левеллерства объединяются многообразные политические, социальные и религиозные течения, порой даже враждебные друг другу. Бернштейн различает два течения: одно чисто политическое, во главе которого стоял Джон Лильберн, а другое — социальное, представляющее интересы неимущих; наиболее ярким представителем этих «истинных левеллеров» был Уинстанли. Бернштейн чрезмерно упрощает и схематизирует сложное и путанное движение.

Мы обратимся сначала к характеристике той оппозиции, которую Бернштейн называет политической и во главе которой стоял Джон Лильберн.

Английская республика устроилась путем союза армии с невоенными левеллерами, которых называли часто «штатскими». Для последних моментов гражданской войны для 1647 и 1648 года очень характерна связь радикальных элементов армии с невоенной радикальной партией, и те и другие мечтали о народовластии, о свободно избранном парламенте. Попавши в обстановку республики с тесным кругом правящих лиц, они почувствовали себя обманутыми. Они стали требовать, чтобы принципы «Народного соглашения» были осуществлены и чтобы старый парламент был распущен. Солдаты были недовольны, что теперь их не собирают более в армейский совет, где стали заседать только гранды. Восстановление всеармейского совета и проведение в жизнь «Народного соглашения» стало боевым кличем солдат и левеллеров.

Когда солдаты обратились к совету офицеров с требованием о восстановлении всеармейского совета, то офицерский совет запретил им подавать петиции кому-либо, кроме своего непосредственного начальства, и просил парламент объявить изменниками штатских, мутящих армию.

В ответ на это Лильберн написал памфлет под названием «Новые цепи Англии», в котором обрушился на деспотизм нового правительства и требовал соблюдения «акта о самоотречении», запрещавшего членам парламента занимать военные и гражданские должности по назначению от парламента, и замены Государственного

совета краткосрочными комитетами. Этот памфлет имел большой успех. 1 марта 8 рядовых заявили офицерскому совету, что и они принимают участие в его составлении и требовали восстановления солдатских депутатов. Их предали военному суду; трое из них раскаялись, а пятерых строптивых наказали и уволили. Но они не уявились и ответили памфлетом: «Преследование лисиц от Ньюмаркета и Трипло-Хис до Уайтхолла пятью маленькими гончими, которые прежде были в армии». (Гончие—это они, пять рядовых, а лисицы, это—гранды, особенно Кромвель и Айртон, нарушившие свои обещания.) «У нас теперь новый король и новые лорды,— пишут они,— и монархия стала более абсолютной, чем раньше».

Заодно с ними выступил и Лильберн; он выпустил 2-ю часть памфлета «Новые цепи Англии», где говорит, что надо созвать новый парламент, воссоздать всеармейский совет и выполнить «Народное соглашение». Парламент нашел в этом памфлете призыв к военному мятежу. Лильберн и три его сотрудника вызваны в Государственный совет. Лильберн ведет себя вызывающе, говорит дерзости; он даже не потрудился снять шляпу. Этим строптивых вывели в другую комнату. Потом Лильберн писал в одном из своих памфлетов, что он подслушал тогда разговор грандов. Кромвель якобы гневно сказал председателю Государственного совета Брэдшо: «Сер! или вы должны сломить их, или они сломят вас и сведут на-нет все наше дело».

Лильберна и других посадили в Тауэр; но тотчас же начались массовые петиции об их освобождении. Из Тауэра Лильберн протестовал против имени «левеллера» и высказывался против имущественного уравнивания и уничтожения собственности.

В апреле в одном полку разразился бунт. Солдатам было приказано идти в провинцию, но они отказались. Правда, потом солдаты подчинились, но были приняты жестокие меры. Зачинщиков судили и одного из них, рядового Локьера, расстреляли.

Как это часто бывает во время смут, похороны этого неизвестного рядового приняли вид политической демонстрации. По похоронам видно, как сложна была народная оппозиция. Собралось огромное количество народа. У Уайтлока есть описание похорон. Большая толпа шла впереди гроба, который весь был в цветах. Цветы были измараны кровью. Позади гроба вели лошадь Локьера,— почесть, которая обыкновенно оказывалась лишь генералам. Сзади тоже шло много народа. На манифестантах были надеты не только чёрные ленты в знак траура, но и ленты цвета морской волны (цвет левеллеров). Среди манифестантов было много женщин. Когда процессия прошла Сити и подходила к Уестминстеру, к ней присоединилось много богатых граждан, не решившихся идти по Сити. В этой демонстрации усматривали определенный вызов парламенту.

Вскоре вспыхнул более опасный солдатский бунт: он разразился в двух местах. Особенно опасен был мятеж на западе, где четыре полка отказались идти в Ирландию. Против них отправили солдат из Лондона, но и среди этих слышен ропот, появляются левеллерские ленты. Благодаря усилиям Кромуэля и Айртона мятеж был подавлен, и зачинщики расстреляны.

Сидя в тюрьме, Лильберн выпустил болтливую и беспорядочную 4-ю редакцию «Народного соглашения», где повторял свои старые положения и предостерегал парламент от всякого исполнительного органа; пусть сам же парламент и выполняет свои решения. Тут же он опять отрекается от коммунизма. В июле Лильберн напечатал новый памфлет: «Основные законные вольности английского народа», где резко обличает деспотизм офицеров. В июле Лильберна выпустили на поруки, а в августе он издает смелый памфлет против Кромуэля и Айртона. Если уж суждено терпеть деспотизм, писал он, то лучше деспотизм законного короля Карла II, при котором у Англии установятся добрые отношения с Европой и мир, чем деспотизм короля Оливера, который ставит страну лицом к лицу с войнами и резней на многие годы и с постоянной армией, которая ведет к полному порабощению народа. Посланные арестовать Лильберна мушкетеры не выполнили приказания. В Лондоне появляются открытые призывы солдат к восстанию для осуществления «Народного соглашения». Государственный совет запуган и идет на соглашение с радикалами. Происходят настоящие переговоры между правительством и левеллерами и устанавливаются примирительные пункты. Обещано выпустить из Тауэра трех сотрудников Лильберна.

Но после того, как произошел новый солдатский бунт в Оксфорде, и Лильберн скомпрометировал себя новыми бешеными выступлениями, его снова арестуют. Его судят 25 и 26 октября по обвинению в измене, но суд кончается торжеством подсудимого. Лильберн очень способный и увертливый адвокат, и судьям трудно уличить его, кроме того, настроение присяжных, состоящих из горожан, было благоприятно для подсудимого. В своем последнем слове Лильберн обратился к присяжным, говоря, что только они имеют власть судить его, а судьи, это—лишь представители норманского насилия, вторгшегося в свободную саксонскую жизнь. Эти слова вызывают шумное одобрение зала. Когда присяжные вынесли вердикт «не виновен», то зала суда сделалась местом демонстрации. Целые полчаса публика громко выражала свою радость; судьи были подавлены. Хотя Лильберна из зала суда увели в Тауэр, тем не менее в Лондоне была зажжена аллюминация, и толпа ликовала. Через некоторое время Лильберн был выпущен на свободу.

Правда, после этого радикальное движение слабеет под влиянием тяжелых внешних событий (надо было воевать с Шотландией и Ирландией), и Лильберн на время успокаивается, но его продолжают бояться. В 1652 г. парламент придрался к Лильберну за его нападки на одного ненавистного ему коммонера и присудил его к изгнанию из Англии под страхом смерти. В 1653 г., когда, наконец, Долгий парламент был разогнан, Лильберн вернулся в Англию, думая, что после падения своих врагов он может располагать полной свободой. Однако его арестуют, обвиняют в самовольном возвращении и судят. Присяжным был поставлен вопрос только о факте возвращения, и хотя Лильберн находился налицо, присяжные ответили: нет, не виновен. Этот ответ вызвал ликование огромной толпы, собравшейся у суда. Даже солдаты бьют в барабан и трубят в трубы. Правда, после этого его опять посадили в тюрьму, и он сошел со сцены.

Широкая популярность Лильберна говорит о глубоком недовольстве населения. Такое сильное народное недовольство не могло быть лишено социально-экономической окраски; и в программе Лильберна есть экономические мотивы: требование свободной торговли, отмены патентов и т. п. Партию левеллеров нельзя делить на две части, на партию с исключительно политическими требованиями, во главе которой стоял Лильберн, и на партию пролетариев под предводительством Уинстанли, как это делает Бернштейн. Наиболее характерной чертой для левеллеров является слитность, нераздельность их движения, наличие спутанных программ с политическими, социальными, религиозными и экономическими требованиями. Целый ряд незаметных переходов приводит нас от левеллеров в духе Лильберна к коммунистам.

Органом левеллеров была газета «The Moderate» («Умеренный»). Здесь рядом с политическими слышны и социальные требования. Летом 1649 г. у дербиширских углекопов произошло столкновение с хозяином ерлем Ретлендским. Обе стороны послали петиции в парламент. В «Moderate» появилась угроза, что если парламент не удовлетворит рабочих, то 12.000 человек обратятся к естественному праву и найдут помощь у левеллеров Дербишира. В правительственной газете была напечатана отповедь владельцев земель и рудников в Дербишире, которые писали, что левеллеров в графстве мало, наберется не более дюжины, что рабочих не 12.000, а всего 4.000, и обвиняли рабочих в том, что они сочувствуют королю. Рабочие не остались в долгу и в свою очередь на страницах «Moderate» объявили, что владельцы рудников нераз прибегали к помощи кавалеров против рабочих. Лильберн протестовал против коммунизма, но некоторые из его сторонников думали иначе. Одним из близких к Лильберну людей был Уольвин, сидевший

вместе с ним в тюрьме за составление памфлетов. Враги обвиняли Уольвина в коммунистических взглядах; он будто бы говорил, что одни имеют много, а другие ничего, что не надо изгородей и канав, и что горсть смельчаков может перевернуть весь мир.

Были и чисто коммунистические движения. До нас дошел любопытный памфлет из одного центрального графства Бекингамшир, изданный в декабре 1848 г. Памфлет имел успех и к весне понадобилось выпустить новое издание. Характерно самое название «Свет, воссиявший в Бекингамшире. Первоначальная причина всей неволи на земле, а особенно в Англии. Всем бедным, угнетенным людям. Воскресни, боже, суди землю!» В этом памфлете есть чисто религиозные рассуждения, так что можно подумать, что мы имеем здесь дело с религиозным энтузиастом. Рассуждения памфлета во многом опираются на библию. Иегова-Элоим сотворил человека по своему образу и подобию. Подобие, это — его сын Иисус Христос — свет людей. Этот свет мы называем разумом и совестью. Отсюда золотое правило закона, т.-е. справедливость (equity; но equity также может значить и равенство). Но человек отверг это золотое правило и, следуя чувственным порокам, стал огораживать землю. Земля захвачена несколькими корыстными людьми, которые сделали остальных бедняками и своими рабами. Бедняку стало трудно жить. Если он убьет птицу, то его сажают в тюрьму, говоря, что эта дичь принадлежит джентльмену. Для того, чтобы усилить свое господство вопреки божеским предписаниям и свободе своих братьев, эти насильники выбирают себе командира и называют его королем. Таким образом монархия здесь понимается, как орудие классового господства меньшинства над большинством. Богачи, юристы, лорды и бароны требуют короля, а то не было бы палаты лордов и исчезли бы все патенты и корпорации богатых. Каждому должно быть дано столько, сколько ему нужно, чтобы прожить; каждый должен жить по правилам, преподанным в священном писании. Править должны судьи, богобоязненные старшины, избранники общества. Все должны одинаково работать, одинаково есть, иметь одинаковое имущество и одинаковые права. Плачьте, богачи, народ не хочет больше быть в рабстве у вас, потому что мудрость божия просветит его. «К шатрам, Израиль!» Конец памфлета более скромный. Автор, как истинный, деловой англичанин, указывает, как практически выйти из затруднения. Есть много, говорит он, свободных земель: казенных лесничеств, епископских, коронных; парламент раздает их своим членам, но на самом деле надо их раздать бедным.

Весной 1649 г. появляется «Новый свет, воссиявший в Бекингамшире». Здесь поторяются старые положения. Нового приба-

влено немного, именно, что единственный, истинный царь это — Христос, а все люди равны. Падение монархии понимается, как коренной социальный переворот: вместе с монархией должны были пасть и социальные преимущества дворянства и буржуазии; гранды отделились от короля, но своих привилегий не пожелали уступить. Пусть братья в Англии и солдаты, говорит автор, восстанут против тирании.

В Бекингемшире это настроение сильно. В мае мы видим здесь декларацию, идущую от людей среднего состояния. Эта декларация негодует на юристов, на монополию, на спекулянтов, на ограживателей, на лэндлордов, которые являются представителями «норманского» насилия. Эта декларация призвала всех благонамеренных людей жить коммунистически, копать и засеять земли, которые сейчас никем не заняты.

Что это, только моральная проповедь, или же это реальные планы? Из Бекингемшира до нас не дошло сведений о попытках малоземельных, или безземельных захватить пустые земли. Зато мы имеем сведения о подобной попытке захвата пустошей в местечке Кобгем (Cobham), соседнего графства Сурри (Surrey), верстах в 30 от Лондона. Там, в марте была подана манифестному лорду декларация бедных (46 подписей). Во главе последних стояли отставной солдат «пророк» Эверард и Уинстанли (Winstanley), бывший горожанин, теперь хлебороб. Они заявили, что желают весной приняться за разработку пустых земель. У них есть и теоретическое оправдание: земля создана для всех и должна всем давать пропитание.

Свое намерение они, действительно, исполнили. 16 апреля Государственный совет получил тревожное известие, что человек тридцать с лопатами пришли на общинную пустошь, на холм св. Джорджа, и стали разрабатывать землю. Они зовут всех на помощь и говорят, что их скоро будет тысяч пять.

Государственный совет в тот же день дал приказ Ферфаксу послать кавалерийский отряд разогнать их. Офицер, командир посланного отряда, взглянул на дело просто, с военной точки зрения, очень легко отнесся к событию и доносил по начальству, что ничего особенного нет, и он удивляется, почему Государственному совету надоедают такими пустяками. Офицер сообщал, что он пригласил этих людей дать объяснения их поступков и что для этого они пришлют в Лондон двух человек, Эверарда и Уинстанли. Эверард, по мнению офицера, сумасшедший. И действительно, эти двое явились в Лондон к Ферфаксу, который принял их и имел с ними разговор, сохраненный Уайтлоком. Эверард, объяснял Ферфаксу, что вся беда — в норманском завоевании, которое отняло свободу у общин. Он, Эверард, происходил из иудеев (так сильно было

увлечение библией: вероятно же, в нем не было ни капли еврейской крови), и он получил свыше откровение пойти копать и распахивать пустую землю. Им ничего не нужно, только немного одежды, чтобы прикрыть свою наготу; они и не помышляют о вооруженном сопротивлении. Но все же эти люди стоят перед Ферфаксом в шляпах и объясняют, что они имеют на это право, ибо и Ферфакс такое же создание бога, как и они. Этих странных людей оставили в покое. В скором времени они выпустили памфлет: «Истинное знамя левеллеров, декларация к бедным Англии и всего мира».

В мае Ферфакс проезжал мимо холма святого Джорджа и разговаривал с копателями (diggers). Они жаловались ему, что им тяжело приходится от соседей, которые портят их посевы. В июле копатели уже подали формальную жалобу в парламент на обиды, чинимые им соседями: местные лорды - майоры, они же мировые судьи, судят их за захват чужой собственности, а присяжные, фригольдеры, крепко стоящие за «норманские» порядки, присудили копателей к уплате проторей и убытков. Еще больше донимают их соседи, которые их бьют, отнимают у них орудия, портят посевы, разрушают дома, калечат скот, доводят до разорения. Поэтому копатели и жалуются парламенту и просят его защиты, хотя сами они невысокого мнения о парламенте: кто в нем заседает? — ставленники фригольдеров, потомков норманских солдат. Но ведь они, копатели, никого не трогают, пусть же оставят пустые земли «младшим братьям» — угнетенным беднякам, которые помогли джентльменам сломить королевский деспотизм.

Но обиды все продолжают, и поэтому к новому году левеллеры послали в парламент «Новогодний подарок», т.-е. сказание о своих трудах и тягостях. В нем мы находим классовое объяснение революции. От старого порядка страдали все — и джентльмены и простой народ. Джентльмены обратились за помощью к народу; народ помог, но лукавые богачи забыли о своем прежнем военном товарище. В этом «Новогоднем подарке» левеллеры-диггеры говорят, что их цель — общность человека и общность земли — это и есть истинное левеллерство, и истинный и великий Левеллер — Христос, поэтому надо гордиться левеллерами: они делают Англию страной, наиболее близкой к свету свободы. В 1650 г. диггеры шлют верных людей по всей центральной Англии для сбора пожертвований.

Кобгемское движение разбилось не о начальственное запрещение, а о сопротивление местного населения. Оно не стоит изолированно.

Сходное движение мы видим также в Уэллингберо (графство Норамптоншир), где немущих было более тысячи человек. Не

получая никакой помощи, они также стали распахивать пустые земли, но на них соседи смотрели снисходительно. Эти бедные известили о своем начинании Государственный совет, прося его утвердить их захват. Известия о бедных из Уэллингберо дошли до кобгемских копателей, и те поздравили их с успехом, извещая, что и в Кенте бедные стали копать землю. Государственный совет отнесся к бедным из Уэллингберо сурово и велел местным мировым судьям разогнать диггеров и судить их. Из среды копателей Кобгема выходят и более резкие призывы. Так, поэт Роберт Костер написал в декабре 1648 г. памфлет: «Лента, брошенная в общую сокровищницу». Обращаясь к сельским рабочим, он говорит, что глупо им униженно просить работы у богатых за дешевую плату. Если бы они не занимались так дешево, то и богатые не набивали бы рент, и земля бы подешевела; тогда и все подешевеет.

Есть интересная песня диггеров: «Ваши дома они (кавалеры) разоряют, чтобы напугать бедняков, но джентльмены должны сойти вниз, а бедняки получают корону. Их (т.-е. кавалеров), мудрость так глубока, что они обманом отнимают нашу землю. С ними заодно и судьи и клирики, которые говорят, что грешно бороться за свободу и что доблесть заключается в том, чтобы делать бедняков своими рабами.

Но этот боевой клич неожиданно кончается призывом к непротивлению. «Встаньте же все вы, диггеры, и победите их любовью, потому что бог — царь на небесах и нет силы, равной любви». В «Новогодней жалобе», где диггеры повествуют о своих злоключениях, они заявляют: «Мы не хотим воевать за свободу: это значит работать на проклятие. Мы одолеем любовью и терпением: победа мечом это — победа раба, а победа любовью — царская победа». Прекращение социальной несправедливости, которая чувствовалась этими людьми, казалось им связанным с внутренней победой, с религиозным перерождением.

Эта спутанность политических, социальных и религиозных мотивов характерна и для Уинстапли, находившегося среди полусотни копателей на холме святого Джорджа. О нем мы знаем мало, лишь то, что он сам написал о себе. Он родом из Ланкашира, некогда жил в Лондоне, торговал, но обманы торговли и военные смуты разорили его, и он поселился в деревне, и здесь он страдал от палогов и военного разорения. Коммунистическая попытка разорила его в конец. В 1652 г. Уинстапли пишет, что теперь ему придется испытать горькую участь нищего или батрака, а он уже стареет и здоровье его подорвано.

В его ранних памфлетах преобладают религиозные мотивы; они близки к сочинениям квакеров. И обличители отмечали, что квакеры пошли от левеллеров, но позднейшие квакеры ушли от соци-

альной деятельности, замкнувшись в религиозной области. Но все же и квакеры ни перед кем не снимают шляпы и никому не говорят: «вы».

В этих первых памфлетах Уинстанли говорит о необходимости проникновения внутренним светом. Он занимается аллегорическим истолкованием библии. Эдемский сад, это — человеческий дух, данный богом, змей, это — себялюбие, под влиянием которого человек начинает служить плоти. Когда над людьми взойдет солнце праведности и любви, то на земле не будет зла, но до тех пор надо терпеливо страдать. Иисус Христос внутри нас, не воображайте себе божества неизвестно где.

Очень скоро к этой религиозной полумистической проповеди примешиваются социальные мотивы. В «Новом законе праведности», написанном в начале 1649 г. и изобилующем библейскими метафорами, Уинстанли обращается к двенадцати коленам израильским, обрезанным в сердце своем и рассеянными по всей земле. Уинстанли говорит, что надо различать двух Адамов. Первый Адам, это — павший и согрешивший тем, что установил частную собственность и подавил свободу, которая есть Христос. Но есть и второй Адам-Христос, который остановил течение гнилых вод эгоизма и даровал людям свободу, а землю отдал им в общее достояние. Здесь мы встречаем проповедь коммунизма в сочетании с непротивлением. Уинстанли восстает против государственного принуждения: нельзя ни карать ни воевать с насильем, надо бороться духовно. Победа будет достигнута распространением в человечестве божественной силы, которая создаст общее единодушие.

Но откуда Уинстанли знает это? Он узнал это в трансе (это слово уже встречается у него), когда слышал слова самого Христа: «Работайте вместе, ешьте хлеб вместе, я, господь, сказал это и делаю это. Поведай об этом всем». Теперь Уинстанли объявляет это людям, и проповедь его носит пророческий характер: «Вы, прах, лежащий под ногами, вы, бедняки, своим трудом создающие своих притеснителей, вспомните о вашем праве: Закон Правды теперь провозглашен. Если вы будете работать на других, а другие будут есть хлеб, добытый вашим потом, то божья рука падет и на вас, наемники, и вы погибнете вместе с жадными богачами». Пустоши должны принадлежать бедным сообщам. Пусть богатые сами работают поодиночке, а бедняки — все вместе.

Эти свои идеи Уинстанли развивает и в «Новом законе свободы» 1652 г. У него произошла эволюция и в религиозных и в политических взглядах. В левых религиозных течениях элементы мистицизма и рационализма причудливо переплетаются. В ранних сочинениях Уинстанли все-таки заметно преобладание мистицизма,

в позднейших проявляется смелый, даже дерзкий по тому времени рационализм и критика догматического богословия.

Познание тайн природы есть познание божьих тварей; это и есть богопознание. Дальше этого человеческое знание не простирается, и все попытки расширить его границы бесплодны. Что же такое, спрашивает Уинстанли, система богословия? Это — ложь, воровство, грабеж, это доктрина больных и слабых людей, утративших знание природы и своего сердца. Теологи — сумасшедшие, бредящие то блаженством, то адом. Здесь дело заключается не только в безумии, но и в корысти: теология это — наряд, надетый на людскую жадность и насилие, это обман хитрого старшего брата над младшим.

В «Новом законе» есть любопытный диалог между старшим и младшим братом. Старший брат говорит младшему: Эта земля — моя, ты не можешь на ней работать, если не снимешь ее у меня; а не то грозят тебе вечные муки. Младший брат с удивлением спрашивает: неужели бог так несправедлив в распределении земли, без которой люди не могут жить? Старший брат: А разве ты хочешь быть бунтовщиком и идти против бога? Младший брат: Неужели же это божья воля? Старший брат: А как же, это его заповедь, и если ты в это не веришь, то ты проклят.

Уинстанли говорит о религиозных собраниях, но его культ носит рационалистический, почти что утилитарный характер. Священники его веры читают народу политические новости, законы своей страны, допускается историческое чтение, беседы об искусстве и науках. Если у Уинстанли ослабляется мистическое настроение, то вместе с ним падает и сопротивление.

Этот «Новый закон свободы» обращен к Кромвэлю, который якобы может водворить справедливый порядок. Уинстанли уже допускает насилие: армия должна служить не только против внешнего, но и против внутреннего врага. В идеальном государстве есть полиция и суд; все должно работать; уклоняющийся от работы — преступник, которого сначала уговаривают, а потом отдают на исправление на год с применением каторжного режима. В случае очень тяжких преступлений, например, при продаже или покупке земли, можно даже казнить. Законы суровы — око за око, зуб за зуб. В производстве и распределении должен господствовать коммунизм. Частной собственности нет, все работают на всех.

Но потребление — семейное. Уинстанли верится, что при коммунизме расцветет наука, и пойдут быстрым темпом новые изобретения. У него есть утверждения, близкие к историческому материализму, идеология людей определяется внешней средой. Внутреннее рабство, т. е. лицемерие, гордость, жадность, зависть создаются внешним рабством, т. е. прямым насилием. Если падет внешнее рабство, то падет и рабство внутреннее.

Надежда Уинстанли, что Кромуэль поддержит его, была наивной мечтой; в самом деле, Кромуэль стоял на старой точке зрения и думал, что деление английского общества на классы знатных джентльменов и номенов — истинное и необходимое деление. Ему казалось, что принципы левеллеров опасны, так как они взывают к дурным инстинктам низших классов, и поэтому считал необходимым бороться с ними. Но, становясь на эту точку зрения, Кромуэль отнимал у себя союзников. Запас воодушевления стекал в другую сторону, фундамент республики становился уже, и народное движение ослабевало. Сложное учение Уинстанли постепенно вырождается в квакерскую доктрину непротивления. Ослабление крайних течений ослабляло и республику, возвращало ее на почву старого порядка и подготавливало реставрацию. Если во внутренних отношениях Англии нет ясного перерыва между старым и новым порядком, то это еще более справедливо по отношению к внешней политике. Перед республикой стояли прежние задачи — ирландский и шотландский вопросы и сложные отношения к Европе, и в этой области между республикой и монархической традицией разногласия не было. Республика и протекторат продолжают политику Тюдоров и Стюартов, только с большей энергией и большим успехом.

XI. Ирландские и шотландские дела.

Ирландский вопрос перед английской революцией. — Восстание 1641 г. — Католическая ассоциация. — Ирландское восстание в исторической литературе. — Ирландское восстание и роялисты. — Подавление восстания. — Торр. — Обезземеление ирландцев и английская колонизация. — Роялистское движение в Шотландии. — Война. — Присоединение Шотландии и англо-шотландские отношения.

На пороге республики нас встречает ирландский вопрос, к изучению которого мы теперь и перейдем. Эпоха республики и протектората важна как критический момент в ирландской истории: в эти годы завершилось обезземеление ирландцев; у них было отнято $\frac{3}{4}$ территории, где были посажены английские и шотландские колонисты. Эта попытка выселения и эмиграции потребовала много труда и свидетельствует о крупных административных дарованиях английского правительства; правда, эта попытка англичан, сопровождавшаяся большими жестокостями, возмущает нравственное чувство, но и самый горячий ирландский патриот не может не признать, что Английская республика очень умело справилась со сложнейшей административной задачей.

Ирландский вопрос оказал сильное влияние и на внутреннюю политику республики. Он выдвинул вперед задачи внешней обороны и оттеснил на задний план демократические стремления. Если республика сменяется протекторатом, то это объясняется тем, что республика была втянута в борьбу с Ирландией, Шотландией и Голландией, и тем, что средоточие власти было нужнее и важнее демократических принципов. Наконец, ирландская политика говорит о том, как сильны были старые традиции даже среди смелых радикалов. В области международной политики республика получила тяжелое наследие от времен монархии. Ирландцы и шотландцы придавали мало значения политическим переменам внутри Англии и к англичанам времени республики относились так же, как раньше относились к англичанам монархии. Отношения Англии к другим странам складывались так же, как и прежде, и свидетельствуют о том, как трудно бывает отделаться от исторической традиции.

Положение Ирландии было чрезвычайно запутанное. За многие века ее подчинения Англии назрело много болезненных вопросов, разгорелась национальная, политическая и социальная борьба. Правительство английской республики не могло отказаться от разрешения этих вопросов. Одним из первых дел республики была отправка армии в Ирландию для усмирения мятежа, и во главе этой армии стоял Кромуэль, крупнейшая личность республиканской Англии.

Английская политика по отношению к Ирландии потерпела ряд неудач еще до начала республики. Англичане думали об англификации Ирландии, мечтали насадить там свою культуру, свои порядки и утвердить свою господствующую церковь. Но в Ирландии жизнь особого склада, и туземное кельтское население упорно сопротивлялось англификации. Различие между англичанами и ирландцами стало еще резче, когда в Англии произошла церковная реформа, а ирландцы остались католиками: к антагонизму рас и культур присоединяется антагонизм религиозный. В своей попытке отстоять католицизм ирландцы пытаются опереться на католических государей Европы, а это вызывает у англичан страх десанта на их остров иностранцев, которые будут опираться на Ирландию как на операционный базис.

Потерпев ряд неудач в англификации, англичане задались иной мыслью: создать на ирландской почве англо-шотландское население, как противовес ирландцам-кельтам и католикам. В XVI и XVII веке англичане ищут поводов, чтобы отнять земли у ирландцев. Эти поводы встречались часто в виде многочисленных восстаний, после которых у повстанцев конфисковали земли. Если восстаний не было, то английские юристы проверяли земельные права ирландцев, и, выискивая в них недостатки, отнимали земли. К последним годам старого порядка относится попытка лорда Страффорда создать англо-шотландское население на западном берегу Ирландии. На отнятых землях сажаются англичане и шотландцы-пресвитериане, которых встречают с ненавистью согнанные с родных мест ирландцы; выселить их всех не удавалось, да и в них, как в батраках, нуждались английские и шотландские поселенцы. Англичане находятся в соседстве с обезземеленными ирландцами, которых считают людьми низшей породы и еретиками.

Население Ирландии, которое англичане застали там, не представляло из себя одного целого. Среди кельтского населения еще сильны остатки кланового строя, у них нет общей организации и иногда происходит борьба между отдельными кланами. Еще раньше, в католическую эпоху, в Ирландию притекали волны английских переселенцев; между ними и ирландским населением особой розни не было. Когда же в Англии установился протестантизм, то эти старые

английские переселенцы остались верны католицизму; с религиозной точки зрения они чувствуют себя ближе к ирландцам, а с расовой — к англичанам. Многие из них, несмотря на запрещения и мероприятия английского правительства, прижились и даже усвоили себе некоторые черты кланового строя. Таким образом целый ряд незаметных переходов соединял чистых англичан с коренными ирландцами.

Все эти обстоятельства породили необыкновенную смуту во внутренней жизни Ирландии: было много поводов к неудовольствиям. В Ирландии англичане завели английские учреждения — парламент (с конца XIII века), государственную церковь и местное самоуправление английского типа. В конце XV века (в 1495 году) ирландский парламент был сильно ограничен: он не мог обсуждать ни одного проекта, не одобренного предварительно английским правительством (акт Пойнингеа). Затем были отняты избирательные права у католиков. Ирландский парламент сделался таким образом представителем незначительного меньшинства. Если к этому прибавить, что многочисленные восстания подавлялись страшно жестокими мерами, то станет ясно, сколько горечи и злобы накопилось в сердцах ирландцев. Поэтому они восстали, как только явилась надежда сбросить с себя англо-шотландское иго. Эта надежда явилась у них во время гражданской войны. В сороковых годах все силы Англии были сосредоточены во внутренней борьбе, и Ирландия была предоставлена сама себе.

У ирландцев явилась надежда вступить в союз с королевским правительством. Англичане и шотландцы Ёльстера стояли за парламент. Таким образом много очень сложных мотивов привело к борьбе.

В 1641 году этот запутанный клубок англо-ирландской распри привел к восстанию, разразившемуся в октябре этого года. Оно началось там, где раны были всего болезненней, в Ёльстере. Этот мятеж неясен с самого начала: племенные и религиозные страсти окружили его таким туманом, что и теперь с трудом можно разглядеть истину. Англичанам мятеж казался торжеством диких варваров, они говорили о бесчисленных жертвах, пострадавших от восстания, о мучениях английских переселенцев и о разорении страны. Ирландцы, наоборот, стараются умалить жестокость мятежа и представляют его как законную реакцию на английские утеснения.

Этот спор отразился и в историографии. Если мы обратимся к монографии сторонника ирландцев Прендергаста «Кромвэлева колонизация Ирландии», то здесь увидим попытку сгладить ужасы восстания. Англичане первые стали убивать безоружных и сдавшихся. В работе Ингрема «Критическая история Ирландии» мы находим, наоборот, подбор известий о необыкновенной

бойне, о гибели к 1645 г. более 150.000 англичан и шотландцев; по мнению Ингрема, это — нелепое и ничем не вызванное восстание; причина его — религиозный фанатизм.

О требованиях повстанцев можно судить по официальным донесениям. В октябре 1641 года в аббатстве Мультифарнгам (Mul-tufarnham) собрались миряне, монахи и белое духовенство. В Ирландии, как вообще в тех странах, где местная религия притесняется, духовенство было особенно влиятельно: клирики были не только духовными, но и национальными вождями. Совещание выработало ряд требований к английскому правительству; эти требования были и политического характера — отмена акта Пойнингеа, — и религиозно-политического, — уравнивание в правах католиков и дарование им избирательных прав, — и социально экономического — возвращение прежним собственникам отнятых у них земель.

Вскоре в Ёльстере началось восстание, как пожар охватившее всю местность: в несколько недель эта четверть Ирландии переходит в руки местного населения. Английских и шотландских переселенцев, особенно первых, выгоняют из домов, избивают и калечат их скот, порою их вешают или топят, чаще же всего раздевают и гонят в местности, еще подвластные англичанам. В дороге от холода и голода английских поселенцев погибло больше, чем от ружейных убийств. Число жертв восстания определить чрезвычайно трудно: в английской передаче оно доходит до ста, полутора, даже двухсот тысяч человек. Более критическое отношение уменьшает число жертв до 20 — 25.000 человек.

Лишь к концу 1641 году в Ирландию прибывают английские и шотландские войска и пытаются жестоко подавить мятеж. Но у них нет денег, повстанцы подавляют их численностью.

Ирландский совет сознает свое бессилие и в сентябре 1642 г. доносит парламенту, что повстанцы заняли все внутренние области и почти все порты. Они в изобилии получают оружие и провиант, а у англичан не хватает ни того ни другого. У ирландцев быстро появляется своя организация. 8 октября 1642 г. в Килькени собирается Генеральная ассоциация католиков-конфедератов (General Association of the Confederated Catholics). В ней заседают представители от городов и графств, и ирландцы и англо-ирландцы-католики. Дело в том, что когда в Англию пришло известие о восстании, то парламент, в порыве негодования, вынес постановление, чтобы католицизм в Ирландии был искоренен; английские католики присоединились к ирландцам, чтобы отстоять свою религию. Таким образом английскому парламенту приходилось рассчитывать лишь на протестантов.

Генеральная ассоциация выбрала исполнительные органы — Верховный совет, советы провинций и графств. Ассоциация выставила

требование, чтобы католики не только были уравнены в правах с протестантами, но чтобы католицизм был объявлен господствующей религией; они также требовали, чтобы земли, конфискованные у католической церкви, были ей возвращены, за исключением монастырских земель, которые остаются за мирянами. Революционный Ирландский Верховный совет насильно отбирал доходы у людей, нежелавших добровольно жертвовать на восстание. Этим был создан предлог для насилия англичан над нейтральным населением: оно обвинялось в пособничестве восставшим.

Ирландский мятеж произвел очень сильное впечатление в Англии, разжег чувство национальной ненависти до крайней степени, вызвал неутолимую жажду мести. Уже в декабре 1641 года Ирландский Совет предложил английскому парламенту меры для умирения мятежа: из городов надо удалить всех ирландцев; из деревень, по возможности, собрать скот и все запасы в города, чтобы взять повстанцев измором; обещать помилование каждому повстанцу, который принесет голову своего товарища, и давать награду тем, кто пожелает принять протестантство.

Когда один английский офицер услышал проповедь англиканского епископа о необходимости шадить ирландских женщин и детей, то пришел в негодование от этой изменнической пропаганды, бросил военную службу, приехал в Лондон, где написал бешеный памфлет против ирландцев. Эта ненависть длилась долго: в 1647 году вышла работа Томаса Мей «История Долгого парламента». Автор изображает дореволюционную Ирландию в розовом свете, спокойной, благодатной страной. Восстание не было ничем вызвано и представляет из себя сплошное варварство. Число убитых англичан-поселенцев доходит у него до 200.000 человек слишком.

Ненависть была широко разлита в английских кругах. Сторонники парламента в 40-х годах считали, что ирландцы не лучше зверей. Парламент издал декрет, что всякий может безнаказанно убивать ирландцев, приплывших в Англию для защиты королевского дела. Капитан Суонли (Swanley) захватил транспорт таких солдат, шедший на помощь королю. Солдатам-англичанам он предложил принять Ковенант, а солдат-ирландцев связал попарно, спинами друг к другу, и бросил в море.

Ненависть распространялась даже на ирландских женщин. За армиями XVI — XVII века обыкновенно следовало много жен солдат и женщин легкого поведения. Английские пуритане отличались особенною нетерпимостью к этой человеческой слабости. После битвы при Незби, когда был захвачен обоз королевской армии, они жестоко обошлись с пленными женщинами. У женщин английского происхождения они обезобразили лица, а больше сотни ирландок перебили.

В феврале 1642 года Долгий парламент постановил, чтобы ирландское восстание было подавлено на средства самих ирландцев. Парламент стал продавать земли повстанцев и пансионов, хотя они еще не были отобраны. Подписка на ирландские земли шла не очень успешно, но все же разобрали около миллиона акров. Но деньги, вырученные от продажи, пошли на борьбу не с ирландцами, а с королем. За усмирение Ирландии принялись лишь в 1649 году; до тех пор Ирландия была предоставлена сама себе.

Независть англичан к ирландцам сказалась и в историографии. Если мы обратимся к биографии Кромвеля Карляйля, то найдем здесь полное презрение к ирландцам и к Ирландии 40-х годов XVII столетия. Ирландия изображается сценой пожаров, крови, беспорядка и насилия. Карляйль с презрением смотрит на борьбу ирландских партий. Он отмечает эти партии: это — непримиримая католическая старо-ирландская партия, подчиняющаяся папскому нунцию: она не может действовать заодно с англичанами-католиками. Рядом с ними роялисты англикане и пресвитериане, которые настаивают на необходимости подчинения королю без всяких условий. Есть и пресвитериане, требующие Ковенанта. Есть и республиканцы, не желающие ни короля ни Ковенанта, и все эти партии ведут ожесточенную борьбу между собой. Повстанцев Карляйль считает просто дикой, недисциплинированной ордой, собравшейся для грабежа, которая уклоняется от открытых сражений и при приближении неприятеля уходит в непроходимые болота.

Другой историк, Ингрэм, автор «Критической истории Ирландии», с удовольствием подбирает сведения о низком уровне ирландской культуры. Он злобно отмечает требование повстанцев об отмене законов, запрещающих грубые ирландские обычаи, например, привязывать плуг прямо к хвосту лошади, и жечь, а не молотить овсяную солому для получения зерна. Ингрэм видит в этом стремление к варварскому состоянию. Он приводит сведения из повстанческого лагеря о насилиях, ссылается на постановление синода католических епископов от 1642 года, где слышны жалобы на разорение страны, на сокращение посевов и на то, что теперь хозяева должны заниматься грабежом, чтобы не умереть с голода. Папский нунций Ринуччини жаловался в 1646 году на повстанцев, которые ведут себя хуже всяких варваров. Один католический епископ жаловался, что повстанческая армия истребляет все, что оставляет неприятель.

Что эти отзывы об анархии преувеличены, видно из страхов и надежд, возлагавшихся на вмешательство ирландцев во внутренние дела Англии. Кругоголовые боятся ирландцев, а роялисты сильно рассчитывают на их помощь, и король желает вступить с ними в соглашение. В 1643 году он ведет переговоры с Ассоциацией

католиков. Но и среди советников короля есть противники политическо-религиозной эмансипации католиков; они говорят, что сущность ирландского восстания вовсе не в уравнивании прав католиков, а в расовой вражде. Повстанцы хотят перебить или выгнать всех англичан, и английскому населению в Ирландии приходится надеяться лишь на то, что меч или голод сильно сократят число ирландцев.

Нельзя отрицать того, что в этой борьбе 40-х годов окрепло национальное чувство ирландцев; кроме того, их спаивала воседино их католическая вера. Уже летом 1643 года ирландские клирики и вожди ёльстерских повстанцев выпустили непримиримый манифест. «Мы можем надеяться,—говорили они,—только на свои войска и на свою храбрость. Если одолеют круглоголовые, то мы потеряем все. Если же восторжествует король, то нам будет не лучше, чем до 1641 года. Но если мы соберем значительные силы и заручимся заграничной помощью, то победившей стороне придется считаться с нами».

Чем хуже роялистам приходится в Англии, тем сильнее они льнут к ирландцам. Но королевская политика в Ирландии шатка и двусмысленна. Уполномоченным короля в Ирландии был лорд-наместник Ормонд, протестант, который не по сердцу приходился ирландцам. Рядом с ним был назначен католик Гламорган, который тайно ведет переговоры с ассоциацией католиков и делает им существенные уступки, от которых король потом отказался. Таким образом в Ирландии оказываются два неслаженных органа королевской власти. В 1645 году в Ирландию приехал папский нунций Ринуччини, который презирал вероломного и еретического короля и стремился к полному торжеству католицизма. Ринуччини удалось стать руководителем ирландской политики, и он мечтает о полном удалении англичан с острова. Доведенный до отчаяния Ормонд передает остатки английской власти в Ирландии Долгому парламенту.

После установления республики положение в Ирландии стало очень печальным. Казнь короля возмутила умеренные элементы среди англичан и шотландцев. Только два порта и часть Ёльстера остались верны власти. Дело получило такой оборот, что можно было опасаться десанта в Англии. Ирландцы вели переговоры с папой и звали на помощь герцога Лотарингского, который уже нанял себе армию. Перед республикой стала необходимость немедленных действий.

Парламент обратился к Кромвелю с вопросом, согласен ли он взять на себя командование армией, посылаемой в Ирландию для усмирения восстания. Кромвель без колебания согласился и произнес в совете офицеров националистическую речь: «Если мы не поправим сейчас же своих дел в Ирландии, то ирландцы не только искоренят нас там, но и высадятся в Англии. Ирландцы хуже кавалеров, хуже шотландцев. Их торжество будет самым

большим несчастьем для страны, так как варварство ирландцев известно всему миру. Среди них особенно плохи паписты, но и все они так же плохи, как паписты. Восстановление монархии в Англии возможно лишь при ирландском или шотландском порабощении страны; поэтому я считаю реставрацию невозможной, ибо и монархисты не станут обращаться за помощью к ирландцам или шотландцам». Кромуэль здесь выступает как англичанин, решившийся бесповоротно и жестоко утвердить английскую власть. Кампания Кромуэля была не менее жестока, чем войны времен Елизаветы, а его земельная послепобедная политика отличалась еще большею свирепостью. Его имя стало самым ненавистным именем для ирландских патриотов.

Карляйль пытается доказать противное. Кромуэль, — это сверхчеловек, полубог, и самый важный его подвиг — это умирение Ирландии. Действия Кромуэля, это — божественная хирургия, это — небесная молния, это — явление Тора, это — страшный суд. Кромуэль — это первый «царский лик», лик строгого, но справедливого царя, который в первый раз увидели ирландцы за всю свою долгую историю. В то же время он друг Ирландии, ибо неумолимый гнев уживается в его великом сердце вместе с теплою любовью и слезами.

15 августа 1649 г. Кромуэль высадился в Ирландии. Имя Кромуэля связано со штурмом крепостей Дрогеды и Уэксфорда. Всего лучше обратиться к депешам самого Кромуэля, посланным им председателю Государственного совета Брадшо и спикеру палаты общин Ленсалою (Lenthall). Кромуэль начал с отвоевания восточного берега Ирландии. Он потребовал от трехтысячного гарнизона Дрогеды сдачи, но гарнизон отказался сдаться и крепость была взята штурмом. «Мы отказались дать им помилование, — пишет Кромуэль к Брадшо, — ибо за день перед этим предлагали им добровольно сдаться. Мы предали мечу всех, я не думаю, чтобы их уцелело более 30 человек; да и тех мы сошлем в Барбадос. Я думаю, что эта суровость избавит нас, с божиею милостью, от необходимости дальнейшего кровопролития». В депеше к спикеру Ленсалою Кромуэль подробнее изображает этот штурм. «В пылу боя я отдал приказ не щадить никого из тех, кого застанут с оружием в руках. Я думаю, что наши перебили до 2.000 человек. На другой день взяли две башни; на одной пощадили солдат, а офицеров и монахов стукнули по голове. Это справедливый суд божий над негодьями и кровопийцами. Я думаю, что это впредь спасет нас от необходимости проливать много крови. «Как же произошло это дело? — продолжает Кромуэль. — Я думаю что мы справились с ними с помощью святого духа. Это бог дал вашим (т.-е. английским) солдатам мужества, затем передал его

врагу, снова отнял у него и передал вашим людям. Значит необходимо приписывать успех божественной помощи».

Такова своеобразная религиозная психология Кромуэля. Сходные ужасы повторились и при штурме Уэксфорда, где опять погибло около 2.000 человек, и снова Кромуэль пишет о чудесной божьей помощи. Кромуэль не в состоянии стать на точку зрения ирландцев. Когда ирландцы выпустили беспощадный манифест, то Кромуэль до глубины души возмущался им и, в свою очередь, обратился с манифестом к ирландцам. Он называет их лицемерами, которым хорошо и спокойно жилось под английским владычеством. Их восстание совершенно беспричинно, и они должны ответить за бойню. Теперь англичане пришли спросить отчет с ирландцев за невинно пролитую кровь: англичане намереваются поддержать блеск своего имени и свободы; они пришли восстановить свои законные права на Ирландию, в которую они вложили много труда и капитала.

Кромуэль не только не сознает зла, причиняемого им ирландцам, но даже склонен выступать в роль их благодетеля. Так, он обещает водворить в Ирландии веротерпимость; но в чем заключается эта веротерпимость? Кромуэль твердо решил не допускать католического культа: свобода будет лишь в том, что каждый может в глубине своего сердца верить, как он хочет. Конечно,—и у Кромуэля нельзя отрицать добрых намерений, например, он хочет водворить в Ирландии правый суд и приглашает юристов на ирландскую службу. Но вообще он считает, что Ирландия, это — белый лист бумаги, лаборатория, в которой можно производить любые социальные эксперименты. В его благожелательных порывах сквозят презрение к ирландцам и сознание своего права распоряжаться ими по своему усмотрению. Таким отношением англичан и объясняется трудность ирландского вопроса.

То непонимание ирландских отношений, которое проявил Кромуэль, еще более усиливается при его преемниках, Айртоне и Флитвуде. Как и Кромуэль, так и его преемники приходили в негодование от недружелюбия ирландцев к англичанам. Айртон говорит, что ирландцы грубый и неблагодарный народ. Он запрещал браки английских офицеров и солдат с католичками или недавно обращенными из католичества. Преемник Айртон Флитвуд еще строже относился к ирландцам, а окружавшие его английские сектанты стояли прямо на ветхозаветной точке зрения и считали ирландцев нечестивыми мадиантянами, которых надо загнать в дальний угол.

Что такое отношение к ирландцам было обще-английским, видно из того, что англичане-роялисты относились к ним не лучше, чем республиканцы. Кларендон в своей «Истории великого мятежа»

сочувственно относится к действиям Кромуэля, считает, что ирландцы получили достойное воздаяние по делам своим, и готов видеть в их несчастьях перст божий. Кларендон думает, что, усмиряя ирландцев, Кромуэль работал на монархию. Такое отношение разжигало национальную ненависть, это признает и Кларендон, когда говорит, что ирландцы хотят совсем отделиться от английской короны, а королем хотят выбрать себе или ирландца, или же иностранца.

И действительно, ирландцы не любят ни протестантов-роялистов, ни даже англичан-католиков.

К лету 1652 года, хотя и с большим трудом, ирландское восстание было подавлено. Остались лишь отряды партизанов, скрывавшиеся по непроходимым лесам и болотам. Этих партизанов звали «преследователями», *tories*, тори—испорченное ирландское *toguidhe*; (потом эта кличка «тори» была присвоена английской консервативной партии, пошедшей от роялистов, более или менее сочувствовавших ирландцам). Этих тори жестоко преследовали; англичане пользовались морозами и по замерзшей почве пробирались в глубину болот, где уничтожали запасы повстанцев. Подавление мятежа сопровождалось страшным обезлюдением. Во многих местах на целые десятки миль не встречалось человеческого жилья; в опустошенных местностях завелись волки, так что пришлось назначить награды за их истребление. Население, уцелевшее от разгрома, голодало; земля потеряла свою стоимость и ее продавали в пять раз дешевле, чем в Англии. У нас нет точных сведений о движении населения Ирландии за это время, но такой знаток Ирландии, как Петти (*Petty*) полагает, что оно уменьшилось на одну треть, с полутора миллионов до миллиона, больше всего от голода и болезней.

За голову тори англичане выдавали денежную премию, колебавшуюся в зависимости от ранга убитого. Этот варварский закон удержался в статутах времен Георга III. Если случалось убийство, то англичане налагали штраф на всю родню подозреваемого преступника, или даже на все селение или округ.

Но все же безопасность не скоро была подворена в Ирландии, и еще в 1656 году английский колонист полковник Лоренс (*Lawrence*) жалуется, что английское население живет в постоянной тревоге, часты убийства, а местные жители не желают ловить преступников, а порой даже помогают им скрыться.

Еще большую жестокость, чем в усмирении мятежа, мы видим в обезземелении ирландцев. Это обезземеление замечательно по тому презрению, с которым англичане относились к ирландцам, и по той систематичности и легкости, с которой совершалась пересадка тысяч людей в другие области.

Ближайшим поводом к обезземелению ирландцев является нужда англичан в деньгах. Первый год усмирения Ирландии стоил им больше 700.000 ф. ст. Еще в начале гражданской войны английское правительство решило покрыть расходы по усмирению мятежа из средств ирландцев, земли которых оно и стало продавать; покупателей ирландских земель называли «авантиюристами». После замирения Ирландии к этим авантиюристам присоединились офицеры и солдаты ирландской армии, которым правительство не могло уплатить жалования на сумму до полутора миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, не было уплачено многим подрядчикам, доставлявшим припасы для армии. Всех этих людей правительство удовлетворяло не деньгами, а раздачей ирландских земель. Ирландские земли стали давать разным людям, которых правительство желало наградить. Даже ученые, нуждавшиеся в материальной поддержке для того, чтобы окончить свои научные работы, получали земли повстанцев.

Юридических предлогов для отнятия земель было много, прежде всего восстание 1641—1642 года и сопротивление экспедиции Кромуэля. В августе 1653 года выходит знаменитый Акт о землеустройстве, «Act of settlement», определявший судьбу ирландцев. По этому акту участие в мятеже 1641—1642 г., или даже какое-либо ему содействие, приравнялось к государственной измене, каралось смертной казнью и конфискацией имущества. Если бы этот жестокий закон был приведен в исполнение без всякого послабления, то значительная часть населения Ирландии была бы перебита. Но практика судов была мягче этой жестокой нормы. Суды требовали ясных улик для осуждения повстанцев и число казненных по их приговорам не так уже велико; зато много людей было лишено всей своей земли. Лица, поступившие в ирландскую армию после 30 ноября 1642 года, наказывались отнятием земли, взамен которой они получали в с.-з. части Ирландии в Конноте (Connought), или в соседнем графстве Клер (Clare) участок, равнявшийся одной трети их первоначального надела. Третья категория преступников, это — те католики, которые не доказали своей преданности республике; их тоже переселяли, и давали им землю в размере двух третей их старого участка. Люди, не имевшие земли, и не обладавшие движимую собственностью на сумму свыше 10 фунтов стерлингов, получали прощение, принеся повинную, если не участвовали в восстании 1641—1642 г.г.

Это законодательство ставило огромную задачу правительству. Надо было почти все население Ирландии сдвинуть со своих мест, поселить и устроить на новой территории, наделив его землей. При этом английское правительство решило закончить переселение к 1 мая 1654 года. Предстояла колоссальная работа и, надо сказать, что технически она выполнена вполне удовлетворительно.

Первоначально за дело землеустройства берется военная комиссия, которая делает грубую опись земель; эта опись не была окончена, так как сразу же выяснилась ее неудовлетворительность. Дело составления кадастра переходит к гражданским властям, которые делают «гражданскую опись» тоже на глазомер, но более точную. Английское правительство не удовлетворилось и этою описью земель и решило еще правильной обмерить землю. Оно нашло талантливое, почти гениального администратора, который и исполнил эту работу в три года; это военный доктор Уильям Петти (W. Petty). Петти со своим штабом в три года измерил 11.000.000 акров земли, т.-е. около 5.000.000 десятин. Его планы очень точны и высоко ценились еще в половине девятнадцатого века.

Всех подлежащих переселению было до 50.000 человек. На родине они брали свидетельства и шли в комиссию, находящуюся в городе Лоффри (Loughrea), которая устраивала их на новых местах. Эта комиссия давала переселенцам временные участки, которые оставались за ними, если в другой следственной комиссии они успевали доказать свое право на такой надел. Эта земля и закреплялась за переселенцами. На новых местах эти ирландцы получили полтора миллиона акров земли. На родине они владели несравненно большим количеством акров, так как тут они получили лишь $\frac{2}{3}$, или $\frac{1}{3}$, а иногда и еще меньшую часть своего старого надела; кроме того, на западе земля менее удобна для земледельческой культуры. Специалисты думают, что раньше эти переселенцы владели 6—7 миллионами акров удобной земли.

До сих пор мы говорили о земельных собственниках. Какая же участь постигла арендаторов и сельских рабочих? Английское правительство одно время мечтало и их удалить в Коннот из остальных $\frac{3}{4}$ Ирландии. Но эти мечты потерпели крушение. Мечта крайних англификаторов об устройстве чисто английского строя не могла осуществиться по разным причинам: во-первых, в Конноте не могло хватить земли на все ирландское население и, во-вторых, не удалось создать значительных английских поселений. Англификаторы хотели привлечь в Ирландию людей всякого состояния, но на деле не удалось создать даже класса зажиточных крестьян. Многие английские солдаты не оставались на полученных ими землях, а продавали их. Английским колонистам ирландцы были нужны, как рабочие, и мало-по-малу хозяйственный расчет стал брать верх над национальной ненавистью. В скором времени английские публицисты стали требовать, чтобы ирландцев оставили на их местах. Английский поселенец Гукин (Gookin) написал памфлет, в котором говорит, что ирландцы нужны

англичанам, как рабочие, и что без них англичане останутся беспомощны. Он призывает правительство не трогать ирландцев, так как обезземеление делает их более опасными. Этот памфлет вызвал оппозицию, но она, впрочем, скоро улеглась. Противник Гуккина полковник Лоренс в ответ написал, что никто не думает трогать простых ирландцев, а сгоняют лишь ирландских землевладельцев и то слишком мало. С 1655 г. английское правительство стало получать петиции об оставлении ирландцев на местах от тех самых английских офицеров и солдат, которые прежде так решительно сгоняли туземцев.

Правительству Английской республики удалось образовать в Ирландии лишь протестантскую аристократию. Чтобы распределить отнятую землю, 26 сентября 1653 года был издан «Акт об удовлетворении» (Act of satisfaction). Он распределяет ирландские земли между короной, авантюристами и солдатами, которые получают землю по полкам и по ротам, пропорционально размерам недоплаченного жалованья. Рядовые, имевшие право на какие-нибудь 10 фунтов стерлингов, получали всего несколько акров земли; зато полковники, которым правительство должно было от 1000 до 1.500 фунтов стерлингов, наделялись тысячами акров. Но надежда правительства на солдат не осуществилась; правительство думало, что солдаты будут твердой опорой англификации, их оно предназначало и в присяжные и в народные представители. Но солдаты не оправдали этих надежд: они неохотно остаются во враждебной Ирландии и предпочитают продавать полученные ими государственные обязательства на ирландскую землю (debentures). Образовалась целая биржа. Главными покупателями были авантюристы и офицеры, которые нередко злоупотребляли своим начальственным положением над солдатами и дешево покупали у них обязательства. Отчасти этим объясняется то, что к концу республики между офицерами и солдатами снова образовалась рознь, и солдаты стали писать памфлеты, изображая жадность и обман офицеров. Это недовольство солдат республиканскими офицерами было одной из причин реставрации. Таким образом капиталисты и офицеры собрали в своих руках много ирландской земли и образовали земельную аристократию. В эту эпоху был крепко завязан узел, который с трудом распутывается в XIX и XX столетиях.

Бедствия ирландцев отягчались преследованием их религии. Остался в силе закон, приравнивавший исповедание католицизма к тяжкому преступлению. Католических священников выселяли на континент, открытое исповедание католицизма не допускалось. В 1658 году правительство пыталось заставить католиков приносить присягу в отречении от догматов своей религии, в особенности

же от догмата пресущствления. Требование этой кощунственной в глазах католиков присяги произвело панику, и во многих местах Ирландии население разбежалось. Осталась в силе церковная десятина, но платить ее католики должны были протестантским священникам.

Эта жестокая политика вызывает симпатии и у роялистов. Кларендон в своей автобиографии удивляется скорости и организованности английской колонизации Кромвэля; его поражает, как быстро возникают фермы и какое цветущее хозяйство создается у английских поселенцев, и забывает только прибавить, какую жестокою ценою оно куплено у ирландцев.

Кроме ирландского вопроса, у республики на очереди еще шотландский вопрос; нам необходимо хотя бы бегло ознакомиться с ним, чтобы оценить все трудности, стоявшие на пути республиканского правительства. Первое время, казалось, у республики устанавливаются добрые отношения к Шотландии. В 1648 году, после второй гражданской войны, Кромвэль вступил в соглашение с виггами (Whiggamores — западные горцы; отсюда получила свое название английская либеральная партия, виги), господствовавшими на западе Шотландии, и поставил ее во главе шотландских дел. Глава этой партии, Аргайль (Argyle), устранил своих противников, сторонников короля «engagers» (т.-е. вошедших в соглашение с королем). Аргайль провел постановление в шотландском парламенте, что такие люди пожизненно или на время устраниются от политической жизни страны. Но это соглашение было непрочно. Шотландцы были раздражены казнью Карла, который был королем не только Англии, но и Шотландии. И без того англо-шотландские отношения были остры из-за религиозного и национального вопроса; казнь короля дала сильный толчок возбуждению против англичан, и сам Аргайль пошел на уступки. Шотландский парламент вынес осуждение казни короля и вступил в переговоры с его сыном, Карлом II, приглашая его к себе королем на условии принятия Лиги и Ковенанта. Карл II сначала колебался, но после усмирения Ирландии пошел на лицемерные уступки. Но одновременно с этим он ведет переговоры с крайним роялистом Монтрозом, вскоре погибшим после отчаянной попытки реставрации. Когда в 1650 году Карл высадился в Шотландии, его встречают недоверчиво, но уже скоро у него образуется большая армия, так что он мог начать борьбу с английской республикой. Едва Кромвэль вернулся из Ирландии, как уже надо было воевать с Шотландией.

Шотландцы хотели не только отстоять свои национальные и религиозные порядки у себя, но и желали насадить их в Англии. Борьба Англии с Шотландией была борьбою за государственную самобытность.

Эта борьба была очень трудна. Шотландия вообще была бедной страной, особенно же была разорена пограничная полоса между Англией и Шотландией. Войска не могли прокормиться в этой местности, надо было подвозить провиант издалека; успех англичан объясняется тем, что они сохранили за собой господство на море: их флот свободно подвозил боевые припасы. И все-таки английскому войску приходилось трудно. У шотландцев было 22.000 человек, а англичан всего 11.000. Искусный вождь шотландцев (Лесли) запер Кромвэля в горах, так что тот в начале сентября 1650 года считал свое дело почти проигранным. Лишь по оплошности шотландцев и благодаря своему военному таланту Кромвэлю удалось 3 сентября разбить шотландскую армию при Денбаре (Dunbar).

Но и после этой победы шотландский вопрос не был окончательно разрешен. В Шотландии усиливаются монархические настроения, Карл даже короновался, акты против роялистов отменены. Тогда Кромвэль решил зайти в тыл неприятелю, чтобы отрезать его от продовольственной базы и заставить Карла или биться с ним в Шотландии, или идти в Англию. Карл решил на последнее; он пошел в Англию с надеждой, что там под его знамена станут многочисленные роялисты; но он ошибся в своих расчетах. Неприязнь к шотландцам была так сильна среди англичан, что даже роялисты не сочувствовали вторжению Карла в Англию. Кромвэль шел за шотландцами по пятам и, настигнув их при Вустере (Worcester), совершенно уничтожил армию Карла (3 сентября 1651 г.). Карл еле избежал плена. С тех пор преобладание Англии над Шотландией закреплено бесповоротно.

Замирение Шотландии было легче, чем Ирландии: здесь не было такого обострения религиозной вражды, хотя пресвитериане неохотно мирятся с «садекой выдумкой» — свободой совести. Кроме того, на юге Шотландии население было полу-английское. Поэтому и политика англичан в Шотландии была не так жестока, как в Ирландии. Англичане не обезземелили шотландцев, хотя и здесь были земельные перестановки: у участников вторжения в Англию в 1648 и 1651 г. отбирались земли и сдавались по дешевой цене беднейшим крестьянам.

Шотландия потеряла независимость. В Эдинбурге был сорван государственный герб, шотландская корона повешена на виселице, а государственный архив был увезен в Англию. Шотландия была объявлена частью Англии, таможни были уничтожены; потом шотландских представителей пустили в английский парламент. Заведен был английский суд в Эдинбурге для охраны населения от насилий клановых вождей, и даже шотландцы признавали превосходство английской юстиции.

Шотландцам не нравилась потеря многовековой свободы. Задачи англичан в Шотландии были трудны. Даже, несмотря на усмирение

мятежа, надо было держать в Шотландии значительный оккупационный корпус. В 1653—1654 г. в горах разгорелось упорное восстание, с большой суровостью подавленное англичанами. Представителями Шотландии в английском парламенте были преимущественно английские чиновники и офицеры. Люди, стоявшие во главе управления Шотландии, Лильберн (брат Джона) и Монк, склонны были преувеличивать вражду шотландцев и говорили об их сильной злобе. Но вообще отношения и англичан и шотландцев до конца протектората были натянутыми. Бедность, отсталость и дикость страны, особенно горных местностей (Highlands) осложняла задачи английского правительства. Шотландцам было запрещено ношение оружия. Ответственность за разбой в горах была возложена на вождей кланов, в равнинной Шотландии (Lowlands) — на приходы. Некоторые современники отмечают, что страна успокаивается и начинает богатеть. Но другие упорно твердят о крайней бедности Шотландии.

Таким образом и шотландская проблема поставила перед Английской республикой много трудностей, отвлекавших внимание и силы от важных задач внутренней политики. Но еще большие трудности встретили молодую Английскую республику в сфере международных отношений.

XII. Международные отношения и борьба на море.

Борьба с роялистским флотом. — Роялизм в американских колониях. — Навигационные акты и борьба с Голландией.

Английская революция принадлежит к числу тех немногих переворотов, которые доставили революционерам всю полноту власти. Как и люди 1789 года, англичане половины XVII века мечтали о полном возрождении общества, государства и церкви, и надо было бы думать, что эти стремления вызовут коренные реформы. Между тем и в конце XVIII века во Франции и в половине XVII века в Англии победители жалуются на свое бессилие идти по намеченному пути. Победители - революционеры вовлекаются в чуждые им задачи, в международную борьбу, в которой проявляются старые националистические чувства, ведущие страну назад.

В Англии XVII века ясно видна связь между политикой победителей и старыми традициями государства. Сама победа английских революционеров, — этих «божьих людей», — была причиной отклонения их от первоначальных задач. Она вызвала сначала сопротивление на окраинах, но затем борьба расширяется и переносится за пределы Англии. Из борцов за «божье дело» победители превращаются в добрых англичан, отстаивающих торговые и политические интересы страны во всех водах Европы и Америки. Надо сказать, что революционеры борются успешнее, чем их предшественники, короли: они-то и являются творцами Британской империи.

Ясно, что при таких условиях невозможно уделить полное внимание внутренним задачам. Финансы почти совершенно поглощались войной, и необходимость военной диктатуры вырастала сама собой, тем более, что и внутри страны далеко не все было спокойно.

Морская война была неизбежна потому, что роялисты, побежденные на суше, не считали себя побежденными на море. Во флоте замечалось сильное недовольство парламентом, и в 1648 году дело дошло даже до восстания, правда, быстро подавленного. Но не все

корабли подчинились «врагам короля», часть их ушла в Голландию, и при помощи этой эскадры роялисты пробовали спасти дело короля.

Во главе этого роялистского флота становится принц Руперт, который начинает крейсировать около Англии, устраивает себе базу в порте Кинселе на юге Ирландии и занимается пиратством — скоро его заставили уйти оттуда, и он переносит базу для своих набегов в Лиссабон. Ему симпатизируют во Франции, Португалии и Голландии, вследствие чего Английская республика становится в полувраждебные отношения к этим странам. Французы открыто захватывают английские торговые корабли, англичане отвечают им тем же. Их эскадра пристает к берегам Северной Америки и захватывает французскую колонию «Новую Шотландию». Тем не менее французский посланник в Гааге заявляет, что между правительством Англии и Франции сохраняются добрососедские отношения, а что столкновения происходят лишь между отдельными подданными.

За Рупертом в Португалию отправляется английская эскадра под начальством адмирала Блэка (Blake) и осаждает его; Блэк мало заботится о международном праве и грабит в устьях Тахо приплывший бразильский флот. Руперт делает попытку прорвать блокаду и, растеряв почти все, уходит в Средиземное море, где англичане гоняются за ним и грабят французские корабли. Руперт убегает в Вест-Индию и пробует там опереться на американских роялистов (1651).

К половине XVII века американские колонии представляют из себя уже значительную величину и при этом они занимают довольно самостоятельную позицию по отношению к метрополии; связь с которой у них значительно ослабела во время гражданской войны. В Америку шли две колонизационные струи — сектантская, демократическая, и аристократическая, джентльменская. Сектанты заселили, главным образом, северную часть теперешних Соединенных Штатов, «Новую Англию»; здесь парламент, а потом республика пользовались симпатиями. С своей стороны парламент в 1644 году освободил эти колонии от ввозных и вывозных пошлин. Но Массачусетс отрицает за английским парламентом право устанавливать пошлины и сам проводит в 1645 году закон об освобождении английских товаров от пошлины в Массачусетсе. «Наша присяга заставляет нас повиноваться английским законам лишь во время нашего пребывания в Англии, так как акты английского парламента и королевские приказы за большой печатью имеют силу лишь в пределах Англии». Только Новая Англия признала республику.

В южных колониях преобладали аристократы, имевшие крупные земельные участки, большей частью англикане и роялисты; казнь короля и установление республики вызвали здесь взрыв негодо-

вания. В Виргинии законодательный орган принял резолюцию, осуждающую казнь короля и признающую законным королем Карла II; все несогласные объявлялись государственными изменниками. Подобные же резолюции были приняты на Бермудских о-вах и на Барбадосе. Парламент объявил колонистов, не призвавших республики, изменниками и запретил всякие торговые сношения с ними (1650). На Барбадосе ответили, что они не признают авторитета английского парламента, в котором они не представлены, и вооружили ополчение в 6.000 человек. Когда английская эскадра появилась у Барбадоса, колонисты пошли на уступки. Тем не менее много пришлось уступить и в их пользу: была допущена свобода всех вероисповеданий, было признано, что налоги не могут быть вводимы без согласия местного населения, была предоставлена свобода торговли со всеми государствами, не ведущими войны с Англией. Вскоре (1652) подчинились и другие колонии на сходных, льготных условиях. Когда Руперт прибыл в Вест-Индию, там почти все было замирено; он вернулся во Францию и бросил морскую войну.

Едва кончилась борьба с роялистами, как началась новая — с Голландией.

В это время Голландия находилась в расцвете своего морского могущества. Голландцы прочно утвердились на востоке, особенно на Молукках, где они отняли монополию пряностей от португальцев. И английская Ост-Индия в 1649—1651 г. часто просит у правительства защиты от голландцев. Власть голландцев на воде была так сильна, что лет на двадцать пять (1624—1648) они отняли у Португалии Бразилию. Голландское торговое мореплавание приняло огромные размеры. По словам Рэли, «у Нидерландов столько кораблей, сколько у прочих одиннадцати христианских королевств». Голландцы извлекали большой доход от транспорта чужих товаров; их фрахт был самым дешевым. Ральф Верни поручает перевозку своих вещей во Францию голландцам.

Особенно велико было преобладание голландцев в Балтийском море, где у них было будто бы до 6.000 судов. Из Балтийского моря в Англию шли меха, хлеб, мед, железо, а главное, товары, необходимые для флота: мачтовый лес, пенька, смела. Доступ к восточным берегам Балтийского моря был необходим для англичан. Но чтобы попасть туда, надо проплыть через узкий пролив Зунд, принадлежавший Дании. (Дания владела тогда и южными берегами Швеции). Голландцы успели оттеснить англичан от этих проливов. По договору с Данией (1649), они добились за небольшую ежегодную плату беспоплиного прохода своих судов через Зунд, тогда как суда прочих наций должны платить высокие пошлины. Голландцы ловили рыбу у берегов Англии, под самым носом

у англичан. Англичане испытывали к голландцам то, что теперь испытывают немцы по отношению к англичанам: видели их огромное морское превосходство и мечтали сокрушить его ¹⁾.

Голландцы являлись опасными конкурентами даже в собственных колониях англичан. С точки зрения людей XVII века, колонии должны эксплуатироваться исключительно в интересах метрополии, которая вытягивает из них нужные себе товары и перепродает другим по более дорогой цене, монопольно продает туда свои произведения и ссылает преступников. Иногда метрополия отдавала известную территорию компаниям или частным лицам (давала им «патент»), чтобы они монопольно эксплуатировали эту территорию в свою пользу. Владелец патента смотрел на участие третьих лиц в торговле с его колониями, как на нарушение своих прав тем более, что в устройство колоний вкладывались большие капиталы. А между тем бывало, что голландских кораблей приставало к американским колониям больше, чем английских, особенно во время гражданской войны. В отношении английского правительства к колониям смешивается эгоизм собственника (особенно в коронных колониях), фискальный интерес (таможенные пошлины), желание охранить интересы подданных (давняя традиция покровительственной политики на море).

Сначала республика прибегла к законодательной борьбе и издала акт против участия голландцев в американской торговле. Тот самый закон 1650 года, который был направлен против колонистов-роялистов, гласил, что иностранцам совершенно воспрещается торговать в колониях без правительственного разрешения. Этот закон мало отмечен историками, но своею радикальностью он превосходит знаменитый Навигационный акт 1651 года. Правда, Навигационный акт, касающийся торговли не только в колониях, но и в Европе, шире закона 1650 года, который говорит лишь о колониальной торговле. Политика республики примыкала в данном случае к старинной традиции.

Уже очень давно английское правительство считало себя обязанным охранять торговые интересы своих подданных. От XIII, XIV века мы уже имеем такие охранительные законы. В XVI веке, особенно при Елизавете, эта тенденция усилилась. Яков I и Карл I продолжали эту политику в том же направлении. В Виргинии не раз запрещалась торговля с голландцами. Особенно возмущало англичан то обстоятельство, что голландцы ловили рыбу в их водах; поэтому при Карле I и при Якове I не раз выходили запреты вывозить рыбу на иностранных кораблях. Подобные же законы издает парламент во время гражданской войны. Но во время смуты

¹⁾ Читано в 1909 году.

контроль над морской торговлей слабеет. Республика возобновляет традиционную борьбу.

В Навигационном акте уже ясно намерение перейти к наступлению. Он заключает в себе постановления общие и специальные. Общие постановления касаются ввоза иностранных товаров в английские владения. В данном случае правительство различает европейские и вне-европейские товары. Вне-европейские товары могут ввозиться в английские владения лишь на английских кораблях с английским же экипажем. Что касается товаров европейских, то они могут ввозиться и на иностранных кораблях, но непременно на кораблях той страны, где выработан вывозимый продукт. Если же страна, где вырабатываются данные продукты, не имеет своих кораблей, то эти продукты должны привозиться на кораблях того порта, в котором они погружены. Затем идут специальные постановления, касающиеся охраны английского рыболовства: рыбные товары могут ввозиться лишь под условием, если рыба поймана английскими судами. Вывозить рыбу можно лишь на английских судах.

Эти специальные постановления особенно ясно направлены против голландцев, которые имели большой транспортный и рыболовный флот; актами 1650 и 1651 годов их торговле нанесен сильный удар.

Некоторые историки склонны умалить значение Навигационного акта. Такова, например, точка зрения Кеннингема. По его мнению, Навигационный акт не внес ничего существенно нового, и к тому же он обычно не применялся в колониях. Его применяли лишь после 1660 г., но и тогда он скорее вредил англичанам и помог голландцам монополизировать балтийскую торговлю, так как у англичан не хватало кораблей. Но надо сказать, что «Рост английской промышленности и торговли» Кеннингема—книга тенденциозная: автор относится с явным недоброжелательством к республиканцам и всячески старается умалить значение их деятельности. Мы имеем известия, что голландцы больно почувствовали Навигационный акт; в начале 50-х годов часты жалобы на этот акт и на захваты судов. Тяжело легли акты 1650 и 1651 г.г. и на американские колонии. На Барбадосе жалуются, что прекращение торговли с голландцами вызвало нужду в необходимых товарах, что английские купцы, пользуясь отсутствием конкуренции, чрезмерно вздувают цены. Англичане оправдываются: и другие народы никого не пускают в свои колонии в интересах торгового баланса.

Навигационные акты плохо применяются в Новой Англии. В 1657 г. Род-Айленд прямо разрешает голландцам торговлю в колонии. Развивается контрабанда, голландцы часто торгуют тайком. Но появление голландцев у берегов Америки было сопряжено с большой опасностью, так как англичане ловили их суда. Когда республиканская эскадра появилась около Вест-Индии, она

боролась не только с тамошними роялистами, но и занималась ловлей голландских кораблей, которых наловила 27 штук. Немудрено, что, получив известие об этом, голландское правительство отдало приказ увеличить военный флот на 150 кораблей.

Кроме Навигационного акта, голландскую торговлю подрывало и то обстоятельство, что англичане считали себя в праве захватывать (и на самом деле захватывали) корабли нейтральных наций, везущие груз, принадлежащий враждебной стране. Англичане считали себя во враждебных отношениях к Франции и поэтому захватывали французские товары, которые обыкновенно перевозились на голландских кораблях. Дело о захвате кораблей рассматривалось в Англии в суде Адмиралтейства, и если бывало доказано, что груз действительно французский, то он присуждался захватчику, а корабль возвращали собственнику-голландцу. Иногда англичане пытками заставляют команду давать показания о том, что везомый груз — французский. Голландцы настаивали на том, что воюющая сторона может захватывать корабли нейтральной державы лишь в том случае, если груз составляет военную контрабанду.

Акт 1650 года и Навигационный акт нанесли сильный удар торговле Голландии с Англией. А эта практика захватов торговых кораблей наносила удар торговле Голландии с Францией. Это грозило голландцам перспективой разорения, и война стала неизбежной.

Она и началась в 1652 году и длилась до 1654 года. Это была большая и разбросанная борьба. Она велась в Ламанше, в Немецком и Средиземном морях и в Атлантическом океане. Количество участвовавших в борьбе людей и кораблей очень значительно.

Голландцы были в неблагоприятных условиях по сравнению с англичанами. Военный флот обеих сторон был почти одинаков; но у голландцев был большой торговый флот, и это — их легко уязвимая сторона. Голландские послы будто бы так характеризовали войну: англичане воюют с золотой горой, а мы — с железной. Голландцам приходится дробить военный флот на охрану торговых путей и торговых судов. Англичане достигли войной своей желанной цели: они нанесли сильный удар голландской торговле. Голландцы жили торговлей и перерыв немедленно вызвал кризис. В Амстердаме в 1653 году 1.500 домов осталось пустыми, сокращалось производство, боялись крупных банкротств; чтобы предотвратить полное разорение, голландцы должны были идти на уступки. Самый выдающийся английский адмирал Блэк не гнушался легким хищничеством и преследовал голландских рыбаков: герой становился разбойником. Географическое положение Англии тоже благоприятствовало ей. Борьба велась, главным образом, в Немецком море и в Ламанше. В Немецком море оба врага были

одинаково близки к своим базам, но когда сражались в Ламанше, то англичане были у себя дома, а голландцев от их базы отделяло Па-де-Кале, очень опасное место, где господствовали англичане.

Неблагоприятным условием для Голландии было и ее федеративное устройство. Приходилось вступать в соглашения с отдельными провинциями и просить у них денег. Голландское морское ведомство медлительно и скупо. Англия же имела то преимущество, что была централизована и щедра на военные ассигнования.

Но борьба была тяжела и для англичан. Сначала они потерпели ряд неудач в Средиземном море и около самого своего острова, раз голландцы даже высадились в Сессексе и увезли скот. В конце 1652 и в начале 1653 года господство на море принадлежало голландцам, но затем они понесли ряд неудач и в 1654 году принуждены были заключить мир. Но и англичане хотят мира: война разорительна и для них. И отношение их к голландцам было не такое, как к французам или испанцам. Там к национальному возбуждению присоединялось и религиозное (против католиков), а здесь Кромуэль был на страже протестантских интересов и желал скорее покончить с братоубийственной борьбой. Правда, Государственный совет облек мирное предложение в тяжелые для голландцев формы: так он предложил слияние Голландии с Англией, превращение их в одно государство (1653). Голландцы не согласились, ибо это грозило им полным поглощением их страны Англией, и война продолжалась. Но среди английских деятелей были люди, понимавшие неприемлемость таких предложений, например, Кромуэль.

Любопытно отметить, как разрослось национальное самолюбие и самомнение англичан и как сильны были их мечты о религиозной пропаганде. В сентябре 1653 года Кромуэль предложил Генеральным Штатам следующее: пусть Англия и Голландия вступят в оборонительный и наступательный союз; пусть в Европе и Африке англичане и голландцы будут торговать на равных условиях; пусть Азия отойдет для торговли одним голландцам, а Америка будет для одних англичан; кроме того, голландцы должны будут помочь англичанам отобрать у испанцев их американские владения. Затем Англия и Голландия должны будут воевать с католическими государствами Европы; желательно привлечь к этой борьбе все протестантские нации.

Таким образом здесь мы имеем налицо мечты о мировом разделе в пользу протестантов. Мысль об отобрании у испанцев их американских владений не нова: она была высказана еще в 1648 году в одном памфлете, написанном англичанином Гэджером (Th. Gage).

Из этого проекта мирного договора ничего не вышло: он интересен лишь, как характеристика настроения англичан. Мир (апрель 1654 г.) не принес тесного союза. Голландцы уступили, дали денежное удовлетворение, молчаливо признали Навигационный акт. Любопытно условие, по которому спорные вопросы, не решенные в три месяца, должны быть отданы на решение протестантских кантонов Швейцарии. Здесь сказалась причудливая смесь национализма и религиозного прозелитизма.

Соединение политики с религией еще более осложнило задачи и положение Английской республики.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

ХIII. Церковный вопрос и религиозные движения.

Пресвитерианская церковь и диссентеры. — Квакеры. — Фокс. — Нейлор. — Пропаганда. — Церковная организация. — Вопрос о социальной и политической роли квакеров.

Религиозная история 50-х годов, это — история смуты и разрухи, история колебаний между непримиримыми религиозными течениями. Религиозная политика республики робка, поэтому и старые и новые церковные учреждения стоят рядом. Церковный быт 50-х годов представляет из себя картину полного хаоса.

В то время, когда слагалась республика, республиканцы связали себе руки некоторыми актами. Так, во время войны они обещали ввести Лигу и Ковенант. Когда установилась республика, победители не могли отказаться от своих обещаний. Новое церковное устройство оказалось половинчатым. С одной стороны, это пресвитерианская церковь; ее священники как будто ставятся правительством, и они материально опираются на верующих (принудительная церковная десятина). Но с другой стороны, в своей внутренней жизни церковь не встречает государственной поддержки и не в состоянии проводить свое влияние на прихожан. Поэтому враждебные государственной церкви церковные организации успешно борются с ней.

Сама по себе государственная церковь не имела большой нравственной силы. Эта новая пресвитерианская церковь не выросла органически снизу, ее приходилось насаждать сверху. Население оказывало пассивное, но широкое сопротивление слабо навязываемым новым порядкам. Верующие отказывались выбираться в «старшие» (elders). Это случалось даже в Лондоне, хотя там пресвитерианские тенденции были сильнее, чем где-либо. Во многих приходах нет священников, или старших, или и тех и других; многие старшие относятся безучастно к церковной жизни. Казенные священники в случае нежелания прихожан выбираться в «старшие» отказываются совершать таинства. Индепендентские

общины свободно развиваются на-ряду с полупринудительной казенной церковью.

Нет разрыва со стариной и в других церковных делах. Индепенденты недовольны принудительной церковной десятиной, но не решаются отменить ее. Государственная власть не вмешивается и в право патроната, существовавшее в Англии, т.-е. право частных лиц представлять кандидата в священники своего прихода. И повседневная жизнь прихода, как видно из его делопроизводства, шла старыми путями.

И все-таки в церковной жизни 50-х годов произошла значительная перемена. Хотя республиканцы и были бессильны порвать со стариной, тем не менее они ввели в церковную жизнь существенные поправки, а именно значительно усилили элемент терпимости, позволивший развиться многим своеобразным религиозным учениям. Но это обилие религиозных учений еще более усиливало смуту и еще более затрудняло положение правительства.

Руководители новых государственных порядков отрицали терпимость. Они предоставляли верующим свободу внутреннего убеждения, но требовали от них соблюдения определенного внешнего культа. Сохраняли силу суровые законы о праздновании воскресного дня: если кто-нибудь путешествовал без крайней надобности в воскресенье, то платил штраф. Товары, выставленные на продажу в воскресенье, конфисковались. Очень строго каралось и нарушение седьмой заповеди: за блуд полагалось 2-месячное тюремное заключение, за прелюбодеяние — даже смертная казнь, и только мягкость присяжных оставила английские суды незапятнанными кровью. Строги были и законы против атеизма и богохульных мнений; на первый раз полагалась тюрьма, а за повторный поступок — изгнание из страны под страхом смертной казни в случае возвращения. Но в религиозном быту все же постепенно водворяется терпимость.

В одном из парламентских комитетов, носивших скромное название «Комитет для распространения Евангелия», поднимались коренные вопросы церковной жизни. В феврале 1652 г. он обсуждает проект из 18 статей, враждебный пресвитерианизму и напоминающий теперешнее английское церковное устройство. Здесь проводилась мысль, что должна быть государственная церковь, материально поддерживаемая правительством, с назначаемыми священниками, которых предварительно надо испытывать и за которыми надо наблюдать. Но на-ряду с казенной церковью допускается существование диссентерских организаций, которые не преследуются, если удовлетворяют *minimum*'у требований. А именно, религиозные собрания диссентерских церквей должны происходить в определенном месте и с ведома властей:

кроме того, учение новых церквей не должно содержать ничего противного основным истинам христианского учения. Кромуэль говорил даже, что лучше допустить существование магометан, чем притеснять хоть одного истинного христианина. Иногда подавались и другие проекты, которые высказывались против всякой официальной церкви и готовы были допустить и нехристиан, например, евреев. После изгнания евреев из Англии в XIII в., их там не было; но в пятидесятых годах XVII в., они тайком поселяются в Лондоне и уже слышатся жалобы на их ростовщичество. Но в одной правительственной записке 1652 г. есть рассуждение о том, что переселение богатых евреев в Англию будет полезно, так как они перенесут с собою и свои капиталы и торговые связи.

Елизаветинские законы о преследовании за непосещение воскресной службы были отменены. От уплаты штрафа освобождались те, которые доказывали, что они посещали если не казенную, то хоть какую-либо иную церковь.

Но самая главная перемена заключалась в том, что церковь была лишена принудительности, у ней был отнят тот меч, которым она карает грешников и неверных. Если священник, поступая в казенную пресвитерианскую церковь, на самом деле оказывался англиканцем или индепендентом, то государственная церковь ничего не могла сделать с ним, так как в государственной власти она не встречала должной поддержки.

В 50-х годах наблюдается иногда раздел церквей между священниками разных исповеданий. Сначала в церкви служит официальная обедня, а затем индепендентская, или англиканская; часто не-пресвитерианская паства за плату выговаривала себе определенные часы в казенной церкви. Иногда такие священники мирно уживаются, но иногда между ними и их приходами происходят столкновения. Англикане скорее могли примириться с индепендентами, чем с пресвитерианами. В борьбе трех церковных течений наблюдаются такие сцены: порой крайние партии—англикане и индепенденты—соединяются вместе, чтобы выжить среднюю, центральную партию—пресвитериан.

Положение государственного клира в 50-х годах было незавидно, так как он в этой обстановке возбуждения подвергался всяким нападкам—и устным и письменным. Еще в 1649 году вышел анабаптистский памфлет, предлагавший казенным священникам щекотливые вопросы. Всего более негодования было на десятину. Поэтому автор и спрашивает священника: «Чего ради вы пришли в приход: из-за любви ли ко Христу или к десятине? Обратили вы хоть одну душу ко Христу? А разве толпа людей может составить церковь? Что грешнее, не ходить на господнюю вечерю, или ходить на нее неподготовленным? А крещение детей, что это установление бога, или мерзость антихриста?»

Особенно резкие нападки шли от квакеров и от их первоучителя Джорджа Фокса. В глазах квакеров религиозная свобода является необходимостью; они отрицали не только государственное принуждение, но и все обрядовые формальности. Всякая церковь казалась им ненужной, это лишь дом с колокольной. Фокс часто врывается в церковь и срывает богослужение; он обращается к «преступному наемнику» — священнику и гонит его с кафедры. Фокс печатает плакаты, в которых особенно резко нападает на десятину. Так, он спрашивает, чего ради дано священное писание, неужели для того, чтобы торговать им? Неужели, спрашивает Фокс, можно грабить дома тех людей, которые не желают чинить церковь и платить наемным чиновникам (т.-е. священникам)?

Один из сравнительно мягких людей, пресвитерианский священник Бакстер, жалуется, что квакеры часто на улице ходили за ним по пятам и кричали: «Наступает день господень, и ты погибнешь, как обманщик». Бакстер не остается в долгу, он сам несправедливо относится к сектантам и печатно осыпает их грубыми ругательствами. Вследствие таких отношений, церкви в 50-х годах нередко бывали местом ожесточенных свалок, особенно, если в церковь врываются квакеры, которые стремились говорить сами во что бы то ни стало, обличали священников и устраивали им экзамены. В этих свалках часто участвуют женщины.

Это движение квакеров достигло наибольшей силы в 50-х годах.

В литературе не раз высказывалось мнение, что учение квакеров, это — причудливая смесь политических, социальных и религиозных движений, что в 50-х годах квакеры пережили свой буйный период и только под влиянием репрессий они замкнулись исключительно в религиозной области, и их проповедь стала чисто религиозной проповедью непротivления. Но все же в этом движении с самого начала особенно глубоко именно религиозные элементы; они все проникнуты духом воинствующей религиозной пропаганды.

Квакеры верят в свое мессианство; в этом кроется переход к пантеизму, к признанию равенства бога и души. Противники квакеров даже обвиняли их поэтому в богохульстве. Квакерам приписывали утверждение, что был не один Христос, а много, и что каждый человек должен обожествиться, стать богочеловеком. Надо отметить, что отношение квакеров к священному писанию было свободно. Правда, они выросли на библии, проникнулись ее духом, говорили библейским языком. Своего рода богородица квакеров, женщина, ставшая потом женою Фокса, Маргарита Фелль, оставила нам рассказ о проповеди Фокса, после которой она обратилась в квакерство. В казенную пресвитерианскую церковь явился Фокс и стал говорить о священном писании. «Что такое священное писание, как не слова Христа, апостолов и пророков,

слова людей, которым был дан свет от господа? Но что делать с писанием без этого света? Вы открываете библию и говорите: Христос говорит так, апостолы говорят этак, но что говорите вы *сами*? Являешься ли ты сыном Божиим?».

В 1653 году мировые судьи и священники из Ланкашира доносят об успехах квакеров, об их экстатических судорогах, о дрожании с пеной у рта. Они уверяют, что Фокс называл себя равным богу, судьей мира, Христом, жизнью и истиной.

У некоторых квакеров понятие о богочеловечестве становится столь конкретным, что Джеймс Нейлор старается придать своей наружности сходство с ликом Христа. Нейлор даже делал вход в Бристоль, подражая входу господню во Иерусалим (1655). В этом увидели богохульство, он был арестован, и его дело разбиралось в парламенте в 1656 году. Нейлор не отрицает того, что такая сцена происходила. Он бесстрашно говорит суду: «Я не Христос, я только тварь, не бог. По богу угодно было сделать меня знаменем справедливого, который грядет за мною. Я получил приказание претерпеть все, что будет устроено в мою честь». Парламент был настроен очень нетерпимо и приговорил Нейлора к суровому наказанию. Но и такой человек, как председатель Государственного совета, Лоренс старался провести различие между подлинным обожествлением и частичным приобщением к божественной сущности. Он сомневался в том, чтобы можно было обвинить Нейлора в богохульстве. Немудрено, что при такой запутанности понятий квакеров отождествляли с «бесноватыми» (ranters).

Нам трудно дойти до существа религиозных общин времен республики. О них мы узнаем из враждебных источников, да и сами эти общины часто меняли свой облик. Под кличку «ranters» подводили людей разного образа мыслей, иногда даже просто атеистов-рационалистов, а иногда людей совсем противоположного духа, порой прямо полубезумных, неуравновешенных. У нас есть известия о таких странных людях. Вот, Тэни (Tanu), который звал себя новым иудейским первосвященником; его товарищ Робинс говорил, что он — воскресший Мелхиседек и в свою очередь может воскрешать других людей. Тэни хотел собрать всех евреев и повести их на Масличную гору.

Авторитетные представители квакеров всегда старались отделиться от «бесноватых». Квакеры даже приписывали себе ту заслугу, что они сократили религиозную смуту и что без них вся нация превратилась бы в «бесноватых». И все-таки даже индепенденты готовы видеть в квакерах отрицание христианства. Пугают их экстазы; в них хотят видеть колдунов. Сильное впечатление производила на посторонних людей религиозно-нравственная последовательность квакеров, которые слушались лишь голоса своей

совести. Квакеры вели суровую жизнь, одевались в самые простые костюмы. Квакеры никому не говорили «вы» и ни перед кем не снимали шляп. Квакеры считали ненужными все формальности в богослужении, видя в них только язычество. Они отрицали и всякие заранее определенные молитвы; на их собраниях говорил только тот, на кого нашли «благодать» и вдохновение, а если вдохновение не находило ни на кого, то их митинги проходили молча. Квакеры собирались в разных местах, часто под открытым небом.

Сильное впечатление производила неутомимая пропаганда квакеров. Основатель их секты, Фокс, непрерывно скитался и проповедывал десятки лет. Он исходил всю Англию, Уэльз и Шотландию, был в Голландии, Германии и Америке. Первые квакеры организовали систему странствующих проповедников, которые попарно отправлялись для пропаганды. Квакеры охотно идут на мученичество. Они срывают чужое богослужение, чем вызывают сильное негодование, их бьют, но они бесстрашно переносят мучения и даже просят их больше мучить во имя Христа.

На примере квакеров ясно превращение неформального религиозного движения в оформленную церковь. Так как квакеры посылали проповедников (в 1653 г. отправлено 73 проповедника), то им приходилось принимать с них отчет. У них появляется средоточие — усадьба семьи Фелль, Суорсмур Гауз (Swarthmoor House). Мало-по-малу эта проповедь внутреннего света фиксируется, облекается в формы писания. Квакерам приходится отстаивать свое учение, у них появляется систематическое богословие. Маргарита Фелль написала квакерский символ веры. Берклей написал систематическое изложение вероучения, своего рода апологию квакеров, в которой учение о непогрешимости внутреннего света превращается в учение о непогрешимости церкви. Отдельные квакерские общины связаны общей организацией, появляются иерархические элементы.

Таким образом мы ясно видим, что учение квакеров пережило разные стадии развития. Сначала личные драматические переживания Фокса собирают вокруг него замкнутое общество, но затем это общество выходит из берегов и разбрасывается по всей стране, а вслед за успехом движения является потребность и в его фиксации. Появляются местные съезды квакеров, а затем и национальный съезд. Среди некоторых квакеров такой рост их церкви вызывает протест и требование вернуться к старине, и их голоса оказали значительное влияние на задержку развития принудительных и иерархических элементов.

В историографии мы видим склонность связать движение квакеров с социальными стремлениями эпохи республики и протектората. Историки говорили, что сначала у квакеров были сильны социаль-

ные требования и что лишь потом стали преобладать религиозные мотивы. Такой точки зрения придерживается Вейнгартен. Сам Фокс, с его глубокой драмой, говорит он, едва ли был социальным проповедником, но зато с проникновением в квакерство новых людей Фокс был оттеснен этими людьми. Тогда квакерское движение становится опасным для протектората, и только под влиянием сильных репрессий квакеры уходят исключительно в религию.

Бернштейн в своей работе принимает точку зрения Вейнгартена и говорит, что квакеры продолжали дело индепендентов и левеллеров. Он указывает на демократические идеи у Фокса, а также на то, что среди квакеров было много солдат, продолжавших проводить в жизнь свои социальные симпатии; квакеры возбуждали в правительстве сильный страх; важно также их участие в смуте после смерти Кромуэля. Одним словом, он считает квакеров социально-политической партией.

Но те материалы, на которые опираются Бернштейн и Вейнгартен, шатки. Вейнгартен, например, рассказывает, что Тэни стал у дверей парламента и грозил, что будет бить каждого комопера. Но кто этот Тэни? Это тот самый человек, который звал себя иудейским первосвященником и говорил, что он сжег свою библию, палатку, пистолет и меч, ибо всё это — ложь. Это ясно ненормальный человек. Бернштейн ссылается на Джемса Нейлора; действительно, иногда он касается политических мотивов. В его трактате от 1652 года есть жалобы на то, что с введением республики люди не переродились, что надежды на царство божие обмануты, что власть вырождается в насилие. Какое заключение делает из этого Нейлор? Он говорит, что теперь следует надеяться лишь на бога. Это скорее отказ от политической деятельности, чем призыв к ней. Затем мы имеем утверждение, будто вход Нейлора в Бристоль — политическая демонстрация против деспотизма Кромуэля и даже призыв к революции. Это утверждение не опирается ни на какие свидетельства. Но несомненно, что в 50-х годах квакеров боялись, как политической силы. Когда в 1653 году ланкаширские судьи и священники доносили о появлении квакеров, они подчеркивали их политическую неблагонадежность — Фокс будто бы испровергает государство, семью, власть хозяина над слугами. Спутника Фокса, Мильнера обвиняли, будто он проповедывал, что скоро исчезнут все судьи и что он потрясет основание великой синагоги (т.-е. парламента). Но вождей квакеров часто обвиняют в такой пропаганде, которой они, очевидно, не могли вести, например, в пропаганде роялизма.

Лишь один раз мы имеем определенное известие о том, что квакеры участвуют в политическом движении. Именно в 1659 г. армия подала петицию с жалобой на контр-революционные замыслы, и лондонские квакеры присоединились к этой петиции. Можно

думать, что участие квакеров в политической смуте, это — легенда. Даже проникательные люди того времени не могли разобраться хорошенько, что это за люди квакеры, и смешивали их даже с католиками. Так, Бакстер уверяет, что среди квакеров есть францисканские монахи, которые хотят пропагандировать свою религию, надевши странную маску квакерства. Повидимому, революционность квакеров проявлялась лишь в области религии. Да для революционных политических выступлений и не было места в обстановке военной диктатуры. Может быть, этим и объясняется напряженность и сосредоточенность религиозной пропаганды квакеров: квакеры находили в этой области единственный доступный выход своему возбуждению. Квакеры не представляли чего-нибудь однородного по своему классовому составу: здесь мы имеем и ремесленников, и военных, и джентльменов; очень рано в их число входят и богатые купцы, которые потом стали давать тон всему квакерству. Квакеры охотно делают заявление об отказе от всякого применения политического насилия. У нас нет оснований видеть в квакерстве политическое, а тем более социальное движение. Религия составляет сущность этого движения. Но возможно, что бурный религиозный протест сложился и на основе социального и политического недовольства, которое не могло найти адекватного проявления в обстановке кромгуэлевского режима.

XIV. Политическая борьба среди республиканцев и разгон Долгого парламента. Малый парламента.

Люди пятой монархии.—Вопрос о роспуске Долгого парламента.—Недоверие к обществу.—Вопрос о новом государственном порядке.—Разгон Долгого парламента.—Малый парламента и его состав.—Реформы Малого парламента.—Умеренные и крайние.—Разгон.

С установлением республики были связаны самые широкие надежды. Это очень ясно выражено в письме Кромвэля, посланном им после победы над шотландцами при Денбаре спикеру Ленсало:

«Вы должны отказаться от самих себя, т.-е. от самолюбия. Но вы должны утвердить свою власть, смирить гордых и непокорных, угрожающих спокойствию Англии, помочь угнетенным, услышать стоны заключенных, исправить все злоупотребления. Если кто-либо разорлет многих, чтобы разбогатеть самому, то это несовместимо с республикой (commonwealth)». — Кромвэль ждет, что новые реформы поставят Англию впереди других стран, и они будут ей подражать. Но и в этом восторженном письме слышен рассудительный английский джентльмен. «Армия отдает свою жизнь,—говорит Кромвэль,—она доставит парламента возможность осуществить все это, но пусть он не торопится, и пусть все эти блага будут проведены в порядке и в должное время».

Но ждать согласны были не все; некоторые видели в успехах революции явное начало «царства святых». Эти люди думали, что уже наступил мировой перелом, что уже прошли 4 монархии (ассиро-вавилонская, персидская, македонская и римская — считая и священную Римскую империю), а что теперь наступает пятая монархия, предсказанная в апокалипсисе, когда ангел ввергнет в бездну дракона, а святые мученики воскреснут и воцарятся на тысячу лет. Эти люди хотят немедленно перевернуть все церковные и социальные отношения; они сами желают стать у кормила правления. В 1654 году Кромвэль громко упрекает их в самомнении и в желании произвести смуту. Впрочем, к самой «пятой монархии» Кромвэль относится с глубоким почтением.

Республика началась с союза умеренных грандов с радикальной партией левеллеров. Одним из наиболее настойчивых требований радикалов был роспуск парламента и назначение новых выборов на основании новой избирательной системы. Долгий парламента очень старательно отодвигал подальше момент своей смерти. В 1649 и 1650 годах парламента занимался обсуждением вопроса о новых выборах и новой избирательной системе. В 1649 году в Уестминстере говорили, что теперь не время назначать новые выборы, ибо они могут и не дать преобладание республиканцам. Надо подождать, когда будет ослаблено податное иго и когда, вследствие этого, сочувствие населения к республике возрастет.

В мае 1649 года парламентом был назначен комитет для пересмотра избирательной системы. Этот комитет выработал проект, который в январе 1650 года Вен докладывал в парламенте. Этот проект производит новое распределение депутатов по округам сообразно с количеством населения: многие депутатские места были отняты у городов и переданы более населенным графствам. Общее число членов парламента определяется в 400. Предполагалось пока оставить полномочия за теперешними членами Долгого парламента, но так как их было немного, то доизбрать недостающее до 400 число депутатов.

Но и этот проект показался опасным многим членам парламента, даже и радикалу Генри Мартену. Недовольные коммонеры говорили, что парламента в его нынешнем составе—мать республики и лучше всех сумеет позаботиться о республике. Реформа была отложена, парламента и правительство чувствовали себя окруженными общественным недоверием.

В связи с этим решено потребовать присяги от офицеров, священников и чиновников. Эта присяга заключала в себе обязательство верно служить республике без короля и лордов. По отобрании этой присяги встретились с трудностями—из Лондона выселяли панистов (католиков), а в других местах им не позволяли отлучаться далее 5 миль от своего места жительства. Учреждается новый Верховный Суд, специально для политических преступлений с правом приговаривать к смерти без присяжных. Из 64 судей в этом суде было только 3 юриста.

Правительство дорожило всякой поддержкой, хотя бы она и шла из мутного источника. Среди журналистов был способный, но безнравственный человек, переходивший от партии к партии, настоящий политический хамелеон—Нидгем. В 1650 году он перекинулся в республиканцы и написал циничный памфлет в защиту республики. Всякое правительство, писал он, опирается на силу. Подданные не имеют права ставить вопросы о законности сильного правительства. Правительство республики доказало свою силу, ибо оно одолело

монархистов. Та часть коммонеров, которая пыталась примкнуть к побежденным, тем самым лишилась своих полномочий, которые перешли к оставшимся коммонерам. Правительство поспешило также реорганизовать милицию, набирая ее исключительно из благонадежных людей.

Даже после того, как в 1651 году были окончательно побеждены Шотландия и Ирландия, страх перед новыми выборами не проходит. Но и правящие круги чувствуют неудобства такого неясного положения и потребность в более определенном устройстве государственных дел. 10 декабря 1651 года Кромвэль созвал совет из офицеров и депутатов-юристов для обсуждения вопроса, как устроить более прочное управление. Возникают коренные разногласия между юристами и офицерами. Юристы полны уважения к традиции; они предлагают вернуться к конституционной монархии, а пригласить в короли если не Карла II, то его брата герцога Глостерского. Но офицеры ни за что не хотят отказаться от республики. Кромвэль держится среднего взгляда и говорит, что без привнесения некоторых элементов монархической власти республике обойтись будет нельзя. Лилльберн уверяет, что уже тогда ходили слухи о короне для Кромвэля.

В августе 1652 года совет офицеров подал в парламент петицию. Петиционеры требуют, чтобы были отменены многие лишние должности, чтобы через каждые полгода правительство публиковало финансовый отчет; требуют также удаления дурных чиновников, реформы права и отмены десятины. Первоначально было еще требование о немедленном производстве новых выборов, но потом офицеры, посоветовавшись, заменили его другим требованием, именно, чтобы парламент обсудил, какие ограничения необходимы при новых выборах, чтобы обеспечить выборы «благочестивых республиканцев».

Осенью 1652 года офицеры часто, но бесполезно совещаются с парламентом о реформе и новых выборах. Брожение в армии и в Лондоне растет. В смуте поднимают голову левеллеры: они подают офицерскому совету петицию, в которой повторяют старые требования, в том числе требование ежегодных парламентов и свободы выборов. В марте 1653 г. солдаты и офицеры открыто говорят о необходимости разгона парламента: даже парламента из кавалеров был бы лучше. Общественное мнение негодует на честолюбие, корыстолюбие, нецотизм парламента, его вмешательство в частные дела, его стремление захватить в свои руки все выгодные места.

В апреле 1653 года парламента решает приступить к обсуждению проекта избирательной реформы и начинает с установления очень высокого ценза. 13 апреля, подчиняясь требованиям армии, он изыскивает средства для обеспечения депутатских мест за республиканцами. Постановлено, что избирателями могут быть лишь «добро-

детельные и богобоязненные люди». Но затем парламент снова стал оттягивать обсуждение вопроса.

15 апреля в парламенте произошла бурная сцена. Кромуэль говорил, что коммонерам пора бы уже сложить свои полномочия. Ему ответили, что и ему бы тоже пора сложить звание главнокомандующего. Кромуэль не потерялся и изъявил готовность выйти в отставку; но не нашлось никого, способного заменить его.

19 апреля у Кромуэля было совещание с главными офицерами и парламентскими вождями. Мнения разделились и продолжение заседания было перенесено на другой день.

Утром 20 апреля к Кромуэлю пришло несколько офицеров и коммонеров. Вдруг пришло известие, что парламент воспользовался отсутствием Кромуэля и спешно разбирает вопрос об избирательной системе, чтобы провести его в своем духе. Это поведение парламента взбесило Кромуэля, как явное вероломство. Он взял 30—40 солдат, и, поставив их у дверей парламента, сам отправился в залу заседания и молча слушал прения. Когда спикер хотел было уже поставить вопрос об избирательной системе на голосование, Кромуэль, встал и произнес возбужденную речь, в которой говорил о великом прошлом Долгого парламента и его позорном падении. «Бог оставил вас и избрал другое орудие для своего дела». Речь Кромуэля возбудила сильное негодование коммонеров, которые старались остановить его. Но Кромуэль «расхаживал взад и вперед, как сумасшедший, топал ногами и кричал: «Вы не парламент, я положу конец вашим заседаниям», и позвал солдат. С бранью выгонял он коммонеров из залы заседаний, бил о новых выборах положил себе в карман. «Что нам делать с этой игрушкой? — сказал он солдатам, указывая на булаву. — Уберите ее!»

Парламент заперли. В тот же день Кромуэль разогнал и Государственный совет. Вечером на здании парламента появилась насмешливая надпись: «Сдается в наймы без обстановки». Вскоре распространились политические куплеты: «Двенадцать членов парламента продаются за пени».

Каково же было впечатление, произведенное переворотом? Разогнанные, конечно, были недовольны, но протестов не было. «Ни одна собака не залаяла», как позже говорил Кромуэль. Некоторые громко радуются, что, наконец, низложен парламент. Даже некоторые люди пятой монархии стали думать, что Кромуэль отмечен благодатью и назначен богом править Англией, как Моисей правил Израилем. На лондонской бирже кто-то повесил портрет Кромуэля с тремя коронами (английской, шотландской и ирландской). К портрету были приложены вирши: «Взойди на три трона, великий и божественный полководец, по воле божьей они твои, о, лев!... и т. д.»

Многие ждали, что Кромуэль действительно наденет корону, тем более, что он сам раньше об этом заговаривал. Но в 1653 году он оставил эту мысль. Он выпустил прокламацию, где обещался передать власть собранию «благочестивых людей», а пока создать временный Государственный совет из 9 офицеров и 4 штатских. От имени Кромуэля и офицерского совета отправлены письма в отдельные графства к индепендентским конгрегационным церквям с предложением составить списки лиц, намечаемых в новый парламент. Индепендентские церкви наметили кандидатов, а совет офицеров рассмотрел их и отчасти изменил. Таким образом было назначено 140 депутатов (129 из Англии, 5 из Шотландии и 6 из Ирландии). Эти 140 человек и составили Бербонский или Малый парламент. Любопытен текст вызова их, составленный от имени Кромуэля: «Мною по совещании с офицерским советом назначены богобоязненные люди, и на них возлагается великое доверие в столь важных делах. Я, Оливер Кромуэль, главнокомандующий, приглашаю вас явиться в зал совета в Уайтхолле 4 июля».

На этот парламент из 140 пуритан вылито много грязи. В них видели невежественных фанатиков, диких и не имевших политического воспитания людей. Еще Кларендон видел в них сброд, мелких ремесленников, нелепую компанию, которая к потехе народа занималась политическими делами. Юм в половине XVIII в. считал их представителями общественных низов, смешными фанатиками. Даже Маколей говорит, что этот парламент вызывал лишь презрение.

Но такие отзывы несправедливы. Надо рассмотреть список членов Малого парламента, чтобы убедиться в том, что по своему составу он не подходит под характеристику Кларендона или Юма. Тут был один пер, дюжина баронетов и рыцарей, много мировых судей и породистых джентльменов, очень много высших офицеров и несколько моряков (например, знаменитый Блэк). Было не мало юристов. Торгово-промышленный класс был представлен слабее, но в числе его представителей были люди большого достатка, мэры и ольдермены городов. В этом парламенте, как и прежде, преимущественно были представлены высшие классы общества. Новое в этом парламенте, это—не его состав, а настроение. В него приглашались люди особого духа, «нотабли пуританства», по выражению Карлайля.

Офицеры и Кромуэль возлагали много восторженных надежд на этот парламент. Когда 4 июля 1653 года парламент собрался, то Кромуэлю казалось, что начинается новая эра английской истории. «Мне кажется, что-то стоит у дверей, мы у порога... Мы знаем, кто эти люди, которые будут воевать вместе с агнцем против его врагов... Я никогда не думал, что дождусь такого дня». Кро-

муэль дает ликующее толкование 68 псалма «Да воскреснет бог и расточатся врази его».

Этот парламент начинает свои заседания молитвой и приглашает молиться всех англичан. Когда собираются депутаты, то до образования кворума они все время молятся. Но на-ряду с религиозной восторженностью, эти люди проявляют большую практичность. Если мы обратимся к актам пятимесячной работы Малого парламента, то найдем здесь десятки законодательных актов, главным образом, финансового и экономического характера. Вот некоторые из них: акт о правильном распределении налогов; акт о расследовании доходов казначейства; акт о спешном сборе акцизных недоимок; акт о продаже рент и конфискованных земель; акт о надзоре за изготовлением устедских и др. норичских тканей; акт об установлении отчетности по государственному долгу; акт о казенных лесах. Таким образом эти люди много интересуются хозяйственной жизнью. Основатель Английского банка Патерсон говорил, что Малый парламент вывел финансовую отчетность из хаотического состояния, но с реставрацией опять установилась путаница. Некоторые из мероприятий Малого парламента очень радикальны. Так, ему удалось провести гражданский брак. Брак совершается в присутствии мировых судей, рождения и смерти записываются в каждом приходе особо выбранным лицом под контролем мировых судей. Эта реформа просуществовала до реставрации.

Главные причины быстрого конца Малого парламента—судебная и церковная реформа. Здесь Малый парламент быстро разделился на крайних и умеренных. Лишь незначительным большинством решено составить новый свод законов и заменить старые фолианты карманной справочной книжкой. Но некоторые идут еще дальше и говорят, что нет надобности сочинять новые законы, ибо уже даны 10 заповедей. Переход от теоретических требований к практическому их осуществлению натывается на сопротивление. Так было с проектом замены медлительного и дорогого канцелярского суда более скорым и дешевым; этот проект вызвал сильное раздражение юристов. Еще более сильное раздражение вызвал церковный вопрос. Левые хотели сделать церковь чисто добровольным учреждением, уничтожить десятину и право патроната. Умеренные выдвигали свой проект, близкий к проектам Долгого парламента; по этому проекту государственная церковь должна остаться и должна сохраниться церковная десятина; но на-ряду с государственной церковью могут существовать и другие церковные организации.

10 декабря 1653 г. этот проект был поставлен на обсуждение. Его первая статья была отвергнута большинством всего двух голосов; вследствие этого возникло подозрение, что и весь законопроект будет отвергнут. Умеренные испугались торжества радикальной

церковной реформы и вошли в союз с офицерами. Среди офицеров давно нарастало недовольство парламентом. Даже Кромуэль далек от июльского энтузиазма. Ему приписывают слова, что теперь от дураков стало хуже, чем раньше было от негодяев. И люди пятой монархии не стесняются обзывать Кромуэля грешником и старым змием. Армия недовольна проектами о сокращении военных сил, о сокращении жалованья для улучшения финансов. Среди некоторых групп офицеров готовятся к перевороту.

12 декабря один член Малого парламента сказал речь, направленную против левых, обвиняя их в разрушении государства и собственности и кончил предложением разойтись и передать власть Кромуэлю. Начинаются споры, но спикер, участник заговора, и другие умеренные члены уходят. Левые, оставшиеся в зале, пытаются составить протест, но их выгоняют оттуда солдаты. Снова единственным носителем государственной власти становятся офицеры с Кромуэлем во главе. Офицерский совет вырабатывает новый конституционный проект, так называемое «Орудие управления» (The Instrument of Government). 16 декабря 1653 г. Кромуэль приносит присягу новой конституции в качестве пожизненного лорда-протектора Английской республики.

СОУНЬ ИМ. В. И. ПУШКИН
<http://book.uir.ru>

XV. Протекторат.

«Орудие управления». — Первый парламент Кромвэля. — Его разгон. — Конституционные иллюзии. — Полицейский режим. — Борьба с левыми и роялистами. — Генерал-майоры. — Второй парламент Кромвэля. — Религиозная терпимость. — Вопрос о восстановлении монархии. — «Петиция и Совет». — Вторая палата и ее столкновение с общинами. — Разгон второго парламента и смерть Кромвэля.

Конституция протектората, «The Instrument of Government», «Орудие управления», носит на себе следы поспешного обсуждения, компромиссных поправок. В ней не мало неясностей, и умышленных и нечаянных, и противоречий. Но все же это акт, замечательный по силе политической мысли. В нем сказалась та политическая школа, которую прошло офицерство английской армии.

«Орудие управления» отделяет власть исполнительную от власти законодательной. Законодательная власть принадлежит лорду-протектору совместно с народными представителями, а исполнительная — лорду-протектору совместно с Государственным советом.

Лорда-протектора нельзя приравнять к старому английскому монарху. Правда, ему принадлежит право помилования преступников, право производить в рыцари и другие права, бывшие раньше прерогативами короля. От имени лорда-протектора ишутся все государственные акты. Лорду-протектору представляются на утверждение парламентские билли; но его право veto неясно, если не фактивно. Но власть протектора сильно ограничена Государственным советом.

Пятнадцать членов совета указаны в самом «Орудии управления». Лорд-протектор может увеличить их число до 21. Виредь замещение освободившихся вакансий происходит в трехстепенном порядке: парламент выбирает на каждое место 6 кандидатов, совет выбирает из них двух и протектор делает окончательный выбор. Лорд-протектор избирается Государственным советом. Все иностранные сношения должны быть ведены с согласия Государственного совета; согласие совета требуется также для созыва чрезвычайного парламента и для приказов по милиции, когда нет парламента.

Право законодательства и обложения принадлежит только парламенту. Избирательное право было изменено, и перераспределение депутатских мест произведено согласно с идеями левеллеров. Представительство организовано сообразно с числом населения. Англия и Уэльз посылают 400 депутатов. У многих городов право представительства было отнято или уменьшено и передано графствам: из 375 английских депутатов графства посылали 240. Но все же перевес графств не так велик, как в «Народном соглашении».

В парламент могут избираться лишь люди богобоязненные и доброго поведения. К выборам не допускаются католики и участники ирландского мятежа; сторонники короля во время гражданской войны лишаются участия в 4 ближайших выборах. Избирателями в графствах могут быть лишь те лица, которые имеют имущества по крайней мере на 200 фунтов стерлингов. Про города не сказано ничего.

«Орудие управления» хотело дать независимость народному представительству. Лорд-протектор имеет право распускать парламент, но парламент обязательно должен избираться каждые 3 года. День созыва первого парламента был определен на 1 сентября 1654 года, и годовая сессия этого парламента должна была длиться не менее 5 месяцев. Если бы случилось, что лорд-протектор не дал приказа о новых выборах, то местные власти и избиратели должны сами приступить к ним.

«Орудие управления» отводит довольно широкий простор религиозной свободе. Христианство признается государственным вероисповеданием, но никто к нему не принуждается. Исповедания, расходящиеся с государственным, но признающие Христа, пользуются покровительством в отправление своего культа. Учителя религии должны содержаться на счет добровольных дааний. Десятину желательно чем-нибудь заменить, но пока она остается в силе. Но англикане и католики свободой исповедания не пользуются.

Этот новый государственный порядок был встречен усиленной хвалою со стороны наемных журналистов. Известный Нидгем написал памфлет, в котором воспевал установление протектората. Протекторат есть лучшая форма правления, ибо он соединяет в себе все достоинства монархии, аристократии и демократии. Эта конституция должна встретить поддержку всех трезвых, богобоязненных людей. Таким образом государство обеспечено и от анархии, и от тирании. В честь Кромвэля были сложены льстивые вирши, в которых прославляют его за отказ от короны и ставят выше Цезаря. Кромвэль приглашается съездить Рим и утвердить английское верховенство на морях.

Более умеренный льстец, поэт Уоллер, сравнивает установление протектората с постепенным переходом от темной ночи к ясному дню, когда без шума и потрясений восходит солнце и гасит мелкие светила ночи. Представители крупного капитала спешат выразить Кромвелю свое сочувствие; лорд-мэр и ольдермены зовут его в Сити на пышный банкет; но на пути толпа безмолвствует. Наряду с этим, слышатся строгие, порой даже озлобленные голоса недовольных, которые говорят о первородном грехе нового государственного порядка, именно о том, что он основан на грубой силе. Люди пятой монархии не могут простить Кромвелю разгона Малого парламента. Их проповедники смело называют Кромвеля узурпатором и притворщиком. Обличители доходят до бешеного тона. Один из них чувствует запах содомской серы в Уайтхолле и призывает на голову Кромвеля и его семьи божье проклятие. Другой громит армию за ее отступничество от церкви святых и стыдит её тем, что она предпочитает царству Христа — царство Кромвеля. Некоторые офицеры не желают присягать новому порядку. Генерала Гаррисона уволили со службы и отправили в деревню. Человек республиканских убеждений Ледло (Ludlow) не прощает новому порядку его монархической окраски, слагает с себя гражданские полномочия в Ирландии и переходит в ряды республиканской оппозиции. Роялисты были недовольны, что ускользнула их мечта о легитимной монархии. Возобновляются их заговоры; в мае 1654 г. были раскрыты нити роялистского покушения на Кромвеля; в Лондоне было арестовано более 500 человек. Дело не рискнули передать суду присяжных.

Широкие размеры политического недовольства сказались и на выборах. Согласно с конституцией, Кромвель во-время назначил выборы, и парламент собрался 3 сентября 1654 года. Хотя по конституции роялисты и лишены избирательных прав, но все-таки на западе Англии в члены парламента прошли полуроялисты. Затем в парламент попало и несколько непримиримых республиканцев, в том числе Брэдшо и Ледло. Не мало выбрано противников политических притязаний армии. «Святых» в парламент прошло мало. Из 46 человек, которые 10 декабря 1653 года голосовали против государственной церкви, прошло только 4. В Ирландии и Шотландии очень небольшая часть населения принимала участие в выборах, и почти все 60 депутатов — сторонники правительства. Но в общем выборы дали строптивый парламент.

Кромвель надеялся, что ему будет легко управлять страной с помощью умеренных людей. Он обратился к новому парламенту с речью, совершенно непохожей на восторженную речь, которая была произнесена им при открытии Малого парламента. Теперь Кромвель взывает к скромности и умеренности. Он резко обруши-

вастья на уравнивательные принципы и высказывается за необходимость классовой иерархии. И в религиозных вопросах Кромуэль нападает на крайних. Но все же он заканчивает свою речь заявлением, что говорит с коммонерами не как хозяин, а как их сотрудник, такой же слуга государства, как и они. Но вся эта тактика, все эти приемы не привели к желанной цели. Парламент довольно скоро обнаружил свою оппозиционность, так что Кромуэлю пришлось сделать насильственный шаг. Республиканцы не желали принять «Орудие управления», которое, по их мнению, должно быть предварительно рассмотрено народными представителями. Кромуэль предложил им пересмотреть конституцию. Республиканцы заявили, что прежде всего они требуют, чтобы весь суверенитет был отдан народным представителям. Парламентское большинство склоняется к мнению, что глава исполнительной власти должен быть ограничен парламентом, поскольку парламент найдет это нужным.

Но Кромуэль не может примириться с этим. Через неделю после созыва он является в парламент, призывает коммонеров к порядку и разъясняет доступные им пределы пересмотра конституции. Ведению коммонеров подлежат подробности, а не основные положения законов. Кромуэль указывает на 4 основных принципа, недосыгаемых для народных представителей. Это: 1) разделение суверенитета между лордом-протектором и парламентом, 2) срочность парламентских полномочий, т.-е. отсутствие для парламента возможности провозгласить себя бессрочным, 3) свобода совести, 4) власть над милицией, принадлежащая совместно протектору и парламенту. Не лорд-протектор получает свои полномочия от парламента, а парламент получил свои полномочия от лорда-протектора. «Я — та власть, которая созвала вас». На этом основании Кромуэль предложил всем членам парламента подписать обещание быть верными протектору и республике и не изменять основ конституции. Если кто из членов парламента не подпишет этой присяги, то он не будет допускаться на заседание впредь до подписания. Так была произведена чистка парламента: около четверти его членов не подписали присяги и были удалены.

Но и эта чистка не привела к примирению. Парламент занялся пересмотром «Орудия управления» и пришел в столкновение с лордом-протектором, за счет которого он стремился усилить свои полномочия. Парламент потребовал, чтобы члены Государственного совета выбирались лордом-протектором, а утверждались парламентом; их полномочия должны возобновляться с каждым новым созывом парламента. Таким образом Государственный совет подчиняется парламенту, так что здесь мы видим стремление приблизиться к парламентарному строю. Парламент пытался вмешиваться и в

военное управление. Он сокращает комплект армии и уменьшает ее бюджет, старается получить первенство в распоряжении милицией.

Эта попытка отнять военную власть у лорда протектора наткнулась на сопротивление Кромуэля и военного командования. Когда с этим требованием совпало оппозиционное движение в среде офицеров и распространились новые слухи о попытках роялистов, генеральный штаб дал решительный отпор парламенту. Кромуэль с трудом дождался исхода пяти месяцев. И то он употребил обман: вместо солнечных месяцев выждал конца пяти лунных месяцев по 28 дней, сократив таким образом сессию парламента дней на двенадцать (22 января 1655 г.). В день роспуска Кромуэль осыпает парламент упреками за то, что он не оправдал его ожиданий. Кромуэль обвиняет левеллеров и республиканцев в сношениях с монархистами. Он упрекает коммонеров за их нетерпимость, за враждебность к интересам государства и за намерение ослабить армию. Кромуэль презрительно говорит о парламенте и даже о народной воле. Выше ее—воля бога. Вся прежняя история представляется Кромуэлю непосредственным водительством Божиим: только кощунственные люди могут думать, что исторические события—дело тех или иных выдающихся людей. Кромуэль сам чувствует за собою божью помощь: «поэтому я могу смеяться и петь...» Безопасность и реальный интерес в государстве выше соблюдения конституционных норм. «Я считаю себя связанным долгом по отношению к богу и к народу для его спокойствия и блага и распускаю этот парламент».

Какое же создалось положение? Попытка управлять страной при помощи «святых» не удалась. Сложившаяся затем конституционная полумонархия, опиравшаяся на искусственный состав избирателей, также потерпела крушение, так как и религиозные энтузиасты и люди более умеренные оказались врагами протектората; правительству осталось опираться лишь на силу ружей и сабель. Это сознавалось и защитниками сложившегося порядка. Защитники Бербонского парламента могли взывать к божьей правде, защитники «Орудия управления» могли ссылаться на мудрую уравновешенность властей. Но на что же могли опираться защитники разгона парламента? Им оставалось опереться лишь на армию, и среди них нашлись такие, которые открыто признавали это.

В одном из появившихся тогда памфлетов развивалась такая теория: Кромуэль есть главнокомандующий республиканского войска, отсюда вытекают все его полномочия, чрезвычайно широкие. Главнокомандующий имеет право забирать на службу всякого человека и назначать ему какое хочет жалованье. Он может облагать податями всех граждан и арестовывать любого человека, которого он считает опасным для армии. Главнокомандующий имеет право устанавливать любую конституцию, необходимую для сохранения военных

сил, и отменять все опасные для них законы. Власть главнокомандующего должна превышать власть короля и парламента. Разве не армия создала республику? Ни «святые» ни народ не сумеют управлять. Вся власть по праву находится в руках армии и генерала. Управление должно находиться в руках «честных» людей, под которыми разумелись офицеры. Правительство не знало, что такое этот памфлет: дерзкая ли насмешка, или же он, на самом деле, написан человеком, искренне сочувствующим новому порядку?

Нужно сказать, что сознание узости своего фундамента живо чувствуется и представителями правительства. Кромуэль думал сохранить конституционную внешность: он даже перестал называть свои указы ордонансами, сократил армию и ее бюджет и обещал взysкивать меньше податей. Не созывал парламента Кромуэль также на конституционном основании, ибо конституция предписывала ему созвать новый парламента лишь через три года. Кромуэль вступил в соглашение с офицерами об уменьшении жалованья на 10% и тешил себя мыслью, что ему удастся избежать ненавистной роли военного узурпатора.

Но мечта о конституционности быстро исчезает. Кромуэль мечтал о реформе права и судопроизводства, но встретил в этой области решительное сопротивление судей, отказавшихся выполнять его ордонансы. А Кромуэль стремится узаконить свое широкое и энергичное законодательство 1654 года, свои 82 ордонанса; стали ходить слухи, что в отсутствие парламента Кромуэлю будут даны законодательные полномочия. Возрождается агитация в армии; сектанты упорно сеют недовольство роспуском Малого парламента. В смуте поднимают голову левеллеры, против которых приходится принимать меры. Одного офицера-левеллера арестовали с проектом прокламации, призывающей к восстанию «против тирана Оливера Кромуэля».

Но особенно опасаются заговоров со стороны роялистов. Двор Карла II считал момент удобным для возобновления борьбы. Правительственные шпионы стали доносить на роялистов, которых массами арестовывают в Лондоне. Но толпа сочувствует им, и арестованные часто убегают из-под ареста. Брожение было во многих местностях, но открыто восстать роялисты решились лишь в Сольсбери. Движение было задавлено в самом начале. С пойманными расправлялись строго, судили их без присяжных. Но шпионы доносят о новых заговорах и готовящихся покушениях. По отношению к роялистским джентльменам правительство приняло особые меры. Оно арестует их по простому подозрению, оправдываясь государственной необходимостью. Была специально организована новая конная полиция, численностью в 6.500 человек. В нее были набраны люди надежные; они были полезны правительству, так

как открыли много заговоров. Но, с другой стороны, эти конные полицейские навлекли на правительство много недовольства. Эту ненавистную населению полицию вздумали содержать за счет ее жертв. Полиция обходилась в 80.000 ф. с., и эта сумма падала на роялистов-джентльменов. В сентябре 1655 года вышел особый приказ, которым роялисты были разделены на три разряда. Первый разряд, это — прямые участники восстаний и заговоров; они карались изгнанием из Англии и конфискацией всего имущества. Второго разряда, это — явные сторонники казненного короля или его сына; им грозило изгнание или тюрьма, но доходы с имений оставались за ними. Третий разряд — люди подозрительные; они наказывались лишением части доходов. Роялистам воспрещалось держать дома оружие. Правительству протектората пришлось идти еще дальше и провозгласить Англию почти на военном положении. Англия делится на 10, а затем на 11 полицейских округов, во главе которых ставят генерал-майоров (это не чин, а должность: из 11 ген.-майоров было пять генералов, пять полковников и один майор боевой армии). Полномочия этих офицеров очень широки и определяются правительственной инструкцией, данной Кромуэлем. Главная обязанность генерал-майоров — это командование конной милицией и полицейские заботы о порядке. В силу этого они обязаны разгонять незаконные сборища, разоружать папистов и роялистов, обезопасить дороги и следить за недовольными. Для предотвращения сборищ запрещаются даже спортивные собрания, как-то: скачки, медвежьи травли и петушиные бои. Новая полицейская власть имеет широкие полномочия по отношению к тем людям, которые не имеют определенных занятий, даже вплоть до высылки их из Англии в колонии. Этого мало. На новую полицейскую власть, как в свое время на жандармов времени Николая I, возлагаются обязанности религиозно-нравственного характера. Полицейская власть должна насаждать благочестие, бороться с божбой, пьянством и развратом. Мировые судьи и местные власти также подлежат надзору полиции. Эти обязанности новая полиция получила вследствие инструкции, данной 22 августа 1655 года. 24 августа на генерал-майоров возложена новая обязанность — наблюдать за клиром и за низложением дурных священников. А в сентябре генерал-майоры получили еще новые полномочия: следить за точным применением законов против роялистов. Таким образом на новую полицию возлагались очень сложные социально-педагогические и религиозно-нравственные задачи. Открывая второй парламент 17 сентября 1656 года, Кромуэль особенно подчеркивает эту социально-педагогическую задачу, которую он называл реформой нравов. От этой реформы зависят свобода и благополучие Англии. Только чистые нравами чего-нибудь

стоят; иначе это не люди, а звери. И Кромвель высоко ставит заслуги генерал-майоров в деле реформы правов. Они в один год сделали больше, чем кто бы то ни было до них за полвека. Кромвель резко возражает на упреки в том, что учреждение генерал-майоров незаконно. «Если бы можно было поступать только по законам, то нации перерезали бы глотку, пока мы писали бы законы». Самосохранение нации выше всего. И действительно, некоторые генерал-майоры стояли на той точке зрения, что их главная обязанность, это — водворение нравственности в народе. Так, один генерал-майор, полковник Баркетэд, приказал убивать у вожаков медведей и свертывать головы бойцовым петухам. Другой генерал-майор Уорсли (Worsley) закрыл кабаки в городе Честере, числом до двухсот. В Мидльсексе генерал-майор Берри велел своим стражникам ловить лошадей, выводимых на пастбище в воскресенье и арестовывать их до понедельника. Говорят, что в Бристоле комиссары штрафовали гуляющих по воскресеньям и запирали по воскресеньям водопровод. Генерал-майоры следят за собраниями и хвастаются, что и три роялиста не могут собраться без того, чтобы об их собрании не было известно подлежащим властям. И это — не простая похвальба, а правда: ведь ни одно покушение на Кромвеля не удалось. Политическая полиция и шпионаж были поставлены превосходно. Широта полномочий нередко завлекала усердных генерал-майоров дальше, чем этого требовала от них инструкция. Так, ланкаширский ген.-майор Уорсли призвал к себе адвокатов-роялистов и запретил им практику. Другие генерал-майоры вмешивались в городскую жизнь. Генерал-майор Уолли смещает городских магистратов. В Кольчестере местный генерал-майор, недовольный порядками городской жизни, сильно прочистил состав избирателей и советовал правительству радикально исправить инкорпорационную хартию города; и правительство вняло его совету и сильно сузило круг избирателей. На пути насаждения «божьего дела» правительство протектората пришло к мелочному вмешательству в жизнь населения, что и вызывало естественный протест. Чрезвычайное положение Англии, в котором она находилась в 1655 и в 1656 годах, было вызвано тревогою за самое существование протектората. Но наряду с установлением господства военной силы это же самое правительство мечтало и о свободе церкви. В 1655 году правительство выпустило прокламацию о религиозной свободе, в которой с гордостью заявляло, что по Англии льется широкий поток евангельской истины; поэтому государственная власть должна воздерживаться от вмешательства в церковную жизнь. Сделана, впрочем, оговорка относительно тех, кто мешает другим (т.-е. квакеры, рантеры). Эти заявления о религиозной свободе повторял и Кромвель в сентябре 1656 года при открытии второго

парламента. Кромуэль мечтал об общей церкви, вмещающей в себя три вероучения: индепендентов, баптистов и пресвитериан. Целый ряд других сект остается все же за пределами этой церкви. Католики и англикане по-прежнему подвергаются преследованиям: против них издаются суровые прокламации. Но религиозная практика протектората была мягче его законодательства. Так, например, по закону, людям, отрицающим троичность бога, полагались суровые кары, но правительство ограничилось ссылкой одного из них. Затем правительство, также вопреки закону, не препятствовало англиканам быть учителями у детей джентльменов. С католиками во время протектората обращались мягче, чем в другое время. Это признавал и французский резидент Бордо. Наиболее поучительный пример веротерпимости, это — отношение к евреям. В октябре 1655 г. в Лондон явился восторженный раввин и врач Манассия Бен-Израель из Амстердама и требовал равноправия для евреев. Советская комиссия, с участием лондонских купцов, отнеслась к евреям не очень благосклонно; но все же два юриста доказали, что в законах нет препятствия евреям ехать в Англию, а Кромуэль неофициально обещал им широкую терпимость. Евреи построили себе в Лондоне синагогу и устроили свое кладбище. Но эти элементы терпимости не столько примиряли общество с правительством, сколько восстанавляли против него, так как большинство народа было настроено нетерпимо. Волна общественного недовольства и финансовая нужда заставили Кромуэля вновь сделать конституционную попытку. В сентябре 1656 года он созвал второй парламент. Выборам предшествовали тревожные сообщения генерал-майоров о неблагонадежности избирателей, о том, что кавалеры вступают в соглашение с пресвитерианами и что все сторонники протектората непопулярны. Эти отзывы оказались преувеличенными, так как сторонники правительства все-таки получили большинство в новом парламенте. Прошло несколько членов Государственного совета, много чиновников и даже оказались избранными все генерал-майоры, кроме одного. Оппозиция всего сильнее была на юге и на востоке, там, где прежде стояли за парламент. Несмотря на благополучный исход выборов, тревожившееся правительство, опираясь на параграф «Орудия управления» о проверке богобоязненности депутатов, исключило из членов парламента около 100 чел. из всего состава в 460 чел. После этой чистки около 50 депутатов добровольно перестали посещать парламент, и таким образом целая треть палаты оказалась за бортом. После этого парламент не выступает с открытой оппозицией, но все же он жив не тем духом, что Кромуэль. Он сурово и нетерпимо настроен в сфере религиозной жизни. Затем, даже очищенный парламент обрушился на любимое детище Кромуэля — на генерал-майоров. Произошли резкие

прения при обсуждении отпуска денег на их содержание, и в конце 1656 года ненавистный населению институт генерал-майоров пал. Обнаружились разногласия между офицерами, приверженцами республиканских традиций, и парламентом, большинство которого стремилось к старым до-республиканским порядкам и проектировало восстановление монархии в виде династии Кромуэля. В феврале 1657 года неожиданно для меньшинства бывший лорд мэр Лондона Пак внес в парламент проект восстановления монархии. Этот проект вызвал протест меньшинства. К Кромуэлю явилось около ста офицеров с просьбой не принимать корону. Но у самого Кромуэля падает вера в республику. Он встречает офицеров грозною речью, напоминает им о том, что офицеры всегда им помыкали; по их настоянию он разогнал Долгий парламент и созвал Малый парламент, офицеры навязали ему «орудие управления» и этот новый парламент, заставили его выгнать неудобных им членов и принять на себя всю одиозность этого действия. Не должно быть места для произвольных выступлений. Необходимо установить прочное равновесие. Вопрос о монархии в парламенте решили отложить, а на первую очередь был поставлен вопрос о верхней палате. Единогласно было решено восстановить верхнюю палату. Сумму постоянного дохода довели до 1.300.000 фунтов стерлингов, но формы обложения должны устанавливаться парламентом. Характерно, что Государственный совет опять получил свое старое монархическое название: «Тайный совет».

Возвращение к старине видно и в религиозной области. Границы терпимости суживаются. Парламенту предлагается выработать «исповедание веры», осуждение которого подлежит каре. Право на жалованье имеют только священники, принимающие «исповедание веры». Папизм, англиканство и ереси, не признающие троицы и боговдохновенности св. писания, не допускаются вовсе. Мужья католичек, осквернители праздников, пьяницы лишаются избирательных прав. В заключение большинство в 123 коммонера решило просить Кромуэля принять корону, чем вызвало сильную оппозицию республиканцев и офицеров. Этот новый проект получил название «Петиции и Совета» (Petition and Advice).

Некоторые офицеры никак не могли примириться с таким положением вещей. Один ветеран армии капитан Брэдфорд прислал Кромуэлю трогательное письмо. В нем он стыдит своего старого боевого товарища, напоминает ему о том, как он, капитан Брэдфорд, воевал вместе с Кромуэлем все время от Эджилля до Денбара, как он любит Кромуэля и как жалеет его теперь, когда он стал на ложный путь. Брэдфорд напоминает Кромуэлю о бренности всего земного и о необходимости дать ответ на страшном суде.

Но не все обращались к Кромуэлю с такими мирными заявлениями. В мае 1657 года появился памфлет «Killing no murder» («Не всякое убийство есть злодеяние»), страстная защита тираноубийц. Он написан левеллером Секеби (прежде он был агитатором); ему помогал один офицер-роялист. Автор как будто исходит из республиканских основ и негодует на выродившуюся армию: «Что такое эта столица Сити, как не скотина, которая жрет и покорно несет все тяжести, которые только на нее кладут? Что такое парламент, как не насмешка над свободой? За какое дело не готова сражаться армия, эти янычары-рабы и порабитители? Что такое весь английский народ, как не скопище мошенников, дураков и трусов, погрязших в распущенности, пороке и рабстве?». На других страницах автор злобно насмехается над Кромуэлем, он радуется, что «его высочество» скоро освободит народ, ибо он умрет за народ и, умирая, будет сознавать, каким благодеянием явится для нации его смерть. Сейчас Кромуэль для Англии как бы отец, владеющий всем достоянием, которое после его смерти должно перейти к сыновьям, т.-е. к народу. Главная цель, которую приписывает себе памфлет — ускорить смерть Кромуэля, которой пламенно желают его благодарные подданные. Но автор вскоре не выдерживает тона прони и переходит к злым и открытым угрозам по отношению к Кромуэлю: ни в постели ни за столом не будет он в безопасности; смерть и разрушение — его спутники и союзники, которые, однако, скоро восстанут против него самого.

Парламент надеялся, что Кромуэль примет корону. Он утвердил многие из его ордонансов, изданных в беспарламентское время, и увеличил средства, идущие в непосредственное распоряжение лорда-протектора, до двух миллионов фунтов стерлингов. Таким образом все подготовлялось к восстановлению монархии.

Тем не менее движение против монархии было очень сильно. В мае 1657 года в парламент была подана петиция против монархии, подписанная 30 офицерами, большею частью высших чинов. В многочисленных совещаниях с парламентской комиссией Кромуэль держался нерешительно: то отказывался от короны, то проеил подождать. Но после офицерской петиции он твердо заявил комиссии, что не примет короны. Пришлось отказаться от мысли заменить лорда-протектора монархом. Зато ему дано право при жизни назначить себе преемника. Кромуэль утвердил проект новой конституции, которая в этот раз опиралась на народное представительство.

Но новый порядок оказался шатким. Когда после вакации в 1658 году Кромуэль созвал парламент на вторую сессию, выяснилось, что сформировать верхнюю палату — дело очень трудное. Кромуэль послал пригласительные повестки 63 лицам. Из 9 перов

7 не приняли приглашения, видя в нем чуть ли не личное оскорбление. Приняли приглашение лишь двое — зять Кромуэля и один бедный, захудалый пер (Юр). Всего же из 69 приглашенных согласились стать членами верхней палаты 42 человека. Дело осложнилось еще тем, что, получив, согласно новой конституции, право на проверку выборов, парламент использовал это право и вернул около сотни человек, исключенных Кромуэлем. Кроме того, правительственная партия в парламенте ослабела, ибо видные ее члены были переведены в верхнюю палату.

Открывая заседание парламента, Кромуэль обратился к нему со словами: «Милорды и джентльмены палаты общины» — так, как раньше обращались короли. Но депутаты не желают признавать лордов; верхнюю палату коммонеры называют лишь другой палатой (other house). Когда парламентский пристав доложил, что пришли лорды, то поднялся целый скандал. Характерную речь произнес Ашли Купер (будущий Шефтсбери): «Здесь вопрос, — говорил он, — не только о словах и именах; но ведь важны и имена, что могут подтвердить юристы; ведь имя «король» влечет за собою всю его прерогативу. Если допустить имя лордов, то будет и палата лордов. Слова, это — ключи к сущности вещей». Другой оратор говорил: «Какие это лорды, это просто часть общины, пересаженная в другое место. Они не могут равняться со старыми перами, так как не владеют и одной сорокатысячной частью английской территории; они не могут считаться противовесом (balance), как прежние лорды». Майор Бек возражает: «Здесь есть меч, разве это не хороший противовес? У кого есть полк пехоты, тот может лучше служить противовесом, чем кто бы то ни был».

Снова оказывается, что после всех конституционных усилий новый государственный порядок есть установление не права, а силы.

Кромуэль пытается уладить дело. 25 января 1658 года он зовет к себе палаты и внушает им, что в случае новой гражданской войны стране грозит гибель. Но его призывы тщетны; в Лондоне готовятся республиканские петиции, ходят слухи о десанте роялистов.

В тот самый день, когда, как говорили, в парламент должна была поступить республиканская петиция, Кромуэль гневно распустил парламент. Это случилось 4 февраля 1658 года.

В речи, обращенной к закрываемому парламенту, Кромуэль выражал сожаление, что двух недель было достаточно для того, чтобы коммонеры, стремясь переиначить конституцию, успели посеять смуту по всей стране. Кромуэль обвинял коммонеров в сеянии разлада в момент тяжелых осложнений. «Настало время, — закончил он свою речь, — распустить парламент. Пусть справедли-

вый бог будет судия между нами». Говорят, что в ответ на эту речь Кромвэля со стороны коммонеров слышались крики «Аминь!»

Это был последний парламент лорда-протектора Кромвэля. 3 сентября 1658 года, в день годовщины своих славных побед при Денбаре и Вустере, Оливер Кромвэль умер.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

Оглавление.

ЧАСТЬ I.

СТР.

От Научно-исследовательского Института Истории. Предисловие редактора. . . ш—iv

I. Обзор литературы 1

Английская революция в исторической литературе. Кларендон. Мей. Гаррингтон. Юм. Галлам. Маколей. Гизо. Гвейст. Ранке. Годуин. Карляйль. Маркс. Энгельс. Бернштейн. Гардинер. Недостаточная разработанность социальной истории Англии XVII века.

II. Политические воззрения английского общества в начале XVII века . . . 44

Яков I и его политические взгляды. Вопрос о королевской прерогативе. Королевские притязания и церковь. Бекон. Пример континентального абсолютизма. Противники абсолютизма. Бьюканан. Лейтон. Гукер. Антикварная оппозиция. Элиот. Лояльность парламентской оппозиции.

III. Религиозная жизнь английского общества в начале XVII века . . . 61

Абсолютизм и англиканская церковь. Пуританство. Арминнианство. Англо-католицизм. Церковно-полицейский режим. Высокая комиссия. Отношение населения к господствующей церкви. Церковь и парламент. Пресвитериане. Сепаратисты. Религиозные гонения. Эмиграция. Континентальные корни сепаратистских учений. Сектанты и колонизация Америки.

IV. Английское общество и хозяйство в начале XVII века 87

Дворянство. Перы. Деревенские джентльмены. Участие джентльменов в торговле и промышленности. Биография Джона Элиота. Крестьянство. Разложение общины. Помены. Морская торговля. Торговые компании. Преобладание Лондона. Правительственная опека. Социальная политика. Широта задач Стюартовского государства.

V. Английское государство в начале XVII века 116

Административный механизм. Центральные учреждения. Хаос. Взяточничество. Государственное хозяйство. Нало-

говая политика. Военное дело. Флот. Юстиция. Судейская оппозиция.

- VI. Парламентская борьба в 1604—1629 г.г. и обострение политического кризиса в годы бездумья (1629—1640) 137

Социальный состав парламента. Депутаты и избиратели. Парламент и правительство. Первый парламент Якова. Сессия 1604 г. Пороховой заговор. Спор о податной прерогативе. Второй парламент Якова (1614). Третий парламент Якова (1621). Первый парламент Карла (1625). Второй парламент Карла (1626). Правительственная политика после роспуска второго парламента. Третий парламент Карла (1628—29). Петиция о праве. Сессия 1629 г. Одиннадцатилетнее бездумье и рост абсолютизма.

- VII. Шотландия и Ирландия перед революцией 168

Общественный строй Шотландии. Шотландия и Англия. Церковный строй. Государственное устройство. Шотландская политика Якова и Карла. Начало Шотландской революции. Ковенант. Кампания 1639 г. Беруикский договор. Кампания 1640 г. Военное банкротство абсолютизма. Короткий парламент. Созыв Долгого парламента. Государственное устройство Ирландии. Англичане в Ирландии. Ирландия при Тюдорах. Ирландия и реформация. Социально-экономический быт Ирландии. Англификация. Платации. Шотландская колонизация. Проверка земельных титулов. Сближение короны с Ирландией.

- VIII. Конституционная борьба Долгого парламента со сторонниками старого порядка 198

Состав парламента. Участие различных общественных групп в революции. Джентльмены. Горожане. Столичная демократия. Отсутствие широких программ. Лойяльность. Страх иностранного вмешательства. Ирландская опасность. Великая ремонстрация. Борьба за власть. Процесс Страффорда. Перемена в судебном-административном строе. Верховенство парламента. Религиозная борьба 249

- IX. Гражданская война. Подготовка республики. Результаты революции.

Вооруженные силы короля и парламента. Новая Модель. Центральное и местное управление. Лига и Ковенант. Введение пресвитерианства. Левые религиозные течения. Политический радикализм. Левеллеры. Протекторат. Реставрация. Плоды революции в политике, религии и философии.

ЧАСТЬ II.

	СТР.
I. История семьи Верни	267
Происхождение семьи. Семья Верни во время гражданской войны. Раскол. Отношение между джентльменами-роялистами и джентльменами-сторонниками парламента. Развитие революции обгоняет прогрессивных джентльменов. Бедствия джентльменского класса и его стойкость.	
II. Роялисты во время гражданской войны	276
Области, занятые роялистами в 1643 г. Характеристика кавалера. Королевский двор в Оксфорде. Королевское правительство. Оксфордский парламент. Финансы короля. Интриги. Отсутствие национального чувства. Раздробленность военных действий. Плохая дисциплина. Милиция. Безденежье. Грабежи.	
III. Парламентская армия и местное управление в 1642—1646 г.	284
Формирование армии. Роль джентльменов. Комитеты графств и ассоциации. Кромуэль. Недостатки парламентской армии. Кромуэль и индепендентство. Борьба с умеренными в армии и парламенте. Новая Модель. Ее организация и настроение.	
IV. Парламентское правительство	297
Лойальность парламента. Парламентские комитеты. Палата лордов. Обновление нижней палаты. Иностраные сношения. Финансы. Суд.	
V. Церковная жизнь во время гражданской войны	301
Лига и Ковенант. Преследование англиканской церкви. Церковная реформа. Уестминстерское собрание. Притязания пресвитерианской церкви и эрастиане. Индепенденты. Бениан. Фокс. Сомон. Пророки. Конгрегационалисты. Баптисты. Seekers. Ranters. Антиномяне.	
VI. Политическая литература и народные волнения	314
Мильтон. Вопрос о свободной печати. Журналистика. Паркер. Принн. Резерфорд. Сельден. Мильберн. Петиции и манифестации. Женщины во время гражданской войны. Крестьяне.	
VII. Смута в период между 1 и 2 гражданской войной	323
Поопытки парламента распустить армию. Гранды и левеллеры. Армейская организация. Отказ армии разойтись.	

Захват короля. Разрыв с парламентом. Декларация армии. Армия и общественное мнение. Деморализация парламента. Оккупация Лондона

- VIII. Политическая борьба в армии 333
- «Основные предложения». «Народное соглашение». Прения в армейском совете в Петни. Примирительная комиссия. Повышение радикальных настроений. Прения 1 ноября 1647 г. Победа левеллеров в согласительной комиссии. Победа графов в армейском совете. Бегство короля. Бушт 15 ноября. Конец армейского совета. Разрыв армии с королем.
- IX. Вторая гражданская война и конец монархии 344
- Роялистские беспорядки. Кентское восстание. Восстание флота. Война с Шотландией. Поведение парламента. Переговоры с королем. Подъем радикальных настроений. Ремонстрация армии. «Народное соглашение» 2 и 3 редакции. Чистка Прайда. Казнь короля и произведенное ею впечатление.
- X. Общественное настроение эпохи Республики 358
- Семья Верни во время Республики. Роялистская оппозиция. Новый государственный строй. Оппозиция слева. Левеллеры. Джон Лильберн. Коммунистические течения. Уинстанли.
- XI. Ирландские и шотландские дела 372
- Ирландский вопрос перед Английской революцией. Восстание 1641 г. Католическая ассоциация. Ирландское восстание в исторической литературе. Ирландское восстание и роялисты. Подавление восстания. Тори. Обезземеление ирландцев и английская колонизация. Роялистское движение в Шотландии. Война. Присоединение Шотландии и англо-шотландские отношения.
- XII. Международные отношения и борьба на море 388
- Борьба с роялистским флотом. Роялизм в американских колониях. Навигационные акты и борьба с Голландией.
- XIII. Церковный вопрос и религиозные движения 396
- Пресвитерианская церковь и диссентеры. Квакеры. Фокс. Пейлор. Пропаганда. Церковная организация. Вопрос о социальной и политической роли квакеров.

	СТР.
XIV. Политическая борьба среди республиканцев и разгон Долгого парламента. Малый парламент	404
Люди V монархии. Вопрос о роспуске Долгого парламента. Недоверие к обществу. Вопрос о новом государственном порядке. Разгон Долгого парламента. Малый парламент и его состав. Реформы Малого парламента. Умеренные и крайние. Разгон.	
XV. Протекторат	411
«Орудие Управления». Первый парламент Кромвеля. Его разгон. Конституционные иллюзии. Полицейский режим. Борьба с левыми и роялистами. Генерал-майоры. Второй парламент Кромвеля. Религиозная терпимость. Вопрос о восстановлении монархии. «Петиция и Совет». Вторая палата и ее столкновение с общинами. Разгон второго парламента и смерть Кромвеля.	

Рекомендуемые пособия:

- Монтэгу.* История английской революции.
- Грин.* История английского народа, том III.
- Штерн.* История революции в Англии.
- Гардинер.* Пуритане и Стюарты.
- М. Ковалевский.* От народоправства к представительству. Том II.
- Бернштейн.* Общественное движение в Англии XVII века и секта квакеров.
- Гизо.* История революции в Англии.
- Маколей.* История Англии от восшествия на престол Якова II.
- Карлейль.* О героях, героическом и культе героев в истории.
- Морлей.* Оливер Кромвель.
- Ranke.* Englische Geschichte vornehmlich im XVII Jahrhundert.
- G. M. Trevelyan.* England under the Stuarts.
- R. Gardiner.* History of England in 1603—1642.
- » History of the great civil war.
- » History of the Commonwealth and Protectorate.
- Carlyle.* Oliver Cromwell's letters and Speeches.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugai.s.ru/>

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО
<http://book.ugai.su/>